

Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания.
Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой / Сост., ст.
и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. М.: Искусство,
1961. 720 с.

От составителей.....	3	
		Читать

ПЕРЕПИСКА, ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ, ДОКУМЕНТЫ

1894 – 1905

1. [Семья].....	9	
		Читать
2. [К. С. Станиславский].....	18	
		Читать
3. М. Ф. Андреева — В. В. Бахрушиной. 17 февраля 1897, Москва.....	37	
		Читать
4. М. Ф. Андреева — В. В. Бахрушиной. 27 марта 1897, Москва	38	
		Читать
5. М. Ф. Андреева — Г. Н. Федотовой. 24 октября 1897, Москва	38	
		Читать
6. М. Ф. Андреева — В. С. Миролубову. 1898 – 1899, Москва.....	39	
		Читать
7. Поездка в Крым.....	40	
		Читать
8. [Знакомство с Горьким].....	43	
		Читать
9. Из писем М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит 22 февраля 1900, Москва.....	49	Читать
6 марта 1900, Москва.....	49	Читать
10. М. Ф. Андреева — С. А. Толстой. Март 1900, Москва.....	50	
		Читать
11. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 21 сентября 1900, Москва.....	50	
		Читать
12. М. Ф. Андреева — А. П. Чехову. 17 января 1901, Москва.....	52	
		Читать
13. А. П. Чехов — М. Ф. Андреевой. 26 января 1901, Ницца.....	53	
		Читать
14. М. Ф. Андреева — С. А. Толстой. 1 марта 1901, Петербург.....	54	
		Читать
15. Из писем М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит 2 октября 1901, Москва.....	55	Читать
14 октября 1901, Москва.....	56	Читать
16. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. Февраль 1902, Москва.....	56	
		Читать

17. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 12 апреля 1902, Москва.....	57
	Читать
18. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 24 октября 1903.....	59
	Читать
19. Н. А. Касаткин — М. Ф. Андреевой. 13 ноября 1903, Москва	60
	Читать
20. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 19 февраля 1904, Москва.....	60
	Читать
21. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. Февраль (до 26-го) 1904, Москва.....	61
	Читать
22. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 26 февраля 1904, Москва.....	62
	Читать
23. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 19 марта 1904, Москва.....	64
	Читать
24. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 20 марта 1904, Москва.....	65
	Читать
25. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 10 мая 1904, Москва.....	65
	Читать
26. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 11 августа 1904, Старая Русса.....	66
	Читать
27. В. И. Качалов — М. Ф. Андреевой. Август 1904, Москва.....	67
	Читать
28. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 18 сентября 1904, Рига	68
	Читать
29. Из письма М. Ф. Андреевой К. П. Пятницкому. 4 декабря 1904, Рига.....	70
	Читать
30. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 10 января 1905, Петербург.....	70
	Читать
30-а. Из письма Л. Н. Андреева М. Ф. Андреевой. 12 – 13 января 1905, Москва.....	71
	Читать
31. [Арест Горького].....	71
	Читать
32. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 2 февраля 1905, Петропавловская крепость.....	72
	Читать
33. Из письма М. Ф. Андреевой К. П. Пятницкому. 13 февраля 1905, Петербург.....	73
	Читать
34. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. Февраль (после 14-го)	

1905, Майоренгоф.....	74
	Читать
35. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 25 февраля 1905, Бильдерлингсгоф.....	74
	Читать
36. Из письма М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит. 14 апреля 1905, Ялта.....	76
	Читать
37. Из письма М. Ф. Андреевой К. П. Пятницкому. 19 апреля 1905, Ялта.....	77
	Читать
38. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 19 мая 1905, Москва.....	78
	Читать
39. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 29 мая 1905, Куоккала.....	80
	Читать
40. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. Май 1905, Куоккала..	82
	Читать
41. М. Ф. Андреева — В. В. Стасову. 5 июня 1905.....	83
	Читать
42. Документ Петербургского Охранного отделения о концерте в Териоках.....	83
	Читать
43. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 28 августа 1905, Москва.....	87
	Читать
44. М. Ф. Андреева — В. Э. Мейерхольду. 14 сентября 1905, Москва.....	89
	Читать
45. М. Ф. Андреева — Ф. И. Шаляпину. 26 сентября 1905, Москва.....	90
	Читать
46. Л. Б. Красин — М. Ф. Андреевой. Телеграмма. 12 октября 1905.....	90
	Читать
47. Надпись на венке Н. Э. Бауману.....	92
	Читать
48. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 9 декабря 1905, Москва	92
	Читать

1906 – 1912

1. Встречи с Лениным.....	93
	Читать
2. [Из документа департамента полиции о литературно- музыкальном вечере в Гельсингфорсе].....	100
	Читать
3. В. Ф. Комиссаржевская — М. Ф. Андреевой. 1905 – 1906, Петербург.....	101
	Читать
4. Из письма М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит. Январь 1906,	

<i>Иматра</i>	102
	Читать
5. М. Ф. Андреева — В. В. Вересаеву. 23 января [5 февраля] 1906, Гельсингфорс.....	102
	Читать
6. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. Январь (до 29-го) 1906	103
	Читать
7. Из письма М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит. 31 января 1906.....	103
	Читать
8. М. Ф. Андреева — К. П. Пятницкому. 3 марта 1906, Берлин	105
	Читать
9. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину. Март 1906.....	106
	Читать
10. [Из речи М. Ф. Андреевой в Нью-Йорке]. 4 мая 1906.....	106
	Читать
11. Из письма Л. Б. Красина А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой. Май 1906.....	106
	Читать
12. М. Ф. Андреева — П. Н. Малянтовичу. 5 июля 1906, Адирондак.....	108
	Читать
13. Из письма М. Ф. Андреевой к Е. Ф. Крит. Конец июня – июль 1906, Адирондак.....	109
	Читать
14. Из письма М. Ф. Андреевой К. П. Пятницкому. 28 августа 1906, Адирондак.....	111
	Читать
15. М. Ф. Андреева — Морису Хилквиту. Лето 1906.....	112
	Читать
16. М. Ф. Андреева — Е. Ф. Крит. Сентябрь 1906, Адирондак.	113
	Читать
17. Из письма М. Ф. Андреевой Морису Хилквиту. 14 ноября 1906, Капри.....	116
	Читать
18. М. Ф. Андреева — А. В. Амфитеатрову. Ноябрь (до 22-го) 1906, Капри.....	117
	Читать
19. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 4 февраля 1907, Неаполь.....	119
	Читать
20. М. Ф. Андреева — А. В. Луначарскому. 29 июня 1907, Капри	123
	Читать
21. Эптон Синклер — М. Ф. Андреевой. 24 ноября 1907.....	124
	Читать
22. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину. Ноябрь 1907, Флоренция	124
	Читать
23. М. Ф. Андреева — Джованни Чена. 14 ноября 1907, Флоренция.....	125
	Читать

24. Луиза Каутская — М. Ф. Андреевой. 14 ноября 1907.....	126
	Читать
25. М. Ф. Андреева — А. А. Луначарской. 4 января 1908.....	127
	Читать
26. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину. 5 января 1908, Капри....	128
	Читать
27. В. И. Ленин — А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой. 15 января 1908, Женева.....	129
	Читать
28. Из письма М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину. Февраль – март 1908, Капри.....	130
	Читать
29. В. И. Ленин — М. Ф. Андреевой. Конец апреля 1908, Женева	132
	Читать
30. М. Ф. Андреева — Сибилле Алерамо. 10 июля 1908, Капри	132
	Читать
31. Из письма Л. Б. Красина А. М. Горькому и М. Ф. Андреевой. Октябрь (до 24-го) 1908, Женева.....	133
	Читать
32. Роберто Бракко — М. Ф. Андреевой. 30 октября 1908, Капри	134
	Читать
33. И. Я. Гинцбург — М. Ф. Андреевой. 5 июля 1909.....	135
	Читать
34. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. Ноябрь 1909, Капри	137
	Читать
35. Из письма М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину. Ноябрь 1909, Капри.....	137
	Читать
36. А. М. Горький и М. Ф. Андреева — Джованни Чена и Сибилле Алерамо. 11 февраля 1910.....	139
	Читать
37. М. Ф. Андреева — О. И. Дымову. 24 июля 1910, Капри.....	140
	Читать
38. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 28 июля 1910, Капри.....	141
	Читать
39. В. И. Ленин — М. Ф. Андреевой. 14 августа 1910, Париж	142
	Читать
40. М. Ф. Андреева — М. П. Лилиной. Телеграмма. 20 августа 1910, Капри.....	144
	Читать
41. М. Ф. Андреева — Е. П. Муратовой. 11 сентября 1910, Капри	144
	Читать
42. М. Ф. Андреева — О. И. Дымову. 18 сентября 1910, Капри	146
	Читать
43. А. Н. Тихонов — М. Ф. Андреевой. 25 сентября 1910.....	147

-[Читать](#)
44. М. Ф. Андреева — А. В. Амфитеатрову. 2 октября 1910,
Капри.....148
.....[Читать](#)
45. М. Ф. Андреева — О. И. Дымову. 4 октября 1910, Капри...150
.....[Читать](#)
46. И. А. Бунин — М. Ф. Андреевой. 18 октября 1910, Москва
.....151
.....[Читать](#)
47. М. Ф. Андреева — Л. А. Сулержицкому. Сентябрь –
октябрь 1910, Капри.....152
.....[Читать](#)
48. М. Ф. Андреева — М. М. Коцюбинскому. 17 декабря 1910,
Капри.....152
.....[Читать](#)
49. М. М. Коцюбинский — М. Ф. Андреевой. 19 декабря 1910 153
.....[Читать](#)
50. Роберто Бракко — М. Ф. Андреевой. Декабрь 1910 –
февраль 1911, Милан.....154
.....[Читать](#)
51. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 7 февраля 1911..155
.....[Читать](#)
52. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. Февраль 1911,
Капри.....156
.....[Читать](#)
53. Из письма М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину. 8 марта 1911,
Капри.....157
.....[Читать](#)
54. М. Ф. Андреева — М. М. Коцюбинскому. 12 марта 1911,
Капри.....158
.....[Читать](#)
55. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 2 апреля 1911,
Москва.....159
.....[Читать](#)
56. Отрывок из воспоминаний.....160
.....[Читать](#)
57. М. Ф. Андреева — Е. И. Вашкову. 29 июля 1911.....165
.....[Читать](#)
58. И. А. Бунин — М. Ф. Андреевой и А. М. Горькому.
12 августа 1911, Одесса.....166
.....[Читать](#)
59. М. Ф. Андреева — Е. И. Вашкову. 17 августа 1911, Капри. 166
.....[Читать](#)
60. М. Ф. Андреева — Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву.
Сентябрь (после 24-го) 1911, Капри.....167
.....[Читать](#)
61. М. Ф. Андреева — Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву.
18 октября 1911, Капри.....170
.....[Читать](#)
62. М. Ф. Андреева — В. С. Миролубову. 29 октября 1911,
Капри.....172
.....[Читать](#)

63. М. Ф. Андреева — Е. И. Вашкову. 29 ноября 1911, Капри...	173	Читать
64. М. Ф. Андреева — О. П. Руновой. 29 ноября 1911, Капри...	174	Читать
65. Из письма М. Ф. Андреевой Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву. Ноябрь (после 13-го) 1911, Капри.....	175	Читать
66. Из письма М. Ф. Андреевой Н. А. Румянцеву. Декабрь 1911, Капри.....	177	Читать
67. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 22 января 1912, Капри.....	178	Читать
68. М. Ф. Андреева — И. М. Москвину. 22 января 1912, Капри.....	178	Читать
69. М. Ф. Андреева — Т. В. Красковской. Конец, января 1912, Капри.....	178	Читать
70. М. Ф. Андреева — А. И. Куприну. 2 июня 1912, Капри.....	180	Читать
71. М. Ф. Андреева — Петко Тодорову. Июль (до 10-го) 1912, Капри.....	181	Читать
72. Петко Тодоров — М. Ф. Андреевой. 26 сентября 1913.....	181	Читать
73. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 30 сентября 1912, Капри.....	182	Читать
74. М. Ф. Андреева — Сибилле Алерамо. 7 октября 1912, Капри	185	Читать
75. Сибилла Алерамо — М. Ф. Андреевой. 30 октября 1913....	185	Читать
76. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину Октябрь (до 24-го) 1912, Капри.....	186	Читать
24 октября 1912, Капри.....	186	Читать
Ноябрь (до 8-го) 1912.....	187	Читать
77. М. Ф. Андреева — Б. Н. Рубинштейну. 22 ноября 1912.....	187	Читать

1913 – 1917

Письма и документы о легализации М. Ф. Андреевой

1. Из письма В. И. Ленина А. М. Горькому. Начало января 1913, Краков.....	188	Читать
2. Из письма А. М. Горького Т. В. Красковской и Н. А. Румянцеву. 27 декабря 1912 (9 января 1913), Капри.....	188	Читать
3. Из письма Т. В. Красковской М. Ф. Андреевой. Конец декабря 1912, Москва.....	189	Читать
4. [Из агентурных записок охранного отделения по г. Москве].		

10 января 1913.....	189
	Читать
5. Из письма А. М. Горького И. П. Ладыжникову. 17 февраля 1913, Капри.....	191
	Читать
6. Из письма А. Н. Тихонова А. М. Горькому. 15 марта 1913, Петербург.....	191
	Читать
7. Н. А. Румянцев — В. Ф. Джунковскому. 9 апреля 1913.....	191
	Читать
8. [Справка департамента полиции о М. Ф. Андреевой].....	193
	Читать
9. [Сообщение о приезде М. Ф. Андреевой в Петербург].....	194
	Читать
10. Из письма А. М. Горького А. Н. Тихонову. 11 мая 1913, Капри	194
	Читать
11. [Из докладной записки исполняющего обязанности вице- директора Департамента полиции товарищу министра внутренних дел].....	195
	Читать
12. [Телеграмма Петербургского губернского Жандармского управления].....	195
	Читать
13. А. М. Горький — Н. А. Румянцеву. 24 мая 1913, Капри.....	197
	Читать
14. [Из докладной записки исполняющего обязанности вице- директора Департамента полиции товарищу министра внутренних дел].....	197
	Читать
15. [Сообщение о гастролях артистов МХТ с участием М. Ф. Андреевой].....	197
	Читать
16. Из письма И. П. Ладыжникова М. Ф. Андреевой. 3 июня 1913, Капри.....	198
	Читать
17. Из письма А. М. Горького А. Н. Тихонову. 9 июня 1913, Капри	198
	Читать
18. [К допросу М. Ф. Андреевой].....	199
	Читать
19. Из письма А. М. Горького И. П. Ладыжникову. 15 июня 1913, Капри.....	199
	Читать
20. А. М. Горький — И. П. Ладыжникову. 16 июня 1913, Капри	200
	Читать
21. Из письма А. М. Горького Н. А. Румянцеву. 16 июня 1913, Капри.....	200
	Читать
22. Из письма А. М. Горького И. П. Ладыжникову. 18 – 19 июня 1913, Капри.....	200

	Читать
23. Из письма И. П. Ладыжникова А. М. Горькому. 19 июня 1913	201
	Читать
24. Из письма А. М. Горького Н. А. Румянцеву. 25 июня 1913, <i>Капри</i>	201
	Читать
25. [Извещение Департамента полиции о прекращении судебного дела М. Ф. Андреевой].....	203
	Читать
Переписка, воспоминания М. Ф. Андреевой	
26. К. С. Станиславский — М. Ф. Андреевой. 9 апреля 1913, <i>Москва</i>	203
	Читать
27. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 9 апреля 1913, <i>Мустамяки</i>	205
	Читать
28. В. И. Коцюбинская — М. Ф. Андреевой. 27 апреля 1913, <i>Чернигов</i>	206
	Читать
29. Петко Тодоров — М. Ф. Андреевой. 5 мая 1913.....	207
	Читать
30. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 28 августа 1913, <i>Мустамяки</i>	208
	Читать
31. [Интервью корреспонденту газеты «Театр»].....	212
	Читать
32. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 28 сентября 1913, <i>Москва</i>	214
	Читать
33. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 29 и 30 сентября 1913, <i>Москва</i>	216
	Читать
34. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. <i>Конец сентября – начало октября 1913, Москва</i>	219
	Читать
35. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. <i>Телеграмма. 14 октября 1913, Москва</i>	220
	Читать
36. М. Ф. Андреева — Вл. И. Немировичу-Данченко. <i>Телеграмма. 14 октября 1913, Москва</i>	220
	Читать
37. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину. 19 октября 1913, <i>Москва</i>	221
	Читать
38. В. Д. Бонч-Бруевич — М. Ф. Андреевой. 27 ноября 1913....	222
	Читать
39. М. Ф. Андреева — В. Д. Бонч-Бруевичу. 28 ноября 1913, <i>Москва</i>	222
	Читать
40. М. Ф. Андреева — Н. Е. Буренину. <i>Конец ноября – начало декабря 1913, Москва</i>	223

	Читать	
41. Н. Н. Синельников — М. Ф. Андреевой. 3 декабря 1913.....	224	
	Читать	
42. М. Ф. Андреева — Н. Н. Синельникову. Декабрь 1913, Москва.....	225	
	Читать	
43. Из письма М. Ф. Андреевой И. П. Ладыжникову. 4 декабря 1913, Москва.....	226	
	Читать	
44. М. Ф. Андреева — Н. Н. Синельникову. Телеграмма. 3 января 1914, Москва.....	228	
	Читать	
45. Н. Ф. и А. В. Монаховы — М. Ф. Андреевой. 3 апреля 1914, Москва.....	228	
	Читать	
46. А. М. Горький и М. Ф. Андреева — Художественному театру. Телеграмма. 17 мая 1914, Мустамяки.....	230	
	Читать	
47. Н. Н. Синельников — М. Ф. Андреевой. 8 июля 1914, Харьков.....	230	
	Читать	
48. В. Л. Мчедлов — М. Ф. Андреевой. Август (между 12-м и 20-м) 1914, Москва.....	231	
	Читать	
49. В. Л. Мчедлов — М. Ф. Андреевой. Октябрь (до 27-го) 1914, Москва.....	233	
	Читать	
50. М. Л. Роксанова — М. Ф. Андреевой. Октябрь 1914, Одесса.....	235	
	Читать	
51. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 25 ноября 1914, Киев...236		
	Читать	
52. В. Л. Мчедлов — М. Ф. Андреевой. 3 декабря 1914.....236		
	Читать	
53. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 17 сентября 1915, Москва.....237		
	Читать	
54. Из писем М. Ф. Андреевой А. М. Горькому Октябрь (до 28-го) 1915, Москва.....240		Читать
28 октября 1915.....241		Читать
29 октября 1915.....242		Читать
3 – 7 ноября 1915.....243		Читать
55. М. Ф. Андреева — Вл. И. Немировичу-Данченко. 19 ноября 1915, Москва.....245		
	Читать	
56. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 19 ноября 1915, Москва.....245		
	Читать	
57. Из письма А. М. Горького М. Ф. Андреевой. Февраль (до 22-го) 1916, Петроград.....246		
	Читать	
58. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 24 марта 1916,		

Петроград.....	246	Читать
59. М. Ф. Андреева — И. П. Ладыжникову. 30 июня 1916, Старая Русса.....	248	Читать
60. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. Апрель 1917, Петроград	250	Читать
61. М. Ф. Андреева — К. С. Станиславскому. 18 сентября 1917, Петроград.....	251	Читать
62. Л. М. Рейснер — М. Ф. Андреевой. Сентябрь – октябрь 1917, Ревель.....	252	Читать
63. Из воспоминаний.....	253	Читать

1918 – 1944

1. А. М. Горький и М. Ф. Андреева — В. И. Ленину. Телеграмма. 31 августа 1918, Петроград.....	257	Читать
2. М. Ф. Андреева — А. И. Южину. 18 сентября 1918, Петроград.....	257	Читать
3. [Из речи о первой годовщине Октябрьской революции] Корреспондентская запись.....	258	Читать
4. М. Ф. Андреева — Наркому просвещения А. В. Луначарскому. 7 декабря 1918, Петроград.....	258	Читать
5. М. Ф. Андреева — А. А. Копяткевичу. 20 декабря 1918, Петроград.....	260	Читать
6. М. Ф. Андреева — А. И. Южину. 24 марта 1919, Петроград	260	Читать
7. А. А. Блок — М. Ф. Андреевой. 27 апреля 1919, Петроград	261	Читать
8. М. Ф. Андреева — А. А. Блоку. 27 апреля 1919.....	264	Читать
9. Большой Драматический театр К истории возникновения Интервью для печати в записи Н. Мишеева.....	265	Читать
10. В. И. Ленин — М. Ф. Андреевой. 18 сентября 1919, Москва	266	Читать
11. В Комитет обороны Петроградского укрепленного района. 23 октября 1919, Петроград.....	266	Читать
12. Революция и театр.....	267	Читать
13. [Проект постановления о петроградских театрах]. 1919,		

до 25 декабря.....	271	Читать
14. М. Ф. Андреева — В. И. Ленину. 1919, Петроград.....	272	Читать
15. Из письма М. Ф. Андреевой Л. Б. Красину. 14 февраля 1920, Петроград.....	272	Читать
16. М. Ф. Андреева — А. В. Луначарскому. Февраль (до 24-го) 1920, Петроград.....	273	Читать
17. Новый человек — новый театр.....	275	Читать
18. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. Март – апрель 1920, Петроград.....	277	Читать
19. Из письма М. Ф. Андреевой В. И. Ленину. Март – апрель 1920, Петроград.....	278	Читать
20. Неизвестный корреспондент — М. Ф. Андреевой. 19 апреля 1920, Москва.....	279	Читать
21. В. М. Смирнов — М. Ф. Андреевой. 18 августа 1920.....	281	Читать
22. Из письма М. Ф. Андреевой В. И. Ленину. 23 августа 1920, Москва.....	282	Читать
23. М. Ф. Андреева — Е. И. и И. П. Ладыжниковым. 12 апреля 1921, Петроград.....	284	Читать
24. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 28 августа 1921, Берлин	285	Читать
25. Из письма М. Ф. Андреевой В. И. Ленину. 25 января 1922, Берлин.....	287	Читать
26. М. Ф. Андреева — В. И. Ленину. 17 февраля 1922, Берлин. 288	288	Читать
26 а. [Начало деятельности М. Ф. Андреевой в советской кинематографии].....	289	Читать
27. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 13 сентября 1922, Берлин.....	290	Читать
28. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. Сентябрь (после 13-го) 1922.....	290	Читать
29. Из письма М. Ф. Андреевой Л. Либерману. 3 ноября 1922, Берлин.....	291	Читать
30. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. Май (после 16-го) 1923, Берлин.....	292	Читать

31. Из писем А. М. Горького М. Ф. Андреевой		
Июнь – июль 1923.....	293	Читать
7 октября 1923.....	293	Читать
32. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 4 февраля 1924, Мариенбад.....	294	Читать
33. М. Ф. Андреева — Государственному Большому Драматическому театру. Телеграмма. 15 февраля 1924, Берлин.....	295	Читать
34. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 16 февраля 1924, Берлин.....	296	Читать
35. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 29 апреля 1924, Берлин	297	Читать
36. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 5 мая 1924, Сорренто.	298	Читать
37. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 8 июля 1924, Берлин.....	300	Читать
38. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 9 марта 1925	302	Читать
39. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 13 июля 1925, Сорренто	305	Читать
40. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 27 июля 1925, Берлин.....	307	Читать
41. Из письма А. М. Горького М. Ф. Андреевой. 14 марта 1926, Неаполь.....	308	Читать
42. М. Ф. Андреева — А. Н. Лаврентьеву. 17 сентября 1926, Берлин.....	309	Читать
43. А. В. Луначарский — М. Ф. Андреевой. 3 марта 1927, Москва.....	310	Читать
44. М. Ф. Андреева — А. В. Луначарскому. 15 марта 1927, Берлин.....	311	Читать
45. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 5 апреля 1928, Берлин.....	313	Читать
46. А. М. Горький — М. Ф. Андреевой. 23 апреля 1928, Сорренто.....	314	Читать
47. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 4 мая 1928, Берлин.....	315	Читать
48. М. Ф. Андреева — В. Э. Мейерхольду. 27 декабря 1928.....	316	Читать
49. М. Ф. Андреева — Н. А. Луначарской-Розенель и А. В. Луначарскому. 7 декабря 1929, Берлин.....	316	

	Читать	
50. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 23 марта 1930, Москва.....	318	
	Читать	
51. Из письма Н. Е. Буренина М. Ф. Андреевой. 27 августа 1930, Ленинград.....	319	
	Читать	
52. Из письма М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину. 29 августа 1930, Москва.....	319	
	Читать	
53. Из писем Н. Е. Буренина М. Ф. Андреевой 3 декабря 1930, Ленинград.....	320	Читать
20 марта 1931, Ленинград.....	320	Читать
12 апреля 1931, Ленинград.....	321	Читать
54. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 30 июня 1931, Москва.....	321	
	Читать	
55. Из письма М. Ф. Андреевой А. М. Горькому. 23 марта 1932, Москва.....	322	
	Читать	
56. М. Ф. Андреева — А. М. Горькому. 20 марта 1936, Москва	322	
	Читать	
57. Е. М. Кузнецов — М. Ф. Андреевой. 20 июня 1936, Ленинград	323	
	Читать	
58. М. Ф. Андреева — И. М. Москвину. Телеграмма. 12 октября 1936, Москва.....	324	
	Читать	
59. С. В. Касторский — М. Ф. Андреевой. 23 октября 1936....	324	
	Читать	
60. [О Горьком] Из стенограммы выступления в ВТО.....	325	
	Читать	
61. [О Мейерхольде] Из стенограммы выступления в ВТО.....	333	
	Читать	
62. Из писем М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину 1 августа 1938, Жуковка.....	335	Читать
2 – 3 августа 1938.....	336	Читать
9 августа 1938.....	338	Читать
17 августа, 1938.....	339	Читать
20 – 21 августа 1938.....	343	Читать
63. М. П. Лилина — М. Ф. Андреевой. 15 декабря 1938.....	350	
	Читать	
64. [Образ В. И. Ленина в театре] Из стенограммы выступления в ВТО.....	351	
	Читать	
65. М. Ф. Андреева — Большому Драматическому театру имени М. Горького. Телеграмма. 15 февраля 1944, Москва.....	354	
	Читать	

ВОСПОМИНАНИЯ О М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Г. М. Кржижановский. Мои встречи с М. Ф. Андреевой.....	355

	Читать
Ф. И. Драбкина. «Феномен».....	359
	Читать
В. П. Веригина. Исключительное дарование.....	367
	Читать
В. Н. Соколов. В 1905 году.....	376
	Читать
Н. Е. Буренин. С Горьким и Андреевой в Америке.....	380
	Читать
В. И. Лихачев. Вместе в Незлобинском театре.....	394
	Читать
О. В. Гзовская. Пример молодым.....	399
	Читать
Евг. Кузнецов. Комиссар театров.....	409
	Читать
Н. И. Комаровская. Годы дружбы.....	423
	Читать
Лев Никулин. Товарищ Андреева.....	434
	Читать
Н. Ф. Монахов. [Основательница Большого Драматического театра].....	440
	Читать
Ю. М. Юрьев. [Андреева в роли Леди Макбет].....	447
	Читать
Н. В. Петров. В памяти сердца.....	452
	Читать
П. С. Заславский. Я узнал о ней в нарымской ссылке.....	460
	Читать
Н. А. Луначарская-Розенель. Женщина большой судьбы.....	463
	Читать
М. Н. Алейников. Еще одна грань.....	489
	Читать
А. М. Деборин. Человек долга.....	499
	Читать
Основные этапы жизни и деятельности М. Ф. Андреевой.....	503
	Читать
Комментарии.....	589
	Читать
Указатель имен.....	683
	Читать

От составителей

История русской культуры и общественной жизни знает немало талантливых актеров, выдающихся революционеров, общественных деятелей, ученых, литераторов. К числу замечательных людей нашего века принадлежит и Мария Федоровна Андреева. Среди своих современников она выделялась редкими качествами. В ней естественно сочетались талант актрисы, пламенный темперамент революционера, художественное чутье литератора, гибкий ум и такт дипломата, незаурядный дар организатора.

Старейший член большевистской партии, Мария Федоровна в течение полувека боролась за претворение в жизнь самых передовых идей своего времени. С успехом пройден ею и тридцатилетний путь служения искусству — она была одной из ведущих актрис Художественного театра, одной из его основательниц и одним из первых строителей советского театра. Вдохновенной была ее деятельность на культурном и хозяйственном фронтах в годы становления молодого Советского государства. В последние два десятилетия своей жизни она с присущей ей энергией руководила Московским Домом ученых.

Многие годы Мария Федоровна была женой, другом и соратником Горького. Вместе с ним она активно участвует в первой русской революции, вместе с ним проводит томительные годы в эмиграции, вместе с ним в период гражданской войны борется за сохранение великого культурного наследия...

Сложна и едва ли повторима биография Марии Федоровны. Своеобразие ее жизненного пути нашло яркую образную характеристику в партийной кличке «Феномен», которую дал ей в свое время В. И. Ленин. Широко образованная женщина, видная актриса, Андреева, как передовой представитель художественной интеллигенции, с юности связывает свою судьбу с жизнью народа и самоотверженно служит его интересам.

Подготавливая данный сборник, мы обнаружили в архиве издательства «Academia» интересный документ — план книги, задуманной М. Ф. Андреевой. Она предполагала написать в ней о революционных событиях в России, свидетелем и активным участником которых она была; хотела рассказать о значительных явлениях русского театрального искусства, поделиться с читателями своими воспоминаниями о встречах, работе и дружбе со многими выдающимися людьми эпохи — с руководителями русского и международного рабочего движения, с профессиональными революционерами, учеными, писателями, артистами, художниками, музыкантами и другими деятелями культуры.

К сожалению, Мария Федоровна не успела написать задуманную ею книгу. Но в многочисленных архивах сохранилась ее обширная переписка, стенограммы докладов, записи речей и бесед; сохранились написанные ею воспоминания, статьи, печатавшиеся в газетах и журналах. Это дало возможность подготовить книгу о жизни революционного деятеля, актрисы,

глубоко понимавшей высокое назначение искусства, его роль в строительстве нового общества, человека, для которого работа в области искусства и активное участие в революционном преобразовании жизни были неразрывны.

Настоящее издание подготовлено в результате изучения различных фондов многих архивов. Особенно обширно представлены материалы, документы и письма, хранящиеся в Архиве А. М. Горького.

Воспоминания самой Андреевой, ее переписка, статьи и речи составляют в книге четыре раздела, охватывающие отдельные этапы ее жизни и деятельности:

1894 – 1905 годы. — Московское Общество искусства и литературы. Художественный театр. Начало революционной деятельности, участие в первой русской революции.

1906 – 1912 годы. — Время пребывания в эмиграции (США и Капри).

1913 – 1917 годы, — Нелегальное возвращение в Россию. Работа в театрах Москвы и Киева.

1918 – 1944 годы. — Деятельность в советское время. Комиссар театров и зрелищ Петрограда. Актриса Большого драматического театра. Работа в системе Внешторга в России и за границей. Участие в создании советского кинопроизводства. Директор Дома ученых.

В каждый из этих разделов включаются документы, свидетельствующие о ее активном участии в революционном движении.

Специальный раздел составляют воспоминания о М. Ф. Андреевой ее современников: старейших большевиков, режиссеров, актеров, ученых, писателей. Они воссоздают живой облик Марии Федоровны, знакомят читателя с ее жизнью и деятельностью в разные периоды.

Переписка, документы, статьи и речи в первых четырех разделах расположены в хронологической последовательности.

Воспоминания Андреевой даны в соответствии с хронологией воспроизводимых в них событий, вне зависимости от времени написания.

Переписка Андреевой публикуется в основном впервые. В книгу вошла та часть эпистолярного наследия (переписка с Лениным, Горьким, Красиным, Бонч-Бруевичем, Станиславским, Синельниковым и другими), которая характеризует ее революционную, творческую и общественную деятельность. Иногда письма даются в сокращенном виде во избежание повторов и перегруженности мелкими бытовыми деталями. Каждый раз это оговорено в заголовке словами: «Из письма», а фрагменты текстов начинаются с отточий в начале абзацев. В воспоминаниях и нескольких письмах имеются незначительные пропуски, обозначенные многоточиями, взятыми в прямые скобки.

В книге публикуются и встречные письма. В таких случаях к письму и ответу на него дан объединенный комментарий.

Редакторские датировки печатаются курсивом в правом верхнем углу письма; в тех случаях когда их обоснование ясно из содержания письма или из материалов комментария к нему, это не оговаривается. Авторская дата остается там, где она находится в подлиннике. При наличии даты перед текстом письма

она помещается слева.

При публикации большого числа писем к одному лицу или от одного лица место их хранения указывается в комментарии к первому письму. Сведения о ряде адресатов и корреспондентов также даны в комментарии к первому письму.

В большинстве случаев воспоминания Андреевой не были озаглавлены ею, так же как отдельные ее выступления и доклады. Составителями даны к ним названия, заключенные в прямые скобки.

Составителями даны названия и к документам о революционной деятельности Андреевой.

В конце книги помещен аннотированный указатель имен, где раскрываются встречающиеся в письмах и воспоминаниях имена, инициалы, подпольные партийные клички и даются краткие сведения об упоминаемых лицах.

Письма, воспоминания и документы, публикуемые впервые, предоставлены для данного сборника следующими архивами: Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы имени А. М. Горького, Музей МХАТ СССР имени М. Горького, Центральный государственный архив литературы и искусства, Центральный государственный исторический архив в Москве, Центральный архив Октябрьской революции, Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина, Ленинградский государственный театральный музей, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Архив Академии наук СССР (Москва), Архив Министерства внешней торговли СССР, Государственный музей Л. Н. Толстого, Музей А. М. Горького, Музей М. М. Коцюбинского (Чернигов), Архив Центрального Исторического музея Латвийской ССР (Рига) и др.

Большую помощь составителям в подготовке настоящего сборника оказали дочь М. Ф. Андреевой. — Е. А. Желябужская, ее старый друг, соратник по революционной борьбе Н. Е. Буренин.

ПЕРЕПИСКА, ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ, ДОКУМЕНТЫ

1894 – 1905¹

1 [СЕМЬЯ]²

Обыкновенно говорят и думают, что в старости человек вспоминает о пройденном им пути без ярких ощущений пережитых чувств и событий, — не знаю, может быть, это так и есть. Но когда я оглядываюсь на длинный путь, близящийся к концу жизни моей, чувства горят в сердце моем и иногда больно жгут, а события встают одно за другим предо мной, как будто вчера только пережитые или виденные.

У Л. Н. Толстого есть выражение: «стыдные воспоминания», — вот и такие, конечно, есть у меня, и даже странно самой, что иногда ложь, сказанная мною еще в бытность гимназисткой, — ненужная и нехорошая, — покрывает яркой краской стыда мое лицо теперь, через полстолетие.

Может быть, и я надеюсь на это, эти свойства мои помогут мне честно и просто рассказать о себе как можно объективнее то, что может быть интересно, чему свидетелем поставила меня жизнь.

Родители мои оба служили в театре³; в те годы это не было привилегированным положением, как сейчас в нашем Союзе. На актера, на актрису, вообще на деятеля искусства смотрели пренебрежительно, как на бездельников, ибо делам считались чиновничья служба, торговля, служба военная, искусство же и служение ему считалось весьма предосудительным и легкомысленным занятием.

Отец мой, Федор Александрович Юрковский, происходил из дворян Харьковской губернии, был одним из очень многих детей небогатого помещика. Ребенком пяти лет он вместе с братом своим Виктором был отвезен в Петербург, и за заслуги деда — тот был морским офицером и совершил какие-то подвиги — братья были приняты в приют для офицерских детей в бывшем Царском Селе.

Я помню, с каким эпическим спокойствием рассказывал нам, детям, отец о том, как их в этом приюте секли за всякую малость, держали впроголодь, в то время как гувернантки и няньки жили в свое удовольствие и отъедались за счет детей. Нам, любимым детям дружной семьи, это казалось страшной сказкой: отца мы обожали, верили ему, но не могли себе представить, чтобы он мог быть

одним из этих несчастных мальчиков.

Из приюта его перевели вместе с тем же братом Виктором прямо в Морской корпус, тогда бывший привилегированным училищем для дворянских детей, которое они с братом и кончили гардемаринами. Отец был очень шаловлив, хорошо умел рисовать, был в одном классе с Василием Верещагиным, впоследствии знаменитым художником, и Константином Станюковичем, впоследствии довольно известным писателем, [автором] морских рассказов, и считался талантливее и того и другого.

Учились они в корпусе в эпоху первых годов царствования Александра II. Морским министерством и корпусом непосредственно ведал великий князь Константин Николаевич, вводивший новые правила во флоте, не вязавшиеся со старыми традициями и по тому времени казавшиеся необыкновенно либеральными.

Старые воспитатели Морского корпуса усиленно, хотя и не очень открыто, боролись с новыми, по их мнению недопустимо свободными, веяниями, воспитанники же в огромном большинстве своем были на стороне нового.

Весь их выпуск считался революционным, на него косо смотрело корпусное начальство, и очень немногие из них остались служить во флоте. Несомненно, на отце моем сильно отразилось как приютское, так и корпусное воспитание. Он возненавидел казенщину, военщину, кроме того, никак не мог привыкнуть к морской качке и, еле-еле дождавшись производства в гардемарина, навсегда ушел из флота, к великому ужасу своих родных.

В Петербурге жила сестра моего деда Дарья Афанасьевна Быченская, очень богатая по мужу женщина, близкая к придворным сферам. Отец и брат его Виктор проводили в семье этой тетки свой отпуск. Она до конца дней своих не могла простить отцу, бывшему ее любимцем, что он испортил себе карьеру.

Мне думается, очень большую роль в психологии моего отца сыграло колоссальное несоответствие его и братнина положения в корпусе, где всякий мог измываться над беззащитными мальцами, где всякий воспитатель являлся абсолютным властелином над вверенными его попечению воспитанниками, и богатым домом тетушки, где двоюродные братья его учились в лицее и [Училище] правоведения, а двоюродная сестра была окружена англичанками, француженками и немками. Этих никто не порол, они могли делать все, что им угодно, и жить себе припеваючи.

Отец был мальчик веселый и шаловливый, любил рисовать карикатуры, изображать в лицах разные сценки. Однажды, еще маленьким кадетам, он вместе с товарищами играл на корпусном створе в большую перемену и по обыкновению своему шалил и смешил мальчуганов детскими проказами и прыжками. Неожиданно из окна второго этажа раздался грозный голос их воспитателя:

— Юровский, ты что там рожи строишь? Это ты меня передразниваешь? А? Иди-ка сюда!

Отец бледнел, рассказывая о том, как жестоко его тогда выпорол этот воспитатель. Пожалуй, заporол бы насмерть (ведь родители мальчика жили где-то в Харьковской губернии, на краю света), если бы дядька не сжалился над

ребенком и не доложил вовремя, что мальчик в обмороке.

Этот воспитатель возненавидел отца, преследовал его безо всякого милосердия и порол при всяком случае.

Мягкий и добрый, очень впечатлительный, много читавший и по своему времени хорошо образованный человек, хотя и не получивший систематических знаний, отец был неустойчив, страдал припадками дикой вспыльчивости, которые быстро проходили, оставляя за собой раскаяние и чувство чрезмерной виноватости. Очевидно, такое воспитание и обстановка, в которой он рос, сильно искалечили его душу.

Мать моя, актриса Александринского театра Мария Павловна Лелева (по сцене), тоже никогда не знала или, вернее, не помнила своей родной семьи. Родилась она в Риге. Дед мой был, как говорят, талантливым скульптором, происходил из остзейских дворян, но женился на крестьянке-эстонке, необыкновенно красивой девушке, за что был лишен всех материальных благ родителями своими и должен был зарабатывать хлеб для жены и многочисленных детей тем, что делал могильные памятники.

Мать мою, когда ей было всего четыре года, взяла к себе на воспитание сестра моего дедушки, Амалия Ивановна, бывшая замужем за крупным биржевиком Карлом Ивановичем Шмелингом и жившая в Петербурге. Аккуратные немцы, хотя и обладавшие хорошими средствами, они скромно жили на Васильевском острове в небольшой, но красиво и уютно обставленной квартире. Должно быть, мужу моей бабушки мешало присутствие ребенка в небольшой сравнительно квартире, и мать мою пятилетней крошкой отдали на воспитание в балетное театральное училище.

Необыкновенно хорошенькая, грациозная, с тонким личиком, большими карими глазами и пепельными выющимися волосами, бойкая и неглупая, девочка быстро освоилась в новой обстановке, стала всеобщей любимицей и баловницей, хорошо училась, хорошо проходила балетную учебу. Бабушка души в ней не чаяла и потихоньку от мужа осыпала девочку подарками.

По воскресеньям и праздникам девочку брали домой, где она попадала в строгую, чинную обстановку буржуазного немецкого семейства. Приходили родственники дедушки, его бесчисленные племянники, часами длились обеды, шитье кофе, бесконечные немецкие разговоры. Девочка тяготилась этой скучной обстановкой, возненавидела все немецкое и радовалась, когда бабушка ранним утром снова отвозила ее в училище.

С шести-семи лет она уже выступала в балетах вместе с другими детьми. Помню, она рассказывала, что однажды в театре был царь, Николай I, детей особенно усердно принимала публика, дети неоднократно выбегали на вызовы, и впереди всех она — самая маленькая, но, пожалуй, самая бойкая и хорошенькая. Царь велел привести детей к нему в ложу, одарил их конфетами, а мать мою поднял на руки, поцеловал, поставил на стол, любясь ею, и — забыл. Девочка стояла и смотрела, как подружки ее получали конфеты, их целовали нарядные дамы, а она все стояла на столе, так как никто не смел подойти и снять ее.

Только когда начался акт и аванложа опустела, капельдинер подошел к ней

и унес ее, горько плакавшую, на сцену.

В шестнадцать лет она кончила балетную школу, но, очевидно, балет не удовлетворял ее, так как она пожелала кончить драматические курсы в том же училище и, окончив их, поступила на сцену Александринского драматического театра.

Бабушка, как цербер, оберегала мою мать, никуда не пускала ее одну, сопровождала на все репетиции и спектакли, чем очень недоволен был ее муж, но ничего не мог поделать. Бабушка недаром так боялась за мать. За необыкновенно хорошенькой, талантливой девушкой увивалось множество народу, надеясь соблазнить ее. Нравы в театре были легкие, бабушке же хотелось, чтобы ее приемная дочь стала такой же примерной семьянинкой, как она сама. Только не совсем сбылись ее мечты.

Мать моя встретила с отцом в Кронштадте, где выступала в спектаклях в морском клубе по просьбе старой актрисы Александринского театра А. М. Читау.

Отец мой, бросив морскую службу, какими-то неизвестными мне путями пришел к решению стать актером и, начав учиться у Читау, очень неглупой и довольно интеллигентной женщины, театральному искусству, выступал в Кронштадте под ее руководством. То, что отец, увидев блестящую красавицу, влюбился в мою мать на всю жизнь пламенно и верно, — не удивительно. Но что мать моя, окруженная поклонением самой блестящей молодежи Петербурга, воспитанная бабушкой в таких взглядах, что надо выйти замуж за богатого и прочно устроенного человека, влюбилась в моего отца, человека без всяких средств и совсем неустроенного, — можно объяснить только очень хорошими и прочными свойствами ее душевного склада.

Бабушка, воспитавшая мою мать и любившая ее как свою родную дочь, пришла, конечно, в ужас, заметив зарождавшуюся склонность матери к человеку без положения, без средств, да еще к актеру. Она даже упростила мужа дать ей средства на путешествие за границу и увезла мать в Германию. Потому ли, что мать с детства терпеть не могла все немецкое, потому ли, что она быстро соскучилась по театру и своим успехам на сцене, но уже через полтора месяца мать и бабушка вернулись в Петербург.

Родные отца моего, в особенности Д. А. Быченская, тоже ужасались выбором молодого человека — это убеждало их в том, что он не «шалит», а серьезно пошел на сцену. Еще страшнее казалась им его женитьба на настоящей актрисе, что по тем временам считалось равносильным браку с женщиной легкого поведения.

Шесть лет продолжалась борьба молодых со старшими, и, только когда отцу удалось при помощи той же А. М. Читау поступить в Александринский театр и таким образом занять какое-то определенное положение с определенным заработком, бабушка скрепя сердце, видя, что ей не переупрямить мать, дала свое согласие на брак. Тетушка же моего отца заявила ему, что отказаться от него, сына своего любимого брата, она не может, но мать мою никогда своей родственницей не признает и к себе не пустит. Отец поссорился с нею, и мы, дети его, никогда ее не видали, так как отец не мог

простить ей отношение к нашей матери, хотя впоследствии она, очевидно, сменила гнев на милость. Наша няня рассказывала нам, что, когда мы гуляли в Летнем саду, эта важная барыня приезжала в карете с ливрейными лакеями к саду и под руку с дочерью своей, Дарьей Александровной, большим другом моего отца и неизменной его заступницей, нарочно по несколько раз прохаживалась мимо нас, детей, чтобы посмотреть на нас; но, повинувшись строжайшему запрещению отца, няня торопилась увести нас от них подальше, чтобы как-нибудь не состоялось наше с нею знакомство.

Должно быть, очень трудно было моему отцу, пламенному шестидесятнику, другу Станюковича, Слепцова, втискиваться в рамки мещанского благополучия по вкусу моей милой, доброй и по-своему умной, но ах какой чужой ему и всему свобододлюбивому бабушки. Трудно было мириться с тем, что прославленная красавица, обожаемая им женщина, которую он искренне считал необыкновенно талантливой актрисой, вынуждена была, угождая вкусам царского двора и публики, играть в оперетке, чуть не в каскадных ролях.

Не думаю, чтобы сам он был талантливым актером. Слышала, что только одну роль, какого-то забитого и намученного еврея, даже не знаю, в какой пьесе, он сыграл хорошо. Помню его рассказ о том, как однажды, играя какую-то пошленькую роль в веселом водевиле, начав с воодушевлением говорить фразу:

И, вольные, с тобой,
Как резвые две птички...

он с необыкновенной силою почувствовал, как глупо и ненужно то, что он говорит, и уже совершенно упавшим, убитым голосом закончил:

Вперед мы полетим...

Это вызвало гомерический хохот у публики и привело его самого в полное отчаяние.

Вскоре после этого события его сделали помощником главного режиссера, впоследствии главным режиссером, в качестве которого прослужив в театре более тридцати лет, он и ушел на пенсию.

Женившись, родители мои поселились отдельно от бабушки, в маленькой квартирке, которую бабушка, всеми правдами и неправдами выманивая у мужа деньги — своих средств у нее никогда не было, — постаралась обставить как можно уютнее. Была у них спальня с неизбежными парными кроватями, орехового дерева шифоньеркой, туалетом с большим зеркалом и массой безделушек на нем, приличная, как полагалось, столовая с буфетом в три створки, гостиная с мягкой мебелью и т. п.

Мать моя на свои заработанные деньги сшила себе приданое, а отец, как с изумлением и негодованием спустя много лет говорила бабушка, привез в новое жилище связку книг, обшарпанный чемодан с бельем и платьем и почему-то лампу с зеленым абажуром — так переезжали на новую квартиру полуголодные студенты того времени.

Мать моя, избалованная бабушкой, служа в театре, то есть утром бывая на

репетициях, а вечером играя в спектаклях, абсолютно не умела хозяйничать, не умела шить, даже чулки ей всегда штопала сама бабушка. Как раз со временем свадьбы моих родителей совпало то, что одна из сестер моей бабушки, Юлия Ивановна, разошлась со своим мужем и приехала в Петербург; Юлия Ивановна согласилась поселиться у моих родителей, чтобы на первое время помочь им в хозяйстве, да так и прожила с нашей семьей всю свою жизнь, тем более что через год после свадьбы появилось на свет первое дитя моих родителей — девочка, которую в честь матери тоже звали Марией, та самая, которая и пишет эти строки.

И бабушка и сестра ее — тетя Юлия, как называла ее моя мать (а впоследствии и мы, дети), — обожали мою мать и без ума, без памяти любили нас, детей, грешным делом особенно меня, старшую, первую — может быть, особенно потому, что обе были бездетны и впервые так близко соприкоснулись с маленьким ребенком. Обе они считали материальное благополучие высшим жизненным благом, обе баловали нас, детей, и были в постоянном антагонизме, открытом или скрытом, к идеям моего отца и к тому, как он стремился нас воспитывать. [...]

Через два года родился мой брат Николай. Хотя родители зарабатывали оба довольно прилично, но квартиру иметь, соответствующую растущим требованиям, им было трудно, почему они решили взять жильца — им оказался Семен Яковлевич Капустин, совершенно необыкновенный человек, имевший огромное влияние на нас, детей, бывший верным другом отца и матери и пламенным поклонником последней до конца своих дней.

Родом из Сибири, из чиновничьей среды, уж не знаю, какими судьбами ставший редактором «Правительственного вестника», газеты ультраправой, он был убежденным народником, верил в общинное право как начало социалистического будущего и дружил с левыми по тому времени людьми — со Слепцовым, Скабичевским, Топоровым и другими.

Человек почти аскетической жизни, он не признавал никакой роскоши, спал на походной кровати, не терпел у себя в комнатах — он снимал две, спальню и кабинет, — никакой мягкой мебели, никаких украшений, а вместо цветов на подоконниках у него стояли горшки с небольшими, им самим вырытыми в лесу елочками и березками; зимою эти березки стояли без листьев и похожи были на розги, что вызывало недоумение у всех бывавших у него в комнатах. [...]

В конце концов у нас оказалось очень большое семейство: отец, мать, пятеро детей — четыре дочери и один сын; тетя Юлия, так и оставшаяся жить с нами; дядя Сеня, — не считая кормилицы, когда рождались новые дети (а это случалось через каждые два года), горничной и кухарки.

Мы, дети, росли под влиянием трех систем воспитания, причем каждая из них была в оппозиции двум другим, и [они] все вместе и порознь всячески мешали друг другу.

Отец требовал, чтобы мы вставали рано, сами одевались, убирали свои постели и даже чистили ваксой себе сапожки, для чего каждому был сшит клеенчатый передничек, у каждого был отдельный ящичек со щетками, тряпками, суконками и т. п. принадлежностями. Мы, конечно, принимали это за

игру и были страшно довольны, но тетя Юлия и мама были в ужасе, находя не подходящим для приличных детей делать то, что должно входить в обязанности прислуги. При первой же возможности, то есть когда отец стал главным режиссером и должен был с утра до вечера проводить время в театре, переднички куда-то исчезли, ящики с орудиями производства отправлены были на кухню, постели убирать и даже одевать младших детей стали нянюшки. Но у меня сохранилась на всю жизнь привычка убирать за собой постель, так как я с боем одержала победу над тетей Юлией, сохранив за собою право «делать так, как велел папа».

Первая и старшая, я была главным объектом воспитательных экспериментов отца. Меня, в детстве очень хорошенькую, живую девочку, часто привлекавшую к себе внимание посторонних даже на улице, он требовал одевать в самые некрасивые простые платья, изгнаны были даже перламутровые пуговицы, заменяемые костяными, к величайшему огорчению мамы и еще большему тети Юлии и бабушки Амалии Ивановны. Мне почти наголо стригли волосы, потому что они вились и были красивого рыжевато-каштанового цвета. Мне не позволялось пить чай, есть картофель, никаких конфет. Если бы папа знал, как потихоньку от него пичкала меня всеми этими запретными прелестями тетя Юлия!

Через много-много лет я как-то рассказала отцу о том, как все его попытки по-своему воспитать нас «настоящими людьми», как он выражался, разбивались о крепкое сопротивление тети Юлии и пассивное — моей матери, чем жестоко огорчила его. Он не знал, бедняга, что воспитывает людей чреда, быт и — труд, но не игрушечный, как смешная чистка сапог пяти- и трехлетними крошками, не нарочный, а всамделишный.

Думая развить во мне доброту, когда мне было четыре года, он читал со мною сказки Андерсена, и, когда я при трогательной истории об умершей птичке, которой забыли поставить воды в клетку, горько плакала, он радовался. Боюсь, что эти истории больше развивали излишнюю чувствительность и нервозность вместо доброты.

И третье влияние было — дяди Сенино. Он почти никогда не целовал нас, не ласкал особенно часто, отнюдь не требовал, чтобы мы были послушными, хорошими детьми, но слушались мы его беспрекословно.

Папа требовал, чтобы мы прислуге говорили «вы», тогда как они, само собою разумеется, обращались с нами на «ты», за малейшее грубое слово или неподходящий тон он сердился невероятно, кричал на нас и требовал, чтобы мы немедленно шли извиняться. Мы исполняли его требование, но прекрасно чувствовали, что мать и тетя Юлия считают его за это нелепым чудачком, осуждают его и жалеют нас. Дядя Сеня никогда не бранил нас, ничего не требовал, но рассказывал о том, как тяжело жить не у себя в семье, исполнять так называемую черную работу, как обидно, когда дети, которых Мария Карловна любит, грубят ей. Рассказывал о том, что людей, которые не хотят, чтобы у одних все было, как вот у нас, а у других ничего, как вот у крестьян, мужиков и прислуги, за это сажают в тюрьмы, очень ярко рисуя нам, какая злая и скверная вещь тюрьма, ссылают этих умных и справедливых людей в Сибирь,

где он их и видел. И тот, кто нагрубил или обидел нашу извечную Марию или кухарку, которые менялись в нашем доме от времени до времени, сам шел просить прощения, и все мы отлично понимали, как гадко считать Марию или ее товарку почему-то ниже себя.

Читать я научилась по вывескам, когда мне было четыре с чем-то года, гуляя с кормилицей моей сестры Нади, случайно оказавшейся довольно хорошо грамотной.

Отец только что приготовил мне самодельную азбуку, вырезав заглавные буквы из афиш и наклеив их на картонки, причем мама и дядя Сеня находили это преждевременным. Сидели мы все в столовой после обеда, горела лампа, брат мой Николай сидел на высоком детском стульчике, а я у отца на коленях. Отец торжественно поставил передо мною коробку с квадратиками, на которых тщательно наклеены были большие черные буквы. Мама пила чай из фарфоровой чашки, дядя Сеня читал газету и курил трубку.

Неожиданно для всех я потащила из коробки буквы и сложила: «папа», «мама», «дядя Сеня», «Коля».

Помню, как закричал папа, схватив меня крепко в объятия, вскочила мама, опрокинув чашку с чаем, причем чай попал Коле на колени и он заплакал, а дядя Сеня опустил газету и протянул удивленно:

— Вот тебе и на... Ай да Маша наша!..

2

[К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ]⁴

I

С Константином Сергеевичем Станиславским мы познакомились в 1894 году. Был он тогда еще молодым, с густыми, темными, с сильной проседью волосами, очень выразительными серыми глазами и милой застенчивой улыбкой. Очень высокого роста, он был так хорошо сложен, что его рост не поражал, и, только стоя рядом с ним, вы сами себе казались маленьким.

Константин Сергеевич был в то время одним из главных деятелей известного всей Москве Общества искусства и литературы, имевшего вполне заслуженную репутацию хорошего, серьезного кружка любителей драматического искусства. В Обществе были любители, о которых говорили, что они талантливы; они были известны публике, посещавшей спектакли Общества, по исполнению больших ролей в пьесах серьезного репертуара, в классических пьесах, и среди них наибольшей известностью пользовался Станиславский.

В Общество искусства и литературы я вступила в 1895 году и начала с наполнения роли Юдифи в пьесе Гуцкова «Уриэль Акоста»⁵. Самого Уриэля Акосту играл Станиславский.

На первой читке я сильно волновалась, у меня перехватывало дыхание, и, несмотря на то, что я училась петь и прилично владела голосом, он у меня срывался, но мое исполнение понравилось Константину Сергеевичу. Помню,

как он, потирая руки, очень довольный, говорил Александру Акимовичу Санину: «Наконец-то мы напали на готическую актрису». Что он под этим подразумевал, аллах ведаёт: должно быть, по его мнению, я годилась для наполнения драматических ролей в классическом и романтическом репертуаре.

Между прочим, хвалить и поощрять Константин Сергеевич и тогда уже позволял себе редко, в нём сильно проявлялся настоящий театральный педагог; всегда у него был страшок, как бы человек не зазнался, не перестал работать над собой, над ролью, над образом.

Он старался воспитывать в нас, своих товарищах по Обществу искусства и литературы, большую требовательность к себе, недовольство собой, требовал от нас, любителей, строго рабочего отношения к своим выступлениям на сцене, в подготовке к ним. Репетиции отнюдь не были забавой и развлечением, а серьёзным делом.

И репетиции, а тем более спектакли наши стоили больших денег, членских взносов деятелей Общества на это, конечно, не хватало. Помимо самого Константина Сергеевича, братьев Николая и Сергея Поповых, Николая Николаевича Арбатова, которые все вместе большими личными средствами не располагали, большие суммы вносил Иван Александрович Прокофьев.

В Константине Сергеевиче было что-то, что заставляло крупного плательщика, матерого купца и пожилого человека И. А. Прокофьева беспрекословно подчиняться ему.

Константин Сергеевич был очень мягок внешне, иногда казался даже слабохарактерным, но наступал момент — и он говорил репетирующему товарищу совершенно бесстрашно и уже без всякой слабости о его ошибках и недостатках, требовал повторений до полного изнеможения и добивался от исполнителя того, что ему, режиссеру-постановщику, было нужно.

Когда вспоминаешь о крошечной, совершенно необорудованной сцене Охотничьего клуба, поражаешься, каким изумительным искусством, выдумкой и талантом надо было обладать, чтобы давать на таком блюдечке большие постановочные вещи, создавать иллюзию больших массовых сцен. Сколько надо было потратить умения, терпения и труда, чтобы опаять воедино наш разнокалиберный коллектив, образовавшийся из представителей крупного московского купечества, крупного чиновничества, студенчества и группы так называемых «соловьевцев».

«Соловьевцами» эта группа сотрудников называлась по фамилии своего старосты, мелкого счетного чиновника Соловьева, в состав ее входил всякий мелкий люд с бору да с сосенки.

Ближайшими помощниками Станиславского в работе над массовыми сценами были А. А. Санин и Н. А. Попов, но и тот и другой беспрекословно подчинялись замыслу и руководству Константина Сергеевича, были влюблены в него как режиссера и учителя.

Мне приходилось и раньше выступать в любительских спектаклях, но те спектакли были более или менее талантливым подражанием настоящим актерам. Репетиции сопровождались ужинами и танцами, после спектаклей тоже ужинали и танцевали, публику составляли родные и знакомые. Бывало

очень весело; когда попадалась интересная роль, приятно было ее играть и иметь успех — словом, все, как полагается у праздных, имеющих много свободного времени, обеспеченных людей.

В Обществе искусства и литературы все было по-другому. Прежде всего Константин Сергеевич требовал абсолютного знания роли, требовал знакомства с эпохой, бытом, умения носить костюм, двигаться.

После этого он начинал приучать своих актеров «жить» на сцене, слушать своих партнеров и жить с ними вместе, а не отдельно от них.

Если роль или вот это последнее — умение жить и чувствовать не только за себя, но и за своих партнеров — не давались актеру, Константин Сергеевич целыми часами, днями работал с ним, повторял одну и ту же сцену сотни раз и в конце концов достигал своей цели.

Мне пришлось испытать это на себе как в начале моей работы в Обществе, так и впоследствии в Художественном театре. Приходилось наблюдать это и на моих товарищах по сцене.

Репетиции были для него важнейшим делом; он требовал напряженного внимания и не допускал никаких посторонних разговоров. Иногда люди уставали, подшучивали над его сугубой строгостью, иногда ворчали, но подчинялись.

Сильно увлекаясь внешней стороной своих постановок, Константин Сергеевич никогда не оставлял без внимания работу над актером, а уже особенно строг был в этом отношении к самому себе и к своим близким. При этом нельзя забывать, что работал он и ставил спектакли силами любителей, а это значило тогда, что в большей или меньшей степени любитель играет для своего собственного удовольствия, учить или не учить роль, полагаясь на суфлера и свое вдохновение, — его личная воля.

В те времена незнание роли, игра под суфлера и отсебятина были не редкостью даже в хороших театрах, у настоящих и даже больших актеров, тем более у любителей.

При режиссере Станиславском после двух-трех читок роли полагалось знать по-настоящему, и великолепный суфлер наш — перешедшая впоследствии в Московский Художественно-общедоступный театр Прасковья Николаевна Ахалина сидела, бывало, покуривая и поглядывая на репетирующих, нередко делала нам очень меткие и полезные замечания после репетиции, но редко кому-нибудь суфлировала.

При режиссере-любителе Станиславском актеры-любители по-настоящему серьезно и строго сосредоточенно работали над ролью, над собой, своей дикцией, движениями, и не занятые в репетиции большей частью сидели в зале и слушали замечания режиссера, то есть опять-таки учились у него. Репетирующие, по многу раз повторяя одну и ту же сцену, иногда даже фразу, работали с той любовью к делу и с той добросовестностью, без которых нельзя стать мастером в своей профессии. Для Константина Сергеевича это было аксиомой, и этого он требовал от нас, своих учеников и соратников. Те, кто этого не понимал и не принял как закон, оставались для него временными попутчиками, без которых он в силу разных обстоятельств не мог обойтись в

данное время — и только.

Таких в Обществе искусства и литературы было немало, с ними приходилось считаться, и это стоило Константину Сергеевичу усилий. Но зато были и глубоко преданные делу, любившие его самого и верившие в него люди, такие, как М. П. Лилина, В. В. Лужский, А. Р. Артем, Г. С. Бурджалов, М. А. Самарова, Н. Г. Александров, А. А. Санин и другие. Все они, конечно, уже в то время были настоящими актерами, только что жалованья не получали. Эти лица, в том числе и я, вступили в 1898 году в труппу Московского Художественно-общедоступного театра и стали профессионалами.

Были и такие любители, как Н. А. Попов, который по некоторым личным обстоятельствам не примкнул к нашей группе, но работал по-настоящему и великолепно играл некоторые роли, особенно роль Бен-Акибы в пьесе «Уриэль Акоста».

«Уриэль Акоста», поставленный Константином Сергеевичем, имел очень большой успех у московской публики; очень много говорили о декорациях, костюмах, о народных сценах. Константин Сергеевич и Санин сумели научить «соловьевцев» играть голландских средневековых евреев так, что зрители ни на минуту не сомневались в (подлинности их ярости, когда, науськиваемые изуверами раввинами, они готовы были разорвать в клочки Уриэля Акосту. Правда, вместе с «соловьевцами» в толпе играли и некоторые студенты, среди них особенно выделялся С. А. Попов.

Исполнители главных ролей тоже понравились публике. Спектакль повторили раз пять или шесть, может быть, даже больше. Правда, зал клуба имел не более шестисот-восьмисот мест, и посетителями был так называемый цвет московского общества, но бывало и много студентов Московского университета, самая благодарная и восторженная публика того времени.

Мне пришлось участвовать с Константином Сергеевичем в пьесах Островского «Светит, да не греет» (он играл Бориса, я — Оленьку) и в «Бесприданнице» (он — Паратов, я — Лариса).

Особенно памятна мне последняя, так как кроме Константина Сергеевича в этой роли мне помогла Надежда Михайловна Медведева, сама большая артистка и учительница Ермоловой. До этого мне пришлось играть «Бесприданницу» в Тифлисе⁶, я имела там очень большой успех, меня захвалили, и я вообразила, что уже в этой роли я и в Москве не ударю лицом в грязь. Константин Сергеевич играл Паратова. Он был красив, умел хорошо двигаться, носить костюм, уверенно держался на сцене, был очень импозантен, но необходимых для этой роли элементов непобедимого Дон-Жуана, по-моему, не было в его игре. Он был суховат и не очень убедителен, как я теперь понимаю, но тогда он мне казался абсолютно совершенным, и, должно быть, я на первых репетициях играла в том же духе, как и он, а он все был недоволен, требовал от меня чего-то другого, а вот чего именно, не умел мне объяснить.

Я была знакома с Н. М. Медведевой, бывала у нее, она была очень добра ко мне — впрочем, она к большинству людей относилась с неподражаемой простотой и добротой. Может быть, ее отношение ко мне объяснялось еще и тем, что отец и мать мои были ее товарищами по сцене: отец мой был главным

режиссером Александринского театра в Петербурге, а мать — актрисой того же театра. Надежда Михайловна предложила мне заниматься с нею, и я, конечно, с восторгом и благодарностью приняла ее предложение.

И вот однажды вижу — Надежда Михайловна, опираясь, как всегда, на палочку, входит в зал во время репетиции первого акта 1 «Бесприданницы». Среднего роста, довольно полная, с некрасивым, но очень выразительным лицом, она производила величественное впечатление. Все присутствующие, в том числе и Константин Сергеевич, бросились встречать ее, усадили в кресло, притащив его из соседней гостиной, и хотели было перестать репетировать, но она настойчиво потребовала, чтобы мы продолжали работать, так как ей хочется посмотреть, как мы будем играть.

В начале акта Лариса, по пьесе, долго сидит в глубине сцены и потом только подходит к своему жениху Карандышеву и начинает с ним говорить.

Л а р и с а . Я сейчас все за Волгу смотрела... Как там хорошо, на той стороне.

К а р а н д ы ш е в . Вы за Волгу смотрели... А об чем с вами Вожеватов говорил?

Л а р и с а . Ах, да об чем бы он ни говорил, ну что вам за дело?.. Мне так хочется за Волгу, в лес, собирать грибы, ягоды! Уедемте, уедемте поскорее в деревню!

Надежда Михайловна перебивает меня на этих словах и говорит:

— Не так, Мария Федоровна, не так, голубчик! Начните сначала.

Повторяю несколько раз, и все ей не нравится. Я смущаюсь, волнуюсь, не могу понять, что именно ей не нравится, так как мне самой кажется, что я делаю все правильно.

Надежда Михайловна тяжело поднимается с кресла, подходит к самой сцене, облокачивается обеими руками и подзывает меня к себе.

Подхожу, опускаюсь на пол сцены, сию, плотно охватив колени руками, чтобы не видно было, как они дрожат. Константин Сергеевич стоит рядом с Надеждой Михайловной и покручивает усы.

— Милушка моя, ведь это не вы, а девушка из совершенно чужого вам мира, Лариса-то. Живет она в цыганском таборе. Мать у нее — вон какая подлюга! Видеть вам ее, да и всех этих Кнуровых, Вожеватовых противно. В городе пыль, шум, по булыжной мостовой дрожки трещат, телеги громыхают... Вы сидите на высоком берегу Волги, а перед вами разлив, далеко-далеко, на том берегу, тянутся поля, луга, лес... Тишина такая, красота... Волга... А по Волге-то этой пароходы идут. Паратов-то вот на таких же пароходах приезжал, и — нет его. Ничего нет. Ох, горького как вам, а? И вот, может, единственное спасение ваше в этой тишине, в лесах, в лугах, в простой мирной жизни, в деревне... Единственный, кто, может быть, помочь вам может, — вот этот плохонький женишок ваш, Карандышев, последняя зацепочка ваша... Поняли?

И отошла, снова села в кресло, рядом с нею Константин Сергеевич.

Я подождала немного, встала, отошла на свое место в глубине сцены и снова начала все сначала. Должно быть, уж по-другому, так как после репетиции Надежда Михайловна крепко поцеловала меня.

— Ну вот! Вот так и надо.

А Константин Сергеевич ликующим голосам внушительно говорил:

— Вот как надо работать над ролью, Мария Федоровна! Теперь поняли, в чем вся суть? Я потому и просил Надежду Михайловну приехать, что сам не смог вам этого объяснить.

Не сразу, но я поняла урок Надежды Михайловны, и уже на всю жизнь. Ведь это и был тот самый «круг» в системе Константина Сергеевича, результат работ всей его огромной творческой, полной великого труда жизни, которая теперь изложена в его книгах. Только Надежда Михайловна показывала, как входить в круг, на опыте, система же Константина Сергеевича дает нам теоретическое обоснование этого опыта.

Вот ее, Надежды Михайловны, учеником был Константин Сергеевич — учеником тех настоящих, больших мастеров сцены, о которых он упоминает в своей книге «Моя жизнь в искусстве», и еще многих других. По этой «системе» работала величайшая трагическая русская актриса М. Н. Ермолова, а до нее — великий артист и учитель М. С. Щепкин и каждый настоящий, большой художник сцены. Только время и движение вперед, без которого нет жизни, внесли и вносят все новые возможности, расширили горизонты, внесли и будут вносить свои направления в эту «систему».

Как во всех больших людях, преданных идее, в Константине Сергеевиче было много детского. Нередко он хитрил, выдумывал всякие небылицы, уверяя, будто актер X или актриса Y, наиболее известные за границей или у нас, наиболее знаменитые, говорили ему, что ту или иную роль надо исполнять вот именно так или этак. Мы прекрасно понимали, что этого никогда не было, но делали вид, будто принимаем все всерьез. Спустя некоторое время он забывал о том, что говорил, и тогда мы подшучивали над ним; он не обижался и смеялся вместе с нами заразительно весело.

Вырос он в многочисленной патриархальной семье, у него было три брата и четыре сестры, в то время уже все взрослые, хотя младшей, Марии Сергеевне, было всего шестнадцать лет. Отца Константина Сергеевича мне не пришлось видеть, но мать его, которую все эти взрослые люди называли «мамания», я знала и видела неоднократно. У нее были густые, гладкие, совершенно серебряные волосы, свежее, почти без морщин, лицо и добрые материнские глаза. Она была небольшого роста, а дети все как на подбор высокие — и сыновья и дочери. Ходила быстро, чуть-чуть вперевалочку, немного сгорбившись, и всегда была в хлопотах и заботах о детях, о внуках. Из них не все были удачливы, некоторые хворали и доставляли ей много огорчений, но она переносила все это как-то светло.

Не знаю, как она по-настоящему относилась к артистическим наклонностям своего «блудного» (по мнению солидных, а уж особенно купеческого звания московских людей) сына, но на всех генеральных репетициях и спектаклях она обязательно присутствовала и всячески поддерживала Константина Сергеевича. Видно было, что они друг друга крепко любят, хотя особой близости между ними как будто и не было.

Жил Константин Сергеевич с женой и маленькой дочерью Кирой в одном доме с матерью и старшим братом Владимиром Сергеевичем, в те времена главой их фирмы, а впоследствии одним из преданнейших его сотрудников по

Оперному театру имени Станиславского.

Уже глубоким стариком, как-то летом на даче в Болшеве, где мы вместе жили, Владимир Сергеевич рассказывал мне о том, как он тяготился своим вынужденным положением фабриканта и дельца, как он всю жизнь мечтал быть музыкантом, играть в оркестре и почему-то на трубе.

Особняк, в котором все они жили у Красных ворот (как это ни смешно, но тогда это казалось окраиной), был большой, с парадными комнатами во втором этаже. Константин Сергеевич с семьей занимал небольшую квартиру в нижнем этаже. Комнаты были довольно просторные, но невысокие и довольно темные: небольшие окна в очень толстых стенах свету много не давали. В первой комнате, кабинете Константина Сергеевича, стояли кресла с высокими спинками (они участвовали в постановке «Уриэля Акосты»), висели резные чугунные фонари, стояли какие-то знамена, на стенах какие-то гобелены.

При всем моем преклонении перед учителем и самым талантливым человеком, каким я считала Константина Сергеевича, мне казалось странным такое наличие бутафорских и далеко не художественных вещей в его доме, в его комнате. Теперь, спустя многие-многие годы, думаю — он и не замечал, должно быть, какова была окружающая его житейская обстановка, для него это было делом второстепенным, театр же был его настоящей жизнью.

Жена его, Мария Петровна Лилина, маленькая худенькая блондинка, в то время больше всего была занята своими семейными делами. Она ждала второго ребенка, в жизни Общества искусства и литературы принимала мало участия, но Константин Сергеевич очень высоко ставил ее сценическое дарование, с восхищением говорил об исполнении ею роли Луизы в пьесе Шиллера «Коварство и любовь» и вообще относился к ней совершенно исключительно.

Только потом, работая вместе с М. П. Лилиной и в Московском Художественно-общедоступном театре и в Московском Художественном театре, я узнала, как он был прав в своей оценке. М. П. Лилина — актриса большого диапазона. Не обладая очень богатыми внешними данными — ей часто мешали физическая слабость и слабый голос, — она создавала такой силы, обаяния, простоты и вдохновения образы, что они запоминались на всю жизнь, и нельзя было уже представить себе эти образы другими. Она была незабываемой Машей в «Чайке», Соней в «Дяде Ване», Аней в «Вишневом саде» и в то же время совершенно неподражаемой Наташей в «Трех сестрах». Я не знаю роли, которую бы она испортила или не смогла сыграть. Недаром ей, «любимой актрисе», посвятил свою последнюю книгу Константин Сергеевич.

В актерской среде, а уж особенно среди любителей, приняты были легкие увлечения, влюбленности, ухаживание. Константин Сергеевич относился ко всему этому очень недружелюбно и считал, что все такие романические дела вредят настоящему делу. У него была даже своя теория в этой области. Он нередко говорил, что считает большой поэзией верность любимому существу, именно поэзией, а легкость отношений и «романы на время» — нестоящими.

Я уверена, что этой теории он тоже остался верен всю жизнь, — он был очень цельным человеком, Константин Сергеевич Станиславский.

В Обществе искусства и литературы мне пришлось принять участие и в

шекспировских пьесах под руководством Константина Сергеевича. Я играла Геро в «Много шума из ничего» и Оливию в «Двенадцатой ночи»⁷.

Каждая постановка была крупным театральным событием, о каждой много писали в газетах серьезные критики, но относились к нам и особенно к нашему руководителю все-таки недостаточно серьезно. Проскальзывали такие нотки: «Конечно, это очень интересно, даже талантливо, но настоящих актеров, больших талантов искать не приходится». Или: «Денег много, свободного времени тоже, почему и не играть». «Очень талантлив Костя Алексеев, но зачем было ездить в Венецию и привозить кусок настоящей гондолы? Наши настоящие безо всяких этих гондол, декораций, костюмов и всех прочих ненужностей “Отелло” превосходно играют».

Между прочим, сами «настоящие» бывали на наших спектаклях: бывали Г. Н. Федотова, М. Н. Ермолова, А. П. Ленский, А. И. Южин и многие другие; из них с живым интересом относились к нашей работе и особенно к самому Константину Сергеевичу Станиславскому Федотова, Ермолова и в первую голову — Медведева, которая пророчила ему большое будущее.

Никаких кусков гондолы Константин Сергеевич из Венеции не привозил, но в Венецию ездил и, как во всех своих работах, стремился дать и в «Отелло» верность эпохе в костюмах, декорациях и бутафории, — это было несомненно, как несомненно и то, что его постановки сильно влияли на постановки других театров.

Постепенно мы стали перерастать рамки Общества искусства и литературы, Константин Сергеевич, да и многие из нас все чаще говорили о необходимости создания особого театра — театра высокой театральной культуры и художественности, театра, доступного не маленькой группке высокопоставленных и богатых посетителей фешенебельного Охотничьего клуба, а более широкой публике.

Самой крупной из последних постановок в Обществе был «Потонувший колокол» Гергарта Гауптмана. Полная фантастики, настоящей поэзии и большой внешней красоты, эта пьеса давала богатую пищу постановщику, и действительно, в ней Константин Сергеевич превзошел самого себя.

Ведь это он придумал декорации нагроможденных скал с небольшим отверстием каменного колодца на первом плане, зловещую пещеру колдуньи Виттихи в расщелине скалы, какие-то клубки змей, похожие на кусты низкорослых растений, и лоток из-под колосников прямо на сцену, по которому с грохотом вместе со скатывающимися камнями летит вниз, сорвавшись с вершины горы, Генрих. Его играл сам Константин Сергеевич.

Он придумал незабываемую фигуру водяного Брекекекса: большая жаба серо-зеленого цвета с лягушачьим и в то же время человеческим лицом. Эту роль великолепно исполнял А. А. Санин. Чрезвычайно остроумно Константин Сергеевич спрятал своего Брекекекса в колодец, ни разу не показывая его публике во весь рост.

Как хорош был Леший, не то фавн, не то козел, весь обросший клочьями темно-коричневой шерсти, на козьих копытцах. Играл его Г. С. Бурджалов неподражаемо. Он носился по сцене, прыгал на скалы и соскакивал с них с

легкостью и ловкостью великолепного гимнаста.

Чтобы скрыть человеческие фигуры эльфов, Константин Сергеевич придумал для наших молоденьких артисток такой трюк. Неожиданно среди камней со скалы свешивалась головка, в расщелине появлялось другое прелестное личико, свешивалась прядь волос, — казалось, что их очень много. Они тихонько перекликались, нежными высокими голосами говорили друг другу: «Бальдер умер... Бальдер умер...» И казалось, что это поет ветер, звенит струна, звучит какая-то мелодия, странная и загадочная, печальная-печальная.

Внезапно, окутанное прозрачным серым флером, на авансцену вылетает что-то легкое и неясное, как из облака выглядывает тонкое худенькое личико с большими глазами, развеваются длинные светлые волосы — это эльф М. П. Лилина. Она не то поет, не то тихо плачет: «Я спустилась на тонкой паутинке», и вы верите, что спустилась она на паутинке, так она невесома и прозрачна. И снова плачут, сообщая миру о смерти Бальдера, эльфы в горах.

Мне пришлось играть Раутенделейн. На первом же очередном «капустнике» Н. Н. Арбатов смешил нас, показывая рисунок-шарж в человеческий рост: «Г-жа Андреева в роли Раутенделейн, или парик Я. И. Гремиславского».

Парик был действительно замечательный. Длинные волосы до пят, чисто золотого цвета и, по требованию Константина Сергеевича, отнюдь не завитые, как это сделали бы во всяком другом театре, а только чуть-чуть волнистые, покрывали почти всю фигуру и казались настоящими.

Весь костюм состоял из ряда полупрозрачных узких рубашек светло-голубого и розового цвета, на которые нашито было бесчисленное множество узких ленточек того же цвета, так, чтобы эти ленточки шевелились и переливались, как струп воды.

Выдумка Константина Сергеевича оказалась блестящей; абсолютно скромный костюм и масса волос производили впечатление чего-то нереального и одновременно очень красивого.

Пьеса и постановка имели совершенно исключительный успех. Прошла пьеса много раз и вошла даже в репертуар созданного вскоре Художественно-общедоступного театра.

Когда обращаешься памятью к образу Константина Сергеевича в те годы, вспоминаешь его в ролях, которые он играл тогда, хочется понять его как исполнителя, актера. Играл он все так называемые первые роли, обычно ведущие в пьесе. Он был и Уриэль Акоста, и Бенедикт в «Много шума из ничего», и Отелло, и Генрих в «Потонувшем колоколе», и бургомистр Матис в «Польском еврее», и он же был режиссером, постановщиком.

Мешало ему это последнее обстоятельство? Несомненно. Хотя, работая с нами над нашими ролями, он, конечно, многое приобретал для себя.

При всей импозантности своей фигуры Константин Сергеевич не был одарен той внутренней силой, которая делает актера тождественным исполняемому им героическому образу. Мне думается, что героизм и романтика были вообще чужды ему. Он больше всего искал реализма и характерности в образе. У него был несомненно очень большой комедийный талант. Он

неподражаемо исполнял роль парикмахера во французском водевиле «Любовное зелье», причем очень тонко, весело и легко передавал куплеты, с большим шиком и грацией.

II

О том, как чуть не целые сутки Вл. И. Немирович-Данченко беседовал в «Славянском базаре» с Константином Сергеевичем Станиславским о создании нового театра, писалось очень много. Такой театр должен был появиться и уже давно подготовлялся целым рядом предпосылок; из них, пожалуй, не последней был создавшийся в Обществе искусства и литературы коллектив, горевший пламенем настоящего энтузиазма и преданности делу, и наличие такого режиссера, как Станиславский.

Много трудностей и препятствий должны были преодолеть К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко при создании нового театра. То, что это был Художественно-общедоступный театр, с дешевыми ценами на места, уже само по себе, в силу полицейско-цензурных условий, ограничивало круг разрешаемых к постановке пьес.

«Царя Федора» А. К. Толстого разрешили нашему театру поставить только после долгих энергичных хлопот Немировича-Данченко, и только потому, что пьеса уже была разрешена к постановке в Петербурге театру А. Суворина, издателя газеты «Новое время», известного ретрограда.

Капитал, составившийся из взносов пайщиков, был невелик, всего каких-нибудь сто тысяч; роскошные костюмы, декорации и бутафория «Царя Федора» съели большую часть этого основного капитала.

Задолго до открытия театра по Москве шумели о том, что режиссер-любитель Станиславский и известный драматург Немирович-Данченко затеяли создать новый театр без настоящих актеров — одни ученики да любители, и заранее предрекали неизбежный провал этой затеи.

Просачивались слухи о том, что в этом театре все как-то по-новому: нет первых и вторых актеров, каждый должен участвовать в толпе, на выходах; что талантливый, правда, человек, но «простой» гример-парикмахер Я. И. Гремиславский, его жена и помощница Мария Алексеевна, И. И. Титов, старший рабочий сцены, являются равноправными членами коллектива; и, как это ни странно для современного советского гражданина, все это вызывало насмешки, нарекания и осуждение.

Люди, пришедшие на работу в Московский Художественно-общедоступный театр, решили опрокинуть не только старые традиции сценической условности — внести в свои постановки и игру сценическую правду и реализм, но и уничтожить унижительное мнение об актере, об актрисе. В театре выработался негласный устав, требовавший от всех участников театра такого строгого отношения к себе, к своей работе, к своему поведению в театре и вне его, такой абсолютной трудовой дисциплины, которые могли бы поднять на должную высоту звание работников сцены.

Инициатором всего этого нового, еще невиданного до тех пор в театре отношения к людям, к себе самому, к своему труду и общей работе был

Константин Сергеевич.

Конечно, один он не смог бы построить театр, но никто не решится отрицать его огромного, подчас решающего значения в успехе больших постановок первого периода Художественного театра, в которых он же являлся одним из крупнейших актеров.

Первые подготовительные репетиции в подмосковной дачной местности Пушкино летом 1898 года... Как все это было необычно и своеобразно! В большом сарае на пустыре построили сцену, равную по размерам сцене театра «Эрмитаж» в Каретном ряду, где первые четыре года играл наш молодой театр. Сцена занимала почти весь сарай; на остальном пространстве ютилось несколько деревянных скамей да стоял длинный дощатый стол. За этим столом проводились читки по ролям, за ним же не занятые в репетиции актрисы сидели, вышивая бармы, кокошники, низали бисер для жемчужных кружев и подвесок, работали над деталями костюмов для постановки «Царя Федора».

Целые дни проводили мы в этом сарае. На первых порах окрестные дачники очень беспокоились, недоумевая, что это за люди собираются, по временам сильно шумят, кричат. Потом узнали, что это актеры готовятся к сезону, и перестали обращать на нас внимание.

Жили мы кто отдельно по дачам, кто общежитиями, по несколько человек вместе. Константин Сергеевич приезжал из Любимовки, подмосковного имения его матери.

Был как-то печальный случай личной ссоры между двумя актрисами, не имевший никакого отношения к театру, но очень мешавший ходу работы. И тут впервые мне пришлось видеть, как плакал Константин Сергеевич. Он всхлипывал, как ребенок, сидя на пустыре за сараем, на пне большой срубленной сосны, сжимал в кулаке носовой платок и забывал вытирать слезы, градом катившиеся по лицу.

— Из-за своих личных дел! Из-за своих мелких, личных бабьих дел губить настоящее, общее, хорошее дело, все портить!..

Видели его слезы не многие, но, очевидно, они крепко подействовали: кому следовало — стыдно стало, и личная ссора немедленно прекратилась.

Художником-декоратором еще в Обществе искусства и литературы был Виктор Андреевич Симов, очень талантливый человек и страстный любитель русской старины; он же давал все рисунки костюмов и бутафории для «Царя Федора».

Симов, Константин Сергеевич и несколько человек актеров не только ездили, как известно, в Ростов-Ярославский, но и ходили в дом бояр Романовых на Варварке, в церковь Василия Блаженного, в Кремль. Вместе с нами бывал и Владимир Иванович. Эти экскурсии давали всем нам, конечно, очень много. Иногда Константин Сергеевич задерживался в какой-нибудь палате, примеривался, как входить в низенькие сводчатые двери, садиться на полати, скамьи и кресла, учился сам, чтобы учить других.

Постановка «Царя Федора» имела шумный успех. Исполнитель заглавной роли И. М. Москвин, внешне совершенно неожиданный Федор, актер огромного темперамента и большого таланта, сразу стал знаменит. Первые

несколько спектаклей сделали «битковые» сборы.

Прошел несколько раз «Потонувший колокол», не давая полных сборов. Готовых пьес в репертуаре нового театра только и было, что «Царь Федор», «Потонувший колокол» да «Самоуправцы» Писемского, тоже шедшие в Обществе искусства и литературы.

Злорадно шипели поклонники Малого театра с его изумительным составом актеров. Радовались многочисленным поклонникам театра Корша, насчитывавшего в своей труппе немало крупных актеров.

Те, кто заранее предсказывал провал театра без знаменитостей, как вороны, каркали: «Мы говорили! Мы говорили!»

Трудно было Константину Сергеевичу, но он продолжал упорно работать, ставя «Венецианского купца» с обычным блеском и остроумием.

Шейлока, по существу главную роль в пьесе, играл известный провинциальный актер М. Е. Дарский, друг Вл. И. Немировича-Данченко, вступивший к нам в труппу. Уже не помню, кому пришла в голову несчастная мысль вести эту роль с акцентом; это испортило все исполнение, придав ему глубоко неверный тон.

Очень хорошо был задуман весь эпизод с судом. Порция, переодетая в адвокатскую тогу, и ее служанка Нерисса, в костюме писца, были веселыми проказницами, не отдающими себе отчета в том, какое злое и противное дело они делают, но понимающими всей жестокости издевательства над несчастным отцом Джессики только потому, что он — еврей, хотя обе они охотно признают его дочь своей подругой.

Пьеса у публики имела успех, но критики жестоко обрушились на исполнение роли Шейлока, как не отвечающее классическому образу Шекспира. О спектакле много говорили, обсуждали его, казалось бы, должны быть и сборы, а их не было.

Поставили «Счастье Греты» Э. Мариотта, неважную пьесу, с Марией Людомировной Роксановой в главной роли. Поставили «Трактирщицу» Гольдони. Роль Мирандолины исполняла Ольга Леонардовна Книппер. Ни успеха эти пьесы не имели, ни сборов не делали.

Все мы, и Константин Сергеевич вместе с нами, сильно приуныли, и только постановка «Чайки» Чехова оживила наш театр и сделала его общепризнанным.

Как известно, Антона Павловича Чехова привлек в наш театр и уговорил его дать разрешение поставить у нас «Чайку» Вл. И. Немирович-Данченко.

Режиссировали пьесу оба — и Константин Сергеевич и Владимир Иванович. Следили мы за ее постановкой с тревогой, надеждой и опасением: от успеха или провала ее, нам казалось, зависела судьба театра. С первых же репетиций выяснилось, что удаются роли Книппер, Лилиной, Лужскому, Вишневному. Константин Сергеевич репетировал роль Тригорина, вначале он все искал образ и не нащупывал его. Чайка, Нина Заречная, была поручена очень талантливой, но своеобразной и в высшей степени нервной Роксановой. Декорации Симова были великолепны, мизансцены свежо и оригинально задуманы, удачно выполнены. Все, казалось, шло хорошо.

Театр жил напряженным ожиданием и вибрировал, как туго натянутая

струна.

17 декабря 1898 года шел первый спектакль «Чайки». Мы с И. М. Москвиным, не занятые в пьесе, сидели весь первый акт внизу, под сценой, так как нам было поручено петь дуэт, о котором упоминается на сцене. Спели. Ждем. Слышим — наверху пошел занавес, значит, кончился монолог Нины Заречной и кончилось первое действие. Прислушиваемся — гробовое молчание. Сидим мы на скамейке, прижались друг к другу, как два воробья, и поглядеть друг на друга боимся. Вдруг слышим, как крупный дождь по железной крыше посыпался, раздались дружные аплодисменты. Вскочили мы с ним с места, обнялись да как заплачем от радости! Идти не можем, ноги дрожат. Потом взбежали наверх, на сцену, — и там все обнимаются, целуются. Победа! Наша взяла!

После первого акта, когда опустился занавес, публика несколько секунд сидела не шелохнувшись — так велико было впечатление от пьесы, от игры актеров и от постановки. Ликовали актеры, ликовал весь персонал театра, поздравляли друг друга. Как-то инстинктивно чувствовалось, что этот успех является поворотным пунктом в признании за нашим театром права на существование.

Как ребенок, был счастлив и радовался Константин Сергеевич.

Все мы восхищались талантом Чехова и относились к нему по-особенному нежно. Вряд ли кто из нас понимал его тогда полностью и как следует, в том числе и Константин Сергеевич — он верил во Владимира Ивановича и через него в Чехова.

Владимир Иванович торжествовал и был горд успехом как своей победой, тем, что он открыл Чехова для нашего театра. Константин Сергеевич играл во всех пьесах Чехова. Он играл Тригорина очень умно, свежо, с тем тонким юмором и глубокой печалью автора, которые так сильно чувствуются при чтении пьесы. Он был чудесным Астровым в «Дяде Ване», обаятельным, но таким никчемным, несмотря на все свои таланты и множество затеянных дел. Гаев в «Вишневом саде» — характернейшая фигура отживающего дворянина, нелепая, праздно-болтающая и жалкая; играл эту роль Константин Сергеевич с потрясающей силой и правдой. Об истолковании Константином Сергеевичем роли Вершинина в «Трех сестрах» я осталась при особом мнении, но обосновывать здесь это мнение считаю излишним.

Константин Сергеевич говорил, что Ибсен для него китайская грамота, а между прочим, превосходно играл доктора Штокмана, только и Штокман был в его исполнении не ибсеновский доктор, а горячий протестант, искренний, наивный и немного смешной. Он искал своего Штокмана во всех, в том числе и в Алексее Максимовиче Горьком. И даже позаимствовал у Алексея Максимовича его манеру в споре резко рассекать воздух рукой сверху вниз, причем большой палец далеко отставлен, а четыре крепко сжаты по два вместе, будто раскрытые ножницы. Константин Сергеевич сам говорил мне об этом и считал, что этот жест и манера спорить много помогли ему в понимании образа Штокмана.

И вот пришел в наш театр новый автор, повеяло новым, свободолюбивым

духом, зазвенели ноты горячего протеста, — пришел А. М. Горький.

Познакомился наш театр с Алексеем Максимовичем еще в 1900 году, когда мы ездили в Крым к больному Антону Павловичу, чтобы показать ему «Чайку» и «Дядю Ваню». Кроме этих двух пьес мы возили еще пьесу Ибсена «Гедда Габлер», которую мы суеверно называли Эддой Габлер, так как все, не исключая Константина Сергеевича и Владимира Ивановича, суеверно боялись невезучей в нашем театре буквы «г»: не имели у нас успеха ни «Счастье Греты» ни «Возчик Геншель», а «Ганнеле» Гауптмана даже не допустили к постановке.

Большинство из нас были тогда молоды, страстно любили свой театр, безгранично верили в своих руководителей — Станиславского и Немировича-Данченко, обожали Антона Павловича Чехова, гордились тем, что играем в его пьесах.

Мы знали, что в Крыму, в Ялте, там же, где живет Чехов, находится писатель Горький.

... Горький приехал вместе с Чеховым на наши спектакли в Севастополь и не пропустил, кажется, ни одного представления в Ялте, был в восторге от нашего театра, его постановок, его руководителей и актеров. Известно, как любил Горький Чехова, как высоко ценил его как писателя. Видеть пьесы Чехова в хорошем исполнении было для Горького большим праздником; он поверил в наш театр. А мы почти поголовно, во всяком случае большинство труппы и Константин Сергеевич, влюбились в Горького.

Многое отвлекало Алексея Максимовича от театра; в нем самом еще только слагался тогда, бурлил и переливался через край Горький — революционер, Горький — будущий социал-демократ, большевик; мешали ему и всякие полицейские меры — аресты, обыски, ссылки и прочее, но он все-таки написал для нашего театра «Мещан» и сам принял большое участие в постановке и репетициях этой пьесы.

Вторая пьесы Горького, «На дне», пришла в наш театр в 1902 году, как и «Чайка», в момент для театра критический. Пьесы, поставленные до нее: «Дикая утка» Ибсена, «Микаэль Крамер» Гауптмана и «В мечтах» Немировича-Данченко, большого успеха не имели, а старые постановки шли уже по многумногу раз, интерес к театру стал ослабевать. В стране нарастал подъем революционных настроений, публика искала новых мыслей и чувств.

Готовились мы к пьесе горячо, с огромным волнением и трепетом. Неоднократно ходили на Хитров рынок знакомиться с типами и бытом «дна», хотя не в быте было дело и не такую уж большую роль играло абсолютное сходство с настоящими босяками, проститутками и прочими обитателями ночлежки Мишки Костылева.

Известно, какой потрясающий успех имело «На дне». На первом спектакле, после третьего акта, Константин Сергеевич прыгал и скакал по сцене, потирая руки и приговаривая: «Хлебом запахло! Хлебом запахло!»

Публика не давала сдвигать занавес, неистовствовала от восторга, вызывая автора, а смущенный автор упирался, не хотел выходить на вызовы. Константин Сергеевич в своих картинных лохмотьях Сатина побежал к нему за кулисы, схватил его сзади за плечи, выпихнул на сцену и тут же, вместе со всеми

участвующими, изо всех сил стал аплодировать ему.

Играли наши большие актеры героев Горького великолепно.

III

Большой актер, великий труженик, беззаветно и бескорыстно отдавший всего себя любимому делу, гениальный режиссер, Константин Сергеевич Станиславский был и большим человеком.

Он был великолепным учителем, и нет такого актера в МХАТ, который не был бы ему обязан лучшим, что в каждом из них есть, чьими бы учениками они ни были до него и после него, потому что актер никогда не кончает учиться.

Его учениками были Л. А. Сулержицкий и Е. Б. Вахтангов, талантливейшие люди и, в свою очередь, учителя и создатели новых театров, отпочковавшихся от МХАТ.

Неоднократно мне приходилось спорить и опровергать нападки на Константина Сергеевича за то, что он будто бы учил играть с голоса, показывая мимику, жесты, интонации и требуя от актеров, чтобы они слепо исполняли свои роли так, как это ему, режиссеру, угодно.

Это было грубой клеветой на великого мастера и учителя. Само собой разумеется, исполнитель должен был играть в общем плане постановки всей пьесы, но ни разу мне не приходилось видеть, чтобы Константин Сергеевич навязывал актеру свое исполнение. Если актер сам находил образ, интонации, Константин Сергеевич никогда не вмешивался в его творческую работу и только счастливо улыбался, искренне восхищаясь каждой талантливой деталью исполнения. Он умел помочь актеру, подсказав ему тот или другой жест, переход по сцене, придать всему образу особую характерность. Иногда это были мельчайшие детали, иногда очень большие и трудные задачи.

Помню, как мы — Константин Сергеевич, готовивший роль Микаэля Крамера, Москвин (ему поручена была роль сына Микаэля Крамера) и я, будущая Микелина Крамер, дочь Крамера, — старательно тренировались, создавая себе общую всем трем членам семьи Крамер походку, прямые, откинутые назад плечи и не сгибающиеся в коленях ноги. Попав в Ялту, мы, на удивление всех курортных обитателей, подолгу шагали по набережной, стараясь как можно больше походить друг на друга и на аиста, по замыслу Константина Сергеевича. Но разве Константин Сергеевич хоть когда-нибудь посягнул на творчество Ивана Михайловича или хоть чем-нибудь вмешался в изумительное по трагической силе исполнение роли несчастного горбуна Арнольда Крамера? Разве кто-нибудь из крупных актеров МХАТ испытывал на себе давление со стороны Константина Сергеевича? Нет, тысячу раз нет!

В. И. Качалов, играя свою первую роль в нашем театре — царя Берендея в пьесе А. Н. Островского «Снегурочка», не нашел разве в Константине Сергеевиче поддержку и признание, несмотря на то, что созданный им образ был совсем не таким, каким его задумал сам Константин Сергеевич? И я уверена, что на своем творческом пути блестящего, талантливого актера умница и большой труженик В. И. Качалов ни разу не наткнулся на вмешательство со стороны Константина Сергеевича, но помощь получал всегда.

Мне лично очень трудно было преобразиться в мальчонку-пастушка Леля в «Снегурочке», и был такой случай, что, прорепетировав генеральную репетицию в костюме и гриме, мне пришлось по настоянию Константина Сергеевича, недовольного исполнением сцены с песенками и пляской, вместе с ним и П. Н. Ахалиной так, в костюме и гриме сказочного пастуха, поехать ко мне домой, чтобы продолжать репетицию и поймать не дающуюся мне правду образа. Пообедали и продолжали репетировать, репетировали весь вечер и всю ночь. Только крепкий кофе все пили для поддержания бодрости. А к десяти часам утра поехали в театр, так как на другой день была вторая генеральная.

Константин Сергеевич в конце концов добился того, что актриса Андреева стала мальчонкой и пастухом, хоть и сказочным. Но разве он мне показывал на примере своего исполнения, как этого добиться? Нет. Он объяснял, как этого можно и нужно добиваться, и не пожалел потратить на это свое время, приблизительно тридцать часов подряд, внимание и дарование.

О Константине Сергеевиче можно говорить и писать без конца. Жалею, что не умею передать все то, чему свидетелем поставило меня мое десятилетнее сотрудничество с ним.

Какой это был красивый человек, Константин Сергеевич Станиславский, какой цельный и скромный, как все настоящие большие люди.

3

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. БАХРУШИНОЙ

17 февраля 1897, Москва⁸

17 февраля

Дорогая Вера Васильевна!

Я уже просила Вас быть на нашем концерте 22 февраля, в воскресенье, который мы устраиваем в помещении Контроля⁹ в пользу одного из бывших служащих у мужа г-на Вишневого. Этот молодой человек обладает чудесным голосом, но зато совсем не обладает денежными средствами, и вот мы с Андреем Алексеевичем, принимая в нем горячее участие, решились просить наших добрых друзей и знакомых помочь нам поддержать этого юношу.

Хотя Вы тогда довольно сурово объявили мне, что билеты возьмете, а на концерт, должно быть, не приедете, а я все-таки надеюсь — авось Вам придет добрая мысль не только взять билеты, но и приехать, чем бы Вы доставили искреннее нам удовольствие.

Усердно прошу Алексея Александровича не капризничать и уговорить и себя и свою милую жену прослушать наш концерт. Программа довольно интересная. Поют и играют: Зарудная, Грессер, Ипполитов-Иванов, фон Глен, Кончин. Читают: почти все наше Общество искусства и литературы и, право, не очень дурно.

Крепко целую Вас и жму руку Алексею Александровичу, муж целует Вашу ручку и шлет привет супругу.

Мария Желябужская

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. БАХРУШИНОЙ
27 марта 1897, Москва¹⁰

27 марта

Многоуважаемая Вера Васильевна!

Муж мой говорил Вам о цели устраиваемого в Межевом клубе (Хохловский переулок, дом Межевой канцелярии) вечера; так как суфлер Волков весь пост положительно голодает, то я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за просьбу взять прилагаемые два билета первого ряда.

После спектакля будет подписной ужин, без вина по 1 р. с персоны. На всякий случай посылаю Вам два билета на таковой, но если Вы в ужине принять участие не пожелаете, то верните мне, пожалуйста, билетики на ужин с моим посланным. Ваш отказ от ужина Волкову ущерба не принесет, а только нам будет грустно, что будем лишены Вашего милого общества.

В спектакле пойдет: 1) «Несчастье особого рода», играют: Калужский, муж мой, Рындзюнский и я.

2) «Соль супружества», играют: Красовский, Гурвич и сестра Красовского m-lle Голубева.

3) «Жена напрокат», играют: Красовский, Голубева, Бурджалов и Архипов.

После спектакля ужин и потом танцы, публика будет все своя, то есть Общество искусства и литературы.

Прошу принять и передать Алексею Александровичу наш общий с мужем душевный привет, а Юрку, если позволите, я крепко целую.

Мария Желябужская.

Р. S. Я потому прошу ответить об ужине тотчас же, что завтра последний подписной день.

М. Ф. АНДРЕЕВА — Г. Н. ФЕДОТОВОЙ
24 октября 1897, Москва¹¹

24 окт.

Глубокоуважаемая Гликерия Николаевна!

Нам с мужем ужасно грустно, что мы лишены были возможности лично приветствовать Вас сегодня в театре и выразить Вам нашу сердечную радость, что Вы вернулись и снова будете доставлять нам наслаждение видеть нашу дорогую артистку, так надолго нас покидавшую, очаровательную и всегда милую и любезную Гликерию Николаевну. Мы от времени до времени, хоть и редко, имели все-таки удовольствие Вас видеть.

Только благодаря любезности А. А. Заблочки мы узнали, что Вы выступаете сегодня, так как, совсем ошеломленные случившейся с нами бедой, мы никого не видели, не читали газет и только и видели и дрожали за нашего бедного сына Юрочку, у которого сделался нарыв на кости и в то же время скарлатина, чуть не кончившиеся катастрофой. Хотя положение сына и теперь

еще очень серьезное, но мы все-таки хоть немного начинаем приходить в себя. [...]

Всей душой шлем Вам самые лучшие и светлые пожелания, дорогая Гликерия Николаевна, поздравления и просим принять наш сердечный, горячий привет, и мужа и мой. Крепко целую и обнимаю Вас, если позволите. Андрей Алексеевич целует Ваши ручки.

Мария Желябужская

6

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. С. МИРОЛЮБОВУ
1898 – 1899, Москва¹²

Воскресенье, числа не помню

Многоуважаемый Виктор Сергеевич!

На случай если бы Вам вздумалось паче чаяния (опять не могу не попрекнуть!) зайти к нам завтра или во вторник — предупреждаю Вас, что нам до среды утра приходится ехать в Нижний. [...] Последний раз взываю к Вам, Виктор Сергеевич, приходите к нам, пожалуйста, если и Вы к нам расположились хотя наполовину так, как мы к Вам. Я очень бы дорожила по-хорошему подружиться с Вами¹³, ведь между нашей братией — артистами такая страшная редкость образованный, интересующийся не только одной сценой, порядочный человек, но которому истинное искусство дорого; а я откровенно признаюсь: с чиновниками, купцами богатыми и всеми теми, с кем я «должна» бывать, — смертно скучно!

Дайте же нам слово, что запросто, когда вздумается, днем ли, вечером ли, будете заходить к нам: понравится — оставайтесь, не понравится — уходите, ни останавливать, ни удерживать Вас не будем. Здоровы — отлично, поболтаем, попоем, пришлите мне ноты, я выучу аккомпанемент; будет нездоровиться — сидите и молчите. Ведь и у Вас, кажется, близких семейных в Москве не много? Не удивляйтесь, что, в сущности очень мало Вас выдавая, я решаюсь предлагать Вам свою дружбу, но и муж мой и сестра уже заранее расположили меня в Вашу пользу и познакомили с Вами, и сами Вы мне очень нравитесь. Хотите, давайте дружить, а пока жму крепко Вашу руку и от всей души желаю Вам счастья и здоровья. Муж, вчера только приехавший, сердечно Вам кланяется, жмет Вашу руку и от всего сердца поддерживает меня в моей просьбе быть с нами поближе. Даже Юрка Вам кланяется.

Мария Желябужская

7

ПОЕЗДКА В КРЫМ¹⁴

Мы, тогда еще Художественно-общедоступный театр, поехали в Крым, собственно в Ялту, показать Антону Павловичу Чехову две его пьесы — «Чайку» и «Дядю Ваню», которые он не видел.

По дороге остановились в Севастополе, где тоже дали несколько

представлений.

Спектакли имели большой успех, публики было много, стояла дивная ранняя весна, почти все мы были молоды, страстно влюблены в свой театр, безгранично верили в своих руководителей К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко и обожали Антона Павловича Чехова.

Все это вместе взятое создавало особо повышенную атмосферу радостного праздника, предчувствия больших, необычайных переживаний.

Мы знали, что в Ялте живет М. Горький. Многие из нас читали его произведения, спорили о них. Одни сразу приняли новое восходящее литературное дарование, восхищались его горячим, бурным темпераментом, видели в нем глашатая новых мыслей и чувств, другим не нравилось, что «море смеялось» в рассказе «Мальва», что герои писателя — «подонки человечества».

Антон Павлович: приехал в Севастополь навстречу театру, хотя его уговаривали не рисковать здоровьем и дожидаться нашего приезда в Ялту.

Шел спектакль «Гедда Габлер». В антракте слышу — в коридоре глуховатым баском разговаривает с кем-то Антон Павлович. Обрадованно подумала: «Сейчас зайдет, должно быть. Боюсь, не понравится ему только, это не в его вкусе...» И действительно, слышу — стучится в тонкие дощатые двери убогой моей уборной — играли мы в летнем театре где-то на бульваре. Спрашивает:

— К вам можно, Мария Федоровна? Только я не один, со мной Горький.

Сердце забилося — батюшки! И Чехов и Горький. Встала навстречу. Вошел Антон Павлович — я его давно знала, еще до того как стала актрисой, — за ним высокая тонкая фигура в летней русской рубашке; волосы длинные, прямые, усы большие и рыжие.

Неужели это Горький?

... Мы почти все, огромное большинство труппы, сразу влюбились в Горького.

Когда мы играли в Ялте, мы много раз видели Горького — в доме Антона Павловича, на спектаклях в театре и вообще в городе. В Ялте тогда собралась почти вся группа «Знания» — Елпатьевский, Бунин, Куприн, Гусев-Оренбургский, Скиталец и еще какие-то менее известные писатели. Жил в Ялте Мамин-Сибиряк. Все свободное от репетиций и спектаклей время мы, актеры, проводили вместе с писателями, и многих из нас поражало их какое-то двойственное отношение к Горькому.

Как-то у Чехова произошла такая сцена. После чая, это было часа в четыре дня, собрались в кабинете у Антона Павловича несколько человек из нашего театра. Был Бунин и молодой писатель в форме морского офицера по фамилии, кажется, Лазаревский; отлично помню, что он сильно надоедал Антону Павловичу, требуя к себе особого внимания — он привез какие-то свои произведения на отзыв. Были еще Скиталец, Чириков и Алексей Максимович.

Где бы ни был Алексей Максимович, он обычно становился центром внимания. Так и в этот раз. Он горячо говорил, широко размахивал руками и вообще вел себя для нас непривычно. Двигался он необычайно легко и ловко. Кисти рук, очень красивые, с длинными выразительными пальцами, чертили в

воздухе какие-то фигуры и линии, и это придавало его речи особую красочность.

Антон Павлович сидел на диване, поджав под себя ноги, и с умной улыбкой внимательно слушал.

Говорил Горький о двух русских гениях — Толстом и Достоевском, яростно утверждая, что эти великие художники принесли и великий вред русскому народу, стараясь пресечь, остановить и удержать историю его развития.

На лицах слушающих ясно видно было, что с Горьким они не согласны; однако никто не вступал с ним в спор. Так и дали ему, выговорившись, попрощаться и уйти...

Но стоило Горькому уйти, и сразу заговорили, заспорили, закричали «братья писатели». [...]

— Какое нахальство! Как он смеет!.. Самоучка!..

По существу никто ничего не говорил, а только больше бранились и возмущались.

Антон Павлович тихо покашливал, насмешливо морщился и тихо сказал под конец:

— Что же вы это ему все самому не сказали?

А. М. Горький нежно любил А. П. Чехова, он преклонялся перед его талантом, мастерством; пока мы играли в Ялте, он не пропустил ни одного представления пьес Чехова. Не будучи занятой в «Дяде Ване», я наблюдала, как воспринимал Горький происходящее на сцене. Глаза его то вспыхивали, то гасли, иногда он крепко встряхивал длинными волосами, видно было, как он старается сдержаться, пересилить себя, но слезы неудержимо заливали глаза, лились по щекам, он досадливо смахивал их, громко сморкался, смущенно оглядывался и снова неотрывно смотрел на сцену.

В Москве Нину Заречную в «Чайке» играла М. Л. Роксанова, в поездке эту роль поручили мне. Играли эту пьесу у нас очень хорошо. Превосходна была О. Л. Книппер в роли актрисы Аркадиной, В. Э. Мейерхольд в роли ее сына — писателя Треплева, К. С. Станиславский — Тригорин; изумительная по простоте, правдивости и силе чувства была М. П. Лилина в роли Маши, хорошо играли все участники спектакля. Недаром на первом представлении в Москве, когда после окончания первого действия опустил занавес, публика несколько секунд сидела не шелохнувшись и, только придя в себя, разразилась аплодисментами. [...]

Воистину общим, всем нам родным и дорогим делом был для нас тогда наш Художественно-общедоступный театр. Сейчас, когда мы, первый отряд советского орденоносного МХТ им. Горького, вспоминаем эти события из жизни давнего прошлого, каждый по-своему и по-разному видит их в памяти своей, но одно у нас у всех осталось общее: через сорок лет мы пронесли горячую любовь и глубочайшее уважение к искусству, к литературе, к труду, творчеству и мощи человеческого гения.

[ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ]¹⁵

Трудно думать, чтобы после моей смерти, а может быть, даже и раньше об отношении ко мне Алексея Максимовича и о жизни его рядом со мною люди не писали, не толковали и не разбирались в них, и, как это вообще бывает, — вкривь и вкось. Вот причина, побуждающая меня написать самой о том, что может быть, как мне кажется, интересно, рисуя такого крупного и во всех отношениях исключительного человека.

Впервые мне пришлось встретить Алексея Максимовича в Севастополе, в 1900 году, когда Художественный театр ездил показать Антону Павловичу Чехову его пьесу «Чайка», которую тот в Москве не видел, уехав до первого представления.

Конечно, мы все, актеры, знали о Горьком, многие восхищались его талантом, некоторые из нас слышали о нем от Чехова как о человеке необычайно интересном, ярком и обаятельном; слышали заранее анекдоты о его грубоватости, необычном поведении в обществе, конечно — о его черной косоворотке, высоких сапогах, длинных волосах, сильном ударении на «о» в говоре, об административных гонениях на него, о его ссылке в Ялту и т. д. и т. д.

Лично мне как писатель он был известен с первого же его появления в толстых журналах и с первого же прочитанного мною рассказа «Мальва». Меня захватила красота и мощь его дарования. Я не знала еще о нем ничего. Мне представлялось, что это необыкновенно красивый человек, у которого должны быть большие, проникновенные, все видящие глаза. Когда я читала его произведения, часто мне казалось, будто он тут где-то рядом и видит то, что прячется в душе, чего до тех пор и сама в себе не подозревала, а вот кто-то подглядел, подслушал тайное и открыл. Такое ощущение до тех пор вызывал во мне только Толстой, и уже одно это ставило в моей душе и в моем представлении Горького на пьедестал.

В те годы мне вообще пришлось переживать большую духовную ломку — из обыкновенной дамы, жены крупного чиновника, привыкшей ко всем атрибутам подобного положения, я мало-помалу становилась человеком и актрисой. Отчасти это происходило оттого, что из любительницы сценического искусства я, вместе с остальными товарищами по Литературно-артистическому обществу, стала заправской актрисой, стало быть, перешла на серьезную и обязательную работу, отчасти потому, что мне посчастливилось незадолго перед тем впервые встретить настоящих убежденных людей, молодых марксистов¹⁶. Благодаря им и их помощи я многому научилась и многое увидела в совершенно новом для себя свете. Эти друзья мои лучше знали и ценили Горького, и то, что они мне рассказывали о нем, поднимало его в моих глазах еще выше.

Шло первое представление в Севастополе «Эдды Габлер» Ибсена. Пьеса мне страшно нравилась, свою роль я всегда играла с большим волнением, а тут еще мне сказали, что на спектакле будут и Чехов и Горький. Весь день прошел для меня в каком-то трепете. Помню, было жарко очень, в тесных каморках-уборных мы задыхались, грим — хоть мы тогда и молоды были, и

гримировались очень слегка — не хотел держаться на лице, и я с отчаянием думала: вот тут и будь гордой патрицианкой, когда все лицо блестит, сколько его ни пудри!

После третьего акта слышу чей-то чужой мужской голос:

— Это великолепно! Это великолепно, я вам скажу.

А затем стук в мою дверь и голос Антона Павловича:

— Можно к вам?

Когда они оба вошли, Чехов и Горький, меня прежде всего поразило, до чего они разные! О Чехове писали так много и так, по-моему, не похоже все написанное на того Чехова, которого я знала, что о нем мне неловко много рассказывать. Горький показался мне огромным. Только потом, много спустя, стало ясно, как он тонок, худ, что спина у него сильно сутулится, а грудь впалая. Одет он был в чесучовую летнюю косоворотку, на ногах высокие сапоги, измятая как-то по-особенному шляпа с широкими полями почти касалась потолка и, несмотря на жару, на плечи была накинута какая-то разлетайка с пелериной. В мою уборную он так и вошел в шляпе.

— Вот познакомьтесь, Алексей Максимович Горький. Хочет наговорить вам кучу комплиментов, — сказал Антон Павлович. — А я пройду в сад, у вас тут дышать нечем.

— Черт знает! Черт знает, как вы великолепно играете, — басит Алексей Максимович и трясет меня изо всей силы за руку (он всегда басит, когда конфузится). А я смотрю на него с глубоким волнением, ужасно обрадованная, что ему понравилось, и; странно мне, что он чертыхается, странен его костюм, высокие сапоги, разлетайка, длинные прямые волосы, странно, что у него грубые черты лица, рыжеватые усы. Не таким я его себе представляла.

И вдруг из-за длинных ресниц глянули голубые глаза, губы сложились в обаятельную детскую улыбку, показалось мне его лицо красивее красивого и радостно екнуло сердце. Нет! Он именно такой, как надо, чтобы он был, — слава богу! Не помню, конечно, что именно он говорил, помню — хвалил наш театр за то, что играем хорошие пьесы, актеров. Но чаще всего упоминал об Антоне Павловиче, и с такой нежностью, с такой осторожной любовной почтительностью. В двери моей уборной все время просовывались головы: всем хотелось видеть, слышать, о чем он говорит. Алексей Максимович вскоре ушел. Больше в Севастополе мне не пришлось его видеть, на другой день он вернулся в Ялту, где жил с женой и сыном.

Товарищи рассказывали о том, как накануне ужинали где-то с ним вместе, рассказывали, имитируя его манеры, голос, говор на «о». Передавали разные забавные анекдоты. [...] Мне не раз впоследствии приходилось замечать, что об Алексее Максимовиче любят рассказывать — как он много пьет, передавать анекдоты о нем и с его будто бы слов, всегда при этом изображая его манеры и говор, — мне самой ни разу не пришлось видеть его много пьющим и очень редко слышать из его уст анекдоты, а сам он представляется мне наименее подходящим для анекдотов объектом. Мне думается, на людей действовала его внешняя необычность и яркая образность его речи, которую, не умея передать верно, облекали в наиболее легкую для себя форму рассказывающие о нем. Мне

было досадно на себя, что ничего не сказала ему. Чувствовала, что для него я просто актриса и вряд ли интересна ему. Завидовала Книппер — она много раз виделась с ним у Чеховых до тех пор, но и от нее слышала те же рассказы, не соответствующие [облику] Горького, борца и творца новой жизни, которого так пламенно любили мои друзья-революционеры.

Когда Художественный театр приехал играть в Ялту, мне там не однажды пришлось видеть Алексея Максимовича и в театре, и в ужинающей компании, и на берегу моря, на прогулке. [...] Где бы он ни был, он всегда помимо всяких усилий с его стороны, помимо воли становился центром, вокруг которого группировались остальные. Это отнюдь не мое личное впечатление, так как об этом же впечатлении мне много раз приходилось слышать от людей самых разнообразных, и расположенных к нему и прямо враждебных. В те дни в Ялте много было заметного народу из писателей: Бунин, Куприн, Федоров, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Елпатьевский, Миролубов, наши главари: Станиславский и Немирович-Данченко, актеры, такие яркие люди, как Москвин, Качалов, наконец, Антон Павлович Чехов. Но когда появлялся Горький и начинал рассказывать, всё как-то стушевывалось и бледнело перед ним. Особенно загорался он, когда речь заходила о литературе; и тогда уже он знал и читал чрезвычайно много, и не раз приходилось замечать, что многие из присутствующих, люди дипломированные, с университетским и иным образованием, знают меньше, образованны уже, чем он. О чем бы ни заходил разговор, Горькому ничто не было чуждо. Суждения и мысли свои он высказывал прямо, несколько резковато порою, не всегда вежливо по отношению к слушающему, но всегда волнующе интересно и горячо. [...]

Лично мне пришлось очень мало разговаривать с ним, но видела я его очень много, слышала о нем ежеминутно и слышала его самого. Однажды он, сидя на берегу, рассказывал нам, актерам, какую хочет написать пьесу для нашего театра, и вкратце передавал возможное содержание ее. Потом этот рассказ воплотился в «Мещанах». [...]

Однажды осенью, после нашей поездки в Крым, мне доложили, что спрашивают меня Шаляпин и Горький.

Они пришли просить достать денег для помощи духоборам, высылаемым куда-то в Америку, если не обманывает память. С той поры мы видались с Алексеем Максимовичем очень часто. Приезжая в Москву, он всегда заходил ко мне, подолгу засиживался, иногда читал вслух новые произведения кого-либо из товарищей. Чаше других — Л. Н. Андреева, которым горячо восхищался. Великим наслаждением было слушать Алексея Максимовича! Рассказывал он всегда очень просто, с необыкновенным мастерством передавая в лицах диалоги, иногда каким-либо жестом рисуя в воздухе то человека, то дерево, сук, извилину реки, — и перед вами как живое проходило то, о чем он говорил. Читал и свои и чужие вещи с огромной экспрессией и большим чувством меры, так же просто, как и рассказывал [...]

В театре поставили «Мещан» — Горький был тогда всеобщим любимцем, публика рвалась увидеть его, особенно молодежь. Мне пришлось лично присутствовать при том нашумевшем случае, о котором принято было

рассказывать, будто Алексей Максимович «выругался», сказал, что он не утопленник, не балерина, и на него-де смотреть нечего. По-настоящему было, конечно, не совсем так.

На одном из юбилейных представлений «Дяди Вани»¹⁷, кажется 25-м, присутствовали и Чехов и Горький. Сидели они в директорской ложе, а в аванложе для них приготовили чай. Так как Лилина и Книппер играли, то меня попросили быть за хозяйку и напоить их чаем. Антон Павлович, как всегда, подтрунивал над всеми окружающими, шутил, но, видимо, волновался все-таки. В антракте в ложу стали стучать, ломиться в двери и громко вызывать Горького. Напрасно театральный служитель взывал к благоразумию и увещевал ломившихся в двери, напрасно приходил кто-то из администрации театра просить о том же — шум и стук не прекращался, пока длился антракт. В следующем антракте дверь не выдержала, ручка отскочила, и какие-то лица стали заглядывать внутрь. Антон Павлович поднялся и направился в ложу, а Алексей Максимович, побледнев и стиснув зубы, грозно двинулся к восторженно улыбающимся физиономиям. Посмотрела я на него, и жутко стало: лицо белое, даже глаза как-то побелели, скулы выдались. Сказал он очень тихо, но очень внушительно дословно следующее (каждое слово мне тогда врезалось в память):

— Неужели вы не понимаете, до чего это глупо? Происходит такое значительное событие, идет «Дядя Ваня», Антон Павлович в театре, а вы ломитесь в закрытые двери, занимаетесь пустяками! Ведь я же писатель, читайте то, что я пишу, если вам нравится, ко зачем смотреть на меня? Что я, балерина, утопленник, чтобы глазеть на меня? Постыдились бы вы, господа! — И ушел. Ушел совсем из театра, страшно огорченный и взволнованный.

Впоследствии Алексей Максимович часто вспоминал об этом случае, и всегда с большим негодованием на бестактность публики по отношению к Антону Павловичу, а от разных лиц я бесчисленное число раз слышала извращенную передачу этой инцидента, то в насмешливой форме, то в виде иллюстрации некультурности и грубой невоспитанности Горького. Не знаю, как поступил бы кто-нибудь другой на его месте, но он, чуткий и страшно деликатный по отношению к другим, жестоко страдал, чувствуя недостаток почтительности публики в отношении к Чехову. Это и вызвало резкость его отповеди.

В то время Алексей Максимович часто виделся с нашими актерами, приезжая от времени до времени в Москву. [...]

Наша дружба с ним все больше крепла, нас связывала общность во взглядах, убеждениях, интересах. Мало-помалу я входила во все его начинания, знала многих, стоявших к нему более или менее близко. Он присылал ко мне людей из Нижнего с просьбой устроить их, сделать то или другое. Бывая у меня, он часто говорил, встречая много народу. «Место свято пусто не бывает».

Я страшно гордилась его дружбой, старалась быть достойной ее, восхищалась им бесконечно. Однажды он прочел у меня «В тумане» Л. Андреева. Вещь эта произвела на всех слушающих потрясающее впечатление. Но надо было видеть радость и восторг самого Алексея

Максимовича, он весь дрожал и вибрировал, как натянутая струна. В нем была странность — он легко умилялся и плакал, особенно при чтении вслух. Немножко смешно мне это казалось, но и трогательно ужасно. Почти одновременно, насколько мне помнится, он рассказывал историю священника, глубоко верящего, молящегося о чуде и верующего в возможность такового. Впоследствии на эту тему Андреевым был написан «Василий Фивейский». На меня лично рассказ Алексея Максимовича произвел более сильное впечатление, чем прочитанный — у Андреева.

Так все шло до первого чтения пьесы «На дне». Это было во временном помещении, взятом для весенних репетиций, — в театре был ремонт. Помню, за большим столом сидели Немирович, Станиславский, Морозов, Алексей Максимович, Шаляпин, рядом с ним, почти обняв его, Пятницкий. Вся наша труппа. Горький читал великолепно, особенно хорошо Луку. Когда он дошел до сцены смерти Анны, он не выдержал, расплакался. Оторвался от рукописи, поглядел на всех, вытирает глаза и говорит:

— Хорошо, ей-богу, хорошо написал... Черт знает, а? Правда хорошо!

Вокруг на него смотрели влюбленными глазами, мы тогда все, от мала до велика, были влюблены в него, больше всех, пожалуй, Станиславский. Шаляпин обнял Алексея Максимовича и стал уговаривать:

— Ничего, ничего! Ты читай, читай дальше, старик!

Трудно описать, в каком мы все были восторге! Сама я была даже подавлена сознанием силы и огромности дарования Алексея Максимовича. До тех пор мне в голову не приходило взглядеться в людей не своего круга и жизни, помимо той ее стороны, о которой, к сожалению, я лишена возможности писать правдиво и откровенно и которой поэтому не касаюсь вовсе, — я говорю, конечно, о так называемой подпольной стороне¹⁸.

Готовясь играть «На дне», мы ездили на Хитров рынок, знакомились с тамошними людьми. Игре нашей это мало помогло, по всей вероятности, но лично я многому научилась и многое поняла за это время. И Горький стал мне еще дороже.

Первое представление этой пьесы было сплошным триумфом. Публика неистовствовала. Вызывала автора несчетное число раз. Он упирался, не хотел выходить, Владимир Иванович Немирович-Данченко буквально вытолкнул его на сцену. Горький курил в это время, как всегда в волнении, усиленно затягиваясь. Так с папиросой в руке и вышел. Уж ему из-за кулис кричат: «Спрячьте папиросу-то, спрячьте!» Он спрятал ее в кулак. По обыкновению он был в черной косоворотке, с ремешком кавказского пояса, в высоких сапогах.

В третьем акте ему понравилось, как я играла. Пришел весь в слезах, жал руки, благодарил. В первый раз тогда я крепко обняла и поцеловала его, тут же на сцене, при всех.

После спектакля Горький пригласил массу народа в «Эрмитаж» ужинать. Было шумно, говорили речи, поздравляли, все были возбуждены и взволнованы.

Еще во время спектакля, после взрыва аплодисментов, когда кончился первый акт и опустили занавес, Станиславский, потирая руки, прыгал по нарам и радостно говорил:

— Хлебом запахло!

9

ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ¹⁹

22 февраля 1900, Москва

22 февраля

... Я все время металась как угорелая и рада радешенька, что наступил пост. Ужасно торжественно прощалась публика с нашей труппой: когда в последний раз опустился занавес, стали кричать «всех, всех» — на сцену собралась вся труппа. Весь зал встал как один человек. Овация длилась полчаса. Алексею поднесли чудный венок и забросали маленькими венками и цветами. Всем дамам поднесли букеты, а мужчинам — венки. У меня моментально все цветы расхватили на память, и мне самой остался один обрывок ленты. После этого был ужин в «Эрмитаже», говорили речи, плакали — словом, все как следует было...

Твоя Маруся

6 марта 1900, Москва

... От наших ты, должно быть, уже знаешь, что доехали мы благополучно, читали уже в двух концертах²⁰, довольно удачно и с громадным успехом. Вчера в Историческом музее мне минут пять не давали начать говорить и вниз на подъезд провожала целая толпа. Вчера же утром была первая репетиция «Снегурочки», я играю Леля. Меня ужасно удивил молодой композитор Гречанинов тем, что не поверил мне, что я могу взять свободно от нижнего соль до верхнего ля, и очень удивился, когда я ему доказала, что я не ошибаюсь. Разве же это такая редкость? У Зарудной это считалось совсем обыкновенным...

Твоя Маруся

10

М. Ф. АНДРЕЕВА — С. А. ТОЛСТОЙ

Март 1900, Москва²¹

Глубокоуважаемая Софья Андреевна!

Ни вчера, ни сегодня не могла быть у Вас, хотя мне этого страшно хотелось, так как у близких друзей моих, Шауфус, умерла мать и мне трудно не быть около них в такое тяжелее время. Вчера ее хоронили, сегодня семья Шауфус уезжает в Петербург.

Мне очень хотелось просить Вас приехать сегодня вечером послушать пьесу П. А. Сергеевко «Сократ», но не решаюсь на это, боюсь, что это слишком будет с моей стороны смело, так как мне не удалось быть у Вас.

Прошу позволения приехать к Вам на той неделе, если это Вас не стеснит, а

пока почтительно и низко Вам кланяюсь.

Мария Желябужская

11

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

21 сентября 1900, Москва²²

21-го сентября

6 ч. утра

Константин Сергеевич, простите меня, ради бога, что я решаюсь в такое время тревожить Вас и писать Вам²³, но мое состояние духа сейчас такое ужасное, мое положение такое затруднительное, что я не могу не обратиться к Вам, а говорить я с Вами боюсь, Вы такой суровый со мной, да и вообще измученный, взволнованный, раздраженный. Когда я с неделю тому назад обратилась к Марии Петровне, что меня пугает то, что на всех репетициях с нею играет Ольга Леонардовна, а я с Мунт, и что если я играю в первом спектакле, то это очень неудобно, — Вы велели нам замолчать и не касаться этих щекотливых вопросов.

Вчера расписывались на репетицию 22-го, последнюю генеральную, и опять с Марией Петровной репетирует Книппер. Взволнованная и огорченная, я обратилась с *просьбой* к Александру Акимовичу сказать, что я ни разу не репетировала с Марией Петровной и ни разу не вела с нею первого акта с самой весны. Он спустя несколько времени пришел и сказал, что старался объяснить это Владимиру Ивановичу, но тот настаивает, чтобы репетировала Ольга Леонардовна. Тогда я попросила, если можно, прийти Владимира Ивановича. Даю Вам честное слово, Константин Сергеевич, что я ничего не преувеличиваю и ничего не вижу особенными глазами, что я говорила не только *просительно*, но очень робко и огорченно. Владимир Иванович очень резко заявил мне, что это дело решенное, что разговаривать мне нечего, что было 120 репетиций со мной (!), что у меня было семь генеральных (!). Когда я возразила, что у меня было две генеральных, он сказал: «До этого [мне] дела нет — кто репетировал, с кем репетировал. Я знаю, что было масса репетиций».

Кому же тогда до этого дело, с кем говорить, кого просить? Иначе как за насмешку и по тону и по смыслу я не могу принять его слова: «Я не понимаю, откуда ваши претензии, вы играете Леля вполне твердо, уверенно, по обыкновению будут говорить, что это один из ваших шедевров... И что бы там ни было — я признаю справедливым, чтобы репетировала Ольга Леонардовна, и так будет во что бы то ни стало». Я, разумеется, замолчала и ушла. Мне, он говорит, будет дана репетиция в субботу утром с декорациями, костюмами и всеми, кроме соловьевцев. Ну, а Мария Петровна не устанет — репетиция в пятницу, спектакль в воскресенье, и еще репетиция в субботу? Уж обо мне я не решаюсь говорить, что в пятницу утром единственная репетиция «Одиноких», в субботу репетиция «Снегурочки», в воскресенье «Снегурочка», в понедельник «Одинокие». Да это и не было бы существенно, если бы не все эти ненужные волнения и огорчения.

Простите меня, Константин Сергеевич, верьте, что мне мучительно больно и обидно тревожить Вас, но я боюсь, боюсь играть Леля! Когда я сказала вчера Владимиру Ивановичу: «Да как же я буду играть Леля, если я ни разу не репетировала с Марией Петровной, — значит, мне и играть будет нельзя». «Ах, это ваше дело, не играйте — будет играть Ольга Леонардовна».

Скажите Вы мне правду, прямо, искренне, без всякого желания как-то утешить, что-то не задеть, поймите Вы, что я от Вас покорно снесу многое — я так люблю и уважаю Вас и как учителя, и как человека, и как общественного деятеля, ну да ведь Вы все это знаете, — скажите Вы мне, что мне делать? Не играть на первом спектакле? Совсем не играть Леля? Или играть спустя некоторое время?

После резкой, категорической отповеди Владимира Ивановича я официально не скажу ни одного слова, но как друга прошу Вас, простите меня за то, что я к Вам обращаюсь, и скажите мне, что мне делать? Никаких претензий у меня нет, ни на кого я не раздражаюсь, мне просто больно, что я становлюсь в Вашем деле чем-то мешающим, раздражающим, ненужным. Если Вам самому некогда, попросите Марию Петровну написать мне или сказать, что Вы думаете, — я приеду к ней, когда она назначит.

Искренне преданная Вам

Мария Желябужская

12

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. П. ЧЕХОВУ

17 января 1901, Москва²⁴

01, 17 января

Ну, спасибо Вам, Антон Павлович, за память, да еще в такой прелестной форме выраженной!

Я даже и не ожидала, что это Вы, так как, по правде сказать, Вы меня в последний свой приезд не то что обидели, а огорчили: во-первых, не пришли потолковать о роли в «Трех сестрах», а во-вторых, мне (все казалось, что Вы боитесь откровенно поговорить со мной. Ей-богу, я не очень тупая и отлично понимаю и даже очень благодарна бываю, если мне говорят, что вот, мол, то-то и то-то у вас может выйти нехорошо — вы подумайте и поработайте. И вот именно этого-то, короче сказать — простоты в отношениях, у Вас ко мне и не было. Правда? Ну, а пусть она будет. Хорошо?

Как же Вы поживаете? Мы усердно трудимся, репетируем и волнуемся «Тремя сестрами». Ах, хорошая пьеса, только и трудная же, господь с нею, страх!

Вчера до 6 часов с 12 ч. дня сидели, уж даже глаза распухать стали. Теперь уж скоро пойдет, дай бог чтобы хорошо. Вам наши, конечно, телеграмму пошлют о первом представлении. Сейчас уже можно сказать, что великолепны будут: Наташа — М. П. Лилина, Ферапонт — В. Ф. Грибунин, Кулыгин — Вишневский, Вершинин — и Алексеев и даже Качалов — очень недурен²⁵.

Хороши очень обстановка и декорации, ну да уж это по большей части так

у К. С. Алексеева.

Так еще раз спасибо, Антон Павлович, крепко жму Вашу руку, бывайте здоровеньки!

Андрей Алексеевич Вас приветствует.

Мария Желябужская

13

А. П. ЧЕХОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26 января 1901, Ницца

26 янв. 1901

Милая Мария Федоровна, я не посылал Вам цветов, но, пожалуйста, пусть будет так, точно я послал Вам их, иначе конфузу моему и огорчению не будет меры. Ваше письмо доставило мне такую радость, что выразить Вам не могу. Спасибо Вам большое, необыкновенное, и считайте теперь меня Вашим неоплатным должником.

Вы пишете, что в последний свой приезд я огорчил Вас, что будто я боялся откровенно поговорить с Вами насчет «Трех сестер» и т. д. и т. д. Господи помилуй! Я не боялся откровенно поговорить, я боялся помешать Вам и нарочно старался молчать и, елико возможно, сдерживал себя, чтобы именно не помешать Вашей работе. Если бы я был в Москве, то разве только после десятой репетиции стал бы делать свои замечания, да и то только в мелочах. Мне пишут из Москвы, что Вы превосходны в «Трех сестрах», что играете Вы прямо-таки чудесно, и я рад, очень, очень рад и — дай бог Вам здоровья! Считайте меня Вашим должником, вот и все.

Сегодня я уезжаю в Алжир, пробуду там недели две, а потом в Россию. Что Вы будете играть в Петербурге, я очень жалею, так как не люблю Петербурга и не высоко ставлю его вкусы. Андрею Алексеевичу низко кланяюсь и шлю привет; и детям тоже. Бывайте здоровеньки, да хранят Вас ангелы небесные.

Преданный А. Чехов

14

М. Ф. АНДРЕЕВА — С. А. ТОЛСТОЙ

1 марта 1901, Петербург²⁶

1 марта

Многоуважаемая Софья Андреевна!

Как-то совестно выражать Вам сочувствие — и все-таки я не могу не написать Вам, что когда я прочитала возмутительное и позорное заявление об отлучении Льва Николаевича, то хоть и была я совсем одна в своей комнате, а покраснела, и стало мне мучительно стыдно и больно — больно, что не поднимается все общество, весь народ, когда посмели тронуть Льва Николаевича.

Пишу я, и так мелко, ничтожно все, что я говорю, по сравнению с тем, что чувствуется, но мне так хочется хоть как-нибудь выразить Вам все то горячее,

искреннее огорчение и боль, которые у меня сейчас в душе! Я слышала, что здоровье Льва Николаевича лучше, слава тебе господи, дай ему бог много сил и здоровья, самому чистому, прекрасному, великому человеку на свете.

Вчера Василий Алексеевич Маклаков был так добр прислать мне Ваше чудесное письмо²⁷, все наши артисты выхватывали его у меня из рук²⁸, и, если бы Вы могли видеть и слышать это, мне кажется, Вы были бы довольны — какое горячее и искреннее чувство оно у всех вызывало.

Пожалуйста, примите и передайте Льву Николаевичу, если только найдете это возможным, мой низкий поклон и сердечное приветствие.

Глубоко Вас уважающая

Мария Желябужская

15

ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ²⁹

2 октября 1901, Москва

2 октября

Дорогая моя Каточка!

... К сожалению, все это время я так страшно занята, играю почти ежедневно из-за болезни Константина Сергеевича, у которого сильнейший бронхит, а тут еще каждый день репетиции «Крамера» — те действия, в которых не участвует Константин Сергеевич.

... До сих пор мы уверены, что в Петербурге играть будем в Панаевском, так как у наших еще с прошлого года сделан на пост письменный контракт, а уж как это будет в действительности — и сама не знаю. Яворской оттого «Чайки» не дали³⁰, что сами думают ее играть в этом году. Что же касается того, что она гордится Ланским, то это довольно смешно, так как он у нас больше был на выходах или играл самые маленькие роли, только-только что с ниточки. Да и то не знали, как его пристроить, так он глуп и туп, и служил он у нас всего один год, он ведь бывший балетный.

Детка моя, за «Крамера» я боюсь не за себя, так как, если даже меня обругают, я не буду в ответе, скажут — зачем мне давали неподходящую роль. А обидно будет за даром потраченный труд, возню, обидно за театр, если пьеса шлепнется, тем более что «Дикая утка» успеха не имела³¹.

Алексеев сам ужасно повесил нос, говорит, что рецензенты сговорились погубить театр, что нельзя работать среди одних врагов, а сам ходит и пляшет по дудке Немировича.

Дмитрий Иванович [Лукиянов]³² просит тебе сообщить, что я сейчас не только не мокрая курица, а совсем наоборот — дама весьма воинственная, так что на его долю выпадает больше роль изливающего оливковое масло на бушующие волны, а бойкоты его даже забыли, когда они были, так он стремится делать умильное лицо, чтобы умиротворить мой гнев, когда я прихожу домой из театра! И правда, я все злюсь, каждый раз злюсь.

Маруся

14 октября 1901, Москва

14 октября

... Эти дни я сильно прихварывала, и у меня было сильное искушение написать тебе, чтобы ты приехала сейчас. Теперь мне уже лучше, но была страшно простужена, хрипела, сипела, и все-таки приходилось играть, так как и Константин Сергеевич и Качалов были еще больше больны и положение было такое, что хоть театр закрывай. Не помню, писала ли я тебе, что в новой пьесе Немировича «Около жизни» я играю главную и очень большую роль³³. Много было тут перипетий, разговоров, толков, но в конце концов автор одержал верх, и так как для пьесы выгоднее, чтобы играла я, то я и играю, хотя, конечно, по всем своим желаниям и отношениям с Книппер, если бы только можно было, он отдал бы роль ей.

Маруся

16

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ
Февраль 1902, Москва³⁴

Ах, Константин Сергеевич, неужели Вы не поняли и не видите, что не роль я играла, что ни к какой политике я не причастна, что не думала я соваться в непосильное дело для куда более крупных, чем я, а что я в отчаянии, что не могу помочь очень близкому и дорогому мне человеку. Представьте себе, что у Вас погибал бы такой человек и Вы не могли бы ничего сделать для него, — могли ли бы Вы в это время, даже Вы, думать о чем-нибудь, кроме этого одного? А я должна была, конечно, делать [вид], что хлопочу за всех или по крайней мере за нескольких, так как другого — от меня никто бы и не принял. Сейчас, если Вам не трудно, ответьте мне письмом. У нас полон дом народу: приехали Крит из Петербурга, гостят племянники Андрея Алексеевича, его belle-soeur, да вот Вы говорите, что и у Вас у самого нервы расстроены...

Очень обидно и жаль, что время моего тяжелого горя и волнений личных совпало с серьезным и тяжелым временем театра, но поступать не так, как я поступала все последнее время, — я была не в состоянии.

Вы представить себе не можете, чего мне стоило играть 9, 10 и 13 февраля...³⁵ Не знаю, знаете ли Вы, что всем высланным по тюрьмам объявлено официально, что они будут после отбытия наказания считаться политически неблагонадежными, им будет воспрещен въезд в Москву и предстоит поэтому двухлетнее отбывание воинской повинности по медвежьим углам провинции? Что вряд ли даже разрешат приехать сдать государственный экзамен. Это все полностью относится и к Димитрию Ивановичу, который все-таки интересовал и Вас. Я пишу Вам, как не написала бы никому, и очень прошу даже уничтожить это письмо.

М.

С тяжелым чувством пишу я Вам это письмо, Константин Сергеевич, мне очень хотелось поговорить с Вами, просто и мирно обсудить то странное какое-то положение, в котором я сейчас нахожусь по отношению и к Вам и к театру. Но говорить как-то не удалось, да, пожалуй, оно и лучше. Я бы плакала и волновалась, как это всегда со мной бывает, а Вы едва ли бы даже поняли все то, что заставляет меня плакать и волноваться. Не знаю, почувствуете ли Вы ту искренность и боль, с которой я пишу Вам это письмо, но я решилась высказать Вам всю правду, а там будь что будет.

Последним толчком для меня был разговор с Саввой Тимофеевичем, который говорил, что Вы находите, что я стала небрежно относиться к театру, не занимаюсь ролями и вообще играю на общих своих тонах, а это равносильно, по-моему, тому, что я становлюсь банальной актрисой. Савва Тимофеевич предупредил меня, что такое Ваше мнение может испортить наши с Вами отношения, а он меня знает, как я дорожу Вашим отношением ко мне и как для меня было бы тяжело, если бы Вы стали относиться ко мне дурно. Константин Сергеевич, будьте искренни и скажите по совести — хорошо ли Вы ко мне относитесь? Видите ли, для меня, как я уже тысячу раз Вам говорила, Вы — душа, смысл, суть, все внутреннее содержание, все хорошее этого театра, и я могу служить в нем только в том случае, если в Вас я буду видеть не врага, не человека, подозревающего меня во всевозможных кознях и подвохах, а друга, ясно и твердо сознающего и верящего, что я не способна ни на какие интриги или подпольные действия.

Я не могу и не хочу, чтобы Вы могли то верить мне и считать меня близким и преданным человеком, то интригующим и чуть не предающим Вас! Решите что-нибудь одно и прямо мне это так и скажите, тогда и я буду знать, что мне делать, а так, то падать, то подниматься в Ваших глазах, я, право, не могу и не хочу! Это слишком тяжело, да и обидно уж очень, обидно так, что и сейчас пишу Вам — и плачу.

Вы не можете не знать, что я люблю театр, люблю свое дело очень, ни разу до сих пор Вы не могли бы упрекнуть меня в небрежности... А то, что теперь Вы не поняли, как мне было невыносимо тяжело, какую жестокую муку мне пришлось пережить с 9 февраля³⁷, и не поняли, что человек с ума сходил от тысячи причин очень сложных и болезненных, — показывает мне, как я Вам чужда, как Вы меня мало знаете! А ведь Вы больше, чем кто-нибудь, знаете правду обо мне, Константин Сергеевич.

Рассуждать о том, банальная я актриса или нет, — не мое дело. Может быть, совершенно правы те, которые это находят, говорю это без всякого «унижения паче гордости», совсем просто. Но я думаю, что я все-таки могу быть полезной, могу иногда играть хорошо, а уж особенно если Вы этого бы захотели и помогли мне.

За все четыре года, что я служу, и восемь лет, что я играю у Вас, неужели у Вас не сложилось убеждения, что моя особа в моих глазах всегда стояла ниже

общего дела и мое самолюбие не раз приносилось в жертву, раз это было нужно Вам или делу? Неужели не ясно, что, будь я действительно хотя сколько-нибудь интриганкой, — не пришлось бы мне Вам писать этого письма?

Я убедительно прошу, умоляю Вас сказать мне правду, искренне и просто, без страха оскорбить меня, без страха за мое здоровье, мои нервы, без всего того, что затемняет настоящий смысл и суть дела, — уйти мне из Вашего театра или остаться?

Остаться я могу только в том случае, если Вы будете твердо и глубоко убеждены в моей порядочности, а я буду верить Вам, что Вы мне не враг, который слушает каждого, кто говорит обо мне дурно, и верит этому каждому. Чтобы я верила, что Вы не ищете в каждом моем слове или действии подтверждения этому дурному [и что] Вы всегда будете обращаться ко мне лично, какие бы недоразумения у Вас ни возникали на мой счет...

Поймите, что каждое слово этого письма стоит мне очень дорого, что для меня очень важно, чтобы Вы ответили мне очень просто и искренне. Ведь столько лет отдано мною Вам с таким горячим и глубоким чувством восторга и преданности Вам! Столько струн и нитей связывают меня с Вами, что не только рвать их, но даже трогать их — больно. И, пожалуйста, пусть и мое письмо и Ваш ответ будут известны только нам с Вами, что бы Вы ни ответили.

Мария Желябужская
12 апреля 1902 г.

18

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ
24 октября 1903³⁸

24 октября
Москва

Многоуважаемый Константин Петрович,

Алексей Максимович поручил мне переслать Вам письмо А. П. Чехова и просить Вас написать Антону Павловичу по поводу его пьесы³⁹ и помещения ее в сборнике, а также по поводу отчисления 10 %⁴⁰, а не двух, если я не ошибаюсь.

Благодарю Вас за книги. Мне очень неловко беспокоить Вас, так как знаю, как Вы страшно заняты, но есть один юноша, которому до зарезу нужно найти хоть какие-нибудь занятия по письменной части, знает французский язык.

Если у Вас может быть хоть что-нибудь подобное — не откажите написать мне два слова, чтобы я могла направить этого юношу к Вам, а также если да, то в какое время.

Алексей Максимович уехал в Нижний вчера, здоров и очень деятельно настроен. Страшно увлечен своей новой вещью⁴¹. Жена и дети, насколько я знаю, здоровы и 26-го возвращаются из Крыма.

Пожалуйста, простите меня за беспокойство!

Жму Вашу руку.

Мария Андреева

Н. А. КАСАТКИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

13 ноября 1903, Москва⁴²

Жене Иогана

Сильное впечатление производит Ваша игра в «Одиноких». Вы дорогой ценой своего здоровья, своей жизнью служите делу, которому отдались. Нет у меня цветов украсить окружающее Вас, нет у меня лавров увенчать Вас... но есть у меня сердечное тепло, его шлю Вам. Человеческое сочувствие, оно не вянет и исчезает только с жизнью. Выздоровливайте.

Художник *Н. Касаткин*

13 ноября 1903 года

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

19 февраля 1904, Москва⁴³

Дорогая Мария Федоровна!

Я узнал с большой грустью о Вашем решении: уйти из своего театра.

С не меньшей грустью я сознаю, что мои убеждения и советы теперь — неуместны и бессильны.

Мне ничего не остается более, как сожалеть и молчать.

Не примите же это молчание за равнодушное отношение к происходящему и верьте моему искреннему желанию, чтобы предпринимаемый Вами решительный шаг не принес Вам новых разочарований.

Уважающий Вас и преданный

И. Алексеев

19/II – 904

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Февраль (до 26-го) 1904, Москва

Дорогая Мария Федоровна!

Долгое знакомство, почти дружба в прошлом, стремление к каким-то хорошим целям, все это, может быть, дает мне право выйти из нейтральной роли, принятой мною в силу многих обстоятельств.

Я, конечно, понимаю, что Ваш последний поступок — разрыв с прошлым без предупреждения и объяснения причин — ясно указывает мне то место, которое Вы назначаете мне в происходящем грустном событии. Тем не менее я решаюсь быть назойливым, принуждаю себя не считаться с самолюбием и очень болезненным чувством обиды.

Кто знает, может быть, мне удастся сказать какое-то слово, которое заставит Вас задуматься и предотвратить большое несчастье.

Я не говорю уже о здоровье. Специалисты и близкие Вам люди знают лучше меня, как им надлежит поступать. Я говорю только об искусстве. Наша

роль в нем была исключительной. Мы взялись облагородить его, вырвать его из рук торгашей и передать тем, кому оно должно принадлежать. Наша деятельность получила общественное значение, ее признало общество и наградило нас таким положением, какого не достигал еще ни один артист.

Теперь Вы отрекаетесь от этого почетного положения, которому больше всего завидуют лучшие провинциальные артисты, и добровольно становитесь в их ряды. Неужели Вы перестали поклоняться прежнему богу и отреклись от своих идеалов?

Подумайте, на что Вы меняете Ваше теперешнее служение обществу?

С десяти репетиций играть лучшие произведения литературы или с трех репетиций — произведения пошлости и бездарностей? Играть в сезон по десять новых ролей? Это ли не профанация искусства. Посвящать свою жизнь профанации хороших созданий литературы или показывать публике произведения пошлости — разве это достойная Вас деятельность?

Ваш успех будет велик, но разве он удовлетворит Вас при таком сознании? Не деньги же Вас прельщают! Правда, за тот компромисс, которым преисполнена жизнь артиста, ему платят в провинции большие деньги. Тем менее он заслуживает уважения!

Недаром лучшая часть общества отвернулась от актеров и забыла театр. Вот почему артисты принуждены создавать себе славу рекламами, подарками в бенефис, портретами в витринах и на шоколаде и прочими орудиями нехорошей славы. Так создаются имена и положения в провинции. Когда люди выбирают себе это никому не нужное и вредное ремесло по нужде — это грустно, но извинительно, но нельзя по собственной охоте служить тому, что не уважаешь.

Вы, может быть, хотите облагородить провинцию. Почетная задача, но Вы не с того конца за нее беретесь.

Или, быть может, Вы пришли к убеждению, что наше дело испортилось? Отдайте же ему половину той энергии, которую Вы бесплодно отдадите провинции... Вы принесете больше пользы, чем попыткой очищать и высушивать гнилое болото. Спасите же себя! Оставайтесь служить обществу теми средствами, которые дала Вам природа. Даю Вам слово, что, пока Вы будете служить этой почетной цели, Вы не найдете человека преданнее меня.

В противном случае мы разойдемся в разные стороны, и я с большой душевной болью прощаюсь с Вами, сохранив самые лучшие воспоминания о прошлом и заранее оплакивая Ваше будущее.

Ваш искренний доброжелатель

К. Алексеев

22

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

26 февраля 1904, Москва

26 февраля

Мне передали Ваше письмо, Константин Сергеевич, прочла я его — и такое тяжелое, гнетущее оно на меня произвело впечатление тем совершенным

непониманием — простите, преднамеренным и не особенно благородным, — которым пропитано оно все, которым дышит каждое его слово.

Вы грозите покарать меня своим неуважением, что наши дороги разойдутся в разные стороны, что я потеряю что-то в глазах лучшего общества, уйдя из Художественного театра. Вы высказываете обиду на то, что я неожиданно заявила о своем решительном шаге, без совета с Вами.

Вы мне кидаете упреки в том, что я иду в провинцию за нехорошей славой, заниматься никому не нужным, вредным ремеслом, изменяю своему богу.

Вы очень легкомысленно и не подумав писали свое письмо, Константин Сергеевич, ничем иным я не могу объяснить себе то, как оно написано.

Я даже не хотела отвечать Вам — так далеки Вы от истины, так не в состоянии выслушивать и понимать правду, но я-то действительно была Вам другом, ученицей, преданной слугой, — и я отвечаю на Ваше оскорбительное письмо.

Я ухожу без совета с Вами? Я много лет подряд ежегодно, каждую весну, прежде по несколько раз в год, говорила с Вами о том, что дело в театре, по моему, идет не так, как мне кажется хорошим и достойным, говорила о себе, о своем тяжелом положении в театре, о недостатке работы. Как Вы смотрели на эти разговоры? Серьезно? Нет. Вы успокаивались на мысли — это у Марии Федоровны обычный транс, это пройдет, это пустяки, Мария Федоровна дурит. А если бы Вы обращали внимание на мои слова, Вы не решились бы упрекнуть меня в том, что я нанесла Вам обиду, не предупреждая Вас о своей просьбе об отпуске. (Вещь второстепенная, но характерная: Вы все время говорите о моем окончательном уходе.)

Я перестала уважать дело Художественного театра, я стала считать его обыкновенным, немного лучше поставленным театром, единственное преимущество которого — почти гениальный, оригинальный режиссер. Я не скрывала этого, я об этом говорила громко. Вы испугались такого моего разочарования? Постарались вернуть мое уважение?

Я не считаю, что изменяю своему богу, — мой бог в моей душе жив, но я не хочу обманывать, я не хочу быть брамином и показывать, что служу моему богу в его храме, когда сознаю, что служу идолу в капище, только лучше и красивее с виду. Внутри него — пусто. И как мне больно было дойти до этого сознания, каково мне было сделать этот решительный шаг — подумайте хоть немного, и Вам, я хочу верить, стыдно станет своих легкомысленных обвинений.

Я верю в Ваш талант. Человеку — я Вам не верю. Вы не тот, что были.

Ни о славе, ни о рекламе, ни о чем об этом я не думаю, и смешны мне эти слова. Я иду служить, потому что я бедна. Будь я богата, я не служила бы совсем. Иду служить, потому что Художественный театр перестал быть для меня исключением, в другой театр, похуже, потому что мне больно оставаться там, где я так свято и горячо верила, что служу идее, а вышло — ну, не будем говорить об этом.

Вот где правда, Константин Сергеевич, поймите!!

Мне противно, конечно, что только мое отсутствие, может быть, докажет Вам, как Вам самому будет тяжело, когда Вы убедитесь, что я не была ни

интриганкой, ни обманщицей, ни фокусницей, как Вас в том убедили, а действительно порядочным и преданным делу человеком.

А что Вы или какое-то общество, которое Вы считаете лучшим, перестанете меня уважать — простите, после всего мною сказанного огорчает меня очень мало: я выше всего ставлю, чтобы я-то сама себя уважала. Не следовало Вам об этом писать.

Мария Андреева

23

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

19 марта 1904, Москва⁴⁴

19 марта

Мне было очень тяжело, и я очень боялась расплакаться — я не могла ни слова сказать Вам, Константин Сергеевич!

Мне хочется сказать Вам, что я всем сердцем, всей душой желаю Вам счастья уходя, буду помнить только хорошее, унесу горячую благодарность к Вам, моему учителю, дорогому и любимому учителю, и останусь всегда Вам верным другом.

Прошу Вас, не поминайте и Вы меня лихом.

Теперь, когда я все сказала, что было у меня на душе, когда я знаю, что Вы не примете моих слов за хитрости и желание чего-то добиться, — у меня только слова нежности, благодарности и горячего желания Вам всего хорошего звучат в душе, и с этим я и уйду от Вас.

Что ждет каждого из нас впереди — кто знает, а за прошлое примите мою благодарность, она очень искренна и глубоко живет в моем сердце.

Будьте счастливы, дорогой Константин Сергеевич!

Мария, Андреева

24

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

20 марта 1904, Москва

Дорогая Мария Федоровна!

Спасибо за Ваше доброе и искреннее письмо. Оно мне очень дорого. Я нуждался в нем для нравственной поддержки.

Не далее как этой ночью я воскрешал в памяти историю нашего знакомства, может быть, дружбы, и общей деятельности в театре. И много добрых воспоминаний, много хороших, благодарных чувств вызвали в душе эти думы. Но тем менее я мог мириться с тем, что Ваше последнее письмо, и особенно одна фраза в нем, завершат наше знакомство.

С этим я не мог бы примириться.

Сегодняшним хорошим письмом Вы вывели меня из того мучительного состояния, в котором я находился все это время, и я бесконечно благодарен Вам.

Теперь я буду верить в то, что Вы когда-нибудь поймете мое настоящее

отношение к Вам; поймете, что мои чувства к Вам всегда были чисты и любовны и именно поэтому нередко выражались резко и страстно.

Спасибо Вам за прошлое и будьте счастливы.

До свидания.

Преданный

К Алексеев
20/III – 904

25

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

10 мая 1904, Москва⁴⁵

... Вообще «высшее общество» — исполняется пророчество Константина Сергеевича⁴⁶ — отвернулось от меня! Сегодня я провожала Л. Л., и на вокзале семейство Жедринских (тот самый камергер, который был у Коровина) не удостоило меня узнать и прошло мимо особенно строго, я чуть было не упала в обморок «от отчаяния», но удержалась ввиду многочисленной окружавшей меня публики.

Вот оно, возмездие за дурное поведение! О-о-о!! И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от всех этих скучных и никому не нужных людей и условностей. И если бы даже я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, — я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной! Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно...

10 мая

26

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

11 августа 1904, Старая Русса

11 августа

Вот и не надо было просить Вас узнавать о возможности Юрию поступить в Тенишевское училище, дорогой мой Константин Петрович, и я браню и ругаю себя на чем свет стоит за то, что Вы вот уже четвертый раз бегаєте в эту поганую канцелярию. *Это все вежливость, да!*¹ И неправда, вовсе не вежливость, а очень искреннее и неприятное чувство, так как я Вас очень люблю и мне досадно, когда Вы много зря теряете времени, которого у Вас мало. Ну, ладно, Вы больше не ходите никуда, тем более что в субботу мы будем в Петербурге. В четверг я играю в последний раз^{2 47}, а в пятницу мы выедем

¹ Курсивом здесь выделены приписки Горького. — Ред.

² А. М. Горький писал А. Я. Тихонову из Старой Руссы: «... играла она “Бесприданницу”, играла Елену в “Мещанах”. Хорошо! Очень поэтично и трогательно в первом случае, очень грациозно и весело во втором. Хорошая артистка, но — это не ее роли. Рабья психика “бесприданницы” ей органически противна, и целиком в эту кожу она не может войти, нет-нет и вдруг из-за

отсюда в 7 ч. вечера. Алексей Максимович сидит и пишет целыми днями. Здоров, но, слава богу, достаточно благоразумен и твердо решил ехать на сентябрь в Ялту. «Дачников» переделал и окончательно (то есть надо надеяться, что окончательно) переписывает.

До свиданья, крепко жму Вашу руку. И еще — не называйте меня, пожалуйста, многоуважаемой!

Ваша Мария Андреева.

С вокзала мы к вам влезем чай пить и завтракать? Это уж — рок!

*Жму руку.
А.*

27

В. И. КАЧАЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Август 1904, Москва⁴⁸

Дорогая Марья Федоровна! Вот уже почти месяц, как я ломаю башку над разрешением того громадного для меня вопроса, который Вы мне поставили. Савве Тимофеевичу я так-таки ничего толком и не ответил. Он ждал от меня ответа и не дождался. Стыдно и неловко мне и перед ним и перед Вами, но что же делать — Вы поймете, какой это для меня большой вопрос.

Как бы то ни было, вопрос решен: я принужден отказаться от Вашего предложения. В этом году я не в силах уйти из Художественного театра, вернее, уйти от Станиславского. Этот необыкновенный человек имеет надо мной и власть необыкновенную. Я с ним много и откровенно говорил по этому поводу, и вот что я Вам скажу, дорогая Марья Федоровна. Как ни велика надо мной власть Станиславского, я почувствовал, что не в ней одной дело, что я легко мог бы не подчиниться ей, перешагнуть через нее, если бы... И вот в этом «если бы» вся штука — если бы во мне не заговорили, совсем неожиданно, благородные чувства — я не шучу, Марья Федоровна, — именно благородные чувства, какие редко, может быть раз в жизни, вдруг заговорят в человеке.

Вы легко поймете, какое это чувство, если вспомните, что сделал для меня Станиславский. Я, конечно, не говорю о том, что он помогал мне в создании ролей — это не так важно, мог помочь, а мог и помешать — и не о том, что ему я обязан своим положением, успехом, некоторым именем и т. д., — это все суэта. Я говорю о том, что он разбудил во мне художника, хоть маленького, но искреннего и убежденного художника, он показал мне такие артистические

бледной, бесцветной, жалкой Ларисы Огудаловой выглянет на свет гордый, свободный, сильный человек и в голосе прозвучит металлически звучное, крепкое отвращение к пошлости. А в Елене — она слишком изящна, слишком умна для вдовы уездного смотрителя тюрьмы, которая так любила общество арестантов. Завтра она играет «Колокол». Труппа здесь — так себе, очень сносная провинциальная труппа, но, разумеется, М. Ф. тесно, в хороших партнеров у нее пока еще нет. Посмотрим, что будет в Риге» («Горьковские чтения», М., 1959, стр. 8).

перспективы, какие мне и не мерещились, какие никогда без него не развернулись бы передо мной. Это дорого, это обязывает, это вызывает благодарность. И когда нужно показать на деле эту благодарность, когда тебе говорят, что ты своим уходом зашатаешь то дело, в которое я, Станиславский, вложил всю свою душу, и, наоборот, оставшись хоть на год, поможешь пережить кризис, — неужели ты все-таки уйдешь?

Согласитесь, Марья Федоровна, что Художественный театр переживает острый кризис в этом году — по целому ряду причин, всем известных. Он или оправится и снова поднимет голову, или через год прикончится. Это для меня ясно. Станиславский любит это дело, как собственное дитя, и делает всяческие усилия, чтобы дать театру пережить кризис благополучно. Я не страдаю манией грандиоза, но должен верить ему, когда он говорит, что во всякое другое время мой уход можно пережить легко, теперь же он является ужасной жестокостью, даже по отношению к нему лично. На эту жестокость я и не могу решиться теперь. Вполне уверен, что через год обстоятельства театра изменятся — так или иначе, и я найду в себе достаточно решимости, чтобы удрать к Вам, если Вы этого захотите. А как я хочу, Вы не можете сомневаться — уже по одним моим мучительным колебаниям. Благодарю сердечно.

Целую ручки Ваши и кланяюсь Алексею Максимовичу.

Ваш Качалов.

Нина¹ Вам давно уже ответила. Может быть, не получили? Она Вам написала в Ригу.

28

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

18 сентября 1904, Рига⁴⁹

Вот я и в Риге⁵⁰, дорогой Константин Петрович, и даже почти устроилась. Город очень милый, чистый, красивый, с массой парков, бульваров, зелени и цветов. На улицах большое оживление, хотя мне грешным делом все кажется, что это бесконечные вереницы классных дам и приказчиков из хороших магазинов, так все благовоспитанны, скромно, изящно одеты, и все бегут. Масса школьников, школьниц, студентов — и это все милый, веселый народ. Жизнь здесь, насколько можно судить сейчас, довольно удобная и недорогая, особенно дешевы цветы и фрукты и до безобразия мала всякая заработная плата, так что дешевы все портнихи, сапожники и т. д., прислуга. Климат — если бы судить по тому времени, которое я здесь, — совсем южный, целый день солнце, пыльно и почти жарко, но вообще, говорят, осадков здесь очень много и очень часты ветры, подчас очень сильные.

Квартиру я наняла весьма сносную, хотя и после очень многих неудач и поисков, очень комичных теперь, жидка их вспоминаешь, но очень несносных, пока все это происходило. У нас столовая, кабинет А. М. даже с балконом и перед ним две липы, моя комната и еще запасная, где стоят шкафы и кровать на

¹ Н. Н. Литовцева. — *Ред.*

случай приездов к нам. Комната Липы с Захаром, ванна и кухня — все это за 55 р. Есть и прачечная, и чердак, и ледник, и сарай. Мебель мы взяли напрокат, и теперь — милости просим, только приезжайте — все готово! От Алексея Максимовича приходят бодрые, хорошие письма, пишет, что засел за работу и прочел все рукописи. Когда приедет сюда, еще не заикается, так что надо надеяться, что он в Ялте еще поживет.

Завтра открывают у нас сезон, я играю 23-го в «Бесприданнице», потом 28-го «Одиноких» и, еще не знаю какого числа, «Красную мантию». Здесь я бываю только на репетициях, гуляю, читаю очень много, никого не принимаю, и, думаю, так будет до приезда А. М. Немного это мне бывает тяжело. Я привыкла жить с детьми. Но ничего, справляюсь с собой довольно удачно я бодрости духа не теряю. Не очень симпатичный народ — актеры. Ужасно они много кривляются и так все повышенно чувствуют или изображают, что чувствуют. Вряд ли я с кем-нибудь из них познакомлюсь ближе.

Как-то Вы поживаете? Как Ваши хлопоты с квартирой? Когда переедете? Вы были на «Уриэле Акосте»⁵¹ — напишите мне, пожалуйста, как сошел спектакль. Газеты бранятся, но я им не верю, и, во всяком случае, нехорошо так набрасываться на начинающееся и, по всем признакам, недурное дело. Вы видели «Нору»? Если не отнимет много времени, черкните Ваше впечатление о игре Комиссаржевской, я буду играть эту роль, должно быть, и мне интересно было бы знать, как она ее играет.

Константин Петрович, пошлите, пожалуйста, моему брату Николаю Федоровичу Юрковскому (Контроль Екатерининской дороги в Екатеринославе) сто рублей, а то у меня насчет финансов сейчас очень плохо. И сто рублей моей сестре Евгении Федоровне Павловой-Сильванской — Пречистенка, угол Смоленского бульвара, дом Кунина, кв. № 162. Вот Вы все опасались, что «Знание» мне «должно», — как видите, я довольно усердно отбираю эти долги. Как бы только не перебрать.

От Зины [Зиновия Пешкова] получена телеграмма из Швейцарии. Значит, здоров. Ну и отлично.

До свидания, голубчик, крепко жму Вашу руку и очень буду рада, когда увижу Вас. Бываете ли у наших?

Ваша Мария Андреева.

Мой адрес: Первая Выгонная дамба, дом № 2, кв. № 5.

18 сентября

29

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

4 декабря 1904, Рига⁵²

4 декабря

... Хотела бы написать вам побольше, но я сейчас сильно занята, ежедневно репетиции, четыре раза в неделю играю, и очень много новых ролей надо приготовить: в «Авдотьиной жизни» — Василькову, в косоротовском

«Потоке» — Веру, и Орлеанскую деву — Шиллера, а еще надо бы сыграть «Женщину с моря». Сейчас тоже бегу на репетицию. Крепко жму Вашу руку. Мне так жаль, что Вам нельзя приехать.

Ваша Мария Андреева

Здесь «Дачники» идут гораздо лучше⁵³, очень хороша М. Ф. — Марья Львовна. Очень!¹

30

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

10 января 1905, Петербург⁵⁴

Телеграмма

Срочная. Рига, Первая Выгонная дамба, 2

Марии Андреевой

Родная, милая, буду завтра. Держись. Раньше нет поезда. Собери все силы. Жди меня. Люблю. Ценю. Всем сердцем с тобой. Алексей.

30-а

ИЗ ПИСЬМА Л. Н. АНДРЕЕВА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

12 – 13 января 1905, Москва⁵⁵

Дорогая и милая Мария Федоровна!

Сегодня я узнал, что с другими членами депутации, ходившей к Витте, арестован и Алексей, уже в Риге. Идиоты! Им следовало бы арестовать весь народ. Но жалко, что произошло это в момент Вашей болезни, жалко Алексея, который пошел в тюрьму с заботами и тяжелым сердцем.

Вас не утешаю — Вы знаете хорошо, что арест не может быть продолжителен и тяжел, ибо времена Чернышевского прошли.

... Где Алексей содержится? Имеете ли Вы возможность сноситься с ним? ... И что-то будет? Вот время!

... Выздоровливайте, голубушка!

Искренне любящий Вас

Леонид

31

[АРЕСТ ГОРЬКОГО]⁵⁶

После 9 января 1905 года Алексей Максимович поехал в Ригу, где мы в то время жили, и там 11 января в нашей квартире чинами петербургской жандармерии он был арестован и увезен в Петербург.

Его сопровождали в поезде два жандарма, один молодой туповатый и очень самодовольный парень, а другой пожилой унтер-офицер с седеющими усами. Этот последний очень смущался, по словам А. М., всячески старался облегчить

¹ Курсивом здесь выделена приписка Горького. — Ред.

ему неудобства подневольного путешествия и мимоходом сказал:

— Как же-с, ведь мы вас знаем... тоже читали...

Молодой же, получив крупную ассигнацию, чтобы купить на станции пищу для А. М., несколько раз с особым вкусом повторил:

— Ишь ты! Сотняжка... Сотняжка! — как-то особенно длительно шипя на букве «ж» вместо «ш».

Когда поезд подошел к станции Петербург, старший жандарм ушел куда-то, заперев купе и оставив с Алексеем Максимовичем молодого. Через несколько времени он вернулся, отпер двери, и А. М. поразило его лицо — губы у старика тряслись, и он с трудом мог выговорить:

— Пожалуйста, Алексей Максимович!

Молодой жандарм пошел вперед, расчищая путь, публика теснилась вокруг, кое-кто поругивал бунтовщика Горького, другие снимали шапки, кланялись.

Сажая Алексея Максимовича в ожидавшую у выхода карету, старший жандарм прошептал ему на ухо:

— Алексей Максимович, в крепость вас отвезти приказано.

К удивлению своему А. М. увидел слезы на глазах старика.

Посадили А. М. в Алексеевский равелин, в сырую холодную камеру с каменным полом, почти без дневного света, нарядили его в арестантский халат, мало гревший, неуклюжее нижнее белье, широченные чулки, неудержимо спадавшие с ног, и шлепанцы — кожаные туфли.

Взрыв негодования во всем мире и буря протестов, вызванные арестом Горького, принудили царское правительство через месяц выпустить его из крепости, но и этот месяц сильно отразился на его здоровье: у него снова появилось кровохарканье и очень сильный кашель.

Не зная о том, что квартира наша в Риге к тому времени была ликвидирована, А. М. избрал местом своей высылки Ригу, куда и пришлось уехать нам 14 февраля, так как в Петербурге ему не разрешили остаться ни на один день.

Мы поселились под Ригою, на взморье, в одном из пансионов курорта Бильдерлингсгоф. В крепости А. М. написал пьесу «Дети солнца», в Бильдерлингсгофе начал набросок пьесы «Враги» и первые фрагменты повести «Мать». Работал он с жадностью, с трудом удавалось уговорить его выйти на прогулку,

Хотя из Петербурга наезжали знакомые, рассказывали о событиях, последовавших за Кровавым воскресеньем, и А. М. читал им отрывки из только что написанного им, но, конечно, трудно было ему быть оторванным от большой жизни...

Пишу наобум. Не знаю, где ты, здесь или в Риге? И как твое здоровье? Вот уже прошло дней десять, а я все еще не имею никаких точных сведений о тебе⁵⁸.

Это вызывает сильную зубную боль в сердце, к тому же и собственные мои зубы ноют так, точно в голове еврейский оркестр из «Вишневого сада» играет и как будто ему заплатили за неделю вперед. А в общем я существую недурно, читаю много и, может быть, буду писать, если разрешат⁵⁹. Выписал себе уже и книги. Даю тебе честное слово, — я чувствую себя довольно сносно, и нет причин, чтобы это самочувствие изменилось к худшему.

Только бы знать, что с тобой? Можешь ли ты вставать с постели или нет еще? Когда я видел тебя — лицо твое показалось мне лицом человека, который уже перенес болезнь, да и из слов Канегиссера и Кнорре положение твое рисовалось таким же. Но что было с той поры? Если будешь писать — пиши подробнее.

Целую твои руки, родная Маша.

Всего доброго!

Алексей

33

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

13 февраля 1905, Петербург⁶⁰

Савва Тимофеевич [Морозов] уехал, дорогой друг, мы условились, что при первом признаке, что он нужен, я вызываю его по телефону и он будет здесь. В конце концов мы оба пришли к убеждению, что влиять на Трепова невозможно, так как это такая злая, глупая и тупая скотина, что он может нарочно, чтобы показать Горькому, какая он сила, всячески действовать обратно всем просьбам и влияниям.

... Савва Тимофеевич думает, что Трепов поломается, но потом согласится с общим решением, что это только задержит Алексея Максимовича на неделю. Если же Трепов будет «делать министра» и воспротивится — он, Савва Тимофеевич, поедет прямо к Булыгину, который *ненавидит* Трепова. Пусть Вейнберг едет к Манухину, Вунчу и Трусевичу, а я поеду к И. Л. Горемыкину и буду просить его повлиять на Дурново (министерство внутренних дел), с которым он в отличных отношениях, в свою очередь просить принять меры против Трепова.

Меня очень тревожит, чтобы Алексей Максимович не стал беспокоиться, пойдут ли к нему на свидание, — говорят, это легко в предварилке⁶¹. Говорят, ему можно посылать даже обед и завтрак. Будут его посылать от Вас или это можно делать мне? Затем говорят, что там электричество горит только до 9 часов вечера, а потом надо иметь свои свечи, лампы запрещены. Вообще следовало бы точно узнать, что можно и как — сделаете это Вы или поручите мне?

... Так, значит, до завтра надо ждать; хорошо, если можно будет узнать, послано ли дело г-ну Трепову. А затем, если он его долго задержит или ответит отрицательно, — начинать кампанию... У Тихонова, может быть, тиф, по словам Ковалевского, а Канегиссер более склонен к тому, что это осложненная инфлуэнца. Посмотрим.

Крепко жму Вашу руку.

Мария

34

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ
Февраль (после 14-го) 1905, Майоренгоф⁶²

Дорогой друг Иван Павлович. Не знаете ли чего подробное об аресте Леонида [Л. Н. Андреева]⁶³. В газетах было об обыске на Фонтанке, в Куоккала у Ек. Ф.⁶⁴ Страшно волнуюсь. Послала телеграмму — ответа еще нет. Если знаете хоть что-нибудь подробное — телеграфируйте.

Привет.

Ваша М.

35

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ
25 февраля 1905, Бильдерлингсгоф⁶⁵

Мой дорогой, хороший, милый мой Константин Петрович, я так привыкла за последнее время смотреть на Вас как на близкого мне человека, делиться с Вами своими опасениями и думами, говорить, когда на душе тяжело и грустно, что и сейчас дорого, ох как дорого дала бы я, чтобы поговорить с Вами, увидеть Ваше милое, дружеское лицо и, хоть и стыдно мне в этом сознаться, даже поплакать.

Милый друг, я боюсь, я безумно боюсь за Алешу! Он, конечно, хочет суда⁶⁶, и об этом он будет писать Вам, и этот суд он сделает судом не над обвиняемыми, а над теми, кто его обвиняет. Я знаю, я понимаю, что это, может быть, так и надо, но болит мое сердце, и страшно мне... Екатерина Павловна пишет ему, переслала письмо Елены Константиновны, читает он обо всяких избиениях и т. п., и я вижу, как это взвинчивает его. Я чувствую, что он уже обвиняет себя за эти десять дней отдыха, винит себя за бездействие. Я чувствую, как его огромное сердце обливается кровью, я чувствую, что он пойдет куда-то и погибнет. Голубчик, я не баба, я не эгоистка, честное слово даю, я не о том, что вот, мол, я останусь. Вы знаете: где будет он, там буду и я, погибнет он — и я с ним. Но ведь это же такой огромный Человек, это такой великий художник! Ведь это же сейчас первый человек на земле!

Вчера он читал своих «Детей солнца» — это так великолепно, это, может быть, лучшее из всего, что он написал. Он читал — и я все время чувствовала — ведь это же выше, нужнее, дороже всего!

Родной мой, найдите время, вырвите его — приезжайте! Ведь Вы один, кого он так ценит и уважает, Вы можете много помочь ему. Я не много могу, я для него часть его самого, и он будет думать, что я неправа, что во мне говорит слишком сильное чувство к нему самому. А это неправда, это неверно, Константин Петрович, я умею разбираться в себе, уверяю Вас.

И здоровье его тревожит меня, он мало ест, слишком много волнуется,

бледен и худ.

Знаете, он читает газету о войне, и я вижу, как у него руки дрожат от волнения. Иногда к вечеру он так устает, что едва ляжет — засыпает, спит тревожно, видит какие-то нелепые сны, и мечется, и стонет, пока его не разбудишь. Если бы он знал, что я пишу Вам, он рассердился бы, может быть. Он не любит, когда болен, чтоб об этом знали, но Вам — я не могу не написать.

До свиданья, друг мой, обнимаю Вас крепко.

Мария

36

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

14 апреля 1905, Ялта⁶⁷

Чуть было я не попала на самую пасху домой, моя Каточка, но вот осталась пока что здесь. Константин Петрович расскажет тебе все мои тревожнения, не хочется все это опять расписывать.

Ничего! Как-нибудь справимся со всем, детка моя, и не такие горшки об мою многотерпеливую голову расколачивались. А сейчас такое время, что нет, кажется, дома, семьи, человека, у которого не было бы большого горя, большой беды на душе. Интересное, жгучее, жуткое время! И отражается оно на всем, на всяком, а на таком необыкновенном человеке, как Алеша, втрое больше, чем на всех, а с ним вместе, конечно, и на мне. Вон ведь какой дуб с корнем выворачивать начинает — Савву Тимофеевича⁶⁸. До чего жаль его, и как чертовски досадно за полное бессилие помочь ему: сунься только — ему повредишь, и тебя оплюют и грязью обольют без всякой пользы для него. Хотя еще подумаем, может быть, что-нибудь и придумаем.

... У меня за последнее время выработалась привычка ни на что не рассчитывать, ничего не считать верным, не делать никаких планов. Хотя вот как раз сегодня написала Комиссаржевской, прошу ее назначить мне время, когда ей нужно, чтобы я играла, пьесы и роли, чтобы знать, когда назначить Незлобину, сколько я у него рае буду гастролировать и когда удобнее сделать турне. Тяжелая это будет штука, но нельзя иначе: надо денег, а таким образом больше заработаешь — вон Комиссаржевская за год взяла в турне около 50 тысяч чистого, с уплатою всех расходов, — если я заработаю половину — и то хорошо.

Осенью Алеше, по всей вероятности, придется «сидеть», а я в это время буду гастролировать и наживать деньги, вот оно и будет разделение труда. Если же все останемся живы и целы, то на следующий сезон или устрою свой театр, или поступлю совсем в театр Комиссаржевской, все-таки он лучше и порядочнее многих других.

... Очень меня тревожит, что ты и дети будете 1 Мая в Петербурге! Хотя есть ли теперь в России такое место, которое можно было бы считать хоть до известной степени безопасным? Мне кажется, что нет. Какие сейчас дела творятся в Одессе — ужас! Нет-нет увидишь кого-нибудь оттуда, так просто сердце сжимается, что так бессмысленно губится столько сил, столько жизней!

Я говорю, конечно, не о результатах, а о количестве жертв. Начинают доходить слухи, да и по газетам это видно, что Москва тоже пошевеливается, до сих пор она держалась позади всего движения. Что-то делается на войне? Что Рождественский? Когда и чем все это кончится? Давно ли это, как мы в прошлом году встречали у тебя в Инженерном замке эту самую пасху, — прошел год, один только год, и как все изменилось, какая масса впечатлений, событий, как вся жизнь в России переменилась и стала такой порывистой, неопределенной, полной кипучих сил и движения!! Я не знаю, мне как-то иногда стыдно думать, говорить, заботиться о себе — такое это все кажется маленькое и ничтожное по сравнению с тем, что совершается в такой огромной стране, как Россия. И так мощно, нелепо, по выражению Алеши, так «не так, как у всех», как должно было бы по истории, несмотря на многое, что, конечно, похоже на бывшее в других странах. Ты возьми один этот Кавказ, с его Гурией, как они там удивительно себя ведут...⁶⁹ Катенька, пиши мне!

Твоя Маруся
14 апреля

37

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ 19 апреля 1905, Ялта⁷⁰

... Хорошо бы, чтобы хоть что-нибудь решилось — ну, хоть где будем жить на даче, и поселиться на лето уже на месте. Ужасно надоело жить и фактически и морально на бивуаках. Еще больше это нужно потому, что Алеше очень хочется писать, а для этого ему надо усесться прочно на месте. Хотя пока не пройдет этот проклятый суд⁷¹ — все не будет спокоен. С нетерпением жду от Вас известий, не будут ли Алеше чинить препятствий для житья на даче в Финляндии. Ему самому очень хочется жить там, да и полезно это ему, должно быть, во всех отношениях. Меня тревожит только по временам опасение: а вдруг как его сейчас после суда на лето засадят куда-нибудь? Этого никак не может быть, как Вы думаете? И еще очень важно было бы узнать, каким путем ему ехать отсюда? Если нельзя через Петербург и Петербургскую губернию, то ведь придется ехать на Ригу или Ревель и оттуда уже морем на Выборг. До чего это все нелепо!!

Получили вчера Ваше письмо с извещением, что «Дети солнца» «уже» воспрещены к представлению⁷². Лучше всего то, что А. М. даже «еще» не разрешал сам Комиссаржевской играть в ее театре «Детей солнца». Пьеса еще не обработана, и он отдает ее исключительно мне, если я поеду в турне, так же как и своих «Варваров», которыми он сейчас очень увлекается.

Он задумал не то рассказ, не то сценки «Охранное положение»⁷³. Исправнику в небольшом городе объявили, что его уезд находится на положении очень усиленной охраны, и что из этого последовало, целый ряд комических эпизодов: как он ходит всюду, преисполненный своей важности, и берет усиленно взятки; как его супруга, которая до того очень дорожила своей кухаркой и была с ней любезна, кричит ей: «Ты посмей у меня только — на две

недели без суда в кутузке посидишь...» И шьет себе в честь «охранного положения» новое «бордовое» платье. А исправник жалуется уездному врачу: «Нет, вы подумайте, как мне тяжело! Подумайте! Одно это сознание, что я всякого без всякого суда и ответственности на две недели посадить могу. Это мне все нервы расстроило!» — Когда он рассказывал, мы просто на пол садились от смеха.

... Ах, хоть бы поскорее разрешилось это напряжение, «буря бы грянула, что ли».

До свиданья, милый, будьте здоровы!

Крепко Вас любящая *Мария Андреева*
19/IV

38

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

19 мая 1905, Москва

Многоуважаемая Мария Федоровна!

Это письмо запоздало по моей вине. Меня оправдывают события последних дней.

Смерть милого Саввы Тимофеевича⁷⁴ и гибель эскадры⁷⁵ довели мои нервы до последнего напряжения. Только сегодня я пришел в себя и могу исполнить поручение Правления.

Согласитесь ли Вы с такой постановкой вопроса.

1) Ваша служба в театре начинается с момента окончания годичного отпуска, т. е. с 15 июня 1905 года.

2) Возвращаясь в труппу, Вы принимаете тот оклад, который назначался Вам в момент Вашего ухода в отпуск, т. е. 3600 р. жалованья, плюс 300 р. причитавшейся Вам прибавки. Итого 3900 р. в год.

3) Начало репетиций, как всегда, около 1 августа; к этому времени мы будем ждать Вас.

Если Вы захотите познакомиться со всеми работами по «Горю от ума», в котором просим Вас взять на себя роль Софьи, Вам пришлось бы приехать теперь, до роспуска труппы, т. е. до 1 июня, или попросить кого-нибудь из друзей познакомить Вас в общих чертах с нашими подготовительными работами. К сожалению, я не в силах взяться за это, так как очень сильно занят теперь.

4) Укажите способ, как гарантировать театр на случай Вашего отъезда из Москвы, который Вы признали возможным. Согласны ли Вы иметь дублерок для своих новых ролей и если да, то какова будет система дублерства? Правление считает этот вопрос щекотливым и просит Вас самих разрешить его.

5) Еще более щекотливый вопрос — это старые роли. От решения его Правление категорически отказалось. Сами Вы по-товарищески решите его просто... Ваши хорошие отношения с Качаловой помогут благоприятному разрешению вопроса. Установите с нею очередь для старых ролей по товарищескому обоюдному соглашению.

6) Рассматривая новый репертуар пока из четырех пьес («Горе от ума», «Драма жизни», «Дети солнца» и «Росмерсхольм»), мы видим работу для Вас: в «Горе от ума» — Софья и одна из ролей в «Детях солнца». Что будет дальше, пока неизвестно. Отказать актрисам, которыми мы должны были запастись, — нельзя. Оставить их без работы тоже нельзя. Не будьте же требовательны и несправедливы к Правлению, если ему не удастся удовлетворить Вас вполне артистической работой.

Ожидаю Вашего подтверждения по всем этим вопросам.

Намерение Алексея Максимовича поручить нам свою чудную пьесу⁷⁶ было встречено восторженно. Мы все радуемся и шлем ему искренний и дружеский привет.

Целую Вашу ручку, радуюсь Вашему возвращению, если оно будет не временным, а упрочит Вашу связь с театром навсегда.

Уважающий Вас и преданный

К. Алексеев
19 мая 1905

39

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

29 мая 1905, Куоккала

Я очень простудилась в Москве, очень устала, все вышло так нелепо: ведь я ездила, чтобы быть на похоронах Саввы Тимофеевича, оказалось, что они много позднее, поездка моя вышла ни к чему, а нервы издергались очень. Приехала домой и расхворалась — простите, что не написала Вам тотчас же, как обещала, когда мы с Вами виделись, надеюсь, что это не причинит Вам неудобств, Константин Сергеевич, так как на словах я на все вопросы Вашего письма уже ответила.

1. Если не случится никакой катастрофы со мной или моей семьей, я служу с 15 июня в Художественном театре.

2. О жалованье считаю лишним говорить с Художественным театром.

3. К началу репетиций первого августа приеду.

4. Относительно старых моих ролей считаю справедливым, чтобы их играли те, кто меня в них замещал в мое отсутствие. Никаких претензий на них не имею. А если Художественному театру будет нужно, чтоб я их играла, — буду играть.

5. Мой отъезд из Москвы может быть вызван только серьезной болезнью моей или близких мне, чего боже сохрани, как говорится, я на это сейчас не рассчитываю, конечно, а потому думаю, что в случае такой беды тогда найдется и способ выйти из беды.

6. Считаю, что две новые роли в год в Художественном театре вполне меня удовлетворяют, но боюсь, что для роли восемнадцатилетней Софьи в «Горе от ума» я, может быть, не подхожу по возрасту. Предоставляю окончательно решить это Вам самому, как Вы найдете нужным.

Кажется, это все, что я должна была ответить? А теперь еще раз скажу Вам

без всяких пунктов. Хочу быть Вашим товарищем, помогать Вам сколько только в силах и буду рада, если мое возвращение в Художественный театр будет Вам приятно.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего, всего доброго Вам; и Вашим. Алексей Максимович шлет свой привет.

Ваша Мария Андреева

29 мая. Финляндская жел. дорога, станция Куоккала,
мыза Линтула Эрстрем

[Приложение к письму]

Действующие лица

[«Дети солнца»]

Павел Федорович Протасов, *не старше 37 л.*¹ ученый, натуралист.

Лиза, его сестра, *лет 30.*

Елена Николаевна, его жена, *28 не больше.*

Дмитрий Сергеевич Муратов, *32 – 35 лет*, художник.

Борис Николаевич Чепурной, ветеринар, *40 +.*

Мелания Николаевна, вдова, купчиха, его сестра, *30.*

Назар Авдеевич, домохозяин Протасовых, *за 50.*

Миша, его сын, *лет 26.*

Антоновна, нянька, *60.*

Фима, горничная Протасовых, *очень красива, но груба, 22 – 25.*

Луша, горничная, *лет 20.*

Егор, слесарь, *за 30.*

Авдотья, его жена, *под 30.*

Яков Трошин, *неопределенных лет.*

Роман, дворник, *под 40.*

Доктор.

Действия I и III

Старый барский дом. Большая полутемная комната, в ее левой стене окно и дверь, выходящие на террасу. В углу лестница наверх, где живет Лиза. В глубине комнаты арка, за ней столовая. В правом углу дверь к Елене. Книжные шкафы, тяжелая старинная мебель, на столах дорогие издания, на стенах портреты ученых-натуралистов. На шкафу белеет чей-то бюст. У окна налево большой круглый стол.

Действия II и IV

Направо стена дома и широкая терраса с перилами. Несколько балясин из перил выпали. На террасе два стола, один большой, обеденный, другой в углу, маленький, на нем разбросаны кости лото (во II действии). Задний бок террасы затянут парусиной. Во всю длину двора, до забора в глубине его*, стоит зеленая

¹ Выделенные курсивом возраст действующих лиц, а также характеристика Фимы написаны рукой А. М. Горького. — *Ред.*

старая решетка, за нею сад.

** За забором улица. Дома, деревья, извозчики, воробы¹.*

Дорогой Константин Сергеевич! Дома для моих героев я строю — отвратительно, прекрасно понимаю это и предоставляю вам право производить всевозможные перестройки и перемещения для более удобной жизни. Пройдет с неделю времени, и пьеса будет вполне готова, хотите — приезжайте слушать. Приезду вашему будем рады, места у нас много. Берите с собою и Владимира Ивановича. Делая серьезное дело — нужно уметь устранять все, что могло бы помешать наилучшему осуществлению задач, — так? Кому это приятно — тем кланяюсь.

Жму руку вашу.

А. Пешков

40

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Май 1905, Куоккала⁷⁷

Я что-то сплеховала, дорогой мой Константин Петрович, Алеша уверяет, что у меня 38,8, — но это довольно странно, так как в общем я чувствую себя отлично. Простудилась, должно быть, в Москве, это верно, насморк, кашель, вот и все.

Ужасно мне было обидно — я не знала, что Вы уговорились с Алешей, что он Вас подождет и вместе поедете к Репиным. Мне Вы, злой человечек, сказали, что приедете «не навверное» даже. Хотя Вы ничего не потеряли — было неинтересно, Репин был нездоров, портрет еще и не начинался⁷⁸, можно сказать, а все остальное было просто «гости».

В среду у нас будут Михайловские (Гарины), Репины, Андреевы к обеду — приезжайте, пожалуйста, «навверное». Если приедете раньше — будет еще лучше, Алеша Вас очень просит, а мне очень хотелось бы побыть с Вами.

Ваша М.

Порекомендуйте, пожалуйста, Липе доктора хорошего по грудным болезням. М. Ф. — нездорова и, кажется, серьезно. Т° утром 38,8, насморк, кашель, кровь. Голос пропал, дурной сон и прочие прелести. Очень прошу Вас в среду. Доктора — сегодня же.

Жму руку.

А.

¹ Курсивом выделены примечание к ремаркам II и IV действия и приписка А. М. Горького. — Ред.

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. СТАСОВУ

5 июня 1905⁷⁹

Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Васильевич.

В этот четверг 9-го июня в 3 часа дня Алеша будет читать своих «Детей солнца». Вы и сами знаете, как приятно Вас видеть, и хочется еще раз сказать Вам это — доставьте нам большое удовольствие — приезжайте к нам.

Будьте здоровы, желаю Вам всего доброго и жму Вашу руку.

Ваша *Мария Андреева*

5 июня. Куоккала

**[ДОКУМЕНТ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О
КОНЦЕРТЕ В ТЕРИОКАХ]⁸⁰**

ЗАПИСКА

отделения по охранению общественной
безопасности и порядка в столице

Особый отдел
11 авг. 1905 г.
вход. № 24308 О. о.

Совершенно секретно.
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ДИРЕКТОРУ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
5 августа 1905 г. № 14332

30 июля с/г состоялся литературно-музыкальный вечер, устроенный артисткою Московского Художественного театра М. Ф. Андреевой, при участии М. Горького, И. С. Рукавишникова, С. Г. Скитальца и др., — в помещении Териокского курорта, директором которого состоит архитектор Юлий Федорович Бруни.

Помещение для означенного вечера директором Курорта было сдано Андреевой за цену в 140 рублей. При заключении условия Андреева директору Бруни объяснила, что вечер устраивается с благотворительной целью на усиление литературного фонда.

Входные билеты артисткой Андреевой были отправлены для распродажи в С. Петербурге в книжный магазин «Труд», по Невскому пр., д. № 60, откуда в день спектакля вернули в Териокский курорт только 17 непроданных билетов на места первых рядов кресел.

С 6 ч. вечера начался съезд публики, масса было желающих из местных обывателей приобрести билеты на литературный вечер, но свободных уже не оказалось, — продавались добавочные не нумерованные билеты без обозначения стоимости их.

В Курорте были устроены два входа, через один из них в течение двух часов были пропущены более 200 человек, с входными билетами только в сад.

Сбор с мест в зале Курорта при указанных в программе ценах составлял 1507 р., не считая сумм сверх обозначенных в билетах, с входными билетами только в сад могло взойти до 700 человек, с точностью же число посетивших этот вечер определить было невозможно, так как организаторы этого вечера денежную отчетность вели сами и дирекция Курорта над вырученными суммами контроля установить лишена была возможности. Из разговоров в публике было слышно, что общий сбор должен превысить сумму в 3000 рублей.

Программа означенного вечера была изменена, так, например, начало вечера открылось со второго отделения и некоторые артисты были заменены другими, а также на сцене были проведены вещи, не обозначенные в программе устраиваемого вечера.

Местный становой пристав (ленсман), обратив внимание на допущенное самовольное изменение программы, а также на собравшиеся в саду группы, свободно обсуждавшие политические вопросы, в предупреждение могущего произойти в публике волнения, обратился к М. Горькому, Андреевой и другим лицам из артистического круга с просьбой выполнять свои роли, не отступая от утвержденной программы.

Во внимание к законным требованиям станового пристава М. Горький и другие артисты заявили последнему, что со сцены публика не услышит ничего противоправительственного и отступления от программы ими допущено не будет.

Между тем двусмысленным и отражающим иронию на правительство можно было принять стихотворение Скитальца, прочтенное автором, в котором он себя сравнивает с кузнецом и говорит: «что железо, которое начинает накаливаться, не следует бросать, а надо раскаливать на огне до тех пор, пока его можно гнуть как угодно, и что терпением вознаграждается труд».

М. Ф. Андреева после прочтения стихотворения «Чайка» была вызвана на «bis», причем прочла какой-то незаглавленный рассказ, оканчивающийся словами: «Нам нужно бороться, хотя еще не раз дула пушек будут направлены на нас», «Вечная память павшим воинам», «Вечная память погибающим в тюрьмах».

Последние слова Андреевой были покрыты громом рукоплесканий и шумными криками публики.

Андреев прочел рассказ «Красный смех», в котором рисуются все ужасы войны.

Вместо г. Богдановича его номер исполнил некто Амирджан.

Затем во время исполнения на сцене становым приставом было замечено, что между публикой, сидящей в местах, переходили по рукам четыре дамских ридикюля с прикрепленными к ним булавкой билетами с надписями: 1) «В пользу боевой организации», 2) «В пользу социал-демократической партии», 3) «В пользу союзов» и 4) на еврейском языке, при передаче которых другим лицам упоминали слово «Бунд».

Большой частью эти ридикюли, как наблюдалось, проходили по рукам

евреев, причем передающий внимательно следил за правильностью дальнейшей передачи.

По окончании упомянутого литературно-музыкального вечера публика разными группами направилась к станции жел. дор. с песнями, и большинство из посетивших Курорт с поездом в 12 ч. 23 м. ночи выехали в С.-Петербург; в одном из вагонов поезда собралось до 100 человек пассажиров, которые пели рабочую марсельезу, дубинушку, другие революционного характера песни и, подъезжая к ст. Белоостров, кричали: «Да здравствует Максим Горький», «Долой самодержавие», «Да здравствует свобода» и еще несколько раз громкими криками вызывали какого-то Ивана Сергеевича Рукавишникова.

Наблюдениями того же станового пристава установлено, что большинство лиц (около 500 человек), посетивших Териокский курорт, приехали из С.-Петербурга и многие оказались между собой знакомыми, причем входные билеты на этот вечер были распроданы в С.-Петербурге между лицами, сочувствовавшими этому вечеру и, по всей вероятности, заблаговременно подготовленными к происшедшим беспорядкам.

Следующий литературно-музыкальный вечер, вследствие ходатайства Андреевой перед дирекцией Курорта в Териоках, имеет состояться в помещении Курорта лишь при неперемennom условии перемены всего состава артистов, в отрицательном же случае становым приставом (ленсманом) этот вечер разрешен не будет.

М. Ф. Андреева говорила директору Териокского курорта, архитектору Бруни, что деньги, вырученные от продажи билетов на устраиваемый ею вечер, назначены на усиление средств литературного фонда, но по имеющимся во вверенном мне отделении сведениям, весь сбор с этого вечера поступил в пользу СПб комитета РСДРП и СПб комитета партии соц.-революционеров.

При сем представляю копию программы.

О вышеизложенном докладываю вашему превосходительству.

Полковник *Герасимов*

43

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

28 августа 1905, Москва⁸¹

28-го

Милый Константин Сергеевич!

Простите, что я отниму у Вас время своим письмом, но мне так не хочется, так больно было бы, если бы Вы меня неверно поняли.

Вчера, когда я вернулась домой, я горько плакала — но не оттого, что мелочная обидчивость говорила в моей душе, Константин Сергеевич, а потому, что Вы, может быть вовсе не желая этого, задели меня по самому больному месту.

Мне чувствуется, у Вас есть убеждение, что я о себе вообразила, что я преувеличиваю свой талант, и вот надо меня с этой неверной позиции сбивать.

Голубчик, Константин Сергеевич, если это так — поймите меня, ради бога!

У меня сейчас время ужасного сомнения в себе, мне кажется, что я никуда не годюсь как актриса, что я ничего не могу, не умею, что я неуклюжа, что все, что я делаю на сцене, банально, неинтересно, никому не нужно, — и я с ужасом смотрю на других. И вот Вы говорите мне то же самое. Может быть, это и так, может быть, лучше оставить мысль о сцене? Вот мое настроение сейчас. Я сижу в своей гостиничной скучной комнате одна — и думаю, думаю... Пробую себя — и все, что я делаю, мне самой кажется нехорошо, непросто, театрально. Если Вы думаете, что это так, — ну, теперь я поверю. Но если нет, если Вы думаете, что могу быть хорошей актрисой, — помогите мне, покажите мне хоть что-нибудь, к чему я могла бы прицепиться. Мне хотелось бы, так хотелось бы, чтобы Вы поняли и почувствовали меня. Вы не смейтесь, что вот пятнадцать лет была актриса — и «вдруг», что это «капризы» или «опять истории». Константин Сергеевич, это гораздо серьезнее и проще — у человека выросли требования к искусству, может быть, даже сам человек вырос — вот почему его не удовлетворяет он сам, показать же это, да еще на людях — очень трудно, да и не люблю я откровенностей.

Не подумайте, что я возражаю Вам от обидчивости, я ищу в Ваших словах, в спорах с Вами того, что мне дало бы ответ на мои сомнения.

Вы думаете, провинция дает себя знать? А Вы знаете, сколько времени я играла в провинции? Три месяца: октябрь, ноябрь, декабрь — третьего января я уже заболела. Новых ролей, не иггранных в Художественном театре, я сыграла: в «Авдотьиной жизни» — Василькову, в «Снеге» — Еву, в «Дачниках» — Марью Львовну, да в «Красный мантии» — Янетту.

Как видите, ни одной роли, по Вашей терминологии, «милашки» — я не играла, и без репетиции, на мое счастье (то есть меньше пяти-шести), я не играла. Вряд ли эта провинция меня могла испортить, уж очень она была коротенькая. А вот что я больше полугода не играла — это, наверное, отразилось на мне и большей неловкостью, и меньшей в себе уверенностью, и всем тем, о чем я Вам уже писала.

А тут еще пьеса такого близкого мне человека, как Алексей Максимович. Я уже заранее знаю: он придет... И прежде всего — я никуда не годюсь, я совершенно не отвечаю тому представлению о Лизе, которое у него уже есть, и я заранее мучаюсь этим, что я его огорчу.

Вы поймите, что я смотрю на Качалова, Книппер, Москвина и чувствую — я никогда так бы не сумела, я так не сыграю. Я читаю — и у меня все внутри дрожит слезами, у меня голова кружится от волнения, а впечатление я произвожу — фальши, и я это чувствую, понимаете?

Вы сегодня обмолвились, что я не характерная актриса, — а я считаю что нехарактерных актеров нет, как нет характерных — есть плохие и хорошие актеры.

Если я боюсь для себя того или иного образа, то это отнюдь не обозначает моего желания быть интересной или нравиться публике — мне надо хорошо сыграть роль. А как — я не знаю. Если я это пойму, если я увижу этот образ — я буду очень счастлива.

Когда я говорю с Вами, я страстно хочу Вас понять, и не думайте, что, когда

я спорю, я упорствую, — не понимаю, хочу понять, ищу! Не думайте, что я мелочно обижаюсь, — я очень глубоко и мучительно страдаю. Это правда.

Когда я чувствую, что я Вам противна, что я Вас короблю каждым словом, что я как актриса Вам очень не нравлюсь и кажусь фальшивой, — у меня пропадает все, и я чувствую, что никуда не гожусь.

Пожалуйста, Константин Сергеевич, прошу Вас всей силою моей души, не подумайте, что я хочу Вас тронуть или смягчить, — будьте очень строги ко мне, но объясните мне, что мне делать. А если Вы думаете, что не стоит или что я никуда не гожусь, скажите мне это. Мне не надо Вас разжалобить — будьте строги, придирчивы, но только бы я не чувствовала, что Вы звука голоса моего переносить не можете, чтоб я не чувствовала себя Раевской в Ваших глазах. Это меня парализует. Пожалуйста, простите, что я отнимаю у Вас время, да еще сегодня! Передайте, пожалуйста, мой привет Марии Петровне.

Жму Вашу руку.

Мария Андреева

44

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

14 сентября 1905, Москва⁸²

Дорогой Всеволод Эмильевич,
позвольте Вас познакомить с талантливым литератором — Семеном Соломоновичем Юшкевичем. Он очень интересуется Вашим молодым делом, и мне кажется, что у него есть одно драматическое произведение⁸³, которое по настроению и манере письма, очень оригинальной, должно Вас сильно заинтересовать. Благодарю Вас за милую отзывчивость на мои просьбы, жалко, что собственное недомогание и нездоровье Алексея Максимовича мешают мне побывать у Вас. Жму Вашу руку и прошу передать мой привет Ольге Михайловне. Катю целую. Алексей Максимович кланяется.

Мария Андреева

14 сент. 1905 г.

45

М. Ф. АНДРЕЕВА — Ф. И. ШАЛЯПИНУ

26 сентября 1905, Москва⁸⁴

Милый Федор Иванович!

Алеша писал Вам давеча и просил ответа на свое письмо. Вам, может быть, было некогда ему ответить... Простите, что надоедаю Вам, но очень уж это нужное и важное дело — не откажите сообщить, как обстоят дела. Жму Вашу руку. Привет и пожелание скорее поправиться Иоле Игнатьевне.

Мария Андреева

26—с. 1905 г.

46

Л. Б. КРАСИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

12 октября 1905⁸⁵

Телеграмма

Петербурга 12/Х 1905 г.
Москва угол Моховой
Воздвиженки 7/4 кв. 20
Марии Федоровне Андреевой

Квартирой, типографией налаживается¹. Тиражом сорок тысяч свободно справимся. Необходимо внести залог рентой 5000. Только переводы, по возможности телеграфом. Жду доверенность. Кончать ли дело квартирой. Типография дает месячный кредит. Может быть, удастся трехмесячный.

Красин

47

[НАДПИСЬ НА ВЕНКЕ Н. Э. БАУМАНУ]

20 октября 1905, Москва⁸⁶

От М. Горького и М. Андреевой — товарищу, погибшему на боевом посту.

48

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

9 декабря 1905, Москва⁸⁷

6 часов. Действительно Фидлера разгромили, стреляли из четырех пушек. Там была дружина 230 человек. Сперва к училищу был вызван Самогитский полк, который стрелять отказался, тогда его заменили Сумским, который действовал вовсю. Дружина сдалась, выкинув белый флаг, полиция ответила белым же флагом, но, когда дружина, предварительно уничтожив и переломав свое оружие, вышла на улицу, — раздался провокаторский выстрел...

1906 – 1912

1

ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ⁸⁸

Обычно, приезжая в Петербург, Максим Горький останавливался на квартире книгоиздателя Константина Пятницкого, где у него были свои две небольшие комнаты. В дни его пребывания в Петербурге вся большая квартира Пятницкого с утра до вечера была наполнена самой разнообразной публикой: литераторами, художниками, артистами драмы и оперы, студентами и рабочими, что, конечно, делало эту квартиру предметом самого откровенного наблюдения царской полиции.

¹ — для газеты «Новая жизнь». — *Ред.*

Когда мы в ноябре 1905 года собрались наконец поехать в Петербург, то еще в поезде Алексей Максимович сказал мне, что прежде всего мы проедем в редакцию «Новой жизни», а уже оттуда к Пятницкому, чтобы не смущать наблюдающих за его квартирою и не водить их за собой. Вещи наши взяли встретившие нас родные и друзья, а мы с Горьким направились в редакцию, помещавшуюся неподалеку от вокзала, на Невском.

Вот тут в первый раз встретились и познакомились Горький и Владимир Ильич Ленин.

Помню, как Ленин вышел к нам навстречу из каких-то задних комнат и быстро подошел к Алексею Максимовичу. Они долго жали друг другу руки. Ленин радостно смеялся, а Горький, сильно смущаясь и, как всегда при этом, стараясь говорить особенно солидно, басистым голосом, все повторял подряд:

— Ага, так вот вы какой... Хорошо, хорошо! Я очень рад, очень рад!

Когда мы пришли к Пятницкому, спустя долгое время Алексей Максимович сказал мне:

— Д-да!.. Видишь, в какие мы с тобой дела попали... Правда — очень хорош?

Конечно, я сразу догадалась, о ком он говорит, но, чтобы подразнить его, нарочно сказала:

— Ты это о ком?

— Как о ком? Ну конечно, о Ленине! Как хорош!.. И не хвастайся, что ты это раньше меня говорила, ты и видела его раньше меня, — совсем по-детски заключил он.

Он часто бывал похож на большое дитя.

В тот же вечер или на другой день, не помню, в большой столовой Пятницкого с массивной дубовой мебелью, обитой кожей, с какой-то необыкновенно замысловатой бронзовой люстрой, колпаки на лампах которой изображали разноцветные кисти винограда, за столом, уставленным очень дорогой посудой, с самыми дорогими редкими закусками, каким-то особенным вином в хрустальных графинах, с огромным серебряным самоваром на конце стола сидели поэт Минский — ответственный редактор «Новой жизни» — и члены редакции Петр Петрович Румянцев, Александр Александрович Богданов и Василий Алексеевич Строев.

Покашливая и покуривая, то садился за стол, то вставал и большими легкими шагами ходил по комнате Алексей Максимович.

На конце стола, полускрытый самоваром, в большом кресле солидно восседал Пятницкий.

И как-то бочком, будто на минуту, присел Владимир Ильич. Чуть-чуть улыбаясь уголком рта, он поглядывал то на Алексея Максимовича, всем своим видом так не подходившего к тяжелой и безвкусной роскоши большой темноватой комнаты, то на Минского, которого решено было под каким-нибудь благовидным предлогом убрать из «Новой жизни». В сущности, для этой последней цели и собрались все у Пятницкого.

Минский вел двойную игру. С одной стороны, он выполнял довольно неудобную роль редактора для отсидки, за что и получал солидный гонорар, с

тем, однако, условием, чтобы не вмешиваться в дела; с другой стороны, он исподтишка начал вести подкоп под «Новую жизнь» и ее линию.

Было интересно наблюдать, как по-разному действовала окружающая обстановка на присутствующих. Минский чувствовал себя как рыба в воде, много ел, пил, и мне казалось, что в другой обстановке он был бы менее стоворчив. Румянцев и Богданов просто ничего не замечали и всю свою энергию направили на то, чтобы убедить Минского. Строев как будто себе и другим хотел доказать, что никакая обстановка его смутить не может, а Пятницкий был преисполнен гордого сознания того, что он владелец и хозяин всего окружающего.

В третий раз за тот же период встреча Владимира Ильича с Алексеем Максимовичем состоялась на квартире сестры моей Е. Ф. Крит на Фонтанке, дом № 24. Это было деловое собрание, в котором принимали участие В. И. Ленин, П. П. Румянцев, Л. Б. Красин и К. П. Пятницкий. Речь шла об издании в «Знании» серии социал-демократических книг. Румянцев и Красин горячо убеждали Пятницкого в большой коммерческой выгоде такого предприятия. Пятницкий отказывался от издания, считая, что такие брошюры быстро прикроют само издательство «Знание».

Владимир Ильич говорил очень мало, сдержанно и быстро ушел.

Алексей Максимович сильно волновался. Считая издание брошюр делом чрезвычайно важным и необходимым, он всячески старался убедить в этом Пятницкого, но так как вся материальная и коммерческая сторона издательства находилась всецело в руках Пятницкого, то понятно, что его мнение одержало верх. Впоследствии Алексей Максимович все-таки издал эту серию на свой личный счет.

После этого собрания Алексей Максимович встретился с Владимиром Ильичем только в 1907 году¹, приехав на V съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

Ленин повез нас в гостиницу «Империял», где-то неподалеку от Британского музея. Гостиница представляла собой огромный, сырой и неуютный дом, но другого помещения почему-то найти не удалось.

Помню, как Ленин беспокоился за Горького:

— Простудим мы его! Ведь он привык к мягкому климату, хорошему уходу.

Действительно, в комнате, очень небольшой, было сыро и сумрачно. Огромная кровать занимала половину места, большое окно выходило прямо в стену, газовый камин давал мало тепла. Был май месяц, но погода стояла сырая и холодная.

Ленин подошел к кровати, пощупал простыни и, зная, что Горький не любил, чтобы беспокоились о его здоровье, вполголоса сказал мне:

— Простыни-то совсем сырые, надо бы их просушить, хотя бы перед этим дурацким камином. Закашляет у нас Алексей Максимович, а это уж никуда не

¹ Еще одна встреча состоялась в Гельсингфорсе на квартире В. М. Смирнова в январе 1906 г. (письмо М. Ф. Андреевой литературоведу И. С. Новичу от 16 апреля 1951 г. хранится у адресата). — *Ред.*

годится!

Удивительно трогательной показалась мне эта милая заботливость! Впоследствии я неоднократно имела возможность убедиться в том, с каким вниманием умел Ленин относиться к людям, особенно к товарищам, как он умел все видеть, все замечать и ничего не забывать.

Когда Ленин ушел, Горький долго ходил по уютной комнате от окна к двери, мимо газового камина, крутил и покусывал по привычке кончики усов, а потом тихо и задумчиво сказал:

— Удивительный человек!

Алексей Максимович был очень взволнован и радостно возбужден, получив приглашение на съезд, да еще с правом совещательного голоса. Это как-то особенно сближало его с товарищами-рабочими, приехавшими из России. Он сильно страдал от вынужденной разлуки с родиной, хотя тщательно скрывал это даже от близких людей, да и сам себя старался убедить в том, что будто бы в Россию его не тянет.

Бывая на всех заседаниях съезда, Алексей Максимович жадно впитывал в себя речи и даже отдельные слова делегатов и с каждой новой встречей все больше и больше влюблялся в Ленина.

Г. В. Плеханов произвел на него плохое впечатление.

— Барин! — резко отзывался Горький о нем.

И горячо спорил с Богдановым, Строевым и даже с Лениным, когда те говорили ему о больших заслугах, эрудиции и уме Плеханова, хотя, конечно, и сам Алексей Максимович прекрасно понимал значение Плеханова для партии.

Очень презрительно относился Алексей Максимович к Либеру и Дану. Горький вообще ненавидел меньшевиков всеми силами души, делая исключение только для Мартова, которого называл «заблудившаяся душа», да еще для Власа Мгеладзе, в просторечии именуемого «Триадзе». Этот последний нравился Алексею Максимовичу неукротимостью своей натуры и могучей внешностью. Впоследствии, когда этот Влас «Триадзе» приехал на Капри и прожил у нас довольно долгое время, Алексей Максимович сильно разочаровался в нем, и помню, как, тяжело вздохнув, однажды сказал:

— Нет, в больших дозах и хороший парень, ежели он меньшевик, непереносим!

Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей⁸⁹, большинство которых жило впроголодь, мы организовали доставку бутербродов и пива целыми корзинами в здание той церкви, где заседал съезд.

Делегаты съезда во время перерывов много говорили о книге Горького «Мать». Рабочим она нравилась, но некоторым из них казалось, что все изображено наряднее, чем в жизни. Это огорчало Горького, и хотя он всегда ценил критику и искал ее, но в данном случае горячо спорил, доказывая, что проявление борьбы человека с неправдою жизни всегда прекрасно и потому должно быть красивым.

Ленин ценил «Мать» очень высоко, считая появление ее крупным событием, а недостатки видел больше всего в идеализации революционеров-интеллигентов.

Горький однажды рассказывал Ленину, какое впечатление произвели на него немецкие социал-демократы. Будучи в Берлине, Горький виделся с Бебелем, Каутским, Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург и другими. Понравились Горькому только Либкнехт и Роза Люксембург. Что касается Бебеля, то, придя в его квартиру и увидя там массу подушечек, салфеточек, занавесочек, клеточек с канарейками и прочие атрибуты немецкой мещанской обстановки, Горький сразу обозлился и держал себя по отношению к Бебелю довольно сухо...

За ужином против Горького за большим обеденным столом сидела старушка, жена Бебеля, и оживленно разговаривала о чем-то с толстым, равнодушным Зингером.

Горький спросил меня, о чем она говорит, а в это время жена Бебеля рассказывала Зингеру о том, как теперь дороги цыплята, что ее Август ничего другого, кроме цыплят, кушать не может и как сегодня ей посчастливилось купить пару цыплят очень хороших и очень дешево.

Узнав тему их разговора, Горький даже крикнул от удивления и громко вздохнул, испугав этим старика Бебеля.

Рассказы Горького о 1905 годе, о революции в Москве не произвели впечатления на вождей немецкой социал-демократии. Его слушали вежливо, но скептически. Горький сразу же почувствовал это, замолчал и, к великому удивлению присутствующих, тотчас же после ужина стал прощаться, торопясь уйти.

Когда Горький в комических тонах так, как только он один умел рассказывать, передавал Ленину об этих визитах к немецким социал-демократам, Ленин хохотал до слез и без конца выпрашивал у него о все новых и новых подробностях.

Очень интересовался Ленин встречами Горького с английскими писателями. Горький познакомился с Бернардом Шоу, виделся с Г. Уэллсом, с которым встречался еще в бытность свою в Америке, и с другими менее известными писателями, но говорил он об этих своих встречах неохотно — он весь был поглощен впечатлениями съезда и встречами с русскими товарищами.

* * *

В Лондоне Ленин дал Горькому обещание приехать на Капри после того, как будут закончены дела по съезду, и сдержал свое обещание⁹⁰.

Встречая его, Горький волновался, как мальчик. Ему страстно хотелось, чтобы Ленину понравилось у него, чтобы од отдохнул и набрался сил.

Ежедневная рыбная ловля на море ни того, ни другого не укачивала, давала им возможность беседовать друг с другом без помехи — на лодке с ними были только рыбаки-каприйцы да я.

Горький рассказывал Ленину о Нижнем Новгороде, о Волге, о своем детстве, о бабушке Акулине Ивановне, о своей юности и своих скитаниях. Вспоминал отца. Много говорил о дедушке.

Ленин слушал его с огромным вниманием, блестя прищуренными по

привычке глазами, и раз как-то сказал Горькому:

— Написать бы вам все это, батенька, надо! Замечательно поучительно все это, замечательно...

Горький сразу осекся, замолчал, покашлял, смущенно и невесело сказал:

— Напишу... Когда-нибудь.

Горький с увлечением показывал Ленину Помпею, Неаполитанский музей, где он знал буквально каждый уголок. Они ездили вместе на Везувий и по окрестностям Неаполя.

Горький удивительно рассказывал. Он умел двумя-тремя словами нарисовать пейзаж, обрисовать событие, человека. Это его свойство особенно восхищало Ленина. Со своей стороны, Горький не переставал восхищаться четкостью мысли и яркостью ума Владимира Ильича, его умением подойти к человеку и явлению прямо, просто и необыкновенно ясно.

Мне кажется, что именно с того времени Ленин нежно полюбил Горького. Не помню случая, чтобы Ленин сердился на него.

Горький любил Ленина горячо, порывисто и восхищался им пламенно.

Уезжая в Париж, Владимир Ильич твердо обещал снова приехать на Капри вместе с Надеждой Константиновной. К сожалению, это обещание не было полностью исполнено, во второй раз он приехал на Капри, но без Надежды Константиновны и очень ненадолго.

В то время на Капри жили А. В. Луначарский, А. А. Богданов, В. А. Базаров, приехал из Берлина по делам издательства И. П. Ладыжников, старый друг и товарищ наш.

Еще когда мы шли от фуникулера до виллы Бэдус, на которой тогда жили, Алексей Максимович заговорил с Владимиром Ильичей о той горячей привязанности, которую питает к нему, Ленину, Богданов, о том, что Луначарский и Богданов изумительно талантливые, умные люди...

Владимир Ильич посмотрел на Алексея Максимовича сбоку, прищурился и очень твердо сказал:

— Не старайтесь, Алексей Максимович. Ничего из этого не выйдет.

Богданов, Базаров и Луначарский неоднократно делали попытки найти пути соглашения с Владимиром Ильичей, но от разговоров на философские темы Владимир Ильич, для которого ясна была полная бесполезность какой-либо дискуссии на данной стадии расхождения, определенно и твердо уклонялся, сколько ни старались втянуть его в такие беседы, в том числе и Алексей Максимович. А ему так хотелось понять суть разногласий, так глубоко волновало его резкое расхождение между товарищами.

В этот приезд Владимира Ильича редко удавалось Алексею Максимовичу побыть наедине с ним — мешали посторонние люди.

Пробыл Владимир Ильич на Капри всего несколько дней, и после его отъезда у Горького было грустное настроение, с которым он долго не мог справиться.

[ИЗ ДОКУМЕНТА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ]⁹¹

*Исп. обяз. вице-директора
Департамента полиции.*

VII

*По какому делу привлечена.
Представить г. тов. министра
по возвращении его пр-ва
(в личный доклад) 5 июня.*

Бывшая артистка Московского Художественного театра Мария Федоровна Желябужская, по сцене Андреева, по сведениям, доставленным Начальником Финляндского жандармского управления, Мария Федоровна Желябужская, по сцене Андреева, принимала участие 19 января 1906 года вместе с писателями Максимом Горьким (Пешковым) и Скитальцем (Петровым) в устроенном в финском национальном театре в гор. Гельсингфорсе литературно-музыкальном вечере в пользу пострадавших во время беспорядков в России.

На этом вечере Желябужская прочла воззвание приблизительно следующего содержания: «Проклятая страна, святая Русь, залитая кровью, помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы. Помните всегда, как там гремели пушки и лилась горячая кровь братьев свободы. Кто за нас, иди за нами сомкнутыми рядами. Помните все, что наши братья сидят в холодных сырых тюрьмах. Пойдем и освободим тех, которые закованы в кандалы».

Максим Горький прочел свой рассказ «Товарищ», а Скиталец свое стихотворение «Проклятая страна» противоправительственного содержания, причем означенные произведения, изданные отдельной брошюрой, с переводом на финский и шведский языки, продавались присутствовавшей в театре публике.

Все участники вечера были встречены восторженными криками публики, и каждый их выход сопровождался бурными овациями...

**В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
1905 – 1906, Петербург⁹²**

Милая Мария Федоровна, собиралась к Вам сама, но так занята, что дышать некогда, а ждать, когда буду свободнее, не хочу, так как слышала — Вы едете в Москву, и когда-то еще мы увидимся. Я — насчет будущей зимы. Я твердо надеюсь, что с осени мы можем считать Вас в числе членов нашей труппы. Были обстоятельства, лишавшие меня до вчерашнего дня делать какие-либо предположения относительно театра на будущий год, но вчера все выяснилось, и мне хочется скорее заручиться Вашим согласием. Черкните два слова, и в случае благоприятного для меня ответа⁹³ о подробностях поговорим лично по возвращении Вашем из Москвы

или спиемся, раз Вы надолго едете.

Обнимаю Вас и с нетерпением жду ответа. Привет Алексею Максимовичу.

В. Комиссаржевская

4

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

Январь 1906, Иматра

... Пишу Комиссаржевской, что если она может пригласить меня, несмотря на то, что я не могу ручаться за то, что будущей осенью буду иметь право жить в Петербурге, то, значит, я у нее служу. Условия можно будет заключить и осенью, а нет, то пусть ищет себе другую актрису. Подробно я ей пока ничего не объяснила, да и вообще о нашем отъезде за рубеж говорить не следует⁹⁴. Я всем посторонним говорю и пишу, что пока должны жить укромно в Финляндии, почему и не могу дать адреса.

М.

5

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

23 января [5 февраля] 1906, Гельсингфорс⁹⁵

Писала это письмо я под диктовку Алексея Максимовича, портрет которого в данную минуту пишет один финский художник — Галлен; он [Горький] утомляется, не в духе по этому случаю, тяготится вынужденным пребыванием здесь, но очень обрадовался Вашему письму.

А я была счастлива узнать, что Вы живы, что Вы вернулись⁹⁶. Часто я думала о Вас, и подчас больно сжималось сердце за Вас, Викентий Викентьевич, когда чувствовалось: Вам, с Вашей нежной и тонкой душой, должно было быть очень тяжело там.

А как круто и бесповоротно повернулась моя жизнь — Вам, должно быть, расскажут с самыми разнообразными иллюстрациями. Жаль, что не смогу скоро увидеть Вас. Мне бы этого очень хотелось. А может быть, и увидимся.

До свидания, желаю Вам всем сердцем всего хорошего и крепко жму Вашу руку...

Мария Андреева

5 февраля 1906 н. с.

6

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

Январь (до 29-го) 1906⁹⁷

Дорогой Константин Петрович!

Думали мы, думали с Алешей и пришли к таким выводам: надо полагать, что до весны положение дел в России не изменится и репрессии будут продолжаться, следовательно, нам в России не жить, судя по точным данным (сообщения из Таганской тюрьмы)⁹⁸. Вот Алеша и решил сейчас ехать в

Америку и Европу для той цели, мысль о которой Вы сами подали ему летом. Это решено, и через две недели — мы едем, может быть даже раньше. Много говорить по этому поводу нечего, тяжело это нам обоим, но, видно, так надо.

Вам надо приехать сюда как можно скорее. На днях у Вас или у Кати будет Герман¹, он будет знать наш адрес и привезет Вас туда, где мы будем. Мы едем в имение к кому-то⁹⁹.

Что здесь происходило, Вам расскажут юнкер¹⁰⁰, Скиталец и вообще «очевидцы». Все великолепно, но устали мы до того, что еле дышим.

Боже мой, до чего мне хотелось бы повидать Катю и Женю, а до весны вряд ли удастся? В Петербург — Вы все меня не пускаете!

Жму руку и обнимаю, Алексей Максимович тоже.

М.

7

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

31 января 1906¹⁰¹

К. П. расскажет тебе подробно, почему мы решили ехать за границу, что предполагается там делать и как я надеюсь увидеться с тобой и детьми. Не ехать с Алешей — я не могла, так как та задача, которую он взял на себя, — огромная, значение ее предсказать нельзя, так она велика, он один может выполнить ее, и задача эта — историческая, а он сказал мне, что без меня не поедет. Мне тяжело и больно, что всю тяготу своей личной жизни, хозяйство, болезни детей и все это — я взвалила на твои плечи, Катя.

Я знаю, как охотно, с какой любовью и самоотвержением, как просто ты это делаешь. Знаю, мой хороший, любимый друг, но это не избавляет меня от сознания, что я свою тяготу взвалила на тебя, хоть ты и самый родной, близкий мне человек. Мне часто тяжело и грустно без детей, хочется увидеть, приласкать их. Часто ночью я лежу с открытыми глазами и думаю о вас, вижу вас перед собой. Особенно теперь, когда К. П. рассказал мне, как кашляет Женя, как ты вскакиваешь к нему ночью и все такое.

... Пишу очень плохо — руки дрожат, дрожат где-то внутри такие жгучие, невыплаканные слезы. Как бы я обняла тебя, прижалась к тебе и плакала, плакала, покуда сил хватит. Я не плачу сейчас здесь, стараюсь не показывать Алеше своих настроений, я знаю, ему тоже тяжело, а сил ему надо много и дорога лежит перед ним тем более трудная, усеянная тайными шипами боли, злобы, зависти, клеветы, что задачу он себе поставил такую светлую и огромную, так мало личную. Мне дорого, душу мою наполняет таким бодрым чувством сознание, что я буду ему помогать, что то дело, в котором я буду маленьким колесиком одной огромной машины, действительно настоящее, живое, нужное. И я верую, что я сделаю все, что могу, отдам все свои силы, всю свою душу на это общее дело — вот только почему я решилась ехать, решаюсь взвалить на твои плечи, как я уже сказала, свою личную тяготу, свое «хозяйство», заботы о детях, их болезни — пока ты позволяешь мне.

¹ «Герман» — одна из партийных кличек Н. Е. Буренина. — *Ред.*

... Сюда больше ничего не посылай, все вышли в Берлин по адресу Ладыжникова, так как границу будем переезжать по чужому паспорту и лучше вещей иметь как можно меньше.

... Не удивляйся, что пишу тебе иногда в таком повышенном тоне. В голове звучат иногда такие значительные слова, живешь минутами так ярко, так много торжественного в душе, а иногда охватывает такая огромная тоска, что невольно и слова приходят необычные...

Твоя Маруся
31 января

8

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

3 марта 1906, Берлин¹⁰²

Дорогой друг, очень тревожно у нас на душе и очень тяжело, что ни от Вас, ни от Кати, ни от детей нет никаких известий. Вообще за все это время из России — А. М. получил на днях письмо от Екатерины Павловны, да вот сегодня пришли на имя И. П. [Ладыжникова] газеты, а я — ничего, ниоткуда...

А. М. пока здоров, хотя уже начинает худеть, бледнеть и вообще принимать городской вид, от чего я так радостно отвыкла в Финляндии. Путешествие совершилось вполне хорошо, сейчас живем в самом Берлине, но, должно быть, на днях придется перебраться в окрестности, так как очень шумно, неудобно и беспокойно. Адрес пока остается тот же. А. М. сейчас занят новой литературной работой, которая, по-видимому, задержит его в Германии долее того, чем он это предполагал. В субботу, 10 марта нового стиля, он по просьбе своих друзей выступает впервые перед берлинской публикой¹⁰³ в концерте с благотворительной целью, в среду, 7-го, смотрит в Kleines Theater своих «Детей солнца», а до тех пор никуда показываться не будет, так как очень много пишет и занимается языками французским и немецким. Газеты оповестили уже о его приезде, и сегодня он имел краткие интервью с «Berliner Tageblatt». Живет он в частном доме, так что пока удастся оградить его от любопытствующих. Очень много в этом отношении помог милейший Иван Павлович и Екатерина Ивановна.

А. М. очень скучает о Вас и часто говорит о том, что ему страшно хочется Вас видеть, что он боится, что Вы не сдержите обещания и так и не приедете сюда. А? Константин Петрович!

Берлин пока на А. М. особенного впечатления не произвел, находит, что сильно напоминает Петербург en grand, но прибавляет, что видел-то он еще очень мало. И правда, кроме улиц да двух ресторанов, еще нигде не был.

Как Ваше здоровье? Как чувствуете себя?

Как бы это было дорого, если бы Вы извещали о себе почаще! Ну, прощайте, Константин Петрович, всего, всего Вам хорошего!! Крепко жму Вашу руку.

М.
3 марта н. с.

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ***Март 1906***¹⁰⁴

Очень буду рада, когда увижу Вас, голубчик Николай Евгеньевич, так много хочется поговорить с Вами. Хочется узнать о своих, о детях, о многом так надо посоветоваться с Вами! Мне ужасно грустно, что Вам так трудно ехать, но я думаю, что удастся сделать дело, которое — чем больше я в него вглядываюсь, тем более в этом убеждаюсь — может принести огромный результат, если сделать умеючи, а в противном случае можно зря загубить и время, и, что много дороже, зря тратить такую силу, как Алексей Максимович, силу нужную и слишком важную для дела в целом. А Вы можете помочь, и очень много. Всю черную работу, переписку и т. п. охотно беру на себя, на себя же возьму, если хотите, кассу, вообще все сделаю, что только в силах, чтобы быть Вам дельным товарищем.

Крепко жму руку.

М.

10

[ИЗ РЕЧИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ]***4 мая 1906***¹⁰⁵

... Придет время, когда угнетенный народ России будет управлять страной. Женщины борются за свободу так же, как и мужчины. Если мы отдадимся этой борьбе всем сердцем, с твердой решимостью победить, наше дело победит...

11

ИЗ ПИСЬМА Л. Б. КРАСИНА А. М. ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ***Май 1906***¹⁰⁶

Дорогие друзья!

... Из газет вы увидите, что многие меньшевики сильно поручнели и готовы очень далеко пойти в сторону увлечения исключительно «легальными» способами борьбы. Между тем события складываются так, что новый подъем революционной волны представляется неизбежным. Бесплодность думы, безопасность канители, заведенной там кадетами, для правительства и самодержавия станут скоро очевидны для всех. Отсюда ясно, что тактика, рассчитанная только на легальность, тактика, альфой и омегой которой теперь выставляется положение, что революция не может и не должна пройти мимо думы, обречена на самое жестокое крушение, последствия же ее для тех, кто при повторении декабрьских дней должен будет выйти на улицу, окажутся просто предательскими. Практически это значит, что, подчиняясь всем решениям съезда и отрицая раскол, нам придется не только воевать за свои так[ические] принципы, но и делать все возможное — а рамки устава в этом отношении достаточно широки, — чтобы не забрасывать техники и практич[еской] подготовки к тем великим событиям, которые

непременно, с стихийной необходимостью наступят, от которых мы не отговоримся никакими резолюциями «против вооруж[енного] восстания», никакими парламентскими с[оциал]-д[емократическими] фракциями.

М[еньшеви]ки в этом отношении народ шока (до новых уличных боев; тогда и они опять полезут на стену) совершенно невменяемый. На всю полосу ноябрь — декабрь они сейчас смотрят как на «сплошную ошибку». Москва их ничему не научила, вооружение, разработку планов восст[ания], организацию боевых сил, их обучение, все это они рассматривают как простую игру в заговор, приличествующую лишь «анархистам» из большинства¹⁰⁷. Тем серьезнее и ответственнее роль тех парт[ийных] организаций, которые не увлекаются никакими конституционными иллюзиями и трезво смотрят в глаза надвигающимся боям, боям в самом непосредственном военном значении слова. Драться придется, и еще не один раз; значит, надо и готовиться, и тем серьезнее, чем больше беззаботности в этом отношении проявляют товарищи из м[еньшинст]ва.

Я останавливаюсь на этой стороне дела, так как мне важно, чтобы вы и Стрела¹ обсудили этот вопрос и затем сообщили мне свое мнение. Если вы оба станете на ту же точку зрения, это сейчас же должно иметь своим последствием то, что по кр[айней] мере часть добываемых вами средств должна получить специальное назначение, и лишь часть передаваться ЦК на его общие расходы. Иначе из них ни копейки не пойдет на оружие и т. п. вещи.

Практически, впредь до получения от вас ответа на это письмо, получаемые от вас деньги я буду держать особо, пока мы не решили вопроса о их распределении.

... Пока еще жив Никитич², туда-сюда, а если он часом заболеет¹⁰⁸ и его место займет меньшевик, тогда всякая возможность контроля исчезнет.

Итак, я ставлю на ваше обсуждение вопрос о назначении средств и рекомендую иметь в виду, что из 10-головой коллегии³ лишь три «заговорщика» и «анархиста», верящих в реальность таких вещей, как маузеры, пулеметы и проч. Семерка же увлечена исключительно «идейной» борьбой и спит и видит через какую-нибудь щель провести хоть полдюжины кавказцев в Таврический дворец.

Здесь я кончаю пока свое не в меру разбухшее послание. Личных новостей мало. Марат⁴ едет куда-то к Енисею¹⁰⁹, дядя Миша^{5 110} и брат⁶ — не знаю где. Амнистии эти подлецы не дают, а если и дадут, то пока, вероятно, лишь куцую. [...]

Ну, всего лучшего. Крепко жму руку.

¹ «Стрела» — М. Ф. Андреева. — *Ред.*

² «Никитич» — партийная кличка самого Л. В. Краси́на. — *Ред.*

³ Имеется в виду ЦК, избранный IV съездом РСДРП, состоявший в большинстве своем из меньшевиков. — *Ред.*

⁴ «Марат» — В. Л. Шанцер. — *Ред.*

⁵ «Дядя Миша» — М. А. Михайлов. — *Ред.*

⁶ «Брат» — эсер П. М. Рутенберг. — *Ред.*

Горячий привет вам обоим, а также Г. Ф.¹

Ваш Никитич

12

М. Ф. АНДРЕЕВА — П. Н. МАЛЯНТОВИЧУ

5 июля 1906, Адирондак¹¹¹

Многоуважаемый Павел Николаевич!

Покорнейше прошу Вас выдать полученные по страховому полису покойного Саввы Тимофеевича Морозова сто тысяч рублей Леониду Борисовичу Красину.

Мария Федоровна Андреева

5 июля 1906 г.

13

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

Конец июня – июль 1906, Адирондак¹¹²

По-видимому, что-то странное происходит с моей несчастной перепиской¹¹³: я пишу вам всем бесчисленное количество писем, мученически мучаюсь, не получая от вас никаких известий, а ты бранишь меня и говоришь — авось ты соберешься нам написать. Родная ты моя, если бы ты знала да видела, как я пишу вам, как я плачу, такими тяжелыми горькими слезами, когда пишу. Потому что мне мучительно, до крика хочется быть дома, с детьми, с тобой, со всеми вами! Я хочу быть с вами, хочу, хочу, хочу!! И так все не нужно, чуждо и нелепо мне, среди чего я живу... Если хочешь — они любят меня по-своему. Наша хозяйка Престония Мартин часто трогательно внимательна ко мне. Я тут как-то заболела, так она не отходила от меня, ухаживала, как за ребенком, изо всех сил она старается угодить мне и обожает Алешу, и я знаю, она совсем необыкновенный для Америки, добрый и сердечный человек, но минутами и она поражает меня таким неизбывным морем чуждого понимания, взгляда на вещи, что я вдруг почувствую себя перед каким-то невиданным и неведомым мне зоологическим типом, с некоторым налетом психопатии. А остальные — ах, уж лучше и не говорить!

Сейчас мы живем у нее в имении в горах; это отчасти похоже на Северный Кавказ, но климат здесь другой, много холоднее, частые дожди, часто по горам стелются тучи. Дом, в котором мы живем, выстроен вроде швейцарского шале, и живем мы в нем своей, русской колонией. Герман Федорович хочет снять фотографии с нашего обиталища и с нас — тогда я пришлю их вам.

У Алеши все продолжается писательская лихорадка, он уже написал целую книгу и хочет приниматься за большой роман или повесть. Здоровье его недурно, несмотря на то, что он два раза шлепнулся в ледяной ручей, перескакивая по камням, промочил ноги до пояса, а сегодня попал под грозу и

¹ «Г. Ф.», «Герман Федорович» — партийные клички Н. Е. Буренина. — Ред.

вымок насквозь. Оказалось, что тут есть грибы, он их ищет, что хоть ненадолго извлекает его из комнаты, а я их жарю к ужину, после которого обыкновенно происходят сражения в «тетку» раз по двадцати.

Г. Ф. удивительно милый человек и очень наш, Юрковский, так что с ним легко и дружно жить. Я его и Алешу учу французскому, которым владею теперь в совершенстве, я им занималась, его же учу по-немецки, сама учусь по-английски в по-итальянски — словом, вернусь в Россию с двенадцатью язык.

Много работаю на машинке, то есть печатаю. Алеша так много пишет, что я за ним едва поспеваю. Пишу дневник нашего заграничного пребывания, перевожу с французского одну книгу, немного шью, словом, всячески наполняю день, чтобы к вечеру устать и уснуть, и не видеть снов, потому что хороших я не вижу.

Алеша нет-нет да и прорвется, что, мол, авось осенью попадем в Россию. Но я-то знаю, что я буду в России. Я никогда не знала, что я до того русская, что все русское мне так дорого и мило, что я без России не могла бы жить. Знаешь, мы иногда мечтаем — поесть бы горбушечку черного хлебца, съесть бы щей, пельменей бы... А тут все салаты да рёс-ы. Знаешь меню американского обеда? 1) Сладкий салат из апельсинов и бананов, 2) жареная рыба, или котлеты, или ростбиф, изредка индейка или баранина, 3) салат из томатов, свеклы, картофеля, лука и простого салата, 4) кремы, мороженое, желе с кексами и паями (это нечто вроде сладкого пирога). Кажется, всего очень много, а встаешь из-за стола и думаешь: а хорошо бы поесть! Вот Женьке малому здесь бы понравилось — сладкого хоть отбавляй и на улицах все, даже рабочие, жуют кто табак, а кто конфеты из сахара с орехами.

Итак, судя по сегодняшней телеграмме, вы все вместе! Целую вас всех!!

... Вместе с этим письмом к тебе пишу К. П. и прошу его выдавать тебе все, что тебе нужно для хозяйства и детей, так как по возвращении я ему все возвращу полностью, а то мне почудилось, что ты стеснена в деньгах, этого не должно быть.

Я здесь на свою жизнь зарабатываю, но, к сожалению, этого хватает с трудом только на свою собственную особу! Очень я рада, что процесс выигран¹¹⁴, но, увы, предвижу лично для себя много пакостей по этому случаю, ну да не стоит об этом прежде времени говорить, но вспоминается мне и о 3 миллионах, украденных мною у С. Т., по словам «с позволения сказать газет»¹¹⁵. Поживем — увидим.

Завтра напишу Липе, Кате и Юре с Женей...

Твоя М.

14

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

28 августа 1906, Адирондак¹¹⁶

... Меня тянет домой, в Россию, на каждом шагу, все оскорбляет меня здесь, а что мне пришлось вынести в этой Америке, так уж я только стараюсь не вспоминать, чтобы не чувствовать, что вот-вот что-то захлестнет в мозгу, и

готово. И я не могу оставить Алешу одного! Я знаю, что хоть он сейчас весь ушел в лихорадочную работу, ничего не видит, не слышит, может быть, не знает даже, что я тут, но, если меня не будет около него, не будет моих постоянных забот о нем, его здоровье, не буду я ограждать его от беспокойства и всего внешнего, мешающего ему, — и он не выдержит — сломится. Ну и живешь. Так-то, милый, а ведь я тоже была сама по себе — чем-то, а теперь вот печатаю на машинке, перевожу со всех языков и на все языки, изучаю английский язык.

... Написал Алеша драму «Враги» — очень хорошую, она послана Ладыжникову с просьбой немедленно переслать ее Вам — получили ли Вы ее? Если нет, потребуйте ее от Ферлага немедленно. Я на этот Ферлаг что-то не очень надеюсь¹¹⁷: Ладыжников человек чудесный, но порядку у них маловато. Переписываю сейчас повесть «Мать». Это будет очень крупная вещь, может быть, лучше всего, что он написал до сих пор. Мать эта написана — удивительно! А на ее психологии проходит история почти всего освободительного и революционного движения последних лет. Много таких мест, которые слушаешь с замиранием сердца и нет возможности удержаться от слез — и не внешних, от жалости, а глубоких слез с самого дна души как-то — или от восторга! В повести будет тысяч 70 — 80 слов, считая слова на американский манер¹¹⁸. Как только напечатаю первую часть — вышлю вам немедленно.

Заключил Алексей условие с одной американской агентурой на перевод и печатанье его произведений во всех странах, говорящих по-английски. Мне удалось уговорить его взять хорошего адвоката для ведения всех его денежных дел, и, думается мне, сейчас дело может пойти более целесообразно. Адвокат этот Морис Хилквит. По всем справкам — человек знающий, образованный, социалист довольно известный и хотя американец, но не мошенник, а пальца ему в рот все-таки класть не следует. Вообще тут в Америке научись и осторожности и практичности! Даже сам Алексей Максимович перестал верить всякому встречному и поперечному, и слово «социалист» в Америке перестало для него быть патентом на порядочность. Здесь такой социализм процветает, который у нас в России показался бы просто жульничеством. Например, только сегодня принесли социалистический журнал Вильпайра — это где прежде работал Зиновий. И вот г-н Вильпайр, миллионер, социалист (между прочим, ни гроша не давал Алексею Максимовичу на наше дело) рекомендует своим подписчикам-рабочим брать акции нового золотопромышленного общества, обещая 250 долларов на каждый доллар... и он же пайщик этого золотопромышленного предприятия... и секретарь социалистической американской организации. Недурно? У меня чуть не пять томов подобных этому фактов из американской жизни.

Мечтаю я, что в октябре мы уедем из этой проклятой страны, но... Денег пока что все нет и нет, что бы Алексей Максимович ни делал, а без них он отсюда не уедет. Одна надежда на Хилквита, что он сумеет достать деньги под произведения Алексея.

Катя пишет, что могут закрыть склад¹¹⁹. Я и то удивляюсь, что мы так долго держимся! [...]

Ваша Мария
28 авг.

15

М. Ф. АНДРЕЕВА — МОРИСУ ХИЛКВИТУ
Лето 1906¹²⁰

Дорогой товарищ!

Алексей Максимович очень извиняется, что не пишет Вам сегодня лично, но он весь горит своей работой, и, даже чтобы написать Вам, ему трудно оторваться от нее.

Разумеется, он не может и не станет составлять конспекта из своих произведений. По правде сказать, мне лично такое требование со стороны агентства представляется довольно нелепым. Пожалуйста, имейте в виду, что это только мое личное мнение, Алексей же Максимович больше всего думает о том, чтобы достать средств для партии, и готов на все что угодно, чтобы только достичь этой цели.

Он просто поручил мне составить план конспекта¹²¹, что я по мере сил и умения постаралась выполнить.

Повесть [«Мать». — *Ред.*] будет целой книгой, слов в 60 – 70 тысяч по крайней мере. Мой пересказ — остов фабулы — включает в себе 500 с чем-то слов, а я передала только голый и сухой скелет повести, в нее же самое входит масса лиц, фактов, событий, мне кажется, что она охватывает огромную сторону освободительного русского движения.

Лица, слышавшие эту повесть частью в чтении, частью в передаче на словах, высказывают предположение, что это, должно быть, будет одним из самых сильных произведений автора. И я думаю, что они не ошибаются, она написана кровью сердца его. Мне, говорят, не полагается высказывать свои мнения об этом авторе. Но я не соглашаюсь с этим. Неужели нельзя быть справедливой к близкому человеку и это мешает понимать литературу? Я этого не думаю. [...] ¹.

Ваша Мария Андреева-Пешкова¹²²

16

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. Ф. КРИТ
Сентябрь 1906, Адирондак¹²³

Дорогая моя Катечка! Только что писала тебе длиннейшее послание, но вот получила сегодня очень тяжелое письмо от Л. Б. [Красина], и приходится беспокоить тебя разными просьбами... У тебя, милуша, должна храниться

¹ Письма Андреевой Морису Хилквиту предоставлены для публикации в данной книге редакционной коллегией седьмого тома «Горьковских чтений», подготовленного к печати.

В «Горьковских чтениях», где печатается переписка А. М. Горького с М. Хилквитом, письма эти будут опубликованы полностью.

расписка Малянтовича в том, что я ему передала полис С. Т. [Морозова], и собственноручное его письмо. Для меня сейчас это письмо является страшно ценным, так как вопрос идет очень щекотливый для моего достоинства. Я написала Малянтовичу, чтобы он сохранил это письмо до моего приезда, и пусть так и будет. Но пусть он даст тебе или кому другому засвидетельствованную у нотариуса копию с этого письма. В нем сказано, что С. Т. поручает деньги мне, так как я одна знаю его желания, и что он никому, кроме меня, даже своим родственникам, довериться не может. Затем, я считаю, что распорядиться деньгами следует так: 1) уплатить расходы Малянтовичу, полагаю, это будет не больше тысячи, 2) отдать Л. Б. 60 тысяч целиком¹²⁴, 3) отдать долг К. П. — полагаю, что это будет тысяч 15, 4) все, что остается, — тебе на расходы! Исходя из расчета, что получено будет 89.000,

Малянтовичу — 1000 р.

Л. Б. — 60 000 р.

К. П. — 15 000

76 000

89 000

76 000

13 000 — приблизительно — тебе.

Надеюсь, что этого тебе на год хватит? А там что будет — увидим. Иначе поступить я не считаю возможным. Так-то, родная моя...

Тяжко мне невыносимо, что я ничего не зарабатываю! По совести знаю, что я не живу на счет А. М., потому что работаю я как вол, печатаю для него, перевожу, даю уроки, — но все это заработок грошовый и я лично нуждаюсь очень сильно, иногда это бывает трудно, но в общем ничего себе, и угнетает меня только мысль о средствах для детей.

Скажи Андрею Алексеевичу, что я прошу его подождать получать с меня те деньги, которые мне пришлось взять в Москве: буду служить — отдам ему, конечно, все. Кстати, пришли мне его адрес, мне надо ему ответить на его письмо, но я не знаю куда. В середине октября мы едем в Европу — хотели бы жить в Париже, но по некоторым соображениям думаю, что это вряд ли удастся. Едем кругом, на Неаполь¹²⁵, так как здоровье А. М. неважно, а океан ему очень полезен и мы надеемся, что он за дорогу отдохнет и поправится. Сейчас он очень худ, бледен, работал все это лето — как никогда! Как только выяснится хоть сколько-нибудь, где можно будет жить и можно будет хоть немного устроить А. М., — еду к вам. Считаю это необходимым, чтобы устроить всякие свои дела, и невыносимо хочется видеть детей. Получила я письмо от Тихона, такое, что дня три ходила как в воду опущенная. Судя по нему, думаю, что Юра не у Тенишева. Пишу ему самому. — А что Катя? Женя? На днях увидела их во сне, что иду и вижу — они... бросилась к ним, ноги подкашиваются, хочу крикнуть — не могу, поползла как-то до них, ухватила их руками — и проснулась, потому что сама чувствую, что вою диким голосом...

Я тебе писала, как мы сейчас живем? Не помню... Ну да ничего, если и еще

раз напишу. У наших хозяев был съезд гостей 1 сентября. А. М. не хотелось жить на народе, и мы перебрались на ферму. Живем без прислуги, я сама готовлю, мою, шью и в то же время печатаю. Это довольно комично, должно быть, выходит. Но моя милая и невзыскательная публика находит мою стряпню вкусной. Вот уже два дня, как А. М. сам печет превкусные лепешки, которые исчезают с необыкновенной быстротой. Оголодали мы на американском кушанье и рады поест по-русски. До чего я стала патриоткой-то, подумай!

Пиши мне теперь по следующему адресу — Berlin 145, Uhlandstraße, Herrn Iwan Ladyschnikoff — оттуда скорее перешлют. Себе не верю, что мы отсюда едем, и все боюсь, что вдруг что-нибудь опять случится и задержит нас здесь.

Как я устала, Катя, как устала, милая моя, и мне 145 лет... понимаешь? Что папа и мама — живы? Я ведь им не пишу потому, что, может быть, они боятся. Я тебя об этом как-то спрашивала, а ты мне ничего не ответила. Как все далеко! Я ведь здесь точно в гробу. Иногда я даже думаю, что, может быть, я и вправду уже умерла и это все, что со мной происходит, это уже другая жизнь — так все, все, все другое и по-другому. [...]

Как-то Володя устроится? На него за что гонение — известно?¹²⁶ Мучает меня — не из-за моего ли родства? Боюсь, что так.

Ты писала мне как-то о Надеине, чтобы попросить его. Родная ты моя, я думаю, Шауфус на него и внимания-то теперь не обратит. Митрофан Петрович не обратит внимания на мою просьбу. Написать-то я, конечно, могу хоть десять писем, да не будет от этого, думается мне, никакого толку. [...]

Так много всегда надо и сказать и спросить тебя, да как подумаешь, что две недели письмо идет к тебе да две от тебя — руки опускаются.

До свиданья, сестричка моя!! Целую тебя. Детям напишу отдельно, а так ты их всех поцелуй...

Алеша целует тебя.

Твоя Маруся

17

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ МОРИСУ ХИЛКВИТУ

14 ноября 1906, Капри¹²⁷

14 ноября

Глубокоуважаемый Морис Вениаминович!

Вот уже сколько времени все хотелось написать Вам, и так складывались обстоятельства, что при всем желании никак мне это не удавалось.

Ну вот мы и в Европе, хотя Капри, куда мы сейчас попали, это что-то совсем не уместающееся ни в какие понятия. Это просто «Капри», изумительно красивое место на земном шаре, где авось поправится и отдохнет Алексей Максимович, который последнее время очень плохо себя чувствует. Пробудем мы здесь, должно быть, еще месяца два, так как зимой ехать жить в Париже врачами Алексею Максимовичу категорически воспрещено.

... Переплыли мы океан-море хорошо, хотя первые пять дней сильно качало; итальянцы встретили А. М. восторженно и страшно приветливо¹²⁸. Как

это ни странно, в особенности нам, русским, поступает масса приветственных телеграмм от мэров (разных городов и общин).

Приехало к нам много русских друзей, все таких же невольных туристов, как и мы, грешные. В России работа кипит вовсю, не верьте газетным сообщениям и вестям нервничающих товарищей, вроде почтенного, но отвыкшего от России Гурвича. Никакой реакции нет и быть не может у Революции, а если «общество» немного потерялось, то это не важно, не в них дело! Получаете ли вы «Пролетарий»¹²⁹? Мне бы очень хотелось, чтобы он попадал в Ваши руки...

Ваша М. Пешкова

18

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

Ноябрь (до 22-го) 1906, Капри¹³⁰

Дорогой Александр Валентинович, ведь ничего, что я не пишу официального «многоуважаемого», а? И я тоже очень обрадовалась, получив Ваше письмо. Значит, пока живы и здоровы? Ну, по нынешним временам и то хлеб... Получили и «Красное знамя»¹³¹ и накинулись на него, конечно. Спасибо. Тяжеловато жить за границей-то, а в Россию ехать нелепо очень, А. М. убьет первый черносотенец за 5 целковых и не поморщится, а меня в кутузку посадят за «московские дни»¹³², только и всего. А как бы туда хотелось.

А. М. кончает свою повесть «Мать». Вообще, несмотря на серьезное недомогание, работает как вол — так как это не в свою пользу, то не щадя живота своего. Ведь в Америке, с тех пор как стала его читать большая публика, а не только избранные, как это было до появления там так сильно взбаламутившего американцев «Города Желтого Дьявола», на него страшный спрос, и американские журналы наперебой хватают его вещи за огромные деньги. Шаль, что этого не знали те французы, которые, обидевшись на него за «Прекрасную Францию»¹³³, разливались на ту тему, что, мол, писал он эту «Францию», чтобы «угодить» американцам, а Алексей-то Максимович писал в это время самые горькие и жестокие истины своим гостеприимным хозяевам. Такой уж нрав у этого человека, не может он не говорить правду, даже тогда, когда лично для него это очень невыгодно.

Вот это, должно быть, совершенно непонятно французскому буржуа! Кстати, Вы знаете, что после всего шума, поднятого по поводу «Прекрасной Франции», многие бойкотировали книги А. М. — и наказали очень сильно его переводчиков, большинство которых совершенно неизвестно самому А. М., так как он денег за свои произведения, за переводы не получает. Вышло смешно... А мне грустно, очень я не люблю, когда люди проявляют свою глупость.

Заметили Вы, например, как мало за границей обращают внимания на поганый способ нашего правительства бороться с революцией? Я не говорю о прессе, которая известно почему замалчивает такую пакость, а о публике. Меня это до сих пор еще удивляет.

Нет, разная от европейцев порода людей мы, русские! Слышать не могу,

когда они холодно начинают обсуждать «наступившую реакцию» и не понимают, что это обозначает не борьбу с революцией, а пытки, убийства из-за угла, ошибочные смертные приговоры, расстрелы высеченных 250 ударами перед смертью для острастки! Выламывание пальцев у баб и подростков, я уж и не говорю об обычной бабьей обиде.

Может быть, это смешно, что я Вам об этом пишу, — Вы все это не хуже меня знаете, но уж очень у меня самой злости в душе много от разговоров с европейцами. Они все думают, что Революция — это когда революционеры на баррикадах, а солдаты палят по этим баррикадам и оружие у тех и других почти одного качества. Красиво, что говорить, но не по нынешним временам!

Пустить бы их на месяц пожить в шкуре русского революционера. Но, однако, так ведь и надоесть можно, человек Вы к тому же занятой.

Жить мы будем пока на Капри, из отеля переезжаем на виллу, то есть попросту в маленький домик в три окошечка на горе у piccol's marin'ы. Сколько времени тут пробудем — неизвестно, как проживется.

Вряд ли, боюсь, это Вам было бы возможно теперь, когда началась школа, но если бы Вы с женой вздумали навестить нас здесь — очень бы мы обрадовались.

Передайте ей, пожалуйста, наш сердечный привет, извинения и великую благодарность за хлопоты ее о нас! Жаль, что нельзя сейчас ехать в Париж, интересно! И с великим бы удовольствием я записалась бы в Вашу школу.

Всего доброго, Александр Валентинович. Жму руку.

М. Пешкова

19

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

4 февраля 1907, Неаполь

Дорогой друг Иван Павлович!

[...] Спасибо Вам за хлопоты о паспорте¹³⁴, мне писала фрау Каутская. Я ее просила на всякий случай прислать мне его.

Вы знаете — дядю Мишу уже арестовали на Николаевском вокзале в Петербурге и увезли в Москву¹³⁵. Боюсь, что это очень плохо. Шпики его видели у нас.

Мучительно боюсь за Евгеньевича!¹³⁶ Он, должно быть, будет у Вас, голубчик, поговорите Вы с ним! Он Вас любит и очень уважает, Ваши слова на него скорее подействуют, чем мои, так как он считает, что я вроде родственницы, а родственники, мол, всегда трусят...

Еще есть к Вам просьба о деньгах. Нам из Америки, должно быть, скоро пришлют, но это такая дальняя страна, что все сношения с ней очень запаздывают, и я боюсь, как бы нам тут не сесть временно на мель. Суммы не называю, так как не знаю, что у Вас есть из денег А. М. и даже есть ли? Перевод буду просить сделать на Enrico Morgano, так как он легче получит и ему это удобнее.

Как-то Вы поживаете? Что моя любимая Екатерина Ивановна? Наташа?

Ужасно странно, что мы с Е. И. не переписываемся. Правда? Хорошо было бы, если бы она мне написала о себе. Я ее крепко целую!

Л. Н. Андреев нет-нет да и запивает. Тяжело с ним очень. Вы, должно быть, уже знаете, что от редакторства в «Шиповнике» он отказался, но это еще ничего не обозначает, так как завтра же его могут уговорить взять на себя редактирование какого-нибудь «Подорожника» или «Валежника» — и он пообещает свое имя, так как очень он плохо разбирается в самом себе. Дидишка поступил в детский сад на Капри, это на него чудесно действует, и с ним стало гораздо легче ладить. Настасью Николаевну я еще не видела, но пишут мне, что она все киснет и влияния на Леонида не имеет никакого.

Поселился у нас на Капри двоюродный брат мой Василий Петрович¹³⁷. Вы его помните? Как человека я его очень люблю, и сейчас он в таком тяжелом душевном состоянии, что приласкать его необходимо, но не скажу я, чтобы радовало меня его присутствие.

Алексей Максимович принялся было переделывать вторую часть «Матери», приезд Максима перебил его в этой работе, так что он Вам ее в исправленном виде вряд ли пришлет раньше как через месяц. У меня напечатано всего 30 листов, а, если я не ошибаюсь, в ней не меньше 148.

Понемногу начинает он жаловаться, что стали одолевать его посетители. Очень много пытается проникнуть к нам и подозрительных людишек, но все мелочь какая-то и глупцы. Недавно, например, был один французский швейцарец, ни слова «не понимающий» по-русски, — ответил неожиданно для себя на какой-то вопрос Алексея Максимовича Евгеньевичу на чистом русском языке: «нет» — и спохватился. Приезжают какие-то полусумасшедшие английские анархисты в чине генерал-майора английской армии, ездят за ним чешские профессора, которые потом оказываются русскими шпиками, и т. п. Грозится приехать Амфитеатров, недели через две Луначарский — все это было бы ничего вразбивку, а все вместе — утомительно!

Не знаю, писал ли Вам Алексей Максимович о свидании с Верой Николаевной Фигнер, приезжавшей к нему на Капри? Удивительно чарующее произвела она на всех нас впечатление! Да и «Былое»¹³⁸ когда читаешь, то она, Фроленко да еще Морозов пишут как большие люди. А у всех других выходит как-то так: те, о ком они пишут, — Перовская, Желябов [нрзбр] и т. д. — все очень большие люди, а те, кто пишет, — Любатович, Новодворские и т. д., — лучше бы не писали они о себе, все сохранилось бы больше иллюзии, что и они тоже были люди. У Вас нет этого впечатления?

Ну, всего доброго, Иван Павлович, крепко жму Вашу руку и за многое-многое Вам спасибо.

М.

Очень кланяется Вам и Екатерине Ивановне сын мой Юрий, он скоро едет и, должно быть, будет у Вас. А также Harriet, она здесь со мной в Неаполе, на днях едет в Париж к Кюри.

4 февраля

29 июня 1907, Капри¹³⁹

Дорогой товарищ!

Чуть было я не уехала в Россию¹⁴⁰, уже и паспорт себе достала, да вдруг получила от присных своих экстренное извещение — отложить, даже в Финляндию не ездить. Что это обозначает — не знаю, но пока осталась.

Решили мы с Алексеем Максимовичем все лето остаться на Капри, здесь хорошо, отнюдь не жарко, для здоровья его тоже, по-видимому, недурно, а главное, он сидит и пишет, а в такие времена он очень не любит передвигаться. Вам, Анатолий Васильевич, должно быть, еще больше жаль, что не удастся повидаться, да что поделаешь, когда и Вы и мы пришились к месту. Ждем к себе на днях Строева, что-то он расскажет о России, из письма его явствует, что плохо там нашим товарищам приходится¹⁴¹. Вы, впрочем, это, должно быть, знаете из писем. Думали мы было жить следующую зиму в Финляндии, но, как кажется, приходится отложить эту мечту в очень долгий ящик, так как жить А. М. инкогнито, как сообщил один из наших товарищей, совершенно невысказано, а иначе не позволят финны, да и русская полиция устроила бы, во всяком случае, нечто вроде ловушки для приезжающих побывать у А. М. — это последнее больше всего нас останавливает от переселения.

Лабриола сам предлагал свою книгу о Коммуне для издательства, но раз она в Италии уже вышла и ее гарантировать нельзя, то перевод теряет для него лично всякий интерес. Я писала ему об этом, и он мне даже не ответил. Правда, что он только что женился и, кажется, даже отправился в путешествие. В следующий раз он будет давать прямо рукопись, должно быть.

Да, знаете ли Вы, что его жена — русская, студентка, хорошо знает итальянский язык и, надо полагать, будет сама переводить его книги. Я об этом что-то уже слышала. Сообщаю на всякий случай для Вашего и других товарищей-переводчиков сведения.

Алексей Максимович шлет Вам самый дружеский привет, и оба мы крепко жмем Вашу руку.

Мария Пешкова

29 июня

24 ноября 1907¹⁴²

Уважаемая госпожа Горькая!

Я попытаюсь написать Вам по-французски. Боюсь, что это будет весьма комичный французский язык. Надеюсь, Вы мне простите это.

В переводе письма товарища Горького, присланного мне моей секретаршей, допущена ошибка.

Я просил ее написать секретарю товарища Горького, что я никогда не писал

¹ Перевод с французского С. Коробцовой.

книги под названием «История феодала» (так перевела моя секретарша).

Теперь Ваш перевод — «История одного миллионера» — объяснил мне загадку. Эта книга — одно из произведений моей юности (написана лет семь тому назад), и я совершенно забыл о ней. Я с трудом ее припоминаю, но если товарищ Горький ее одобрил, то я буду думать о ней лучше.

Мне бы хотелось иметь Ваш адрес, чтобы прислать мою новую книгу — «Метрополис» [«Столица»], которая будет опубликована, вероятно, в марте и которая будет посвящена товарищу Горькому.

Будьте снисходительны к моему французскому языку (я умею только читать на нем).

Искренне Ваш

Эптон Синклер
Батл Крик, Мичиган,
ноябрь 24, 1907 г.

22

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

Ноябрь 1907, Флоренция¹⁴³

Дорогой мой друг, писала бы Вам не только каждую неделю, но каждый день, если бы только была уверена, что Вы мои письма получаете. Ужасно мы беспокоимся о Вашем здоровье, последние известия меня совсем сокрушили. Умоляю Вас — берегите себя, насколько это только возможно, — заботьтесь о здоровье, это главное, все же остальное — пустяки. Ну что же рассказать о себе? Здоровы, бегаем смотрим картины, все больше и больше привязываемся к этой дивной стране, сокрушаемся, что Вы не с нами. [...]

Harriet очень беспокоится о своем «*rauvre cher enfant*» — с тех пор как она вышла замуж, она восчувствовала себя всеобщей бабушкой и к нам с вами относится с нежным покровительством.

Ах, дитя мое, с каким дивным скульптором мы познакомились. Он сделал Каина (куплено нацией), сфинкса — головку женщины, нечто вроде Леонардодавинчиевой Джиоконды, и сделал изумительного Христа, только что снятого с креста. Из одного этого Вы можете судить, как он широк. Алеша совсем влюблен в него. Завтра мы слушаем Терезину Туа. И что бы я ни делала, где бы я ни была — я всегда думаю о вас, мой любимый, увы, далекий друг... Вы знаете, я недавно разбирала все свои письма, и оказалось, что Вы писали мне больше всех, больше детей — иногда я думаю, что вы, может быть, единственный человек на свете, дружбе и чувству которого я верю.

До свиданья, милый!! Крепко жму Ваши славные лапы.

М. Ф. АНДРЕЕВА — ДЖОВАННИ ЧЕНА¹

14 ноября 1907, Флоренция¹⁴⁴

Дорогой мсье!

Я не обращаюсь к Вашей супруге, так как не знаю, говорит ли она по-французски, а мой итальянский язык, к сожалению, настолько беден, что хотя я и отваживаюсь иногда, в случае крайней необходимости, говорить по-итальянски, но писать по-итальянски я все-таки не смогу.

Мы познакомились с Трентакоста и побывали в его студии. И он сам и его произведения очень понравились Горькому. Сегодня вечером мы идем к нему обедать. У нас еще не было случая повидаться с Галилео Кини.

Вчера мы получили открытку от Эллен Кей¹⁴⁵ — мы будем счастливы встретиться с ней в Риме, где мы рассчитываем быть через пять-шесть дней. Флоренция очень красива, но здесь не могут понять, что Горький совершенно не переносит парадов, и никак не хотят разрешить ему оставаться по возможности в тени.

Его вынудили дать согласие присутствовать на званом обеде¹⁴⁶, и для него, не говорящего ни по-французски, ни по-итальянски, это будет истинным наказанием. Мадам Боткина много писала нам о Вас и о Вашей супруге, которая ее совершенно очаровала.

Она тоже очаровательна, не правда ли?

Мы с нетерпением ждем того момента, когда встретимся с вами обоими¹⁴⁷. Посылаем вам обоим наши самые искренние приветы.

Мария Пешкова

14 ноября

ЛУИЗА КАУТСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ²

14 ноября 1907¹⁴⁸

Фриденау

14 ноября 1907 г.

Дорогой друг!

Мы получили несколько дней назад книгу [«Мать»] с посвящением, написанным рукой Горького, и Вашим переводом его слов, которые прозвучали для нас как привет издалека. Мы уже читали ее в фрагментах, печатавшихся в газетах, но сейчас, когда читаешь всю целиком, она производит еще большее впечатление. Особенно это важно для Карла, так как чтение частями его очень утомляет.

Лично я отношу эту книгу к числу самых прекрасных произведений Горького. Она пронизана благородной внутренней теплотой, которая проникает в сердце и зажигает в нем огонь, горящий еще долго после того, как отложишь книгу. Чувствуется, что автор писал ее кровью сердца. Он неотделим от своих

¹ Перевод с французского Р. Хлодовского.

² Перевод с немецкого Л. Соколко.

героев. Какие правдивые, искренние люди встают с каждой страницы. Как любишь эту мать, радуешься и страдаешь вместе с ней и все больше и больше уважаешь ее. А этот прекрасный сын! Каких друзей приобретаешь, читая эту чудесную книгу. Скажите Вашему Алексею, как я благодарна ему за наслаждение. Вероятно, уже многие тысячи говорили ему и писали об этом. Но все же я надеюсь, что и мой восторг принесет ему радость.

А Вас, любимый друг, я часто вспоминаю. Как прекрасный сон вспоминается время Вашего первого приезда. Сколько хороших часов провели мы вместе! Во второй Ваш приезд я не могла быть много с Вами из-за болезни. Но Вы не сердитесь на меня за это.

Я надеюсь, что вы себя оба хорошо чувствуете и порадуете нас хотя бы несколькими строчками, чтобы мы о вас знали не только по сообщениям газет.

С чувством верной дружбы целую и обнимаю Вас, а также Алексея.

Ваша Луиза Каутская

25

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. ЛУНАЧАРСКОЙ

4 января 1908¹⁴⁹

Как Вы нас напугали, голубчик! Ну, слава создателю, что все у Вас обошлось благополучно. Должно быть, рано встали? Не отозвалось ли на Толюшке? Напишите. Скорее и уже теперь прямо на Капри.

Застряли на два дня в Неаполе, чтобы послушать «Тристана и Изольду» и посмотреть Граматину. Хорошая актриса, умная, тонкая, простая, должно быть интеллигентный человек. Нам она очень понравилась. А вот партнер ее очень уж театрален и рутинен. Вообще как у них, в Европах, от России отстали в смысле чистой техники! Даже в Париже, мне кажется. В Италии этому, конечно, особенно способствует кочевое состояние товариществ. И ни разу я не встретила ансамбля, этого главного условия для цельности впечатления! Случилось мне слушать, что здесь говорят господа литераторы вообще и драматурги в частности. Боже мой, какое пока это убожество и сколько у них всякого сорта препон и застав! Очень интересно было бы поговорить с Вами об этом. Тут как-то переводили целым собором маленькую заметку о Финляндии¹⁵⁰, нашинскую, Алексея Максимовича, — так боже ты мой! «Черные вести» — сказать нельзя, «зеленая тоска» — тоже, демократизм — слов нет. Правительство — нельзя персонифицировать. Прямо — ничего нельзя!

А писательница Сибилла Алерамо прямо заявила, что ей часто приходится для того, чтобы выразить какую-нибудь свою мысль «литературно», подходить к этой мысли так издалека, что часто даже самый «смысл» ее «мысли» — изменяется. Ведь это же рабство какое-то!! А какие они социалисты... странные. Наши — даже тихие — кажется, гораздо лучше. Ух!! Не говорите этого А. М., а то он сейчас обвинит меня в поспешности заключений.

А. М. очень кланяется Вам, очень за всех беспокоится. Пишите, пожалуйста, чаще. Кланяюсь и целую.

М.
4 января, Неаполь

26

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ
5 января 1908, Капри¹⁵¹

Дорогой мой друг! Только вчера приехала я на Капри и с великою грустью все время думала о Вас... Тот же беленький домик, та же дивная панорама, пианино, ноты Грига, а Вы так далеко и — кто знает — здоровы ли, что с Вами, так мучительно болит сердце... Ну ладно, не хочется ныть, да и боюсь, что рассердитесь на меня. Какая это, однако, извините меня, нелепость, что Вы сидите в таком неприятном месте, пишу Вам адрес, и с какой-то особенной яркостью встает это несоответствие — Вы и голые стены, прогулки с часовым, отсутствие пианино... Бедный мой артист, лишенный инструмента! А особенно — бедные те, кто так любит слушать Вашу игру, то есть мы.

Знаете, для меня до сих пор никто еще не играл так, как Вы. Вы смеетесь, конечно, а вот недавно я слышала последнюю ученицу Листа, старуху, но огромный и живой еще талант. И Бетховена она играла так, как мне еще ни разу в жизни слышать не приходилось, но Грига — Вы играете лучше ее. Вот Вам!

Хоть бы когда-нибудь Вы написали о себе, о своем здоровье, о том, есть ли у Вас хоть немая клавиатура, нотная бумага.

Enrico, Adolfo, Bertino, Carlino — все ваши старые друзья — кланяются Вам. А знаете, Constantin'у я больше не вижу, она стала уж чересчур дорога, и с ней пришлось расстаться.

Милый мой Евгеньич, помните мой завет — поверьте, что я не поддаюсь чувству привязанности и симпатии, — Вы обязаны прежде всего позаботиться о себе, о своем здоровье — это необходимо. Какой же Вы будете артист, если не будете здоровы?

Я отлично понимаю и чувствую, что Вам трудно думать о своем здоровье, понимаю, как это досадно, Вы всегда так мало о себе заботитесь, но Ольга пишет, что у Вас уже были те нарывы, которые так Вас мучили даже на свободе, воображаю, каково это при негигиенической тюремной обстановке — переносить такую боль! Муж шлет Вам всю свою любовь, обнимает и целует. Мы здоровы, дети тоже, все Вас любят и помнят по-прежнему, конечно. Зина в Париже — бездельничает, как всегда, говорит, что изучает искусство. По-прежнему я злюсь и все-таки очень люблю это существо.

Adolfo просит не забывать его — у него новая гитара, и он все мечтает показать ее когда-нибудь Вам. Крепко жму Вашу славную руку.

Крепко Вас любящая

Marie
5 января

В. И. ЛЕНИН — А. М. ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
15 января 1908, Женева¹⁵²

15. I. 08.

Дорогие А. М. и М. Ф.!

Получил сегодня Ваш экспресс. Удивительно соблазнительно, черт побери, забраться к Вам на Капри! Так Вы это хорошо расписали, что ей-богу соберусь непременно и жену постараюсь с собой вытащить. Только вот насчет срока еще не знаю: теперь нельзя не заняться «Пролетарием» и надо *поставить* его, наладить работу во что бы то ни стало. Это возьмет месяц-другой, *minimum*. А сделать это необходимо. К весне же закатимся лить белое каприйское вино и смотреть Неаполь и болтать с Вами. Я кстати по-итальянски начал учиться и, как учащийся, сразу набросился на написанный Марией Федоровной адрес: *expresso* вместо *espresso*! Давать сюда словарь!

Ну, а насчет перевозки «Пролетария» это Вы на свою голову написали. Теперь уже от нас легко не отвертитесь! М. Ф.-не сейчас же кучу поручений приходится дать:

1) найти непременно секретаря союза пароходных служащих и рабочих (должен быть такой союз!) на пароходах, поддерживающих сообщение с Россией.

2) Узнать от него, *откуда и куда* ходят пароходы; *как часто*. Чтобы непременно устроил нам *перевозку еженедельно*. Сколько это будет стоить? Человека должен найти нам *аккуратного* (есть ли итальянцы аккуратные?). Необходим ли им адрес в России (скажем в Одессе) для доставки газеты или они могли бы *временно* держать небольшие количества у какого-нибудь итальянского трактирщика в Одессе? Это для нас *крайне важно*.

3) Если невозможно М. Ф.-не самой это все наладить, похлопотать, разыскать, растолковать, проверить и т. д., то пусть непременно свяжет нас непосредственно с этим секретарем: мы уже с ним тогда спишемся.

С этим делом надо спешить: как раз через 2 – 3 недели надеемся выпустить здесь «Пролетарий» и отправить его надо немедленно.

Ну — до свидания на Капри! Смотрите, А. М., будьте здоровы!

Ваш В. Ульянов

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ
Февраль – март 1908, Капри¹⁵³

Милый мой друг, мне очень жаль и обидно, если я Вас в своем письме чем-нибудь задела. Я просто очень Вас люблю, и все, что с Вами случается, очень сильно меня волнует и тревожит. Отнюдь не думаю, что Вам надо грозить пальцем, но это ведь свой, милый, нам больнее. Это чувствую ясно, так как хотя меня сильно задевает, когда читаю о вешаемых, расстреливаемых, ссылаемых и голодающих, но, когда это свой — сын, брат, муж, — каюсь, это больнее. Вот и все. Если будут судить — зовите Оскара Осиповича Грузенберга.

Малянтович — кисляй, и на него я не очень полагаюсь.

... Алеша — ничего себе, хотя покашливает, опять «уехал в неведомые страны», пишет «Богоборец» — большой рассказ. Выходит к обеду да завтраку, а остальное время сидит в своей келье безвыходно. Живет тут один очень интересный человек — наш давний приятель, очень образованный и талантливый человек, ведутся иногда с ним такие разговоры, что просто ушки на макушке. Недавно задумали совместно писать Нового Фауста, нечто изумительное! А Леонид [Андреев] — в госпитале, говорят, страшно пьянствовал последнее время, можете себе представить — даже не переписываемся.

... Говорю я нынче на всех иностранных языках, а еще больше читаю и даже, кажется, английскую брошюру напишу, знай наших! Очень бы хотелось, чтобы Вы ее раньше прочли и сказали мне, как Вам покажется. Милый мой, если бы Вы знали, какой я себя вообще неистовой невеждой чувствую, а учиться мне теперь поздно, к сожалению. Так нелепо прошла жизнь! Ну ладно, об этом не стоит.

... Не грызите Вы себя напрасно за то, что по «дурацкой» [нрзбр] будто бы кого-то ввели понапрасну в беду. Ведь очевидность нелепости так ясна, что, не будь у полиции желания во что бы то ни стало взять лиц, о которых Вы сами говорите, что вовсе их не знаете, они гуляли бы себе на свободе. Просто, должно быть, предлог, чтобы сцапать кого надо и не надо, больше, конечно, именно таких, кого им почему-нибудь хочется убрать. При чем тут Вы. Это, разумеется, не для утешения Вашего я Вам говорю, а по чистой совести и разумению моему. ... Сегодня светит солнышко, море как зеркало, цветет миндаль, внизу на виноградниках окапывают лозы и поют какую-то арабскую мелодию, так тихо, хорошо, ясно. И с каким бы наслаждением ушла я от всего этого, как меня угнетает подчас, что вот пользуешься всем этим великолепием, а там, у нас, столько всего. Понимаю, что там я была бы совсем бесполезной, а тут все-таки нужна, но от этого чувствую себя до того ничтожной иногда, что хоть волком вой. И не бранитесь, Евгенийч, право же, ведь это естественно! Очень рассчитываем увидеть Вас, очень... Алексей говорит, что 28 часов подряд заставит Вас играть для него. Позовем тарантеллу. Ах, хорошо бы!.. Бертишка все проливает слезы каждый раз, как я получаю письмо от Вас, он уже по почерку на конверте узнает это. Очень кланяется Вам Карлино, он чуть было не поехал освобождать Вас! На днях видела Рафаелуччо — кланяется, вообще вся наша деревня негодует и волнуется за Вас. Донна Лючия даже благословение свое Вам посылает.

Джаджи — почтальон всегда негодует на несправедливость жизни, в которой всегда страдают лучшие. Все это маленькие люди, но чувствуют они искренне и горячо... До свиданья, милый друг, всего хорошего.

Крепко Вас обнимаю.

М.

В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*Конец апреля 1908, Женева*¹⁵⁴

Дорогая Мария Федоровна! Посылаю письмо нашего библиотекаря к А. М.¹⁵⁵

Дело вот в чем. А. М. очень прошу написать *легальное* открытое письмо в *русские* газеты с просьбой *помочь библиотеке* Куклина в Женеве присылкой газет эпохи революции и материалов к ее истории.

Письмо коротенькое, *разъясняющее* широкой публике, почему важно помочь этой библиотеке *для работ* и самого Горького и многих других, ему известных, литераторов.

Вас попрошу распорядиться отгектографированием этого письма (надеюсь, Зиновий Алексеевич не откажет помочь тут) и рассылкой *во все русские* газеты и журналы сколько-нибудь приличного направления.

Пожалуйста, организуйте все это!

Того же Зиновия Алексеевича попрошу отправить *малой* скоростью книги, не взятые Виктором, ежели *их не* возьмет Наталья Богдановна.

Жму крепко руку.

Ваш Ленин

С первым мая!

М. Ф. АНДРЕЕВА — СИБИЛЛЕ АЛЕРАМО¹*10 июля 1908, Капри*¹⁵⁶

Дорогой друг,
прошу Вас извинить меня за то, что я ничего не написала Вам после нашего отъезда, но мы до сих пор не можем как следует устроиться. У меня отнимают время всевозможные пустяки, очень мелкие, очень скучные, но, к сожалению, необходимые.

Вот мы наконец и на Капри. Первый день был наполнен солнцем; наш маленький, белый и совсем простой домик был так симпатичен, вид был так красив, что, очутившись дома, мы почувствовали себя счастливыми; но вот уже несколько дней дует и бешено свирепствует трамонтан¹⁵⁷, печи дымят, двери скрипят, и кажется, что мы находимся на маяке; сходство с маяком усиливается еще и оттого, что не приходит почта, так как катер не может отплыть из Неаполя.

Алексей Максимович работает целыми днями, я вижу его лишь за едой. Я с головой ушла в хозяйственные мелочи, много читаю и пишу письма, дюжины, сотни писем, так как совсем забросила свою корреспонденцию во время нашего путешествия.

Что Вы поделяваете? Как чувствуете себя Вы и Ваш муж? Встречаетесь ли с нашими друзьями Боткиными? Как Вам понравилась их квартира?

Как-нибудь, когда Вы приедете на Капри, я покажу Вам этот прекрасный

¹ Перевод с французского Р. Хлодовского.

остров и мы с Вами о многом поговорим. Если Вы встретите какое-нибудь значительное явление в литературе или в жизни — прошу Вас, сообщите мне об этом. Я буду Вам очень признательна! Хорошо?

Сегодня мы получили «Трибуну» со статьей Червесати — я напишу ему на этих днях; я давно хотела ему написать, но никак не могла этого сделать.

Алексей Максимович просит передать Вам и Чена свои самые лучшие пожелания. Я присоединяю к ним мои и обнимаю Вас.

Искренне Ваша Мария Пешкова
10.7-1908, Капри

31

ИЗ ПИСЬМА Л. Б. КРАСИНА А. М. ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ *Октябрь (до 24-го) 1908, Женева*¹⁵⁸

... Между прочим, оказывается, что паи Морозова стоят не 1 ½ тысячи, а свыше 5, и, следовательно, передаваемая нам Елизаветой Павловной часть наследства составляет 1 ½ миллиона. Вопрос о выдаче ее замуж получает сейчас особую важность и остроту. Штуки Каниса неизвестно во что выльются дальше¹⁵⁹. Поэтому необходимо спешить реализовать ее долю наследства, а это можно сделать только путем замужества, назначения мужа опекуном и выдачи им доверенности тому же Малянтовичу. Было бы прямым преступлением потерять для партии такое исключительное по своим размерам состояние только из-за того, что мы не смогли найти жениха.

Надо вызвать немедленно Николая Евгеньевича [Буренина]. Он писал, что у него есть какой-то будто бы необыкновенно подходящий для этого дела приятель, живущий сейчас в Мюнхене¹⁶⁰. Надо, чтобы Николай Евгеньевич заехал в Мюнхен переговорить с этим товарищем и затем ехал в Женеву для совместных переговоров со всеми нами. Если же эта комбинация не удастся, тогда нет иного выхода, придется убеждать самого Николая Евгеньевича жениться. Дело слишком важно, приходится всякую сентиментальность отбросить в сторону и прямо уговаривать Н. Е., так как мы не имеем другого кандидата. Важно, чтобы и вы и Мария Федоровна прониклись этими доводами, так как без вашего содействия я не уверен, чтобы нам удалось уговорить Г. Ф. [Буренина].

32

РОБЕРТО БРАККО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ¹ *30 октября 1908, Капри*¹⁶¹

30 окт. 08

Мой добрый друг!

Я знаю, что Ваши дети сегодня уезжают в Россию. Я хотел попрощаться с ними вчера, но вчера был один из таких дней, когда я не в состоянии общаться с людьми. Посылаю им привет через Вас. Мои самые лучшие пожелания их

¹ Перевод с итальянского Р. Кафриэлянц.

прекрасной юности.

Кажется, Горький уезжает в небольшое путешествие по Италии? Ну и правильно делает. Это будет настоящим отдыхом для него, который так много работает. Погода превосходная. Пожмите ему руку за меня крепко, крепко.

А Вы? Останетесь здесь? Я здесь пробуду еще несколько дней. Если Вы мне это позволите — приеду Вас проведать.

Преданный Вам

Ваш Роберто Бракко.

Р. С. Абениакар написал мне из Рима и сообщил, что скоро пришлет Вам фотографии, которые уже готовы.

33

И. Я. ГИНЦБУРГ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

5 июля 1909¹⁶²

Многоуважаемая предобрая Мария Федоровна! Наконец я успокоился и опять чувствую себя прекрасно; живу среди чудесной швейцарской природы и как коровушка, которая на отдыхе жует жвачку, — так и я в тишине и одиночестве перебираю теперь в голове все то, что видел и чувствовал в Италии. Конечно, первое место занимает у меня v. Spinola, мне там так хорошо было! Вы так любезны и добры были все время ко мне; я этого не заслужил! Я чувствовал себя у Вас как дома. Кроме Spinol'ы на меня особенное впечатление произвела Помпея, — что-то очень крупное и важное я там увидел. Не забуду я празднество в Torro del Greco¹⁶³. До сих пор я слышу пение мальчишки; его воодушевление меня тронуло.

Вообще очень много я вынес впечатлений из Италии, но менее всего я в восторге от природы итальянской, в этом отношении Капри мне не понравился; прекрасны небо и вода, но небо и вода — глаза природы, меня больше восхищает земля — тело природы. Зеленые поля, густые леса, запах травы и сосны — вот что приводит меня в восторг. Здесь из почвы жизнь прет, все произрастает быстро; творческая земля возбуждает ум, рождает мысли... Простите за то, что философствую, — это скоро у меня пройдет, через 10 дней стук и свист паровоза отрезвят мою голову. Думаю я еще несколько дней отдохнуть в Тироли и затем через Вену поеду в Малороссию.

Не помню, писал ли я, что во Флоренции я познакомился с Трентакоста, — он чрезвычайно понравился мне, у него глубокий и симпатичный талант. Спасибо за то, что познакомили меня с ним.

Страшно я жалею, что мало приходилось мне побыть с Алексеем Максимовичем; мне хотелось бы еще обо многом с ним поговорить; все более и более мучают меня разные вопросы, которые прежде были мне более ясны и определены.

Надеюсь, что в будущем году увидимся на более долгое время.

Сердечный привет [два слова *нрзбр*].

Искренне уважающий Вас и душевно преданный Вам

Илья Гинцбург.
5 июля 1909

Страшно рад буду, если получу весточку из Spinol'ы. Мой адрес на один месяц: Полтавская губ., гор. Лохвица, имение г. Горвиц. Для И. Я. На всю зиму: Академия художеств, С.-Петербург.

[И. Гинцбург]

34

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

Ноябрь 1909, Капри¹⁶⁴

Дорогой Иван Павлович!

Приехали ли Вы? С нетерпением жду от Вас весточки. И, боже мой, как хорошо было бы, если бы Вы сюда приехали.

За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы, и так хотелось бы увидеть своего, близкого человека, поговорить, услышать свежее мнение, узнать, как другой человек, в которого сохранил еще веру, думает.

Ах, Иван Павлович, дорогой мой! Знали бы Вы, что тут было, удивились бы Вы, что у меня еще голова на плечах.

Не знаю, кто Вы — «впередовец», или «ленинец», или еще кто, но, если Вам дорог А. М., — приезжайте при первой возможности. Предупреждаю Вас — я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и К°, — «мерзкая женщина», меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки.

Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче и его «слопать» для мелочного самолюбьишка, насколько только силы мне хватило, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки.

А теперь висит надо мной тут К. П. [Пятницкий].

Хорошо, если бы Вы приехали.

Ваша М.

Привет милейшему Роману Петровичу.

35

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

Ноябрь 1909, Капри

Милый мой, Евгеньич! Во-первых, это правда, что Вы — глупый! Я, милый, если кого люблю, то для того, чтобы я разлюбила, надо мне столько

пакостей наделать или столь самому мерзавцем оказаться, что Вы по милому, доброму сердцу своему и чистоте своей хрустальной и вообразить себе этого ее можете.

Милый мой друг, Вас я люблю, пожалуй, еще крепче, это всегда бывает, когда себя все более одиноким чувствуешь, а ведь вы подумайте, вокруг меня один за другим сами себя побивают и разрушают один за другим все, кого я учителями правды считала. Знали бы вы, что делается, что кругом происходит, какая путаница, ложь, клевета, какое быстрое и непоправимое падение, какое ненасытное желание спихнуть свое прежнее начальство с исключительною целью стать на его место и как мыльному пузырю заиграть всеми цветами радуги. Плохо все это, так плохо, что и сказать нельзя.

Вы вот говорите, что, даже имея Вы возможность приехать, не поехали бы, а я Вам скажу — многому бы научились и многое бы поняли, если бы приехали, правда, не радостное, но необходимое и неизбежное.

... Весьма вероятно, что Вы услышите что-нибудь о том, что меня кислотой облили или отколотили меня, так как я признана «вредным элементом, враждебно настроивающим, который необходимо устранить всеми мерами». Уже были попытки клеветы, обмана, использования моих старых дружеских писем в качестве «документиков», пока это разбилось о несомненную мою правоту и честность, но кто знает, что еще придумают¹.

... Здоровье Алеши очень плохо: изнервничался так, что неделями не спит, почти не ест, худ и бледен, как я не знаю что.

Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал.

На серьезные вопросы Ваши о своем таланте отвечу Вам в следующем письме, сейчас просто хочется написать близкому, своему, родному о том, что так страшно больно, что с таким трудом вырываешь из сердца.

Отчего Вы были в Риге?

Жму Вам крепко руку и обнимаю Вас. Вашим маме и сестре привет.

Мария

36

**А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — ДЖОВАННИ ЧЕНА и СИБИЛЛЕ
АЛЕРАМО²**

11 февраля 1910¹⁶⁵

Дорогие друзья!

Спасибо за то, что любезно вспомнили о нас и прислали нам книги о Реджо Калабрия¹⁶⁶.

Как давно мы с вами не виделись! Вы все время собираетесь приехать на Капри, но так и не приезжаете. Как вы себя чувствуете? Много работаете — это

¹ Об обстановке на Капри и борьбе с ревизионистами в философии см. также [воспоминания Андреевой о В. И. Ленине](#) и ее [письмо к Амфитеатрову от 2 октября 1910 г.](#)

² Перевод с итальянского Р. Хлодовского.

мы знаем... С большим огорчением узнали мы от госпожи Марии Боткиной, что дорогая синьора Сибилла чувствовала себя неважно, — как ее здоровье теперь? Очень надеемся, что сейчас ей гораздо лучше.

Что рассказать вам о нас? Мы по-прежнему живем на Капри и, как всегда, держимся в стороне от международной публики; нас окружают наши соотечественники, это почти сплошь эмигранты, ищущие какую угодно работу и страдающие из-за того, что они вынуждены жить вдали от родины... Мы стараемся найти им работу, дать им возможность прожить в ожидании нового революционного взрыва в России. Иногда нам становится грустно, особенно когда мы читаем наши газеты; но порой мы забываем о темных сторонах жизни и наслаждаемся солнцем и красотами природы. Горький все время работает, почти день и ночь. Прошлым летом он совершенно не отдыхал из-за школы для эмигрантов, созданной на Капри, и, к сожалению, этой зимой чувствовал себя весьма неважно. Надеюсь, что весной он совершит поездку по Италии, но не уверена. Такой уж он человек: вечно думает о других и никогда о себе.

Ваша книга о «Проблемах народной школы» очень заинтересовала нас, потому что этой весной Горький намерен отдать весь гонорар за книгу, написанную г-ном В. Мейером и им¹⁶⁷, а также небольшую сумму, собранную среди русских, какому-нибудь комитету, и именно на нужды народных школ. Я должна попросить у Вас снисхождения к моему жалкому, варварскому итальянскому языку, но здесь на Капри говорят на языке, который совершенно не похож на итальянский; я училась только по книгам, и поэтому изъясняться мне нелегко.

Привет и самые лучшие пожелания вам обоим. И, как мы надеемся, — до свиданья.

С большой любовью и глубоким уважением

Алексей и Мария Пешковы

11/II – 910

Капри, вилла Спинола

37

М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

24 июля 1910, Капри¹⁶⁸

24/VII-910

Очень жаль, что Вы не написали мне, как Вас зовут, что заставляет меня начать свое письмо без обращения, в чем очень прошу меня извинить.

Фирма Ладыжникова совершенно верно сообщила Вам, что большей частью практических дел Алексея Максимовича по его поручению заведу я, а сейчас, когда он на несколько недель уехал в путешествие по Италии, то мне же он поручил отвечать на его текущую корреспонденцию.

Алексею Максимовичу будет, конечно, очень приятно узнать, что Ваш театр, через Ваше любезное посредство, обещает отнестись к его пьесе с особенным тщанием, и я знаю, что в принципе он ничего не имел бы против ее постановки у Вас.

Было бы очень хорошо, если бы Вы могли приехать на Капри, но если это слишком откладывает принципиальное решение вопроса, то, может быть, Вы пожелаете написать мне об условиях, на которых ставит пьесы русских авторов Ваш театр, чтобы можно было судить, насколько они приемлемы для Алексея Максимовича и соответствуют ли тем, на которых он вообще отдает свои произведения.

С уважением к Вам

Мария Андреева-Пешкова.

Да, извините, что пишу на обрывке, — только что сама вернулась из Сорренто и, увы, не могу найти более приличной бумаги, так как живу в Италии в маленьком местечке, сегодня жарко и — все магазины закрыты, у всех siesta, а моя Кармелла ушла гулять, заперев мой стол на ключ!

Забыла еще написать, что через неделю А. М. будет дома.

38

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

28 июля 1910, Капри¹⁶⁹

Дорогой, старый друг, Константин Сергеевич!

Ничего, что я Вас так называю? Чувствую я именно так, как говорю. Часто вспоминаю я Вас, вспоминаю то, что переживалось вместе с Вами, и параллельно с этим наши расхождения во взглядах и то родное, сближающее нас, что было в нас обоих... И всегда люблю в Вас великого, благородного художника. Нежно люблю, Константин Сергеевич, — теперь, должно быть, лучше и чище, чем прежде, потому что раньше невольно приходило много постороннего в мои чувства к Вам, а теперь они совершенно бескорыстны, да и сама я — не примите этого за нескромное самомнение — лучше стала.

Вспоминаю я и Марию Петровну, как актриса она мне всегда ужасно нравилась, но как люди мы с нею часто не понимали друг друга, и всегда между нами стояло что-то, я это всегда чувствовала. Сейчас, вдали от нее, я о ней часто думаю с таким хорошим теплым, дружеским чувством, и чаще всего вспоминается мне она во втором действии «Чайки», в роли Маши — такая она там была трогательная и милая... Милые вы мои! Как бы я хотела хоть на минуточку увидеть вас. Всех бы увидеть. И как я вас всех люблю.

Знаете, почему меня так неудержимо потянуло написать Вам? Приехали из Петербурга Юра и Катя — говорят, что видели в Москве Киру и Игоря. Игорь будто бы с Константина Сергеевича ростом, неужели правда? Приехали разные русские люди, приезжают учителя — и все говорят о Художественном театре. Пришло письмо от Сулера из Ессентуков, приехали Иорданские, а тут еще прочла в «Одесских новостях»: «Вл. И. Немирович-Данченко говорит» и т. д., а в «Утре России»: «К. С. Станиславский говорит» — и как раз обратное! И в конце ужасно трогательное письмо Ваше — «не Сологуба же играть!» Ах вы, чудесное, чудесное, до старости чудесное чистое дитя... И как это великолепно, что Вы такой, как Вы есть.

Много я думаю за последнее время о театре — и, знаете, я, должно быть, сейчас была бы хорошая актриса, да вот беда — играть не могу! И то же у меня ощущение: а играть — нечего! Нельзя же всегда отыгрываться на классиках, а то, что пишут современные писатели, так это все «не то». И иногда мне приходило в голову — а что, если бы нашелся такой смельчак, который решился бы на такую новаторскую штуку — взяв тему и обсудив ее во всех подробностях с актерами-участниками, попробовал создать пьесу без автора?¹⁷⁰ Новаторством это было бы только для России и для современного театра, так как театры такие бывали в Европе, а в Неаполе есть и сейчас, но это театры пародий и фарсов, легкие театры. Вы как бы на это посмотрели? Если найдется время и захочется, может быть, черкнете мне словечко, Константин Сергеевич? Если уж будете писать, то напишите о себе, о своем здоровье, о Марии Петровне, о детях.

Как жаль, что, бывая за границей, Вы ни разу не побывали у меня. Да и никто, кроме Адашева, из товарищей обо мне не вспомнил, разве И. М. Москвин, да и тот только подразнился, а проехал мимо.

Алексей Максимович по-прежнему относится к Вам самым лучшим образом, и я уверена, что ему Ваш приезд на Капри доставил бы очень большую радость и удовольствие. Сейчас его нет дома, так как он уехал на месяц для свидания со своим сыном, остальное же время года мы сидим на своем острове почти безвыездно.

Ну — до свиданья, если суждено мне когда-нибудь увидеть Вас. От всего сердца говорю Вам — всего хорошего, всего доброго, милый Константин Сергеевич, Вам и всем Вашим.

Мария Андреева
28/VII 910

39

В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
14 августа 1910, Париж¹⁷¹

14. VIII. 10

Дорогая М. Ф.!

Спешу сообщить, ч[то] получил наконец ответ насчет доклада Триа¹⁷². Секретарь редакции пишет, что «доклад Триа проголосован, переведен и уже почти набран — пойдет приложением» (т. е. приложением к общему докладу партии). Итак, все вышло благополучно.

У меня новостей нет. 23.VIII еду в Копенгаген¹⁷³. Какие новости у вас? Что привез тот съезд большого колич[ества] народу, о к[ото]ром Вы писали, ч[то] «полон дом гостей»?¹⁷⁴

Жму крепко руку. Надя тоже. Привет А. М. и всем каприйцам.

Ваш В. У.

М. Ф. АНДРЕЕВА — М. П. ЛИЛИНОЙ¹

Телеграмма

20 августа 1910, Капри¹⁷⁵

Счастлива узнать улучшения. Тысяча приветствий. Просьба написать. Сообщите здоровье Игоря. Алексей кланяется.

Мария

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. П. МУРАТОВОЙ

11 сентября 1910, Капри¹⁷⁶

11/IX 910

Милая моя Леночка! Так я тебе благодарна, что ты мне о Константине Сергеевиче написала! Ужасно боюсь я за него, так мне жаль Марию Петровну, жалко было Игоря, что он хворает. Вообще, что там ни говори, как ни далеко я живу ото всех вас, а все-таки самые мне родные, самые милые для меня люди — вы. И когда с кем-нибудь беда, горе — как-то особенно ярко это чувствуешь. А тут — сам К. С!..

А тут еще такое странное совпадение — когда К. С. выздоровеет, он прочтет мое письмо, посланное к нему незадолго до того, как он захворал, в котором я как раз пишу ему, что вдруг, чувствую, ужасно потянуло меня к нему, захотелось ему написать, пишу о Марии Петровне, о театре... Скорее бы он поправился! Пиши мне, пожалуйста, хоть открытки посылай, как идет его болезнь, не будет ли осложнений, напиши подробнее, если можно. Передай М. П., что я ее тоже крепко-крепко целую и что мне очень жаль, что я не могу ей помочь в трудное время, что я все о ней думаю, с такой хорошей нежной дружбой к ней. Хорошо, что ты с нею, все-таки легче, когда кругом не чужие, а она слабенькая сама, здоровье неважное, не расхворалась бы и она тоже — тьфу, тьфу, типун мне на язык!

Вот пишешь ты, что иногда доходят до вас вести о нас. Сулер написал такое милое, хорошее письмо... Тоскую я по вас всех очень! Увидишь кого-нибудь из своих — Павлова недавно приезжала¹⁷⁷, ходили мы смотреть, как тарантеллу танцуют, — а танцуют ее здесь, действительно богослужение совершают, — и вдруг она заплакала! Так поверишь ли, так она мне мила стала за эти слезы умиления перед красотой, за то, что поняла, как это хорошо! Ведь этого ни с кем другим не переживешь... Знаю, что теперь многое иначе в театре, и дух иной, слыхала об этом, но, пока жив дух Константина Сергеевича, — жива душа нашего театра, а сердце со всем этим срослось.

Как ты думаешь, не было бы полезно для Константина Сергеевича и Марии Петровны приехать в Италию? Можно было бы устроить им великолепный дом, хорошую кухню. А пожить на нашем острове месяц равносильно путешествию по морю на корабле — с той только разницей, что этот корабль не качает. Сезон здесь начинается приблизительно с 1 ноября, а уж я бы так устроила их удобно

¹ Перевод с французского В. Левашовой.

и дешево, как нигде, в этом можешь быть уверена. Если найдешь удобным, поговори с М. П. и спроси ее об этом, ладно? В Кисловодске, между прочим, живет мой зять Владимир Николаевич Павлов-Сильванский, он специалист по женским болезням и хирург, но он вообще очень образованный человек, молодой, много читает по медицинской литературе, а главное — удивительно хороший человек. У вас там, конечно, все лучшие врачи-специалисты и все такое, но если бы Вам понадобился хороший врач, хороший, сердечный человек — я за него ручаюсь, так как знаю его хорошо. Не знаю только, до каких пор он пробудет в Кисловодске. Сестра моя Женя тоже с ним, насколько я знаю.

Об Алексее Максимовиче не пишу, так как он сам сегодня писал Сулеру; но он про себя всегда сочиняет, так да было бы вам известно: лысины у него нет, большого живота — тоже, ничуть он не постарел, все такой же разбойный мальчишка. Как всегда, весь горит всеми горями и радостями всего мира, пусть это тебе не покажется преувеличением; тоскует и скорбит за все темное, тяжелое и кошмарное, что творится на родине; иной раз прочтет газеты и весь почернеет, уйдет в себя и весь день ходит сам не свой по комнате. Бывают у нас разные люди, о том, что будто все только «партийные», — врут, бывают всякие. Недавно пять русских художников писали с него портреты, и один из них, Бродский, один из очень талантливых учеников Репина, написал, мне кажется, очень хороший — во весь рост.

Живем мы как когда, иногда очень хорошо, иногда плохо, но всегда интересно и разнообразно, людей видим много, а уж сколько А. М. за год книг перечитает, так и не перечесть.

Сейчас он пишет, по-моему, очень хорошую вещь, хоть и пьесу, но еще неизвестно, когда кончит. Кончает свой «Городок Окуров», скоро выйдет вторая часть «Кожемякина» — ты читала? Я люблю эту вещь.

Только что радовалась я, что Юра и Катя ко мне приехали, а уж вот на днях они трогаются в обратный путь, в Петербург. Всегда очень грустно провожать их... Да ничего не поделаешь.

Прощай, мой милый друг. От всего сердца всем вам желаю самого, самого хорошего. Будь здорова.

Кланяйся очень Сулеру — я очень его люблю. Обнимаю тебя самое.

Твоя М.

42

М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

18 сентября 1910, Капри

Многоуважаемый Осип Исидорович!

Не зная, вернулись ли Вы уже в Петербург, все-таки, думаю, лучше написать Вам туда, по адресу театра, так как Ваша задержка за границей обозначала бы, что Вы все еще нездоровы, а я очень не люблю беспокоить людей в такое время. Надеюсь, что теперь Вы совершенно поправились и благополучно доехали.

Согласно Вашим письмам я писала и телеграфировала по данному Вами адресу А. Я. Левант, но каждый раз мне отвечал г-н Марадудин — должно быть, главный распорядитель в Вашем театре? Я, к сожалению, не знаю, кто он.

Очень прошу Вас распорядиться немедленной высылкой аванса на имя Алексея Максимовича в размере, назначенном Вами, как Вы помните (тысячу рублей); так как Алексей Максимович вообще очень щепетилен в денежных вопросах, то я избегаю настаивать на немедленном исполнении договора, но в данном случае, как я уже писала в письме к А. Я. Леванту, деньги эти предназначены им для специальной цели¹⁷⁸, и для нас важно как можно скорее получить их.

Не забудьте своего обещания мне написать, как будут идти репетиции, как Вам будет нравиться исполнение и т. д. Если позволите — очень важно, чтобы артист, играющий Мастакова, не утрировал смешных или, вернее, комических черт, а Елена Николаевна была бы в высшей степени мила, проста и мягка. У А. М. есть еще одна пьеса¹⁷⁹, бытовая, сильно драматическая, но он еще не решил, будет ли ставить ее в нынешнем году, а мне это очень жаль, так как пьеса очень сценична. Только пока прошу Вас никому не говорить об этом, пожалуйста.

Желаю Вам всего лучшего.

Мария Андреева
18/IX 910

43

А. Н. ТИХОНОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
25 сентября 1910¹⁸⁰

Дорогая Мария Федоровна!

Я не могу Вам сказать, как мне было радостно и хорошо, когда я получил Ваше письмо — привет далеких друзей моих, которых я очень люблю и чту превыше всего. Спасибо Вам за память обо мне, за ласковое дружеское слово! То и другое теперь мне очень нужно. Когда живешь так одиноко и так высоко, без сведений, без газет, без связи с людьми, то порой становится тоскливо и кажется, что все на свете забыли о тебе. Живу я на своем поднебесье вот уже три месяца — живу разное, как придется, и хорошо и худо. То и другое зависит исключительно от солнца. И это понятно, если принять во внимание, что избушка моя расположена на высоте двух верст, рядом с гранитными осыпями и не тающими снегами вершин. Да и избушка эта существует всего две недели, до этого же времени приходилось жить в палатке, несмотря на то, что в начале августа здесь уже выпал аршинный снег. Брр... холодно!

Зато когда немного отогреешься на солнце, когда удастся наесться досыта — боже мой, как здесь хорошо! Пейзаж героический, люди — занятные! Но как здесь ни бывает хорошо, а все же мысль об отъезде (особенно теперь, осенью) вовсе не редкая гостья в моей голове. Хочется вниз, к людям, в суматоху и гущу. Увы, отшельник из меня выйдет плохой!

Вы приглашаете к себе на Капри¹⁸¹, — тысячу раз Вам за это спасибо.

Признаюсь Вам, что единственно, что заставило меня лезть на эту проклятую гору, — это надежда заработать деньги и на них уехать к вам, на Капри, «испить воды живой», приобщиться «духу святому». Надеюсь, что это вскоре мне удастся исполнить. А хорошо он, «дух святой», пишет, ах как хорошо!

«Окуров» — ведь это не «хроника», это поэма¹⁸². Конца я еще не читал, но с каждой главою интерес возрастает, слова густеют, образы крепнут, и как будто физически чувствуешь всю тяжесть этой нелепой и трагичной жизни, имя которой — «Россия окуровская». Это — вещь!

О себе Вы по обыкновению ни слова — «пятьдесят три, пятьдесят четыре»¹⁸³, как Вы говорите! Но почему-то мне кажется (может быть, потому, что я этого очень хочу), что атмосфера на Капри стала легче, прозрачнее, и Вы дышите полнее и глубже. О, как бы хотелось, чтобы это было так! Нет, правда, что ни говорите, а я Вас очень люблю и считаю совсем родной. И очень об Вас соскучился, и тысячу раз Вам повторяю, что хотел бы быть Вам чем-нибудь полезным, что-нибудь сделать для Вас. И не в доказательство своих чувств, а просто так — от души.

Крепко Ваш

Александр.

Скоро с Зуба я уеду, и потому мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, д. 21, В. В. Шайкевич, или в Лесной, Юрию.

25 сентября

44

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

2 октября 1910, Капри

2 окт.

Дорогой Александр Валентинович!

Алексей Максимович поехал к Вам наконец. Выехали они вчера: А. М., Юрий, Катя и Зина; мои дети едут учиться в Петербург, а Алексей Максимович с Зиной проводят их до Флоренции, пробудут там дней пять и тронутся в путь к Вам. Пишу Вам это письмо с великой тревогой в сердце: нехорошо Алексею Максимовичу! Я упростила его уехать с Капри, сама не поехала с ним, чтобы не вздумали сопровождать его каприйские наши сожители, умоляю его подольше отдохнуть и набраться новых впечатлений, но он брыкается и говорит, что надо работать... Голубчик, прошу Вас, помогите мне, задержите его у себя, уговаривайте посмотреть маленькие городки Италии¹⁸⁴, лично я имею его обещание побывать в Лукке, Пизе, Сиене и, может быть, в Перуджии. Ему необходимо ни о чем не думать, не видеть все эти надоевшие, нудные лица, не разговаривать «о делах» с Константином Петровичем, который о всяком выеденном яйце может три часа серьезно, основательно беседовать, а главное, все время «внушает» А. М., что ему надо писать, дабы «Знание» не несло урона, но процветало бы.

Нервы А. М. в ужасном состоянии, он почти не спит, ест еще меньше

обычного, бледен. Прошлогодня школа — нравственный разрыв с Луначарским, Богдановым, которых он и посейчас очень высоко ставит как талантливых людей, а Богданова считает выдающимся ученым, усиленная работа при условии, что чуть не каждую написанную страницу у него из рук рвет К. П., тогда как самому А. М. хотелось бы задержать ее, поработать еще, дать полежать написанной вещи, и многое еще другое ежедневное, мелкое, но волнующее и неприятное... А главное и прежде всего — общее положение дел в России, падения и крушения, общее положение литературы русской и гг. литераторы — все это доконало даже и его крепкую натуру... И доктора очень значительно заявили мне о необходимости немедленного отдыха, полной смены обстановки, новых впечатлений, никакого вина, поменьше кофе и чаю и как можно меньше всяких волнений, иначе дело может закончиться плохо.

За время его отсутствия, я надеюсь, атмосфера на Капри несколько прояснится, ибо вчера уже уехало двое, живших у нас три месяца, очень хороших, бог с ними, но надолго — непереносимых субъектов — супруг и супруга.

Почему они у нас жили? Кто же это может объяснить — сначала приехал «он» и три недели был очень интересен, а потом к нему приехала «она» — и через три месяца до конца выдохлись, стали такими, что непереносно было видеть их целыми днями; теперь, дай им бог доброго здоровья, переехали на свою квартиру, а через месяц обещают и совсем уехать из Италии.

Хочу попросить Вас и Илларию Владимировну побережь Алексея Максимовича, пусть бы он побыл у вас: вы хорошие, и он вас очень любит, с вами ему будет интересно! Только пусть бы не говорить об эмпироктах, эмпироктских делах¹⁸⁵, обо всех этих недобитых и поверженных, не говорите ему о Луначарском, Богданове; между прочим, о том, что меня хотели «сумасшедшей» объявить, я А. М. даже не говорила. Пусть бы он не засиживался долго по вечерам, не пил крепкого кофе, чаю и вина, но только, ради бога, чтобы он не заметил, что его считают нездоровым, — тогда он из упрямства, чисто ребячьего, будет проделывать все то, что ему вредно. Ведь он детеныш, ей-богу, я не преувеличиваю, очень во многом дитя...

Сейчас они во Флоренции, остановятся в Hotel Helvezia. Это где-то около дворца Сфорца. Если хотите, можно будет ему написать туда на имя Sinovi Peschkoff'a, так как усиленно будут стараться, чтобы в городе не знали о приезде самого Алексея Максимовича.

Извините, что так пристаю к Вам, Александр Валентинович, но ведь Вы поймете, что это я не из бабьего каприза делаю, правда?

Крепко жму Вашу руку и целую Илларию Владимировну. Очень мне жалко, что я сама не поеду к вам, хотелось мне видеть вас, но так, мне кажется, будет лучше. Авось когда-нибудь удастся и мне...

М.

М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

4 октября 1910, Капри

Многоуважаемый Осип Иисидорович!

Спасибо Вам за письмо и ласковые слова по адресу Алексея Максимовича. Он уехал с Капри на полтора-два месяца; побывает в Калабрии, где строится школа имени де Амичиса на средства, собранные среди русских для помощи пострадавшим от землетрясения 1908 года, затем проедет на север Италии и вернется домой не ранее ноября.

Из Ваших слов о режиссуре, об игре «Чудаков» невольно заключаю, что пьеса идет вяло¹⁸⁶, а успех она может иметь только в том случае, если ее будут очень хорошо и с увлечением ставить и играть.

К сожалению, не могу исполнить Вашего желания: сейчас же послать Вам пьесу «Васса Железнова», так как вошли в переговоры с коммерческим отделением при [журнале] «Театр и искусство» — с г-ном Кугелем¹⁸⁷. Они были любезны предложить свои услуги, а для меня лично гораздо приятнее и удобнее иметь дело с одним учреждением, чем с каждым театральным предприятием порознь. [...]

Была бы очень благодарна Вам, если бы Вы продлили Вашу переписку со мною и время от времени вспомнили написать мне о том, что делается у Вас в Петербурге. Когда идет Ваша пьеса? Может быть, Вы пожелали бы доставить мне удовольствие, прислав ее, я — театральный человек, и таким остаюсь, несмотря на все горы препятствий, отрезавшие меня от моего любимого дела.

Желаю Вам всего доброго.

Мария Андреева

4/X 910

И. А. БУНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

18 октября 1910, Москва

18 окт. 1910 г.

Дорогая Мария Федоровна, мы на днях узнали от Каменских, что Алексей Максимович болен и что он отправился путешествовать с Зиновием Алексеевичем по Калабрии. Очень это беспокоило нас — вдвойне, ибо, верно, нерадостно чувствуете и Вы себя. Напишите нам, пожалуйста, хоть несколько слов и — обычный мой припев! — простите нас за молчание. Мы все вертимся в делах мелких, были в Петербурге, потом томились на панихидах и похоронах Сергея Андреевича [Муромцева]¹⁸⁸. Дела наши — денежные, конечно, — все еще не приходят в порядок, и отъезд наш все затягивается и затягивается, да еще и неизвестно — куда поедет. Капри — это было бы совсем чудесно, но доктора все твердят мне про Египет: уж больно разыгралась моя подагра, да и с сердцем стало твориться что-то неладное. Так нездоровится, что еще и на «Братьях Карамазовых», о которых только и говорит теперь Москва, не были. Ждем от Вас вестей, шлем Вам

поклон, целую Ваши ручки.
Преданный Вам

Ив. Бунин

47

М. Ф. АНДРЕЕВА — Л. А. СУЛЕРЖИЦКОМУ
Сентябрь – октябрь 1910, Капри¹⁸⁹

Хочется хоть два словечка написать Вам — уж очень, очень хочется, чтобы вы оба с Константином Сергеевичем приехали!! Крепко жму Вам руку и от всего сердца, от всей души желаю Вам всего хорошего.

М.

48

М. Ф. АНДРЕЕВА — М. КОЦЮБИНСКОМУ
17 декабря 1910, Капри¹⁹⁰

17/XII 910

Дорогой Михаил Михайлович, здравствуйте! Что же это у вас загостилась такая неприятная гостья, как болезнь?!

От всей души желаю, чтобы поскорее она вас покинула, чтобы все вы были здоровеньки, а летом всей семьей приехали бы на Капри. Я уверена, что два-три месяца здесь совершенно поправили и укрепили бы вас всех, а устроиться можно так хорошо и дешево.

Получили Ваш первый томик и с великим удовольствием прочли его. Кое-что я уже читала по-немецки — в той книжке, которую Вы были добры мне подарить еще в первый Ваш приезд, но и раньше читанное перечла с величайшим наслаждением. Спасибо Вам за хорошие часы!

Получила письмо от Амфитеатрова, он тоже пишет, «какой приятный, милый писатель Коцюбинский», знаю, что в письме к Алексею Максимовичу тот же Амфитеатров отзывается о Вас еще лучше, и радуюсь, что Ваши произведения достигли до русского читателя.

Алексей Максимович сейчас страшно занят. Кончает «Кожемякина» и засыпан просьбами дать хоть что-нибудь старым и вновь возникающим журналам и газетам; работает целыми днями, гуляет мало; а тут кончина Л. Н. Толстого и взрыв пошлости над гробом его, известия газет о России и русской действительности и т. д. и т. д.

Похудел сильно, побледнел...

Мечтаем поехать в феврале в Рим на Всемирную выставку, которая, по слухам, обещает быть очень интересной. Очень хотелось бы побывать в Сицилии.

От своего путешествия по Северной Италии — в страшном восторге. Сиена показалась какой-то сказкой, Пиза, Лукка — все это в рассказах А. М. манит к себе и оживает, горит яркими красками... А Зина [Зиновий Пешков] нашел себе во время этого путешествия жену, кубанскую казачку, Лидию Петровну

Бураго — совсем как Цезарь: пришел, увидел, победил и — победился. И дай им боже всякого счастья.

Скоро праздники — желаю Вам, Вашей супруге, деткам и матушке Вашей встретить и провести их в добром здоровье и в радости. Крепко жму Вашу руку и надеюсь летом увидеться с Вами.

Мария Пешкова

49

М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

19 декабря 1910

910 г., 19/XII, Чернигов

Многоуважаемая и дорогая Мария Федоровна!

Спасибо Вам за ласковое, участливое письмо. Прочитал — и точно увидел Вас: все та же добрая, хорошая Мария Федоровна. А жизнь научила меня ценить доброту.

И еще одно большое спасибо — за выдержку из письма А. В. Амфитеатрова. Очень рад, что не обманул издателей.

С болезнями у нас дело как будто подходит к концу, понемножку оправляемся и веселее смотрим вперед, а впереди манит и улыбается Капри. Только — осуществимо ли? Не хочется останавливаться на этом — лучше верить.

Только что прочитал «День гнева» Андреева¹⁹¹. Не понравилось мне. Искусственно и, в общем, слабо. Это не то, что «Васса Железнова» (простите за сопоставление этих вещей). «Васса» захватила меня, раскрыла такие глубины сердца, в которые даже жутко заглядывать. По-моему, это очень сильная вещь и вполне удалась Алексею Максимовичу. Хотелось бы знать Ваше мнение.

А. В. Амфитеатров писал мне, что А. М. дает ему для «Современника» цикл рассказов под общим заглавием «Жалобы». Интересно, какие темы разработаны в этих рассказах. Не решаюсь беспокоить расспросами Алексея Максимовича, зная, что он очень занят и плохо чувствует себя. Побольше бы ему здоровья. Такие люди не часто рождаются.

Месяц тому назад писал Юрию Андреевичу (по сообщенному Вами адресу) и просил прислать мне каприйские снимки, сделанные им в день моего отъезда, у купальни Тиберия, но ответа не получил. Вероятно, он очень занят экзаменами. Если будете писать ему, прошу передать ему мой привет, а также Екатерине Андреевне и Жене (может быть, его уже нельзя так называть?).

Сердечно желаю Вам в новом году всего хорошего. Как бы мне хотелось лично выразить Вам свои пожелания и поцеловать руку.

Вера Иустиновна, мама и дети благодарят Вас за память о них и с своей стороны сердечно приветствуют Вас.

Зиновию Алексеевичу и его супруге поклоны и поздравления с Новым годом.

Еще раз всего хорошего!

Ваш М. Коцюбинский

РОБЕРТО БРАККО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ¹*Декабрь 1910 – февраль 1911, Милан¹⁹²*

Дорогой друг,

Ваше письмо застало меня здесь, в Милане, куда я приехал, чтобы поставить на сцене одну из моих комедий.

Мне очень жаль, что я упустил случай повидать Вас и Алексея. Но очень надеюсь, что вскоре буду иметь такую возможность.

Видели ли Вы статью Абениакара в журнале «Леттура»? Она очень мила.

Передайте от меня братский привет Горькому. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Роберто Бракко

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ*7 февраля 1911¹⁹³*

Рим — пятница 7/II 911

Дорогая Мария Федоровна.

Надеюсь рассказать Вам при свидании, как меня растрогали Ваши и Алексея Максимовича хорошие письма во время моей болезни в Кисловодске.

Очень трудно писать о сложных чувствах, которые образовались за время знакомства и общей работы в театре.

Прошлое имеет свою историю, об ней не хочется говорить как-нибудь; сказать же, как чувствуешь, — не смогу. Не одно письмо я порвал по этой причине.

Лучше поговорим при свидании, а пока — отвечу на Ваши вопросы, переданные мне Модестом Ильичей Чайковским.

Конечно, раз что я в Италии и раз что Вы и Алексей Максимович меня приглашаете, — я хочу и должен повидаться с вами обоими.

Вот уже неделя, как я в Риме; вот уже неделя, как Кира лежит в постели.

Хорошо еще, что она захворала здесь, где рядом Стахович. Он свой, театральный, и потому я с ним не церемонюсь.

Я так напуган теперь болезнями на чужбине, что не решусь уехать отсюда до тех пор, пока Кира не оправится совершенно. Кроме того, до 5/18 февраля Стахович в Риме, а у меня с ним дела по театру. Хотелось бы также хоть бегло осмотреть Рим, прежде чем уезжать из него. Все эти условия отдалают нашу поездку на Капри до 10/23 или 15/28 февраля.

Если Алексей Максимович едет в Париж ненадолго, то не лучше ли ему поехать сейчас, остановившись на день, другой в Риме (Trinita dei Monti, Hotel Hassler, Alexeeff-Stanislavsky). По возвращении можно вместе к 10 – 12 февраля поехать на Капри. Кстати: сейчас в Париже находится Сулержицкий². Он ставит в театре Режан «Синюю птицу», которая должна идти 4/17-го.

Здесь в Риме такой холод, что невольно приходится думать о теплых

¹ Перевод с итальянского Р. Хлодовского.

² Адрес: Théâtre Rejane, rue Blanche. (Примечание К. С. Станиславского.)

помещениях. Можно ли найти их на Капри и в Неаполе? Эта осторожность не от старости, а от боязни наделать хлопот своей болезнью, как это было в Кисловодске.

Целую Ваши ручки и крепко обнимаю Алексея Максимовича, которого любил и люблю всем сердцем.

Сердечно преданный вам и любящий

К. Алексеев.

Кира почтительно кланяется. Приготовьтесь встретиться с довольно почтенным старцем, так как время, работа и болезнь меня очень изменили.

52

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ
Февраль 1911, Капри

Дорогой мой друг, Константин Сергеевич!

Спасибо Вам за Ваше милое письмо. И как я рада, нет, больше, гораздо больше чем рада, что увижу Вас! Приезжайте, пожалуйста, здесь много теплее, чем в Риме, есть великолепная гостиница, Quisisana, с центральным отоплением и полным комфортом — я уверена, что Кире здесь понравится много скорее, чем в Риме, доктора здесь есть хорошие, а меня она, надеюсь, скоро перестала бы дичиться: ведь я тоже старушка стала, почему с молодежью у меня всегда отличные, дружеские отношения — должно быть, чувствуют, как я тоскую по своим птенцам, которые так далеко от меня зимой. Ведь только и живешь летом, когда они приезжают и гостят здесь, а зимой — ждешь лета.

Алексей Максимович уже уехал в Париж, но он очень просил держать это «в секрете», так как ему отнюдь не хочется газетной шумихи. Обыкновенно Макс с Екатериной Павловной приезжали в Италию, но, к несчастью, он прихворнул и Алексей Максимовичу пришлось ехать на север, чего я ужасна боюсь — он всегда простужается на севере. Вернется он недели: через полторы maximum.

Если поедете в Неаполь — вызовите меня, так как я смогу показать Вам город, музей и театры. Один, народный неаполитанский, страшно интересен. Я говорю на диалекте и могла бы служить Вам переводчиком. В Неаполе недурной недорогой Hôtel, тоже с центральным отоплением и чистый, Müller'a, на via Partènore. Если скажете там, что Вам их рекомендовал S^r или S^{ri} Gorky, — будут стараться усиленно, мы там обыкновенно останавливаемся. В гостинице говорят и по-французски и по-немецки.

Я была бы очень рада, если бы Вы пожелали остановиться у нас, но не знаю, удобно ли это для Вас и Киры.

Ваше письмо пришло уже после отъезда Алексея Максимовича с Капри, и Рим он проехал не останавливаясь, так как торопится вернуться обратно. О том, что Л. А. Сулержицкий в Париже, Алексей Максимович знал, Л. А. писал нам оттуда.

Ну, будьте здоровы, дай бог, чтобы Кира скорее поправилась, и всем

сердцем радуюсь, что вас обоих увижу. Киру крепко целую — я ее все у Вас в Пушкино, в саду, в голубеньком платьице вспоминаю, когда еще Игоря, кажется, на свете не было. Это странно, но мне труднее вспоминать ее, когда я ее видела впоследствии, девочкой лет 12-13, должно быть? Какая-то она теперь?

Я сама не знала, что я вас всех так люблю! Вас — это понятно, ведь Вы мой учитель и веровала я в Вас, как в бога, но я люблю Марию Петровну, оказывается, так сильно и нежно. Когда я узнала, что Вы больны, день и ночь стояла она передо мной, и я все думала, думала о ней, и так хотелось всем вам помочь хоть чем-нибудь.

Еще раз до свиданья. Умоляю Вас не отменять своей поездки на Капри. Это было бы даже жестоко.

А кроме того, вам обоим с Алексеем Максимовичем очень хорошо повидаться и о многом поговорить друг с другом, это я не зря говорю, а он — очень мечтал побеседовать с Вами о многом. Жму Вам крепко руку.

Горячо Вас любящая М.

Если Алексей Александрович [Стахович] еще в Риме, сердечно ему кланяюсь.

53

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

8 марта 1911, Капри

Дорогой мой милый друг, голубчик мой, Евгенийч!

... Приезжал сюда Станиславский и так растревожил мне душу, что хоть криком кричи¹⁹⁴.

... Был здесь Нугес, написал оперу «Vendetta», очень хорошую.

А в Париже только что с колоссальным успехом поставили «Синюю птицу» Метерлинка по постановке Станиславского¹⁹⁵. Все парижские газеты в голос кричат о его режиссерском гении. Да это и правда. Вот он пробыл четыре дня, и они с Алексеем Максимовичем без устали говорили обо всем — большой он талант и хорошая, мятущаяся душа.

Теперь приехал Юрий Сахновский, композитор, на днях ждем М. И. Чайковского — вот кабы Вы тут были, Евгенийч! Какую бы мы музыку закатали!!

До свиданья, родной мой! Крепко обнимаю Вас. Алексей шлет самый горячий привет и пожелание скорее поправиться.

Ваша М.
8. III – 911

54

М. Ф. АНДРЕЕВА — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

12 марта 1911, Капри¹⁹⁶

12/III 1911

Дорогой Михаил Михайлович!

Опять пишу Вам я вместо самого Алексея Максимовича...

Он пишет, кончает третью часть «Кожемякина» — торопит Константин Петрович; пишет рассказ для «Современника» — торопит Амфитеатров, просит Берлин дать «хоть что-нибудь»... Все это уже написано, но надо еще просмотреть, переписать, как он всегда это делает, прежде чем передать мне для копии на «ремингтоне»... Вот почему отвечаю я вместо него.

Позвольте начать со строгого допроса — как это Вы, милостивейший государь, плохо себя чувствуете? А не лучше ли Вам забрать свой чемоданчик и приехать на Капри, где Вы всегда чувствуете себя лучше? Алексей Максимович и я ждем Вас сюда всенепременно и со чады и домочадцы. Знаете ли, что нашлась такая вилла «Эспозито» с чудеснейшим видом, очень хорошей обстановкой, в четыре комнаты — за 65 лир в месяц со всем прибором, причем белье очень хорошее, а сама хозяйка — ей-богу, не преувеличиваю — ангел во плоти.

Вот вам иллюстрация: живет там сейчас наш приятель, сибиряк, молодой человек. Нервы у него — тюремные, и бывают дни, когда он не встает с постели, не ест и не пьет. Хозяйка поняла такое его состояние по-своему, и вот, видит он, входит она к нему в комнату с огромной миской вареных бобов, с сосисками, бутылкой вина и стаканом. Говорить по-итальянски он, конечно, не умеет и только машет ей руками, вопия «*niente, niente*»¹, и понимает, что хозяйка ему сконфуженно разъясняет, что она так именно и поняла, что у него *niente, nella tasca*², и просит его не погнушаться принять от нее угощение. Малый, очень растроганный, хоть ему ничего в горло не лезло от нервов, съел принесенное, чтобы не обидеть милую старушку, как сам он рассказывал.

Юрий мой уже давным-давно, с октября месяца, даже с конца сентября, в Пб, — живет в Лесном, Большая Спасская, 64. Пошлю ему нагоняй, что он Вам не ответил и снимков не прислал, но одно, в оправдание его, сказать себе позволю — к экзаменам он готовится, усердно весь этот год занимается, да и прихварывал, к несчастью, зима — суровая, а у него пальто осеннее, вот он и простужается...

Мечтаю увидеть его, Катю и Женю летом. А что-то будет! Так всюду что-то темно и мрачно, а тут еще — чума, о господи...

Переехали мы на виллу «Серафина». Веселее тут, солнца больше, больше бывает на воздухе Алексей Максимович, и на том спасибо! А по «загранице», конечно, опять сплетня поплыла: Г. купил себе новую виллу за 50 тысяч. По секрету — мы платим 1200 франков в год. Только вы никому не говорите — пусть себе думают, что мы — паны. Алексей Максимович низенько кланяется Вам, матушке Вашей, супруге и детям, к чему от всего сердца и я присоединяюсь.

Будьте же здоровеньки и приезжайте сюда. Как будто на лето подбирается интересная компания: будет Тихонов, Чайковский, Бродский (художник),

¹ — «ничего, ничего» (*итал.*).

² — «ничего в кармане» (*итал.*).

Горелов (тоже), Жуков (скульптор), Гинцбург наш милейший собирался приехать.

Жму крепко Вашу руку.

М.

55

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

2 апреля 1911, Москва¹⁹⁷

2/IV 911

Дорогая Мария Федоровна!

Не объясняйте неправильно моего молчания. Смерть Савицкой, первые выступления, капуста, конец сезона, залаживание будущего сезона, куча дел, накопившихся за 8 мес. моей болезни и отдыха, сбили меня с толку. Я спутался и всюду опаздываю.

Среди суматохи и телефонов вспоминаю Капри, и он представляется мне раем, Алексей Максимович — херувимом, а Вы — шестикрылым серафимом.

У нас холод, дождь со снегом, гадость.

Прочел «Встречу» и пришел в восторг. Разрешите ставить, или в Художественном, или в театре одноактных пьес, кот[орый] я думаю с будущего года наладить.

До Вашего перевода еще не могу добраться — простите. Целую Ваши ручки, а Ал. Макс, низко кланяюсь.

Благодарю Вас за доброту, внимание и гостеприимство. Без конца обласкан — доволен.

Кира погуляла на свободе в Сицилии только неделю, а через неделю старуха княгиня Ливен вызвала дочь, а с нею и Киру в Рим. Из Рима Кира приехала с Ливенами в Москву. Я постыдил ее за то, что она ни слова не написала Вам. Должно быть, боится писать Вам, так как письмо может попасться в руки Ал. Макс, (писателю!).

Мне остается только поворчать из приличия. Все равно нашего брата не слушают.

Сердечно преданный

К. Алексеев

Жена и дети шлют поклон.

Не пишу о Савицкой — слишком это грустно.

56

ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹⁹⁸

После революции 1905 года Алексею Максимовичу нельзя было оставаться в России, так как это означало бы длительное сидение по тюрьмам, может быть в той же Петропавловской крепости, в Петербурге, куда его засадили после 9 января и откуда выпустили только под давлением протестов и бури

негодования, вызванных его арестом, во всем мире. Вторично он этого по состоянию своего здоровья не перенес бы, пришлось эмигрировать за границу.

После нескольких месяцев скитания по Европе и Америке поселились мы на острове Капри, в Неаполитанском заливе, в Италии. Остров этот небольшой, в четыре с половиною часа его можно кругом объехать на рыбацкой лодке, очень живописный, с чудесным видом с северной его стороны на Везувий, дальний Неаполь и целую цепь островков, а с южной — в открытое море. Живешь на этом острове Капри, как на корабле. Связь с землею поддерживает маленький пароходик, раз в сутки приходящий из Неаполя и уходящий обратно.

А в дурную погоду, когда в заливе большое волнение или дует сильный ветер, Капри иногда на несколько дней остается совсем отрезанным от внешнего мира.

Как всегда и всюду, где бы он ни жил, только мы устроились и обжились немного на Капри, выписали русские газеты.

Алексей Максимович внимательно прочитывал не только большие столичные, но и многие губернские газеты, получаемые из разных мест далекой родины. Стали получать иностранные газеты и кипы писем со всех концов света и из России.

Алексей Максимович засел за работу и окончательно установил свой рабочий день.

Вставал он рано, не позже 8 часов утра, в 9 часов подавался утренний кофе, к которому поспевали переводы из тех иностранных газет, которые приходили накануне, если какая-либо статья или заметка в них его особо интересовали. В десять часов он садился за письменный стол и не вставал до половины второго, работая ежедневно, за очень редкими исключениями.

В два часа обыкновенно обедали. К этому времени приносили почту, и никакие просьбы близких или предписания врачей не могли убедить его не читать во время еды. Тут же за обедом он узнавал из иностранных газет, что делается в мире. Зная несколько языков, мне нетрудно было переводить ему прямо с листа сообщения итальянских, французских и английских газет.

После обеда, до четырех часов, он отдыхал, сидя на террасе в кресле и покуривая, в 4 выходили погулять, в 5 он пил чай и с половины шестого — шести опять шел к себе в кабинет работать или читать. В семь ужинали и, когда были приезжие из России, или товарищи, жившие в эмиграции, шли беседы, иногда затевались какие-нибудь игры, в которых А. М. принимал живейшее участие.

Несмотря на больные легкие и почти постоянный сильный кашель, нередкое кровохарканье, А. М. был чрезвычайно веселым. И в последние годы он сохранил юность и свежесть мысли, огромную работоспособность, жажду знания, интерес к жизни и радостную веру в силы человека, хозяина и строителя новой, счастливой жизни.

В одиннадцать часов ночи А. М. окончательно уходил к себе и снова читал или работал над своими рукописями. Ложился он обычно в час, но еще с полчаса, а то и час читал, лежа в постели.

Таков был его обычный будничным день.

Летом наезжало много народу — родные, друзья, просто знакомые, совершенно незнакомые почитатели его таланта, люди, взыскующие правды и добивающиеся ответа на вопрос, как им жить, просто любопытные, иностранцы, соотечественники. А. М. жадно всматривался в каждого, искал то, что нужно было знать ему, писателю.

Но наступала осень, приехавшие из России родные, друзья и товарищи уезжали учиться или на свою работу, задувал суровый северный ветер, трамонтана — все меньше становилось иностранных посетителей, наступало полное затишье, и Алексей Максимович пользовался этим временем, чтобы работать буквально целыми днями.

С большим трудом удавалось вытащить его на прогулку в солнечные, хотя бы и свежие дни или пойти вечером в миниатюрный кинематограф, где его ждала с нетерпением каприйская детвора, которую он снабжал входными билетами. Надо было слышать их восторженные вопли при приближении его высокой тонкой фигуры, закутанной в широкий плащ, с большой черной шляпой на голове.

— Buona sera! Buona sera, signore! Evviva Massimo Gorky!¹

Прыгали ребята вокруг него, он весело улыбался им, того погладит по голове, этого потреплет по плечу, и, хотя он ни слова не говорил, кроме «Buona sera! Buona sera!» — ребята великолепно понимали его, понимали, что он их любит, что ему приятно их видеть, что он не *lorestier* — иностранец, перед которым надо придумывать какие-нибудь штучки, а свой, родной, вообще хороший человек.

В доме, где жили мы сами, было всего три комнаты — в нижнем этаже спальня и моя комната, из которой широкая деревянная лестница вела наверх во второй этаж. Весь верх занимала одна огромная комната — кабинет Алексея Максимовича. Самым замечательным в этом кабинете было два огромных окна: в полтора метра вышиною и в три метра длиною, из цельных стекол. Одно из окон выходило на море. Так как дом стоял на полугоре и довольно высоко над берегом, получалось впечатление, будто сидишь не в доме, на земле, а на корабле, на море.

У окна, выходящего на море, стоял простой большой письменный стол, покрытый зеленым сукном, на очень высоких ножках, последнее — для того чтобы А. М. не слишком нагибался при писании, по длинному росту своему. С правой стороны возвышалась простая конторка, так как иногда, уставая сидеть, он писал стоя. Везде — на столах, на многочисленных полках — стояли и лежали книги.

Чтобы не было холодно и сыро, зимой почти постоянно топился камин, в нем горели корни оливковых деревьев, дающие много тепла и не быстро сгорающие. Каприйцы — местные жители — зимой обогревают свои жилища жаровнями, которые очень мало дают тепла, но от которых люди часто угорают до сильных головных болей. Пришлось очень долго убеждать хозяина,

¹ — Добрый вечер, добрый вечер, синьор! Да здравствует Максим Горький! (итал.).

домовладельца нашего, чтобы он согласился построить для Алексея Максимовича камин в нашем домике, и удалось убедить его только потому, что это необходимо было для здоровья Горького.

В ту зиму, о которой сейчас идет речь, погода стояла суровая, часто дул сирокко, ветер из Африки. В дни, когда он дует, люди нервничают больше обыкновенного, больше ссорятся. Вообще скверный ветер! В дни, когда он дул особенно сильно, А. М. кашлял чаще и сильнее задыхался.

Он писал тогда последнюю часть давно задуманной им трилогии, истории или хроники маленького городка, «уездной Руси», по образному его выражению.

Всегда он помногу раз исправлял и переделывал написанное им, так было и с «Городком Окуровым». Эпизод Марфы Посуловой в третьей части с подзаголовком «Матвей Кожемякин» был, например, написан совсем иначе: Марфа из хорошей бабьей жалости, тоскливо скучая по Николаю, пасынку своему, которого старый мясник Посулов, ревнуя жену к сыну, отослал в другой, такой же страшный уездный город — Воргород, искренне и горячо привязалась к Матвею Кожемякину. Кожемякин же искал у Марфы утешения в острой тоске своей по любимой им постоялке Евгении Мансуровой.

Я, когда не переписывала для него на машинке и не переводила то, что было ему нужно, занималась переводом с итальянского сицилийских народных сказок. Чтобы быть у него всегда под рукой, но не мешать ему, я устроилась в той нижней комнате, из которой лестница вела к нему наверх.

Сидишь, бывало, и сквозь свои мысли, искания подходящих выражений, чтобы добиться правильного перевода своеобразного языка народной сказки, слышишь скрип пера, шелест перевернутого листа бумаги, как чиркнул спичкой А. М., кашлянул, слышишь все эти привычные, будто не замечаемые уже больше звуки и не беспокоишься — значит, все в порядке.

И однажды вдруг как-то резко двинулось его кресло за письменным столом — значит, встал... А затем что-то тяжелое упало на пол — и мгновенно наступила мертвая тишина. Ни звука! Вскочила, взбежала по лестнице, сердце стучит так, что даже в ушах звенит.

На полу около письменного стола во весь рост лежит на спине, раскинув руки в стороны, А. М. Кинулась к нему — не дышит! Приложила ухо к груди — не бьется сердце! Что делать?

Как я такого большого человека до дивана дотащила, сама не понимаю. Побежала вниз, принесла нашатырный спирт, одеколон, еще что-то, воду, полотенце. Расстегнула рубашку, разорвала шелковую сетчатую фуфайку на груди, чтобы компресс на сердце положить, и вижу — с правой стороны от соска вниз тянется у него по груди розовая узенькая полоска... Оцарапался обо что — не похоже... Ушибся?.. Обо что?.. А полоска становится все ярче и ярче и багровее. Что такое?

Виски ему растираю, руки тру, нашатырный спирт даю нюхать... Задрожали веки, скрипнул зубами...

— Больно как! — шепчет.

— Ты — что? Что с тобой? Обо что ты ушибся?

Он как-то разом сел, вздохнул глубоко и спрашивает:

— Где? Кто? Я?

— Да ты посмотри, что у тебя на груди-то!

— Фу, черт!.. Ты понимаешь... Как это больно, когда хлебным ножом крепко в печень!

Думаю — бредит! С ужасом думаю — заболел и бредит!.. Какой хлебный нож? Какая печень?

Должно быть, видя мое испуганное лицо, он окончательно пришел в себя и рассказал мне, как сидят и пьют чай Матвей Кожемякин, Марфа Посулова и сам Посулов и как муж, видя, что она ласково и любяще, с улыбкой смотрит на Матвея, схватил нож, лежащий на столе, и сунул его женщине в печень.

— Ты понимаешь — сунул, вытащил, и на скатерть легла линейкой брызнувшая из раны кровь... Ужасно больно!

Несколько дней продержалось у него это пятно. Потом побледнело и совсем исчезло.

С какой силой надо было переживать описываемое? Сколько нервов, напряжения и труда тратилось на создание тех творений, какие оставил после себя этот большой человек и писатель!

57

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ

29 июля 1911¹⁹⁹

Уважаемый Евгений Иванович!

Посылаю Вам мои переводы и книжку Л. Капуана — так как он собрал и написал детские сказки. Эта книжка является продолжением его же книжки: «С'era una volte» — «Жил-был однажды», но в той сюжеты — мне по крайней мере — в народных итальянских сказках не встретились, так что из первой книги я переводов не делала.

Мне казалось бы, что еще много интереснее неаполитанские сказки, написанные на диалекте, о их переводе я Вас спрашивала, но ответа не получила. Так как я сама диалектом не могу владеть так свободно, как итальянским языком, то помочь мне любезно согласился бы писатель Роберто Бракко, что, конечно, только улучшило бы перевод.

По этому же вопросу Вам писал и сам Алексей Максимович, и тоже его письмо осталось без ответа. Не дойти наши письма не могли, так как были посланы заказными.

В Вашей телеграмме, Евгений Иванович, сказано: «Когда пришлете оригиналы сказок?» Я ее не поняла.

Примите, пожалуйста, и передайте Варваре Владимировне наш искренний привет и пожелания всего доброго.

Мария Пешкова.

Переведены мною:

1) Король Гром — самая, мне показалось, оригинальная и слышанная мною

от итальянских крестьян,

- 2) Золотое Перышко — уже посланная,
- 3) Мастер что починил, то испортил,
- 4) Дочь Людоеда, Фея-Цветок,
- 5) Сверчок,
- 6) Король Мельник,
- 7) Куколка,
- 8) Гипсовый Котик,
- 9) Баба Яга,
- 10) Сковородка,
- 11) Иголка.

Остальные или не итальянского происхождения, или показались мне не подходящими для детей.

М. П.
29/VII 911, Капри

58

И. А. БУНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ и А. М. ГОРЬКОМУ
12 августа 1911, Одесса

12 авг. 1911 г.

Дорогие Мария Федоровна и Алексей Максимович, давно, давно ничего не знаю о Вас: как живете, как здравствуете, хорошо ли работалось? Я сейчас под Одессой, приехал к друзьям на дачу отдохнуть от дождей и холода, оставив Веру Николаевну в деревне у сестры за окончанием перевода книги Флобера. Лето провел неважно. Получил несколько писем от Миролюбива — он теперь в «Знании» работает? — сообщает, что хотите Вы «Знание» живой водой sprysnut'... Дай бог, дай бог! Я обещал рассказ для сборника — когда только думаете выпускать его? И где Константин Петрович?

Будь я немного хотя посвободнее и побогаче, тотчас же поплыл бы на Капри!²⁰⁰ Долго, долго глядел вчера вечером вслед огням парохода, ушедшего в Италию. Может, бог даст, и соберусь-таки — только уж, видно, попозднее, чем думал.

Будьте ласковы — напишите мне письмецо. До 1 сент. адрес такой: Большой фонтан, Херсонской губ., дача Климовича, кв. Буковецкого.

Всего доброго, дорогие друзья!

Ваш *Ив. Бунин*

59

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ
17 августа 1911, Капри

Уважаемый Евгений Иванович!

Переведенные мною и проредактированные Алексеем Максимовичем «Сказки»²⁰¹ Вами теперь, наверное, уже давно получены?

Недоразумения с письмами, мне кажется, легче всего объясняются возможностью Вашего отсутствия из Москвы, ведь Вы летом, должно быть, на даче.

Меня больше всего беспокоит, так ли мною исполнено дело, за которое я взялась, а также хотелось бы знать, будут ли Вашему издательству нужны народные сказки на неаполитанском диалекте?

В тех, которые переведены, действуют все больше короли и королевны, а в неаполитанских — народ и разные смельчаки.

Оригиналов рисунков мы не получали, может быть Вы забыли вложить их, не откажите, пожалуйста, посмотреть у себя в бумагах; были вложены бумага и образцы *уже напечатанные*; их, к сожалению, вернуть не могу, так как не сохранила их; помню, что нам с Алексеем Максимовичем эти образцы понравились.

Акварельного рисунка у нас совсем не было, так что и говорить о его достоинствах или неудачности ни Алексей Максимович, ни я, мы не можем. Это был Ваш рисунок?

Я послала Вам дешевое издание «Сказок» Л. Капуана, но есть, конечно, и роскошное, так называемое «рождественское», с картинками, но — неудачными, поэтому я его и не послала.

Деньги не откажите выслать на имя Алексея Максимовича или на мое, Alla S^{ra} Maria Peschkoff, — это безразлично, так как меня знают в банке и на почте.

Алексей Максимович кланяется Вам и Варваре Владимировне, так же как и я Вам кланяюсь, а Зиновий Алексеевич — уехал в Канаду.

Милости просим к нам, когда будете в Италии.

Мария Пешкова.

Да, перевод прошу напечатать под псевдонимом моим: то есть Марии Андреевой.

Villa Serafina 17/VIII н. ст.
911

60

М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ и Н. А. РУМЯНЦЕВУ

Сентябрь (после 24-го) 1911, Капри²⁰²

Милая Танюша, так хорошо, что вы оба часто пишете, хотя невеселые что-то письма ваши?

А у меня только что была крупная радость: разъяснилось происшествие, лежавшее на душе очень тяжело. Приезжал к Алексею Максимовичу Федор Иванович Шаляпин²⁰³, удрученный, измученный, дошедший чуть что не до самоубийства. Теперь становится понятным, как все с ним случилось²⁰⁴. Шел парадный спектакль, публика держала себя натянуто, принимала все с ледяным равнодушием, и Шаляпин нажал педаль, играл особенно горячо и — победил, после сцены с Шуйским и с видением зал разразился наконец аплодисментами. Усталый, задыхаясь, весь в поту, с расстегнутым воротом, Шаляпин вышел

кланяться.

Декорация этого действия полукругом, с одной маленькой дверкой в глубине и без кулис. Откланялся он первый раз, стоит на сцене, еще не отдышался, смотрит — снова поднимают занавес. Он подходит к авансцене, чтобы поклониться, и с удивлением слышит, что, хотя из залы никаких требований не было ему слышно, какие-то голоса нестройно запевают гимн. Вразброд выбегает, толкаясь в узеньких дверях, хор, падает на колени, у многих на глазах слезы...

Шаляпин стал отступать, стараясь пройти к двери, — его хватают за полы, шепчут: «Не уходи, не бросай, помоги нам, Федор Иванович, — не уходи!» Смотрит — в зале все поднялись на ноги... Ну, растерялся человек и, согнувшись, чувствуя, что происходит что-то нелепое и некрасивое, но не найдясь, как поступить иначе, опустил потихоньку на колени позади кресла Годунова. Ни государь не приходил на сцену, ни Шаляпина к государю не вызывали.

Тотчас же после этого действия Шаляпин вызвал к себе Теляковского и возмущенно спрашивал его, как мог хор выбегать на сцену в действии, в котором хор не участвует. Теляковский, бледный и расстроенный, говорит, что они, администрация, сами сильно испуганы тем, какие последствия может навлечь самовольный поступок хора, так как в императорском театре не смеет быть никаких неожиданностей. Хористы же, *целуя* руки Шаляпина, благодарили его за поддержку и пропели ему славу, попросив его прийти в их уборную для объяснения.

На другой же день после этого спектакля Шаляпин уехал из Петербурга, уехал за границу, в Monte-Carlo, где и прочел все подробности — как он первый хлопнулся на колени, какие давал пошлые и униженные интервью, какие посылал телеграммы «Союзу русского народа» и т. п. Всего этого не было.

К несчастью, около него не оказалось ни одного человека, который мог бы посоветовать ему и помочь, кроме любящей женщины, страдавшей его горем и волнением. К еще большему несчастью — он стыдился и не решался обратиться лично к Алексею Максимовичу, пока не дошел уже до полной крайности. Все его советники — люди не очень умные, почему и письма, ими Шаляпину диктовавшиеся, а им в растерянности написанные, так нелепы. Вы помните, даже не зная всех этих подробностей, Алексей Максимович негодовал на то злорадства и общую травлю, которыми обрушилось русское общество на Шаляпина, считая, что многие другие, куда больше его заслуживавшие кары, не испытали на себе такого осуждения? Не думаете ли Вы, что надо бы помочь Шаляпину, такому страшно талантливому, крупному человеку, поддержав его, сказав: не довольно ли наказывать человека только за то, что он, растерявшись, сделал глупость!

Тяжело смотреть на него, в каждом он со страхом ищет — «а не враг ли ты мой?» Мне бы очень хотелось написать по этому поводу Ивану Михайловичу [Москвину], он ведь тоже большой талант, пусть бы он подумал, как помочь Шаляпину, когда он приедет в Москву, — право, это достойное дело! На днях буду писать Константину Сергеевичу, хотя ему не до того, конечно.

Отчего вы оба так удручены? Это чувствуется в каждом письме. И очень пугает. Неужели ошибаюсь я, а правы вы относительно Е. П. Муратовой и Н. Н. Литовцевой? Трудно мне с этим мириться. А чем больше народу к нам летом поедет, тем лучше, мы всем будем рады сердечно, ведь все-таки все свои, вроде родные... И отчего вы так об Ольге Леонардовне — я и ей буду искренне рада: раз она хочет приехать, значит, ей это интересным и нужным кажется.

Скоро отсюда поедет Катя моя. Так всегда грустно расставаться, так бы и поехала с ней вместе.

Погода у нас стоит бурная, волнами заливают всю *Piccola Marina*, льет дождь как из ведра, свистит ветер, у нас сорвало крышу с террасы и побило все цветы; попорчен виноград, сбиты почти все оливки, так что бедные милые каприйцы наши в полном унынии. Алексей Максимович работает с утра до ночи, К. П. Пятницкий ухаживает за барышнями и коллекционирует, так что все в порядке. Вот и все наши островитянские новости.

Милый Николай Александрович, так как Вы сами виноваты, посоветовав мне обращаться во всех нужных случаях к Вам, то я на днях пришлю Вам пьесу одного молодого автора, пока не желающего называть себя; он печатался уже два раза, и его даже хвалили. Если Вы найдете ее подходящей для Художественного театра — покажите, а нет — предложите Незлобину, так как очень хотелось бы его поставить на рельсы.

Относительно книг Алексей Максимович Вам сам напишет, но [он] так и ахнул, узнав о ценах.

Ну, будьте оба здоровы, благополучны и пишите часто, за что я вам уж так благодарна.

Целую Танюшу и кланяюсь Николаю Александровичу. Алексей Максимович — шлет приветы, так же как и Катя.

М.

61

М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ и Н. А. РУМЯНЦЕВУ
18 октября 1911, Капри

18/X 911

Право, только в первый раз в жизни узнала наконец людей, которые честно, благородно письма пишут, — вот уж дай вам господи доброго здоровья! Так это приятно и так хорошо с вашей стороны.

Наконец-то благополучно прибыл *третьего* дня ваш альбом, за который вам большое спасибо. Уж так, чтобы покончить с благодарностями, за все карточки спасибо и от нас и от всего нашего дома. Хорошо очень вышла Джузеппина. Совсем херувим. Относительно раздачи наших карточек — поступайте по своему усмотрению, только поскупее. Хорошо?

По газетам судя, «Труп» [«Живой труп»] все сильнее начинают поругивать, начав с восторгов? Ведь экий город несуразный! А что вы правы, когда писали об излишестве рекламы и шумихи, так это верно, тем более верно, что как бы публика, разочаровавшись на «Труп», не отнеслась холоднее к изданию новых

произведений, которые *chef-d'oeuvre*’ы, по мнению Алексея Максимовича. «Труп»-то — ведь это правда что набросок пьесы²⁰⁵, а не написана, хоть Толстой и великий писатель был.

Впечатление издали такое, что великолепен был Константин Сергеевич, затем Мария Петровна, потом Иван Михайлович, а уж затем все остальные. По снимкам в «Русском слове» почему-то казалось инсценированным романом, а не пьесой. Ах, посмотрела бы я все это, вот посмотрела бы.

Как мы живем? Да все то же. Алексей Максимович сидит за письменным столом или читает, я — если не переписываю на «ремингтоне», то перевожу, а то целых две недели кроила и шила для Катюши, которая послезавтра едет в Петербург.

Здоровье А. М. не очень хорошо, да и пока К. П. Пятницкий не переменит образа своих действий²⁰⁶, трудно надеяться, чтобы А. М. себя хорошо чувствовал, а он все еще здесь. Хотелось, вернее, мечталось поехать с А. М. куда-нибудь, чтобы он отдохнуть мог и развлечься немного, да, видно, придется отложить об этом попечение до поры до времени.

Пьесу того юноши, о котором я Вам писала, А. М. отослал ему обратно для поправок. Как только он это сделает, направлю ее к вам, по теме она отнюдь не коршевская, скорее Художественного или уж в крайнем случае незлобинского. У Вас-то ведь неизвестного автора не поставят?

Милая Танечка, не послала я Вам, голубчик мой, носовых платков, хоть и обещала, затормошилась и не сделала этого вовремя, а когда опомнилась, уже поздно оказалось. Да, наверное, зимой как-нибудь оказия будет, тогда и пришло.

Знаете, случайно мне пришлось очень много слышать о Наде Сикевич [Н. И. Комаровской], и все очень хорошее. Говорят вот только, что больна она очень? Жаль ее стало очень!

Прочла в афише, что Дуняшу играла Т. В. Красковская — ужасно чудно, что это — Вы... Так привыкла — Пинчук да Пинчук, и вдруг — Кра-с-ков-с-кая... Вы такая маленькая, а фамилия в три аршина.

Вы спрашиваете, улыбается ли А. М.? Не очень. Живет он сейчас в III веке до Р. Х., иногда делает экскурсии в Россию, приблизительно конца XVIII столетия, но ежедневно окунается в шестнадцать получаемых нами русских газет и волнуется всеми бедами и злобами текущего дня.

Сейчас у нас период затишья: русские все поразъехались, иностранцев нет, должно быть, войны все боятся, и мы все время сидим у себя дома, даже рыбу ловить не ездим, гулять редко, редко выберемся. Побегает А. М. по террасе, тем дело и кончится!

Может быть, на днях он съездит в Рим посмотреть русский отдел²⁰⁷, хоть его и ругают, но нам и такой интересен.

Жил здесь Бродский, как Вы знаете, написал мой портрет, немножко старенька, но очень похожа, это в первый раз так. Я бы этот портрет озаглавила: грустная очень, уж очень меланхоличная дама.

Ну, бывайте здоровы оба, пишите, не теряйте этой хорошей привычки и не забывайте нас. Алеша кланяется вам обоим, также и моя Катюша, а я крепко

целую Вас, Таня, и жму руку Николаю Александровичу.

Смешно было прочесть о режиссуре Стаховича, он что же, манерам учил? Воображаю себе, что пережил Иван Михайлович — ой, не дай бог! Нам чувствуется, что играл он очень хорошо. И лицо интересное!

Какая погода у нас дивная: тепло, солнце светит, снова цветут розы, вербены, маргаритки, идет сбор олив, кругом в садах песни, только по вечерам становится довольно свежо.

Еще раз — всего доброго и спасибо за все!

Мария

62

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. С. МИРОЛЮБОВУ

29 октября 1911, Капри²⁰⁸

Должна Вам признаться, Виктор Сергеевич, ощущаю очень неприятный горький осадок на душе. Эти нелепые, отрывочные разговоры, которые позволили Вам сказать фразу, смысл которой таков: «Я-де, мол, понимаю, А. М., что не Вы говорите о неприязни и тяжелой стороне, создавшейся на почве практических недоразумений...» Говорю — я? А пришло ли Вам в голову, Виктор Сергеевич, почему это так, та самая М. Ф., которая благополучно процветала в смысле денег, положения в обществе и т. п., ни на минуту не задумалась пойти на полное крушение всех своих личных благ, в настоящий момент находится в таком положении, что легко может сбыться пророчество С. Т. Морозова, часто говаривавшего: «Ох, М. Ф., останетесь Вы на старости лет без гроша за душой и умрете где-нибудь под забором...»?

Какой у меня может быть «личный» интерес в настоящее время?

Живу я безвыездно на Капри вот уже несколько лет, то малое, что мне нужно для своих личных потребностей, я получаю от своего сына. У него есть имение, которое я им отдала, оно участками продается. До сих пор я всегда вносила лично от себя известную сумму на нашу совместную жизнь, правда меньшую, чем А. М., так как заработка лишена в силу жизни за границей, переводами не много зарабатываешь, да мне и не платят большей частью, пользуясь тем, что я живу далеко и бесправна, но мне все-таки давали денег из дому, дети.

Если я говорю о том, что необходимо выяснить положение Алексея Максимовича, необходимо, чтобы он чувствовал себя свободным и независимым, то это, по-моему, должен за него сказать всякий порядочный человек, и прежде всего должен бы сказать тот, кто может это сделать. Вот суть и смысл того, что я все время говорю за него, потому именно, что он сам никогда за себя говорить не станет в этом деле. Еще никто в жизни не смел про меня думать, что я жадна! Я все свое отдала, все, что было, что получила от других и что сама заработала; у меня в настоящее время — ни гроша за душой, я честно могу сказать: то, что я ем, я зарабатываю. И я ни на одну минуту никогда не пожалела об отданном — было бы у меня еще, я сейчас же отдала бы и это. Мне ничьих денег не нужно, я себя прокормлю. Я снова повторяю: К. П. я

считаю прекрасным человеком, но многого я не понимаю в нем и, должно быть, не пойму. Больше говорить на эту тему ни с кем, ни с Вами, ни с ним самим, я не буду, так как сознала полную бесполезность своих разговоров. Очень прошу Вас ничего не говорить Алексею Максимовичу о моем письме к Вам, так как больше всего на свете боюсь его беспокоить, особенно сейчас! Думаю, что этого и Вы не захотите. Ничего, кроме добра, я до сих пор людям не делала, это могу сказать по совести, а о себе лично заботилась всегда весьма мало. Желаю и Вам всего доброго.

Мария Андреева.

Пожалуйста, не пишите мне. Это может встревожить А. М.

29/X — 911

63

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ

29 ноября 1911, Капри

Многоуважаемый Евгений Иванович, корректуру первых присланных мне листов я отправила Вам на другой же день и жду следующих, которые тоже, конечно, не задержу.

Вы писали, что будут присланы и рисунки? Может быть, со второй посылкой? Хотя эта часть меня не касается как переводчицы, но, само собой разумеется, интересуется меня, и было бы приятно заранее знать, в каком виде сказки будут изданы.

Через два месяца я пришлю Вам итальянские легенды, собранные одним профессором-фольклористом, пока не могу назвать Вам его фамилии, так как его труд еще не издан, но он в принципе уже дал свое согласие на мой перевод письмом.

Мне думается, что для Вашего издателя было бы интересно издать к празднику «Сказки» М. Горького²⁰⁹. Если Вы на это письмо ответите мне телеграммой, я успею попросить Алексея Максимовича отдать книгу его сказок Вашему издательству, и тогда их можно было бы успеть издать к самым праздникам рождества; мне же приятно было бы ответить любезностью на любезное отношение Вашего издательства ко мне.

Позвольте поблагодарить Вас за хлопоты, прошу Вас принять и передать Варваре Владимировне наш привет.

Мария Пешкова.

29/XI 911

Р. S. Сказки прошу издать за подписью: «Перевод Марии Андреевой».

Имейте в виду в случае надобности, что я могу переводить с английского, французского, немецкого и скоро — с испанского.

М. Ф. АНДРЕЕВА — О. П. РУНОВОЙ**29 ноября 1911, Капри²¹⁰**

Дорогая Ольга Павловна!

Алексей Максимович передал мне Ваше желание, чтобы я познакомилась с написанной Вами пьесой.

Надеюсь, Вы не посетуете на меня за искреннее слово.

Мне кажется, что тема старовата, а то, как пьеса написана, — очень «неразговорно».

Насколько я могу судить, Художественный московский театр не взял бы такую пьесу ни в каком случае, а это, для меня по крайней мере, довольно верное мерило того, что, значит, для сцены она не годится.

О литературных свойствах произведения я не считаю себя вправе судить, а говорю со своей специальной, актерской точки зрения и оценки.

Мы часто вспоминаем Вас и были бы очень рады снова Вас повидать. Как Вы поживаете? Что дети Ваши? Мои — все учатся, все далеко, и не скоро еще я их увижу, не раньше лета...

У нас здесь еще тепло, но погода все время стоит неважная, часто бури и сильный ветер. [...]

Позвольте от всего сердца пожелать Вам всего доброго и послать Вам душевный привет искренне расположенной к Вам

Марии Андреевой

29/XI 911

**ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Т. В. КРАСКОВСКОЙ и
Н. А. РУМЯНЦЕВУ****Ноябрь (после 13-го) 1911, Капри**

Получили карточки Савицкой, альбом «Живого трупа», спасибо! Только что же вы так себя разоряете, это, извините, совсем не годится, и впредь, пожалуйста, на нас денег не тратьте. Вот!

Читали о дебюте²¹¹ — правда, только в «Русском слове». А пожалуй, он и правда эту роль играл, во всяком случае, недурно? Прочли о «Мертвом городе» Д'Аннунцио. Милостивый боже, зачем же тревожить сей прах²¹², уж лучше бы Шекспира что-нибудь для г-жи Германовой поставили, хотя бы пьеса была в Художественном театре.

У нас сейчас на Капри гостят И. А. Бунин, А. С. Черемнов (молодой поэт), и речи все идут о литературе. И тоже скорбные речи! Мне иногда кажется, что соберись мы, старая гвардия Художественного театра, где-нибудь, у нас шли бы разговоры параллельно с гг. писателями об одном и том же: оскудение, падение интереса к живому, настоящему делу, необходимость сорганизоваться. Мне рассказывали об одной милой юной русской девушке, которая, ложась в постель и утром вставая, говорила: «Бедная, милая, родная моя Россия!» Готова на старости лет вместе с ней говорить те же слова. Милая, родная, бедная Россия,

сердце на куски рвется при мысли обо всем происходящем в ней — всюду, всюду, во всех областях и отраслях ее жизни. Газеты читаем, и то Алексей Максимович отвернется в сторону, чтобы я лица его не увидела, то сама чувствуешь, как ему тяжело и горько бывает!

Что делается, господи боже мой, и какой ужасной ценою заплатят дети наши за неразумие, нерадение, неумение и инертность нашу, вот что *ужасно*.

Личные наши дела так себе. К. П. Пятницкий на днях собирается поехать в Россию и снова усердно приняться за дела. Алексей Максимович ушел, конечно, из журналов «Новая жизнь», «Новый журнал для всех», г-на Бекштейна; отказался принять участие в «Живом слове» после отвратительной статьи об его «тоске по родине»; ушел из «Современника», не согласный с громогласными манифестами редакции, но по обычаю сделал это без шума, не объявляя в газетах и т. п.²¹³ Здоровье его не очень хорошо, главное — плохи нервы.

Есть у меня к Вам, Николай Александрович, одна чисто личная просьба: выучила я за это время испанский язык, так что теперь могу свободно переводить: с итальянского, испанского, французского, английского, немецкого. Перевожу добросовестно, не сочиняя и довольно хорошим русским языком, как говорят, иногда даже просто хорошо. Нет ли у Вас кого знакомых издателей, которым нужна была бы хорошая переводчица? Мне очень нужна работа. Задешево я работать не стану, приблизительно так: испанский — 50 руб. за лист; итальянский — 40; французский — 25; английский — 30; немецкий — 25. Но работаю довольно быстро. Герман и Кнебель за итальянский перевод заплатили мне по 75 руб. за лист, но у них не может быть постоянной работы, хотя они и обещали мне впредь пользоваться моими переводами, так как находят их хорошими. Если можете увидеть кого-нибудь и сказать, что я занимаюсь переводами, буду Вам очень признательна. Вы не сердитесь, что я Вас все просьбами обременяю?

Почему мои фиалки пропали — не понимаю²¹⁴. Одно надо предположить, что где-то письмо вскрывали и они, бедные, выпали и потерялись. Посылаю Вам в этом письме две. Интересно, дойдут ли?

Пишу Вам, а в открытую дверь несется такой птичий гомон, свист и писк, что в ушах звенит, — как всегда зимой, весь остров звенит синичьим треньканьем, да и других всяких птиц сколько угодно, радуется птицеловье Алексея Максимычево сердце. Опять, после нескольких бурь, настали дивные солнечные дни, ходим в летнем, только по ночам, конечно, свежо.

... Вот я Вам сколько расписала.

Ну, до свидания, милые друзья, будьте здоровы, пишите почаще, и почаще да побольше, ничего больше не присылайте, кланяйтесь нашим друзьям, кому это может быть приятно.

Крепко обнимаю Танюшу, и оба мы вам обоим жмем руки.

Мария

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. А. РУМЯНЦЕВУ

Декабрь 1911, Капри

Взялась за перевод «Тридцатилетней женщины», дорогой Николай Александрович, постараюсь сделать его как можно лучше и скорее и pošлю Вам, если Вы ничего не имеете против этого. Мне легче всего переводить, конечно, с итальянского, а переводить с испанского за 30 руб. я просто не стану, так как это очень трудно, язык сильно разнится от русского и требует усидчивого и долгого труда, просто чтобы хоть немного лучше переводить, чем это вообще делается, мне же стыдно и неловко было бы работать плохо и небрежно по многим резонам.

Что-то так у меня все в голове перепуталось, что уж я и не помню, когда я Вам писала, благодарила ли за все присланное нам? У нас сейчас прямо съезд какой-то писателей: тут Бунин, Коцюбинский, Черемнов, Чернов и еще целая куча, все пишут, читают. Бунин написал превосходнейшие, но страшные по содержанию вещи, когда слушаешь их, волосы дыбом становятся, ей-богу. Сам Алексей Максимович так и горит весь.

... С нетерпением жду, как-то у Вас «Гамлет» сойдет²¹⁵, и страшно волнуюсь. Неужели — неуспех?!

Все время откладывала писать Константину Сергеевичу, опасаясь отвлекать его в такое горячее для него и тревожное время. Вот уж — желаю ему победы!!²¹⁶

Смутило и огорчило меня то, что Вы написали об Иване Михайловиче. Ехал бы он сюда, право. Грущу, что не поедете вы, то есть Художественный театр, а не Вы лично, за границу, все бы, может, увидала вас!.. Вас-то я надеюсь летом увидеть²¹⁷. Как же теперь «Мертвый город» без Волконского?

Ну, будьте здоровы, спасибо Вам — выше Ивана Великого — за все! Не ленитесь писать почаще — мне ведь все Ваше так близко и интересно. Жму Вашу руку — Таню целую. Алексей Максимович очень обоим кланяется.

М. Ф.

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

22 января 1912, Капри²¹⁸

Милый Константин Сергеевич, если бы — Вы здесь!! Шлем вам тысячу приветов от всего сердца — Вам, Марии Петровне, Кире и Горюне.

Мария

Приезжайте, будем писать комедию коллективно.

А. Пешков

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. М. МОСКВИНУ**22 января 1912, Капри**

Милый, дорогой друг — приезжай к нам, пожалуйста!!

Мария

Иван Михайлович! Какая рыба живет в этом море! Приезжайте-ка!
Жму руку.

А. Пешков

И я жму руку.

А. Стахович

М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ**Конец, января 1912, Капри²¹⁹**

Милая Танюша!

Не принимайте энергичных мер: мы не умерли, не погибли еще, но у меня все это время было отвратительное настроение, причин коему миллион!

Говорить о них скучно, да и не стоит, так как, чтобы причины эти «образовались», нужно время.

Скажите Николаю Александровичу, что все книги мы получили, за все ему огромное спасибо! «Femme de 30 ans»¹ усердно перевожу, за хлопоты ему земно кланяюсь²²⁰ и согласна стать присяжной переводчицей у Антиков. [...]

Если Балтрушайтис хочет ехать, милости просим, конечно будем ему очень рады, об этом нечего было спрашивать.

Ну, был у нас Ал. Ал. Стахович, провел три дня, был страшно любезен, очарователен, очень звал вернуться в Россию, в «наш» театр, где он теперь все. Я его благодарила, была очень тронута, но, помня Ваш рассказ о том, что он грозил выйти из Художественного театра, если моя нога снова в него вступит, — удивлялась, зачем ему понадобилось говорить так? [...] А. А. неоднократно повторял, что я «перестала интересоваться театром», ни о чем не расспрашиваю его и ничему не верю.

Алексей Максимович усердно внушал ему о желательности приезда на Капри как можно больше наших художественников и развивал ему план «коллективной пьесы»²²¹. Обещал написать пьесу сам. Вот и все.

Капри не очень обласкал генерала: лил противный дождь, было сыро и холодно, и, мне кажется, ему тут не понравилось, по крайней мере он очень звал к себе в Рим, в Париж, но не обещал снова быть на нашем острове.

Передавал поклон мне от Вл. Ив. Немировича-Данченко, упросил послать ему открытку — зачем все это, не знаю, но все это мы с А. М. почему-то послушно проделали. Обедали у него в Auisilone вместе с Буниным и вот уж искренне желали, чтобы приехали сюда вы оба, Иван Михайлович, Василий

¹ «Тридцатилетняя женщина» (франц.).

Иванович, Ольга Леонардовна, еще кто-нибудь из хороших актеров — и написали бы все вместе эту «новую пьесу», о которой мечтает Алексей Максимович.

На днях буду писать Константину Сергеевичу, Стахович удержал меня, уверяя, будто К. С. совсем расстроился после «Гамлета»; по его словам, можно было бояться бог знает чего и К. С. должен был поехать в санаторий — правда ли это? Надеюсь, что нет, и ужасно волнуюсь — а вдруг что-нибудь правда?! Напишите скорее.

До свидания, надеюсь, славные вы, милые люди!

Крепко обнимаю и целую Вас, Танюша, будьте здоровы и не горюйте о своих, ведь сказано: «все образуется!»

Алеша обоим вам сердечно кланяется, он к вам обоим очень хорошо относится.

Я жму Н. А. крепко руку.

Скоро напишу еще.

М. Ф.

70

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. КУПРИНУ

2 июня 1912, Капри²²²

Дорогой Александр Иванович!

Мы очень обрадовались Вашему решению приехать на Капри, вот уж — милости просим!

Из Неаполя на Капри идут два парохода, утром в 9 часов — подороже, для иностранцев, с платой в 6 лир, но зато с одним заходом в Сорренто, и в $1\frac{1}{2}$ 4 дня — почтовый, за 3 лиры, с заходом в маленькие местечки, то есть вместо двух часов идущий от Неаполя до Капри часа три.

Пансион и гостиниц тут много, с платой от 5 до 13 лир за полный пансион и комнату, но мы с Алексеем Максимовичем думаем, что на первые дни Вам лучше всего остановиться у нас: в тесноте, да не в обиде.

Из Неаполя, а еще лучше из Рима — дайте телеграмму, чтобы можно было выйти Вас встретить.

Алексей Максимович шлет Вам дружеский привет и ждет Вас с радостью, также и я, конечно. Надеюсь, что Вашей жене и дочери здесь понравится.

Жму Вашу руку.

Мария Андреева

2/VI, 912

Встретите здесь хороших ребят, Александр Иванович. Рыбину поймает!

Боябез здесь лучше — как бомба!

Жму руку.

А. П.¹

¹ Курсивом здесь выделена приписка Горького. Боябез — бульябес — рыбное блюдо. — Ред.

М. Ф. АНДРЕЕВА — ПЕТКО ТОДОРОВУ**Июль (до 10-го) 1912, Капри²²³**

Дорогой Петр Юрьевич!

Только вчера узнали о горе, постигшем Болгарию²²⁴ и, наверное, тяжело поразившем Ваше сердце.

Это не утешает, конечно, но все-таки все легче человеку, когда он не чувствует себя одним, что горе, боль и радости разделяют другие люди. Все мы — Алексей Максимович, конечно, в особенности затрепетал, как эолова арфа, — были глубоко опечалены смертью Славейкова.

Не стану писать много сейчас.

Может быть, Вам не до писем, а просто крепко жму Вашу руку и очень кланяюсь Вашей жене.

Когда сможете — напишите о себе.

Мария Андреева.

Тут никто меня не знает — Андреева, пишите на имя Peschkoff.

ПЕТКО ТОДОРОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ**26 сентября 1913²²⁵**

Глубокоуважаемая Мария Федоровна!

Когда Вы будете читать эти строки, война, наверное, уже охватит весь наш полуостров²²⁶. Да послужат эти обстоятельства извинением для моего молчания. Последние события захватили мою личную и общественную жизнь. В настоящий момент весь наш народ под знаменами — я тоже призван: назначен военным цензором и редактором «Военных известий». Пишу Вам за своим цензорским столом и прошу принять посылку, которую наконец смог отправить.

1. Моя драма «Строители» в переводе В. Язвицкого; я нахожу — перевод недурен, и надеюсь, что Алексей Максимович что-нибудь с ней сделает.

2. Статья нашего профессора и известного критика доктора К. Кристева²²⁷ о новой болгарской литературе. Об этой статье и говорил Алексею Максимовичу, и он выразил желание ее иметь. Думаю, что хоть теперь будет интересно для русской публики услышать что-либо об этих беспокойных болгарях.

3. Посылаю в очень дурном переводе свою драму «Самодиву», чтобы только ознакомить Вас с ее содержанием. Если она Вас заинтересует и если Вы захотите оказать ей честь и играть ее у нас, то мы сделаем лучший перевод. Даст бог, закончим войну, и Вы с Алексеем Максимовичем авось посетите меня и наш театр²²⁸. Теперь время интересное у нас, и не раз я думал: как это могло бы радовать Алексея Максимовича, если бы он увидел этот народный подъем, который поистине увлекает.

Ваша Россия держит себя недурно, но и страшно безалаберно. Надеюсь, что Вам будет интереснее узнавать о событиях с места, и я буду время от времени давать Вам сведения, хотя самые важные Вы прочтете в газетах.

Прошу передать Алексею Максимовичу мой сердечный привет. Желаю Вам всего хорошего и прошу не забывать нас в такие трудные времена.

Ваш *Петко Тодоров*.
София, 26 сент. 1912 г.

Мой адрес: Петко Тодоров
Редакция «Воени известия»
В Военото министерство
Sophia (Bulgarie).

73

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ
30 сентября 1912, Капри

17/30 IX 912

Дорогой друг, милый Константин Сергеевич!

Николай Александрович Румянцев написал мне, что это Вы снова дали мне денег²²⁹. Меня и то все мучило, что я не могу еще отдать Вам прошлой весной взятые две тысячи, а тут — опять столько же Вы прислали мне через него. Не будь такого хоть и временно, но очень уж тяжелого денежного кризиса, я, конечно, к Николаю Александровичу не обратилась бы, не обратилась бы также, если бы не боялась так безумно за здоровье Алексея, а он все последнее время в таком нервном настроении, не спит почти совсем, кашляет, и нет-нет да [и] наступает период кровохарканья. Единственное, что всегда помогает ему стать на ноги, — это немного попутешествовать, на что у меня без Ваших денег не было бы ни малейшей возможности. Я не буду расписывать, Вы почувствуете, как я Вам горячо благодарна.

Сейчас, по-видимому, в делах наступит поворот и материальное положение Алексея Максимовича изменится. «Знание» и деньги Алексея Максимовича, в него вложенные, — 100 000 руб., — по-видимому, окончательно пропали, так как юридический хозяин издательства, К. П. Пятницкий, впал в полный маразм, а дело разорило его трехгодичное проживание за границей. Все огромные деньги, получаемые Алексеем Максимовичем, растеклись неизвестно как и куда, — за малыми исключениями, известно куда и как — дела его велись К. П. Пятницким бесконтрольно и полноправно, так что «распад личности», как это нынче называется, г-на Пятницкого привел Алексея Максимовича временно к полному отсутствию каких бы то ни было средств к жизни. Семья Алексея Максимовича живет на доходы, получаемые от его книг, так что ее это положение не коснулось.

Долго Алексей Максимович, по невероятной его деликатности, не решался отнять у К. П. Пятницкого свое участие и несколько лет писал для «Знания», не получая гонорара. Наконец даже и его терпение лопнуло, и он стал печататься, а отныне начнет и издавать свои книги — в других издательствах.

На днях он принял приглашение стать редактором «Современника» и взял себе наконец доверенное лицо для ведения всех его материальных дел в

России — Ивана Павловича Ладыжникова.

Все это должно быстро и радикально изменить его денежные дела в лучшую сторону, и тогда я смогу вернуть Вам с великой благодарностью одолженные Вами мне деньги.

Есть способ сделать это быстрее, но не знаю, понравится ли он Вам: дело в том, что — Вы, может быть, знаете — у нас на Кавказе, около Туапсе, есть земля. Эта земля разделена на дачные участки, говорят — очень красивые и со временем еще более ценные. Юрий мог бы привезти Вам планы и фотографии этого имения, а Вы выбрали бы себе участки или участок по вкусу, что вернуло бы Вам немедленно сполна всю сумму. Когда же у меня будут свободные деньги, если этот участок будет Вам ни к чему, я могла бы выкупить его обратно. Пожалуйста, подумайте и напишите мне об этом.

Голубчик мой! Если бы Вы знали, как мне хотелось бы поговорить с Вами, видеть Вас... Спасибо Вам! И как я горячо желаю Вам всего хорошего... Как мне горячо хотелось бы, чтобы Вы приехали к Алексею Максимовичу, мне чувствуется, что от этого могло бы родиться нечто такое большое, хорошее и всем нужное. Он очень Вас любит и ценит так, как вряд ли многие, ведь Вы тоже из таких людей, которых не многие понимают и могут понять. Мне всегда кажется, что таким людям, как Вы и он, надо чаще видаться, чаще бывать вместе, чтобы не терялась внутренняя, духовная связь.

Дойдя до того предела, когда больше смотришь назад, чем вперед, обстоятельства моей жизни сложились так, что, в сущности, *своей* жизни у меня нет. Может быть, именно поэтому я лучше и честнее, мне кажется, вижу и сужу о себе, мне часто бывает жаль, что в прошлом я не так поступала и действовала, как нужно было бы, но всегда, когда думаю о Вас, у меня как-то разрастается сердце от великой, горячей, какой-то дружной любви к Вам и нежности, и всегда больно вспоминать, что иногда причиняла Вам боль. Мне кажется, Вы это чувствуете, Константин Сергеевич. И если когда-нибудь мне будет дано быть около Вас, а кто знает — может быть, и работать с Вами, Вы почувствуете это еще крепче.

Будьте здоровы, будьте бодры, и дай Вам бог, чтобы все у Вас шло хорошо. Может быть, когда-нибудь захочется Вам написать о планах, об идее своей, о том, как она прививается²³⁰, — ведь нам это интересно кровно, а не так себе.

Крепко жму Вашу руку и обнимаю Вас от всего сердца. Кланяюсь Марии Петровне. Мне приятно иметь ее карточки, и, она угадала, самая домашняя мне милее всего. Как-то Ваши Кира и Игорь? Мои — старше и умней меня!

Да, Николай Александрович написал мне, чтобы я у себя хранила расписку Алексея Максимовича ввиду отношений с Пятницким? Не могу я этого сделать, Константин Сергеевич! Я Алексея Максимовича стараюсь сейчас это всего оберегать и ограждать, он ничего и не знает о деньгах, насколько только возможно. Вот свой вексель, засвидетельствованный у нотариуса, могу прислать сию же минуту, боюсь только, что, пока я живу за границей, он малого стоит?

Ну, еще раз спасибо Вам и будьте здоровы.

Напишите, пожалуйста, хоть немного.

Всей душой любящая Вас

Мария

74

М. Ф. АНДРЕЕВА — СИБИЛЛЕ АЛЕРАМО

*7 октября 1912, Капри*²³¹

Дорогой друг,
мы на Капри, и нам будет очень приятно увидеть Вас здесь. Сообщите, на каком пароходе Вы приедете, чтобы я могла Вас встретить.

Мне кажется, что зимой в Сорренто не так уже хорошо и что, может быть, Вам больше понравится на Капри.

Добро пожаловать, дорогая! Большой привет Вам от Алексея.

Ваша Мария

7.X-912

75

СИБИЛЛА АЛЕРАМО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ¹

30 октября 1913

Сорренто
Пансион Минерва
вечер, 30 окт. 12

Дорогой друг,
«Маленький святой»²³² — поистине произведение большого таланта и глубоко поэтичное. Я не знала, что гуманизм Бракко достиг такого глубокого самовыражения. Теперь-то я уж буду помнить об этом.

Спасибо, друг, что благодаря Вам я наконец прочла эту драму, которая возвышается над всем, что создал современный итальянский театр.

Я верну Вам книгу, когда вернусь на Капри. Знаете ли Вы, что визит, который я нанесла Вам, хотя и был таким коротким, оказался для меня очень благотворным? Но слишком долго объяснять — как и почему. Сохраните Ваши добрые чувства ко мне. Напишите мне, когда Вы будете не так сильно заняты. Постарайтесь приехать проведать меня вместе с Алексеем или одна и пожелайте мне столько сил, сколько я желаю Вам и Вашему другу.

Обнимаю Вас.

Сибилла.

Прошу Вас, передайте привет Вашему сыну и Вашим друзьям из Piccola Marina и скажите Золотареву, что очень хочу прочесть его книгу...

¹ Перевод с итальянского Р. Кафриэлянц.

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ²³³

Октябрь (до 24-го) 1912, Капри

Милый мой Евгенийич, можете ли Вы одолжить мне ту книгу о Швеции, о которой Вы мне не однажды говорили и которую я никак не могла до сих пор прочесть? Должно быть, я вскоре соберусь хоть ненадолго освежиться, а то сижу сиднем на одном месте и кисну, хорошо было бы повидаться с Вами, да боюсь просить Вас об этом, зная, как Вам это трудно.

Юрок вскоре уезжает домой, ждет только билет на обратный путь от отца.

Здоровье А. М. очень плохо и вообще все-все так же грустно и нелепо. Ни обо мне, ни о нем никому ничего не говорите пока — и так выдумывают невероятные вещи...

Ах, милый мой друг, если бы отдохнуть хоть немного!

Обнимаю Вас.

М.

24 октября 1912, Капри

Дорогой мой друг, сегодня 11/24-е, но книги для прочтения я еще и не думала получать, так что дать о ней отзыва не в состоянии ни в каком случае. Если же получу ее, то, конечно, сейчас же по прочтении верну, кому Вы укажете.

Моя добрая знакомая поспеть на Вами обозначенный пароход никак не может, тем более что ей еще не прислали денег на дорогу, да и прихварывает она сильно, по старости лет.

Юра еще здесь, ждет от отца билет, чтобы тронуться в путь. Он Вам, во всяком случае, подробно расскажет о нашем житье-бытье, невеселом, — почему я и не пишу о нем никому ничего.

На Ваше предыдущее письмо и А. М. и я отвечаем Вам — идите дорогой искусства, сейчас это важнее, да и Вы лично больше тут на месте.

Поговорим подробнее, когда увидимся, а пока крепко обнимаю Вас.

Ноябрь (до 8-го) 1912

Дорогой мой, спешу Вам сообщить, что в пятницу 8-го она выезжает в путь и отправляется прямо в Данию, нигде не останавливаясь по дороге, остановится в том Hotel'е, который ей рекомендовали, и протелеграфирует Вам оттуда. Вы не забыли ее фамилию — ведь Вы ее давно не видели — Harriet Brooks.

Пишу одновременно Кате и Марии Сергеевне.

Плохо, что у нее будет денег в обрез, так что ей надо как можно скорее доставать работу, а книгу, которую Вы обещали прислать для перевода, она так и не получила.

Кроме того, она сильно нездорова, устала и измучена, представить себе трудно, что ей пришлось пережить²³⁴, необходимо действовать скорее, чтобы уж она принялась за работу и хоть в этом нашла силы забыться от горя.

Ну, да не Вам об этом говорить, Вы это понимаете.
До свидания, родной мой! Крепко обнимаю Вас.

Ваша М.

77

М. Ф. АНДРЕЕВА — Б. Н. РУБИНШТЕЙНУ

22 ноября 1912

Уважаемый Борис Николаевич!

Вы были так добры предложить мне достать для меня паспорт в Германии? Буду усердно просить Вас сделать это возможно скорее и прислать мне сюда express — так как иначе мне не переехать, а каждый потерянный день мешает исполнению общих наших желаний. Шлю привет.

М. Ф.

22/XI – 912

1913 – 1917

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ²³⁵

1

ИЗ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА А. М. ГОРЬКОМУ

Начало января 1913, Краков

Размечтался я в связи с поездкой М. Ф. ... Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся). Еще черкните, как Малиновскому найти ее в Питере или в Москве. Через Тихонова?

(В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 42)

2

**ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО Т. В. КРАСКОВСКОЙ и
Н. А. РУМЯНЦЕВУ**

27 декабря 1912 (9 января 1913), Капри

... Из Финляндии — хорошие письма, добрые вести. Человек, там живущий¹, удивительный человек, вы знаете. Энергии в нем заложено на десяток добрых мужчин. И ума — немало. И — славное, верное сердце...

¹ Имеется в виду М. Ф. Андреева. Из конспиративных соображений она не названа. — Ред.

3

ИЗ ПИСЬМА Т. В. КРАСКОВСКОЙ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Конец декабря 1912, Москва

... Слов нет, чтобы благодарить Вас за письма. Особенно за первое, которое очень меня утешило...

... Все, что Вы говорите, моя родная, верно, и Вы так и должны все делать, чувствовать и понимать, потому что Вы сами большая женщина и незаурядный человек.

... За Вас не могу не волноваться, особенно же потому, что сама ничем не могу Вам помочь. И чувствую себя глупо, и больно от этого. Вы поймете меня, как мне больно бездействовать в то время, когда Вам, может быть, там нужна помощь. Все равно какая. Всякая, родная! Не смею спрашивать Вас ни о чем, так как боюсь отнимать у Вас время, но хочется знать, думаете ли Вы или кто-нибудь за Вас о паспорте? Это меня сейчас очень волнует...

Ваша Таня

4

**[ИЗ АГЕНТУРНЫХ ЗАПИСОК ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ ПО
Г. МОСКВЕ]**

10 января 1913

... 2. Поручено¹ депутатам Петровскому и Малиновскому обратиться в гор. Москве к Крыжановскому, Никитину и некоему Радченко и в С.-Петербурге — к присяжному поверенному Соколову, а по указаниям последнего и к другим лицам, — с просьбой ссудить или помочь добыть денег.

Фактически все переговоры с перечисленными лицами будет вести ныне прибывшая в г. Москву жена Максима Горького (Андреева), которая связалась с проживающим здесь по М. Никольскому переулку Павлом Карловичем Штернбергом.

Депутаты Петровский и Малиновский явятся лишь официальными представителями ЦК партии.

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 46, л. Б, 1913 г.)

5

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

17 февраля 1913, Капри

... Телеграмма, посланная М[арии] Ф[едоровне], объяснена ей моим письмом. Как стоит дело с ее въездом в Питер? Шестой день не получаю писем от нее. Беспокойно.

Крепко жму руку Вашу.

А. Пешков

¹ Речь идет о поручении, данном партийным совещанием ЦК РСДРП (б) с партийными работниками с мест, состоявшимся в Кракове в декабре 1912 г. — Ред.

6

ИЗ ПИСЬМА А. Н. ТИХОНОВА А. М. ГОРЬКОМУ**15 марта 1913, Петербург**

... Был я у Марии Федоровны, здоровьем она, пожалуй, лучше, но нервничает, сиденье это и бездельничанье гнетет ее очень...

(Архив А. М. Горького)

7

Н. А. РУМЯНЦЕВ — В. Ф. ДЖУНКОВСКОМУ**9 апреля 1913**

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ГОСПОДИНУ ТОВАРИЩУ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ВЛАДИМИРУ ФЕОДОРОВИЧУ
ДЖУНКОВСКОМУ

Ваше Превосходительство!

Жена Тайного Советника Мария Федоровна Желябужская (по сцене Андреева), бывшая артистка Московского Художественного театра, в течение последних семи лет находится за границей, но желает возвратиться в Россию, чтобы вернуться к своей артистической деятельности.

Группа артистов Московского Художественного театра — О. Л. Книппер, Е. М. Раевская, М. А. Самарова, В. И. Качалов, Л. М. Леонидов, И. М. Москвин, Н. Г. Александров, Н. О. Массалитинов и я, Н. А. Румянцев, как представитель этой группы, предпринимаем после петербургских спектаклей, в начале июня, ряд спектаклей в Киеве. Репертуар этих спектаклей: «Одинокое» Гауптмана, «Чайка» — Чехова и другие пьесы. В первых двух пьесах М. Ф. Андреева в Художественном театре выступала исполнительницей главных ролей.

От имени упомянутой группы артистов позволю себе почтительнейше просить Ваше Превосходительство дать нам сведения о том, не имеется ли законных препятствий к въезду М. Ф. Андреевой в Россию и, следовательно, возможно ли рассчитывать на ее участие в наших киевских спектаклях.

Примите уверения в нашем глубоком уважении.

Н. Румянцев

Адрес — Николаю Александровичу Румянцеву,
Итальянская д. 15, к. 7 или в Императорский Михайловский театр.
6 апреля 1913 г. Петербург

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.)

8

[СПРАВКА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О М. Ф. АНДРЕЕВОЙ]

Вследствие резолюции Вашего Превосходительства на представляемом

прошении артиста Московского Художественного театра Н. А. Румянцева, имею честь представить составленную по делам Департамента справку на Марию Желябужскую, но сцене Андрееву.

Директор (подпись)

№ 97970

20 апреля 1913 года

СПРАВКА

Желябужская, Мария Федорова, жена Действительного Статского Советника, бывшая артистка Московского Худ. театра, по сцене Андреева, родилась в 1872 году, сожительствует с писателем Максимом Горьким (Пешковым).

Желябужская, по сведениям, доставленным начальником Финляндского Жандармского Управления, принимала участие 19 января 1906 года вместе с писателем Максимом Горьким (Пешковым) и Скитальцем (Петровым) в устроенном в финском национальном театре в гор. Гельсингфорсе литературно-музыкальном вечере в пользу пострадавших во время беспорядков в России. На этом вечере Желябужская прочла воззвание противоправительственного содержания.

Мария Желябужская была привлечена в 1906 году к производившемуся при С.-Петербургском Губернском Жандармском Управлении дознанию о конторе редакции газеты «Новая жизнь», каковая контора служила, по сведениям С.-Петербургского Охранного Отделения, местом конспиративных свиданий активных работников С.-Петербургской социал-демократической организации и явочным местом для членов Российской социал-демократической рабочей партии, приезжавших в С.-Петербург из других городов.

Означенное дознание окончено и представлено Жандармским Управлением 3-го февраля 1907 года за № 2684 прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты; определением Судебной Палаты от 17 февраля того же года приостановлено в отношении Желябужской впредь до ее явки или задержания.

Желябужская разыскивается по этому делу циркуляром Департамента полиции от 18 июня 1907 года за № 150032/9 (ст. 694). (Подлежит аресту).

В августе 1909 года и апреле 1910 года Департамент уведомил членов Государственной Думы В. А. Маклакова и М. Я. Капустина, ввиду проявленного ими участия в судьбе названной Желябужской, что ей угрожает только судебное преследование, так как она привлечена в качестве обвиняемой к дознанию в порядке 1035 ст. уст. уг. суд. по делу о социал-демократической организации, находящемся в С.-Петербургской Судебной Палате, определением которой от 17-го февраля 1907 года уголовное преследование Желябужской приостановлено впредь до ее задержания или явки.

20 апреля 1913 года

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.)

[СООБЩЕНИЕ О ПРИЕЗДЕ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В ПЕТЕРБУРГ]

Копия
Секретно

Начальник отделения
по охранению общественной
безопасности и порядка
в С.-ПБ.
8 мая 1913 г.
№ 10324 гор.
С.-Петербург

Начальнику С.-Петербургского
губернского жандармского
управления

Циркуляром Департамента Полиции от 18 июня 1907 года за № 150032/9 ст. 694 разыскивается жена Действительного Статского Советника Мария Федорова Желябужская, по сцене Андреева и подлежит обыску, аресту и препровождению в распоряжение Вашего превосходительства.

Имея в виду, что в настоящее время в С.-Петербурге в д. № 10 по Бол. Объездной улице прибыла жена тайного советника Мария Федорова Желябужская, Охранное Отделение просит уведомить, является ли в названной личности надобность и подлежит ли она обыску и аресту. Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Адъютант С.-ПБ. Губернского Жандармского Управления,
ротмистр (подпись)

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.).

10

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО А. Н. ТИХОНОВУ

11 мая 1913, Капри

... Что Маруся здорова — слава богам! Но знали бы вы, как тревожно мне думать о предстоящих ее выступлениях! До кошмаров дохожу. Разумеется, я знаю, что это необходимо, что это — ее дело, что в нем она — на ее месте законном, но — она везде на месте. Когда я представляю ее стоящей у самой пасти темного театрального зала, перед людьми, которые ничего не любят, всем забавляясь, которых я презираю, она — тоже, — у меня волосы кровью наливаются. Нехорошо мне. Ей будет трудно.

... Очень меня восхищает Премудрая Василиса, она же — Мария. Экий молодец хороший! А мне все же маленько жутко за нее.

А. Пешков

11

**[ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ
ВИЦЕ-ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ТОВАРИЩУ
МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ]**

... Я виделся. 17 же мая с Начальником С.-Петербургского губернского жандармского управления для выяснения, не погашено ли судебное дело о Желябужской Высочайшим указом 21 февраля с. г. и если нет, то в каком положении оно находится и какая мера пресечения по оному будет принята. При этом я просил генерал-лейтенанта Клыкова, чтобы мерою пресечения не был бы принят арест, о чем, в случае необходимости, он должен был переговорить с товарищем прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты Меллером.

... Согласно желанию Начальника С.-Петербургского жандармского управления я просил Желябужскую зайти 24 мая для личных объяснений с генерал-лейтенантом Клыковым.

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.)

12

**[ТЕЛЕГРАММА ПЕТЕРБУРГСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ]**

Копия

Киев.

Начальнику губернского
жандармского управления.

Артистка Московского Художественного театра Мария Федорова Желябужская, по сцене Андреева, разыскиваемая циркуляром Департамента полиции 18 июня 1907 года № 150032, статья 694 и явившаяся добровольно Управление, заявила о выбытии Киев на гастроли. Обыску и задержанию она не подлежит.

Подлинную подписал генерал-лейтенант *Клыков*

Верно — секретарь управления губернский секретарь (подпись)

24 мая 1913 г.

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.)

13

**А. М. ГОРЬКИЙ — Н. А. РУМЯНЦЕВУ
24 мая 1913, Капри**

Дорогой друг, Н. А.!

Передайте прилагаемое письмишко М. Ф. — прошу Вас!

В нем я желаю ей бодрости, желаю хорошей победы — я думаю, оно не помешает ей, если будет прочитано ею в день спектакля?

Вас я прошу душевно — сообщить мне, как сойдет первый спектакль, уж будьте благосклонны!

Волнуюсь, как 16 арабов!

Будьте здоровы, всяческих успехов!

Татьяне Васильевне — поклон, привет!

А. Пешков

14

[ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ИСПОЛНЯЮЩЕГО ОБЯЗАННОСТИ ВИЦЕ-ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ТОВАРИЩУ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ]

По явке Желябужской в Жандармское управление прокурорский надзор, как мне сообщил тов. прокурора Смирнов, разрешил ей уехать в Одессу и Киев с тем, чтобы она согласно ее заявлению 9 июня возвратилась в Петербург, где и будет допрошена в Жандармском управлении, после чего мерою пресечения по дознанию вероятно будет признан, впредь до прекращения дела, особый надзор полиции.

(ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.)

15

[СООБЩЕНИЕ О ГАСТРОЛЯХ АРТИСТОВ МХТ С УЧАСТИЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ]

ТЕАТР И МУЗЫКА

Гастрольный спектакль. Сегодня в театре «Соловцов» первый спектакль артистов Московского Художественного театра. Идут «Одинокое» с участием г-ж Андреевой, Книппер, Самаровой, Раевской, гг. Качалова, Москвина, Массалитинова, Александрова и др. Завтра и послезавтра спектакль повторяется.

(«Киевская мысль», 2 июня 1913 г.)

16

ИЗ ПИСЬМА И. П. ЛАДЫЖНИКОВА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ 3 июня 1913, Капри

Сейчас получена Ваша телеграмма из Киева: «Все великолепно и т. д.», и, следовательно, все будет хорошо.

Вчера весь вечер мысленно были с Вами в Киеве и с нетерпением ждали сегодняшнюю телеграмму. Очень обрадовала она. Алексей Максимович вот сейчас говорит даже, что «сегодня хорошо работается», и видно, что на душе у него покойно. Сидит и пишет пьесу, говорит, что в десять дней окончит ее, а потом будет отдыхать.

Дело о «Новой жизни» неприятно и некстати. Надо бы устроить так, чтобы оно меньше мешало жить, раз оно всплыло некстати, и надеяться, что из него не

будет больших неприятностей.

Посылаю Вам, Мария Федоровна, самые наилучшие пожелания и крепко жму Вашу руку...

Ваш *Ив. Ладыжников*

17

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО А. Н. ТИХОНОВУ

9 июня 1913, Капри

Мучительнейшие три дня спектаклей в Киеве благополучно прошли, в «Рус. слове» — телеграмма, говорящая о большом успехе. В телеграмме сказано:

«Игра М. Ф. Андреевой стала еще тоньше и благородней».

Сама она в письмах скромничает, но сие — излишне. Сейчас она — в Мустамяках, вероятно; кажется, скоро мы встретимся...

А. Пешков

18

[К ДОПРОСУ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ]

Лит. «Б» *Секретно*

В ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ

Сведения

о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого [...] по 1 ч. 126 ст. Угол. Улож.

... 2) Фамилия, имя и отчество (о замужних упомянуть первоначальную фамилию), а если еврей, то какими называется христианскими именами. — ЖЕЛЯБУЖСКАЯ Мария Федорова, урожденная Юрковская.

... 4) Звание, сословие... — Дворянка, русская подданная. Артистка Московского художественного театра.

... 6) Занятие или ремесло (средства к жизни) и последнее место службы. — Артистка Московского художественного театра. 7) В каких учебных заведениях и в каком году получил первоначальное, среднее и высшее образование. — В Литейной гимназии в С.-Петербурге, затем в Московской Консерватории экстерном. ... 10) Основания привлечения к настоящему дознанию и статьи уголовного уложения, по которым предъявлено обвинение. — Добытые дознанием данные, указывающие, что издательницей газеты «Новая жизнь» и хозяйкой помещения, занимаемого редакцией, была Мария Желябужская. Ст. 127 Угол. Улож.

11) Время привлечения к дознанию — «26» ноября 1906 года.

12) Место производства дознания — СПб. Губернское Жандармское Управление.

... 14) Время первого допроса — «8» июня 1913 года.

... 16) Принятая мера пресечения — ... Подписка о неотлучке с места

жительства в Мустамьяках в Финляндии с 8-го июня 1913 года. ... 19) К какой именно партийной организации принадлежит. — К Р. С. Д. Р. Партии.

Вр. и. д. Начальника С.-Петербургского
Губернского Жандармского Управления,
полковник (подпись)

№ 13686. 10 июня 1913 года

(ЦГИАМ, ф. ДП, 7, д. 2291, 1906 г.)

19

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

15 июня 1913, Капри

Дорогой Иван Павлович!

Последнее письмо от Марии Федоровны было из Киева, от 4-го числа, девятого она вызывалась в охранное, сегодня 15-е.

Значит — она не писала одиннадцать дней. Чем это объясняется? Очень беспокоюсь.

Будьте добры, известите меня о ее здоровье и намерениях в ближайшем будущем. [...] Очень жду ответа. Нельзя ли телеграфом — если все благополучно, — телеграфируйте — «да», если же что-нибудь случилось — «пишу».

Жму руку.

А. Пешков

20

А. М. ГОРЬКИЙ — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

16 июня 1913, Капри

Две недели нет писем. Весьма встревожен.

Алексей

21

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО Н. А. РУМЯНЦЕВУ

16 июня 1913, Капри

Дорогой Николай Александрович!

Газеты из Киева своевременно мною получены, прочитаны. — Очень я благодарю Вас за любезность и трогательное внимание! В открытке Вашей Вы пишете: «Жду известий». Я — тоже жду их, жду с великим нетерпением и тревогой.

Последние письма М. Ф. были из Киева от 3-го, 4-го, сегодня уже 16-е, и за двенадцать дней от нее ни слуха ни духа. 9-го она должна была быть в охранном. Представляете состояние мое? Очень невеселое состояние...

22

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

18 – 19 июня 1913, Капри

... Вчера, 17-го, получил наконец письмо от Марии Федоровны — вздохнул свободно, а то, право, черт знает что лезло в голову. Времена крутые. [...] Видели Вы М. Ф., передали ли ей все, что следовало?

Каковы ее впечатления? Очень бы хотелось знать все это, — напишите, прошу!

23

ИЗ ПИСЬМА И. П. ЛАДЫЖНИКОВА А. М. ГОРЬКОМУ

19 июня 1913

... В Мустамяках все, по-видимому, благополучно, но процесс Марию Федоровну тревожит; вызывали в охранное отделение уже три раза. Отношение жандармов порядочное (кажется, до поры до времени, они хороши вначале во всех процессах), но представитель прокуратуры ведет себя по-хамски. Дело, как говорят, ушло на заключение прокурора судебной палаты, от которого будет зависеть прекращение его по отношению к Марии Федоровне или дальнейшее направление — к суду. Пока же гласный надзор — надоедливый, нервирующий Марию Федоровну. За границу отпускают, так заявили на словах. Я советую ей сейчас же взять загранпаспорт, пока есть хотя бы словесное разрешение на это, и вчера она должна была приехать в Петербург за подачей заявления о паспорте.

Рассказал Марии Федоровне все о Вас, про дело с Пятницким, о сборниках, разговорах, говорили целый день. Если в охране не будут препятствовать, Мария Федоровна предполагает через 10 – 14 [дней] выехать за границу, может быть до Генуи. Об этом она уже написала Вам, но возможно, что будут ей ставить препятствия к выезду...

24

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО Н. А. РУМЯНЦЕВУ

25 июня 1913, Капри

... Сейчас телеграфировал Мустамяки:

«Усердно прошу поезжай прямо Rimini». Как только получу ответ — тотчас двинусь и сам, а до известий от нее [Андреевой] постараюсь закончить бесконечные мои дела...

25

**[ИЗВЕЩЕНИЕ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ПРЕКРАЩЕНИИ
СУДЕБНОГО ДЕЛА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ]**

От Департамента Полиции объявляется жене д. с. с. Мария Федоровой Желябужской о том, что уголовное преследование ее по делу о конторе редакции газеты «Новая жизнь» определением С.-Петербургской судебной палаты от 17 минувшего июля прекращено с отменой меры пресечения.

За Директора
Исп. обяз. Вице-Директора *Васильев:*
За делопроизводителя *Ефимов*

ПЕРЕПИСКА, ВОСПОМИНАНИЯ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

9 апреля 1913, Москва²³⁶

Дорогая Мария Федоровна!

Простите за задержку ответом. Знаю, что это очень нехорошо, но я не рассчитал своих сил и не одолел всей непосильной работы, которая в последний месяц свалилась на меня. Не хватает не столько времени, сколько жизненной энергии, чтоб исполнить все, что надо и что хочется сделать.

Вы не должны сомневаться в моей полной готовности придти Вам на помощь. Мне не трудно будет это сделать в студии, где я пользуюсь авторитетом, и потому там я весь к Вашим услугам, насколько мне позволят время и текущая работа. Я с радостью поделюсь с Вами всем, что знаю и умею.

В театре — другое дело. Там многое изменилось для меня. Я уже не пользуюсь авторитетом, хотя и прикрываются моим именем, я не имею ни юридических прав, ни голоса, от которого мне самому пришлось отказаться по чисто внешним и случайным причинам.

В театре я могу ходатайствовать, но не решать. И я ходатайствовал, но — пока безуспешно²³⁷. Враждебного отношения к Вам я не заметил и думаю, что его нет. Нет ролей, нет свободных денег; некоторое недоверие к тому, что Вы расстанетесь с прежним амплуа и помиритесь с более скромной ролью в театре; вот реплики, которые мне пришлось слышать при разговоре о Вашем возвращении на нашу сцену. Должен быть справедливым и констатировать, что все эти возражения делались с каким-то недоумением, с какой-то беспомощностью и как бы извиняясь.

Как быть и как действовать на будущее время? Для этого необходимо увидаться и переговорить. И я надеюсь на это — в Петербурге или в Одессе. Только при личном свидании можно договориться, главное, почувствовать все детали сложного вопроса, который стоит предо мной. Если наше свидание в Петербурге невозможно, то, быть может, Вы укажете мне, с кем из Ваших близких я могу совещаться по этому делу. Мой адрес в Петербурге: Михайловская, «Английский пансион» Шперк (комната № 9).

Что касается до Вашего долга мне, предоставляю распорядиться так, как Вам удобнее. Я нисколько не тороплю Вас уплатой. Хотите — рассчитаемся со временем, по продаже земли, хотите — передайте мне долг земель, хотите — изберите иной способ. Словом, предоставляю Вам распорядиться по Вашему усмотрению и так, как Вам удобно.

Виноват я и перед Алексеем Максимовичем в том, что не держал его в

курсе наших проб по «commedia dell'arte»²³⁸.

Сулер, который занимался подготовительными работами по этим пробам, написал уже подробно Алексею Максимовичу²³⁹.

Но секрет в том, что самой сути мысли Алекс. Макс, т. е. того, что так прекрасно выражено им в его статье, переданной мне Румянцевым, никто еще не знает. Я никому не показывал этой статьи, боясь, что она попадет в газеты. Пока же идут упражнения, подготовка учеников 1-го курса (так как старики не годятся на эту работу; они слишком заражены штампами и актерскими привычками, чтоб отдаваться непосредственности аффективного переживания).

То, чего хочет Ал. Макс, не так просто. Теперь, после года работы, мы начинаем подходить к тому, что нужно. Но вот беда. Невозможно удержать в тайне то, что происходит в студии, и наши пробы попали в газеты. Ко мне пришел Эфрос и заявил, что не нынче-завтра появятся статьи о тех упражнениях, которые мы делаем. Лучше, чтоб он деликатно написал об этом, чем другие сделают это кое-как, наскоро. Я просил его написать об этом Алексею Максимовичу. Но Эфрос боялся, что на это уйдет много времени. Каюсь, он убедил меня, и я рассказал в общих чертах, через каждые три слова упоминая, что мысль не моя, а принадлежит Ал. Макс. Статья вышла не очень удачна и не очень точна. Возражение, дополнение придадут всему делу рекламный характер. Лучше всего молчать пока, тем более что никто, кроме наших учеников, не сможет делать это трудное дело совместного творчества. Когда я еще соберусь написать обо всем этом Алексею Максимовичу? Не откажитесь, при случае, пока сообщить ему суть этих строк. Очень хочу повидать Вас. Буду ждать этого свидания. Надеюсь, что оно состоится в Петербурге, куда я уезжаю в пятницу на страстной.

Целую Вашу ручку и шлю Вам сердечный дружеский привет от себя, жены и детей.

Искренно любящий и сердечно преданный

Ваш К. Алексеев
1913 – 9 – IV

27

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

9 апреля 1913, Мустамяки

Дорогой друг, а от себя для Вас еще прибавлю: Алексей Максимович очень болен нервами, очень устал и измучен, его надо всеми силами беречь и охранять от всех нежелательных, неприятных впечатлений. Всю ответственность за источник, откуда я черпаю временно средства для ведения дела со «Знанием», — я беру на себя. Это мой долг, а покрывать его будем постепенно, из сумм причитающегося Алексею Максимовичу гонорара. Конечно, таким образом, чтобы он сам не сидел без гроша, частями и по мере возможности. Пусть он знает одно — я нашла возможность достать денег в долг, а где и как — это его не касается. Так нужно, чтобы не волновать его. Деньги будут: я решила подписать контракт в Москву, в Свободный театр²⁴⁰,

minimum это 12 тысяч в год, а может быть, удастся выговорить и больше. Я писала Алеше, предлагая ему денег — тысячи две, с тем чтобы он поехал куда-нибудь отдохнуть, лучше всего путешествовать. Очень прошу Вас, поддержите меня в этом. Вообще — сколько только можно, питайте его хорошими впечатлениями. Все, мол, будет, и все будет хорошо. Рассказывайте ему о стачках, о подъеме, обо всем, дающем надежды²⁴¹, плохое — он и сам все видит и уж слишком фиксирует на нем все свое внимание!

Завидую Вам, что увидите его. Скажите ему, чтобы берег себя, а если, мол, удастся сделать то, что задумано, то все будет ладно. Деньги будут — тем более что на следующую зиму я буду в Москве, значит, будет и журнал и издательство.

Спасибо Вам, голубчик, за все большое спасибо!

Ничего, еще поработаем мы с Вами вместе во славу божию.

Ваша М. Ф.
9/IV

Не сердится пусть на меня Екатерина Ивановна!
Целую ее и Наташу.

28

В. И. КОЦЮБИНСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*27 апреля 1913, Чернигов*²⁴²

Дорогая, хорошая Марья Федоровна!

Вашу доброту, сердечность я особенно ценю и от всей семьи и от себя говорю Вам великое спасибо за Ваше такое сочувственное отношение к нам.

Михаил Михайлович постоянно жил воспоминаниями о всех каприйцах, и в частности о Вас, Марья Федоровна; очень огорчен был, что не имел Вашей карточки, и, когда я в одну из поездок в Киев к врачам случайно купила Вашу карточку-открытку, он несказанно был рад²⁴³.

Медленно угасая и страдая ужасно, он в минуты облегчения строил планы ближайшей поездки на Кавказ и очень горевал, что больше не увидит Капри и всех живущих там дорогих ему людей. Какая ужасная болезнь и каким он был мучеником, до последнего вздоха не теряя сознания и временами прося помочь ему прекратить мучения. И разом с тем — такая жажда жизни! Любимая работа... дети... все не пускало его, и он плакал, часто плакал, а сердечная тоска мучила его. Как все ужасно!

Детей жалко — в таком возрасте, что именно нужен, как никто, батько, бедняги переболели душевно, переживая первое страшное горе, и чувствовалась какая-то беспомощность. Теперь экзамены несколько отвлекли.

Слепая старуха мать, еле пережившая свою тяжкую утрату, теперь вечно оплакивает Мих. М-ча и создает ужасную, тягостную домашнюю обстановку. Так все еще живем недавно пережитым, где боролись надежда и отчаяние, наконец — тяжкая утрата — все это заполняет нашу жизнь. Еще раз спасибо, дорогая Мария Федоровна. Никогда Вас не забуду. Счастья Вам желаю.

Вера Коцюбинская
27 апреля 1913 г.

29

ПЕТКО ТОДОРОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

5 мая 1913

Глубокоуважаемая Мария Федоровна!

Только что получил Ваше письмо и спешу сказать, как рад был Вашим строкам. Прежде всего радуюсь Вашему хорошему отношению к Алексею Максимовичу, хорошо, что Вы его сохранили. В моих воспоминаниях о Капри остались Вы с Алексеем Максимовичем — вы так хорошо дополняли один другого.

За эти долгие и жестокие месяцы, которые я провожу вместе с моим народом, часто и очень часто вспоминаю с самым хорошим чувством о вас обоих. Радуюсь Вашему возвращению на сцену, это возвращение, по-моему, — возвращение к самой настоящей Вашей жизни. От души желаю Вам наполнить эту жизнь здоровой силой, подлинным делом и успехом. Надеюсь, что, по воле аллаха, я буду наслаждаться Вашим искусством после всего этого кровавого одурачения и мои земляки будут иметь возможность аплодировать Вам здесь.

Если и для своей «Самодивы» я смогу воспользоваться Вашим талантом, то я не хочу большего ни для себя, ни для своего произведения. Но я Вам еще на Капри говорил²⁴⁴, что перевод этой вещи на русский язык не годится; теперь у меня есть и второй перевод, однако я не думаю, что и он был бы удовлетворителен. Дело в том, что из всех моих вещей эта — одна из самых красочных и все дело в нюансах поэта. К сожалению, люди, которые брались за перевод, не знали как следует русского языка и если прямо не тушили характеристики моих слов, то искажали все: свежесть балканских трав и запах их путали с дешевыми румянами и одеколоном.

На днях я вышлю два перевода, и, если Свободный театр возьмется за дело, я думаю, с помощью этих переводов какой-нибудь русский молодой писатель сделал бы третий хороший перевод. Да, может быть, и я приеду в Москву и смогу этому помочь. Теперь я Вас прошу, Мария Федоровна, только об одном: прочесть и разобраться как-нибудь в этих переводах и потом написать мне Ваше впечатление о «Самодиве». Мне кажется, что там есть довольно благодарный материал и для артиста и для режиссера. Особенно во втором акте (со всеми этими костюмами и дикой самодивской пляской, песнями среди балканских гор) можно многое сделать.

Последняя пьеска, о которой Вы спрашиваете, называется «Мать», но она пока не переведена на русский язык и не знаю, насколько пригодилась бы Вам, ибо не забывайте — она только в одном акте. Вместо пьесы «Мать» посылаю ту драму, о которой говорили с Алексеем Максимовичем, если Вы только вспомните, — «Строители». Она переведена, мне кажется, немножко лучше, чем «Самодива». Теперь я веду переговоры о ее постановке с парижским Антуаном. Так как пошла мода на Болгарию, он хочет ее поставить, но опять

тот же камень преткновения: нет хорошего переводчика, и не только переводчика, но и, как он требует, истолкователя, знающего французский язык. «Строители» — моя первая вещь, там есть легко исправимые шероховатости, но она показывает всю трагедию моего народа с момента, когда он вступил в сознательную жизнь. Может быть, это будет интересно и Свободному театру. В ней одна только женская роль, и я очень хотел бы соблазнить ею Вас — ведь это же болгарская прекрасная Елена!²⁴⁵

От души желаю Вам успеха в Киеве и буду весьма рад, если Вы дадите мне знать, как прошли Ваши гастроли.

Жена и я шлем Вам искренний и сердечный привет и желаем всего доброго.

Преданный Вам *Петко Тодоров*

София 5 май 1913

Адрес: Петко Тодоров Народна Библиотека

30

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

28 августа 1913, Мустамяки²⁴⁶

Милый друг! Был у меня сегодня Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. Знаю, что хотя он и порядочный, милый человек, но человек легковесный, и все-таки думаю, что из нашей беседы с ним может выйти нечто весьма удачное, а может быть, и хорошее.

Дело в том, что у Бойчей, как ты, должно быть, знаешь, было затеяно свое крошечное книгоиздательство. Сейчас к ним присоединился Шапшал (табачник, но доктор медицины). Деньги у Шапшала есть, и не маленькие, Бонч говорит о капитале в 300 тысяч рублей. Сейчас их книгоиздательство называется «Жизнь и знание», и, по всей видимости, им до смерти хочется быть тем, что некогда было «Знание». Пока, без должного руководителя, это дело без руля и без ветрил, хотя Бонч и уверяет, будто «родился под печатным станком, всю жизнь вертелся возле печатного и книжного дела и досконально изучил его». Отчего бы не попробовать взять это дело в свои руки, тем более что люди они благонамеренные, порядочные и, по всему видно, жаждут залучить тебя в свое дело? Прежде всего, мне думается, надо сунуть туда Ивана Павловича и Тихона²⁴⁷, а там увидим, что из этого выйдет.

... Ко мне Бонч пришел спросить, не дашь ли ты им что-нибудь. Предложила ему издать немедленно «Мать», «Лето», «Шпиона», «Городок Окуров», «Матвея Кожемякина», «Итальянские сказки» и «Записки проходящего», как ты хотел: 5000 экз. завод, по 1500 р. за каждый том. Бонч немедленно принял эти условия с удовольствием, выговорив только лишних 200 экз., назначенных ими к даровой раздаче. Я позволила себе дать ему за тебя принципиальное согласие на издание этих семи томов, так как ты и говорил и писал: «Продавайте кому хотите, только скорее и чтобы скорее выходили книги». Тут книги начнут выходить не медля ни одного дня, так как Бонч считает очень важным не пропустить осеннего сезона, как он говорит, а я помню — тебе главное хотелось, чтобы книги вышли скорее.

Затем он очень робко, *но очень горячо желая этого*, высказал просьбу — не примешь ли ты и более близкое участие в деле. То есть? Не пожелаешь ли ты вообще издавать твои книги у них в издательстве, так как они все-таки идейно ближе тебе, чем «Самоиздательство писателей» хотя бы? И сделал предложение: высылать тебе, ведя твой счет на тех условиях, которые оговорены для тех семи томов, которые ты склонен дать им, — по 1000 р. в месяц круглый год, *не считаясь с тем, дашь ли ты равное сумме 12 т/р. в год количество томов*, — то есть то, что делало в свое время «Знание», если я не ошибаюсь? Я обещала написать тебе об этом и узнать, как ты взглянешь на это предложение. Он же просил меня, чтобы ты свой ответ мне телеграфировал, так как для них страшно будет дорого твое согласие. В случае твоего согласия 1000 р. будет тебе переведена немедленно Иваном Павловичем, который и распишется у них в получении и заключит условие как доверенный. Я после ухода Бонча послала телеграмму Ладыжникову и жду его, чтобы переговорить по всяким делам.

Мне лично кажется, что нет никакого риска согласиться на их предложение: за семь томов они уплатят полностью — это несомненно, деньги у них есть; получать немедленно по 1000 р. в месяц за уже написанное во *всяком случае* избавляет тебя по крайней мере на восемь месяцев от необходимости работать принудительно и спешно.

... Теперь о пьесе²⁴⁸.

Иван Павлович телеграфировал мне: «Вызывайте Марджанова. Алексей Максимович телеграфировал передайте пьесу Марджанову», а от Марджанова я в тот же вечер получила телеграмму: «Писал больше недели тому назад длинное письмо, очень хочу скорого Вашего приезда, могу сам приехать в Петербург, телеграфируйте, когда можете принять меня. Примите мой горячий привет, Марджанов». И 20 слов ответа уплачено.

Для меня вне всякого сомнения, что за «Зыковых» Марджанов ухватится обеими руками, об авансе нечего и говорить. Но не знаю я совсем, кто у них в труппе, не испортят ли они пьесу²⁴⁹, ведь «Чудаков» уже испортили. И еще смущает меня все-таки, что хоть и «художественная», а оперетка значится в программе Свободного театра. Позволь мне сначала посмотреть самой на то, что у них делается и происходит. По телеграмме Марджанова ты увидишь, что мне на этих же днях придется ехать в Москву. Туда пиши мне: Каретный ряд, Контора Свободного театра, М. Ф. Андреевой, между прочим, пока не сообщу тебе точного адреса. Аванс в две тысячи я могу взять у Марджанова под обещание дать им твою мелодраму, которую ты хочешь написать для театра, а не напишешь — этот аванс вычтется из моего гонорара, так что для них риска нет никакого, для нас же с тобою не все ли равно, не так ли, кто за кого ответит? Помни — как бы я ни была занята в театре и своими делами, это не может помешать мне заботиться о твоих, ибо твое дело тем самым и мое, и я постараюсь нигде ничего не упустить.

Неприятно, что со свойственной ей бестактностью и желанием угодить Немировичу Татьяна Васильевна напутала с твоей пьесой [«Зыковы»] и мне придется еще раз прослыть за интриганку.

Получила от нее письмо: «Я говорила с Владимиром Ивановичем о пьесе. Он очень ждет ее. Он обожает Алексея Максимовича, и ценит, и ставит высоко. Кажется, написал уже и насчет “Бесов”²⁵⁰, и хотел писать все лето. О пьесе он телеграфировал А. М., но Алексей Максимович ответил ему, что пьеса у Вас. Вышлите ее на имя Коли».

Написала ей: «Голубушка моя, пьесу Николаю Александровичу выслать не могу, так как Алексей Максимович прислал мне телеграмму с просьбой задержать пьесу у себя, пока не получу от него письма. Должно быть, до него дошло “Русское слово” с интервью Владимира Ивановича по поводу “Бесов”, а также известие о репетициях и о постановке этой инсценировки в Художественном театре. Вы не могли забыть, что говорил Алексей Максимович по этому поводу в Римини²⁵¹: что он находил необходимым протестовать против этой постановки не только актерам Художественного театра, но и обществу. Владимир Иванович в своем интервью даже не коснулся этого антиобщественного значения романа “Бесы”, и его объяснения вряд ли могли переубедить Алексея Максимовича. Пока я не получу письма от Алексея Максимовича, пьеса останется у меня».

... Очень мне по душе твое решение прямо печатать пьесу в том случае, если она не пойдет у Марджанова, то есть если я увижу, что в Свободном ее играть некому. И лучше всего отдать ее Сытину, этим сразу ты погасишь аванс и получишь еще некоторую сумму в остатке. Ну, да это еще мы увидим, как лучше сделать.

Был у меня Тодоров. Страшно убит, говорит, что «Болгария кончена»²⁵², рассказывает ужасные вещи.

... О тебе говорил с великою нежностью, хочет писать тебе, говорит, что ты самое светлое, что он встретил и видит в России. Попал он тут очень неудачно — никого из нужных ему людей нет; «Грядущий день» будет печатать его «Строителей», а у Волынского — то есть на квартире Пятницкого, где тот и живет, — актер Ходотов будет эту пьесу читать «избранным»; тут же произойдет и чествование Тодорова как писателя, чем он очень смущен, так как «не время кому-либо из болгар думать о себе». Отказаться же считает невыгодным для своей миссии. Может быть, и правда. Пятницкий был у него с визитом и, не застав, оставил ему свою карточку. От товарища своего, Койгена — одного из редакторов «Грядущего дня», — Тодоров знает, что Пятницкий совместно с ними затевает новую большую ежедневную газету на смену «Русской молве». Поживем — увидим. Тодоров обещал написать мне о том, как пройдет чтение и каковы будут его впечатления, а также и о своей встрече с Пятницким. Кроме того, он собирался быть у меня еще. Если приедет Марджанов — я буду в Петербурге и познакомлю их, может быть, что-нибудь будет интересно поставить из его пьес, все-таки может быть лучше «Плача Рахили»²⁵³.

... За последние дни столько вижу народу, приходится много говорить, напряженно думать, и я несколько устала, но это ничего. Попаду в Москву — там еще круче придется. Пишу я тебе много и буквально обо всем.

Ты не сердись на меня? Не сердись. Если я даже когда что и не так

напишу — не ставь мне всякое лыко в строку, а всегда помни: «Эта — думает всегда только обо мне, чувствует ко мне одно хорошее, да и желает мне одного доброго». Хорошо? Пожалуйста!

... Прочла я пьесу — очень мне понравилась, очень! Если пойдет она в Свободном, я буду Софью играть, хорошо? Мне кажется — смогу...

Ну, будь здоров, будь здоров!! Обнимаю тебя сердечно.

М.

Сент. 8/28 авг. — 913

31

[ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ТЕАТР»]²⁵⁴

У каждой истинной, творческой артистической души есть своя жизнь.

У одних — эта жизнь горит немеркнущим пламенем исканий, ярким огнем вечных сомнений, страстных порывов — это жизнь на перепутье, заволокнувшемся туманом, с манящими где-то вдали светлыми огоньками...

В других душах течет ясная, спокойная жизнь... Но это не спокойствие сытости, не тихая леность устоявшихся стремлений и мыслей... Это ясный путь, озаренный чистым светом углубленной мысли. Это ясная мудрость человека, нашедшего свою правду, свою дорогу после мучительного, долгого перепутья.

Жизнь так пленительно красива, так увлекательно интересна, а люди не видят и не хотят видеть этого. Наше искусство, наша литература, современный театр отражают только теневые, неприглядные стороны жизни, они не зовут нас к радости, к активности, к жизнедеятельности. Помните, у Келлермана: «Благословен закон бренности, вечно обновляющий жизнь». Вот о чем должно нам напомнить, к чему должно звать нас искусство.

Задача театра — преображение жизни, но жизни во всей ее совокупности. А жизнь в своей совокупности — прекрасна, еще прекраснее она в творческом преображении...

За эти годы я столько видела интересного, богатого, красивого, столько накопилось в душе. Захотелось хоть часть этого отдать людям, вернуть жизни. Говорили, что я смогу это сделать, — вот я и вернулась на сцену.

Я далека от споров о главенстве актера на сцене, о засилье режиссера. Идейного «местничества» быть не может, одна художественная индивидуальность не может давить другую. Я признаю, что истинное творчество живет только в сотрудничестве.

И теперь, прислушиваясь к еще до сих пор не утихнувшим спорам об актере и режиссере, к обвинениям Станиславского в угнетении артистической индивидуальности, я решительно возражаю против этого, да и разве же можно сломать или уничтожить истинную индивидуальность?

Вы спрашиваете меня о том, к чему тянет меня в театре, что близко мне сейчас: комедия, драма, трагедия? Я не могу вам дать обобщающего ответа. Близость той или другой роли я узнаю только в процессе работы, в минуты переживания этой роли. Раньше, еще в начале деятельности, Станиславский

говорил, что комедия более подходит к моей индивидуальности. Потом у меня была мечта сыграть Ибсена. Теперь я не прочь сыграть «Гедду Габлер». Хочется также попробовать свои силы в трагедиях Шекспира. Но это все только одни необдуманные желания. Нужно сначала оглядеться — узнать, что нужно театру?

Вы спрашиваете меня о моих взглядах на проблемы современного театра? В 1908¹ году к нам приезжал К. С. Станиславский, мы много говорили тогда на эти темы; зимой я слышала и читала о московских диспутах — мое личное мнение, что в рассуждения о театре не нужно вносить столько риторики, столько словесных подразделений и категорий между «переживанием» и «изображением». На сцене для меня не может быть разницы — тот, кто искренне хорошо играет, тот не может не чувствовать, не переживать.

Отвечая на ваш вопрос о значении актера, я повторяю: истинное вдохновенное творчество рождается только в сотрудничестве, каждая единица хороша только в коллективном творчестве, только связанная с коллективом.

32

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

28 сентября 1913, Москва²⁵⁵

28/IX

Надеялась я Сытину все подробно рассказать о синематографе²⁵⁶, да не вышло дело. По памятной записке, которую я ему дать успела, он сможет рассказать тебе только, очень схематически, разве об одной организационной постановке дела в настоящую минуту. Сейчас мы ищем денег, нужно тысяч 20 предварительно, чтобы заплатить нотариусу за наш договор, за общий договор со всеми вкладчиками и чтобы внести первый взнос Лианозову²⁵⁷. Эти двадцать тысяч рублей мы тотчас же вернем из тех 90 тысяч рублей, которые нам дает «Биохром», общество с капиталом в 2 миллиона рублей, купившее цветные ленты Подгурского (русского инженера) и покупающего или перекупающего у Давыдова — тенора Кинетофон Эдисона²⁵⁸. Но Эдисон сам изобретает биохроматические ленты, и, узнай он, что мы уже имеем русское изобретение, он своего Кинетофона нам не уступит. Дело, как видишь, затеяно большое. Если оно удастся, целая периферия окраинных синематографов, да не только в Москве, а во многих местах, обеспечена. Бархатный синематограф нам нужен вместо мецената, он даст средства и заменит рекламу, вот для чего мы о нем хлопочем. Рассчитано все так, чтобы, щедро оплачивая труд работающих в деле, никто не брал себе наживы, но отдавал ее на расширение и поддержание основной идеи.

Удалось устроить и еще одно дело — вчера Марджанов громогласно объявил на общем собрании Свободного театра, что при большой сцене параллельно будет устроен зал Камерного театра, в котором каждый участвующий «может выявить себя». «Алексей Максимович уже давно носит с идеей коллективного творчества, мечтает о театре импровизаций. Он не

¹ Ошибка в газете: К. С. Станиславский приезжал на Капри в 1911 г. — *Ред.*

откажет нам в своем участии, и нам выпадет на долю честь провести его идею в жизнь, если мы сможем и сумеем. Каждый, кто знает нечто новое, интересное, кто полюбил какую-нибудь идею, новое произведение в искусстве, будь то опера, драма, оперетта или пантомима, пластика, — пусть несет ее сюда, мы же дадим вам средства, музыку, оркестр, костюмы, все, — и строим сцену и зал на 100 человек публики. Может быть, из этого выйдет что-нибудь интересное, хорошее». Марджанова качали, Балтрушайтис низко кланялся ему, «давшему возможность», и т. д.

Ты все спрашиваешь, каковы мои отношения с Марджановым? Пока такие, что только бы не надо еще лучше. Говорит он со мной обо всем, советуется, каждое сделанное замечание принимает восторженно, поставил меня в труппе на положение идола. Но — я его побаиваюсь, он может быть очень несдержан, бешеного нрава человек [...].

Санин делает разные мины, но со мной очень любезен и мил. В театре его держат в черном теле, покрикивают на него, а я с ним неизменно вежлива и держусь как со старым товарищем, он это понял и, кажется, оценил.

Пока в труппе, особенно среди женщин, в моде «влюбляться» в меня. Меня прозвали «светлая», все кланяются, даже с кем я и незнакома, ведь 240 человек труппа и оркестр, да человек 200 – 300, кроме того, служащих!

Театр Симов [В. А.] отделал восхитительно, строго, скромно и удивительно красиво. Все — дубовое дерево, не кричит, очень изящно и не «стиль нуво», прямо осатаневший! Прелестно сделан Сомовым [К. А.] занавес, весь вышитый, из разных кусков материи, — изумительное искусство, я тебе пришлю фотографию. Но стоит он — 15 тысяч рублей! Это уж нелепо, тем более что занавес непрочный. Вообще до поднятия занавеса истрачено 600 тысяч рублей.

Видела я генеральную «Сорочинской»²⁵⁹, постановка Санина, и блестящая! Прекрасные голоса, хорошо играют, масса веселого, легкого, хорошая музыка, оркестр. Чудесно! И смотрела два акта «Прекрасной Елены» — постановка Марджанова. Ну, Константин Александрович, конечно, не может без выверта, но на этот раз удачного, по-моему. Когда открывается занавес — на сцене стоит огромная греческая ваза и на ней застыли фигуры — Елены, Париса, Менелая и т. д. Затем фигуры оживают и идет первый акт. Есть длинноты, остроумие не всегда остроумно, Парис «от сохи» — грубоват и не совсем понятен, но смотрится и слушается с большим удовольствием и интересом. Восхитительно поет Елена²⁶⁰ и сама очень мила, как я тебе уже писала. Второй акт идет превосходно, трогательно, великолепно, очень изящен. Третьего еще не видала. Второй — стиль и костюмы Людовика XIV, я тебе писала уже?

Завтра посмотрю еще «Покрывало Пьеретты», пантомиму. Не знаю, нужно ли послать тебе все «интервью»²⁶¹, мнения, возражения Арцыбашева, Айхенвальда, Санина, Ф. Комиссаржевского и иных прочих, обидевшихся за Достоевского? Арцыбашев грубо ругается и говорит, что у тебя «не перо, а молот, не сердце, а барабан»; Айхенвальд стонет с ужасом — «на кого он руку поднял»; Санин бьет себя в грудь: «Не отнимайте у нас нашего Достоевского, он нам дорог»; Комиссаржевский тоже — как ему промолчать? ведь он — «брат

покойницы». Как ответил Художественный театр²⁶², ты уже знаешь из телеграммы Благова, как он мне протелефонировал. О Юшкевиче я тебе уже писала.

Просил он меня прочесть «Леона Дрея», и даже в жар его кинуло от моего отзыва²⁶³. Пришлось сказать ему, что он ничего нового не написал, что гораздо лучше, цельнее и художественнее Леон Дрей был написан Мопассаном и Золя, что его воображаемое «чудовище» просто ничтожная дрянь, плохо к тому же написанная, ужасным языком — «он погладил ее за спину», грязные подробности размазаны, все женщины на одно лицо и что, уважая его талант, радуясь всему, что он написал и напишет хорошего, я от всей души могу посоветовать ему только не печатать этой вещи нигде.

Конечно, он не согласился со мной, находит, что никто еще так, до самого дна не обнажал человеческой души, цинизма, что вот это-то и есть настоящая правда, так как люди — свиньи. Если бы можно было открыть все спальни, то в каждой была бы грязь, гадость, мерзость, и только в этом люди искренни, я же, М. Ф., построила свою душу на сваях и прожила, должно быть, в монастыре, не знаю, что жизнь именно такова, то есть гадость.

И жалко и смешно было, и знаю, что многое он напускает на себя. Жалко — потому что все-таки он талантлив! Буду, должно быть, играть его две пьесы, одну — «Бес», на большой сцене, другую — «Драма в доме», в Камерном. В «Бесе» кокетливую жидовку 25 лет, в «Драме» — герроиню «с руками, как белые голуби». О господи, прости и помилуй!

Ах да, забыла! Ты на Марджанова не сердись: пока сезон не начнется — он неменяемый человек, относится он ко всему неистово. Уже недели две спать не может, в театре проводит по 18 часов в сутки, не преувеличивая. Он бы тебе написал фолианты, если бы был в состоянии, к тебе же у него прямо благоговение, и это вполне искренне и тоже — неистово, как все. [...]

М.

33

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

29 и 30 сентября 1913, Москва

29/IX

Милый мой ангел, радость моя, прочла только что «Детство» — последнее, что напечатано, про пожар где²⁶⁴, — и вот сижу и плачу, как-то и от радости, что так хорошо, и от любви, и от жалости, ото всего, чего даже и не расскажешь!

Про другие твои вещи я могу говорить, про эту не могу — такое это родное, близкое и так я люблю тебя. Ты не раз спрашивал меня, почему не напишу про «Детство», — не могу. Очень я люблю бабушку, и мне почему-то чувствуется, что и она меня бы любила. Это не от самонадеянности, не оттого, что воображаю о себе слишком много, поверь, а родная она мне почему-то, и не только потому, что она твоя бабушка и любила тебя. Если тебе захочется подумать об этом, ты, может быть, со мной согласишься.

Поверь мне, Леша, когда я пишу тебе, что меня в театре прозвали

«светлой», что меня считают первоклассной актрисой, что Сытин так вот ко мне относится исключительно, — я де хвастаюсь, неставляюсь перед тобой, но у меня всегда где-то потихоньку дрожит радость: значит — я не так уж плоха, может быть, я больше подхожу ему, ближе к нему? Отнюдь ее принимаю я все это как должное! Я очень часто удивляюсь: неужели это ко мне действительно так исключительно почтительно относятся? За последние годы я видела к себе ото всех я со всех сторон совсем другое, другую оценку, ты знаешь, как я на этот счет не избалована.

Последние дни я очень занята — приходится бывать на репетициях в театре, Марджанов просил, я по неосторожности сделала несколько удачных замечаний, вот меня и запрягли. Сегодня в 1 час дня приедет ко мне с хормейстером актриса, играющая прекрасную Елену, буду с ней заниматься. Взясась руководить классами декламации в первой мужской гимназии, это даст кое-какой заработок и интересно. Согласилась быть профессором в драматической школе Александрова²⁶⁵, хочу давать частные уроки, благо много желающих. Очень нужны деньги, да и интересно все это.

Затем придется, должно быть, много работать в Камерном театре²⁶⁶. Вчера Балтрушайтис спрашивал меня, можно ли написать тебе и просить твоего участия и руководства. Я сказала, что можно, разумеется, так как тебя идея коллективно созданного сценического действия очень интересовала и ты пришел к ней уже несколько лет тому назад, говорил об этом К. С. Станиславскому, даже давал ему темы для Студии.

30/IX

Все еще шумят и волнуются по поводу твоего протеста²⁶⁷, читал открытое письмо Философова? Как все не на тему и неумно говорят и пишут! Большинство согласно с тобой, но мало кто смеет это высказывать. Вчера Оля Каменская предлагала мне подписаться под письмом присоединяющихся к твоему протесту, я объяснила ей, что мне подписываться нечего, так как я и ты это одно, во-первых, а во-вторых — я служу в конкурирующем театре и это было бы неудобное выступление, ибо многие все-таки знают, что я твоя подруга, что ли, хотя ты и живешь, видимо, не со мною. Подписей будет не больно много, и это жаль. Говорят, что среди молодежи идет такая же подписка, но сейчас все отвлечены очень делом Бейлиса²⁶⁸, это несомненно мешает.

Сытин уехал в пятницу 27-го (10-го), так и не заехав ко мне еще раз, хотя и обещал. Очень беспокоюсь я, как вы там с ним говорить будете и не вышло бы чего-нибудь нежелательного для тебя, очень ты не приспособленный для практических разговоров «аппарат», а главное, боюсь, не помешало бы это твоему выздоравливанию! Очень огорчаюсь, что Иван Павлович мне ничего не пишет и даже не телеграфировал ни о своем приезде, ни об адресе; что не сообщил о твоём здоровье и настроении. Объясняю себе тем, что это ты ему отсоветовал, сказав, что сам успокоишь меня.

Мечусь в поисках денег, нужно до зарезу, чтобы заключить договор; Каменский — медлителен и нерешителен, да и неудобно просить его хлопотать о деньгах, а Румянцев и рад бы достать, да ему не даст никто. А не найдем

денег в первых числах октября — прощай лианозовский договор, 90 тысяч «Биохрома» [одно слово *нрзбр*] и все наше предприятие отложится в очень долгий ящик, да и доверие будет подорвано. Смотри не скажи об этом Сытину, не надо.

От тебя вот уже неделя писем нет, последнее было от 3 октября заграничного, сегодня 13-е. Не знаю, где ты, и вообще на душе у меня темным-темно и грустно. А тут еще простудилась — шубы у меня нет, отопление еще не действует, и в комнате у меня северный полюс. На улице выпал снег, холодно, а тает, грязно и мокро.

Но ты, пожалуйста, не принимай этого близко к сердцу — авось простуда пройдет, придет от тебя письмо, Иван Павлович удосужится написать, с Сытиным все у тебя пройдет гладко, ты не разволнуешься и авось деньги найдутся. Это последнее труднее всего выполнимо.

Забыла написать: видела вчера В. Н. Бунину, она старалась говорить со мной дипломатически и выведать у меня: правда ли, что ты с Сытиным договорился? за сколько? правда ли, что будет новое издательство и какое? Я была глупа и ничего не понимала. Допытывалась, будете ли вы зимой на Капри, — сказала, что ничего не знаю наверное, но что у тебя есть настроение вернуться в Россию и пожить зимой на севере, а где будут остальные члены семейства, я не знаю. Смешная она и неумная. Иван Алексеевич звонил мне по телефону, и с ним мне повидаться хочется, но еще не успела.

Ну, будь здоров! Полетела бы я к тебе без страха на аэроплане, лишь бы увидеть, хоть на минуточку.

Твоя Маша

34

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ
Конец сентября – начало октября 1913, Москва²⁶⁹

Прочти немедленно.

Милый друг, вот о чем, чего не напишешь по почте, хочу сообщить тебе.

Московская стачка — симптом высокой ценности²⁷⁰, и это понято кем надо. Ведут себя глупейшим образом, снова провоцируют, хотя жестоко карать и т. д. Провокация, должно быть, удалась, но ей на этот раз не надолго придушить «фатально грядущее». Организованность и единодушие поразительные, не верь, если тебе будут говорить противное, это со страху; и все сами, без начальства, что очень грустно все-таки, хотя и неизбежно.

Эти события, весьма вероятно, не пустят тебя этой зимой в Москву; Малянтович говорил мне, что слышал от одного из московских прокуроров выражение: «Вот кабы мне в руки главного виновника вооруженного восстания, я бы его...» На вопрос: «Кто же сей?» — ответил: «Ну разумеется, Горький». Это нелепо и глупо, но увы, считаться с этим придется. Меня пока, к удивлению того же Малянтовича, не трогают.

Приезд твой в Финляндию и в Петербург, если ничего не изменится, обеспечен.

Меня тревожит твое отношение к договору с Сытиным. С Бончем, конечно, книгоиздательство было бы легче строить по твоему желанию, и не с кем бы тебе считаться, некого убеждать — они просто бы слушались. Сытина надо будет еще и впредь убеждать, все время напряженно работать с ним вместе, чтобы не было уклонений от твоих планов. Чтобы Иван Павлович вошел к нему в издательство — нужно время, хотя я глубоко понимаю, как он необходим. Положись в этом на меня и на ум и проницательность самого Ивана Дмитриевича [Сытина]. Он все поймет, только не надо сразу наседавать на него.

Затем поверь: сейчас самое главное — издание твоих книг! Это важно для публики (тебя снова прочтут), для текущего момента и для влияния твоего на этот момент. Уверяю тебя — я не ошибаюсь. Это самое важное. А второе, это даст обеспечение тебе, спокойствие в работе, это поможет даже в разрешении вопроса со «Знанием». Поверь, что условия очень хорошие. Третье — для будущего важно, чтобы у Сытина осталось убеждение не только в нашей полной солидарности и твоём доверии ко мне, но и в моей трудоспособности, некотором понимании дела и твоих желаний и предначертаний. Не обижайся на его недоверие к Ивану Павловичу, это пройдет, он увидит правду и оценит его, но, если его сейчас «сунуть» в дело, это ничему не поможет.

Не забудь также, что Сытину нечего знать о наших тревогах и сомнениях. Лучше, чтобы он был уверен в твоём скором приезде на север — в Швецию ли, Норвегию, Финляндию или в Петербург — там видно будет, тем более что это — наша надежда и мы с тобой верим в эту возможность! Ты сумеешь и сможешь руководить, живя поблизости, а не в самом Петербурге, лишь бы тебе поправиться.

Ну, до свиданья, Лёня. Знал бы ты, как мне тебя видеть надо.

М.

35

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

14 октября 1913, Москва

Телеграмма²⁷¹

Всей душой горячо желаю Вам и всем, кто с Вами, счастья, радости, художественного удовлетворения и здоровья.

Мария Андреева

36

М. Ф. АНДРЕЕВА — ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

14 октября 1913, Москва

Телеграмма

Поздравляю Вас и всех, кто пришел с Вами в Художественный театр, от всей души.

Мария Андреева

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

19 октября 1913, Москва

Милый мой Евгений, как часто с нами бывает — мы подумали одновременно написать друг другу, и наши письма разминулись.

Ах вы, бедные мои Макарики! Вот уж повадились на вас шишки валиться, не пора ли и перестать? Увидимся мы скоро, тогда поговорим обо всем, только смотрите берегите сердце: говорят, я похорошела, помолодела и ни один смертный, и даже бессмертный, не может безнаказанно лицезреть столь ослепительное явление. О господи!

Пережить мне пришлось тоже большую передрыгу, так как хотя слухи о болезни А. М. и сильно были преувеличены, но болен он был серьезно и, не подвернись счастливый случай, не приехал бы к нему доктор Манухин, — через год А. М. не стало бы, наверное. Сейчас пишут, что туберкулезная пневмония (воспаление легкого) прошла, прекратилось бронхиальное состояние левого легкого, оба легких очистились и надо только выдержать так называемый Nachkur, дать зарубцеваться легкому и подкрепить общее состояние, а главное — нервы.

Вы знаете, который день я пишу Вам? Вот так все время — то телефон, то посетители, просители и т. п., то самой надо бежать куда-нибудь.

Собинова постараюсь повидать и поговорить с ним о секции²⁷². Но договориться обо всем подробно, в случае [если] он заинтересуется, придется Вам самому. Верчусь я как белка в колесе и утомляюсь нелепым положением «дивы», которую «все жаждут увидеть», а я до сей поры не знаю не только когда, но даже в чем именно я выступаю! Бестолочь невероятная. Волнуюсь безумно процессом Бейлиса — и срамом, который он навлекает на Россию, и тягостной нелепостью его, да и тем, что отразится он, боюсь, на общей жизни страны столь тягостными последствиями, что о приезде [Горького] и думать будет нечего.

Вера прислала мне милое письмецо. Вы поблагодарите ее от меня, писать ей не буду, скоро увидимся. Рада за маму, что она чувствует себя хорошо, бодро и молодо, — обожаю я эту женщину!

Жму крепко Вашу руку, друг. Вы смотрите не надорвитесь, уж больно Вы из сил выбиваетесь, право.

Ваша М.

Вы что ж это пишете мне на фамилию по паспорту [Желябужская]? Меня так тут в Москве и не знает никто. Я — Андреева.

19/X 913

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

27 ноября 1913²⁷³

Глубокоуважаемая Мария Федоровна!

Посылаю Вам копию условия²⁷⁴, посланного мною вновь Алексею Максимовичу и измененному согласно Вашему желанию. Думаю, теперь оно вполне Вас удовлетворит.

На присланных Алексеем Максимовичем книгах для набора, которые Вы мне передали, на некоторых томах стоит: «Максим Горький», на некоторых «М. Горький». Страницы эти читаны А. М., что видно из поправок. Пожалуйста, сообщите, какое начертание желательно удержать.

Если возможно, также сообщите *заглавия* остальных четырех томов: шесть Вы передали, один том еще — «Детство», — хорошо бы определить *название* остальных, дабы можно было их ввести в каталоги, которые мы сейчас рассылаем в больших количествах.

Всего Вам наилучшего.

Влад. Бонч-Бруевич
С.-Петербург, 27 ноября 1913 г.

39

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ
28 ноября 1913, Москва

Уважаемый Владимир Дмитриевич!

Большое Вам спасибо за милую деликатность!

«Максим Горький» значилось на иностранных изданиях по просьбе фирмы Ладыжникова потому, что его за границей именно окрестили «Максимом». Сам Алексей Максимович всегда подписывается «М. Горький», и так его и надо печатать.

Следующие томы будут, значит: VII — «Итальянские сказки».

VIII — «Записки проходящего».

IX — «Детство».

X — Мелкие рассказы.

XI — Сказки-сатиры и статьи.

Нумерация эта отнюдь не обязательна для Вас, конечно, я сообщаю только заглавия.

Получила письмо от Алексея Максимовича, в котором он пишет, что на днях займется редактированием остальных томов уже для Вас.

Привет Вере Михайловне и Вам.

Мария Андреева
28/XI 1913

40

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ
Конец ноября – начало декабря 1913, Москва²⁷⁵

Милый мой Евгений, давно мне хочется написать Вам, но так со дня на день откладываются да оттягиваются всякие «решительные» решения, так все еще неопределенно и неясно, что руки опускаются и — не пишется.

Не подумайте, что руки опускаются добиваться своего, нет, просто не хочется писать, говорить, пока не будет уже хоть бы какой-нибудь, хотя бы маленькой, синицы в руках... В Свободном театре все говорят о том, что решено поставить в первой половине января «Укрощение строптивой» со мной и Монаховым, но еще роли не розданы, режиссер еще неизвестен и о репетициях ни слуху ни духу. Вернее все-таки, что придется уходить²⁷⁶, и решится это окончательно не сегодня-завтра. Относительно будущего сезона дела обстоят так: Синельников зовет меня к себе в Киев и очень хочет, чтобы я служила у него, дает 1200 р. в месяц; Незлобии тоже хочет, чтобы я играла у него, но обещала ему играть не только в Москве, но и в Риге, и жалования дает 900 р., вряд ли больше. Мне хочется принять предложение Синельникова, но Н. А. Румянцев убеждает, будто незлобинское все-таки выгоднее, так как после Москвы ехать в гастрольную поездку по России выгоднее, чем после самого триумфального сезона в Киеве. Этот вопрос относительно будущего сезона решится тоже на днях. Пока сижу у моря и жду погоды — позиция для моего характера и нрава наиболее тягостная.

С синематографом тоже что-то заколодило, так как Н. А. Румянцев должен действовать совершенно один. С нетерпением ждем возвращения из-за границы Красина, который в этом деле необходим как воздух. Тихон, должно быть, кое-что рассказал Вам об этом?

В той области, в которой у нас с Вами общие положение и мучения, пока что держусь стойко и позиций своих не сдаю. Всем сердцем, всей душой желаю и Вам устоять в борьбе со стремлением к самоотречению и самопожертвованию. Ей-богу, я имею право сказать: «добра от этого не жди ни себе, ни тому, ради кого идешь на жертву, отрекаясь от самого себя».

Вот хорошо бы, если бы Вы свой конкурс на свободного художника, а я — на большую актрису сдали поскорее и с торжеством! Ей-богу, нарочно приеду, чтобы вместе отпраздновать эти события.

Все еще не могу устроить Вам Собинова, но это ничего, это устроится, я надеюсь. Собинов славный малый, хороший товарищ и отзывчивый человек.

Вообще — все будет хорошо, друг, лишь бы сами мы не сбрендили. Не сбрендим, а? Не хотелось бы!

Жму Вашу руку. Маме и Вере кланяюсь.

Ваша М.

41

Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

3 декабря 1913²⁷⁷

3 декабря, Харьков

Глубокоуважаемая Мария Федоровна!

Количество спектаклей с Вашим участием, новых ролей и вообще работы — все это приемлемо в моем деле. Я не особенно спешу с постановками новых пьес. Думаю, что времени для подготовки ролей тоже будет достаточно. Конечно, о времени, которое дается в Художественном театре, — не может быть

и речи.

Работа у нас кипит, и мы не превращаемся в чиновников или в говорящую машину. Значит, относительно работы мы сталкиваемся. Самое же главное — Ваш гонорар. Цифра, которую я могу Вам предложить (сезон 5 месяцев — 6000 р.), — это максимум, что позволяет дать киевское дело. Таких окладов, надо Вам сознаться, никто не может предложить (в провинции). Материальная сторона дела, то есть мой заработок, у меня на втором плане, и я предлагаю самые высокие цифры, лишь бы составить хорошую труппу. Тысячных окладов — не один, а несколько, и, как ни хорош Киев как город, любящий театр, — в конце концов он дает только то, что может. В газетах после моего отъезда появились статьи, в которых говорится о приглашенных мной артистах с громадными окладами. Пожалуйста, не придавайте значения: все это вздор и выдумки, не знаю уж чьи: гг. репортеров или артистов.

Так вот, Мария Федоровна, работать с Вами в одном деле я почту и за большую честь и за большое удовольствие. Киев прекрасный город, где можно хорошо устроиться и приятно жить. Верьте, что предложенная цифра — предел, за который идти невозможно. Если согласны — тотчас же вышлю Вам контракт.

Вы мне напишите о ролях, которые бы Вам желательно было бы сыграть, а я к сезону подготовлю работу, и с 15 августа приступим к репетициям, чего от души желаю.

Искренне уважающий Вас

Н. Синельников.

В текущем сезоне гастроли в Киеве, к глубокому моему сожалению, состояться не могут.

42

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВУ

Декабрь 1913, Москва

Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

Благодарю Вас за Ваше письмо от 3 декабря. Вряд ли Вы можете себе представить, как мне трудно, тяжело, неприятно и неловко говорить о деньгах, о гонораре и т. п. Никаких газет я не читала, в которых писали бы о тысячных гонорарах, предлагаемых Вами артистам, тем более, поверьте мне, не стала бы руководствоваться этими слухами в переговорах с Вами.

Вполне согласна с Вами, что и 1200 р. в месяц — оклад огромный, что гонорары за последние годы возросли до невероятных размеров, но люди опытные, я в этом деле совершенно неопытный человек, говорят, что туалеты в наши дни стоят так безумно дорого, что и большой гонорар с трудом оплачивает расход на костюмы. Разговаривая со мной, С. Т. Барский сказал вполне определенно, что если я соглашусь «идти на 7 тысяч рублей», он будет очень доволен приехать к Вам в Киев с этим известием, так как на эту сумму согласитесь Вы. Может быть, он ошибался? Но мне не хочется, мне больно было бы, если бы наша с Вами переписка-переговоры носила характер

торговли! Глубоко уверена, что Вы не захотели бы нарушать мои интересы, Николай Николаевич, и буду очень счастлива, если мне удастся у Вас хорошо, с воодушевлением работать.

Вы желали знать, какие роли мне хотелось бы сыграть? Иоанну Д'Арк — Шиллера; «Укрощение строптивой» — Катарину или «Много шума из ничего» — Беатриче; Лопе де Вега — «Овечий источник» [Лауренсия]; «Мария Стюарт» — Марию; Ибсена: Нору, Гедду Габлер; Горького: «На дне» — Настьку, «Зыковы» — Софью; новая пьеса в России неизвестного еще немецкого автора Кизера «Обучение любви» — жену профессора Елену, — боюсь, что я испугаю Вас таким количеством ролей!

Пьесы, в которых у меня были иггранные роли, С. Т. Барский записал себе на память.

Жму Вашу руку и верю, что будущий сезон оправдает наши обоюдные надежды.

Мария Андреева

43

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

*4 декабря 1913, Москва*²⁷⁸

... Свободный театр — это мои принципиальные, идейные, всяческие лютые враги. Враги! С которыми я готова была бы драться, а я служу у них в театре, по договору. Они хотят ставить пьесу (мистическую пьесу!) Блока «Роза и Крест» — это просто плохая пьеса, написанная плохим стихом, плохим языком, искусственная и фальшивая, а я должна буду играть в ней графиню Изору, и должна буду играть! Я спорила с ними сегодня до слез, до отчаяния, я отстаивала «Укрощение строптивой», «Овечий источник» Лопе де Вега, «Марион Делорм» В. Гюго, что угодно, но им все это не нужно, им нужны «красота» и «религия»! Иван Павлович, я не буду писать об этом Алеше, боюсь его еще больше растревожить, скажите ему сами об этом помягче и в подходящую минуту. Дело не в одних деньгах, которые я потеряю, уйдя из Свободного театра, дело в том, что я *должна сыграть в Москве*; если я уеду, не показав себя, — это отзовется на всей моей будущей деятельности самым жестоким образом, помешает мне как актрисе, помешает организовать какое бы то ни было «свое» дело!

Относительно синемо дело обстоит так: есть договор с Лианозовым, еще не подписанный, но обещанный; есть обещание Шаляпина играть исключительно для этого синематографа; есть тысяч 25 – 30 денег, данных двумя-тремя человеками; есть сочувствие Алексея Максимовича, но даже без права упоминать его имя; и есть обещание Л. Б. Красина принять деятельное участие в постановке техники²⁷⁹.

... Учредителями [об-ва] значились: Красин (прежде Каменский), Румянцев и я. Право вступить в учредители оговаривалось в самом начале для Алексея Максимовича Пешкова и Юрия Андреевича Желябужского. Затем согласился было пойти на эту роль Федор Иванович Шаляпин, но испугался и отказался.

Отказались и Фирсанова, и Дуван-Торцов, да и вообще вряд ли нынче капиталист пойдет на поддержку идейного чего-нибудь, боятся и — не интересуются. А. М. устранила я вначале, чтобы не трепать его имя. Брать нам деньги на театр ли, на синематограф ли с Алексея Максимовича — недопустимо! Слишком дорого они стоят, и рисковать ими — грех, да на это никто порядочный и не согласится.

Может быть, мне удастся вылезти, но вылезать — трудно. Рук я не складываю, духом не падаю, но — трудно. Алексей думает, что мы слишком заняты самими собой и из-за себя не видим общего? Нет, Иван Павлович, вижу, собой отнюдь не очень занята в душе своей, но знаю, чувствую, сознаю, что, не сделав *всего* для себя, не поставив себя в позицию сильного, власти, — ничего в настоящее время не сделаешь.

Надо мной посмеиваются, говорят, что я проповедую отжившие с.-д. истины, но меня побаиваются все-таки и хоть немного стыдятся. Какая я с.-д., чушь это, конечно, но я не могу быть только актрисой, которая для роли, для успеха готова ходить на голове и танцевать танго. И слава богу, что не могу. Я все умоляю А. М. ехать долечиваться. При первой возможности я постараюсь вырваться к нему, не уговаривайте его ехать в Россию — «неблагополучно в этом доме» и страшно мне за него...

Ваша душевно М. Ф.

«Розу и Крест» я играть не буду, скорее уйду из театра, но — не буду, это мистика и чушь!!

4/XII – 913

44

М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВУ

3 января 1914, Москва

Телеграмма²⁸⁰

От всей души поздравляю, горячо желая светлых долгих лет и много хорошего счастья.

Мария Андреева

3/1 – 1914

45

Н. Ф. и А. В. МОНАХОВЫ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

3 апреля 1914, Москва²⁸¹

3. 4. 914

МОСКОВСКИЙ СВОБОДНЫЙ ТЕАТР

Пишу Вам, дорогая Мария Федоровна, на бланке умирающего Свободного театра, который покидаю все-таки с грустью; с грустью, ибо с его смертью засыпают мои широкие перспективы²⁸², мои планы и возможность делать то, что всей душой хочется... Дальше — опять та же постылая оперетта с ее

пустотой, пошлостью, всякими танго и прочими «ценными достоинствами», от которых я, мне казалось, ушел уже без возврата.

Сел писать пасхальное поздравление, а начал с чего-то панихидного и противного. Беру себя за жабры и буду излагать все, что помню за время Вашего отсутствия. Прежде всего о будущем разветвлении блаженной памяти Свободного театра. В начале поста по инициативе Марджанова было собрано заседание, на коем присутствовали Носенков, Балтрушайтис, Таиров, Подгаецкий, Коонен, Асланов и Ваш покорный слуга. На заседании этом был предложен вопрос о создании нового театра на широких конституционных началах с самым нелепым репертуаром. Затем было поручено члену этого заседания, Таирову, составление бюджета будущего предприятия, который к следующему заседанию уже был готов и сумма баланса которого, если мне не изменяет память, была около 300 тысяч (помимо стоимости постройки театра, который должен быть выстроен кем-то и сдан милой компании за 45 тысяч в год; театр вместимостью на 1400 мест). Бюджет принят восторженно, и только оппозиция (Монахов) приняла его довольно прохладно, ибо в нем было много несуразностей. Затем приступили к самому главному — к составлению устава будущего товарищества. Вот отсюда уже пошло без восторгов. Таиров, автор устава, лишал Марджанова права руководить делом, а ставил его лишь исполнителем воли учредительного собрания, на что тот никак согласиться не мог. Ораторы собрания начали обмениваться перлами красноречия, потрясая всякие основы риторики, но все тщетно: Марджанов гордо покинул собрание. Оставшиеся постановили не печалиться и ни в коем случае не просить Марджанова о возвращении. После ухода центра оппозиция (Монахов) очень ехидно запросила о средствах на покрытие бюджета. Председатель отвечал, что средства будут изысканы путем приобретения пяти тысячных паев покровителями искусства и он уже знает таких, которые обещали приобрести в общей сложности... четыре пая. После такого ответа оппозиция безмолвно и без внешнего проявления какой бы то ни было гордости вышла и из собрания и из состава будущего товарищества. В тот же день в помещении Бюро встретились центр и оппозиция. Центр искал какого-нибудь перемещения в провинцию, а оппозиция создавала оппозицию предстоящего делегатского съезда. На днях узнал, что товарищество остановилось на мысли создания «Камерного театра».

Затем я попал на зубок к О. В. Гзовской, решившей уйти из Художественного театра. Она предложила мне службу у себя, то есть нигде, так как своего театра у нее не будет, а спектакли будут ставиться в клубах и частью вывозиться в ближайшие подмосковные города. Долго мы разговаривали и почти пришли к чему-то более или менее реальному, но в конце концов я трусил выступать только в клубах и почетно бежал с поля переговоров под крылышко оперетты.

В течение всего поста жил «общественной жизнью», то есть был делегатом на 2-м актерском съезде²⁸³, работал в нескольких комиссиях и теперь почил на лаврах: выбран в состав московского совета Театрального общества. Титул очень длинный и в высшей степени «важный» в смысле положения в обществе.

Марджанов подписал режиссером на несколько постановок в Ростов-на-Дону. Так прозаически закончилась карьера одного из директоров Свободного театра.

Теперь я немножко разгрузил себя сообщениями о всяких делах и с легким сердцем приступаю к самой сущности моего послания. В мае и в течение первой половины июня я буду выступать в Питере в театре «Луна-парк» и, конечно, очень хотел бы видаться с Вами и с милым Алексеем Максимовичем, которого я просто-напросто полюбил. Если Вы будете в Питере и если не поленитесь, то черкните — и самый первый визит будет к Вам.

Если бы всякое упоминание нами вас и о вас выражалось бы, как принято думать у нас, русских, икотой у вас, то, честное слово, вы оба давно бы обратились к доктору. Дня не проходит, чтобы у нас дома не вспоминались бы или Вы, или Алексей Максимович. Так уж по одному этому вы можете себе представить, как бы хотелось нам повидаться с вами.

После светлой заутрени мы, разумеется, не отставая от прочей матушки Руси, будем набивать себе желудки всякой пасхальной снедью, и я прежде всего хлопну добрую рюмку влаги за ваше здоровье и мысленно похристосуюсь с вами. Пошли вам господь много, много доброго, покойного, счастливого...

Александра Владимировна всей душой присоединяется ко мне, и оба мы радостно кричим вам обоим: Христос Воскрес, милые!!!

Горячо любящие вас обоих

Монаховы
Лихов переулоч, 2

46

А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

17 мая 1914, Мустамьяки

Телеграмма²⁸⁴

Глубоко скорбим об утрате¹ вашей, горячо желаем сил и здоровья всем вам.

М. Горький, Мария Андреева

47

Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*8 июля 1914, Харьков*²⁸⁵

Многоуважаемая Мария Федоровна!

Получил Ваше письмо и пьесы. «Обучение любви» — милая вещь: много материала для актеров, и играть можно хорошо. Если есть цензурованный экземпляр, пожалуйста, захватите в Киев. Пьесы Винниченко мне не понравились — очень все придумано. «Веер леди У[индермир]» знаю давно и ставил еще у Корша. «Брачный договор» — читаю.

И мною «овладевает дрожь» при мысли о скором начале сезона работы. Многие из актеров будущего сезона для меня terra incognita, но главная моя

¹ Смерть А. Р. Артема. — Ред.

забота — Вы. Я знал Вас мало, а потому в каждом письме предлагаю разнообразные роли. Поставить Вас и поддержать Ваш прежний успех — моя задача. Помогите мне разрешить ее.

Вы пишете: «Не стара ли я для Бесприданницы». Мое же впечатление, вынесенное из личного нашего свидания, — Вы все та же, какой я Вас знал до отъезда Вашего за границу.

Очень желательно услышать Ваше твердое слово: «вот что лине по силам, вот что я могу».

И еще вот что меня беспокоит — как Вам покажутся наша закулисная жизнь, работа, товарищи. Есть очень хорошие, серьезные, способные, но есть и плевелы (но где их нет). К некоторым явлениям надо будет отнестись снисходительно, примирительно. О многом, конечно, лучше переговорить заранее.

Я совершенно не знаю внутреннюю жизнь театра, в котором Вы так долго работали, но уверен, что разница между ими и нами — очень большая.

Пожалуйста, пишите мне Ваши мысли о «Трех сестрах». Это очень интересно. Для меня праздник, когда я вижу около себя людей, принимающих большое неофициальное участие в нашем общем деле.

Пишите мне в Харьков. Жду.

Искренне уважающий Вас

Н. Синельников

8 июля

48

В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
Август (между 12-м и 20-м) 1914, Москва²⁸⁶

Дорогая Мария Федоровна!

Простите, что поздно отвечаю, но я только третьего дня вернулся в Москву. Письмо получил. Сценку передал Балиеву. Он был очень тронут; сам напишет Алексею Максимовичу. Просил меня ставить эту сцену, я согласился, конечно. Тем более что она произвела на меня прекрасное впечатление. На сцене это будет очень интересно. Жаль ужасно, что Гибшмана взяли на войну, — он бы играл эту роль на пять с плюсом. Все это до того хорошо и интересно, что я с большим удовольствием поработаю. Будет помогать художник, в которого я очень верю и которого люблю. Горячее спасибо за то, что прислали так скоро.

Вы знаете, конечно, из газет, что многие из наших застряли за границей²⁸⁷: Константин Сергеевич в Швейцарии, в Беатенберге. Там же Лилина, Массалитинов и Халютин.

Недавно пришло письмо Станиславского. Много скрывает, но чувствуется, что пережил много ужасов, кошмаров, оскорблений. Честное слово, страшно за него, за его рассудок. Если прибавить к пережитому его пламенную фантазию, то опасения не преувеличены. Он убежден, что Игоря уже взяли на войну... Когда слушал его письмо, то хотелось и смеяться и плакать! Смеяться потому, что он и в эту минуту ребенок.

Конечно, в театре уже есть анекдоты. Рассказывают, что, когда его хотели арестовать, он схватил какую-то тетрадь и спрятал: берите все, а это не отдам!

Немцы будто обыскали, нашли записки, чертежи и портрет его в роли Вершинина: русский полковник, шпион с чертежами!! Чертежи — его записки по системе.

Конечно, все это анекдоты.

Вчера получена от него телеграмма, к концу сентября надеется приехать. Ему посылают телеграммы ежедневно, успокаивают, послали полный маршрут через Швецию, но он ужасно боится моря.

Качалов в дороге. Из Италии получена телеграмма, что он выехал. С ним семья.

Леонидов в Sestri, 20 августа выедет.

Москвин, Немирович здесь — в полном здравии и благополучии. Николай Александрович хлопотал, но его не приняли военным врачом. Будет работать в нашем лазарете, который скоро откроется. Вера Васильевна вернулась в Москву 12 августа.

Много молодежи взяли у нас. Из известных Вам по студии взяли Дикого, Знаменского и многих других. Из стариков — Адашева.

В театре настроение крепкое. Пока все очень увлечены лазаретом. Намечены все те же пьесы. Летом читал «Будет радость»²⁸⁸. Слушая Вас и Алексея Максимовича, я не возражал, но тихонько верил, что пьеса хорошая и интересная, и это будет маленьким оправданием. Теперь... Но позвольте мне ничего не говорить. Пьеса все-таки пойдет, если приедет Качалов.

Слышал, что у Синельникова дело обязательно будет. Буду рад, если увижу Вас в Москве, проездом.

Сегодня телеграммы с прусского фронта ужасны!! Я совсем растерялся. Как же это?

В Пальне провел почти месяц. Все время с грустью вспоминал Нейволе. Очень прошу Вас, дорогая Мария Федоровна, передать Алексею Максимовичу мой поклон. И еще несколько слов. В деревне делал опыты²⁸⁹. Первые опыты прошли настолько блестяще, так увлеклись исполнители, что боюсь приняться снова, чтобы не отравить себя маленькой неудачей.

Главный исполнитель был Берсенев (он вернулся из Италии, видел морской бой).

Дал я ему три сцены. Играл так талантливо, создавал такие образы, что сам до сих пор не может успокоиться. Теперь я организую уже целую труппу и принимаюсь за работу большую. Вот об этом прошу сказать Алексею Максимовичу.

Юрию Андреевичу и всем кланяюсь.

Целую Вашу руку.

Преданный Вам *Вахтанг Мchedлов*.

P. S. За границей до сих пор кроме тех — Коренева, Барановская, Хохлова, Раевская и многие другие. Лужский вернулся через Торнео.

В. М.

Вера Васильевна кланяется.

49

В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Октябрь (до 27-го) 1914, Москва²⁹⁰

Дорогая Мария Федоровна!

Ваше маленькое поручение передал Константину Сергеевичу, он очень благодарен, просил кланяться и сказал, что сам хочет написать Вам.

Иван Михайлович благодарит за привет и кланяется. У нас открытие 27 октября. Идет «Горе от ума». Новых исполнителей мало: Подгорный — Молчалин, Жданова — Наталья Дмитриевна и Берсенов — Загорецкий в очередь с Москвиным.

В постановке многое изменили, старика играют теперь гораздо лучше, глубже, благороднее.

Как прошел «Маскарад»? Что Вы еще успели сыграть за это время?²⁹¹ Вчера наши смотрели новую пьесу Леонида Андреева: «Король, закон и свобода». Говорят, что ужасная пьеса, грубая, ненужная, фальшивая. В театре работаю очень много, Владимир Иванович поручил мне вести репетиции «Осенних скрипок», а сам будет приходить проверять. Это первая ответственная работа, которую мне поручили. Главные роли у Ольги Леонардовны и у Вишневого.

Решили у нас ставить Пушкинский спектакль: «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Я счастлив, но беспокоит одна мысль — что Пушкина будут репетировать во время «Осенних скрипок».

Кроме театра у меня бездна уроков в школе, в студии, на дому.

В системе Константина Сергеевича есть маленькие новости, очень интересные, очень хочется рассказать, только в письме передать невозможно. Когда увижу Вас в Москве, подробно расскажу.

Нейволе вспоминаю очень часто, хочется написать Алексею Максимовичу, жаль, что пока нет серьезных поводов для письма. [...]

Дорогая Мария Федоровна, как бы мне хотелось, чтоб Вы в будущем году жили в Москве²⁹². Какие у Вас известия от ваших, все ли благополучно? На днях привезли в Москву раненого Ник. Ал. Маныкина-Навструева. Помните Нила Владимировича Коробанова? Он в плену у немцев; был, очевидно, в самсоновском деле²⁹³.

Наши все живут исключительно войной. Даже Станиславский! Не спит по ночам, думает, читает все телеграммы и спрашивает все нашего «главнокомандующего»:

— Владимир Иванович, а как Вы ночью насчет Турции думали?

А «главнокомандующий» поражает нас своей гениальностью: во всем разбирается изумительно и ужасно сердится на скептиков.

Москвин чудесен, необычен и поражает меткими замечаниями и страстностью в суждениях. Генерал Стахович играет Репетилова весьма недурно.

До свидания, дорогая Мария Федоровна. Целую Вашу руку.

Ваш *Вахтанг Мchedлов*.

Р. С. Низко кланяюсь Алексею Максимовичу.

50

М. Л. РОКСАНОВА — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Октябрь 1914, Одесса²⁹⁴

Дорогая Мария Федоровна!

Спасибо за память и доброе письмо. Как ни приятно было бы завести с Вами переговоры, но сейчас ничего нельзя предпринимать, так как обстоятельства складываются для театра ужасно, а для Одессы, в частности, ужаснее, чем где бы то ни было.

Было у нас если не блестяще, то сносно, терпимо, а после бомбардировки сборы упали и театр едва дышит. Репертуара нет. Ставим пьесу — повторяем при пустом зале. Город погружен во тьму, нельзя зажигать света даже у подъезда театра, на улицах жутко, ни души, в мыслях думы другие — до развлечений ли здесь? Люди самостоятельные и свободные выехали, торговля замирает — где тут найти зрителей! Ах, как трудно играть, «представлять», как не нужно в данный момент все, что делаем.

Николай [Михайловский] хотел написать Вам, но сам не знает, что будет делать в ближайшем будущем, а я решила написать хоть несколько слов, чтобы объяснить, почему сейчас ничего делать нельзя. Вот, дорогая Мария Федоровна, как живем!

Если Алексей Максимович уже в Киеве, то передайте ему самый горячий привет: скажите, что воспоминание о нем, о его пьесах одно из светлых в нашей жизни, таких, что греет и светит как солнышко. Пожелайте ему от нас здоровья как можно больше.

Крепко-крепко Вас целую и, если останемся живы, авось будут лучшие времена, и мы опять будем вместе.

Ваша *Маруся Роксанова*.

Николай целует Ваши ручки.

51

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

25 ноября 1914, Киев²⁹⁵

Очень досадно, что именно сейчас, когда предстояло сыграть несколько приличных ролей, я расхворалась. Пишу об этом только потому, что ты получаешь «Киевскую мысль» и, значит, все равно узнаешь.

У меня грипп, с хрипами в правом легком, острое воспаление носоглотки, — это очень неприятно, потому что очень больно глотать и голова болит, но серьезного ничего нет.

Сегодня придет Иван Иванович. Вчера был какой-то театральный коновал и говорил страшные слова.

Я просила его помочь, чтобы я сегодня могла сыграть «Сестру Беатрису», мне так тяжело и грустно, что все так неудачно сложилось. Температура вчера была 38 и вечером 39, сегодня утром 37,5 — значит, кончится пустяками, но от этого не легче.

Вчера я не поздравила даже своих Катерин, очень голова болела — извинись и объясни.

Завтра напишу.

М.
25/XI

52

В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

3 декабря 1914²⁹⁶

Дорогая Мария Федоровна!

Ваше письмо получил вчера; целый день думаю и ничего хорошего не могу вспомнить. Буду думать завтра. Если вспомню что-нибудь интересное, пришлю телеграмму.

Пока назову все, что вспомнил.

1. «Дама с камелиями». Роль «гастрольная», эта пьеса у Незлобина шла три года тому назад. Думаю, что возобновить легко. Может быть, даже сохранились декорации.

2. Инсценировка сказки Алексея Максимовича. Вы очень хорошо читали «Мать». Может быть, можно инсценировать?

3. «Цена жизни»?

4. «Гедда Габлер»?

5. «Гроза»?

6. «Флорентийская трагедия». Если роль Вас увлечет, то можно просить Н. А. Попова поставить, он в Москве и эту вещь хорошо знает, кажется.

Вообще, мне кажется, хорошо бы поставить одноактную драму — меньше возни. Если 22-го спектакль, то когда Вы можете быть в Москве? Как зрителя — меня лично больше всего могли бы увлечь сказки Алексея Максимовича: в них настоящая сила и трепет.

Весь вопрос в том, можно ли с ними что-нибудь сделать для театра.

Простите, что мало пишу: все *думаю, вспоминаю*. Вопрос очень серьезный, важный и интересный. Алексея Максимовича не видел, о чем ужасно жалею.

В студии идет очень интересный спектакль — «Сверчок на печи». Вера Васильевна очень кланяется и благодарит за привет — в «Сверчке» она играет большую роль²⁹⁷.

Итак, буду искать, если найду, немедленно сообщу. Читал про «Три сестры» и радовался. Поздравляю.

До свиданья, дорогая Мария Федоровна.

Преданный Вам Вахтанг Мчеделов.

3 декабря 1914 г., Москва

Р. С. Николай Александрович будет военным врачом, останется в Москве.

53

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

17 сентября 1915, Москва²⁹⁸

Дорогой друг мой, Иван Павлович!

Вчера выиграла сражение²⁹⁹: имела очень большой, говорят, успех в огромной трудной роли. Сегодня все большие газеты выпустили лестные рецензии. Сама собой я не довольна: играла больная, с повышенной температурой, с бронхитом, голос охрип, так как, репетируя и играя ежедневно, с утра до вечера, утомила связки и они немного разошлись. Дай бог, чтобы не образовалось узелка, а то — прощай голос!

Вчерашний успех доказал, что еще года два-три могу побыть на молодых ролях и, значит, заработать.

Сегодня уже у меня было несколько человек с предложениями ехать после сезона в турне по Сибири, с большим окладом и оплатой издержек. Пока, конечно, никому не обещаю.

Милый Иван Павлович, напишите мне, пожалуйста, ей-богу, у меня душа изболела. А мне жить все-таки очень трудно, приходится снова завоевывать себе положение, бороться, работать как лошадь, кругом кипит болото зависти, интриг, сплетен, что ж — ничего не поделаешь. Конечно, утешительно сознание: наша борет, но борьбы еще впереди много. Есть и еще одно неприятное: дела идут хорошо, заработаем мы, должно быть, не *только* полным рублем, но, может быть, даже и с небольшой надбавкой, но до 20 октября нам денег выдавать не будут, вот и живи как знаешь и можешь. Мне же еще приходится многим вновь обзаводиться из театрального имущества, да и живу я для себя дорого, один номер с едой обходится рублей 400. Конечно, не жди я наездов Алексея Максимовича, я поселилась бы много дешевле и скромнее. Денег у меня ни гроша, конечно. Тратить, особенно вначале, приходится много очень. Если Вы можете прислать мне 1500, даже 2000 р., если только это возможно, это избавит меня от ростовщиков, к которым иначе придется обратиться, и чем скорее, тем лучше. С 20 октября я начну выплачивать свои долги. Немцы сюда все-таки вряд ли придут, а если даже и придут, то мы поедем в Сибирь, на Волгу, куда-нибудь, но играть будем. А то я, в долг сшив себе все, что необходимо для ролей, хожу в осеннем легком пальто, в летней шляпе и т. п. Это смешно, но это факт. Не на что купить. В долг теперь шьют и делают все очень неохотно и ненадолго, так как портнихам из магазинов тоже не отпускают в долг. Словом, беда! Пишу Вам потому, что ведь обо мне, кроме Вас, никто не позаботится, никому и в голову не придет спросить: а как, мол, матушка, все ли у тебя благополучно? Иногда это грустно. Очень прошу, ответьте мне немедленно, лучше даже телеграфируйте: могу ли я получить от Вас и когда? Ночей не сплю, все думаю — как быть? А не сделать всего, что

надо, значит проиграть и не встать снова на свое утерянное было место.

Напишите мне о себе, об Е. Ив., о Наташе. Напишите о делах издательства. Дал ли старик денег?³⁰⁰ Напишите, как Ваше здоровье. Меня очень беспокоит, что за последнее время у Вас хуже вид, и мне почему-то кажется, что дело в почках. Пошли бы Вы к доктору, право, и сделали бы все нужные анализы.

Вон как плохо, что я сердце себе запустила — иногда хоть помирай. И тиокол ем по предписанию И. И-ча [Манухина], хотя, в сущности, чувствую себя я хорошо. Но устала. Очень устала. А впереди еще столько работы — ух!!

Обнимаю Вас, целую Ек. Ив. и Наташу. Когда приеду — привезу ей большую бабу, очень хорошую. [...]

Ваша М. Ф.

54

ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

Октябрь (до 28-го) 1915, Москва³⁰¹

Милый мой Леша!

Пережила очень тяжелую минуту сегодня! До сих пор мне счастливо удавалось избежать знакомства с Арцыбашевым. Незлобии обещал не делать мне этой неприятности до последней возможности, так как публичного скандала и неподавания ему руки мне не хотелось. Но вот сегодня жена Арцыбашева, Княжевич, неожиданно берет меня под руку и говорит: «Пойдемте, я познакомлю вас с Михаилом Петровичем». У меня сердце захолонуло, но я спокойно и просто ответила ей: «Благодарю вас. Этого не надо делать». Она еще настойчивее говорит: «Но почему же? Хотите, я подведу его к Вам?» — «Нет, Елена Ивановна, мне не хочется знакомиться с литератором, впервые в русской литературе унизившим женщину. Сама я русскую женщину очень уважаю, и мне не хочется пожимать руку человеку, написавшему “Санина”, “У последней черты” и т. д.». Она стала говорить что-то об узости таких взглядов, о том, что «Михаил Петрович в жизни очень скромный человек», что она знает от Миролюбива о «каких-то взглядах на Михаила Петровича Горького». Я остановила ее и сказала, что хотя я очень высоко чту Горького, глубоко солидарна с ним во всем, но в данном случае Горький совершенно ни при чем, так как во мне говорит просто человек и женщина, возмущенная принципиально против литератора, а не личности. Стала она еще что-то лепетать о том, что «М. П. очень хороший человек, а Тургенев был мерзавец, Горький же впервые со сцены пустил бранные слова». И мне пришлось сказать ей, что слушать такие речи мне непристойно и я ее прошу замолчать. На этом пока дело кончилось. Хватит ли у этих людей такта не раздувать этой истории — не знаю, покажет время. Поступить иначе я не могла. Очень извиняюсь перед тобой, что меня поставили в такую позицию по отношению к тебе.

Пьесу [«Закон дикаря»] у нас играют так, что она стала вполне благопристойной, я для этого постаралась сделать что только могла...

28 октября 1915

Пишу тебе и смущаюсь, сознавая, до какой степени твои планы и настроения далеки от всего, что приходится переживать мне, и не хочу молчать, хочется поговорить с тобой!

Вчера на генеральной все ходили ко мне, целовали ручку, благодарили, говорили о том, что я «спасаю пьесу» (?!). Я волновалась, конечно, переживала нелепую драму чуждой, не нужной мне этой Зиночки. Всегда волнует и радует, когда видишь свою силу, видишь, что ты можешь что-то сделать. Но господи! Ведь это же все не то, сознаю, что могу гораздо больше, хочется кричать истощенным голосом, передать людям хоть частичку того, что пережито, передумано, перечувствовано, хочется, чтобы люди как-то выпрямились, подняли голову, стали лучше, сильнее...

Это не слова, не фраза, не поза, как думают всегда про такие чувства, — может быть, это самое дорогое и цепное, что есть во мне.

Пришла домой разбитая, опустошенная, повалилась на кровать и до утра пролежала, почти не засыпая, и все думала, думала, не словами, а так как-то... Сегодня у меня такое ощущение, будто я постарела и мне лет сто. Обидна в нашем ремесле эта подчиненность чужой воле, чужому образу, обидно, что не пишут, не напишут таких слов, которые бы можно было сказать как свои родные, настоящие.

Вот — мой катцен'яммер¹!

... Волнуюсь очень, не зная, как ты отнесешься к моему отказу познакомиться с Арцыбашевым.

Вчера была премьера пьесы Леонида^{2 302}. Сергей Глаголь в «Утре России» назвал его Шекспиром! Пресса пьесу приняла холодно. Публика премьере аплодировала. Актеры и театр сделали все возможное, это лучший театр в Москве — я уверена. Судя по содержанию, пьеса вряд ли удачная. ... Будь здоров, и пусть бы тебе было хорошо.

29 октября 1915

... Вчера была премьера Арцыбашева. Автору свистали. Я играю, сама знаю, очень хорошо, но стоит мне это дорого: победить смех публики над кинематографической стряпней автора и заставить ее слушать себя, заставить их почувствовать, что у меня-то душа разрывается, а они смеются, заставить их рыдать и падать в обморок — я это делаю. Я обязана это делать. Но это очень трудно. Сегодня я сама упала в обморок и была астма. Правда, я играю эту пьесу четвертый день: две генералки и второй спектакль. Завтра идет «Маленькая женщина», в субботу опять «Закон дикаря». Я живу сцепя зубы.

... Отзывы о пьесе Андреева из «Утра России» и «Русского слова» прилагаю, остальные постараюсь достать и пришлю потом. Кроме Голоушева, все бранят Андреева. Я знаю отзывы лиц, бывших на премьере, — Юшкевича, его жены, нашей актрисы Рутковской. Все, точно сговорившись, находят, что

¹ Здесь в смысле — крик души (нем.).

² «Тот, кто получает пощечины» Л. Н. Андреева. — Ред.

Андреев издевается над публикой, что пьеса написана нарочно. Мне кажется — они ошибаются и Леонид глубоко верит в свой философский гений. Пьеса успеха не имела, в сущности; несмотря на блестящую постановку, играли много слабее.

... Должно быть, я скоро поступлю в синематограф, это хоть сколько-нибудь даст. И хорошо бы устроиться служить в Петрограде, хорошо, если бы Незлобину достались Народные театры. Относительно репертуара его можно ограничить, но с ним работать лучше, чем с Карповым, тот — могила. Немножко я на хохла, мечтающего о 100 целковых, похожа. Ну, что поделаешь.

Это письмо повезет с собой Юлий Августович Грожан, поэтому могу сообщить еще кое-что.

У Вольского сидит А. Н. Потресов. Здесь почти ежедневно собрания: на всех Екатерина Дмитриевна [Кускова] с Сергеем Николаевичем [Прокоповичем]. На днях на одном таком собрании Иван Иванович [Скворцов-Степанов] схватился с Вольским по вопросу о национальной самообороне. Вольский, как я поняла, отрицал империализм в России как таковой, на Западе — как тенденцию. Иван Иванович с ним горячо спорил. Брожение слов очень сильное. Нет никаких солидных оснований у меня, но ощущение наличности большой провокации. Вольский, мне кажется, запутается, он не так ловок, как думает, очень уж он лавирует между Сциллой и Харибдой. Но и до сего дня он типичный меньшевик, поскольку умею судить.

Я занята сбором на школу-клуб.

Ивану Павловичу пишу письмо, усердно прошу его поселиться с тобой вместе. Вещи Критов я прошу убрать в склад, и на днях это будет сделано, я надеюсь. Мне очень жаль, что я сейчас совсем лишена возможности устроить тебе более удобную жизнь.

О моей астме не говори, пожалуйста, ни Юрию, ни Кате, очень прошу. И тебе-то написала сгоряча — очень жалею.

3 – 7 ноября 1915

... Третьего дня видела Ив. Ал. Бунина и его жену, они были в Литературном кружке на реферате Яблоновского о «Тоте»: так называют эту пьесу Андреева [«Тот, кто получает пощечины»]. Я приехала после спектакля и застала уже только потасовку между ярым апологетом Глаголем, хулителем Яблоновским и хулиганом Марком Криницким. Что думает Глаголь, тебе ясно из его рецензий, реферат Яблоновского я тебе пришлю, он очень полно отражает общее мнение, а Марк Криницкий просто назвал всех современных критиков «отродьем», «комарами», «ослами от литературы» и т. п. Впрочем, с его мнением, что-де «Белинский не был Яблоновским», нельзя не согласиться. Публика не дала ему говорить, свистали, шикали и вообще вели себя по-готтентотски.

Странное у меня вообще было впечатление: точно я воскресла из мертвых, пришла к людям, которых не видела лет пятнадцать, и вдруг все они стали такие жалкие, смешные, старенькие, и все таращат на меня глаза, не понимая,

почему же это я-то не похожа на них. Не скажу, чтобы это было весело.

... «Закон дикаря», по-видимому, продержится недолго, нельзя все-таки быть нахалом и пошляком *plus ultra*¹. Это несколько утешает. Господи, как хотелось бы сыграть что-нибудь хорошее, человеческое и умное!

Вряд ли будет иметь успех пьеса Юшкевича³⁰³, уж очень она специфична. И нужно было бы, чтобы все роли играл сам автор или хорошие актеры-евреи: наши жаргонят, но это свойство отрицательное, на мой взгляд.

После нее пойдет «Марьин дол» Каржанского — это, должно быть, будет полный провал, но наш режиссер, Званцев, влюбленный в актрису Бутковскую, думает, что она победит Москву, играя лихорадку любви Полюбии (она же девица-конторщица Любовь). Актриса Рутковская очень хорошая, умная, милая женщина, но пьесы Каржанского ей на своих плечах не вывезти³⁰⁴.

Затем, должно быть, пойдет пьеса Шоу «Это ее первая пьеса», если ее не поставит раньше Корш, и все мечтают, что ты дашь что-нибудь свое. Искренне говоря, мне было бы теперь обидно, чтобы в этом театре, после Арцыбашева, шел Горький; хотя и говорят, что своя шкура к телу ближе, то есть ближе-то рубашка, но шкура больнее чувствует, видно, трудно мне разобрать, где она твоя и где моя.

... Хорошо было бы, если бы Тихонов поскорее приехал, тут снова возникают синематографические проекты. У меня был председатель правления кооператива синемо Жектянин. Было бы хорошо поговорить с ними, так как они собираются «просвещать народ» вкуче с Кулаковым, Семеновым — толстовцем, Н. В. Чеховым и т. д., это пугает. Сколько сумела и смогла, я постаралась посеять сомнение в желательности такой просветительной К^о, говорила о вреде народничанья учительства, о пользе науки и знания, но мой один голос что значить может? Посылаю их письмо и программу для сведения.

Вот для чего хороша может быть драма Гребенщикова, ее легко переделать в сценарий, и в этом виде она могла бы сыграть, мне кажется, хорошую роль. Нельзя ли поскорее снестись с ним по этому поводу, как ты думаешь?

Завтра у меня будет Вербицкая, просит играть в синемо какой-то ее новый роман-сценарий. Должно быть, откажусь, но мне интересно ее видеть. Меня вообще тянут всюду, приглашают, но это очень обоюдоострое дело.

Страшно интересуюсь, какой оборот примет дело Народных театров³⁰⁵. Была бы очень тебе благодарна, если бы ты отвечал на вопросы мои, пусть хоть не сам лично, попроси Ивана Павловича, в его дружбу и доброту я верю.

... Где и когда будет печататься «Отрочество» целиком? Подвигается ли твоя повесть или ты совсем ее оставил, захлопотавшись? Как обстоят дела с пьесами? Должно быть, совсем в небрежении?

Эх, кабы свой, да еще хороший театр! Могучая это сила воздействия и самая близкая к цели, если хочешь. И в каких она ничтожных и подлых руках. То же самое и о синематографе говорить приходится, даже еще крепче, ибо он демократичен по самой доступности своей, и тем еще опаснее, с одной стороны, и нужнее, с другой.

¹ — сверх всякой меры (*лат.*).

М.

... Только что звонил Тихонов, что утром приехал и завтра вечером уезжает обратно! Сюрприз. Я, конечно, играю и сегодня вечером и завтра утром, так что увижу его на лету и полуживая от усталости. Сегодня я играю в одиннадцатый раз подряд, это почти рекорд. Письмо это отвезет, значит, Тихонов и расскажет обо мне. Кончаю это послание 7-го, начав 3-го.

М.

55

М. Ф. АНДРЕЕВА — ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

19 ноября 1915, Москва³⁰⁶

19/XI

Позвольте мне сегодня поздравить Вас, Владимир Иванович!

Много воды утекло, много времени прошло с тех пор, как я перестала принадлежать к семье Художественного театра, но сегодня мне хочется от души, искренне и с добрым чувством пожать Вашу руку.

Мария Андреева

56

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

19 ноября 1915, Москва

Дорогой Константин Сергеевич!

К большому моему горю я не могу сегодня прийти и лично поздравить Вас и милых старых товарищей, так как, увы, сама играю.

Передайте всем, что люблю их, чувствую себя кровно связанной с ними и горячо желаю всем всего доброго!

Вас же, учителя моего и дорогого друга, крепко, со слезами обнимаю и благодарю за все, что есть во мне хорошего, как в актрисе!

Целую Марию Петровну, Ольгу Леонардовну, Евгению Михайловну.

Шлю привет Василию Ивановичу, Василию Васильевичу, Ивану Михайловичу, Владимиру Федоровичу, Николаю Григорьевичу и всем старым товарищам!

Горячо любящая Вас

Мария Андреева

57

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Февраль (до 22-го) 1916, Петроград³⁰⁷

Посылаю пьесу Тренева³⁰⁸, прочитай и возврати. На мой взгляд — пьеса неудачная, хотя затеяна оригинально. Но сделать идеалиста взяточником надобно иначе, более тонко.

Еще читал пьесу Соболя — в ней шесть мужчин и одна женщина.

Называется «Оне и мы». Нечто сексуально-психологическое и, конечно, патологическое, но в общем — неясно, для чего и огорожен огород. Соболь живет в Москве.

О синематографщиках тебе напишет Иван Павлович. Я стою за Тимана, потому что мне нравится Волков, у него прекрасно сделаны глаза³⁰⁹. Я, конечно, понимаю, что это искусственные глаза хорошей немецкой работы, но они совсем как настоящие. Серьезно же говоря — он порядочнее Радина и Сдеревича, вместе взятых. Я думаю, что с ним можно работать... Всего доброго!

А.

58

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

24 марта 1916, Петроград³¹⁰

Дочь моя!

Обращаюсь непосредственно к благочестивой душе вашей с просьбой, которая исходит из самых недр моего подагрического сердца: употребите весь недюжинный талант, коим в избытке наградил вас Создатель неба, земли, видимой твари и невидимой, Великий Строитель всего лишнего и щедрый Сеятель ненужного, употребите всю неистребимую энергию вашу на дело, от которого, по общему мнению ваших знакомых, очень выиграет как русская земля, так и близлежащие, родственные ей по духу страны: Башкирия, Калмыкия, Киргизия, Чувашия, Мордовия, Черемисия и сердце оных — Московия.

Кузина! Необходимо — и возможно скорее — переправить в Петроград, город, лежащий неподвижно над Невой —

«Не вой! Попробуй, — не повой!» —

рентгеновский аппарат д-ра Ивана Манухина, необходимый для освещения моих темных внутренностей.

Если вашего таланта и энергии вашей окажется недостаточно для совершения сего подвига, просите о помощи у тайного советника А. А. Желябужского, и его любезность, сопряженная с вашими усилиями, наверное, увенчает дело. Делать это необходимо скорее, ибо — время дорого. Освещаться мне надобно четырежды, что займет недели три времени, а после этого я поеду для окончательного искоренения недугов на Кавказ, в Крым, Архангельск и Австралию, ибо доктора Манухин и Троицкий нашли, что вследствие курения сигар я страдаю хронической бубонной чумой, брюшным тифом, проказой и манием величия.

В последнем убеждены также и уважаемые друзья мои Андреев, Леонов, Кузьма Сологубчик и Настасья Чеберяковская.

Вчера, 23-го числа вечером, все сии медицинские и литературные светила колотили меня молотками по всем частям тела и во сне и на яву. Особенно старалась Чеберяковская, напирая на меня одновременно со всех сторон, что вызвало у меня головокружение и тошноту. Женщины — мстительны, сказал

Дон Кихот Шекспира, а также и другие.

Все, что я пишу, совершенно серьезно, и прошу телеграфировать: можете или нет доставить аппарат к пасхе, вместо красного яичка? И что Чеберяковская еженощно снится мне — тоже серьезно, вполне. А наемдни приснилась в виде огромной чернильницы, но когда я сунул ей в горлышко перо, то оказалось, что она наполнена дегтем, в оной жидкости плавает мертвой мухой сам Кузьма Тетерников, сучит ножками и — ревнует. Ножки у него мохнатенькие. И я очень позавидовал ему — с такими ногами можно гулять без кальсон, что весьма экономно.

Дорогая моя — не думай, однако, что это намек на общую дороговизну продуктов, — нет, это я вообще говорю, — дорогая моя, озаботься доставкой аппарата. Успокой Манухина и дай мне жить еще одиннадцать месяцев для торжества науки медицинской.

А концерт сошел блестяще, — поздравь бога. Все было замечательно, кроме меня, который вовсе не был. Но за меня с огромным успехом действовал Павел Николаевич Милюков, прочитавши «Песнь о Соколе» и на бис «Буревестника». Публикум был так доволен и изумлен этим выступлением, что кричал единогласно — ура, кадеты, и 16 тысяч человек тотчас же крестились в кадетскую веру, несмотря на то, что вода реки Помойки очень холодна. Однако очевидцы утверждают, что при погружении некоторых тел она вода вскипала — столь пламенно было настроение, вызванное апостолом оппортунизма Павлом.

А Петр апостол³¹¹, бросив ключи к разрешению всяческих вопросов, убежал из «Биржевых ведомостей».

Помер Ковалевский, сейчас иду на панихиду. Это очень скверно, что он помер, одним европейцем в России меньше.

Настроение у меня прекрасное, и я очень люблю мое отечество. А также и человечество. Любовь к человечеству — единственная любовь, не возбуждающая ни в ком ревности, и у многих — веселый смех.

Будь здорова, кузина сердца моего, и будь спокойна, — в конце концов все обойдется превосходно и все погрузимся в вечный покой. Приучай себя к этому.

Засим желаю тебе еще больших успехов на сцене жизни и всяких благополучий.

Аминь.

Алексей, пустынножитель Петроградский.

Адрес: Против Петропавловской крепости и фабричной трубы.

Кланяюсь Юрию, Минину, Пожарскому и Василию Блаженному. Передай мой сердечный привет Юаншикаю³¹². Говорят — это псевдоним Юрия Сахновского.

30-го VI

Милый Иван Павлович, знали бы Вы, как мне не везет, дорогой мой! В Москве все было отвратительно, уж не говорю о том, что убыточно с материальной стороны. Это меня сильно угнетает и волнует. Ехали сюда в Руссу в условиях неопиcуемых, сидели буквально друг на друге, уборные, служебные помещения — все было битком набито. О том, чтобы спать, разумеется, и думать было нечего. В Руссе грязно, холодно, сыро, народу гибель, все безумно дорого. Дали мне довольно большую комнату, больше похожую на террасу, но два из ее четырех окон выходят на балкон, служащий столовой многочисленным обитателям дома, — веселье довольно сомнительное, не правда ли? Рядом со мной помещается один из товарищей по труппе, и ночью я слышала, как он дышит, ворочается, как тикают его карманные часы, положенные на стол. Еще счастье, что он не храпит. С утра гремит музыка, вечером — музыка, выйти некуда, да и не с кем, а идти в поле одной — страшновато по нынешним временам. С ужасом думаю — как-то я промаюсь здесь целый месяц!

Сижу, разумеется, безо всяких известий, кроме газетных, да и то на сутки позднее. Прочла, что Алексей Максимович «уехал в Ялту» — может быть, ненадолго, а может быть, и вранье? Может быть, Максим с Кавказа завернет в Крым? Вообще, если у Вас будут какие-нибудь вести, не откажите черкнуть два слова на открытке. 5-го я впервые выступаю, пойдет «Маленькая женщина», затем «Ложь», «Горнозаводчик», «Цена жизни», «Мещане», «Дама с камелиями», «Обетованная земля». Какое-то нелепое попури, а не репертуар³¹⁴; труппа слабая, пьесы идут с трех репетиций, получается нечто невообразимое.

Зачем пишу Вам об этом, зная, что Вы устали, что хорошо Вам было бы хоть временно отдохнуть от забот о других, — но, Иван Павлович, голубчик, так одиноко, так ужасно тоскливо у меня на душе, так от всего отрезанной чувствую себя здесь, среди чужих и чуждых мне, хочется, чтобы хоть издали кто-нибудь тебе руку пожал, что ли.

Сидела вчера в театре, смотрела спектакль — ужасный! — и хоть бы одно лицо человечье; разговоры кругом — сплошной Аверченко, даже не Амфитеатров. Вспоминается, как мы тут были с Алексеем Максимовичем двенадцать лет тому назад, и думается: неужели и тогда было нечто подобное? Как он мог выдерживать в такой атмосфере? Или правда, что все так изменилось к худшему? Или все тогда скрашивалось уже одним тем, что он тут был? Не знаю. Но то, что есть, воистину отвратно.

Еще не начав, чувствую себя утомленной, измученной, боюсь, что не выдержу, что тоже было бы очень скверно.

Напишите мне о себе. Как работается? Как дела? Были ли в Мустамьяках и что там, как живут? Что поделявает моя дочь Екатерина? Если будет время и охота — напишите, буду Вам так благодарна! Старая Русса, Курорт, дача Незлобина, мне.

Моя мама пишет, что Иван Иванович и Т. Манухины будут гостить у нее. Очень волнуется, не будет ли плох стол, комната. Сделайте мне великое одолжение, отправьте ей полтора ста рублей (1-го ее срок) по адресу: Павловск, Правленская, 13. Ей или Марии Павловне Ларионовой, это все равно, можно по почте.

Крепко жму Вашу руку.

М. Ф.

60

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*Апрель 1917, Петроград*³¹⁵

Посылаю 5 книжек — 61 — 5-го — для сбора в фонд «Научного института»³¹⁶, 10 воззваний, устав и списки членов Совета «С. А.»³¹⁷. Если ты захочешь — ты сможешь собрать немалые деньги. Могу посоветовать тебе, как лучше сделать это. Например, во время спектакля, после какой-нибудь слезной и глупой сцены, ты подходишь к рампе и говоришь:

— Граждане! Надеюсь, вы видите, что пьеса скучна, актеры — плохи и что вообще вся наша страна скоро сойдет с ума. Давайте бросим заниматься пустяками и начнем делать серьезное дело!

Сказав что-нибудь в этом роде, прочти воззвание, и публика постепенно раскошелится.

Запиши, кому раздашь книжки, и сообщи мне имена и адреса этих личностей. Действуй энергично.

Всего доброго

А.

Почем в Москве огурцы?

Я был сначала нездоров, потом выздоровел и уже хожу по полу. По улицам еще не хожу. Завтра пойду и по улицам.

61

М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

18 сентября 1917, Петроград

Дорогой Константин Сергеевич! Прежде всего — здравствуйте!

От всего сердца шлю Вам самый душевный, любящий привет. Затем — частенько, поглядывая на Ваш портрет, с тревогой думаю о том, как-то Вы переносите бурные события, которыми так полна жизнь, и очень хотелось бы, хоть в двух строках, получить весточку от Вас о Вас, о Марии Петровне и всех, кто близок Вам. Может быть, соберетесь сделать это как-нибудь? Буду ужасно, ужасно рада.

А в-третьих, обращаюсь к Вам с большой просьбой: ко мне явились рабочие Русско-Балтийского судостроительного завода в Ревеле и просили помочь им организовать театральное дело. Они предлагают: гарантировать

проезд в Ревель (из Москвы или Петрограда — безразлично), то есть получить разрешение, билеты и все прочее (проезд туда и обратно за их счет), помещение в Ревеле, берут на себя заботу о продовольствии, утверждают, что сейчас в Ревеле совершенно безопасно от немцев, труппу хотели бы иметь, включая режиссера, пом. режиссера и суфлера, в 25 человек, считая гонорар от 300 до 500 р. в месяц на каждого, аванс могут выслать на Ваше имя или кого им укажут. Театр на 1000 человек зрителей, валовой расход в месяц на аренду, освещение и отопление 2000 р. Это бывший немецкий театр, говорят, очень хороший, в хорошем виде, с запасом недурных декораций, бутафории и прочего инвентаря. Сейчас он находится в ведении Просветительного общества «Заря» при Русско-Балтийском заводе.

Не найдете ли Вы возможным и желательным отправить туда отделенную студию Художественного театра? Мне казалось бы это в высокой степени желательным, так как рабочие имели бы хороший театр с хорошими актерами, а актеры — чудесную аудиторию, заработок и все прочее.

Телеграфируйте мне, пожалуйста, срочно — Петроград, Кронверкский просп. 23, кв. 10, Ваше мнение и согласны ли будут студийцы принять такое предложение, ибо, если Вы откажетесь, буду искать других способов; но грустно это будет чрезвычайно. Рабочих там до 50 000 и жителей свыше 100 000, сейчас же там играют плохие любители всякую дрянь.

Если Вам интересно, что я сейчас делаю, — с головой ушла в работу по Народному дому бывш. Николая II³¹⁸, если захотите — написала бы подробно, как именно.

Жму крепко руку. Всем — привет.

Ваша Мария Андреева
18/IX 917

62

Л. М. РЕЙСНЕР — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
Сентябрь – октябрь 1917, Ревель³¹⁹

Многоуважаемая Мария Федоровна!

Пишу Вам из Ревеля, куда приехала прочесть несколько лекций по истории театра. Публика отличная, слушают отлично, внимательнейшим образом, словом, все данные для того, чтобы начать серьезную художественную работу. Но, кажется, все просьбы местных рабочих и мои старания все-таки ни к чему не поведут. Вот какая вышла скверная история. Вы знаете, что по моей просьбе театр Гайдебурова, будучи по своим делам в Ревеле, между прочим согласился сыграть и для О-ва «Заря», в театре, который раньше занят был каким-то антрепренером последнего разбора. Специально для посещения Гайдебурова и других гастролеров, которых обещано было прислать в Ревель, рабочие прогнали из этого отличного помещения г. Бенделя (кажется, так звали антрепренера), нарушили с ним контракт, понесли убытки и т. д. Что же делает Гайдебуров? Весь чистый сбор со своего спектакля берет полностью себе, отказавшись что-либо отчислить в пользу рабочих и их просветительных

организаций; а между тем только за моим поручительством и на мою ответственность рабочие заранее не условились о барышах.

Дальше: сыграв в театре несколько раз, убедившись в его удобствах и т. д., Гайдебуров помимо меня и рабочих, его пригласивших, возбудил ходатайство перед местным Советом солдатских и рабочих депутатов с просьбой уступить ему в частное владение весь театр, отняв его у всех культурно-просветительных организаций. Что же мне теперь делать? По моей просьбе Вы писали в Москву Станиславскому, просили у него артистов студии для Ревеля, и теперь Гайдебуров отнимает театр у рабочих и у труппы, которая, вероятно, уже формируется специально для Ревеля. Ради бога, посоветуйте что-нибудь, просто ума не приложу, что тут делать? Если надо — телеграфируйте.

Ваша Л. Рейснер.

Мой адрес: Ревель, гостиница при Русско-Балтийском заводе, № 26, мне.

63

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ³²⁰

Как-то осенью 1914 года в местечко Мустамяки, где Алексей Максимович жил на вилле Ланг, приехал какой-то человек. Ко мне пришла снизу служащая и сказала: «Мария Федоровна, там пришел какой-то длинный, очень длинный человек и хочет видеть непременно Алексея Максимовича. Что ему сказать?» Говорю ей: «А вы подождите, я сначала посмотрю и сама скажу». Пошла к Алексею Максимовичу. Он работал. Я не стала его тревожить, у него всегда было обыкновение работать до часу, до половины второго, то есть до того времени, когда наша семья собиралась к обеду.

Жили мы в большом деревянном доме, в верхнем этаже, а низ почти целиком занимала огромная комната, она же гостиная, она же и столовая. В дальней части этой комнаты действительно стоял какой-то очень высокий человек, молодой, довольно красивый. Показался он мне на кого-то похожим, видела я его где-то в Москве, а кто такой — сразу не вспомнила. Подошла к нему и говорю:

— Здравствуйте! Алексей Максимович не может сейчас с вами разговаривать! Вы что, к нему по делу приехали?

Он круто повернулся ко мне, держа руки в карманах.

— Не знаю, как вам сказать. Должно быть, по делу... по всей вероятности, по делу. А в общем просто мне его видеть хочется.

— Чудесно! Так вот и подождите.

У нас стоял еще утренний завтрак на столе. Спрашиваю:

— Вы кофе хотите? Или, может быть, чаю?

— Да, не откажусь.

— Вот и хорошо. Вы посидите, я пойду скажу, чтобы подогрели.

И пошла из комнаты, а он мне вдогонку:

— А вы не боитесь, что я у вас серебряные ложки украду?

Помню, так это мне странно показалось, что я немножко оторопела, но

говорю:

— Нет, не боюсь. Да, по правде сказать, у нас и ложки-то не серебряные.

И ушла.

Потом пришла, принесла кофе, пододвинула хлеб, ветчину, что там еще было, прошу:

— Угощайтесь, пожалуйста!

Он посмотрел на меня и говорит:

— Вы на меня не обиделись?

— Нет, не обиделась. А почему вы так сказали?

И тут мне стало мерещиться: да ведь вот кто это, «человек в желтой кофте».

Повернулась к нему и говорю:

— А вы не Маяковский?

— Маяковский.

Он широко и весело улыбнулся, и мне бросилось в глаза — молодой, а зубов у него нет.

Так мы с ним немного поговорили. Я спросила его:

— Вы что, приехали с Алексеем Максимовичем познакомиться или у вас действительно дело есть?

— Нет, я бы хотел только познакомиться.

— Вот, говорю, влюбитесь вы друг в друга!

— Почему, говорит, влюбимся?

— А это уж всегда так: есть люди, которые в него влюбляются, но в которых он не влюбляется, и есть люди, которые в него влюбляются и в которых он влюбляется.

— А я, говорит, боюсь!

— Это, говорю, хорошо, что вы боитесь! Больше, однако, кажется, что вы вообще ничего не боитесь.

— Это верно.

Говорить больше нам как будто не о чем.

— Давайте, предлагаю, пойдем в лес грибы собирать.

— Да я никогда в лесу не был.

— Извините, но этому я поверить не могу. Вам двадцать-то лет есть?

— Ох, говорит, мне гораздо больше. — Так он и не сказал, сколько ему лет.

— Ну, пойдемте!

— Я грибов не знаю, никогда их не собирал.

— Ну что же, разберемся. Увидите гриб, вы — ко мне. Покажете, а я скажу, что это — поганка или сыроежка, или еще какой гриб.

Пошли мы. Час или полтора ходили по лесу. И вдруг с него слезла вся эта шелуха. Он стал рассказывать, как был он: маленький, как жил на Кавказе. Рассказывал, что мать его, вроде как бы прачка, потом я узнала, что мать у него была учительница. Не знаю, зачем это он сказал: не то посмеяться ему надо мной хотелось, не то еще что. Трудно бывает таких людей сразу понять.

Потом он стал мне рассказывать про свои стихи, читать их вслух, и совсем не такие, какие я читала. Помню, мне очень понравилось одно, оно начиналось так:

Послушайте!
Ведь если звезды зажигают —
Значит — это кому-нибудь нужно?..

Голос у него хороший был, читал он, как хороший актер. В 1918 году я видела его на сцене, — должна сказать, но он был бы великолепным актером, если бы он этим делом занимался.

Потом он прочел стихи:

На дворе, на третьем, петербургском, грязном,
Играют маленькие дети:
 Ванька и Танька,
 Петька и Манька,
И говорят друг другу:
 Ванька, глянь-ка,
 А ведь небо то четырехугольное!

Ужасно меня эти маленькие простые строфы растрогали! Я, может быть, ошибаюсь в именах, но кажется мне, что как раз эти имена он и называл.

Потом он все приносил больше червивые, скверные грибы и очень обижался, что я нахожу маленькие белые, а он все шлюпики, — видно было, что в грибах он действительно ничего не понимает. Страшно радовался, что находил много брусники.

Когда мы вернулись домой, пришли все наши — стол у нас всегда был большой и многолюдный. Слышим: лестница скрипит, спускается Алексей Максимович. Очень было занятно смотреть, как волновался Маяковский. У него челюсти ходили, он им места как-то не находил, и руку в карман то положит, то вынет, то положит, то вынет.

Алексей Максимович вошел, посмотрел на него:

— А, здравствуйте! Вы кто — вы Владимир Маяковский?

— Да.

— Ну, отлично, чудесно, чудесно! Давайте обедать! Вы уже познакомились?

За обедом говорил больше Алексей Максимович, а Маяковский больше слушал, и по тому, как он смотрел на Алексея Максимовича, и по тому, как Алексей Максимович на него посматривал, я твердо знала, что мое предположение о том, что они друг в друга влюбятся, правильно, — весьма ближайшее будущее показало, что это так и было. Алексей Максимович сильно увлекся талантливым и темпераментным Владимиром Владимировичем, а Владимир Владимирович, несомненно, чувствовал то, что большинство настоящих талантливых людей по отношению к Алексею Максимовичу, — огромное уважение и благодарность.

Такова была первая встреча Алексея Максимовича с Маяковским.

Помню, Маяковский несколько раз к нам приезжал в Мустамяки.

Очень часто он у нас бывал в Петербурге, на Кронверкском проспекте, когда мы еще жили на пятом этаже. Это было в 1915 – 1916 годах.

Маяковский писал в это время свои большие поэмы, приносил к Алексею Максимовичу почти каждую главу отдельно, советовался о ним.

По инициативе Алексея Максимовича он стал сотрудничать в журнале «Летопись».

Алексей Максимович очень восторженно относился к поэме «Человек», к поэмам «Война и мир» и «Облако в штанах», нередко он говорил с Владимиром Владимировичем, намечая ряд новых тем. Это вообще было манерой Алексея Максимовича — он шел по жизни, как человек, в пригоршнях которого насыпаны неисчислимые богатства, драгоценности, и они щедро сыпались из рук его, пусть берет их кто угодно — берите только.

Так было по отношению к Владимиру Владимировичу, только относился к нему Алексей Максимович особенно тепло и бережно.

Алексей Максимович восхищался им, хотя беспокоила его немножко, если можно так выразиться, зычность поэзии Владимира Владимировича. Помнится, как-то он ему даже оказал: «Посмотрите, — вышли вы на заре и сразу заорали что есть силы-мочи. А хватит ли вас, день-то велик, времени много?»

Про Маяковского много времени спустя он говорил также, что это чудесный лирический поэт, с прекрасным чувством, что хорошо у него выходит и тогда, когда он и не лирикой мысли высказывает.

1918 – 1944

1

А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

31 августа 1918, Петроград

Телеграмма³²¹

Ужасно огорчены, беспокоимся, сердечно желаем скорейшего выздоровления, будьте бодры духом.

М. Горький Мария Андреева

2

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. ЮЖИНУ

18 сентября 1918, Петроград³²²

Глубокоуважаемый Александр Иванович!

Я передала Ваше желание Алексею Максимовичу поставить его пьесу «Старик» в Малом театре.

Он просил меня передать Вам его душевный привет Вам и артистам Малого театра, а также что он весьма рад передать Вашему театру для постановки в этом сезоне пьесу «Старик».

Крепко жму руку, желаю Вам всего доброго и шлю привет родным москвичам. О брате и племяннике Александры Александровны я передала кому следует с моей горячей просьбой обратить на них внимание.

Душевно преданная

Мария Андреева

18/IX

[ИЗ РЕЧИ О ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ]¹

*Корреспондентская записка*³²³

... Празднование годовщины породит уверенность пролетариата в конечном торжестве его дела. Но, празднуя эту годовщину, мы не должны забывать, что борьба еще продолжается и наш праздник носит строгий характер. Цвет нашего праздника будет красным, как цвет красного пролетарского знамени. Праздник явится подсчетом и смотром наших сил. Центром праздника в первый день будет Смольный, как исторический центр Октябрьской революции, роль которого была в ней выдающейся и остается таковой до сих пор. В этот первый день праздника мы будем разбужены громкими звуками музыки: хоровой, оркестровой или, может быть, даже колокольным звоном.

Мы соберемся по районам и со своими знаменами пойдем мимо Марсова поля к Смольному институту, где состоится торжественное заседание и открытие памятника нашему великому учителю Карлу Марксу. В этот день состоится целый ряд митингов и вечером будут открыты все театры.

Второй день праздника будет днем торжества труда и трудящихся. Совнарком принес в дар трудящимся Дворец труда, бывший Ксениинский институт. В этот второй день праздника произойдет торжественное открытие Дворца труда и фигуры Труда на площади перед дворцом. Затем по всему городу будут устроены гулянья и вечером иллюминация. Снова будут открыты все театры и устроены зрелища, посвященные празднику Труда...

М. Ф. АНДРЕЕВА — НАРКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЯ

А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

*7 декабря 1918, Петроград*³²⁴

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕАТРА ОСОБОЙ ТРУППЫ

Согласно разрешения Комиссариата по народному просвещению Отдел приступил к организации театра. После тщательного рассмотрения и подсчета смета расходов, в соответствии с художественным заданием означенного театра и существующими расценками труда и материалов, выразится в следующем:

Смета на 1918/19 год с 15 ноября по 15 мая, т. е. на 6 мес.

1. Содержание труппы (артисты, режиссеры, администрация) — 480 000 р.

2. Содержание рабочих и технического персонала — 400 000 р.

3. Расход по постановкам (изготовление для восьми пьес костюмов, декораций, бутафории, мебели, реквизита, париков и прочих аксессуаров) — 480 000 р.

Освещение театра — 60 000 р.

Отопление — 150 000 р.

Водоснабжение — 6 000 р.

Реклама — 90 000 р.

¹ На Пленуме Петроградского Совета.

Авторский гонорар — 45 000 р.
Мелкие расходы — 18 000 р.
Канцелярия, контора — 35 000 р.
Непредвиденные расходы — 30 000 р.
Итого: 1 794 000 р.

Отделом театров и зрелищ уже приняты в состав труппы следующие артисты: Н. Ф. Монахов, Ю. М. Юрьев, В. Р. Гардин, А. А. Чебров, А. И. Гришин, В. Я. Софронов, Мичурин, О. И. Преображенская, Дюруа, Горич, Аленева.

Кроме того, для привлечения в театр лучших артистических сил Отдел вступил в переговоры со следующими артистами: В. В. Максимов, Юренев, Нерадовский, Богдановский, Аркадин [одно слово *нрзбр*], Колосова, Белевцева, Мосолова...

Названные артисты, находясь на службе в частных театрах, получали значительно выше существующих ставок, и так как приглашение их кажется весьма ценным и необходимым для организации театра, Отдел просит разрешить для таковых, необходимых театру, артистов в количестве не более 10 установить оклад три тысячи рублей.

Мария Андреева

РЕЗОЛЮЦИЯ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО НА ДОКУМЕНТЕ

Очень сочувствую организации образцовой драматической труппы для Северной области. Препятствий к установлению повышенного оклада (до 3000) для исключительных артистов не имеется.

Нарком А. Луначарский
16. XII

5

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. КОПЯТКЕВИЧУ

20 декабря 1918, Петроград³²⁵

Дорогой товарищ Александр Антонович!

[...] Президиум постановил разрешить кредит на театр товарищей латышей.

Прошу Вас о немедленном разрешении выдачи денег Отделу театров и зрелищ для этой специальной цели в самом срочном порядке, так как иначе ввиду необходимости привести театр в зимний вид, а также уплатить гонорар артистам и служащим — товарищи латыши будут поставлены в безвыходное положение.

Очень прошу Вашей товарищеской помощи.

Мария Андреева
20/XII 918

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. ЮЖИНУ

24 марта 1919, Петроград³²⁶

Дорогой Александр Иванович, очень прошу Вас принять, выслушать и, если окажется возможным, помочь артистке Олимпиаде Эммануиловне Зарзор своим добрым советом и указанием, куда бы ей обратиться, чтобы найти себе работу в театре. Мне ее очень рекомендовали как хорошую драматическую артистку и интеллигентного человека. Она довольна службой в провинции, но ей, в силу семейных обстоятельств, необходимо устроиться в Москве.

Извините за карандаш, но у меня нет чернил, увы!

Жму Вашу руку, сердечно жалею, что не могла Вас повидать лично, так как у меня большие надежды на Вашу помощь Петрограду и особенно Большому драматическому театру.

Ваша М. Андреева

24/III-919

А. А. БЛОК — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

27 апреля 1919, Петроград³²⁷

Глубокоуважаемая Мария Федоровна.

Пока не поздно, хочу Вам сказать следующее: боюсь, что я опрометчиво взял на себя дело, в котором не разберусь и которое сильно отвлечет меня от прямых обязанностей и обязательств, которые я должен исполнять. Вчерашнее заседание убедило меня в том, что главное, в чем бы я мог принести некоторую пользу, уже сделано, а в остальном, что надо создавать, я совершенно не сведущ.

Репертуар, в сущности, готов, он сам собой выработался очень цельно, и его легко защитить от каких бы то ни было упреков. Я сказал бы так: «Разбойники» и «Орлеанская дева» звучат в воздухе, как весь Шиллер, а театр уже показал, что он может справиться с Шиллером³²⁸. Вопрос о переводе этих трагедий (годятся ли старые, нужны ли новые или надо исправлять) решится во «Всемирной литературе», потому что Шиллер входит в ее рамки. К Шиллеру примыкает Гюго: в вопросе о переводе «Эрнани» также компетентна «Всемирная литература». Шекспир — основание всякого репертуара и до сих пор; о нем спору быть не может, по-моему. «Отелло», в переводе которого едва ли кто победит Вейнберга, я бы дополнил комедией, например «Виндзорскими кумушками». Это бы, кстати, восполнило недостаток в репертуаре комедии — недостаток, мне кажется, не слишком ощутительный в наше трагическое время. Дальше идут новые пьесы — «Алексей»³²⁹, «Рванный плащ»³³⁰ я прочел; хорошая пьеса, но я очень серьезно боюсь, что Амфитеатров не только внешне, но и внутренне исказил ее. Не говоря о том, что стихи — часто просто не стихи, отсутствует не только ритм, но и размер, — я боюсь, что всей пьесе, при помощи сочных словечек и залихватского тона, сообщена вульгарность, идущая вразрез с ее подлинной демократичностью. Смешны, но *не так и не потому*

смешны поэты петраркисты, как думал Амфитеатров, стоящий далеко от стихов вообще и, очевидно, увлекавшийся иногда пародией на русскую современность, ненавистную ему, но Амфитеатров как-то по-буренински³³¹ просто не разбирается, все валит в одну кучу. У него, в сущности, нет настоящей разницы между словарем петраркистов и словарем их противников, или эта разница подчеркивается улично, — я сказал бы, как в театрах «миниатюр». Театру убыли не будет, если сделать все это тоньше, а в таком виде это может подействовать на дурные инстинкты и сослужить еще одну плохую службу культуре — прозвучать как фельетон из «Нового времени». Вообще такие стихи, при общем неумении русских актеров читать стихи, о котором Вы, конечно, знаете, могут загубить пьесу³³², самый текст которой пока расхлябан; лучше бы уж была честная проза; в таком виде пьеса покатится по наклонной плоскости. Я бы сказал, что следует просто заново перевести; если же этого нельзя, надо дать пьесу и подлинник знающему итальянский язык стихотворцу (например, П. О. Морозову, которого считаю я большим мастером языка, в противоположность большинству профессоров, он действительно проникнут Пушкиным, над которым всю жизнь работал).

Относительно «начальника шайки» я не совсем с Вами согласен. Эта роль очень важная, благодаря последнему монологу, но она все-таки не главная. Главный — «новичок» (кстати, едва ли он так называется у Сем-Бенелли; в слове «новичок» — что-то маленькое, плюгавенькое). Однако практически едва ли это меняет дело: начальника шайки надо дать большому актеру, потому что в заключительном монологе заключена демократическая душа пьесы. Надо знать, как произнести прекрасные слова: «Мы не сумели сберечь и потеряли неизвестного нам человека, но он — брат наш» (у Амфитеатрова и это сказано ужасно коряво).

К «Дантону»³³³ я прибавил бы еще одну драму или пьесу того же духа, который, я сказал бы, больше всего сближает театр с современностью (об «Алексее» не говорю, потому что не прочитал его, но заранее могу сказать, что пьеса — другой породы). Я бы назвал «Катилину» Ибсена, который, несмотря на все юношеские недостатки, нужен, как хлеб, я сказал бы, злободневен. Кроме того, он внес бы большое разнообразие в репертуар. Три таких пьесы, как «Рванный плащ», «Катилина» и «Дантон», надо будет напоить духом одной и той же музыки. Их герои, счастлива или несчастна их судьба, проникнуты одной могучей волей, которая их несет часто вопреки им самим и вопреки тому мраку, который в их душах царствует; и стоят они под одной звездой. Все это — обреченные, жертвы будущего.

Вот и весь репертуар — восемь пьес; чертеж этого репертуара такой:

Середина — неподвижный центр — Шекспир, вечное, общечеловеческое (в этом центре «Виндзорские кумушки», которых едва ли удастся поднять, заменяются «Алексеем» — тоже не современное, а общечеловеческое). Одна стрелка — Шиллер и Гюго, другая — Ибсен, Сем-Бенелли и Левберг. Все это вместе — хороший волевой напор, хороший таран.

На этом кончается вся моя пригодность к делу; следующий шаг — свести с этим репертуаром главные наличные артистические силы, доказать Юрьеву,

Монахову и Максимову, что они именно это могут и хотят играть. Это уж дело политики, такта, в котором я всегда боюсь просто напортить. Относительно вторых ролей я просто не судья, я слишком мало знаю актеров. Тем более в хозяйственных делах. Что же остается? Опять «заседать», чего очень не хотел бы. Уходя из Театрального отдела³³⁴, я уходил, собственно, от специфически театрального, от «театральщины» в литературное, как в стихию более родную, где, мне кажется, я больше могу сделать. Тут же, мне кажется, будет очень много специфически театрального; люди — очень милые, но боюсь, что между нами вечно будет пролегать что-то, мешающее нам понять друг друга, как почти всегда — между актерами и писателями; этой помехи я до сих пор почти не испытывал только в одном месте — в Художественном театре, а здешние люди — не таковы, да им и не надо быть другими, чем они есть. Этот репертуар (в части Шекспира и Шиллера) должны нести театральные, а не литературные люди. Что касается нового, то тут потребен какой-то другой режиссер, вероятно, а кто бы это мог быть, я совершенно не берусь придумать. Нет сейчас такого. Нет, — значит надо идти на компромисс, которых так много в современном театре. Как уладить этот компромисс, можете придумать Вы, как очень близкая театру, а я не сумею. Я не думаю, чтобы выхода из положения не было, но я буду думать над положением, а рубить узлы, как в данном случае надо, не сумею.

Если бы я мог уйти в дело с головой, я бы взялся, может быть; но думаю, Вы меня поймете, зная, сколько у меня других дел и как они не похожи на это по своему ритму. Я хотел бы еще, чтобы Вам не пришло в голову, что мой отказ произошел под чьим-либо влиянием; я даже с близкими не говорил, а исключительно про себя весь вчерашний день взвешивал это дело и пишу Вам только результаты собственных размышлений; пишу откровенно, искренне и с чувством давней моей преданности Вам и веры в Вас. Целую Вашу руку.

Александр Блок.

Р. S. Хотел говорить по телефону, но он испорчен.

8

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. БЛОКУ

27 апреля 1919

РСФСР

Союз трудовых коммун

Северной области

Комисс. по н. пр.

Комиссар театров и зрелищ

№... 1919 г.

Петроград

Литейный пр. д. № 46

телефон 46 – 62

Извиняюсь за бланк — нет под рукой другой бумаги.

Позвольте мне назвать Вас — дорогой Александр Александрович.

Ваше письмо еще больше убедило меня, что наши радости по поводу Вашего согласия встать во главе Большого драматического театра были верны.

Вот именно то, что Вы говорите в нем, то-то и дорого! А где надо будет рубить узлы — посылайте меня, буду верной помощницей Вам, и не только пока я комиссар — ведь все равно актрисой в этом театре я осталась бы во всяком случае.

И не надо, чтобы Вы уходили с головой в какое бы это ни было большое и нужное дело. Вы божьей милостью поэт, будничную работу будут делать другие, но Ваше присутствие внесет ту чистоту и благородство, которые дороже всего. Простите, что пишу Вам так прямо и бесцеремонно, но в таком деле, о каком мы сейчас говорим, надо быть до конца честным и правдивым, вот почему я это себе и позволяю, без обиняков и реверансов.

Очень прошу Вас завтра быть на Литейном 46, как мы условились, в 10 часов утра — беспокоить Вас будем мы только в крайних случаях, и главным образом в этот период организации и планов на будущий год.

Амфитеатрова надо будет удовлетворить денежно, а перевод сделать наново, Вы правы.

И не думайте, что все будут Лаврентьев и Гришин, они должны быть, но рядом с теми, кого вы привлечете. Об этом поговорим, если позволите.

Ваша М. Андреева

27/IV-919

9

БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

К истории возникновения

*Интервью для печати в записи Н. Мишеева*³³⁵

Собравшись в начале 1914 года у меня, мы серьезно поставили вопрос о необходимости создания театра классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы. [...]

С наступлением и развитием революции я стала думать, что наши мечты о создании театра классической трагедии, высокой комедии и романтической драмы в скором времени станут реальностью. Спектакли Юрьева, особенно «Царь Эдип», заинтересовали публику, и Комиссариат народного просвещения в лице А. В. Луначарского широко пошел навстречу плану возрождения классического репертуара. Очевидная польза и необходимость этого репертуара для народных масс, в которых надо было поддержать пламя идейных стремлений и глубоких чувств, была как нельзя лучше учтена государственной властью, увидевшей в создании театра высокого стиля одно из могучих средств воспитания пролетариата.

Я прошу только отметить, что идейная сторона нашего театра ни в коем случае не примыкала к культу исключительно классической трагедии, что ставил своей целью Юрьев. Классическая трагедия — эта трагедия рока, судьбы, тяготеющей не только над людьми, но и над богами, — она была годна

для революционного настроения народа лишь постольку, поскольку отучала его от пошлости. Но эта же трагедия — учением о страшной судьбе, с которой нельзя было бороться, парализовала силы пробуждающегося народа, в корне подрезала все его порывы ввысь, поселяя в душе невольную мысль: зачем бороться, куда-то стремиться, если все равно в один прекрасный день борьба закончится гибелью борцов?..

Поэтому мы и решили будущий наш театр отдать прежде всего «романтической драме», где человек борется как с подобными ему людьми, так и с собственными страстями, и если гибнет, то не по воле слепого рока, а по собственной вине...

10

В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

18 сентября 1919, Москва³³⁶

18/IX

Дорогая М. Ф.! Извиняюсь за опоздание: отвечаю сразу на оба письма. По поводу первого, я надеюсь, Вы в Питере уже говорили с Луначарским. Я из-за своих поездок на дачу его не поймал и не успел с ним поговорить. Сделаю это как смогу скоро.

По поводу второго (аресты) пишу А. М.

Меры к освобождению приняты. (Нельзя не арестовывать, для предупреждения заговоров, всей кадетской и около-кадетской публики. Она способна, вся, помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее. Лучше, чтобы десятки и сотни интеллигентов посидели деньки и недельки, чем чтобы 10 000 было перебито. Ей-ей, лучше.)

Лучшие приветы!

Ваш Ленин

11

**В КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДСКОГО УКРЕПЛЕННОГО
РАЙОНА**

23 октября 1919, Петроград³³⁷

Всем, кто хоть немного интересовался театром, отлично известно, что более, чем всякое другое предприятие, зависит от спаянности в работе, от навыка работать — наше театральное дело.

Если из Мариинского театра оперы и балета, из Большого драматического театра взять хотя бы часть рабочих и артистов, несущих наиболее ответственную работу, взять ответственных актеров из Малого драматического театра, певцов и оркестрантов и рабочих из Большого оперного театра, рабочих и лучших артистов Александринского, Михайловского и Кронверкского драматического театров — это будет грозить полным уничтожением театров на долгое время, может быть даже на годы.

До сих пор все эти театры были забронированы с разрешения Комитета

Обороны и отдавали своих работников планомерно, сохраняя предприятие при всех мобилизациях.

Глубоко сознавая, как сейчас нужна оборона и защита чисто военная, я все-таки позволяю себе просить о сохранении вышепоименованных театров, предприятий высоко культурной ценности, и хотя бы сокращенного Отдела управления ими.

Кроме того, призыв к военной службе этих людей, по глубокому моему убеждению, принесет армии неизмеримо меньше пользы, чем их служба на своем поприще.

К этому моему мнению всецело присоединяется Профессиональный союз работников искусств, вполне поддерживая мое ходатайство перед Комитетом Оборона.

Прошу также о разрешении мне под строжайшую личную мою ответственность давать свидетельства об освобождении от окопных работ тем артистам и работникам, коим это грозит потерю работоспособности. Таковых по всем театрам будет не свыше 200 человек.

Заведующая Петроградским Театральным отделом

М. Андреева

12

РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕАТР³³⁸

Два года непрерывного горения, борьбы, славных побед и тяжелых потерь.

Великая революция сломала большую часть старых форм жизни, поставила вверх ногами все старые навыки, сметает и отбрасывает все, что мешает ей на пути к победе.

В дни, насыщенные великими переживаниями народа, в годы бури и грозы искусство и как отрасль его, наиболее доступную широким массам, театр нередко обвиняют в том, что он не отвечает переживаемому моменту, духу времени, что он слишком устойчиво сохраняет старую свою форму.

Перед людьми, работающими в области театра, встала задача: либо вовсе прекратить временно существование театра, отбросив все старое как ненужное, ждать рождения творцов нового пролетарского искусства, либо, используя весь опыт старого театра в лучших проявлениях его, сделать его доступным и понятным широким массам, жаждущим приобщения своего ко всему богатству культуры.

Руководители театра стали на этот второй путь, предоставив в то же время всякому новому начинанию пролетарского искусства самые широкие возможности.

За эти два года Советской республики создалась крупнейшая организация Пролеткульта и огромное количество по самым захолустным местам рабоче-крестьянских театров-студий.

Самое ответственное и важное в театре — это репертуар, и вот тут-то задача руководителей театрального дела всего труднее.

Нельзя выдумать язык, нельзя искусственно создать его по щучьему

велению, по моему хотению, — творит его народ, строится он по строгим, неуклонным законам, и видимый творец его — поэт, мастер слова — является только высшей точкой пирамиды, собравшей воедино весь комплекс опыта бесчисленных песчинок, составляющих тело ее, он только фокус, в котором собрались все лучи.

Так же точно творится и искусство, выдумать его, как бы страстно ни было желание это сделать — нельзя, а творцы новой жизни горят в великой борьбе, заняты строительством и укреплением новых материальных форм жизни, и, пока это так, надо использовать все прекрасное и сильное, что овеяно духом истинной поэзии и таланта, отбрасывая в сторону отмирающее, то, что раскрашивало во все цвета радуги житейскую пошлость. Наши старые государственные академические театры делают в этом отношении все возможное, сильно изменяя свой прежний лик. Насколько они стали доступны широким массам, красноречивее всего скажут цифры: за зиму 1918/19 г. в государственных театрах даны были 126 школьных спектаклей, 75 спектаклей для профессиональных союзов и 33 для Красной Армии. За летний сезон, играя в коммунальных летних театрах и садах, труппы Мариинского театра — оперы и балета — дали 67 спектаклей, Александринский театр — 80 и 17 спектаклей для красноармейцев. Мариинский театр дал для Красной Армии за летний сезон 16 представлений.

Новые коммунальные театры, созданные вновь или реорганизованные из старых муниципальных театров, Народных домов, бывшего Общества попечения о народной трезвости, дали за зиму 1918/19 г. таких доступных спектаклей: школьных 75, для профессиональных союзов 35, для Красной Армии 100 и по распоряжению Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов — 108 спектаклей.

За летний сезон дано было всего 416 спектаклей и 59 для Красной Армии, причем общая посещаемость за летний сезон выразилась цифрой 712 672 человека за короткие два месяца.

На фронте коммунальные и государственные театры дали 153 представления, играли пьесы классического репертуара, где это позволял театр, как в Пскове, Новгороде, Кронштадте, Шлиссельбурге, или менее сложные вещи, как «Гибель “Надежды”», «Зеленый попугай», «Зарождение марсельезы»; давали концерты и сокращенные оперные спектакли.

Частные театры за истекшие годы мало подверглись изменению, если не считать того крупного факта, что постепенно частная антреприза перешла в руки коллективных трудовых групп, а декретом от 28 августа все театральное имущество, здания и реквизит объявлены национальной собственностью.

Позволю себе бегло коснуться только нашей театральной практики, совершенно оставляя в стороне огромную, интересную, почти не тронутую еще районную театральную жизнь, деятельность театральных секций агит- и культпросветов. Одно перечисление всех этих начинаний заняло бы слишком много места. Несмотря на все промахи и недостатки, на все несовершенство достижений, можно смело сказать: немало сделано все-таки за это время в смысле приближения театра к народным массам.

Пусть же придет, победив все преграды на многотрудном и славном пути своем, новый творец, поэт и художник, пусть придет он, светлый, могучий и радостный, принять весь опыт прошлого, создавать новое великое искусство!

М. Андреева

4 XI 1919 г.

13

[ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПЕТРОГРАДСКИХ ТЕАТРАХ]

1919, до 25 декабря³³⁹

[ПОМЕТЫ В. И. ЛЕНИНА:]

Поговорить с Луначарским (для *Малого Совета*).

Анатолий Васильевич, Ваше мнение? — Ленин

Напомнить мне, когда придет М. Ф. Андреева.

Приняв общее положение о том, что все театры, за исключением особо упомянутых в декрете академических государственных театров — московских: Большого, Малого и Художественного; петроградских: Мариинского, Александринского и Михайловского — являются субсидируемыми, Центротheater не принял во внимание целой группы театров, находящихся в особых условиях, а именно так называемые петроградские коммунальные театры, которые с самого возникновения своего являются театрами национальными, финансируемыми и обладающими в настоящее время общим имуществом, очень значительным, в виде центральных складов, центральных костюмерных, декорационных, бутафорских, трафаретных, красильных, сапожных и иных мастерских.

Расщепление этих театров на отдельные автономные или полуавтономные единицы явилось бы крайне нерациональным, как отмена только что строго проведенной централизации всего административного и материального аппарата, так и нецелесообразным в смысле экономии сил и средств.

Ввиду всего вышеизложенного, настоящим постановляется: петроградские коммунальные театры — Большой оперный, Большой драматический, Малый драматический и Петроградский драматический театры считать национальными, государственными, находящимися в непосредственном ведении Петроградского театрального отделения, финансируемыми на основании подаваемых ПТО и утверждаемых в предусмотренном порядке смет.

14

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

1919, Петроград³⁴⁰

Дорогой Владимир Ильич,

когда у Вас будет время, чтобы переговорить со мной по делам, — вызовите меня по телефону: днем — 46-62, поздно вечером, после 1 ч. ночи, — 212-68, и назначьте, когда приехать в Москву.

Беспокою не по пустякам, конечно.

И еще — Десницкому (Строеву) необходимо с Вами повидаться. Когда можно? Он приедет.

Мой адрес: Кронверкский пр., 23, кв. 5.

Жму крепко руку.

Мария Андреева

15

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Л. Б. КРАСИНУ

*14 февраля 1920, Петроград*³⁴¹

Старый друг, уехала я прошлый раз, расставшись с Вами, в очень тяжелом настроении.

Ведь не подумаете же Вы, что мне нужно быть «комиссаром Петроградского отделения Народного комиссариата внешней торговли»?

Но мне интересно, очень интересно, чтобы работа, за которую мне случайно пришлось взяться, шла и налаживалась.

Сейчас, как мне кажется, работа Петроградского отделения станет очень важной и значительной и от того, какие формы она примет, будут значительно зависеть наши заграничные операции вообще. Само собой разумеется, если Вы, о Бегге говоря, высказываете опасение, что его «рабочий» вид будет не к выгоде служить при переговорах с иностранцами, то «коммунизм во сто лошадиных сил» и «плевать мы хотели», которыми будут руководствоваться Циперович и Кимбер в качестве прозелитов, может сразу загубить все.

Чтобы хотя несколько предохранить Петроградское отделение от этой перспективы, необходимо сейчас же выработать план, по которому он должен строиться, и привлечь людей, способных его провести в жизнь, способных заслужить хорошую деловую репутацию за границей, еще лучше — уже имеющих таковую.

... И хотелось бы, чтобы Петроградское отделение стало на настоящую практическую деловую дорогу.

Ну, будьте здоровы, Леонид Борисович, и до свиданья.

М. Андреева

14/II 920

16

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

*Февраль (до 24-го) 1920, Петроград*³⁴²

Дорогой Анатолий Васильевич,
а Перазич, хоть он и не назначен официально, то есть не было опубликовано в официозах о его назначении, преспокойно заведует Художественным подотделом Отнаробраза!³⁴³

Сегодня в Доме ученых видела Зеликсона, он ни словом не обмолвился о Перазиче, а я не спрашивала его, но живо интересовался нашими делами,

нашим предстоящим районным совещанием, выработанной программой; говорил о том, как хорошо было бы, если бы вместо Лурье Музо заведовал Н. Е. Буренин; хвалил Большой драматический театр и т. д.

Наш милый старый Севпрос стоит покинутым³⁴⁴, а Отнаробраз переехал на Казанскую 7, где царит наша «победоносица»³⁴⁵. Заседания там длятся по несколько часов, и кому надо выслушивают великие и богатые милостыни.

Никого из «высших мира нашего» еще не видала, ни Зиновьева, ни Лилину, ни Равич, в понедельник поеду по мытарствам, дабы увидеть всех их и судить о температуре, но беру курс налево, в районы, и главное, в округ, где у нас большая опора, что может импонировать нашему «верху» по праву и справедливости.

Хорошенько подумав о нашем отделении Центротeatра, состав его необходимо определить таким³⁴⁶, как мне кажется: по назначению — председатель — Андреева, член Центротeatра — Экскузович, члены Петроградского отделения — Буренин, Лапицкий, Крючков; по выбору — член Петросовета, Сорабиса, Госактеатров, Госуд. коммунальных (эти с правом решающего голоса в пределах компетенции, предоставленной центром).

И затем, с правом совещательного голоса, неограниченное число кооптируемых, тут может быть и Пролеткульт, и Революционно-героический театр, и компетентные спецы.

Усердно прошу внимания Вашего, Анатолий Васильевич, к той бумаге от Революционно-героического театра, которую я в порядке субординации передала Вере Рудольфовне. Лично я полагала бы очень желательным включить его в число финансируемых *alias*¹ нео-государственных театров.

Пришлю Вам доклады наши и Военно-театральному комитету и Межрайонному совещанию, а если окажется что-либо интересное, то и протоколы. В марте мы думаем созвать Окружную конференцию, и мы были бы очень польщены, если бы Вы пожелали принять в ней участие, хотя бы ненадолго, в качестве почетного председателя.

В этот раз я как-то больше познакомилась с Верой Рудольфовной³⁴⁷ и вынесла самое чудесное впечатление; мне теперь кажется, что, если бы мы с ней ближе друг друга знали, мы стали бы очень хорошо и дружно работать. Уж одно то, что она культурный, мягкий, доброжелательный человек, — пленяет меня, а те суждения, какие я от нее слышала об игре, о постановках, о пьесах, показывают, что она человек с хорошим вкусом, чутьем, что она может стать тем, что мы называем «театральным человеком», это меня очень обрадовало. Но трудно ей будет, бедняжке, ужасно, даже и при Вашей помощи и участии!

Как мне жаль, что Вы у нас не видали «Отелло»³⁴⁸ и не увидите «Петра и Алексея»³⁴⁹! Бенуа сидит целыми днями, не выходя из театра (они ставят пьесу, он и Лаврентьев), увлечен до трогательности.

И еще большое для нас приобретение — к нам пришел работать Сомов. Для Бомарше — это клад.

Видались ли Вы с Алексеем Максимовичем? Он до того сердит на

¹ — других (*лат.*).

Лилину [З. М.], что слышать о ней не может. Хорошо бы Вам повидать Ленина вместе с ним, так как Вы сразу увидите, насколько мыслима или совсем невозможна борьба с ней. Ведь вот без нее Зеликсон, побывав в Доме ученых, остался в полном восторге. Кстати, он едет в Москву на неделю, не думаете ли Вы, чтобы было полезно дать его на выучку хотя бы тому же Ник. Ник. Крестинскому, хотя бы минут на десять? А то ведь ему, бедному, кажется, что сильнее кошки зверя нет, сам же он может быть безвредным, если не будет влияний со стороны.

Ах, и еще Голубь! Боже милостивый, какой это глупый человек, какой нахал и лакей.

С будущей недели начинаю чистку и реорганизацию Большого оперного театра³⁵⁰ и всего бывшего Народного дома — когда-когда мы с Вами это начали, и все еще там неблагополучно!

До свидания, дорогой Анатолий Васильевич, жму крепко Вашу руку, кланяюсь Анне Александровне, m-me Кристи (какая она милая, кстати), Дмитрию Ильичу [Лещенко] и целую ребят.

Ваша М. Андреева

17

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК — НОВЫЙ ТЕАТР³⁵¹

Пожалуй, ни одна отрасль искусства не привлекает к себе столько внимания, не возбуждает столько горячего интереса, как театр, но интерес этот какой-то легкий.

И никого, пожалуй, не критикуют, не упрекают в косности, в неумении идти в уровень с кипучим временем, переживаемым нами, как театр.

Было ходячим мнением, что написать пьесу, стать хорошим актером дело совсем не мудреное, стоит иметь талант, вдохновение — и все пойдет как по маслу.

Немного иначе обстояло дело там, где приходила музыка, пение, на скрипке не учась — не заиграешь; не развив голоса — не запоешь; не изучив законов музыки — не напишешь простой музыкальной пьесы, хотя бы даже и зная ноты.

Нельзя написать даже плохой декорации, если вы совсем не умеете владеть красками, рисовать, а вот выучив наизусть слова, да иной раз очень плохо выучив, идя по подсказке суфлера, кто только не пробовал играть.

Кто только не пробовал и не пробует написать пьесу?..

Трудно спорить против того, что в дореволюционный период театр далеко не стоял на высоте, что те кружева психологических переживаний, которыми он почти исключительно занимался, сейчас, в эпоху, когда весь мир перестраивается на новый лад, совершенно никому не нужны и не интересны, — какое кому дело до маленьких себялюбивых дам и кавалеров, страдавших на сцене от того, что они слабы, ничтожны и заняты только собою самими.

Но написать пьесу, которая бы удовлетворила нас, несмотря на то, что вся

жизнь сейчас насыщена такой молниеносной динамикой, когда каждый день, каждый час на наших глазах совершаются великие события, когда каждый честный революционер, хотя бы на недолгий срок, но каждый был героем, когда большинство людей переживают потрясающие трагедии, когда тысячами гибнут люди и в то же время грядет великое, светлое будущее, — задача едва ли выполнимая.

Как вы напишете то, что еще не нашло своей формы, не нашло своего выражения? Где тот мастер, который, взяв всю сумму коллективных переживаний, домыслов, восприятий, отлил бы ее в новую, совершенную форму?

Написать пьесу — труднейшее мастерство. Это всегда было труднейшей формой литературы, и для этого мало таланта, вдохновения, надо еще и большое умение, надо пройти большой путь опыта.

Все, что до сих пор мне приходилось читать и видеть, это старые пьесы, со всеми старыми методами, достоинствами и недостатками, только — на иные темы, иногда с новыми оттенками, но почти всегда *со старой психологией*, какие бы революционные задания ни ставили себе авторы этих пьес.

И у многих авторов сохранился стиль самоучек, между тем, казалось бы, теперь каждому предоставлено право и возможность учиться, все учителя, все сокровища науки и знания к услугам каждого, только учись.

Не потому ли это [что] до сих пор на театр смотрят как на забаву, на развлечение, на «легкое дело»?

Не каждому дан талант, но каждый может и должен быть мастером того дела, за которое он берется.

Чтобы стать мастером-актером, нужно употребить массу труда, кропотливой и упорной работы над своим телом, своим голосом, памятью, ибо актер единовременно и работник и инструмент.

Только когда он свободно владеет своим инструментом, он достоин звания мастера, даже если он не хочет быть профессионалом, но хочет научиться играть на сцене, любя это дело и интересуясь им.

Мне кажутся глубоко неправыми люди, навязывающие театру определенные задачи, указуя путь, по которому театр, по их мнению, должен идти, предопределяя формы, которые он примет³⁵².

Новый театр создаст новый человек, когда он овладеет мастерством, техникой, *видоизменит ее по-своему*, вдохнет в него свою душу, осветит своим мироощущением, своей новой психологией.

Мы с горячей верой ждем *его*, работаем в предтечу *ему*.

Все знание наше, весь наш опыт, все наше творчество — для него, для того нового человека.

Он же будет творить по-своему, по-новому.

Пусть он отнесется к нашему знанию, к нашему опыту с критикой, не берет ничего на веру, но он *должен знать, что, только вполне овладев этим прошлым, он сможет и сумеет творить новое будущее*.

М. Андреева
[1920 г.]

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ***Март – апрель 1920, Петроград***³⁵³

Не могла тебе сказать при всех, что Пунин и его присные футуристы — Школьник, Жевержеев и К^о — повели против меня отчаянную борьбу³⁵⁴. Орудием они выбрали Профессиональный союз искусств и председателя его Лебедева.

Вчера у меня были две стычки, очень яростные. Пока верх одерживаю я, но положение очень строгое, так как и Анцелович и Циперович (последний особенно меня терпеть не может) будут против меня.

Не забудь еще Лилиной [З. М.], которая будет делать мне гадости, воображая, что она этим досадит тебе, а тут еще я по чести и совести обязана была протестовать против ее детского театра и секции эстетического воспитания по ее рецепту.

На дыбы против меня встал умирающий Пролеткульт, который усердно поддерживает клубная партийная секция.

Меня обвиняют в непонимании пролетарской психологии, оторванности от масс, с одной стороны, и в том, что я «упустила» такую «огромную художественную силу», как Лапицкий, уничтожив «музыкальную драму».

Профессиональный союз протестует против моего назначения, так как их кандидатами были Перазич и Блох.

Вот с чем приходится бороться и в каких условиях работать.

Это надо, чтобы не погибло еще больше ценного, но это очень трудно, а подчас и очень мучительно, поверь мне. А тут еще Ф. И. Шаляпин, подзуживаемый Купером, Экскузовичем, Якобсоном и Исаем, нет-нет да и помешает, почему-то доверяя их преданности делам Мариинского театра, который единственно ему лично интересен.

Сегодня он, между прочим, собирался быть у тебя. [...]

Мария

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ***Март – апрель 1920, Петроград***³⁵⁵

Дорогой Владимир Ильич!

... Простите, что, pour la bonne bouche¹, нажалуюсь Вам чуточку на наш Отнаробраз: боюсь, что придется отказываться от работы! Клубная секция, через Художественный подотдел, в котором председательствует Зеликсон, требует, чтобы вход в сады, где функционируют открытые сцены, был бы бесплатным; требует, чтобы им для любительских упражнений два раза в неделю предоставлялись бы летние театры в Петрограде; в каждом клубе устраивают помимо нас, ведающих театральным делом, театральные кружки под руководством третьестепенных актеров, развращают этим вкусы, плодят самую пошлую, публичную группу недоучек и самоучек.

¹ — на закуску (*франц.*).

Лилина, ведающая единой трудовой школой, всюду пропагандирует детские спектакли, причем актеры и балетные — дети от 5 до 12 – 15 лет! Их одевают, гримируют, и они представляют на сцене то сказки, то инсценировку, вроде «Жены ямщика» Никитина или сцен из «Тома Сойера» Марка Твэна! Все это очень забавно, иногда даже мило, но ведь как же безумно вредно! Она же находит, что Шекспир («Двенадцатая ночь», например) беспринципен, Островский — никому не нужен и не интересен, что показывать второй ступени [школы] «Последнюю жертву» — возмутительно. Поэтому они, отдел единой школы, должны запретить ставить «подобные пьесы» в советских театрах. Попробуй спорить, возражать, сию минуту затыкают рот, нажаловавшись Зиновьеву, то есть — Петроградскому комитету [партии], Президиуму и Исполкому Совета, велят Быстрянскому обругать в «Правде»³⁵⁶ и — пожалуйте!

Мне, например, Госкон [Госконтроль] и Наркомфин предписывают довести доход театральных предприятий, чтобы они себя покрывали, а Зеликсон и Художественный подотдел постановляет: брать все спектакли всех театров для единой школы, неграмотных, Клубной секции, уплачивая за это 60 % ассигновкой; если к этому прибавить два спектакля для Красной Армии на тех же условиях и один — профсоюзов, то для обычной, так называемой широкой публики не остается ни одного дня.

Как же тут быть?

И никто не признает распоряжений Центра, и все (всѣ) всё обсуждают коллегиально! Такой парламент, поддерживаемый местной высшей властью, что нет никаких сил!

Неужели же в несчастном Питере так все и будет до конца дней?

Пока удавалось отстоять, сохранить, убедить, но сейчас, когда дух сепаратизма и оппозиции как-то особенно расцвел, когда во главе стоит бессильный, безличный Зеликсон, а над ним царит эта мощная власть на месте, — ничего нельзя надеяться сделать. А сейчас даже Иоффе тут нет, некому сказать!

Не люблю жаловаться, но ведь поймите же — за эти два года сделана большая работа, создана организация, которую в деловом отношении признают исключительной по целесообразности и стройности, в смысле централизации управления, как здешние Комфин и Госкон, так и Наркомфин и Госкон, хотите — справьтесь. Подобралась группа хороших работников. Но явились влиятельные дамы — Лилина, Ядвига Нетупская и Софья Шульга, и все готово полететь к черту.

Во главе московского Тео стоит Вера Рудольфовна Менжинская — чудесный человек, отличный работник, но ведь она тоже не театральная деятельница, то же О. Д. Каменева — во главе Художественного отдела Московского Совета... О господи коммунистический! Бедное русское искусство, бедный русский чудом уцелевший было театр!

Ну, всего доброго, крепко жму Вашу руку...

Ваша М. Андреева

НЕИЗВЕСТНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*19 апреля 1920, Москва*³⁵⁷

Дорогая Мария Федоровна.

Последние дни, а отчасти под влиянием того, что Вы мне сказали, я произвел маленькое расследование относительно всего, что стало твориться вокруг Тео и Центротeatра с моим отходом. Впечатление это произвело на меня удручающее.

Иосиф Михайлович [Лапицкий] несомненно заключил союз с худшими театральными элементами, постоянно повторяя, что вокруг меня арапы, которые меня надувают, делая вид, что он оказывает мне дружеские услуги, но фактически связался с Ольгой Давыдовной [Каменевой], что, конечно, полугрех, и с Эвелиновым, который определенно стоит во главе капиталистической, предпринимательской клики, и притом самого грязного разбора, и со всякими глассерами и другими более или менее мелкими жуликами. Я ясно вижу, что через них Лапицкий будет владеть театрами, а фактически они через Лапицкого будут сосать из театров средства. Вера Рудольфовна [Менжинская] — совершенно бессильный человек в деле руководства театрами. Лапицкий имеет на нее неограниченное влияние и втирает ей очки. Она в высокой степени благородный человек, но, во-первых, в ее отношения к Лапицкому вмешиваются так называемые иррациональные величины, и, во-вторых, она далеко не так умна и не так хитра, чтобы стоять во главе подобного дела.

Лапицкий делает вид (как он это делает и со мной), что обращает ее внимание на всякие злоупотребления и, отцеживая комара, хочет заставить нас проглотить верблюда.

Между тем партийные круги продолжают давить на меня в том направлении, чтобы я, оставив, быть может, за собой председательство в Центротeatре, вместе с тем как можно решительнее отошел от театра и занялся Главпрофобром и некоторыми другими задачами Наркомпроса.

Принципиально я с этим совершенно согласен и охотно это сделал бы, но теперь, когда я ясно вижу, что фактически и неизбежно распорядителем всех судеб театра станет И. М. Лапицкий, не исключая государственных, под которые уже повелся систематический подкоп, — меня взяла оторопь. Этого я, во всяком случае, допустить не могу.

Лапицкий может быть хорошим работником под определенным контролем, но если я отойду и останется только Вера Рудольфовна, то и получится фирма Менжинской, а сущность — Лапицкий.

Вот почему, Мария Федоровна, после зрелого размышления я решаюсь спросить Вас, не согласились бы Вы, действительно, переехать в Москву и стать во главе Театрального отдела. Я положительно не вижу другого выхода. Подходящего человека у меня нет. Во главе театрального дела должен стоять коммунист, иначе все театры могут разрушить вдребезги такие левые коммунисты, то есть керженствующие новоперы³⁵⁸, что было бы катастрофой. Куда ни кинь — все клин, и спасение как будто бы только в том, чтобы за дело

взялись Вы.

Напишите мне как можно скорей, что вы об этом думаете. Политически дело можно обставить в две минуты. ЦК не будет иметь против этого решительно ничего, а Вера Рудольфовна, как старый педагог, бесконечно более подходяща в качестве ближайшей помощницы Людмилы Рудольфовны или Надежды Константиновны, чем в качестве руководительницы, по существу, весьма чуждого ей дела.

Жму Вашу руку.

19/IV -20 г.

21

В. М. СМЕРНОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

18 августа 1920³⁵⁹

Заведующий отделением РОСТА в Скандинавии.

Стокгольм, 18 августа 1920 г.

Дорогой товарищ,

по поручению левого социалистического издательства «Фрам» я работаю над книгой о русских, финляндских и других революционных и литературных деятелях, главным образом о таких, с которыми мне приходилось лично встречаться. Моя книга будет основана на личных воспоминаниях и на других данных. За свое двухлетнее пребывание в Стокгольме я успел убедиться, что в социалистических и рабочих кругах Скандинавии замечается значительный интерес к подобным биографическим работам.

Упомянутую книгу предположено выпустить здесь осенью на шведском и, по всей вероятности, в Христиании на норвежском языке.

Ввиду вышеизложенного я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой не отказать выслать мне, по возможности в самом непродолжительном времени, Ваш портрет с автографом и краткие биографические данные, причем я просил бы сообщить мне, могу ли я в книге указать, что я получил их от Вас лично. От тт. Луначарского, Красина я уже получил эти данные. Этот материал прошу переслать мне через нашу торговую делегацию в Ревеле по адресу — Стокгольм, РОСТА, В. Смирнову.

С товарищеским приветом

В. Смирнов.

Р. S. Ваш портрет (на открытке) и без автографа и портрет А. М. я получил через Н. Е. Буренина, за что я чрезвычайно благодарен. Краткие биографические данные были бы необходимы для меня.

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ

23 августа 1920, Москва

Л. А. или Гляссер: напомните мне¹.

Мне очень хотелось бы повидать Вас по-хорошему, когда можно было бы поговорить с Вами не о «делах», ради которых беспокоишь Вас и внутренне мучаешься, зная, как Вам все это должно надоедать, утомлять Вас своей сравнительной мелочностью. А тут еще прошлый раз Вы были бледноваты, будто похудели.

Неужели невозможно было бы приехать к нам хотя бы на неделю? А уж я бы Вас так спрятала, что... никто бы не знал, где Вы, половили бы рыбу на Новой Ладогe — разве не хорошо? Вы подумайте об этом хоть немного, пожалуйста.

... Был в Москве Ладыжников. Мне казалось, что Вам интересно было бы его повидать, боюсь — умрет он скоро, сердце у него разрослось до неприличия. Все такой же он хороший, и уж вот кто рассказал бы Вам об Алексее лучше, чем кто бы то ни было. А вот что мне пришло в голову: лучше няньки для Алексея, чем Иван Павлович, — не придумаешь, даже и с больным сердцем. Что, если бы их двоих послать на Кавказ на некоторое время? Чтобы Алексею было на что жить там, можно дать ему поручение устроить там нечто вроде «Всемирной литературы», отделение нашего Государственного издательства, этим объяснится и то, что с ним посылается Ладыжников, а то ведь Алексей может закинуться: зачем-де со мной должен ехать Ладыжников, я одни поеду. А уж куда там один!.. Как бы Вы на это взглянули? Алексею необходимы новые впечатления, если он будет сидеть все время в облаке тех, коими он сейчас живет, ведь он с ума сойдет, об этом Вы сами не раз говорили, а такая командировка отвлечет и займет его надолго.

Больше всего сейчас его волнуют его ученые! Нельзя ли, чтобы нарком продовольствия послал в Питер телеграмму, чтобы не мешали ему! Вчера я говорила с тов. Юрьевым, членом Президиума Наркомпрода, который хорошо знает питерские продовольственные дела. Он прямо возмутился стремлением разрушить налаженный распределительный пункт Дома ученых при полной неналаженности такового в Петрокоммуне, и при том, что после смены Бадаева³⁶⁰ и его помощников вновь вступивший Куклин и его новые сотрудники совсем не в курсе дел и не в состоянии понять, как им надо быть пока осторожными и не ломить напролом. [...]

Еще просил меня Шаляпин, говорить о нем: ему хотелось бы поехать отдохнуть, для чего нужны кое-какие условия, да не знаю, хотите ли Вы говорить о нем?

До свидания, дорогой Владимир Ильич.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша М. Андреева

¹ Помета В. И. Ленина. Упоминаемая в ней Л. А. — Фотиева. — Ред.

Я пробуду здесь сегодня и завтра до 6 ч. вечера. Адрес: Воздвиженка, 4, кв. 20, т. 3-11-55.

23

М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. и И. П. ЛАДЫЖНИКОВЫМ

12 апреля 1921, Петроград³⁶¹

Дорогие, любимые мои Ладыжниковы!

Мне очень грустно, что не удалось с вами попрощаться перед отъездом. Вы — мои самые любимые старые друзья, и думаю я о вас очень, очень часто, с горячей нежностью.

По возвращении приду к вам и поздороваюсь уж, надеюсь, лично, так как будет лето.

Милый Иван Павлович! Очень прошу Вас — не откажитесь поехать с Алешей в Наугейм: он очень болен и без Вас ему будет плохо, а и Вам там полечиться будет полезно.

Ему очень хочется, чтобы Вы согласились, и я Вас прошу: когда он Вас попросит — поехать с ним!

Пока крепко обнимаю и целую вас обоих и крепко целую Наташу, которую тоже люблю, как свою родную.

Ваша *Мария Андреева*
12/IV-921

24

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

28 августа 1921, Берлин³⁶²

28/VIII-1921

От Макса узнала о тебе, Алексей Максимович. Сама я от тебя получила полтора месяца тому назад чисто деловое и, как всегда, суровое письмо...

Не едешь? Это очень жаль, и очень тяжело думать, что ты не поправишься, не отдохнешь, жутко делается, когда представишь себе зиму, твою жизнь, твой кашель, коридорчик, в котором ты спишь и лежишь больной, твой замечательный «кабинет» с опустевшими полками и все, все, от чего, как подумаешь, ноет и болит душа.

Для дела помощи твой приезд абсолютно необходим³⁶³, твой неприезд отзовется страшно губительно, так как никаких Кусковой — Прокоповича — Кишкина здесь не знают, да и знать не хотят, кроме эмигрантов, которые сыграли бы скверную роль, если эти приедут, и сыграют такую же скверную игру на том, что-де «свободномыслящих» не пустили. Этим господам все на руку, лишь бы напакостить. Эти, конечно, будут ликовать, что ты не приезжаешь, так как всем им нож острый, что им, им! — Бунину + Мережковскому + Гиппиус + Куприну и Чернову с К° не верят, их не слушают, а Горькому, злодею, верят.

Но это все-таки только шавки. Но ведь есть еще и крупные собаки, которые вредят и портят куда серьезнее.

Мне думается, после всего, что я сама здесь видела и узнала, тебе отнюдь не следует ехать с каким бы то ни было комитетом или официальным поручением. На тебя смотрят как на абсолютно чистого и достоверного свидетеля, который скажет правду о размерах голода, о возможностях помощи, и твое слово о прочности Советского правительства, обо всем, что им сделано хорошего и как трудно было ему добиваться хороших результатов в неистово тяжких условиях работы и жизни, будет иметь здесь огромное значение.

Если меня слушают с неослабным интересом и мои выступления делают свое дело³⁶⁴, то, значит, твои слова имели бы положительно решающее значение.

Само собой разумеется, тебе не следует размениваться на мелочи, не следует выступать везде и всюду, а надо выбрать два-три места, не следует браться ни за какую практическую работу сбора, организации комитетов и проч. Одно твоё появление будет уже очень важно.

Было бы очень хорошо, если бы я успела повидаться с тобой в самые первые часы твоего выезда за границу, так как у меня сейчас довольно большой опыт и очень много данных, которые могут быть тебе полезны.

Глубоко убеждена, что тебе необходимо поехать, и как можно скорее!

Думаю, что тебе следует хоть немного позаботиться о себе самом, ведь тебе же надо писать! Тебе так давно хочется этого. Средств у тебя хватит твоих собственных на прожитие даже в Швеции, где климат здоровый, питание нормальное и здоровое и где есть остров, на котором ты мог бы жить абсолютно один, если захочешь, в условиях наибольшего комфорта: хороший дом, условия жизни и проч.

Получила письмо от Бракко, он очень зовет к себе, но там, как и в Германии, вряд ли сейчас возможно будет жить спокойно, что необходимо для твоей работы. [...]

Что будет со мной дальше — не знаю. Жду Буренина, чтобы от него узнать, что мне будет поручено.

Пока езжу и говорю всюду — помогайте России. Думаю скоро побывать в России, а может быть, и совсем вернуться, хотя знаю, что Нетупская и К^о разрушили все мною и моими сотрудниками сделанное, и в нашем деле все обстоит очень плохо, актеры бегут, хотя здесь попадают в еще худшие условия, и т. д.

Здоровье мое неважно. Мучает очень воспаление вен на левой ноге и — сердце, по-видимому оно собирается отказываться от работы, что, впрочем, совсем не удивительно и довольно своевременно. [...]

Желаю тебе горячо-горячо всего доброго.

М. А.

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ

25 января 1922, Берлин

Дорогой Владимир Ильич!

Не повезло мне — все время, пока я пробыла в России, Вы были в отъезде и видела я Вас всего минуточку.

Очень хотелось мне рассказать Вам о приезде Алексея за границу, как к нему отнеслись наши эмигранты и как иностранцы, о нем самом, его настроениях и впечатлениях, весьма разнствующих с теми, каковые обуревали его, когда он уезжал из России, как особенно ярко видно по его письмам ко мне.

Хотелось рассказать Вам о своей эпопее — ведь меня посылали с лекциями о голоде в Швецию, Данию³⁶⁵, и пришлось выступать в самом Берлине по тому же вопросу, а это дало мне возможность видеть массу самой разнообразной публики, со мной разговаривающей без особой сторожкости.

... Вы, конечно, знаете, что снова мы работаем, как встарь, все вместе³⁶⁶: Буренин, Березин и я. Сейчас у нас большие надежды, что добудем денег в хорошей валюте³⁶⁷ за наши bric-à-brac¹ — и только бы не помешала нам какая-нибудь высокая коммерческая политика больших Полпредов.

На этот раз надеюсь пробыть недолго³⁶⁸, чтобы к весне быть в Москве, хотя Алексей и пищит по этому поводу, да ничего не поделаешь.

Ему сейчас лучше, но лечиться придется долго и упорно.

У самой у меня хочет отвалиться левая нога, но я думаю воспротивиться этому, сприсясь заграничных докторов.

Крепко обнимаю Вас, дорогой старый друг, мне всегда так радостно Вас видеть.

Горячо желаю Вам здоровья и сил. Привет Надежде Константиновне.

Ваша Мария Андреева

25/I-922

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

17 февраля 1922, Берлин

Дорогой Владимир Ильич!

Алексей Максимович не очень-то хорошо себя чувствует, пишет, что задыхается, мало может двигаться. Из-за того, что «рубашка сердца» приросла (из-за не замеченного им в России плеврита) к плевре, испытывает сильные боли в области сердца; каверна зарубцовывается медленно; весу прибавил всего 3 кило, а за последнее время у него было предельное исхудание. Доктора требуют, чтобы он провел в санатории по крайней мере еще 2 – 3 месяца, до полного тепла.

Еду к нему, так как он написал мне, что ему сейчас без меня трудно и что ему очень надо меня видеть. По этой причине я так торопилась уехать из

¹ Букв. — старье, хлам (франц.). Здесь употребляется в значении — старинные антикварные вещи.

Москвы, хотя мне очень хотелось остаться и надо было бы дожидаться окончательного выяснения кинематографического вопроса в Наркомпросе³⁶⁹.

Не могу понять, почему не хотят назначить Марию Николаевну Менжинскую (жену Вячеслава Рудольфовича)? Очень толковый, умный человек, литературно образованный, политически грамотный; целый год она работала в старом Кинокомитете, — все честные и порядочные работники относятся к ней великолепно, а разные «дельцы» — боятся и ненавидят, но вместе с тем она практический, деловой человек, который делал бы дело, а не занимался бы завиральными фокусами. Она и от Лещенко ушла, будучи несогласной с его неделовитостью и бессистемностью. И с ней чудесно можно было бы работать.

Сейчас здесь сколько угодно может быть возможностей как в смысле привлечения капитала, так и получения кредита, но, пока не будет полной определенности — кто, как и чем правит, не окажутся ли, вопреки постановлениям СТО, Совнаркома и прочих высших инстанций, муниципализированы или апроприированы все доходные статьи, — нечего и думать найти желающих идти на это дело.

Николай Петрович Горбунов отлично в курсе всего дела³⁷⁰ и, если Вас оно продолжает интересовать, лучше меня расскажет Вам обо всем; да и я решительно обо всем, что знала, сказала и пишу ему отсюда.

Леонид Борисович [Красин] передаст Вам о деле издания книг Алексея Максимовича³⁷¹, пожалуйста, если будет нужно, поторопите решить этот вопрос, пособия или ссуды Алексей не возьмет, уехал он, не взяв ни копейки. Все, что у него было, прожито, а жить здесь, а уж особенно лечиться — безумно дорого¹. [...]

Ивана Павловича Ладыжникова, беднягу, ударило огромное несчастье: у жены его — помните, какой это чудесный человек? — рак. Одну грудь вырезали, теперь делают вторую операцию, а это значит, что надежды на спасение нет! Сейчас он едет в Питер (Лесное, Гонорин пер., 1).

Если вспомните, среди массы тягот и дел своих, о нем — это его поддержало бы. Ведь Вы для нас, стариков, все тот же особенный Владимир Ильич, и всякое Ваше внимание нам особенно дорого.

Ну, будьте здоровы, дорогой друг и товарищ! Крепко обнимаю Вас и горячо желаю здоровья, это — главное. Привет Надежде Константиновне и Марии Ильиничне.

Ваша Мария Андреева
17/II-922

Berlin Kurfürstendamm 203/204

адр. Ал. М. Schwarzwald. St. Blasien Sanatorium. M. Gorki.

¹ Данный абзац отчеркнут В. И. Лениным. — *Ред.*

26 а

**[НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В СОВЕТСКОЙ
КИНЕМАТОГРАФИИ]³⁷²**

Российская Социалистическая Федеративная
Советская Республика
Народный Комиссариат Внешней торговли
Управление делами. Отдел Админ.-Организ.
24 января 1922 года № 150445
Москва, Ильинка, 14

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Народным Комиссариатом Внешней Торговли Марии Федоровне Андреевой в том, что она действительно является уполномоченным НКВТ по делам кинематографии и по вопросам, связанным с заключением договоров и организацией Акционерных Обществ и предприятий кинематографического дела за границей, согласно постановления СТО от 4 января с. г.

Действительно по 1-е июля 1922 года.

Заместитель Народного Комиссара
Внешней Торговли (*Лежава*)

27

**ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ
13 сентября 1922, Берлин³⁷³**

... Обращаются к тебе с просьбой русские художники, выставляют свои картины в настоящее время в Берлине, в Вандимен-галлерее, Unter den Linden, 21, они очень были бы тебе признательны, если бы ты согласился быть почетным членом Выставочного Комитета. Уклон выставки, конечно, левый, но участвуют все направления от рара Бенуа¹ и Архипова, Жуковского до — супрематистов и конструктивистов (которые тарелки битые и гвозди выставляют в виде картин). Пожалуйста, ответь скорее по моему адресу.

Всего хорошего.

М. Андреева
13/IX 922

28

**А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
Сентябрь (после 13-го) 1922**

Почетным членом выставки «битых тарелок и старых гвоздей» быть согласен с тем, однако, чтоб самого меня никуда не выставляли и вообще никак[их] по отношению ко мне перемещений в пространстве не предпринимали.

В чем и подписуюсь.

А. Пешков

¹ Рара Бенуа — то есть Бенуа-отец, художник А. Н. Бенуа. — *Ред.*

Р. С. Пожалуйста, — вышенаписанную бумагу нигде не печатать раньше смерти моей. Ибо замечено мною, что всякая моя бумага, будучи опубликована, вызывает в природе дождь, ветер и холод, в людях же длительное и оглушающее словотечение.

А. П.

29

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Л. ЛИБЕРМАНУ

3 ноября 1922, Берлин³⁷⁴

Уважаемый товарищ!

Благодарю Вас за письмо и снова обращаюсь к Вам с жалобами, а также и с предложением³⁷⁵.

... Лещенко и Рубинштейн уехали, напортив здесь, сколько могли, беспорядочными запросами, просмотрением в разных конторах предлагаемых картин и киноплёнок, что немедленно повышает цены. Как большинство приезжающих, они покупали, а может быть, и продавали абсолютно не в контакте с Торговым представительством, а на заседании Аусландкомите Ваш же уполномоченный З. Г. Гринберг официально заявил, что и с ним этот контакт был разве только в начале пребывания гг. Лещенко и Рубинштейна; что было ими сделано дальше, ему, Гринбергу, неизвестно.

Не думаете ли Вы, что было бы, может быть, более целесообразным сделать Вашим уполномоченным по фотокиноделам заведующего Художественным подотделом Торгового представительства в Германии, в данном случае меня? Захарий Григорьевич Гринберг, с которым я по этому поводу говорила и с которым мы много и долго работали вместе, ничего против этого не имел бы, так как с ним-то мы работали бы в полном контакте. Как заведующей Художественным подотделом мне все равно приходится экспертировать и давать отзывы по всем делам в области фотокино; следовательно, выполнять Ваши поручения для меня было бы легче, чем кому-либо, будучи по обязанности в курсе всех цен, дел и предложений.

В настоящее время появился серьёзный претендент на работу в РСФСР — фирма «Феникс», англо-германская.

На днях у нас состоится первое предорганизационное заседание Отдела концессий и смешанных обществ Торгового представительства в Германии, фирмы «Феникс» и Художественного подотдела. Если, как я полагаю, результат будет благоприятный, немедленно сообщу Вам.

Сегодня получила телеграмму из Москвы о разрешении Лицензионного отдела НКВТ на ввоз добавочно шестнадцати кинолент и трех тысяч метров сырой плёнки — будь мы с Вами в постоянном контакте, и Вы и я знали бы, кому эти ленты и плёнка предназначаются, насколько это желательно, а так все остается вопросительным знаком — боюсь, что и для Вас тоже.

Само собой разумеется, что не может быть речи о каком-либо моем вознаграждении за эту работу, так как я нахожусь на службе Торгового

представительства в Германии.

С искренним пожеланием Вам всего доброго

М. Андреева

3/XI-22 г.

30

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

*Май (после 16-го) 1923, Берлин*³⁷⁶

... Все было очень внушительно, с толком и с большим достоинством. Когда я вошла в залу — большую, пустую комнату, всю красным шелком обитую, — увидела гроб [с телом В. В. Воровского] под красным знаменем и массу красных роз и венков с красными лентами, увидела почетный караул, как у гроба царей, пять человек стоят и строго отдают почести... Не подберу слов, но ты поймешь, конечно, что под этим я подразумеваю, — у меня невольно захватило дух от волнения, как-то почудилось, что народ чтит человека, отдавшего себя на служение ему.

А минутами вспоминался Вацлав Вацлавович молодой, в голубой рубашке, веселый и милый, шутник и остряк, который учил меня итальянскому языку, и подкатывали слезы — просто о бедном человеке, тяжело жившем и так внезапно умершем; а в Москве-то его два года тому назад великими усилиями вырвали из рук этой смерти, когда у него был и тиф, и воспаление легких, и еще что-то... Так-то, Лешенька, друг, наших все меньше становится... Только ты один, вечно юный, остаешься тем же! Гибкая пружина, погнешься-погнешься, да вдруг как свистнешь всей силой размаха, и снова прям, и снова гибко стремишься вверх, спиральными, правда, кругами, но все вперед и выше. Прости за это лирическое отступление.

Ну, будь здоров и до свиданья. Крепко жму руку.

М. А.

31

ИЗ ПИСЕМ А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

*Июнь – июль 1923*³⁷⁷

... Кто поистине изумительным стал писателем, так это Сергеев-Ценский. Давно я не читал книгу с такой радостью и таким волнением всей души, с какой читал его роман «Преображение». Чудесная вещь. Изумительно написана. «Как на дудочке сыграно», — сказал я ему.

Жалею, что не могу послать эту книгу тебе, ибо хочу писать о ней для иностранцев — англичан и прочих.

Тебе бы приехать сюда следовало недельки на две. Здесь хорошая погода и тишина. Мы бы тебя покормили, погуляли. Решитесь, Маркиза!

За обещание прислать табак — низко кланяюсь. Великодушие Ваше известно как в здешнем мире, так — надеюсь — и в будущем. Табак же весь

жадно выкурю сам.

Значит, «Заметочки» нравятся Вам? Надеюсь в 3-й № дать лучше.

А «Университеты» не удались мне. Очень не удались.

Ну, всего доброго и доброго здоровья — прежде всего.

А.

7 октября 1923

Очень тронут твоей, друг мой, похвалою «Заметкам»³⁷⁸, очень тронут и сердечно благодарю, хотя должен сказать, что лично я значения им не придаю: это — мусор, который необходимо было выбросить из души и памяти, чтоб он не мешал работать. Гораздо больше значения «Заметки» имеют как уроки «чистописания», которые я сам себе даю, желая выучиться писать без лишних слов и готовясь к серьезной работе. Мне пора научиться писать хорошо, не правда ли?

Петр Петрович взял у меня для переписки на машинке четыре новых больших рассказа; когда их перепишут, ты, может быть, найдешь время прочитать? Прочитай и скажи — как понравятся?³⁷⁹

От похвал твоих в природе произошли некоторые физические изменения, неожиданные и приятные для меня: или — похудели ноги мои, или расширилась кожа ботинок. П. П. взял их с собою, чтоб переставить крючки и поднять в «подъеме», тогда они окажутся совсем по ноге мне.

Посылаю тебе рисунок части нашей столовой, сделанный Соловьем, который теперь работает неотрывно, с утра до вечера и все с большим успехом. Очень он талантлив.

А Максима расхвалил — и вполне искренно — Конст. Коровин, что на М. подействовало весьма хорошо. Он, действительно, стал писать вещи крайне интересные, сложные композиционно и любопытные по краскам, по юмору.

Нину Оке я проклял. Она увезла у меня чужую книгу, а теперь — чужие папиросы. Кто-то говорил мне, что в молодые годы воровать — стыдно; я думаю, что это почти истина.

Устроились мы несколько тесновато, но сравнительно удобно. Живем. «Возделали» — я и Мак — немцам-хозяевам их запущенный сад, выпололи, перекопали.

По утрам — я пишу, трое — рисуют, М. И. переводит, — жизнь тихая, регулярная, — «я доволен». Но — тут кругом — революции и это очень мешает работать.

Мысль о поездке на зиму в Италию — очень улыбается мне и была бы весьма полезна после двух бронхитов, мною перенесенных. П. П. обещал узнать, пустят ли меня на юг, к Салерно. Пережив там зиму, можно бы ехать в Крым.

Так-то. Ну, — всего доброго. Слышал — ты собираешься на Русь? Когда?

Надежд ликвидировать нефрит — нет? — А хорошо бы.

Будь здорова. Расти большая.

А.

Сейчас сообщили новость: будто бы Бавария отложились. Судя по настроению здесь — Баден тоже не замедлит отколоться.

32

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

4 февраля 1924, Мариенбад³⁸⁰

Получил твое — очень хорошее — письмо о Ленине. Я написал воспоминания о нем³⁸¹, говорят — не плохо. На днях пошлю для печатания на машинке, что прошу сделать скорее, ибо их надобно печатать в Америке, Франции и России.

Писал и — обливался слезами. Так я не горевал даже о Толстом. И сейчас вот — пишу, а рука дрожит. Всех потрясла эта преждевременная смерть, всех. Екат[ерина] Павловна прислала два письма с изображением волнения Москвы, — это нечто небывалое, как видно. Рожков, Десницкий выпускают сборник воспоминаний об Ильиче, получил от них телеграмму. И отовсюду пишут письма, полные горя глубочайшего, искреннего.

Только эта гнилая эмиграция изливает на Человека трупный свой яд, впрочем — яд, не способный заразить здоровую кровь. Не люблю я, презираю этих политиканствующих эмигрантов, но — все-таки жутко становится, когда видишь, как русские люди одичали, озверели, поглупели, будучи оторваны от своей земли. Особенно противны дегенераты Алданов и Айхенвальд. Жалко, что оба — евреи.

На душе — тяжело. Рулевой ушел с корабля. Я знаю, что остальная команда — храбрые люди и хорошо воспитаны Ильичем. Знаю, что они не потеряются в сильную бурю. Но — не засосала бы их тина, не утомил бы штиль, — вот что опасно.

Все-таки Русь талантлива. Так же чудовищно талантлива, как несчастна.

Уход Ильича — крупнейшее несчастье ее за сто лет. Да, крупнейшее.

[...] Тебе — всего доброго, Мария, старый друг. [...]

А. П.

4. II. 24

33

**М. Ф. АНДРЕЕВА — ГОСУДАРСТВЕННОМУ БОЛЬШОМУ
ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ**

15 февраля 1924, Берлин

Телеграмма³⁸²

Горячий привет всем товарищам. Работа не позволяет приехать. Душою у вас и с вами.

Ваша Мария Андреева

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

16 февраля 1924, Берлин³⁸³

... Была несколько дней в Вене, там был устроен специально русский павильон, имевший огромный успех у публики, прошло несколько сот тысяч человек, горячо интересовавшихся не только русскими товарами — кожа, хлеб, шерсть, масло, меха, резиновая мануфактура, — но и нашим кустарным товаром, что меня очень удивило, так как их словенские, а уж особенно венгерские вышивки куда выше наших.

Пришлось говорить, не преувеличивая, с тысячами людей, объясняя им, как в зимние долгие вечера, в полутемноте, где при керосиновой лампе, а где даже и при лучине, сидят мужики и бабы, шьют, прядут, плетут, точат и режут, вяжут оренбургские платки, полируют уральские камни и т. п.

Пришлось говорить на всякие темы — отвечать на вопросы о религиозных видоизменениях, о школе, о выборном праве, о разрушении общинного права, для чего приходилось, отстояв в павильоне с девяти с половиной до шести — шести с половиной часов вечера, вернувшись домой, учиться, читать, собирать материалы, расспрашивать приехавших только что из России Коробочкина и Бекзадяна — словом, работать изо всех сил, чтобы не осрамиться.

Думала отдохнуть немного от Берлина, а вышло, что устала еще больше, тем более что павильон наш только что достроили, сыро, со стен и с потолков течет, без отопления. Конечно, все сильно распростудились.

В моем зале был маленький уголок с книгами — для рекламы, большая выставка была в другом месте. Огромный интерес к ним и изумление при виде роскошных новых изданий! Иногда даже до смешного. А две книжки даже украли — фарфоровый завод, маленькое издание, и Митрохина. Это особенно типично, так как все вещи наши, где было много кусков кружев, вышивок и т. п. женской мелочи — а женщин толклось видимо-невидимо вокруг них, — ничего не пропало.

Народ в Вене куда приятнее, общительнее, сказала бы — культурнее, вкус выше. Масса перебивало публики очень демократической, приходили целыми группами рабочие, эти интересовались всем горячее и глубже всего.

Вернулась в Берлин рано утром, узнала, что П. П. уехал в Прагу, и сейчас же вызвали меня в Представительство, потому что приехали уполномоченные Севзапкино и привезли картину «Дворец и крепость»³⁸⁴, которая «все американские боевики за пояс заткнет».

Посмотрела я эту штуку, и глубокое уныние овладело мной. Изумительные декорации: настоящий Зимний дворец, Петергофский парк, Детское Село, настоящая Нева, Петропавловская крепость, Алексеевский равелин, казематы, Александр II — одет в подлинный сюртук и все прочее, сидит за подлинным столом, чуть не в подлинный носовой платок сморкается; Александр III тоже; Надежда Комаровская одета в подлинное платье императрицы Марии Александровны; хорошие гримы, особенно Шувалов, Муравьев, Игнатьев, Александр III, и только один хороший актер, фамилии не знаю, играющий Нечаева³⁸⁵.

Режиссер — Ивановский [...] — не использовал материала, растянул никому не интересную личную драму Бейдемана, все какие-то кусочки, неинтересно, калейдоскопически быстро сменяющие один другой, в манере 1911 — 1912 годов. А главное — на всем безнадежная печать бесталанности! Люди же, привезшие эту картину в Европу, оценивают ее в 500 000!! Воображают, что ничего выше этого еще создано не было.

Как помочь? Как разубедить? Как научить этих людей? А если ждать, пока они сами научатся, набив себе шишки на медных лбах, так ведь от этого сколько ущерба, какая ненужная, жестокая трата времени...

Будь здоров.

М. Ф.
16/II 924

35

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

29 апреля 1924, Берлин

Ну вот ты в Сорренто!³⁸⁶ От всего сердца желаю, чтобы тебе пожилось хорошо, приятно, чтобы ты набрался новых сил, солнечных впечатлений, подышал снова синим воздухом, опять любовался ожерельем милого залива. Жаль, что горы из Сорренто невидимы, и немножко боязно, что ты так близко от катастрофных мест...

Часто думаю о тебе, о нашей жизни на Капри, о людях того времени, бывавших у тебя, о детях, конечно, и о нас с тобой. Как все переменялось и как вся жизнь стала другой — право, это не потому, что я сама состарилась, и чувствую, и живу по-другому.

А здесь что-то готовится нерадостное: на всех столбах, домах, на вывесках, даже на афишах чьи-то озорные и злые руки рисуют, мажут и наклеивают недобрые знаки¹. Даже просто на дверях многих домов они красуются и раздражают назойливостью. Всюду стычки. Ну, об этом ты знаешь из газет. [...]

Ах, батюшки! Забыла тебе написать: прочла «Репетицию». Очень интересно. Но мне захотелось, чтобы в каждом текли две встречные струи мыслей и чувств, что и есть у тебя, но не так полно, как это, наверное, было бы на самом деле. Мне даже кажется, что, вспоминая рассказ, я невольно присочиняю от себя, вроде тебя — с рассказом Л. Андреева «Два сумасшедших». И тогда мне очень нравится.

Ничего, что я уж так тебе откровенно говорю? И жестоко же ты с актрисами расправляешься, надо тебе отдать справедливость, а вот справедливо это не всегда... То есть не справедливо, этого и не надо, а не совсем — правда: в жизни играют охотно плохие актрисы. Хорошие, которых я знала, часто одергивают себя, даже когда искренне сильно ощущают какое-либо чувство, стыдясь выражать себя так, как хочется, потому что это похоже на какую-нибудь играную сцену, чтобы не было «как на сцене», и это, может быть, тоже фальшиво, уж по одному тому, что, когда сильно чувствуют, должно быть, не

¹ В письме здесь начерчен знак свастики. — Ред.

думают! Вот это ты, надо думать, и не любишь? Ну, ладно...

Милый, милый Леша, вспомни обо мне как-нибудь, в хорошую минуту, глядя на море или на небо звездное, когда оно бархатное, и знай, что я тебя крепко, преданно люблю с великой верой в тебя и ничего, кроме хорошего, не хочу помнить.

М.
29/IV-24

36

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

5 мая 1924, Сорренто

М. Ф.

Получил твое — интересное — письмо, ответить несколько запоздал, очень много работаю и боюсь отрываться для писем, не кончив рассказа. Теперь — кончил, называется «Голубая жизнь». Вышло, кажется, очень плохо. Переезды помешали, черт их возьми.

О том, как живется, написал П. П., он тебе и расскажет. Не люблю писать, как живу, что ем и пр., никогда не любил, а теперь, прочитав письма Чехова Книппер, даже ужаснулся: страшная это штука, писать, как «живешь». Если ты прочитаешь эту печальную книгу³⁸⁷, она испортит тебе настроение на неделю по крайней мере. Ты лучше прочитай «Гоха-дурак» Иосиповичи³⁸⁸. Вот превосходная вещь! Она есть в «Книге», а если нет уже, напиши, пришлю.

Актрис я не обижал, нет. Лидочка — еще не актриса, а молодая змея, неизвестно, кого она ужалит, и где, и как. А «героиня» — не обижена мной; в момент, когда нужно было забыть свое, личное, в отношении к «автору», она это сделала. Нет, она хорошая. Автор немножко самонадеян и втайне считает себя почти равным богу; но уж они все такие, эти «авторы». Бог — тоже немножко «автор». Очень хорошо, что его нет, а то — хвастался бы: смотрите, жулики, какое я вам устроил море и вообще как ловко сделан мною пейзаж. И, хвастаясь пейзажем, он заставлял бы нас забывать, что жанр у него выходит все более скверно, что, между прочим, подтверждает и твое письмо.

Ты знаешь Николая Орлова, автора повести «Диктатор»? Он ее читал тебе или давал читать. Скажи ему, что я прочитал рукопись и отправил ее ему вместе с письмом, очень строгим.

Сняли дом, 14 комнат. Замечательно! Приезжай отдыхать, купаться в морской воде. Серьезно. Очень хорошо устроишься.

Тебе кланяется Кательдо, он, кажется, снова будет у нас. А Кармела вышла замуж, живет в Риме. Жоржетта умерла. Умер старик Моргано, и Мариано умер, и вообще — множество знакомых уже умерло. Братья Сподаро — живы все трое, и красавец жив.

О фашистах писать не буду, письмо не дойдет. Это — тяжелая тема. Меня интервьюировали и, конечно, наврали, но — как! Невероятно невежественно. Пресса, очевидно, вся в руках новых людей, очень безграмотной молодежи.

В общем — отношение ко мне милое и внимательное. Это — не Германия,

не Чехия, отравленная русским гнильем. Жалко чехов, жестоко они будут разочарованы. Но непонимание ими русской действительности — поразительно.

Будь здорова. Приезжай отдыхать.

А.
5. V. 24

37

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

8 июля 1924, Берлин³⁸⁹

... Был у меня на днях случай — пожалела я очень, что тебя при нем не было.

Принесли мне на просмотр картину: главное действующее лицо — великолепнейший черный конь. Будто он вовсе дикий. Показано, как он свой косяк блюдет, как дерется с таким же диким конем белым, отбивая своих маток, причем драка настоящая, в кровь! Как он прячет свой косяк от покушений поймать со стороны людей и опять-таки — играет конь так, что полная иллюзия настоящей диной лошадиной жизни, в горах, в лесу, в огромных долинах.

О побочной интриге не стоит говорить. Но вот пришел ловить его особенный человек, милый, приятный, молодой, очень смелый и весь какой-то ясный. Гоняется он за конем с лассо день, два, много дней. Поражается умом, ловкостью, смелостью коня. Однажды конь, загнанный на скалу, делает прыжок в две сажени минимум и перепрыгивает через пропасть, и видно — восхищается человек зверем, гордится за него, и не хочется ему больше ловить его, пусть-де остается свободным. Но загорелся лес, пожар принимает колоссальные размеры, кони мечутся; черный конь, спасая свой косяк, загоняя его в безопасное место, в горы, задержался и попал в самую опасную, охваченную огнем со всех сторон западню. Ржет конь. Дрожит.

В это именно время приходит человек, он бросился в огонь спасать коня, и конь это чувствует, но боится человека. Начинается изумительная борьба. Страх перед поработителем-человеком и еще пущий страх перед огнем. Со всех сторон вспыхивают деревья, падают на землю, пламя и дым душат и человека и коня. Человек говорит, просит, убеждает верить ему. Конь то бросается бежать от него, то будто решается подойти. И вдруг ты ясно видишь — конь думает: «уж лучше этот человек, он, кажется, правда честен, он, кажется, не обманет», — закрывает глаза и подходит к человеку.

Человек торопливо оглаживает его и бежит, ища выхода, а конь за ним по пятам, уже слепо отдаваясь воле человека.

Выбежали. Спаслись. Человек бросается в воду, платье на нем дымится. Конь остается на берегу. Человек говорит ему: «Ты свободен, иди, приятель! Опасности больше нет».

Конь бежит и уже будто скрылся из виду. Человек вылез на берег, сел, снял свое сомбреро... А из лесу тихонько, останавливаясь, настораживаясь, выходит конь, медленно подходит к человеку и, вдруг решившись, кладет ему голову на

плечо...

Все это так изумительно сделано, лошадь так чудесно переживает, что смотришь — и трогаешься до слез!

Дальше еще целый ряд эпизодов, как этот черный конь сторожит своего друга и при малейшей опасности будит его. Спасает его, когда человека ранили и сбросили в реку, вытаскивает из воды, как слушается призывного свиста — и тебе ясно, что это равный идет на призыв друга!

Кончается картина тем, что человек благодарит коня за дружбу, за помощь, целует его в морду и отпускает на свободу. Конь бежит, ржет, летом мчится к горам, стоит высоко-высоко на скале, ржет... Осматривается, поворачивает голову влево... вправо... И вдруг внизу, в долине видит своего друга. Опять ты ясно видишь, что конь думает, что в нем происходит борьба, и вдруг — он решается, он бежит к человеку, который сумел заставить его полюбить себя, которому он поверил.

Прибегает, кладет морду человеку на плечо, а у человека все лицо озаряется счастьем.

Кончилась картина. Смотрю, когда зажгли свет в просмотровой комнате, сидит за мной наш служащий Мельников, лицо залито слезами и весь он дрожит, как конь этот черный.

— Что вы? — говорю ему. — Милый, чего вы?

— Ох, М. Ф., голубушка, родная вы моя! Ведь вот этот конь совсем как мой... которого отняли у меня... Только мой — белый был...

И рассказывает потом, как нашли они, солдаты Буденного, в каком-то помещичьем угодье, под Польшей, замурованными в погребке две лошади: одна кобыла, а другая — вот этот белый конь. Только окошечко оставлено им было. Как они, солдаты, увидели свежую штукатурку, отбили ее. Как он, Мельников, сразу влюбился в коня и вымолил его себе. Как в один месяц выдрессировал его, тот слова слушался. Какой это был изумительный конь! Чистый конь — никогда не ляжет, если ему чистой соломы не постелили, как голубь белый. Сам его чистил, кормил, никого к нему не подпускал.

И вдруг случилось «несчастье» — об этом «несчастье» ты, должно быть, читал у Бабея в «Красной нови»?³⁹⁰ Это тот самый Мельников, чудесный малый. Сейчас он, конечно, пообтесался немного, даже по-немецки говорит. Славная морда, такая круглая, русская. Волосы кудрявые, русые.

Всхлипывает, рассказывая, и — конфузится, басит, а у самого подбородок с ямочкой дрожит. Лет ему теперь, должно быть, 24 – 25.

— Вот четыре года прошло, а вспомнить не могу! Ведь какой конь, а он, Тимошенко, третирует его! Даже бил — один раз даже укусил его за это конь мой... Слава богу — убили его под Тимошенко, недолго он им владел!.. Разбередили вы меня картиной вашей, Мария Федоровна, опять душа болит! Будто не четыре года, а четыре дня прошло, ох господи!!

Вот тебе и коммунист!

Ну, прощай, голубчик, всего тебе светлого.

М. Ф.

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

9 марта 1925³⁹¹

Вот, дорогой Алексей Максимович!

После трех лет отсутствия и заграничного житья наконец-то дали мне командировку!

Волнуюсь, даже подъезжая к Себежу, — ведь через несколько часов уже Россия, Москва... Какой-то она меня встретит, какой покажется? И вспоминается возвращение, после шестилетнего отсутствия, в 1912 году, когда каждого обнять хотелось от радости, когда булыжники мостовой показались мне особо милыми, родными и приятными.

... Подъезжаем к Москве минута в минуту по расписанию, мне показалось даже, что замедляем ход, подходя, чтобы не прийти раньше. На перроне чисто, хотя кругом на рельсах огромные лужи и талый снег, вокзал чистенький, выбеленный, встречают два-три портье от гостиниц. Главное — чисто, как вылизано, ни окурков, ни бумажек.

Вхожу в тот же зал, где в голодный год ступить негде было от лежащих, сидящих и стоящих, — чисто, отремонтировано, стоят дубовые скамьи, несколько киосков с книгами и газетами, с папиросами, шоколад... Неузнаваемо! Всюду строжайший порядок, ни крика, ни шума, ни суетни — батюшки! Да Москва ли это?

У выхода много извозчиков, автомобилей, ни одного казенного, все прокатные.

Еду по Москве разинув рот и вытаращив глаза — чисто, несмотря на слякоть и лужи! Ни соломы, ни обрывков, куч — нет!

Масса лавок, магазинов, стекла целые, нарядные вывески, по улицам большое движение, особенно много грузовиков и ломовых. Чистенькие, битком набитые трамваи, но ни на подножках, ни на буферах никто не висит.

... Каждое воскресенье по улицам с музыкой, барабанным боем, со знаменами ходят бесчисленные процессии. Стройно и приятно поют самые разнообразные песни, это и пионеры (красные бойскауты), и комсомольцы, и красноармейцы, всех возрастов. Отправляются процессии в экскурсии по музеям, историческим памятникам, в окрестности Москвы, на спортивные игры, одеты, в большинстве своем, хорошо, особенно красноармейцы, вид бодрый, довольный, многие очень увлечены.

Спросишь ребят — куда это вы собрались? Отвечают бодро, весело, точно и коротко, наперебой друг перед другом.

Огромное впечатление производят эти ребята!

... Надрываются рабфаковцы в университетах и высших учебных заведениях, но, говорят, есть среди них невероятно одаренные люди, поражающие самых враждебно и скептически настроенных профессоров.

На каждого свежего человека такая публика набрасывается с жадным, неумным интересом. Горячо интересуются жизнью и бытом за границей, но воспринимают рассказываемое с большой долей скептицизма. И резко бросается в глаза даже проходящему человеку, временно пребывающему в России, что выросла новая часть населения отечества нашего — граждане СССР, по юности лет своих не имеющие ни малейшего представления о каком-либо ином строе, кроме советского. То есть они знают, что был буржуазный строй, царский режим, против которых была устроена Октябрьская революция, но знают — теоретически, с большой дозой скепсиса, да полно, так ли де оно было, как нам рисуют.

Вроде того как люди эпохи Александра II должны были относиться к крепостному праву.

Эти новые люди — совершенно особой психологии, очень крепкие, стойкие, себе на уме. Люди в достаточной мере жесткие, с очень определенными желаниями — «это нам нужно», а «этого — не требуется нам», и убедить их в противном задача очень трудная.

Они веруют (не «верят»), что самые настоящие поэты — это пролетарские, что театр Всеволода Мейерхольда — революционен, хорошая квартира и любовь к вещам красивым — буржуазные предрассудки, и тут вы ничего не поделаете, нужно, чтобы прошло время и здоровые тумачи всеобучающей матушки-жизни для того, чтобы переубедить эти упрямые башки.

... Мейерхольд, как всегда, уловил момент: упростил до полного обнажения гениальную выдумку Евгения Вахтангова, поставившего «Турандот» на манер итальянского примитива; Мейерхольд дает просто голую сцену, ставит мостки, как для черновой репетиции, и на этом фоне ставит чисто натуралистические гигантские шаги, на манер доброго старого Художественного театра, так же вешают простыни среди суеты и разговора, катают белье, играет на гармонике чудесный виртуоз-гармонист, а актер, играющий Петра, делает вид (причем очень старается попасть в лад), будто это он играет. Пьеса называется: «“Лес”, в постановке Всеволода Мейерхольда по Островскому»³⁹². Ну, значит, гениальный Мейерхольд потравил старика как следует: Аркашка — это цирковой клоун, эксцентрик; Несчастливцев, почему-то в костюме молодого Гете, с молодым лицом под Гете, но в седом парике, говорит что-то будто из роли, но за грохотом, шумом, посторонними беседами остальных его не слышно, даже когда он орет вовсю, вскочив на обеденный стол в последнем действии, о том, что он своим приездом вспугнул сов и ночных птиц. Гурмыжская в ярко-желтом казакине, длинных панталонах и в сапогах бутылками, в ярко-красном, цвета бордо, парике, с огромным носом из гумозного пластыря. Гимназист в парике из искусственного шелка ярко-зеленого цвета. Зачем-то введен поп, с золотыми ресницами, волосами и бородой, на манер ризы на иконе.

Во Втором МХАТ (Первая студия, ставшая Вторым Художественным академическим театром, М — обозначает «Московский») поставили «Блоху»³⁹³ якобы Лескова в переделке Е. Замятина.

Чудесные, но сами по себе декорации Кустодиева, стилизованные на манер ярмарочного балагана. От Лескова осталась фабула да несколько выражений,

вроде «мужественный старик» — донской казак Платов, но так изумительно играет Левшу неведомый до того актер Волков, что даже сам Лесков, должно быть, был бы спектаклем доволен.

Это такая тончайшая смесь русского себе на уме, простоты, наивности и самой пройдошеской хитрости, такой страстный, любительский интерес к тонкой механике, желание утереть нос англичанину и не посрамить «своих тульских», такая истовая кондовая тоска и любовь к своей земле, что даже не верится, что это — актер.

Когда Левша, попав в Англию, вдруг затосковал и просится назад, домой, в русскую землю, когда он в буквальном смысле слова лезет на стену и бьется головой от тоски и отчаяния, а затем вдруг припадает на грудь аглицкой девицы Мери и просит ее: «Сестрица, родная, укажи хоть ты мне — где она, наша русская земля-то?!» — этот плюгавенький тульский мужичонка с патлами кудельных, местами «от учебы» выдранных волос достигает вершин подлинного, высокого трагизма.

Хороша и английская девица Меря, она же русская Машка, со сдобным смехом, русой косой и чисто деревенским кокетством. В качестве Мери она говорит и поет стеклянным голоском безо всякого выражения нелепую английскую шансонетку, абсолютно ко всему равнодушная.

Хорош царь, сделанный немного под Александра III, чуть-чуть косноязычный, с постоянной поговоркой: «Ах черт возьми!» и «Кто таков?»

Хорош Платов — мужественный старик, да многие очень хороши.

Вообще — хороший, веселый спектакль без дураков и фокусов, но — пролетарская публика предпочитает «Гамлета» с Мишей Чеховым или балет, оперу.

... Читала «Артамоновых» — понравилось очень, но — хотелось бы продолжения, нового поколения, зная эту твою тему. Изумительными вышли многие места. Свадьба — хороша!

Хотелось бы повидаться с тобой, да все не удается...

Всего тебе желаю радостного и светлого.

М. А.

9. III – 25 Берлин

39

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

13 июля 1925, Сорренто³⁹⁴

Пишу я тебе редко не по небрежности, не по недостатку интереса к твоей жизни, а по загруженности работой и вследствие все более расширяющейся переписки с Россией, — с молодыми писателями главным образом. Так много пишешь писем, что не хватает времени читать книги, а читать надобно много. Русь наша быстро умнеет и талантливо растет. На днях в «Правде» опубликована — вполне своевременно — резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы»³⁹⁵, — резолюция эта, несомненно, будет иметь огромное воспитательное значение для литераторов и сильно толкнет

вперед русское художественное творчество.

Твоя повесть³⁹⁶ о том, как Выставкина починила испорченную девицу, конечно, интересна и в бытовом «аспекте», но еще более интересна аллегорически. Это — подвиг для подвига, добро для добра, как, говорят, существует «искусство для искусства». (Лично я не совсем уверен, что таковое искусство существует и возможно.) Говоря откровенно — скажу, что в России имелись и есть люди, склонные делать добро бесполезное. Это, конечно, не относится к случаю Выставкиной, ибо для девицы полезно иметь приличное лицо, а для Выставкиной полезно упражняться в самопожертвовании. Но в наши дни подвиги это-то размера как-то не волнуют, потому что ныне все лучшие люди наши жертвуют силы свои делу важности неизмеримой, как ты знаешь. [...]

В сентябре я буду дедушкой, — обогнал тебя! Тимоша³⁹⁷ переносит беременность мужественно. У Кати не было ребенка? Она осталась все такой же добрягой, как была? Не понял — где она? В Лондоне? Как бы оттуда не прогнали нас, — уж очень сердится Чемберлен, к великому удовольствию гг. эмигрантов.

О сих последних не могу ни думать, ни говорить без чувства презрения к ним. Какие жалкие идиоты! Особенно этот Струве, издавна противный мне³⁹⁸, еще со времени его «Критических заметок» и «Освобождения». Нужно быть совершенно слепыми для того, чтоб воображать, что мужик пустит их в Россию. Да и что бы они могли делать в ней? Они ничего не умеют, бездарны до ужаса.

Мой «друг» Ходасевич тоже оказался в милюковской газете³⁹⁹, пишет там очень плохо, малограмотно и натужно. Упрекает коммунистов за то, что они не создали в России Бельфаста⁴⁰⁰. Ох, как это все надоело!

Вот тебе письмо. А ты говоришь — не пишу! Я, друг мой, романище пишу⁴⁰¹, и он у меня разъезжается листов на сорок. Беда! Напишу — поеду в Россию. Обязательно!

Ну, до свидания. Будь очень здорова, и всего тебе доброго.

А.

13. VII. 25

40

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

27 июля 1925, Берлин

27/VII

... Милый, прости пожалуйста, но я вовсе не тем восхищаюсь, что для себя Выставкина самопожертвованием занимается, а тем, что она это абсолютно ни во что считает и очень скромно, просто, а главное, длительно и действительно проявляет человечье доброе сердце. Уверяю тебя, меня всегда больше трогает, когда человек совершает не мгновенный геройский подвиг, а вот так каждый день, буднично делает добро. Может быть, это потому, что сама я более способна на первое, чем на второе...

А я так и знала, что тебе не понравится о Выставкиной! Меня это даже

беспокоило.

Ну что ж, дедушка так дедушка, все равно ты всегда останешься молодым, а во многом даже мальчиком, будь ты хоть раздедушкой!

... У меня сейчас самое горячее время, приезжают всякие артисты, художники, профессора, и так как я, по совместительству, еще и уполномоченный Наркомтруда, то все они бывают у меня, рассказывают много интересного, а многие и сами очень интересны.

Вскоре начнется сезон ярмарок, придется ездить в Лейпциг, Кельн, Франкфурт, Кенигсберг, в Берлине нынче будем тоже выступать...

А мне бы, грешным делом, хотелось бы засесть месяца на два, на три куда-нибудь в спокойное место и написать те два сценария, которые не дают мне покоя.

Тебе говорил И. П., что один мой сценарий берут для постановки?

Ты читал пьесу «Мандат»?⁴⁰² Очень интересно, и форма новая, и содержание яркое, талантливое и чрезвычайно, ultra злободневное.

Вот у меня все вертелась такая штука в голове, а написал другой, вроде русских изобретателей; вон ножик-то Александра Михайловича Игнатьева, кажется, тоже уже изобрели в Италии, по времени после него, а по патенту — раньше, так вот и я. А все потому, что некогда своим заняться...

М. А.

41

ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

14 марта 1926, Неаполь

Сейчас получил твое письмо, очень рад. И еще более обрадуешь, если напишешь мне твои впечатления так подробно и хорошо, как ты однажды уже сделала⁴⁰³ и как хотела сделать теперь. Сделай, весьма прошу! Наблюдательность твою я знаю и очень верю ей. Только не пиши с намерением убедить меня в необходимости переехать в Россию, я не поеду туда до поры, пока не кончу романа, — что решено мною, и, поскольку зависит от меня, я решения не изменю. Я никуда не поеду, если меня отсюда не выгонят. Даже о переезде в Сорренто думаю с отвращением. Никуда не хожу, даже не гуляю. Роман мой разгорается как хороший сызранский пожар⁴⁰⁴.

Напиши, кого видела, кто что говорил. Впрочем, ты сама знаешь, как надо писать.

... О «живейшей» моей переписке с В. Х. не беспокойся. Я писал ей, действительно, в тоне мрачном, прося собрать все, что написано по поводу Есенина, смерть которого очень меня поразила⁴⁰⁵. Все, что написано и пишется по этому поводу, я собрал, собираю и буду собирать. Мне надо. Не слышала ли ты чего-либо о нем?

О себе писать — нечего. Замечательно здоров. Молодею. Барышни удивляются: «Неужели Вам только 63 года?» спрашивают. Я, разумеется, горжусь и хожу павлином.

А ты хочешь снова играть?⁴⁰⁶ Это — соблазнительно. Сожалею, что не могу

быть первым любовником, а способен лишь на характерные роли, причем характер у меня стал скверным.

А вот внука у меня — хороша! Очень больно дергает за усы.

Не смущайся зачеркнутым, я хотел сказать нечто по поводу дел пустяковых, но решил, что обременять тебя этим не следует.

Здесь живет Иола Игнатьевна. На днях приедет дочь ее Ирина. Приезжала, на день, Галина, влюбленная в тебя. Что же еще? Больше ничего.

Будь здорова. Всего хорошего тебе.

А.

В Сорренто переедем в конце месяца. Вот — приезжай отдыхать? Там хорошо. Тихо и успокоительно.

14. III. 26 г.

42

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. Н. ЛАВРЕНТЬЕВУ

17 сентября 1926, Берлин⁴⁰⁷

Дорогой Андрей Николаевич! Милый, старый друг Лавруша!

Решаю я возвращаться. Не только на родину, но и к родному своему делу, в театр, но только не к административной работе, а к своей настоящей, хочу остаток дней своих дожить актрисой.

Я знаю, что могу дать еще много. И хотелось бы мне начать ролью фру Альвинг в «Привидениях» Ибсена. Причем мне пьеса представляется совсем в ином виде, нежели ее играли у нас, в Художественном театре, да и здесь, у немцев, а тем паче — в орленевской переделке.

Мне пьеса рисуется как живая трагедия природы — Немезиды, карающей до седьмого колена за грехи отцов, и женщины — матери, жены, безвинно казненной за чужой грех, сквозь сердце которой пронзен меч страданиями сына. Извечная великая трагедия!

Мне думается, что фру Альвинг живая женщина, со страстной любовью к пастору, неутоленной и потому сохранившейся до конца дней. Когда я читаю ее слова: «Привидения ожили!» — в то время как сын ее и дочь его отца почти в точности повторяют сцену между отцом его, ее мужем, и матерью Регины, некогда происшедшую, — у меня волосы на голове шевелятся и я всеми фибрами своими, кожей — чувствую, как это можно сыграть!..

Я говорила с Луначарским и Владимировым, они хотят, чтобы я играла фру Альвинг в Малом театре в Москве, и еще Владимиров говорил о роли королевы в «Стакане воды». Но мне хотелось бы, конечно, играть у Вас, в нашем родном Большом драматическом.

Напишите мне откровенно и прямо — а театру-то хочется, чтобы я у Вас играла? Нужна я? Не помешаю ли я кому-нибудь из тех, кто все это время нес на своих плечах всю работу? Зная меня, Вы почувствуете, как я искренна в данном случае.

Также Вы знаете, что работа мне найдется во всяком театре, так что без

хлеба я-то не останусь.

Только что снималась в фильме, и, к удивлению моему, довольно удачно. Потому к удивлению, что я и вообще-то всего в двух фильмах играла, да и то в 16-м году⁴⁰⁸, а десять лет срок очень большой. Тут был Горин-Горяинов и почему-то взял с собой два снимка; может быть, Вы у него посмотрите, хотя я даже не знаю, какие именно ему дали.

Я смотрела себя на экране. Там, где начинается настоящая драма и все лицо в слезах, — даже мне самой понравилось, хотя я в это время очень нехороша собой, а женщины этого не любят, даже в моем почтенном возрасте.

Хотелось бы мне знать о Вас, как здоровье, как самочувствие, что думаете ставить, как провели лето? Если напишете — буду очень рада.

П. П. только что ездил в Италию, был у Алексея Максимовича. Сейчас собирается окончательно перебираться в Москву — пять лет ведь он здесь прожил, даже с некоторым лишком. Он, пожалуй, даже раньше меня отсюда уедет. [...]

Только, Лавруша, милый, ради бога, не считайте, что Вам надо так сделать, чтобы я служила, — так как это БДТ! Пусть будет так, как лучше для дела, а не для меня, ибо для меня место найдется.

До свиданья, друг мой, крепко обнимаю Вас и люблю. Привет всем старым товарищам.

Ваша М. Андреева
17/IX 26

43

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
3 марта 1927, Москва⁴⁰⁹

З. III. 27

Дорогая Мария Федоровна!

Я не писал Вам и теперь даже не пишу Вам, потому что мне хочется как-нибудь получше устроить дело с Вашим возвращением на сцену. Я тоже считаю в высшей степени ненормальным, что Вы можете встретить на этом пути какие-нибудь затруднения. Во всяком случае, мне хотелось, чтобы в день, когда мы окончательно решим вопрос о Вашем возвращении на сцену, Вы вернулись бы туда без всяких задержек и неприятностей, но при самом радушном приеме. Как это ни странно, но для этого нужны какие-то предпосылки, которые я стараюсь теперь создать. Поэтому попрошу Вас о терпении. В последнее время я был до безобразия занят и мне было чрезвычайно трудно сделать что-нибудь в этом направлении. Сейчас же я займусь делом вплотную и надеюсь в короткий срок привести его к благоприятному результату.

Нарком по просвещению

[А. Луначарский]

15 марта 1927, Берлин

Дорогой Анатолий Васильевич!

Получила Ваше милое письмо, спасибо Вам. Что бы там ни было и как бы ни сложилось все, я твердо решила возвращаться в Москву и — на сцену, ведь где-нибудь мне место найдется. В Большом драматическом театре в Ленинграде, я уверена, хоть одну роль для меня найдут; умолял меня сыграть у них в театре какую угодно роль и [какую угодно] пьесу Надеждин, причем, как это ни странно, Грановская не только не против моего приглашения, но сама всячески уговаривает меня найти какую-нибудь пьесу, где бы нам обоим нашлись роли. У художественников я не смогла бы работать по понятным Вам, уверена, причинам, но в бывшем театре Корша, думаю, меня приняли бы больше чем охотно; мне казалось, что в Малом театре мне больше место, но Вы сами удивленно констатируете тот факт, что мое вступление именно в эту театральную организацию встречает затруднения...

В начале июня буду в Москве. Вы в это время еще никуда не уедете? Мне очень хотелось бы сразу же увидеться и поговорить с Вами лично.

До моего отъезда в СССР собираюсь еще раз-два играть в «УФА-фильме»⁴¹⁰. Жаль, что все такие ничтожные темы здесь разрабатываются и все всегда построено на том, что одна молоденькая и хорошенькая женщина является, так сказать, аттракционом, один-два немецких или английских киноактера с именем ей подыгрывают; если при этом еще и режиссер имеет имя, то дело в шляпе, а на сюжет и содержание никто не обращает никакого внимания.

Сейчас гремят наши фильмы⁴¹¹, но очень неудачно вышло, что сразу показывают и «Стачку» Эйзенштейна и «Крылья холопа», причем Никешка, русский холоп, оказался неожиданно немецким юношей, попавшим почему-то к русскому боярину, а затем и к царю; «Матросский батальон № 17», вещь слабая, и ненужная, «Мать» — Пудовкина; конечно, даже слабые наши фильмы все же содержательнее, но не знаю, не надоедят ли сразу наши все же довольно однородные выступления, ведь везде — кровь, расстрелы, солдаты и расстреливаемые рабочие и народ... Надо бы, чтобы кто-нибудь последил за выпуском наших фильмов за границу и внес известную художественную и тематическую последовательность в это дело. Фотокиноотделы этого сделать, конечно, не могут, их дело — абы продать сейчас как можно выгоднее.

Анатолий Васильевич, нельзя ли было бы отыскать в Ленинграде архив, оставшийся после ПТО? Помните, какие интересные сценарии предлагались и разрабатывались в свое время⁴¹² создавшимся под Вашим председательством Комитетом, где работали я Блок, и Кузмин, и Гумилев, тогда еще не одиозный, А. М. и другие. Мне думается, Александр Николаевич Тихонов должен знать об этом, а ведь он живет и работает в Москве. Не сохранились ли рукописи во «Всемирной литературе»? Особенно, мне помнится, интересен был сценарий о возникновении идеи о богах и об единоличном боге, а затем о том, как человек начал создавать буквы и как слагалась речь. Если не ошибаюсь, там же была и

«Василиса Премудрая» Алексея Максимовича. Это, по всей вероятности, признают сейчас несвоевременным и непригодным, но само по себе все очень интересно и ценно; жаль, если милейшая гусыня Ядвига Нетупская все это похерила, — к сожалению, одно время она усиленно занималась такими геростратовскими делами.

Кажется, я однажды уже напоминала Вам об этих сценариях, если это так, простите за повторение...

Что же Наталья Александровна не пишет, какой ей грим прислать, я Лейхнера теперь доподлинно изучила и знаю, что у него хорошо... Кланяюсь ей. И ее и мое имя здесь нередко всеу поминают в «Руле»⁴¹³, все на предмет назначения на пост О. Д., вот неймется людям!

Сегодня была у меня некая мисс Томсон, сотрудница «Ивнинг пост» в Нью-Йорке, она собирается в Москву и просила меня помочь ей «ориентироваться». Простите, но я могла ей посоветовать прежде всего обратиться к Вам, так как никто лучше Вас не сможет ей помочь. На вид и по первому впечатлению она не очень подходящий человек для ознакомления Америки с СССР, очень уж наивна и малограмотна, но ведь иногда устами младенцев глаголет истина, особенно если ее хорошо информировать.

Ну вот, дорогой Анатолий Васильевич, решила я ехать, а там видно будет, авось с голоду не помру, а? Знаете, мне сейчас необыкновенно живо вспоминается 1911 и 1912 годы — возвращение на родину тогда, всеобщее тревожное положение и тому подобное... Нет?

В интересное время живем мы!

До свиданья, дорогой друг, от души желаю Вам всего доброго и светлого.

Ваша М. Андреева

15/III 27

45

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

5 апреля 1928, Берлин

Дорогой друг! Большое тебе спасибо, что написал мне, я ведь понимаю, как ты занят, и чувствую многое, должно быть, лучше, чем прежде, жизнь — учит! Очень обрадовалась, узнав о тебе. Когда нет вестей, мне всегда кажется — а вдруг что-нибудь случилось?

... Писать? Нет, милый, поздно⁴¹⁴. Это очень жестокое словечко. Особенно для женщины. Но я предпочитаю сказать его себе самой, и не только в этом случае, чем услышать от других.

Нехорошо, что меня так долго держат на такой чуждой мне и небольшой сравнительно работе. Куда больше приспособлена я иметь дело с людьми, чем с вещами.

Стараюсь сделать и эту работу прилично, но думаю, что много больше приносила бы пользы, работая в области культурно-просветительной или общественной, но, сколько ни просила я и начальников всяких и друзей, — держат меня здесь, увы.

Заказали мне две книжки — одну о театре в СССР, другую о кино за границей. Если получу месяца два отпуска, как обещают, думаю заняться этим.

Приехал сюда еврейский академический театр⁴¹⁵. Успех — оглушительный. Создание этого предприятия дело еще наше, в Петербурге. Театр мне не очень понятный, не только потому, что на жаргоне, — а не люблю я мейерхольдовщины, тем более что Валя Ходасевич очень остроумно прибавляет: «в переводе Коли Петера».

Подкупает страстная любовь к своему делу всей труппы и один очень талантливый актер — Михоэлс.

У нас же в клубе по этому поводу устраивают вечер ОЗЕТа⁴¹⁶, и мне поручено читать доклад о Биробиджане, колониях в Крыму, так как и я — почетный член этого общества...

М.
5. IV. 28

46

А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

23 апреля 1928, Сорренто

Интересно и очень убедительно изобразила ты молодежь на приеме у Луначарского. Очерк этот следовало бы напечатать. И почему бы тебе не писать такие очерки? Видишь ты хорошо, язык у тебя — есть. А главное — есть хорошее чувство к молодежи, которой — как я знаю — живется весьма трудно и которая заслуживает более внимательного отношения к ней, чем то отношение, какое у нас принято. Сама она, молодежь, толково говорить о себе еще не умеет. Право, следовало бы тебе заняться «писательским» делом, это я говорю совершенно серьезно и, кажется, писал уже тебе об этом, прочитав очерк твоего первого визита в Россию⁴¹⁷.

Не отвечал так долго потому, что засыпан письмами из России, получаю их штук по 40, 50 ежедневно и на многие приходится отвечать. А вот газет, журналов, книг из Москвы итальянская почта не доставляет мне уже более месяца. Заявил об этом в полпредство, оно распорядилось, чтоб неаполитанский консул поговорил с директором почтамта, консул — поговорил, но результатов нет. А я знаю, что мне выслана куча книг и аккуратно высылаются газеты, журналы. Странно, выражаясь мягко.

Через месяц еду в Россию⁴¹⁸, значит, увидимся, хотя я опасаюсь, как бы в Берлине не устроили мне какой-нибудь «встречи». Если нечто подобное предполагается, — усердно прошу тебя: протестуй во всю силу. И так уж Москва подняла столь оглушительный шум, что, боюсь, это испортит мне все мои задачи и намерения.

Последнее время работал так много, что дописался почти до бессонницы и нервной усталости. Вот уже третий день лечусь от этого тем, что чищу дорожки в саду с Максимом и Крючковым. Помогает.

Будь здорова и — до свидания.

А.

Замечательна у меня пара внучек! Старшая — Марфа — очень умная и своенравная, а младшая — олицетворение довольства жизнью. Никак не предполагал, что доживу до таких штук.

А.

47

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

4 мая 1928, Берлин

Нет, не бойся, никаких встреч и парадов тебе устраивать в Берлине не будут. Меня как-то спросили, а я ответила: «Если хотите сделать Алексею Максимовичу неприятное и побудить его объехать Берлин, — устраивайте». Поверили.

Тут устраивали вечер Горького, читал доклад о нем директор банка Новицкий, играли на рояле и виолончели «на темы», читала Гзовская — «Девушку и Смерть», Гайдаров (под Качалова) «Товарища», а затем наши любители играли первый акт «На дне»⁴¹⁹. Катерина¹, между прочим, — Квашню, для чего вымазала себе лицо на манер красной меди самовара. Хорошо то, что твердо знали [роли] наизусть, и многие потом говорили, что впервые прочувствовали красоту и значение текста. Катя волновалась донельзя и старалась всю быть базарной торговкой, веселой и доброй. А потом всплакнула в уголочке и мне говорила, что все тебя вспоминала и как она тебя любит. Это довольно понятно: ведь все ее детство и юность прошли подле тебя.

Рада, что у тебя внучки хороши, по фотографии они мне тоже очень нравятся. К сожалению, не могу похвастаться тем же. [...]

Крепко обнимаю.

М.

4/V 28

48

М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

27 декабря 1928⁴²⁰

Милый мой Всеволод Эмильевич!

Спасибо Вам за приветствие. Да — оба мы с Вами юбиляры, и Вы знаете, как высоко ценю я Вас как большого художника-актера, с каким наслаждением вспоминаю Вас в тех ролях⁴²¹, которые мы с Вами так молодо и ярко переживали, те пьесы, в которых мы с Вами вместе — и неплохо! — играли.

Очень и мне жаль, что не повидала вас с Зинаидой Николаевной [Райх] на обратном пути, но надеюсь, что, может быть, повидаемся в Москве, где я надеюсь и мечтаю быть в конце января — в феврале. [...]

Представляю себе, что не очень Вам легко, и искренне жалею об этом.

¹ — дочь Андреевой — Е. А. Желябужская. — Ред.

Только, думается, справитесь. Мы, старая гвардия, народ жилистый, крепкий.

Ну, будьте здоровы, желаю, чтобы и Вам и Зинаиде Николаевне жилось хорошо и интересно. Крепко жму обоим руки и шлю сердечный привет.

Если что надо будет — пишите, что могу — всегда с удовольствием сделаю. Всего доброго!

М. Андреева
27/XII. 28, Берлин

49

**М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. А. ЛУНАЧАРСКОЙ-РОЗЕНЕЛЬ и
А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ**
*7 декабря 1929, Берлин*⁴²²

Так обидно мне, друзья мои милые, Наталья Александровна и Анатолий Васильевич, что в этот мой приезд мне так мало удалось побыть с вами и еще того меньше поговорить по душе, так как у вас всегда толпится народ, а иной раз, хотя и нет никаких особых секретов, хочется поговорить без посторонних.

Как-то вы оба поживаете? Как чувствуете себя? Чем каждый отдельно и оба вместе заняты? Мне особенно досадно, что не удалось по-настоящему поговорить, так как у меня назрело несколько проектов для совместной литературной и художественной работы, да так они и повисли в воздухе.

Хлопотала я изо всех сил, чтобы перевели меня на работу в Москву, как вы знаете. Даже обещали мне это. И настроения все как будто таковые, чтобы нас, стариков, заменить новыми, молодыми. Но вот уехала, и ни слуху ни духу, ни малейшего движения воды, что называется. Вы не можете себе представить, как мне опостылела заграничная жизнь и как меня тянет к живой работе у нас, дома.

В этом году в Берлине нет зимы, слякотные, осенние дни перебиваются редкими чудесными, солнечными, когда так трудно сидеть в конторе. А сидим, я по крайней мере, с 9 утра до 6 – 7 на регулярной работе и еще раза четыре-пять по вечерам заседания. Немножко это — много. Очень туго подворачиваются экономические гайки, у нас — путем разных винтов, а у немцев — депрессией. У немцев настолько, что многие парикмахерские начинают опасаться закрытия: дамы реже причесываются у них, мужчины стали бриться сами — это мелочь, но в высшей степени показательная. То же происходит и с колониальными крупными магазинами: дорогие деликатесы, дорогие вина не находят спроса, публика сжимается насколько только возможно. За этот год лопнуло несколько крупнейших ковровых фирм, а в Германии на ковер смотрят как на капитальное сбережение. Словом, весьма неблагоприятно в Э [одно слово *нрзбр*].

Очень беден и театральный сезон. Ни одной значительной постановки, ни одного выдающегося театра. В кинотеатрах показывают американскую заваль или пошлейшее туземное производство. Наших фильмов нигде нет.

Резко ставится вопрос о приглашении иностранных сил — в связи со все развивающейся безработицей. Думаю, что обилие иностранных режиссеров и артистов, наблюдавшееся в прошлом году, изжило себя.

Даже концерты, чем так силен Берлин, в этом году чрезвычайно бледны.

Что же делается у нас в этих областях? Была бы очень, признательна, если бы вы оба мне об этом собрались написать.

Буду ждать вестей от вас, а пока крепко целую Наталью Александровну и обнимаю Анатолия Васильевича. Нежный привет и поцелуй Ирочке, очаровательной девочке.

Всего вам всем доброго и светлого желаю.

Ваша М. Андреева
7/XII 29

50

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

23 марта 1930, Москва⁴²³

Скоро по старому стилю 14-е марта, весенний день и день твоего рождения...

Ну, поздравляю тебя, друг дорогой! Радуюсь, что ты в добром здоровье, по-прежнему молод, полон бодрых юных дум, планов. То тут, то там слышишь от старых товарищей: «Это Алексей Максимович надумал», «Это по мысли Алексея Максимовича организовано», «Это Алексей Максимович затеял»... Чудесно это! И впредь желаю тебе того же неутомимого, созидательного духа.

Сейчас в Москве грязно, как всегда весной, погода стоит самая неровная, то жарко пригреет солнышко, то вдруг подует совсем морозный ветер, отчего множество простуд и всяких болезней. Ну, и не очень сытно, конечно, это тоже особой силе сопротивления всяким заболеваниям не способствует. Об этом обо всем, впрочем, тебе, должно быть, подробно расскажет поехавшая к вам Екатерина Павловна.

Была в Художественном театре. Как всегда, когда бываю у них, очень волновалась, ведь мне там каждая половица скрипом своим напоминает про что-нибудь... Видела «Отелло»⁴²⁴, играл Леонидов. Один акт он провел изумительно — когда в нем зарождается ревность и он, большой и сильный, но простой и добродушный, бессильно борется против этого чувства, полный любви и нежности к Дездемоне. Но как-то, по правде сказать, староват он для Отелло. Публика была самая, что называется, изысканная. Много хлопали и послали телеграмму Станиславскому.

Если помнишь, Дездемона была моей последней ролью⁴²⁵. До сих пор все слова наизусть помню. Может быть, только поэтому мне казалось, что Дездемона — Тарасова очень слаба и не то играет.

... Понемногу дня мне все меньше хватает, что-то дальше будет. Очень уж интересно все, и так хочется побольше сделать. Времени все меньше остается, а того, что надо бы успеть, — все больше.

На днях напишу тебе о юнцах. Интересный народ.

До свиданья, Алеша родной! Будь здоров. Кланяйся всем, Наде и Максиму особенно. Крепко обнимаю.

Твоя М. А.

51

ИЗ ПИСЬМА Н. Е. БУРЕНИНА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ*27 августа 1930, Ленинград*⁴²⁶

Мария Федоровна, родная!

Сейчас получил Вашу открыточку. Из моих писем Вы знаете, что, кроме исправленной рукописи, я ничего от Вас не получал и был очень огорчен, что Вы никак об ней не отозвались. Радуюсь, что Вам понравилось, но горю желанием узнать более подробно — что хорошо, что плохо. По настоянию Алексея Максимовича продолжаю писать и пока взялся за свою «Тюрьму». Если выйдет неплохо — переведу на шведский язык и издам в Стокгольме, так как такой литературы там нет совсем и меня уверяют, что небольшая книжечка будет иметь успех.

Затем возьмусь, опять-таки по совету А. М., за переработку статей в «1905 г.» и в сборнике Красина⁴²⁷ и, объединив все вместе, попытаюсь написать книгу. Задача смелая, но попытка — не пытка. Думаю, Алексей Максимович зря не станет советовать...

Ваш Евгений
27/VIII-1930

52

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ*29 августа 1930, Москва*

Милый друг, я ответила Вам, правда открыткой, на Ваш вопрос, понравились ли мне Ваши воспоминания. Очень! И я Вам об этом раньше писала, но, должно быть, за Вашими перестройками письмо мое куда-то затерялось.

... Через месяц-полтора возьму отпуск и проведу его на даче Алексея Максимовича в Красково — вот не хотите ли составить мне компанию? Дача зимняя, теплая, с электроосвещением, ванной, прислужой и всеми удобствами. Я была бы сердечно рада побыть с Вами, а кроме того, могли бы и поработать вместе.

Ваша М. А.
29/VIII-1930

53

ИЗ ПИСЕМ Н. Е. БУРЕНИНА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ⁴²⁸*3 декабря 1930, Ленинград*

Родная Мария Федоровна

... Я Вам бесконечно благодарен за указания, за совет, за строгую критику.

Вы правы безусловно, и мне надо в корне переработать мой «А-а-ах!» — и даже не его написать, а что-то другое, где центр тяжести не на самом эпизоде лежит. Я все перечеркал, начал писать заново и Вам pošлю. Вы должны знать, что Ваша критика не обижает меня, а мне помогает. Я ведь ни с какой стороны не писатель, и мне не к кому обратиться за советом. Вы у меня одна. Поэтому мне особенно ценны Ваши указания и только очень совестно, что я отнимаю у Вас время и заставляю Вас его тратить не только на прочтение, но и на исправления.

Согласны ли Вы и в будущем мне помогать? Ведь я затеял большую историю — не шутка написать целую книгу. Статью с эпизодами в финский сборник уже переводят. Я ее обработал согласно Вашим указаниям и дополнил некоторыми интересными подробностями. Теперь она в таком виде, что всем, кому читаю, нравится, даже Елена Дмитриевна [Стасова] очень одобрила и написала мне исключительно дружеское письмо с советом взяться серьезно за работу и продолжать в том же духе.

... Сейчас получил извещение о получении персональной пенсии и книжку. Тронут до слез вниманием и добротой товарищей. Вам спасибо особое.

Ваш *Евгеньич*

20 марта 1931, Ленинград

Родная и дорогая Мария Федоровна!

Вы не охладели к нашему проекту написать сценарий и поставить фильм? Я понемногу работаю как над воспоминаниями, так и над материалами.

Написал «Год в тюрьме — “Кресты” — 1907 — 1908 гг.». Те, кто слушал, очень хвалят, но ведь слишком живая тема, так что, может быть, заблуждаются. Сам я не судья. Мои воспоминания о работе в Финляндии перевели на шведский язык и с одобрения А. М. Коллонтай поместили в шведском журнале. Я послал фотографии, просили мою, и в результате напечатали три эпизода: «Наташа», «Степан Голубь» и «Покойницкая»...

Ваш *Евгеньич*

12 апреля 1931, Ленинград

Милая и дорогая Мария Федоровна!

Получил Ваше письмо от 8/IV, и даже дух захватило и сердце билось, когда его вскрывал, — ведь Ваш суд для меня, можно сказать, всё, и хоть Вы и будете протестовать, но скажу, что больше суда Алексея Максимовича. Его критика другая, с других точек зрения, а Вы прекрасно меня знаете, мою психологию и «кровно» заинтересованный человек. Понимаете меня? Вы тоже на меня не сердитесь и не обижайтесь. О Ваших исправлениях, замечаниях, если я не буду с ними согласен, я напишу, когда прочитаю все, что Вы исправили, в данный момент нет времени и я напишу только кое о чем, что пишете в письме, что требует объяснения. Я бесконечно счастлив Вашей фразой: «А в общем — очень интересно, местами захватывающе и очень хорошо написано...»

Я на крыльях!

Эх, родная Мария Федоровна!

Как Вы мне помогаете! Честное слово, я до слез тронут, глаза и сейчас мокрые... и стыдно, что я слюняй-плюняй, и радостно на душе за Ваше дружеское участие в моем деле.

А ведь я не на шутку задумал развернуться.

Целую Ваши руки

Ваш Евгений

54

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

30 июня 1931, Москва⁴²⁹

... Мне хотелось рассказать тебе об одном театре, почти исключительно для рабочей публики. Называется он Театр сатиры, а авторов у него нет, между тем он растет и в смысле актерском, и по части режиссерской, и даже политически, работающая в нем публика становится грамотнее.

Мне приходится обследовать его работу и, подойдя к театру поближе, захотелось очень помочь им в смысле организации литературной братии вокруг них.

Не поможешь ли ты мне в этом?

Извини, что плохо пишу, болит рука — невралгия.

Будь здоров.

М. А.

30. VI. 31

55

ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

23 марта 1932, Москва

Наступает весна, а с нею день твоего рождения — и опять у меня в душе всплывают когда-то мною же сказанные тебе слова: пусть тебе хорошо будет!

... Работаю в Доме ученых, хотела было уйти из Наркомвнешторга, но придется, должно быть, остаться, так как образуется комиссия по организации аукционов в СССР, в которой мое участие как будто нужно.

... Приходили А. Н. Тихонов и Дикий по поводу затеянной ими студии⁴³⁰, о которой ты знаешь. Мы помогли им всячески, и сейчас идет техническое оформление ее дальнейшей работы. Мне тоже придется принять участие в этом деле. Интересно. Только бы сил хватило. Вообще все страшно интересно и так всего много. Немного жаль, что не в начале, а в конце жизни, когда все же силенок много меньше. Ну, да ничего, сколько-нибудь еще хватает...

М. А.

23. III. 32

М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

20 марта 1936, Москва

Дорогой мой! Поздравляю тебя с годовщиной дня рождения твоего! Ты знаешь — могу думать о тебе только с великой нежностью, старое сердце мое не хочет стариться и по-старому горячо бьется любовью к тебе — Человеку и, чтобы там ни было, другу большей половины жизни моей.

Одного желаю тебе — сил, здоровья, остальное все само придет.

К сожалению, сама я пишу тебе из больницы, снова на сорок дней уложили меня. Ну, ничего не поделаешь. Обещают, будто поправлюсь и даже смогу работать. Хорошо бы так!

Все пишу воспоминания свои, и все не нравятся мне они⁴³¹, хотелось бы рассказать о виденном, слышанном и пережитом хорошо, правдиво и просто, не удается это мне пока что.

Тихонов А. Н., по-моему, хорошо о Чехове и Савве Морозове написал⁴³². Тебе как, нравится?

Очень много читаю. Большинство молодых советских писателей были мне совсем неизвестны. Геннадий Фиш мне очень понравился, и вот сейчас читаю «Хлеб» Мих. Цибина, тоже нравится, много в нем от тебя, конечно, но ты строг к себе и к форме, а этот иногда неряшлив. Ловлю себя на том, что многих вещей, которые еще не так давно прочла бы с удовольствием, читать не могу — не наше, не советское, не свое по духу трудно читать. Очень часто раздражает язык: «шляпу одевают», «одеялом надеваются» и т. п. погрешности.

Иногда так хочется послушать тебя. Вот «Вассу Железнову» ты вновь написал... И так ты далеко!

Спасибо тебе за хлопоты обо мне, ты письмо Кулькову¹ написал, знаю.

За многое тебе спасибо, Алексей Максимович, любимый мой!

Не могу больше писать.

Марина моя тебе кланяется, хорошая она девчушка...

Многие просили меня тебе передать привет и пожелания: Юрий, Катя, Борис и еще многие, сестра Женя, между прочим.

Ну, пусть только тебе будет хорошо.

Мария
20/III-36

Е. М. КУЗНЕЦОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

20 июня 1936, Ленинград⁴³³

20/VI 1936

Дорогая Мария Федоровна!

Эти дни мысли настойчиво вертятся вокруг Вас и упорно возвращаются к Вам — так хочется пожать Вашу руку, поцеловать ее. И мысли эти неотвязны и настойчивы как ощущение кончины Алексея Максимовича во взаимосвязи с

¹ Секретарю МК КПСС — Ред.

Вами или — если позволите так выразиться — «через Вас». С большой остротой ощущаю Ваше состояние и так хотел бы сделать, что-либо, способное хоть сколько-нибудь утишить Вашу боль. Вы простите меня за эти строки, Мария Федоровна, но так хотелось бы сказать Вам о тех мыслях и чувствах, которыми живешь эти дни.

Целую Ваши руки.

Вам преданный

Евгений Кузнецов

58

М. Ф. АНДРЕЕВА — И. М. МОСКВИНУ

12 октября 1936, Москва

Телеграмма⁴³⁴

Горячо поздравляю старого товарища и друга. Скорблю, что болезнь помешала приветствовать лично. Всем сердцем желаю здоровья и сил на долгие годы, продолжения блестящей художественной работы великого мастера и огромного таланта.

Мария Андреева

59

С. В. КАСТОРСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

23 октября 1936⁴³⁵

Ленинград, 23/X-36 г.

Дорогая Мария Федоровна!

Я все еще нахожусь под обаянием Ваших чудесных рассказов об Алексее Максимовиче и буквально не могу прийти в себя.

Если бы Вы знали, как мне хотелось Вас слушать и слушать!

Моя поездка в Москву получила свой настоящий смысл только после бесед с Вами. Вы мне дали много, очень много — и не только в направлении моей работы на специальную тему, но, и это главное, для восприятия, обновленного восприятия образа Алексея Максимовича как художника. Вы заставили меня почувствовать этот особенный горьковский аромат поэзии.

За все это большущее Вам спасибо! Спасибо Вам за Вашу доброту, отзывчивость. Я видел, как Вы заняты, как Вас рвут добрые люди на части, и, несмотря на все это, Вы отдали столько времени моим вопросам и не посчитались со своим днем отдыха.

На всю жизнь у меня останется живое воспоминание о Ваших прекрасных рассказах.

С глубокой признательностью и чувством искренней преданности к Вам
Ваш покорный слуга

С. Касторский

Из стенограммы выступления в ВТО⁴³⁶

Как и все большие люди, Алексей Максимович — такая сложная фигура, такой многогранный человек. И всегда, когда говоришь о таких людях, это бывает очень трудно. Мне недавно пришлось говорить о Владимире Ильиче Ленине, с которым я тоже имела счастье быть близко и хорошо знакомой, и даже могу сказать — другом его своим считать имею право, — так же мне было трудно говорить о нем.

Что сказать о личности и творчестве Алексея Максимовича? Как про всякого большого человека, мне кажется, никак не скажешь — вот такая это личность. Мне так приходилось и самой думать и от близких слышать, например от своих детей, — а дети иногда очень образно и очень по-своему четко определяют человека, — «Да разве Алеша человек? Это целый город людей, а не человек, это гора целая!» И верно, это так!

Спросите вы меня, человека, который прожил с ним двадцать лет с лишним, — какой Алексей Максимович? Я могу сказать — человек необыкновенно умный, энциклопедически образованный, и человек без малейшего не то что зерна, крупички, тени чего-нибудь подобного пошлости, чего-нибудь такого, что можно было бы назвать ненавистным словом и Алексею Максимовичу и людям подобным ему — мещанством. Этого в нем ни на грош не было. Если спросить — добрый ли он? Очень добрый. А не сердитый, не злой? Бывал так сердит, бывал так гневен и так страшен в гневе своем, что даже глаза его, эти чудесные синие глаза, делались страшными белыми глазами. Сказать — был ли он тароват, добр? Да. Он был человеком, который мог отдать последнее из того, что у него было. И вдруг, в особенности когда он проникался каким-нибудь из создаваемых им образов, чужому человеку можно было подумать, что он и скуповат. Все человеческое в нем было, и все это в нем видоизменялось, по мере того как он жил, по мере того как он рос. Разве можно сказать про Алексея Максимовича, что он таким, каким родился, таким и в могилу сошел? Нет, конечно, нет! В юности он этакий пламенный Данко, который готов был свое сердце вырвать и бежать с ним вперед, чтобы сердце его дорогу людям освещало. И человек огромной сдержанности, человек глубокого проникновения — тоже он. Вот художник Корин его на портрете изобразил отвлеченным мудрецом, с серым лицом. Таким он никогда не был. Мудрецом он был, но он был всегда пламенным мудрецом. Он никогда не был мудрецом успокоенным.

Взять всю эту амплитуду и раскрыть перед вами я не могла бы, не сумела бы сделать.

Если говорить о том, каково было его отношение к театру, — то, что вас в особенности интересует, — то об этом я должна сказать: самое разнообразное. У него в молодости был момент, когда он страшно был увлечен театром, когда он восхищался всеми Нинами, каких только видел на сцене, когда он с восторгом смотрел все пьесы, где были большие люди, большие герои. Он и до самой своей старости всегда уважал и любил театр героический, по правде

сказать, очень любил театр романтический, и в то же самое время он был большим поклонником Художественного театра, такого реального. Очень уважал его.

Если говорить о том, как он относился к писательству, к работе писателя? Вот на это он смотрел как на главное в жизни, самое нужное. И для того чтобы это самое главное и самое нужное сделать, чтобы сделать это как можно лучше, надо самому быть вооруженным всеми знаниями, всей мощью культуры, науки, какой только может достичь человек, — и никогда не останавливаться, всегда идти вперед.

Как он писал свои театральные вещи? Прежде всего, мне кажется, он сам был великолепным актером. Ежели кому-нибудь из вас хоть когда-нибудь случайно приходилось слышать, как он читал не только свои произведения, но и чужие, то он знает, какой это был блестящий чтец, несмотря на то, что у него был глуховатый голос, он часто сильно кашлял; притом у него была слабость — он легко плакал; но плакал он не от жалости, не оттого, что пожалел кого-нибудь из тех, о ком хорошо было написано, а потому, что его умиляла красота искусства, его восхищало мастерство, его пленяла красота. Он часто плакал, читая, и это не мешало ему, потому что все это покрывалось его необыкновенным актерским талантом. Мне кажется, и не только кажется, но я твердо в этом уверена, что когда он писал свои пьесы, когда он писал о каждом человеке, которого он изображал в своей пьесе, то он как бы претворялся в него, он становился именно этим человеком. У моих детей, которые с ним вместе жили, было такое выражение: «А. М. уехал». Когда он на Капри писал «Городок Окуров», они говорили: «Сейчас с Алешей говорить нельзя, он в городе Окурове живет». Вот я вам сказала, что он иногда мог показаться скуповатым. Когда он писал Маякина, он делался Маякиным, он беспокоился о том, что у нас сахара выходит много, в то время как вообще ему было решительно все равно — есть сахар или нет сахара, его лично это никогда не интересовало, но он до такой степени претворялся в то лицо, которое создавал в это время, что он как, будто становился на это время этим самым человеком.

Я как-то Михаилу Степановичу [Григорьеву] рассказывала об одном случае с Алексеем Максимовичем, когда он писал вторую часть «Городка Окурова». В ней есть сцена, когда муж, приревновав свою жену к Матвею Кожемякину, убил ее — нож, которым хлеб режут, он сунул ей в печень.

... Я только потом поняла, что он до такой степени ярко представил себе эту боль, ее ощущение, рану этой женщины, что у него образовалась стигма, которая, я помню, держалась несколько дней. Позвали доктора — тот объяснил мне, что такие случаи бывают у особо нервных, впечатлительных [людей].

Ведь так же переживал отравление мадам Бовари Флобер. Это бывало с Алексеем Максимовичем не один раз, но этот случай, пожалуй, был самым ярким и крепко запомнился мне¹.

... Что же мне рассказать вам еще? Как он первый раз «Мещан» в Художественном театре ставил? Я сама в «Мещанах» не играла. Тогда ведь

¹ См. об этом здесь: [«Отрывок из воспоминаний»](#).

разделяли на актрис, которые умеют играть мещан и крестьян, и на таких, которые не умеют. И только когда он написал «На дне», мне удалось убедить, что я все-таки могу сыграть и мещанку и кого хотите. Константин Сергеевич мне не верил. «Вы, говорит, для этого не годитесь вам нечего здесь играть». Поэтому я в «Мещанах» не играла. Он пришел к нам тогда влюбленный в Художественный театр. В первый раз он нас видел, когда поехали показываться Чехову. Это было в 1900 году.

Приехали мы в Севастополь. Первым спектаклем у нас был — «Дядя Ваня», Чехов приехал из Ялты. Спектакль был принят большими оvationами со стороны севастопольской публики. Чехов сказал мне: «Сегодня Горький не мог приехать, а завтра я вам его привезу». На другой день шла «Эдда Габлер». Чехов приходит и говорит: «Можно к вам привести Горького?» У меня тогда было представление, что Пушкина, Толстого никогда на свете не было, их просто выдумали люди, а они какие-то сказочные фигуры, которых вообще в жизни не существует. Такое же отношение у меня было и к Горькому. Мне казалось, что это, должно быть, необыкновенно красивый, героический человек, который и одет как-то особенно. И вдруг, когда Антон Павлович постучал ко мне: «Ну вот, мы пришли, — можно?» — и вошел Горький, я ужасно огорчилась: пришел какой-то человек, так, вроде мастерового, волосы длинные, белая фуражка, голубая рубашка, и некрасивый такой, и усы какие-то рыжие. А потом он как-то посмотрел, улыбнулся — если вы его и видели, то вы видели его в старости, а в молодости у него были необыкновенно лучезарные синие глаза с длинными пушистыми ресницами. Улыбнулся. После этого он мне показался и лучше и красивее всех на свете.

Потом он пришел к нам в театр в Ялте, смотрел «Чайку». Я играла Нину Заречную. И влюбился он в наш театр в весь коллектив, ему понравилось, что мы не типичные того времени актеры, что мы самые обыкновенные люди и играем неплохо. Влюбился в Станиславского, даже Немирович ему понравился. В Ялте мы очень много с ним виделись (мы — театр). И когда вернулись в Москву, когда он ставил «Мещан», ходили за ним толпой — куда он, туда и мы. Мы с разинутыми ртами слушали, что он говорил. Однажды он сказал: «Знаете, я ужасно вам благодарен, что вы ко мне так относитесь. Но мне ужасно неловко при всех разговаривать с артистами. Если можно — уйдите, а с теми, кто играет, поговорю». Только после этого мы его оставили в покое. Говорил ли он актеру, как надо играть? Нет, не говорил. Он говорил: «Вы это прекрасно делаете, лучше всех. Это великолепно, я так и думал, что вы лучше всех сделаете». Единственно, кого он учил, так это Баранова⁴³⁷. Был у нас такой актер, прежде он был певчим. Сыграл он у нас один раз, роль ему подошла блестяще. Да вот еще Перчихину — чудесному актеру Артему — Алексей Максимович говорил о том, как надо птиц любить и т. д. Да еще какие должны быть комнаты, обстановка. А как надо ставить и т. п. — в это он совершенно не вмешивался.

Когда ставили «На дне», он в первый раз сам читал пьесу. Я думаю, что никогда и никто так не играл и не сможет играть, как он играл, читая эту свою пьесу. С ним прибыл Шаяпин, было много писателей из тех, которых теперь уже нет (кроме одного Серафимовича). Мы переходили из театра в Каретном

ряду в новое помещение, было оно у нас в доме Филиппова — там мы репетировали тогда. Каждому из нас Алексей Максимович говорил, каков человек, которого мы играли, как он себя должен вести. Качалову он рассказывал о прототипе того образа, который он изобразил в своей пьесе «На дне», рассказывал о нем очень много. Конечно, тот образ только внешне, а не содержанием своим походил на образ, который он описал, но, рассказывая о своем Бароне, Горький старался передать все как можно полнее. Говорил, какие должны быть декорации. Мне думается, он понимал, что мы сами очень плохо знакомы с типами, которые у него даны в пьесе, и с обстановкой. Я сама хоть и ездила на Хитров рынок, смотрела, как там люди живут, какие там девушки, как они разговаривают, но это, конечно, не нужно было, ничего нам дать не могло. Для того чтобы правдиво передать жизнь, надо не поглядеть, а проникнуться самой сутью ее. И вот это чувство, что мы смотрели на внешнее, а внутреннее не понимаем, это, должно быть, и заставляло его нам так подробно все рассказывать. Я в первый раз тогда видела, что Константин Сергеевич — который, что говорить, и учитель и человек большой, не боюсь сказать, гениальный, блестяще знающий свое дело, которое всегда он любил всеми фибрами своей души и посейчас любит, искренне, горячо любит, — так в первый раз я видела, как Константин Сергеевич выслушивал и делал то, что говорит Алексей Максимович. Константин Сергеевич ведь всегда хитрит, наивно, очень мило и хорошо хитрит, вся хитрость его всегда наружу выходит, а тут он совсем не хитрил. Когда он с Чеховым говорил, он всегда на все соглашался, а делал по-своему.

... Когда в Риге «Дачников» поставил Незлобии, Алексей Максимович принимал в этом участие⁴³⁸. Но в то время театр его уже не интересовал. Шел 1904 год. Были большие споры в литературной среде. К театру он охладел в значительной степени. Вот когда «Дачников» поставили у Комиссаржевской, было страшно интересно. Варвару Комиссаржевская играла совершенно изумительно. Монолог, в котором она обвиняет людей в том, что они засоряют землю, в том, что они как дачники — приедут, испортят все и уедут, ничего не оставив, кроме грязи, кроме бумаги, кроме мусора всякого, — она говорила горячо, с огромным подъемом. Весь театр был потрясен, публика бешено аплодировала и вызывала автора. А писательская братия, жившая тогда в Петербурге, в особенности Гиппиус, Философов и Мережковский, свистели ему. Было страшное смятение — кто свистел, кто аплодировал⁴³⁹. Комиссаржевская страшно волновалась и просила его: «Не выходите на сцену, не выходите, не выходите, ради бога, там ваши враги, они будут свистеть, будет скандал». Алексей Максимович подошел к ней и сказал: «Успокойтесь, Вера Федоровна, ничего не будет. Скандал — значит, скандал. Обиделись? Ну это хорошо, что обиделись, вот это-то мне и приятно». Он вышел на сцену, сложил руки на груди и минут пять продолжал так стоять. Кто свистел, кто аплодировал. А он совершенно спокойно выдержал эти пять минут и ушел.

... При постановке «Детей солнца» тоже был скандал. «Детей солнца» он писал в крепости, после того как было 9 января, в котором он принимал непосредственное, близкое участие. ... Арестовали Алексея Максимовича в

Риге. Я была тогда при смерти. Когда он находился в крепости, у него было такое впечатление, что я, должно быть, умерла. И вот, чтобы себя как-то от этого отвлечь, потому что у него были кошмары, казалось, что он видит похоронное шествие, слышит похоронное пение и т. д., — он говорил: «Я должен во что бы то ни стало написать веселую пьесу». И как Чехов думал, когда написал «Три сестры», что он написал веселую пьесу, когда писал «Вишневый сад» — тоже очень веселую пьесу, — так и ему казалось, что «Дети солнца» — очень веселая пьеса. Когда ставили «Детей солнца» у нас в Художественном театре, то — вы, по всей вероятности, по литературе знаете — произошел очень большой скандал, некоторые лица из публики стали истерически кричать: «Ах, ах, это ужасно — то, что на улице, то и в театре, мы не можем вынести!» Актриса Самарова выбежала из театра в гриме еще, в одной шубе. Еще кто-то хотел бежать. Занавес то сдвигали, то раздвигали. Первое представление было очень неприятным. Но мы, актеры, относились к пьесе с большим интересом. Я играла Лизу, Германова — Елену, и великолепно, совершенно изумительно играл Качалов Протасова. Неплохо хохла играл Калужский, типично, очень характерно, но суховато. Горький был в величайшем восторге от того, как играл Качалов. Помню, дворника играл ученик нашего театра, который великолепно всех доской по головам стучал. Из всего нашего состава Алексею Максимовичу больше всех понравился Качалов — и этот дворник⁴⁴⁰. Он так и говорил: «Плохо вы все играете».

... Вы помните, был такой замечательный человек, который первым луч солнца взвесил, — Лебедев. У меня было письмо — к сожалению, во время обысков оно пропало, — где он писал, что его поражает, до какой степени Горький как ученый написал все то, что Протасов говорит о химии. И он хотел взять как введение к своей книге первый монолог Протасова.

Как играл Качалов? Качалов, прежде всего, играл настоящего умного, ученого человека, который страшно рассеян, который не видит, в сущности говоря, жизнь и который, оттого что он все время занят, занят своими глубокими мыслями, занят глубокой наукой, занят теми открытиями, которые у него вот-вот должны претвориться в жизнь, не видит настоящей окружающей жизни. Он очень любит Лену, жена его чрезвычайно ему нужна, но он ее не замечает, он ее не замечает до тех пор, пока она ему не оказала: «Знаешь, я от тебя уйду, потому что жить с тобой невозможно». Когда он это заметил, он очень испугался, по-детски испугался. Так играл его Качалов, чрезвычайно искренне, очень умно и по-детски — этаким большой ребенок. Так Качалов давал ученого — немножко трагика, немножко философа, а главное дело, отвлеченного от окружающей жизни человека.

Вопрос. А чем он был недоволен в исполнении других ролей? Вы играли Лизу, — он вам не говорил, что его не удовлетворяет в вашей интерпретации?

Ответ. Это очень трудно сказать, он всегда меня ругал. Для того чтобы объяснить мне — как я должна играть, он рассказал мне, что на него произвело очень большое впечатление такое событие. Когда он жил еще в Нижнем, рядом в доме какая-то девушка сошла с ума. Дверь была открыта, она пришла ночью в квартиру Горького и все время говорила: «Нет, нет, нет, нет...» Он требовал,

чтобы я говорила именно так, как говорила эта женщина, а я, во-первых, никогда не слышала, как она говорила, да если бы и слышала — может быть, так именно и не захотела бы говорить. Ему не нравилось, что платья у меня были слишком хорошие. Я не сумею сказать — почему ему не нравилось.

Вот почему ему Германова не нравилась, помню. Он говорил, что она кадетка какая-то, а она не должна быть такой, она должна быть беспартийной, но, во всяком случае, ближе к социалистам; она такая, из которой со временем может вырасти даже большевичка.

Вопрос. Он говорил, что из нее может выйти большевичка?

Ответ. Он говорил, что по пьесе «она не кадетка, какая же она кадетка, она порядочный человек».

Вопрос. Меланьей — Книппер он был доволен или нет?

Ответ. Первый раз, если не ошибаюсь, играла Бутова⁴⁴¹, а Книппер, должно быть, потом. Я, например, Книппер совсем не помню. Книппер для Меланьи совсем не подходит. Книппер — дама, а Меланья — баба.

Вопрос. Мне хотелось бы подробнее узнать насчет трактовки Лизы. Меня очень интересует — как вы трактовали. Давали ли вы с самого начала такую истеричность, такой душевный надлом, чувствовали ли вы с самого начала, что это человек с душевным надломом?

Ответ. Прежде всего, это человек испуганный. Она видела что-то такое страшное, что испугало ее на всю жизнь, оставило неизгладимый след, она всего боится, она всех боится, [ждет], что откуда-то из-за спины придет это страшное, что она видела, но о чем членораздельно рассказать не может. Она знает, что страшное опять где-то должно случиться. И когда это страшное случилось, тут только она себя потеряла. Она совсем не истерична. Просто это человек, у которого нет никакого дела. Что же она ходит да стихи сочиняет? Если бы у нее какая-нибудь работа была, дело какое-нибудь было, она была бы совсем нормальным человеком и с ума не сошла бы, но у нее ничего нет в жизни, пустое место. Нянька ходит за ней и тоже боится за нее, да еще хохол, который ее любит.

Потом она очень русская, самая этакая настоящая русская девушка.

Вопрос. Немирович в предисловии к монографии [о спектакле] «На дне» говорит о разногласиях между ним и Горьким. Вы не скажете — о чем там шел спор?

Ответ. Как бы это повежливее сказать! А. М. был очень умным человеком, он прекрасно знал свой предмет и никогда не писал по «Анти-Дюрингу», а Владимир Иванович обязательно хотел найти, по какому «Анти-Дюрингу» Алексей Максимович писал «На дне». Ничего не вышло. Тут и были разногласия.

Например, про Сатина Алексей Максимович говорил — в нем самое главное: «Человек — это звучит гордо». А у Константина Сергеевича актерский талант перемог. Он хотел, чтобы это было так, нечто вроде дона Сезара. Он мог бы эту роль играть лучше. Потом он ее лучше играл, чем первый раз.

Что же касается роли Луки, то при всей моей дружбе и при всем моем уважении к Ивану Михайловичу приходится сказать, что он играл совсем не то,

что написано. Горький написал ловкого старика, который всех обманывает и который, в сущности говоря, так настроен: «Отстаньте вы от меня». А для того чтобы его не трогали, он мимоходом говорит одному — про чудесную страну, и советует поехать туда, другому — про дворцы для пьяниц, и т. п. Говорит лукаво, совсем он не добрый. Даже когда он Анну утешает, то утешает он ее так, как священник панихиду служит, который миллион человек похоронил: он кадилом машет, не все ли ему равно — кто там лежит? Надо получить трешку — и все. Вот чего хотел автор. А Москвин хотел сыграть трогательного русского старичка. Он его и сыграл. Вот какое было противоречие. Владимир Иванович хотел, чтобы публике понравилось, он думал — и пожалуй, не ошибся, — что публике настоящий Лука меньше понравится. Разногласия по поводу Луки мне помнятся.

Потом он требовал, чтобы Настька была другой. Он говорил, что Книппер очень хорошо играет, но что Настька — не такая. Когда она говорит про Рауля в лаковых сапожках: «И говорит это он мне, драгоценная моя любовь...» — эти слова для нее как музыка мечты, ведь ей никто, никогда не говорил таких слов...

61

[О МЕЙЕРХОЛЬДЕ]

Из стенограммы выступления в ВТО⁴⁴²

... К Мейерхольду как к актеру он [Горький] относился очень хорошо, а как к режиссеру — терпеть его не мог. Какой же писатель может любить Мейерхольда как постановщика, когда он возьмет что хотите и испоганит так, что не узнаешь. Сама я являюсь большой поклонницей драматического таланта Мейерхольда. Я не знаю ни одной роли, которую бы он сыграл плохо. Возьмите Василия Шуйского в «Федоре» — потрясающе, замечательно. Иван Грозный — замечательно. Треплев в «Чайке», совершенно из другой оперы, — замечательно. Барон Тузенбах в «Трех сестрах» — лучше нельзя. Я потом играла с Качаловым, так, извините меня, Мейерхольд, несмотря на свои убийственные внешние данные — лицо топорам, скрипучий голос, — играл лучше Качалова. Затем в Иоганнесе Фокерате он был великолепен. Как он играл Мальволио в «12-й ночи»! Я перевидала массу интересных актеров, которые играли эту роль, но ничего подобного не видела.

Он играл принца Арагонского в «Шейлоке». Роли никакой нет, короче воробьиного носа, а как это у него выходило? Настоящий Дон-Кихот, настоящий испанец. Он говорил свой монолог так, что сидишь и слушаешь его рот раскрыв. Ни одной роли не знаю, которую бы Мейерхольд сыграл плохо, — это был замечательный актер.

Алексей Максимович был о нем тоже такого высокого мнения. А вот когда в «Лесе» у него Аркашка во время монолога Несчастливцева железным листом хлопает, — я очень уважаю Игоря Ильинского, считаю его талантливейшим человеком, — но «ненавидела» его. А «Ревизор», а «Горе уму»! Вспомнить неприятно.

... Как можно быть поклонницей его? Прежде всего, что такое театр? Театр — это автор, режиссер и актеры. А Мейерхольд — только режиссер, который автора перевертывал, актеров ставил вверх ногами. Или не надо ставить авторских пьес, а если уж ты ставишь автора, так извините меня, пожалуйста, по-моему, самое главное в театре — слово, а если все то, что написал автор, ставить вверх ногами, так зачем же такого автора ставить?

... Мейерхольд никогда ни одному актеру не позволяет играть, если он ему сам не показал — как надо играть. Ну что же это за режиссер!

С места. Это потому, что у него нет актеров.

Андреева. Вы меня извините, актеры у него были, и актрисы были хорошие. Как только они попадали в другой театр, так они становились хорошими.

С места. А Юрьев?

Андреева. О Юрьеве я говорить не буду, а Бабанова плохая актриса? Да тот же самый Ильинский — что это, плохой актер? Но что из Ильинского сделал Мейерхольд? Я слышала, как Ильинский читал «Старосветских помещиков» в Доме ученых. Это было до того восхитительно, это было до того не похоже на того Ильинского, который кривляется, хвостиком машет. Это был настоящий хороший, большой актер, умный чтец, который нежно любит и Гоголя, и эти двери, которые скрипят, и Пульхерию Ивановну. Когда он говорил о том, что Пульхерия Ивановна, умирая, говорит: вот возьмите мой серый капот и сшейте себе халат, — это было так трогательно и глубоко, что, слушая его, я обливалась слезами. Он говорил тихо, удивительно просто говорил. Нет, это замечательный актер. А что из него сделали? Шута горохового сделали из него в театре Мейерхольда.

С места. Вы его в Расплюеве не видели?

Андреева. Не видела. Сознаюсь, я по своей воле в театр Мейерхольда никогда не ходила. Когда-то я по обязанности пошла смотреть спектакль к Мейерхольду. Как раз это был «Лес». Я до такой степени злилась, что боялась неприлично выругаться. На несчастье мое, подошел ко мне Малышев после монолога о совах, о темном царстве — и говорит: «Всеволод Эмильевич просит вас чаю попить». Так я прошипела ему в ответ: «Уйдите, пожалуйста, а то я вас ударю». Я все-таки довольно благовоспитанным человеком была, но тут не выдержала. Просто сил никаких не было.

В Петербурге у него [Мейерхольда] когда-то была студия, в которой он обучал, между прочим, хороших актеров. Был там Нотгафт, вы его, может быть, видели — превосходный актер. Мне пришлось видеть в этой студии «Гамлета». Не то балет, не то пантомима! Нотгафт появлялся в костюме Дон-Кихота, — полчаса спускался по лестнице, полчаса шел по зале, изображая монолог: «Слова, слова, слова» — без слов. Ну разве режиссер такие фокусы может выдумывать? А Офелия у него танцевала и лежала на каком-то зеркале — зеркало изображало реку, пруд или озеро, не помню, и ее покрывали какие-то прозрачные полотнища.

1 августа 1938, Жуковка

Милый друг Евгенийч! Получила вторую часть вчера, 31/VII, потому что сейчас я не каждый день бываю в Доме ученых. Прочла я «Америку» — я уж и не помню сколько раз. Есть в ней места прямо очаровательные. И прелестен этюд на пароходе с патером!

Вообще чем больше вчитываюсь в написанное Вами, тем больше убеждаюсь в том, что хорошо, талантливо и правдиво все то, что написано как рассказ виденного и пережитого Вами, а всюду, где Вы рассуждаете и умничаете, — куда слабее, суше и от чужих ума холодных рассуждений.

... Вот Вы о себе нередко упоминаете как о большевике-подпольщике. Это большой факт, что Вы — сын богатых людей, воспитанный в большой роскоши, любимец и баловень, пошли на риск, жертвы, отсидку в тюрьме и что душа Ваша, Ваше внутреннее «я» потянулось и отдало себя — временно всецело — делу рабочего класса. Это очень большое дело, что Вас потянуло не к эсерам, не к меньшевикам, а именно к большевикам. Это доказывает большое душевное здоровье. Но дружe! — и Вы и я — какие же мы революционеры-подпольщики? Мы скромные техники, которые были очень нужны и важны в свое время, и наше счастье, что мы свое дело сделали честно. Наше счастье, что стариками — мы идем, в ногу с революцией, не отстали, не опоганились. И только. Как бы мне хотелось, чтобы Вы почувствовали, с какой большой любовью и уважением к Вам я это Вам говорю!

Так-то.

Что касается третьей части, то мне лично кажется совсем не так важным, что Вы напишете, а напечатаете сейчас две, а не три части. Название — «Мои воспоминания об А. М. Горьком. 1904 — 1907 годы» — мне бы очень понравилось, как бы Вы к этому отнеслись? А то — «Из воспоминаний об А. М. Горьком в Америке и Италии» — вроде как бы Вы вспоминаете в Америке и Италии; как-то царапает.

Очень меня лично трогает и волнует написанное Вами, и всегда с волнением жду, что вы еще напишете.

Крепко обнимаю Вас, дорогой, родной мой человек и друг...

Ваша М. А.

2 — 3 августа 1938

Написала Вам вчера, а сегодня ночью мне пришло в голову — милый друг, а ведь для советского читателя будет совершенно непонятно, какой-такой скандал и, главное, по какой причине разыгрался в Америке в 1906 году по поводу его [Горького] приезда со мной. Это раз, а два — Вы не упоминаете о роли Вильпайра, Зиновия — с их family Hotel, о Сеттельменсе на 5th Avenue и его роли и, наконец, о том, что Жигловский и Н. В. Чайковский — эсеры — играли

тоже немалую роль в развитии скандала и почему именно, как они допытывались у Алексея Максимовича о том, будет ли он делиться полученными от лекций и сборов деньгами с ними. Если Вы расскажете обо всем этом вот так же просто и хорошо, как Вы описали «Саммер Брук», это будет чудесно.

... Вчера же под впечатлением Ваших воспоминаний я разговаривала с дочерью моей Катей о Шляпиных. И вдруг меня разобрало сомнение — а в котором же году был инцидент с «коленопреклонением»? Мне помнится — в 910-м. Тогда верно, что он и Мария Валентиновна были на вилле «Seraphina», верно и то, что концерт на балконе был после его личной тяжелой драмы, как это и мне помнится. Федор написал Алексею Максимовичу отчаянное письмо, прося разрешения приехать и объяснить Алексею Максимовичу, как все было. Алексей Максимович медлил ответом. В это время приехал на Капри скульптор И. Я. Гинцбург и рассказал, что он сам был на спектакле, все сам видел и наблюдал, что Федор не становился на колени на авансцене, воздевая руки, но, когда хор со Збруевой во главе выбежал и шлепнулся на колени с громким пением гимна, Федор, растерявшись, спрятался за кресло Бориса, привстав на одно колено. После этого, когда Федор прислал умоляющую телеграмму с просьбой о разрешении приехать, Алексей Максимович ответил ему одним словом: «Приезжай». Федор объяснил все именно так, как и Гинцбург, я Вам об этом неоднократно рассказывала. Алексей же ему на это очень сурово ответил: «Ничуть это тебя не оправдывает! Как ты, великий артист и художник, не понимаешь, что ты обязан был противопоставить себя коленопреклоненной перед царизмом сволочи?! А ты — растерялся, спрятался!» Вам об этом не надо писать. Я тогда говорила Алеше, что не в том дело, что Федор растерялся и спрятался, но что нельзя быть «императорским солистом» и протестовать. Протестовать — значит уйти с императорской сцены и стать против реакции и царизма. Федор тогда был совершенно растерян, и отчаяние его было так велико, что он пытался застрелиться; не будь рядом с ним такой сильной дамы, как Мария Валентиновна, он и застрелился бы, она глаз с него не спускала. Разговаривая с А. М., он так рыдал, что слушать больно было. Алексей же слезы не проронил, хотя потом мы всю ночь не спали и Алеша плакал над тем, что Федор не так силен и велик как человек, каким бы он по таланту своему должен был бы быть.

Песню Саши Черного тоже не так передавал Шляпин. Не тому, что «мать уехала на лучшую жизнь», а именно ревности и тоске по любимой женщине Федор придавал значение. Он все время оттенял именно эту сторону, да оно и по смыслу и по словам так выходит: «Черный гладкий таракан важно лезет под диван... От него жена в Париж не уедет, нет, шалишь! Новый гладок и богат, так-то, брат! Спи, мой мальчик, спи, мой чиж... Мать уехала в Париж...» Вот этот гвоздь в сердце, по которому молотком стучит ревность, — это передавал Федор изумительно.

Вы верно пишете о том, что Федор был сложная и путаная, несуразная фигура, русский талант, загубленный, несмотря на весь внешний триумф и успех его. Поэтому-то о нем и надо писать очень точно.

... Сейчас приступаю к самому трудному в этом письме моем. Я отложила бы печатание Ваших воспоминаний и еще раз проработала их! Понимаю, что финансовый вопрос играет огромную роль, но нельзя ли устроить эту сторону дела, заключив договор и получив аванс. Вы смело можете заключить такой договор, так как очерки очень интересны и будут читаться миллионами, я уверена, но поставьте срок печатанья не раньше ноября. Это еще и потому резонно, что сейчас будут печатать только учебники, вплоть до октября месяца, я это знаю наверное.

Если Вы меня уполномочите, я переговорю с Лупполом о печатании Ваших воспоминаний и о договорных условиях.

Буду с нетерпением ждать ответа от Вас.

Крепко обнимаю.

Ваша М. А.

9 августа 1938⁴⁴⁴

Милый Евгенийч! Получила Ваше 5-е от 6/VIII-38 г. Думаю, Вы сейчас уже получили все мои письма и что на часть Ваших вопросов в этом, пятом номере Вы уже [ответ] получили.

Вашу «Америку» уже переписывают, и я пошлю Вам ее вместе с черновиком, если найду Элеонору Николаевну, она ведь на даче у Коретти, а не в городе.

Умер Константин Сергеевич Станиславский. И не подозревала, что его смерть так больно отзовется в моем сердце! Уходят один за другим мои сверстники и товарищи. Вместе с К. С. ушла в могилу моя художественная юность, ушел учитель, которому все мы, и я, может быть, больше других, обязаны многим, так многим, что не находишь слов для настоящего выражения того, что чувствуешь.

Вчера тоже была в городе, была в нашем театре, постояла одна, никем не замеченная, к счастью, и смотрела на его прекрасное лицо, такое спокойное и величественное, и одно за другим всплывали воспоминания, связанные с ним, о нем, о театре, о себе самой и, конечно, об Алексее Максимовиче.

Сегодня его хоронят. Такая тоска, Евгенийч! «Благословен закон брения, вечно обновляющий землю». Алексей любил и ценил эти слова Гиллеля, но зачем умирают такие, как Владимир Ильич, сам Алексей Максимович, и такие так еще нужные люди, как Константин Сергеевич? Это — обижает!..

Ну, попробую ответить Вам по пунктам. Милый друг мой, не обижайтесь. Нет такой рукописи, роли или исполнения музыкального, которое можно называть «законченной работой». Пусть Вы ее, по некоторым соображениям, собирались напечатать — рукопись с этими двумя очерками, — как Вы их, пожалуй, правильно сейчас назвали. Но раз уж Вы задерживаетесь печатанием, неужели Вам не хочется еще поработать над ними? Ни в коем случае не советую Вам называть Ваши очерки «Горький и музыка», о чем я уже, помнится, писала Вам, — касаются Ваши воспоминания больше всего встреч с отдельными музыкантами, его отношения к ним и двум-трем композиторам, как

бы велики эти композиторы и любовь к ним Алексея Максимовича ни были.

Посмотрим, как Вам понравится Ваша работа после переписки.

Заглавие «Два очерка об А. М. Горьком. Воспоминания Н. Е. Буренина» — превосходно, и, конечно, они целиком могут войти в Вашу книгу потом.

... Опять накатала Вам длинейшее письмо. Ничего? Кланяюсь и обнимаю, жду с нетерпением продолжения рукописей.

Ваша М. А.

Только что вернулась с похорон К. С. Станиславского. И морально и физически болит сердце. Очень болит.

Ваша М. А.

17 августа, 1938

Дорогой друг Евгенийч! Вы правы в том, что писать воспоминания в хронологическом порядке вещь не только трудная и мешающая автору, но и недоступная без помощников-секретарей, без такой помощи хронологии не соблюдешь! Это я отлично знаю по себе. Уверена, что, и отвечая Вам, буду перескакивать из одного периода жизни своей в другой.

А знаете, впервые, читая Вашу первую главу большой книги, я убедилась, что, зная хорошо меня лично, Вы — старый друг и один из самых близких мне людей — почти ничего не знаете о моей жизни, даже за время нашей жизни с Алексеем Максимовичем, а уж тем паче представления не имеете о том, как мы познакомились, когда и как соединили наши жизни и какие бури, в чем они заключались, омрачали роды моей жизни с ним. Ваши вопросы на полях и то, что Вы пишете обо мне, показывает, что мы ни разу не говорили с Вами, должно быть, [о том], как и когда я стала революционером и большевичкой?

Милый мой! Еще в 1896 году я перестала быть женой Андрея Алексеевича Желябужского, причина нашего разрыва была на его стороне. Я сказала ему, что соглашаюсь жить с ним в одном доме как мать своих детей и хозяйка — ради детей. Тогда я была убеждена, что, сильно ушибленная своей замужней жизнью, я так и останусь только матерью Юры и Кати, — не забудьте, что у меня еще был приемный сын Женя — после смерти сестры Нади. Но я сказала Андрею Алексеевичу, что если встречу и полюблю кого-нибудь — ему первому скажу об этом. Об этом знали мои родные и догадывалось большинство знакомых: шила в мешке не утаишь.

Я тогда уже сыграла в Обществе искусства и литературы, в спектаклях Станиславского, ряд больших ролей. Меня знала культурная московская театральная публика как Юдифь в «Уриэле Акосте», Раутенделейн в «Потонувшем колоколе», и я уже становилась известностью, любимицей публики.

Уже тогда Андрей Алексеевич [...], очень порядочный человек, был на втором плане и мое внешнее положение жены тайного советника играло куда меньшую роль, чем мой успех на сцене и отношение так называемого общества ко мне.

В 1897 году, если не ошибаюсь, в помощь гувернантке-француженке к Юрию, тогда еще маленькому мальчику, был приглашен студент Моск. университета Дмитрий Иванович Лукьянов. Вот этот-то Дмитрий Иванович (очень внешне неказистый парень, но неглупый), член землячества студентов-ставропольцев, и познакомил меня спустя несколько месяцев жизни у нас в доме со своими товарищами по землячеству. Для меня это все были очень необыкновенные по сравнению с обычными знакомыми люди, очень интересные. Они бывали сперва у Лукьянова, потом стали бывать у меня за всякопросто, я узнала, что они образовали кружок марксистов и читают вместе, разбирая и изучая «Капитал» Маркса. Я стала бывать в этом кружке. Жили они общежитием на бывшей Знаменке, ныне улице Фрунзе; по странной случайности этот флигелек до сих пор сохранился. Изучили мы два тома, до третьего я тогда не дошла, переводили с немецкого, читали по гектографским листкам. Вот эти-то ставропольцы и были моими чрезвычайно усердными и, как я теперь вижу, очень полезными мне «просветителями».

Когда в октябре 1898 года организовался и открылся Художественно-общедоступный театр, я в него вошла горячим марксистом и убежденнейшим приверженцем рабочего класса — творца всех ценностей мира.

С «дядей Мишей» [М. А. Михайловым] я познакомилась приблизительно тогда же, если не раньше, ведь он тогда тоже был студентом, вращался в тех же кружках, но уже был членом РСДРП. Неплохой организатор, он сразу учуял во мне большие возможности и очень умело и ловко направлял их куда и как было нужно для партии.

В театре я сразу заняла первое место, несмотря на то, что Немирович-Данченко всюду выдвигал на первые роли своих учениц — Роксанову, Книппер, Савицкую и других. Константин же Сергеевич всегда больше думал о пьесе, об ансамбле, о спектакле, а не об отдельных актрисах или актерах. Но меня любила публика, особенно молодежь и студенчество.

С 1899 года в нашем театре стал принимать близкое участие Савва Тимофеевич Морозов, мы с ним вскоре очень подружились, он часто бывал у меня и через меня познакомился с моими друзьями марксистами, с «дядей Мишей» и многими другими, бывавшими у меня.

... Через «дядю Мишу» я была тогда уж связана с московскими партийцами, но мое участие якобы строго было законспирировано, хотя народу всякого, самого подозрительного, ходило ко мне великое множество, и, как это ни странно, все это как-то сходило с рук.

Особенно кипятилась и горячилась я во время неоднократных студенческих выступлений, репрессий против них, и уж тут никакой конспирации не соблюдала — дура была. Понять невозможно, как мне не причиняли никаких неприятностей! Должно быть, помогало негласное участие С. Т. Морозова и его забота обо мне и то, что несмотря на все репрессии, в то время еще считались с мнением и отношением широкой публики.

Ввел меня в партийную работу и окончательно прикрепил к большевикам тов. «Игнат» — П. А. Красилов, и доныне благополучно здравствующий и работающий во главе Верховного суда. Вы к нему можете написать и просить

его рассказать Вам обо мне. Было это в 1901 – 1902 гг., я не была тогда еще членом партии, но уже твердо приняла ленинскую платформу, с которой ни разу не сходила. Если до 1902 года я помогала многим, то с этого времени все мои усилия были твердо направлены в сторону большевиков, причем «Игнат» сыграл в этом большую роль. Не забывайте, что и «дядя Миша» был большевиком, это от него я узнала о бакинской типографии, через него посылала средства Красину, о котором знала тоже через «дядю Мишу». После провала бакинской типографии, опасности ареста Красина — через меня «дядя Миша» устроил Красина к Морозову на фабрику в Орехово-Зуево директором электрической станции; при этом я и познакомилась с Леонидом Борисовичем...

... Теперь, чтобы, не откладывая, покончить с этим, разрешите мне объяснить Вам точно и подробно историю того события, о котором Вы не раз упоминаете, называя его «партийным делом» или «наследством», — я говорю о страховом полисе на 100 000 рублей.

Верно, что С. Т. Морозов считал меня «нелепой бессребреницей» и нередко высказывал опасение, что с моей любовью все отдавать я умру когда-нибудь под забором нищей, что обдерут меня как липку «и чужие и родные». Вот поэтому-то, будучи уверен в том, что его не минует семейный недуг — психическое расстройство, — он и застраховал свою жизнь в 100 000 р. на предъявителя, отдав полис мне.

Я предупреждала его, что деньги себе я не возьму, а отдам, на это он ответил мне, что ему так легче, с деньгами же пусть я делаю что хочу — он «этого не увидит». Никаких завещаний, само собой разумеется, он не делал, но, когда он умер, мне хотелось, чтобы люди думали о нем как можно лучше, так же думал и Алекс. Макс, прекрасно знавший всю историю полиса.

Когда Савва Тимофеевич, несомненно в припадке недуга, застрелился и Красину удалось все-таки получить по полису деньги, я распорядилась: 60 000 р. отдать в ЦК нашей фракции большевиков, а 40 000 распределить между многочисленными стипендиатами С. Т., оставшимися сразу без всякой помощи, так как вдова Морозова сразу прекратила выдачу каких-либо стипендий. Сколько-то еще из этих денег ушло на расходы по процессу. Ведал всеми этими операциями — Красин...

Ваша М. А.

20 – 21 августа 1938

Дорогой мой друг Евгенийч!

Я начала бы с описания демонстрации 4 марта у Казанского собора⁴⁴⁵, рассказав, как это случилось, что Вы, член крупной купеческой семьи, если не ошибаюсь — не то юнкер, не то вольноопределяющийся, оказались участником этой демонстрации, как и при каких обстоятельствах Вы попали в пересыльную и сколько тогда просидели — немного, если не ошибаюсь.

Опишите, скорее в шутливо-насмешливом тоне, как даже по такому, в сущности, невинному поводу двери домов Ваших богатых родственников и

некоторых знакомых захлопнулись перед Вами и как — совершенно понятно — Вы в доме Ваших друзей Стасовых нашли после этого события на Казанской площади самое радушное и широкое гостеприимство.

Опишите стариков и их уклад и быт подробнее, это особенно интересно, так как их дочь Елена Дмитриевна уже в то время была секретарем Петербургского комитета РСДРП (большевиков) — большевики отделились после 1902 года, не забудьте.

Ведь это какие изумительные контрасты!

Вряд ли Елена Дмитриевна Вас уже тогда «сагитировала», — тогда Вы должны были бы хоть вкратце упомянуть и о своем политическом credo; правильное, пожалуй, употребленное Вами же выражение «вовлекла меня в подпольную работу, которой я горячо увлекся, и не прошло года, как по поручению партии я организовал транспорт нелегальной литературы».

Расскажите подробно, какими путями, при помощи каких обстоятельств Вам удалось это устроить. Объясните, кто это такой — Владимир Мартынович Смирнов, коснитесь его семейной жизни, опишите его удивительную мать, да ведь и сам он совершенно необыкновенная, нелепая, но чудесная фигура!

Я понимаю, почему Вас обвиняют в конспективности, — Вы сами себя обкрадываете!

Вы точно не помните, что все описываемые Вами события и факты произошли «не так давно, лет 35, а то и более тому назад», что Ваш советский читатель понятия не имеет об этих событиях или знает о них сухо и кратко, нередко неверно, а Вы — живой и правдивый свидетель и участник их, событий-то этих.

Евгеньич, голубчик, родной мой, не обидьтесь на меня, но чем меньше Вы будете подчеркивать то, что Вы тогда были революционером-подпольщиком, были членом подпольной партии, тем самые факты и дела Ваши ярче подчеркнут Вас как революционера.

Смотрите — Вы перескакиваете сразу из 1902 года в 1905 — «организация крепко стояла на ногах» пишете от лица члена партии, революционера, подпольщика, боевика, — а где же у Вас люди, рабочие, те самые товарищи, с которыми Вы были связаны и работали? Вы о них, да и то в общем только вскользь упоминаете, а ведь советскому читателю каждый из них, а уж особенно группы — интересны.

Обо всем этом надо написать, и написать подробно, не стесняясь; вычеркнуть, если окажется что лишнее, всегда успеете, а Вы только как бы себя в качестве члена партии утверждаете. По-моему, С. М. [Познер] ошибается, когда тащит Вас в эту сторону, эта сторона сама выявится; эка важность, если Вы кое-что из «Первой боевой организации большевиков 1905 – 1907 гг.» повторите, это будет очень хорошо!

Ужасно обидно, что приходится переписываться, а не говорить!..

Вот сейчас слушала по радио отрывки из статей и писем Алексея Максимовича комсомолу — 20 августа. Какие глубокие мысли, какое горячее чувство любви к Человеку, какие слова!

Он не любовался прошлым, он всегда жил, творил и заботился о будущем,

но при этом он строго требовал — «знать прошлое, вскрывать и не украшать ничего, что было в этом прошлом мещанского, гнилого, низкого и подлого, особенно сейчас, когда естественно и неизбежно капитализм и слуга его фашизм пойдут в последний и решительный бой против социализма, против всего трудящегося человечества».

... Мне когда-то Владимир Ильич дал две клички: «Феномен» и «белая ворона». Мне думается, обе эти клички и к Вам весьма подходят. И вот все Ваше повествование я строила бы именно на том, что Вы в *великую борьбу великого рабочего класса за свое освобождение* от цепей рабства пришли с совершенно иной стороны, пришли сначала как спортсмен-организатор, блестящий — надо отдать Вам справедливость, бесстрашный и самоотверженный, но пришли Вы — со стороны, для жертвы, а не самоосвобождения, это и не могло быть иначе! Вы по самой натуре своей гуманист и культуртрегер, и сделали Вы очень много, без таких, как Вы, партии было бы, наверное, значительно труднее.

Ни Вы, ни я, мы не были профессионалами, хотя шесть лет Вашей жизни Вы целиком отдали на служение партии — вот поэтому-то Вы не только белая ворона, но и феномен, по-моему.

... О квартире на Воздвиженке я Вам отчасти уже написала, так же как и о Вашей встрече с Владимиром Ильичей. Вы не рассердились на меня?

Между прочим, я вспомнила, что динамит не Вы привезли, а принес один из работавших тогда в Москве кавказцев; Липе я поручила спрятать эту штуку, так как уже опасались возможности обыска у нас с Алексеем Максимовичем, а у нее, как у нашей прислуги, обыска не стали бы делать; а то хороша же эта Мария Федоровна, которая невинного человека под обух подводила! Можно не называть имени, упомянув, однако, о том, что самый человек был всецело на нашей стороне. М. Ф. установила, что голова у Липы болела не от запаха динамита, а оттого, что Липа держала пакет под подушкой, на которой спала ночью, «по запаху» при малейшем обыске полиция установила бы наличие динамита в Липиной комнате, если бы он был так определен. Обысков в Москве гари нас у нас не было. Обыск был после нашего отъезда из Москвы и из Петербурга. На квартире нашли много оружия, остатки патронов — запрятанных очень наивно — пришитыми под стульями и диванами. В квартире оставались кухарка и Липа, последнюю неоднократно тягали на допросы, причем она удивительно ловко и умно себя держала — ее даже не арестовали.

Квартиру ликвидировала после нашего отъезда, она же и мебель перевезла в Петербург — в квартиру моих детей на Фонтанке 24, значившуюся за Екатериной Федоровной Крит, а потом в Мустамяки.

В квартире у меня была организована лаборатория по изготовлению так называемых болгарских бомб. Делать их учил «Элипс», учил он множество народа — всех не упомяну, но в том числе и «Черта»¹, и «дядю Мишу», и Николая Павловича Шмита краснопресненского. Лаборатория была в узенькой комнате позади кабинета Алексея Максимовича, с выходом только в этот

¹ — партийная кличка В. И. Богомолова. — Ред.

кабинет. Так как Алексей Максимович очень любил птиц и всегда держал их у себя, где жил, то в этой комнате во все окно устроена была клетка со всевозможными породами синиц — почему и называлась комната «птицевой». Впоследствии, во времена Елены Дмитриевны⁴⁴⁶, в этой-то комнате жил Камо. ... Кавказская дружина во время восстание 1905 года в декабре жила у нас для охраны А. М. дней двенадцать-пятнадцать. Имен — не знаю, не спрашивала. Жил и «Черт»⁴⁴⁷. Жили они в большом кабинете Алексея Максимовича, вернее, спали на шкуре белого медведя, на диване, на полу, только стол был свято неприкосновенен. Днем оставался дежурить кто-нибудь один, остальные шли участвовать в боях, исполнять боевые задания и прочее. Было их от одиннадцати до тринадцати человек. С ними почти всегда был «Черт», тоже ночевавший у нас.

Почему-то вечно торчали Бальмонт и художник Гринман. Бальмонт очень пил тогда и жестоко терроризировал Гринмана, прятавшегося от него под обеденный стол. Иногда после общего ужина кавказцы — в большинстве своем это были студенты — садились, как сейчас помню, в угол на корточки и чудесно пели тихими голосами превосходные грузинские песни. Это доставляло Алексею Максимовичу большое наслаждение, да и я, приезжая из театра после сыгранного спектакля, слушала их с превеликим удовольствием. Все это были чудесные, чистые, горячие юноши! К сожалению, потом мы встретились с двумя-тремя из них, но далеко не с лучшими, те как-то исчезли с нашего горизонта бесследно, а эти, уже после Октябрьской революции, работали в нашем Красном Кресте, во Внешторге, еще в каком-то наркомате и ничего выдающегося собой не представляли.

Да, забыла еще одну смешную подробность — были такие усердные ученики в лаборатории «Элипса», которые очень сердились и были в претензии на меня за то, что я категорически воспротивилась начинке бомб в то время, когда Алексей Максимович бывал дома и работал у себя в кабинете. Между тем далеко не все из них были внимательны и осторожны, и не только Алексей Максимович, что было бы совершенно недопустимо, но и весь участок мог взлететь на воздух, ибо в комнате объявилась уже порядочная горка этих бомб.

А Вы не помните, как чуть ли не вместе с Вами приехала «Наташа» [Ф. И. Драбкина] с изящным саквояжиком с двумя бомбами? Веру Кольберг — с конфетами от Бормана, переложенными запальниками с гремучею ртутью? Митю Павлова, привезшего на себе — обмотанным по всему телу в виде кирасы — бикфордов шнур, причем вез он его откуда-то с Урала, много дней и, войдя в квартиру, упал в обморок; когда же его раздели и размотали шнур, оказалось, что все тело от застоя крови у него посинело до черноты.

Все это было, Евгеньич! И какие это тогда были чудесные люди! Какое тоже героическое время... А Павел Грожан? Какая простота и какое величие преданности рабочему классу без остатка! Да, милый друг, и в центре всего — Алексей Максимович. ... Не знаю, кто Вам сообщил, но по существу дело было не так. Алексея Максимовича давно уговаривали поехать за границу и лично познакомиться с тем «гнилым Западом», который в то время он знать не хотел, кроме литературы и некоторых отдельных ученых и художников в той или иной

области. Он в 1905 году с 11 января по 14 февраля отсидел в Петропавловке, это сильно отразилось на его легких, и врачи, пользовавшие его, особенно Д. А. Бурмин, и поныне здравствующий, говорили мне, что второй высидки, даже и не такой суровой, А. М. не выдержит. Когда мы уже были в Финляндии, нас предупредили, чтобы мы уезжали из Гельсингфорса. Вы устроили нас в имении Варен, это Вы, конечно, хорошо помните; помните, может быть, как, едуци к ним, мы для заметания следов заезжали в сказочную усадьбу Сааринена и двух других молодых архитекторов, фамилий их сейчас не помню. Помните — снежную дорогу, залитую лунным светом, грандиозные сосны в лесу, по которому мы ехали, сани с бубенцами, наш приезд, огромную комнату с бревенчатыми стенами, всю из каких-то углов, каминов, окон — длинных и узких, высоких и широких? Лестницу наверх, в жилые комнаты — с нишами для спанья? Помните люстру из окрашенных в красную краску деревянных планочек, зеленеющие ветви березы в круглых хрустальных вазах? Помните встречу Алексея Максимовича с поэтами и художниками Финляндии, приехавшими из Гельсингфорса провести вечер с Алексеем Максимовичем? Ведь это было — как сказка!

А когда мы уже провели у Варенов несколько времени, кто-то, чуть ли не Прокопе, приехал из Гельсингфорса и передал от имени тогдашнего губернатора по фамилии, начинающейся на З⁴⁴⁸ (самой фамилии сейчас не помню), что он очень желал бы, чтобы Горький уехал из Финляндии, так как ему, губернатору, очень не хотелось бы быть вынужденным арестовать Горького, если ему это будет приказано, — чего-де он очень опасается.

Алексей Максимович все-таки упорствовал и не хотел уезжать. Тогда приехал Пятницкий из Петербурга и от имени всех друзей и почитателей Алексея Максимовича, особенно писателей, уговаривал его уехать за границу. После долгих уговоров и убеждений Алексей Максимович наконец согласился уехать, но поставил условием, чтобы я ехала с ним, что без меня он не поедет.

Вот тут, согласившись ехать, я, конечно, сожгла за собой корабли, так как останься я — ну, может быть, посидела бы немного, но выпустили бы меня, я осталась бы на сцене, со своими детьми, в своей стране. Уезжая — я становилась эмигранткой неизвестно на сколько времени и как мне удастся вернуться. Но рассуждать было нечего, раз от этого зависел отъезд самого Алексея Максимовича, а если бы он не согласился уехать — его свобода и даже, может быть, самая жизнь.

То, что я не только «всячески помогала и сочувствовала большевикам», а сама была убежденной большевичкой — Вы теперь уже знаете из моих предыдущих писем. Также знаете теперь и о том, что роль моя была очень скромная — собирала и добывала средства для партии, исполняла те задания, которые мне поручались более меня опытными и крупными партийцами. Вот и все.

Также я уже написала Вам о своем «положении в обществе» до 1903 года и после моего схождения с Алексеем Максимовичем. Богатой я лично никогда не была, но зарабатывала неплохо, у детей было кавказское имение, около Туапсе, дававшее хороший доход продажею участков, чем ведали Криты, как и всеми

хозяйственными делами.

Угадывать в Алексее Максимовиче большого человека было вообще не трудно, голубчик, даже в те годы, а полюбила я его за все, за то, что он был он, за синие глаза, обаятельнейшую улыбку. Любят — потому что любят, а не за что-нибудь, за это — ценят.

А вот если Вы нарисуете, и при этом удачно, его портрет того времени — это было бы ценно! Ведь он не вышел, как Афина-Паллада из головы Зевса, готовым небожителем! Помните — он был не только резок, но даже грубоват; он не очень-то умел держать себя просто, иногда был слишком застенчив, а иногда и слишком развязен; не умел сидеть за столом, курил в кулак и т. п. мелочи. Иногда ему нравились довольно даже вульгарные, наряду с действительно художественными, вещи, как выжигание по дереву, весьма второстепенные картины, дамские эмалированные часики с золотыми драконами и т. п. Вы не могли этого не заметить, так как сами были хорошо воспитаны, понимали толк в вещах и были художником.

И было бы очень интересно, мне кажется, если бы Вы описали Варенов, их уклад, баню и первое ее посещение Алексеем, их образ жизни и даже их датского дога, а Вы о них и о пребывании нашем у них ничего не пишете.

Вы же не только бывали тогда у них, но даже на пианино у них играли, и Fru Варен очень восхищалась Вашей игрой.

О Красине и Морозове, о «дяде Мише» я Вам уже написала, и, по-моему, этого, пожалуй, достаточно. И я выбросила бы рассуждение о том, что Леонид Борисович старался направить мою доброту — он не очень-то уж так храбро со мною обращался и вряд ли взялся бы руководить моими симпатиями. Я просто была при нем чем-то вроде агента по финансовым делам. Он говорил мне, что для того-то или того-то нужны деньги, приблизительно столько, и я стремилась как можно точнее выполнить распоряжение.

Впервые слышу, что у Красина зародилась мысль о «посылке Горького совместно с М. Ф. в Америку», ничего об этом не знаю. Что Владимир Ильич одобрил решение Алексея Максимовича поехать в Америку собирать средства на революцию, агитировать за революцию и помешать даче кредитов царскому правительству *главным образом* — это я знала и помню. Ездили мы на свой личный счет, от партии ни Алексей Максимович, ни я никогда денег не брали, так как не считали это возможным; мы считали, что на средства партии имеют право только настоящие профессионалы-партийцы, наши же задачи другие, его — большие, а мои — очень скромные, добывать деньги для партии.

Как Алексей Максимович передал собранные им при Вашем участии деньги — я не знаю, может быть, отправлял по почте в какой-нибудь адрес через Зиновия, а может быть, и как-нибудь иначе. Вы помните, ведь тогда около него очень лебезил [одно *нрзбр*] Хилквит. Документов у меня вообще никаких нет, все пропало во время многочисленных обысков; если хоть что-нибудь сохранилось у Алексея Максимовича — об этом, наверное, знает Иван Павлович Ладыжников.

Непременно расскажите о Павле Грожане — если надо, я Вам напишу о нем.

Но Бауман и Грожан были убиты в октябре, а московское восстание было в декабре; и тот и другой были убиты шпиками, охранкой и черной сотней, а московское восстание подавляли войска, дравшиеся с рабочими.

... Об отъезде и самом переезде от Варенов до Або — надо написать иначе! Куда шире, подробнее и красочнее. Ведь это было изумительно! Чудесная, живописная дорога лесом, сани, запряженные чудесными лошадьми Варена, ясный финский зимний день и — через каждые 3 – 5 сажен из лесу на дорогу неслышно выскакивает вооруженный финн из стражи Сайло¹, отдает Алексею Максимовичу честь и провожает его глазами до следующего. Тишина, белки прыгают с дерева на дерево, пробежит заяц, и опять — звенящая снежная тишина... Мы ведь где-то по дороге ночевали, заезжали по дороге в какой-то маленький городок, были в домике поэта, чуть ли не того, кто написал «Калевалу»... Хорошо бы все это вспомнить!

... Пишу я Вам, пишу, а надо Вам это? Поможет ли в Вашей работе? Иногда мне начинает казаться, что я-то сама так больше ничего и не сделаю, как эти заметки к Вашей работе...

Хоть бы скорее Вы приехали, были здоровы и я на то время не так была бы загружена Домом ученых и текущими заботами. Привет Вам, Вере и Феде.

Ваша М. А.

20 – 21/VIII 38, Жуковка

63

М. П. ЛИЛИНА — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

15 декабря 1938⁴⁴⁹

Дорогая Марья Федоровна,
посылаю Вам книгу Константина Сергеевича [«Работа актера над собой»] с любовью и нежностью.

Много у нас с Вами общих, интересных воспоминаний! Мы с Вами знаем то, что Константин Сергеевич любил и ценил в театральном искусстве: «Вкус, батюшка, отменная манера, на все свои законы есть». И вот в его книге есть и вкус, и отменная манера, и большой порядок.

Дорогая моя, а не вернуться ли Вам к театру, или — Вы любите детей — взять под Ваше покровительство внуков Константина Сергеевича?!

Ну, целую Вас крепко и очень, очень благодарю за «Узкое». А куда и когда внести мне деньги? Не откажите сказать.

Искренне желаю Вам здоровья и всего лучшего.

Ваша М. Лилина.

[НАДПИСЬ НА КНИГЕ]

Дорогая, милая, прелестная Мария Федоровна! На память о пережитом вместе прошу Вас принять эту книгу от Константина Сергеевича и меня. Она напомнит Вам и наши первые робкие шаги на сцене и Ваши блестящие успехи во многих ролях.

¹ Дозорный красногвардеец из отряда скульптора Алпо Сайло.

[ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА В ТЕАТРЕ]

Из стенограммы выступления в ВТО⁴⁵⁰

Товарищи, если бы я была актером и на мою долю выпало играть роль Ленина, и меня спросили бы, что дала мне эта конференция, я сказала бы — много, очень много. Но все-таки этого мало. Мало для того, чтобы охватить то, что так абсолютно необходимо.

... Те, кто вчера был в Институте Маркса — Энгельса — Ленина и слышал от тов. Митина, как работал Ленин, — слышали, как много он знал и работал. Для того чтобы написать то или иное произведение, подготовиться к какому-либо своему выступлению, он брал на себя гигантский труд прочесть десятки книг, справиться у десятков авторов, писавших по нужному ему вопросу, и это нередко для одной какой-нибудь главы или небольшой брошюры. Такой же метод работы, мне думается, необходим и для тех, кто будет создавать образ Ленина в искусстве. ... Похож или не похож внешне в том или ином изображении тот или иной актер, даже самый крупный и талантливый, на Ленина — это, конечно, имеет большое значение. Но самое главное, чтобы это внешнее сходство не искажало внутреннего образа Ленина, чтобы это не являлось цепью отдельных похожих на Ленина портретов и портретиков, чтобы зритель, никогда не видавший живого Ленина, воспринял его живой образ таким, каким он был, — мудрым и глубоким политиком, организатором, борцом, глубоко проницательным, решительным и смелым революционером, человеком, страстно любившим и так же страстно ненавидевшим, преданным своему делу — делу рабочего класса — до последней капли крови, до последнего дыхания.

Вот вчера в Институте Маркса — Энгельса — Ленина т. Крамольников, очень ярко и талантливо рассказывая о выступлении Ленина в мае 1906 года в Петербурге, на собрании в Народном доме графини Паниной, несколько раз повторил: «Ильич нервничал, так как не был уверен, что ему удастся выступить». Вот уж, мне кажется, совсем неподходящая характеристика настроения Ленина. Нервничал? Не думаю. Он мог волноваться, он мог быть возмущен, гневен, он мог глубоко презирать и ненавидеть всех мягкотелых и вредных для рабочего класса, для революции людей, он мог опасаться, что ему не дадут выступить и тут же разгромить этих людей, — но «нервничать» он не мог, это выражение искажает его образ.

Ленин был стремителен, но, как уже сказал Н. А. Семашко, он никогда не был тороплив. Он был ярок при отсутствии всякой нарочитости, он был предельно прост и скромн, но в то же время всегда замечен и огромно значителен.

И еще, мне кажется, давая образ Ленина в тот или иной период его жизни — увы, такой короткой, но такой огромной и богатой жизни, — не

следует терять перспективы, не следует придавать образу Ленина статуарность, не следует давать его таким, каким он представляется нам самим, каждому в отдельности, а надо давать Ленина таким, каким он был в действительности, настоящим живым большим человеком, каковым он в действительности и был. А для этого нужно очень много знать.

Как во всех больших людях, в Ленине было много детского. Он умел смеяться до слез, и иногда его смешили такие пустяки... Помню, как-то мы с ним и Алексеем Максимовичем были в Берлине в Винтергартене, и там между прочими аттракционами показывали кинематографическую рекламу электрического пояса, и когда было показано, как за человеком, которому портной вшил этот чудесный пояс в костюм, неслись веяние предметы женского туалета, вплоть до белья, повешенного для сушки, — Владимир Ильич так хохотал, что слезы ручьем лились у него из глаз. Все кругом стали на него смотреть и тоже хохотать, так что он в конце концов сполз со стула на пол ложи.

Владимир Ильич (об этом рассказывает в своих воспоминаниях Алексей Максимович) любил разговаривать с каприйскими рыбаками. Итальянского языка он не знал, говорил с ними на каком-то полулатинском, полуитальянском языке, но рыбаки его прекрасно понимали и сами разговаривали с ним на малоитальянском каприйском наречии. А потом, когда он уже с Капри уехал, рыбаки с восторгом вспоминали его и говорили: «Вот это человек! Он все понимает и чист, как ребенок!»

Кто-то из товарищей, бывших вчера в Институте Маркса — Энгельса — Ленина, в своем, правда, коротком выступлении сказал нечто очень странное — он сказал, что Ленин не был будто бы блестящим оратором, а потом прибавил, что вот-де Плеханов — тот был настоящим оратором. Мне пришлось в 1907 году слушать на Лондонском съезде и того и другого. Плеханов говорил в стиле французских ораторов, высокопарно, напыщенно, круглыми фразами и даже (простите меня) как-то по-актерски. А Ленин говорил страстно, с глубоким убеждением, говорил чрезвычайно просто, понятно, четко, без внешней красоты, изумительно ясно. По окончании выступления он немедленно шел к товарищам, спрашивал их мнение, несогласовавшихся убеждал, каждого внимательно выслушивал и все заносил в огромнейшую сокровищницу своей необъятной памяти.

У Ленина никогда не было тона снисходительности, отношения сверху вниз. Он в каждом искал нужное для своего кровного дела; он это находил — ставил такого человека на определенное место, а если не находил, убеждался, что человек негоден, — отбрасывал его в сторону; если убеждался, что человек вреден, относился к нему беспощадно — при всей своей человечности, доброте и душевной мягкости. Ленин умел любить людей, а поэтому умел так страстно ненавидеть. Он был добр, но никогда не был сентиментален, и никогда не проскальзывало у него свойственное многим людям сюсюканье ни в отношении детей, ни в отношении тех, кого он любил.

Он очень любил Горького, относился к нему с величайшей нежностью и в то же время с глубочайшим уважением не только как к большому писателю, но и как к большому человеку. Он не мог обращаться с Горьким как с

провинившимся ребенком даже тогда, когда Горький был в чем-либо по-настоящему неправ.

Так Ленин относился ко всем настоящим товарищам.

Мне кажется — не внешне, а внутренне — глубоко неправильным, когда в кино Ленин торопливо бежит впереди всех по коридорам Смольного. Этого не может быть! Не мог он так, закинув голову, бегать по коридору, это глубокая внутренняя неправда, которой нужно всячески избегать.

... Горячо желаю вам, чтобы ваш труд и ваш талант помогли вам создать великие образы творцов счастливой жизни человечества.

65

**М. Ф. АНДРЕЕВА — БОЛЬШОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО**

15 февраля 1944, Москва

Телеграмма⁴⁵¹

Благодарю за теплое пожелание. От всего сердца хочу, чтобы Ваш коллектив и впредь с честью носил звание первого советского театра и имя Алексея Максимовича Горького.

Мария Андреева

ВОСПОМИНАНИЯ О М. Ф. АНДРЕЕВОЙ⁴⁵²

Г. М. Кржижановский

МОИ ВСТРЕЧИ С М. Ф. АНДРЕЕВОЙ⁴⁵³

Мои встречи с М. Ф. Андреевой не могли не оставить во мне самого глубокого впечатления. Это был очень самособранный, изящный человек, глубоко преданный интересам партии. Первая встреча моя с ней состоялась в Москве, в богато обставленной квартире ее мужа, Желябужского. Я явился к ней в качестве представителя ЦК РСДРП, имевшего в то время местопребывание в Киеве. Денежные возможности нашего Центрального Комитета далеко не соответствовали тому размаху его деятельности, который необходим был по тем временам.

Вспоминаю, как радушно встретила меня Мария Федоровна и как чутко ею была воспринята необходимость всяческой поддержки нашей работы. По окончании деловой части наша беседа переключилась на разные темы, причем особое внимание было уделено тогдашнему положению А. М. Горького. У меня тогда сложилось впечатление, что, по-видимому, источником наших средств был главным образом известный меценат Художественного театра Савва Морозов, на которого А. М. Горький имел в то время большое влияние. Помнится, что я получил от М. Ф. в этот приезд около 10 000 рублей, что по тем временам было для нас существенной поддержкой.

Эта моя первая встреча с М. Ф. не повела тогда к длительному контакту с ней, и только в послеоктябрьские годы контакт возобновился и ее работа на некоторых участках протекала на моих глазах.

Длительное время М. Ф. была директором Дома ученых. Дом этот охватывает широкий круг людей, ибо, как известно, он являлся и до настоящего времени является центром общения научных работников. Однако я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что расцвет деятельности этого учреждения связан как раз с тем временем, когда во главе его стояла М. Ф. Ее обстоятельная партийная подготовка, сочетавшаяся с теми широкими артистическими навыками, которые она унесла с собой со времен своего сотрудничества в Московском Художественном театре, конечно, весьма помогала в данном случае.

В последующие годы наша встреча состоялась в местечке Боровом (Казахстан) в годы второй мировой войны. Там собрался большой коллектив академиков с семьями, и М. Ф. была партийным секретарем этого коллектива. Время было исключительно тревожным, вопросы, которых приходилось касаться, носили жгучий характер и вызывали самые разнообразные настроения в различных группах. И мне все время приходилось удивляться тому такту и той вдумчивости, которые проявляла М. Ф. в своих отношениях с этим разнообразным коллективом, умело поддерживая в нем советскую настроенность.

Нельзя не упомянуть также о том чарующем впечатлении, которое производила М. Ф. как артистка Московского Художественного театра. Чрезвычайно благодарная внешность сочеталась в ней с особым изяществом исполнения, вытекавшим из тонкого проникновения в создаваемый образ и обдуманного психологического анализа. Раутенделейн в исполнении М. Ф. Андреевой (пьеса Гауптмана «Потонувший колокол») оставила неизгладимое впечатление в моей памяти.

Да, это был хороший, умный, выделявшийся особым изяществом товарищ, воспоминания о котором всегда вызывают теплые чувства.

Ф. И. Драбкина **«ФЕНОМЕН»⁴⁵⁴**

С Марией Федоровной Андреевой я познакомилась в декабре 1905 года, когда по партийному поручению приехала из Петербурга в Москву.

В день моего приезда уже полным ходом шла всеобщая политическая забастовка. Огромная привокзальная Каланчевская (ныне Комсомольская) площадь была пустынна. Только у Николаевского (Ленинградского) вокзала — единственной железной дороги, не примкнувшей к всероссийской политической железнодорожной забастовке — стояло несколько извозчичьих саней. Кучера были одеты не в полагавшиеся им синие суконные поддевки, а в армяки, овчинные тулупы, во что попало: извозчики бастовали, и на промысел выехали сами хозяева. Хозяев забастовщики не «снимали».

Я отправилась на явку где-то на Арбате. Жизнь в городе замерла, трамваи не ходили, магазины, рестораны, рынки не работали, подъезды и ворота домов были наглухо закрыты, окна квартир буржуа плотно затянуты шторами. Лишь изредка попадались пешеходы, по внешнему виду все трудовой народ.

Вскоре после моего прибытия на явку пришел «дядя Миша» и куда-то повел меня. Привел он меня на квартиру Горького и Андреевой.

Жили они тогда на углу Воздвиженки и Моховой, в доме, где теперь находится приемная Президиума Верховного Совета СССР, в квартире 20 (вход со стороны Воздвиженки).

Большой кабинет Алексея Максимовича был полон народу. По виду это были рабочие, студенты или трудовая интеллигенция. Алексей Максимович был окружен людьми. Держался он со всеми просто, как равный с равными, и люди вели себя с ним очень непринужденно. Он еще не совсем оправился от перенесенного недавно плеврита, и врачи запретили ему выходить на улицу.

Как мне впоследствии рассказывала О. Д. Черткова, жившая тогда у Марии Федоровны, Алексей Максимович очень тяготился этим «домашним арестом» и сделал даже попытку ускользнуть из дому, но был быстро водворен и подвергнут неослабному надзору Марии Федоровны. Он с жадностью набрасывался на каждого вновь приходившего, слушая подробности о том, что делается в городе. Здесь можно было узнать самые последние новости.

Вскоре после моего прихода явились товарищи со свежими известиями о последних событиях в саду «Аквариум». Накануне вечером там состоялся

многолюдный митинг. Драгуны и полиция оцепили «Аквариум» и под угрозой обстрела потребовали, чтобы публика разошлась. Выпускали поодиночке в течение всей ночи. Полиция каждого обыскивала, «подозрительных» избивали и арестовывали. Но дружинники проломили забор и благополучно скрылись. Алексей Максимович с волнением слушал этот рассказ. Очень порадовало его, что дружинникам удалось уйти.

В Москве началось уже вооруженное восстание. Накануне самого боя руководящие органы восстания были частью арестованы, частью изолированы. Таким образом, в решительный момент восстание лишилось руководящего центра и превратилось в вооруженное выступление отдельных разобщенных между собой районов. В этих условиях квартира Горького и Андреевой как бы стала центром, куда стекалась информация со всех районов, местом, где люди могли встретиться и поговорить о делах, связаться с кем нужно. Сюда пришли первые сведения об артиллерийском обстреле училища Фидлера на Чистых прудах, о том, что в Замоскворечье горит типография Сытина и что войска не дают рабочим тушить пожар; что на Пресне подожжена артиллерийскими снарядами мебельная фабрика Шмита и что сам Шмит арестован, а рабочих выстроили в шеренгу и расстреливают каждого десятого. Передавали и комический эпизод об англичанине, который во время стрельбы в городе невозмутимо стоял на Красной площади и с «Бедеккером» в руках осматривал храм Василия Блаженного. Рассказ этот очень насмешил Алексея Максимовича.

Приходя на квартиру Горького и Андреевой по делам, люди попадали в атмосферу родного дома. Измученные напряженной работой, проделав пешком по морозу не один километр, переходя из района в район, они могли здесь и отдохнуть и подкрепиться. Стол весь день не убирался, самовар стоял всегда горячий, и, кто хотел, устроив дела, запросто отправлялся в столовую.

Атмосфере теплоты, простоты и непринужденности немало способствовала хозяйка — Мария Федоровна Андреева.

О Марии Федоровне я много слышала, еще будучи гимназисткой, от приезжавших на каникулы студентов. Они с восторгом рассказывали о Художественном театре, особенно о Марии Федоровне, прекрасной актрисе и красавице, вызывавшей всеобщее поклонение. Я представляла ее себе неприступной львицей. И вдруг увидела простую, замечательно милую, приветливую женщину с чудесными глазами и обаятельной улыбкой, которая сразу делала ее очень близкой, «своей». Она то приветливо поговорит с пришедшим, то пошепчется в уголку с кем-нибудь о делах, то направится своей мягкой, пластичной походкой в столовую удостовериться, не потух ли самовар, есть ли еда на столе...

Наконец за мной пришел товарищ и повел на явку Московского комитета партии. В Москве я была в первый раз и куда мы шли — не знала. Запомнилось только, что, когда мы поднимались вверх по Тверской, со стороны Страстной площади шла стрельба из пушек.

Придя на явку, я передала секретарю Московского комитета Лядову поручение ЦК — послать делегатов от московской организации на Всероссийскую партийную конференцию (Таммерфорсскую). В ответ на это

Лядов просил передать Центральному Комитету, что московская организация не может послать своего представителя на конференцию, так как в Москве началось вооруженное восстание.

Я вернулась на квартиру Марии Федоровны перед самым обедом. Все, кто был в квартире, человек двадцать, сели за стол. Нужно было быть хозяйственным гением, чтобы накормить столько людей в условиях всеобщей забастовки, когда и магазины и рынки не торговали.

Уехать мне в тот же день не удалось. Мой знакомый, с которым я встретилась у Марии Федоровны, взялся устроить мне ночевку у своего приятеля, заведующего электростанцией в Садовниках. Перед моим уходом Мария Федоровна отозвала меня в сторону и просила передать Центральному Комитету от имени военно-технического бюро, что Москве нужна помощь оружием, что деньги есть «сколько угодно», и тут же вручила мне 500 рублей для этой цели.

Был уже вечер, когда мы отправились в Садовники. Электростанция бастовала. На улицах стояла кромешная тьма. Когда мы проходили через Красную площадь, нас несколько раз останавливали патрули. Окрик «стой!», к лицу бесцеремонно подносится фонарь, проверяются документы. По-видимому, мы производили впечатление «благонадежных», нас отпускали с миром, и мы благополучно добрались до электростанции.

На следующее утро я уехала в Петербург. Я передала Центральному Комитету просьбу москвичей, и меня снова командировали в Москву, на этот раз с бомбами.

Доехала я до Москвы благополучно. Только когда поезд проходил мимо Твери, его обстреляли дружинники морозовской фабрики.

Вооруженное восстание было в разгаре, но и правительство приняло уже свои меры. Николаевский вокзал был занят солдатами. Они стояли шпалерами вдоль всего вестибюля, с примкнутыми штыками, с ружьями на изготовку. Пришлось проходить сквозь строй штыков... Улицы Москвы были еще пустыннее, чем в первый мой приезд. Со всех сторон раздавалась стрельба. Оставив свой груз у приютившего меня в прошлый раз товарища, я отправилась к Марии Федоровне договориться, как передать привезенное мною по назначению.

В квартире ее по-прежнему стояла толчея непротолченная. По-прежнему непрерывно приходили и уходили люди. На этот раз вести были все более и более грустные. К вечеру пришла «кавказская дружина». Это был вооруженный отряд кавказцев, студентов Московского университета. Человек 10 – 13 расположились в полном составе в квартире Горького с револьверами, динамитом и бомбами и оставались там вплоть до отъезда Горького и Андреевой из Москвы. Они спали на диванах, на полу, на чем попало. Только стол Алексея Максимовича оставался неприкосновенной святыней.

Пока шло вооруженное восстание, Горький был как бы под охраной восставшего народа. Но когда восстание было подавлено, царские власти решили расправиться с ним. Уже через несколько часов после отъезда Горького и Андреевой нагрянула полиция и произвела тщательный обыск в их квартире:

искали оружие. Вскоре обыск повторился. Черткову вызывали неоднократно на допрос о связях Горького и Андреевой с революционерами, особенно со Шмитом. По-видимому, хотели создать большое «дело». Но Горький и Андреева были уже вне пределов досягаемости.

Рвение полиции в данном случае имело под собой вполне реальное основание: Мария Федоровна была лицом, осуществлявшим связь между Центральным Комитетом партии и Московским военно-техническим бюро, ведавшим делом технической подготовки вооруженного восстания. На ее квартире присланный ЦК товарищ знакомил руководящих работников этого бюро с новыми типами бомб и со способом их изготовления. Ознакомление это происходило в маленькой комнате позади кабинета А. М. Горького. Как страстный любитель птиц, А. М. держал в этой комнате всевозможных синиц, отчего эта комната называлась «птицевой».

Внешне Андреева вела образ жизни светской женщины и актрисы и, вероятно, не оставалась равнодушной к поклонению ее таланту и красоте, но ее «я», несомненно, принадлежало партии, она вела важную партийную работу и свое положение в обществе широко использовала в интересах революционного движения. В этой связи не могу не коснуться книги А. Н. Тихонова (Сереброва) «Время и люди», где Мария Федоровна изображена некоей дамой-патронессой от революции, которой она уделяет свободные промежутки времени между примеркой платья у Ламановой и обязанностями светской дамы. Это — искажение образа Марии Федоровны! Натура цельная, волевая, Мария Федоровна, избрав однажды свой жизненный путь, шла по нему до конца.

Уже с 1902 года Мария Федоровна была связана с ленинской «Искрой», а до этого в течение нескольких лет входила в марксистский кружок, где изучала основные произведения Маркса и Энгельса. Таким образом, в революционное движение она вошла сознательной, убежденной марксисткой. Очень показательным ее письмо к Н. Е. Буренину, тоже пришедшему в ряды партии пролетариата извне, из среды именитого купечества: «Это большой факт, что Вы — сын богатых людей, воспитанный в большой роскоши, любимец и баловень, пошли на риск, жертвы, отсидку в тюрьме и что душа Ваша, Ваше внутреннее “я” потянулось и отдало себя — временно всецело — делу рабочего класса. Это очень большое дело, что Вас потянуло не к эсерам, не к меньшевикам, а именно к большевикам. Это доказывает большое душевное здоровье». Эти слова Марии Федоровны можно с полным правом отнести к ней самой.

Уверовав в великую освободительную миссию рабочего класса, Мария Федоровна вступила на путь революционной борьбы за его освобождение. Она принимает самое активное участие в партийных делах: собирает крупные средства на нужды партии, являясь в течение многих лет финансовым агентом Центрального Комитета, укрывает от полиции революционеров, а когда вопрос о вооруженном восстании становится в порядок дня, — принимает самое активное участие в боевой организации партии. Очень требовательная, и прежде всего к самой себе, она очень скромно оценивает свою роль в революции. «Вы и я, — пишет она в том же цитированном выше письме к

Н. Е. Буренину, — какие же мы революционеры-подпольщики? Мы скромные техники, которые были очень нужны и важны в свое время, и наше счастье, что мы свое дело сделали честно».

Последняя фраза чрезвычайно характерна для Марии Федоровны: быть честным в революции означало для нее — не идти ни на какие компромиссы с революционной совестью, не допускать расхождения между словом и делом, отдавать всего себя целиком делу партии, превратить дело партии — в дело всей своей жизни.

Цельная, нестигаемая, с прямым и твердым душевным укладом, «психологически большевичка», как она сама себя определила, Мария Федоровна была необычайным явлением в той светской и аристократической среде, из которой она вышла и в которой она вращалась. «Феномен» — прозвал ее В. И. Ленин, а в тесном кругу шутливо называл ее «белой вороной».

О большой и полезной для партии работе Марии Федоровны Владимир Ильич знал задолго до личного знакомства с ней, которое произошло в Женеве летом 1903 года, когда Мария Федоровна ездила за границу. Осенью 1905 года, когда подъем революционного движения сделал возможным издание ежедневной большевистской газеты, Мария Федоровна была официальным издателем этой газеты — «Новая жизнь», которую редактировал В. И. Ленин. Дружба Владимира Ильича с Горьким и Марией Федоровной стала особенно тесной с V Лондонского съезда партии и сохранилась в течение всей жизни.

На Лондонском съезде партии Мария Федоровна присутствовала вместе с Горьким. А. М. участвовал на нем с совещательным голосом, Мария Федоровна была в качестве гостя. Оба они сильно тосковали по России, и пребывание на съезде, встреча с товарищами, только что приехавшими из России, дала им возможность подышать русским воздухом, доставила им огромную радость. Всякий другой на месте Марии Федоровны слушал бы речи на съезде, общался бы с делегатами из России — чего же еще можно было бы требовать от гостя? Но не в натуре Марии Федоровны было сидеть сложа руки. Видя плохо одетых, плохо питавшихся товарищей, Мария Федоровна организовала на свои личные средства дополнительное питание для делегатов-большевиков. Эта ее «фракционная» деятельность вызвала протесты меньшевиков.

Мария Федоровна всегда была твердой ленинкой. Владимир Ильич ценил в ней независимость взглядов, большевистскую принципиальность. Борясь против увлечения Горького богоискателями и богостроителями, Владимир Ильич в письме к нему выражает уверенность, что Мария Федоровна «чай, не за бога?» Она не только была «не за бога», но и вела ожесточенную борьбу с богоискателями. Как видно из ее письма к Буренину, эти господа были не слишком разборчивы в средствах: «Весьма вероятно, что Вы услышите что-нибудь о том, что меня кислотой облили или отколодили меня, — пишет она, — так как я признана “вредным элементом, враждебно настроивающим, который необходимо устранить всеми мерами”».

На протяжении ряда лет Владимир Ильич вел переписку с Алексеем Максимовичем и Марией Федоровной. И в приписках ко всем письмам Горькому, и в адресованных непосредственно Марии Федоровне сквозит его

большая теплота к ней. «Большущий привет Марии Федоровне», «М. Ф-не тысячу приветов! Я на велосипеде к ней приеду!», и много еще таких же теплых приветов.

О большой теплоте и доверии В. И. Ленина к Марии Федоровне говорят воспоминания Горького. Много раз беседовавший с Лениным в первые годы Советской власти, он ни разу не слышал от него жалобы на «адовые условия» работы. Только в разговоре с Марией Федоровной Андреевой у Владимира Ильича вырвалось, но словам Горького, что-то подобное жалобе:

«Что же делать, милая Мария Федоровна? — говорил он ей. — Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как! Но — посмотрите на Дзержинского, — на что стал похож он! Ничего не поделаешь! Пусть лучше нам будет тяжело, только бы одолеть!»

Был один-единственный случай, когда Мария Федоровна не согласилась с Владимиром Ильичем. Об этом он вспоминает в письме 1913 года к Горькому:

«Помните, весной 1908-го года на Капри наше “последнее свидание” с Богдановым, Базаровым и Луначарским? Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2 – 3, и тогда еще М. Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.»

Мария Федоровна, конечно, позже признала свою ошибку, но как характерна для нее эта способность «бешено» отстаивать свои взгляды.

В шуточной форме отмечает эту черту человек, соприкасавшийся с Марией Федоровной в другой области, наш крупный ученый, академик А. Н. Крылов. На подаренной ей своей фотографии он пишет:

«Марии Федоровне Андреевой с глубоким уважением, искренней преданностью и просьбой не выкалывать портрету глаза, когда своими старинными мнениями приведу ее в гнев».

К. С. Станиславский дарит ей свой портрет «в память кипучей работы... непрочных ссор и прочных примирений...».

«Кипучая работа»... Да иначе Мария Федоровна и не умела работать. «Я до последнего издыхания, должно быть, кипятиться буду», — писала она о себе. Жадность до работы была у Марии Федоровны неумная. «Будь я помоложе, — пишет она во время Отечественной войны из Казахстана, — пошла бы я на всякую самую низовую работу, честное слово, столько тут можно сделать и так тут нужен каждый мало-мальски культурный и честный человек».

В устах Марии Федоровны это не фраза. Она была великая труженица, никогда не чуравшаяся любой, самой скромной работы, лишь бы та работа была нужна партии, народу.

Все свои силы щедро отдала Мария Федоровна строительству великого коммунистического общества.

Оглядываясь назад, Мария Федоровна с радостью признавала, что выбрала правильный путь.

«Если бы, поверь мне, мне пришлось начинать свою жизнь с самого начала, я пошла бы — только еще раньше, еще радикальнее по революционной линии, чем это было. И если мечтаю о чем-нибудь — то только о том, чтобы отдать

себя как можно ярче, глубже общему делу освобождения человека, — писала Мария Федоровна. — Я не всякому скажу это, не люблю очень, когда слова о самом святом звучат пафосом, но в душе моей этот пафос жив».

Человек большого личного обаяния и большевистской принципиальности, прекрасный организатор, Мария Федоровна отдавала все свои силы и с честью выполняла любое дело, на которое ставила ее партия.

В славном списке выдающихся русских женщин-революционерок, посвятивших свою жизнь великому делу строительства коммунизма, Мария Федоровна Андреева занимает по праву одно из первых мест.

В. П. Веригина **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ДАРОВАНИЕ**⁴⁵⁵

Мария Федоровна Андреева — одна из ведущих актрис Московского Художественного театра — как это ни странно, очень мало упоминается в статьях к воспоминаниям о нем, между тем эта актриса своим дарованием, исключительными внешними данными и тонким восприятием творческих прозрений Станиславского вместе с другими актерами этого театра способствовала осуществлению ряда великолепных постановок как во времена Общества искусства и литературы, так и в первые годы деятельности Художественного театра.

Известно, что значение Андреевой не ограничивается областью театра. Она была видной общественной деятельницей, активной участницей революционной борьбы. Кое-что об этой ее работе я знала от наших учеников Окулова и Пронина. Они называли ее «Юнгфрау», восхищались ее отзывчивостью и добротой.

В первый раз я увидела Марию Федоровну в 1902 году на репетиции «Трех сестер».

Я только что поступила в школу Художественного театра и с волнением и интересом рассматривала его актеров, скромно поместившись на скамейке у стены вместе с другими товарищами по школе. Вводили в роль Качалова, который должен был играть Тузенбаха вместо покинувшего театр Мейерхольда.

Актеры и актрисы Художественного театра показались мне не похожими на тех, которых мне приходилось видеть на сцене и изредка в жизни, но сразу я не могла уловить, в чем заключалось это несходство. Мое внимание привлекла Мария Федоровна Андреева. Стройная и гармоничная в движениях, она была просто, но элегантно одета во все черное. Я спросила тихонько свою соседку — Веру Щекину, не знает ли она, кто это. Та ответила: «Андреева. Она играет Ирину».

Начали репетировать первый акт. Вместе с другими Андреева поднялась на подмостки и сразу как-то «превратилась» в Ирину — молоденькую девушку, душа которой еще была полна надежды и веры в будущее; и так хорошо это было выражено в словах: «Я не знаю, отчего у меня на душе так светло. Сегодня утром вспомнила, что я именинница, и вдруг почувствовала радость. И какие чудные мысли волновали меня».

Однако взволнованно звенящие ноты в голосе актрисы выдавали какую-то, может быть, еще не осознанную печаль Ирины, какую-то тревогу. И это чувствовалось сразу. Я заметила и ее особенную походку — легкую и на редкость пластичную.

Впоследствии, когда я уже много раз видела «Трех сестер» на сцене, я поняла, что Андреева ощущала всем своим существом не только содержание, но и особый музыкальный ритм чеховской пьесы. Это чувствовалось в движениях актрисы, во всем ее сценическом поведении. Так, например, в первом акте движения Ирины — Андреевой были быстрыми, порывистыми, но вместе с тем необычайно плавными. Создавалось впечатление перелета птицы, и потому так оправданы были слова Чебутыкина: «Птица моя белая».

Во втором действии она была уже другой: зритель чувствовал и усталость, и разочарованность, и недовольство Ирины, когда она возвращалась со службы на телеграфе.

Андреева тонко передавала момент надвигающихся сомнений. В этом действии мне особенно нравилась М. Ф. внешне: причесанная на косой пробор, в красной блузке, оттенявшей бледность ее красивого лица, она была прекрасна.

Спектакль продолжается, и все меньше и меньше остается уверенности в том, что надежды сбудутся. Как стон, как звук оборвавшихся одна за другой струн рояля воспринимаются теперь слова актрисы: «В Москву! В Москву! В Москву!»

Полные отчаяния слова Ирины в третьем действии: «Куда? Куда все ушло? Где оно? О боже мой, боже мой!..», «Все забываю, каждый день забываю, а жизнь уходит...» — звучали без всякой слезливости и постепенно переходили в глубокое рыдание. Здесь не было никакой истерики. Все переживания героини передавались актрисой чрезвычайно тонко и имели огромное эмоциональное воздействие на зрителя.

Пианист-виртуоз может заставить рояль «рыдать», когда надо передать отчаяние. Такой же виртуозностью и вместе с тем глубоким волнением отличался дуэт Качалова — Тузенбаха и Андреевой — Ирины перед дуэлью (в четвертом действии), когда Ирина сравнивает свою душу с дорогим запертым роялем, ключ от которого потерял. С какой невыразимой тоской произносил Качалов слова: «... этот потерянный ключ терзает мне душу, не дает мне спать... Скажи мне что-нибудь». Особое звучание качаловского голоса, его непередаваемые интонации, искренняя взволнованность с необыкновенной убедительностью выражали душевную чистоту и большую любовь Тузенбаха к Ирине. А Ирина — Андреева, вся светлая и проникновенная, как нельзя больше гармонировала с прозрачным лиризмом Качалова. Я много раз видела пьесу с Андреевой и не могла себе представить никого другого в роли Ирины. Впоследствии вместо Марии Федоровны в первый состав исполнителей этого спектакля на роль Ирины были введены другие актрисы, и тогда я окончательно убедилась, что в этой роли Андреева была незаменима.

Когда я видела М. Ф. Андрееву в роли Ирины, артистке было лет тридцать пять, но я верила, что ей двадцать, что она еще совсем юная, наивная, чистая девушка. Как удивительно легка была ее походка, как стройна ее фигура!

Вторая чеховская роль — Варя в «Вишневом саде». М. Ф. неохотно взялась за нее. Это была, кажется, единственная характерная роль в репертуаре актрисы. Здесь у нее была уже совсем иная походка — шаг ее стал широким, торопливым, деловым. Она придавала своим движениям какую-то угловатость — отставляя далеко назад локти. Гладко причесанная, ее Варя, «Монашка», была как-то по-своему приятна, так как Андреева не изменила характерным гримом черты своего лица. Большей частью она держала голову несколько склоненной, смущаясь, особенно когда на нее смотрели. Когда Варя — Андреева поднимала свои глаза, они очень выразительно говорили об одинокой, печальной судьбе этой девушки.

Прекрасна была сцена с Лопахиным в последнем действии. Напомню события этого эпизода. Любовь Андреевна зовет Варю, а затем сейчас же уходит, оставив ее наедине с Лопахиным. Варя делает вид, как будто ищет какую-то вещь. «Странно, никак не найду...». В этой фразе, произнесенной чуть дрогнувшим голосом, с каким-то полувопросом, одновременно выражались и сомнения и надежда робкой души. Лопахин задает ей вопросы, говорит о погоде, о вещах совершенно посторонних, совсем не касаясь главного: их взаимоотношений. Наконец после паузы он произносит: «Вот и кончилась жизнь в этом доме...» Перебирая вещи, М. Ф. как-то глухо, почти машинально произносила: «Да, жизнь в этом доме кончилась... больше уже не будет». Чего не будет? Не будет даже надежды на счастье — так безысходно звучала эта фраза у Андреевой. Ее паузы были динамичны. Чувствовалось нарастающее горе, которое она всячески старалась скрыть. После того как кто-то позвал Лопахина и он, обрадовавшись предлогу, торопливо уходит, Варя — Андреева больше не сдерживала слез. Сидя на узлах с вещами, она смотрела перед собой широко открытыми глазами, тихо всхлипывала, вздрагивая плечами. Мне казалось, что слезы ручьями льются из ее глаз, но я не могу утверждать, что она плакала до-настоящему.

Как ни странно, но Мария Федоровна не была довольна ни самой ролью, ни собой. Я помню мрачное выражение ее лица после одной из генеральных репетиций. Все участники спектакля подошли к режиссерскому столу, чтобы выслушать замечания автора, которые были скупы и не всегда понятны. Некоторые актеры задавали Антону Павловичу вопросы. Андреева стояла в стороне и молчала. Через несколько лет я напомнила ей об этом и спросила, почему у нее было тогда такое недовольное лицо: «Ведь вы хорошо играли Варю». Она ответила: «Не знаю. Роль мне не подходила».

«Вишневый сад» шел во втором сезоне моего пребывания в школе Художественного театра, а до этого я видела Андрееву в других ролях. В пьесе Горького «На дне» она играла Наташу, которая, живя среди нищеты, всяческих мерзостей, сумела остаться душевно чистой, ничем не запятнанной. В противоположность Насе, которая просто надумывает какие-то небывалые картины жизни, Наташа мечтает. Она ждет, верит, что должно произойти нечто особенное и тогда кончится эта страшная жизнь: «Подолгу жду... всегда — жду... Атак... на самом деле — чего можно ждать?» Наташа — Андреева ходила по сцене так, словно ее и нет здесь совсем. Она ненадолго

останавливала свое внимание на том, что случайно попадало в поле ее зрения, что ненароком доносилось до ее уха; все повседневное ей надоело. Она видит человеческие страдания, холодную злобу, сама терпит унижения и побои, но не злобится.

Наташа — Андреева отзывчива, она искренне негодует, когда Барон издевается над фантазиями Настёнки. Вспыхнув, она говорила Барону с оттенком горечи: «А тебе что? Ты молчи уж, коли бог убил!»

Эта чистая, милая девушка в исполнении Андреевой была далека от всех, кто ее окружал. Она сохраняла редкое понимание чужой души и глубокое сочувствие к обездоленным людям. Исполнительница тонко передавала эти чувства в сцене с больной Анной и в разговоре с Лукой. С каким-то особым проникновением, словно размышляя вслух, произносила она слова: «Жалко человека-то...»

Сердце Наташи еще не знает настоящей любви. Она колеблется, не верит Пеплу: «И что же я с тобой пойду? Ведь... любить тебя... не очень я люблю... иной раз — нравишься ты мне... а когда — глядеть на тебя тошно...», «... не верю я никому». Взгляд Андреевой становился подозрительным. Порой в глазах появлялся гневный огонек. Она подчеркивала в этот момент оскорбленное чувство женского достоинства. «Ну... одно я тебе скажу, Василий... вот как перед богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь... или иначе обидишь... я — себя не пожалею... или сама удавлюсь, или...» — эти слова она произносила как клятву, глядя перед собой темным, почти грозным взором. Мне даже показалось, что это не Наташа. Откуда у нее такая сила? Нет. Не такая она, думала я... Однако, присутствуя на репетициях и многих спектаклях, я в конце концов согласилась с такой трактовкой роли. Живя в атмосфере лжи и лицемерия, Наташа теряет доверие к людям и потому, очевидно, не допускает, что может встретить здесь искреннее и бескорыстное чувство. Она совершает ошибку и губит этим Василия, обвиняя его в преднамеренном убийстве. Андреева очень темпераментно играла весь этот эпизод. Она металась по сцене, причитая и ритмично раскачиваясь, очень правдиво передавала состояние иступления, отчаяние Наташи. К концу эпизода она совершенно изнемогала, почти впадая в беспамятство. Эту сцену многие исполняли натуралистично, но Мария Федоровна делала это совсем иначе. Она играла с той силой настоящего искусства, когда всякое проявление актерских эмоций кажется жизненно правдивым и достоверным.

Когда в четвертом действии Настя говорит, что Наташа давно вышла из больницы, «вышла и пропала...», верилось, что она не погибнет, что останется такой же чистой, сохранившей свою женскую гордость. Верилось, потому что такой она представляла в исполнении Андреевой.

В первый же год моего пребывания в школе Художественного театра я видела Андрееву в пьесе Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах». К сожалению, мне не удалось посмотреть всю пьесу целиком, так как вместе с другими учениками я была занята в этом спектакле. Пьеса «В мечтах» не являлась удачей автора. В ней заметно было подражание «Одиноким» Гауптмана, чувствовалось влияние Ибсена и даже каких-то сторон чеховских

«Трех сестер». Впрочем, некоторые роли выписаны драматургом хорошо, например образ вздорной барыни Широковой (которую блестяще играла Книппер), ее эксцентричной дочери (великолепно переданной Лилиной).

Князь Старочеркасов, которого замечательно играл В. И. Качалов, безнадежно любит свою жену Веру Кирилловну (Андреева). Их отношения напоминают отношения Ирины и Тузенбаха, однако здесь «ключ от дорогого рояля» не потерян. Вера Кирилловна готова вручить его Костромскому, который также ее любит, но отказывается от счастья ради идеи: «Жизнь не есть счастье, даже не стремление к нему... жизнь есть непрерывная цепь сдавленных желаний ради чистоты, достоинства человека». Эти слова из речи Костромского Андреева слушала, как бы вся ушедшая в себя, сияя сумрачной красотой, прямая и замкнутая. Глаза ее были опущены, между бровями намечалась складка скрытой печали и горького недоумения.

Все внимание я сосредоточила на Андреевой, которая была необычайно значительна в своем молчании и поражающе красива. Ее платье выделялось среди других великолепных туалетов строгостью. Легкая ткань жемчужного оттенка, на груди вышитые темным бисером крылья птицы. На спине — глубокий вырез; спина эта казалась изваянной из мрамора и как бы подчеркивала чистоту женского образа.

Костромской уходит в конце концов от жены и от любящей его и любимой им Веры Кирилловны, уходит в захолустье — в мир «тусклого одиночества». С какой горькой иронией произносила Андреева: «Он говорил мне, мама, что хотел бы, чтобы я вышла из чувства растерянности гордая и печальная. Гордая и печальная!» В этих словах слышались те же звенящие ноты, что и в рыданиях Андреевой — Ирины, но здесь слезы передавали холодное отчаяние. Это звенели колющие льдинки, не тающие в горячем чувстве.

Особенно нравилась нам, ученицам, М. Ф. Андреева в «Одиноких» Гауптмана в роли Кете. Она производила громадное впечатление и на публику. Кое-кто находил, что она слишком прекрасна и значительна, что это не соответствует образу простенькой Кете, однако артистка нисколько не изменила канву роли. Она подняла образ Кете на большую высоту, но это оказалось вовсе не в ущерб содержанию и смыслу пьесы.

В сцене с Иоганнесом (первое действие) Андреева в своем толковании роли не исходила из его слов: «Право, милая, ты так всегда держишь себя, точно я настоящий тиран...» Актриса подчеркивала глубокую любовь Кете к мужу — ради этой любви, только ради нее Кете старалась быть кроткой, не раздражать его, не волновать.

Андреева не игнорировала ремарок автора: «нерешительно, робко», «заставляя себя говорить твердо» и т. п., но мы понимали, что это у нее проявление любви к Иоганнесу, тревоги за его душевное состояние, а вовсе не робость или приниженность. После слов всплывшего (ни с того ни с сего) Иоганнеса: «Ну может ли быть что-нибудь противнее, когда человек так терпелив, когда лицо у него вечно мадоннистое...» — следует реплика Кете: «Ну, Ганн, только не раздражайся напрасно. Стоит ли говорить об этом». Андреева произносила это спокойно, не реагируя на оскорбление; ее поведение

было поведением человека, обладающего огромным чувством собственного достоинства. Надо сказать, что и лицо у нее было не «мадоннистое», а лицо настоящей мадонны. Когда Кете — Андреева говорила о маленьком сыне, она вся светилась радостью. Это была светлая нота на фоне нарастающей тревоги.

Как известно, Анна Мар появляется в первом же действии. Приехав, она попадает в дом Фокератов случайно. Хозяева любезно приглашают ее принять участие в семейном торжестве — крестинах сына Иоганнеса и Кете.

Кете — Андреева относилась к Анне Мар с уважением и даже с симпатией, однако зрителю было видно, как она страдает оттого, что ей недоступно то «высшее», чем живут Иоганнес и Анна.

Чудесной была сцена с фрау Фокерат во втором акте. Артистка сидела за столом, опустив подбородок на руки, и говорила про Анну Мар слабым голосом, растягивая некоторые слова: «Она такая простая, женственная... Она вовсе не хочет блистать своими знаниями. Я очень рада за Иоганна». Последняя фраза произносилась с какой-то леденящей душу грустью: «Ты не находишь, мамочка, что он теперь всегда такой веселый?» Какая отчаянная надежда на отрицательный ответ чувствовалась в этом вопросе! Голос звенел ровно, но к концу почти обрывался. Подбородок крепко был прижат к сложенным рукам.

А вот отрывок из сцены с Анной Мар в третьем действии. Анна нежно гладит Кете по голове, приговаривая: «Тоненькая шейка!..»

«Но и поддерживать-то приходится ей не очень тяжелую голову», — отвечала Кете — Андреева, делая ударение и повышая голос на слове «поддерживать». У автора здесь ремарка: «с грустной шутливостью», — но Мария Федоровна говорила это с печальной иронией.

Иоганнеса Фокерата играл Качалов. В его исполнении образ вырастал, становился более значительным. Я не видела первого исполнителя — Мейерхольда. По словам некоторых рецензентов и публики, он играл хорошо, но подчеркивал раздражительность Иоганнеса, был временами слишком резок с Кете, и Андреева всецело завладела симпатией и сочувствием зрителей. Она была трогательна и прекрасна. Качалов, обладавший, как известно, исключительным обаянием, умерял в обращении с Кете резкость тона. Оба играли чрезвычайно тонко. Особенно захватывающей была сцена второго действия, когда у Иоганнеса вдруг просыпается нежность к жене. Их диалог отличался особенными музыкальными интонациями, рождающимися из глубины человеческого сердца.

С самого начала спектакля Кете представала перед зрителями объятая тревогой и слабая физически. Эта тревога все возрастала, и к концу представления душой Кете овладевало отчаяние... Вся внутренняя жизнь Кете полна печального раздумья, сомнений и озабоченности, которые она старается скрыть от окружающих. Играть больную, слабую женщину на протяжении всего спектакля — задача сложная для актрисы. Это трудно передать выпукло. Легко «затишить» текст и таким образом бледно сыграть роль.

У Андреевой была великолепная техника и какой-то особенный голос. Как бы тихо она ни говорила, слова были слышны, звук доходил до последнего ряда так же, как бывает слышен самый слабый звук музыкального инструмента,

когда его коснутся пальцы виртуоза.

Александр Блок говорит о «струнных женских голосах». Такое определение всего больше подходит к голосу Андреевой. Сильные места роли Мария Федоровна играла с настоящим артистическим нервом.

Всех видевших ее в «Одиноких» захватывала последняя сцена. Расставшись навсегда с Анной Мар, Иоганнес решает покончить самоубийством. Он оставляет на столе записку и уходит.

В финале — на сцене Фокерат, фрау Фокерат, Кете и Браун. Он входит предельно взволнованный. Следуют тревожные вопросы, и Браун говорит, что, когда он открыл калитку, ему послышалось, что кто-то отвязал лодку и поплыл. Он окликнул, но ответа не последовало.

«Иоганн! Это был Иоганн! Бегите туда, бегите, ради бога, скорее, скорее!.. Да. Да, чувствую, что это так... Он не может больше жить», — с отчаяньем в голосе закричала Андреева — Кете. И дальше уже, сначала как просьба, затем как угроза звучали ее слова: «Я все сделаю, все. Только не надо этого, не надо! Не надо!» Слова: «О боже милосердный! Только бы он был жив! Только бы он мог еще услышать меня!» — Андреева произносила с молитвенным отчаянием.

Собираясь побежать на террасу, Кете замечает письмо. Мария Федоровна играла эту молчаливую сцену с необыкновенной силой. Она подходила к столу вся выпрямившись, лицо ее было сковано ужасом догадки. Казалось, что ноги Кете двигаются помимо ее воли. Актриса брала записку и, поднося свечу к самому лицу, застывшему и как бы покорившемуся неизбежному, читала ее. Затем как подкошенная падала вместе с горящей свечой вперед...

По исполнению Кете была одной из лучших ролей, в которых мне довелось видеть М. Ф. Андрееву...

Нередко встречаешь актрис, у которых находишь сходство с кем-нибудь из товарищей по профессии: что-то напоминает внешний облик или что-то знакомое слышится в голосе, но никто никогда не напоминал мне Марию Федоровну. Она, конечно, не была такой большой актрисой, как Комиссаржевская. Ее глаза не излучали те «снопы» внутреннего огня, какие излучала Вера Федоровна, артистический нерв, вся внутренняя энергия не были такими сильными, как у последней, но все же, я не боюсь это утверждать, Андреева была «явлением» в театре.

Актриса, обладавшая особым тембром голоса, большим темпераментом, необыкновенной способностью передавать музыкальный ритм роли, она выделялась своеобразием, только ей свойственными особенностями игры, естественностью и простотой. М. Ф. была очень красива и пластична, особенно на сцене, но красота эта не существовала сама по себе, она всегда помогала глубже выявить внутреннюю жизнь образа.

В. Н. Соколов
В 1905 ГОДУ⁴⁵⁶

В октябре 1905 года транспортно-техническое бюро ЦК РСДРП было

переведено из Орла в Москву. С развитием революционного движения расширялись и усложнялись функции нашего бюро, которое связывало подпольные организации партии с руководством, налаживало сложные транспортные пути от заграничных и столичных центров партии до самых отдаленных периферийных партийных организаций. Бюро рассылало нелегальную литературу, занималось подбором безопасных явочных квартир, создавало нелегальные типографии, обеспечивало их надежными помещениями, бесстрашными наборщиками, корректорами, издателями, готовыми во имя большевистского дела перенести любые репрессии.

Всю эту сложную работу стало трудно налаживать, находясь в отдалении от главных центров рабочего движения. Переезд нашего бюро в Москву совпал с полученным мною экстренным вызовом от члена Центрального Комитета партии Л. Б. Красина («Никитича»), возглавлявшего наше транспортно-техническое бюро. Прямо с вокзала отправляюсь на явку, где дают нужный адрес.

Дверь открывает высокий угловатый человек, сразу же показавшийся страшно знакомым. Долгая и частая смена перед глазами все новых и новых лиц приводит к тому, что все люди, даже те, которых никогда до этого не встречал, начинают казаться знакомыми. Однако этот особенно знаком, и настолько близко, что становится неловко от невозможности припомнить, кто это, где именно с ним встречался.

Но он сам не выражает желания начать с этого. Замыкаюсь в официальную скорлупу и я.

— Мне нужно Марию Федоровну.

— Пройдите обождите — она скоро должна быть.

Сидим с ним в зале большой, хорошей квартиры. Он держит себя хозяином, хотя в простой тужурке и высоких сапогах. И ведем вынужденный разговор, какой полагается в таких случаях вести, — о последних новостях и событиях.

Говорит непринужденно и просто, как со старым знакомым. Но напомнить о себе не хочет и этим смущает. Кажется близко знакомым и его разговор: родное волжское оканье и прямота подхода к предмету. И, как нарочно, не могу ни с чем его увязать в своей памяти, как ни стараюсь это сделать.

— Вы видели последний номер «Новой жизни»? — вдруг спрашивает он.

«Новая жизнь»... — работает моя память, журнал «Жизнь»... «Фома Гордеев»... Даже забыл о заданном вопросе, так неожиданно память преподнесла мне ответ. Где же я его видел, на открытках, в журналах?.. Конечно же, это он, писатель с волжскими настроениями и красками моей родины, с дерзостью улицы, на которой я вырос... Максим Горький!

И я смотрю на него. А он на меня смотрит и ждет ответа на вопрос, о котором я уже забыл.

Чтобы скрыть неловкое замешательство, вынимаю часы.

— Вы торопитесь?

— Мне нужно было бы попасть в одно место. Раздался звонок.

— Кажется, это она!

Оказалось, действительно Мария Федоровна Андреева. И с ее приходом

само собой закончилось мое глупое положение.

— Дело вот какое... — начала она, когда мы втроем перешли в ее кабинет.

И она рассказывает мне, как на днях в трамвае был убит черносотенцами Павел Грожан⁴⁵⁷. Он организовал мастерскую снарядов и непосредственно ведал ею. Теперь нужно было кем-нибудь заменить его. Дело серьезное и дело важное. Нужен не только хороший организатор, но и решительный человек. И она и Горький присмотрели такого человека в лице нашего «Черта».

— Дело теперь за вами, — кончает Андреева, — вы должны его отпустить!

— Чертика вы должны нам отдать, — добавляет Горький. — На его место вы найдете скорее, чем мы на место Грожана.

Я понял: сопротивляться бесполезно. Из слов Андреевой выяснилось, что выбор не случаен. Наш «Черт», ведавший нелегальной типографией ЦК на Лесной улице (и ныне сохранившейся в качестве музея), не раз бывал у них. Его боевые качества хорошо знал Красин, и, конечно, не без его согласия так настаивала Андреева. «Черт» был уступлен. Нелегальную; типографию приняла секретарь транспортно-технического бюро Е. Д. Соколова, а «Черт» — Богомоллов В. И., славившийся в нашем бюро своим бесстрашием, инициативой и находчивостью, — стал руководителем лаборатории по изготовлению бомб.

В ноябре 1905 года пришлось мне еще раз побывать у Горького и Андреевой по делам подготовки вооруженного восстания. У них я застал «Марата», Васильева-Южина и «дядю» Мишу (М. А. Михайлова). Транспортно-техническое бюро к этому времени уже занималось не только снабжением партийных организаций нелегальной литературой, паспортами, подпольными типографиями, но и доставляло оружие для боевых дружин.

На нашем деловом совещании присутствовала и М. Ф. Андреева. Она была очень занята, но не забыла позаботиться о товарищах. Как только закончилось совещание, М. Ф. пригласила всех к столу. Здесь я видел Андрееву в роли гостеприимной, радушной хозяйки большого «семейства», так как за столом оказались и дружинники кавказской боевой дружины, охранявшие квартиру Горького и Андреевой, ставшую своеобразным центром, где встречались партийные работники, занятые подготовкой вооруженного восстания.

На «огонек» подошел Ф. И. Шаляпин, и, как ни был занят каждый из нас, мы все-таки остались послушать прославленного певца.

В бурные революционные дни М. Ф. Андреева бывала в редакции легальной газеты Московского комитета партии «Вперед», издателем которой я являлся. Характерные для Андреевой чуткость и внимание к людям, особенно к мало заметным рядовым работникам партии, проявлялись и в те исключительно напряженные дни, когда она была загружена всевозможными поручениями боевой группы ЦК. Моя жена Е. Д. Соколова — работник аппарата газеты — до сих пор с теплым чувством вспоминает об Андреевой, которая буквально накануне восстания, побывав в редакции, оставила контрамарки в Художественный театр на седьмое декабря и подчеркнула, что это для всего коллектива работников. Но седьмого декабря началась забастовка, в Москве погас свет, и спектакль не состоялся.

Встречи с Марией Федоровной Андреевой не случайно отчетливо

сохранились в моей памяти. Меня, профессионального революционера, поразило и не могло не поразить активное участие выдающейся актрисы в подготовке вооруженного восстания. Хорошо запомнилась она еще из-за бросавшегося в глаза разительного контраста между внешним видом этой необыкновенно красивой, мягкой, обаятельной женщины и той деловитостью и, я бы сказал, мужской хваткой, какую она проявила в первой же деловой беседе, отвоевывая нашего «Черта» для лаборатории по изготовлению бомб.

Н. Е. Буренин **С ГОРЬКИМ И АНДРЕЕВОЙ В АМЕРИКЕ**⁴⁵⁸

I

Прошло более пятидесяти лет со времени моей первой встречи с Марией Федоровной Андреевой, но воспоминание о ней живо сохранилось в памяти.

Произошла наша встреча в начале 1905 года на мызе Линтуля, в Куоккала. Хотя эта большая дача принадлежала финну шведского происхождения, она была построена в псевдорусском стиле и сад, окружавший ее, напоминал старинные имения с своеобразным укладом жизни русских помещиков. Дача арендовалась Марией Федоровной, и жила она там с семьей и Алексеем Максимовичем Горьким.

В своей рабочей комнате на втором этаже А. М. работал ежедневно с раннего утра до обеда. После обеда он ходил на прогулку и, немного отдохнув, опять принимался за работу, до поздней ночи. Этой привычке, как я убедился при последующем нашем знакомстве, он никогда не изменял.

Увидел я его, только когда вся семья собралась к обеду. Меня поразило, как он худ и бледен и что он все время кашлял. Трогательным было внимание, с каким Мария Федоровна относилась к нему. Обедали на большой открытой террасе, выходящей в сад. Бросалось в глаза количество народа, сидевшего за столом. Большинство присутствующих, видимо, чувствовали себя как дома, а Мария Федоровна очень умело всех объединяла.

Сама она невольно обращала на себя внимание. Особенное впечатление производили ее глаза, часто загоравшиеся шутливыми искорками, но всегда смотревшие с живым интересом на собеседника. И все же чувствовалось, что все, кто был на террасе, как бы они ни были милы Марии Федоровне, целиком ее не занимали. Ее мысли были заняты Горьким. Она следила за тем, чтобы, когда он говорил, никто зря в разговор не вмешивался. Следила, как и что он ел, так как он норовил ничего не взять в свою тарелку, как-нибудь схитрить и не съесть, что ему полагалось.

В то время я работал в подпольной организации РСДРП и заведовал техникой Петербургского комитета партии. Остро стоял вопрос об отсутствии средств и необходимости расширения партийных связей. Меня отправили к Горькому и Марии Федоровне установить с ними связь и договориться о дальнейшей работе.

Партийная кличка у меня была «Герман Федорович». Мария Федоровна и Алексей Максимович, хоть и знали мое имя, так меня и величали, особенно при посторонних, так как понимали, какая ответственная конспиративная работа была мне поручена.

После обеда, переговорив с Марией Федоровной и с Горьким о цели моего посещения, я уехал с чувством, как будто мы давно знакомы и несомненно встречаемся не последний раз.

Только тогда я узнал, какое живое участие принимала Мария Федоровна в делах партии, о чем никому не было известно, за исключением некоторых товарищей из ЦК. Она носила кличку «Феномен», которую дал ей Владимир Ильич Ленин, очевидно потому, что уж очень редким явлением была эта светская женщина, известная актриса — активная революционерка. Связь боевой технической группы ЦК с нею и Алексеем Максимовичем была прочно установлена. Неоднократно я отправлял к ним из Петербурга членов нашей группы с различными, иногда очень ответственными поручениями. Алексей Максимович при всей своей занятости принимал участие в партийных делах.

С Марией Федоровной я все время не терял связи, но увидеться с ней пришлось только поздней осенью или даже зимой в Москве на ее квартире, где она жила вместе с А. М. Горьким.

II

После Декабрьского восстания 1905 года руководящие партийные товарищи, друзья, писатели, ученые, художники усиленно уговаривали Алексея Максимовича уехать за границу. Но он упорно сопротивлялся. Наконец, после многих уговоров, согласился ехать, поставив условием, чтобы с ним поехала Мария Федоровна.

Вспоминая это время в одном из писем, адресованных мне, Мария Федоровна пишет: «... Вот тут, согласившись ехать, я, конечно, сожгла за собой корабли, так как останься я — ну, может быть, посидела бы немного, но выпустили бы меня, я осталась бы на сцене, со своими детьми, в своей стране.

Уезжая — я становилась эмигранткой неизвестно на сколько времени и как мне удастся вернуться. Но рассуждать было нечего, раз от этого зависел отъезд самого Алексея Максимовича, а если бы он не согласился уехать — его свобода и даже, может быть, самая жизнь».

В то время я по поручению партии нелегально работал в Гельсингфорсе, добывал и налаживал транспорт оружия и взрывчатых веществ, был связан с нашей военной организацией в Финляндии, всячески ей содействовал и специально занижался помощью товарищам, бежавшим из России после восстания. Доставал им деньги на проезд, паспорта, если было возможно, устраивал их нелегально на работу в Финляндии, что часто удавалось при помощи самих финнов. Мы крайне нуждались в средствах и всеми возможными способами их добывали.

Приезд Горького и в особенности Марии Федоровны Андреевой, артистки знаменитого Художественного театра, слава о которой докатилась до

Гельсингфорса, был как нельзя кстати. Получив согласие Марии Федоровны участвовать в концерте, да еще с Горьким, мы немедленно известили об этом все газеты и буквально подняли на ноги весь город.

Знаменитый финский художник Аксели Галлен-Каллела взял нас под свое покровительство, и мы действовали от его имени. Без особого труда нам удалось получить Финский Национальный театр и согласие дирижера Каянуса выступить с оркестром в полном составе и даже с участием всемирно известной датской певицы Эллен Бэк, гастролировавшей в Гельсингфорсе.

Опасаясь каких-либо выпадов со стороны агентов царского правительства, финны во время концерта организовали охрану театра.

С каким блестящим успехом прошел этот концерт, и говорить нечего. Как только Мария Федоровна появилась на сцене, загремели аплодисменты, сопровождаемые приветственными криками «элякен» — по-фински «ура!»

С огромным воодушевлением прочитала Мария Федоровна стихотворение Рукавишников «Кто за нас — иди за нами!» Оно было хорошо переведено на финский и шведский языки, напечатано в программах, и публика слушала затаив дыхание. Газеты того времени дали восторженную оценку выступлению Марии Федоровны — она сумела захватить сдержанных, суровых финнов.

После концерта в одном из отелей состоялся ужин, на котором присутствовали лучшие литературные, художественные и музыкальные силы Финляндии. Без конца произносились тосты в честь Горького и Марии Федоровны. Тепло ответила Мария Федоровна на них на немецком языке.

Через несколько дней в Доме пожарного общества был устроен другой вечер под руководством начальника рабочей красной гвардии капитана Кока, прошедший с не меньшим успехом. Мария Федоровна читала революционные произведения на русском языке и одно стихотворение по-фински, вызвавшее бурю оваций. Интересна маленькая подробность. После концерта из саней, в которых ехали Мария Федоровна и Алексей Максимович, были выпряжены лошади, и группа рабочих везла сани между шпалерами красногвардейцев, выстроившихся с зажженными факелами. Раздавались возгласы:

— Элякен Горький! Элякен Андреева!

Концерты дали нам несколько тысяч марок, о чем мы, конечно, без участия Горького и Андреевой и мечтать не могли. Но весть об этом, как я впоследствии узнал, докатилась до Петербурга. В поисках документов по истории партии в одном из архивов Москвы я наткнулся на распоряжение департамента полиции об аресте М. Ф. Привожу этот документ:

«Андреева Мария Федоровна

Справка Капустину Михаилу Яковлевичу — члену Гос. думы.

Привлечена в качестве обвиняемой к дознанию в порядке 1035 ст. уст. угол. суд. — по делу Социал. Демократич. организации, находящемуся в Судебн. Палате.

Приостановлено 17 февраля 1907 года до явки или задержания.

Было сообщено В. А. Маклакову.

Обвинялась:

1. — в прочтении воззвания противоправительственного содержания на Литературно-музыкальном вечере в Гельсингфорсе в пользу пострадавших во время беспорядков в России.

2. — В 1906 году привлечена к дознанию о “Новой жизни”. (По сведениям Охран, отдел, служила местом явки активн. работников РСДРП).
Подлежит аресту».

В то время мы, конечно, этого не знали, но и так ясно было, что яркие выступления Горького и Марии Федоровны не могли пройти незамеченными.

Надо было их спрятать и позаботиться об их отъезде за границу. Я обратился к известному художнику Варен, и он приютил их в своем имении под Выборгом.

Мария Федоровна так вспоминает это время:

«... когда мы уже провели у Варенов несколько времени, кто-то, чуть ли не Прокопе, приехал из Гельсингфорса и передал от имени тогдашнего губернатора по фамилии, начинающейся на З (самой фамилии сейчас не помню), что он очень желал бы, чтобы Горький уехал из Финляндии, так как ему, губернатору, очень не хотелось бы быть вынужденным арестовать Горького, если ему это будет приказано, — чего-де он очень опасается».

О переезде от Варенов в Або, где надо было сесть на пароход, идущий в Швецию, Мария Федоровна пишет: «... это было изумительно! Чудесная, живописная дорога лесом, сани, запряженные чудесными лошадьми Варена, ясный финский зимний день и — через каждые 3 – 5 сажен из лесу на дорогу неслышно выскакивает вооруженный финн из стражи Сайло, отдает Алексею Максимовичу честь и провожает его глазами до следующего. Тишина, белки прыгают с дерева на дерево, пробежит заяц, и опять — звенящая, снежная тишина...»

В Або под охраной наших друзей финнов Мария Федоровна и Алексей Максимович благополучно сели на пароход, идущий в Стокгольм, где их встретили другие наши товарищи, и из Швеции они направились в Германию и Швейцарию.

В скором времени мне было поручено выехать по партийным делам в Софию. Но в день приезда я получил телеграмму от Красина с предписанием немедленно найти Горького и Марию Федоровну в Швейцарии и вместе с ними направиться в Америку в качестве организатора их поездки и их телохранителя. В Швейцарии я их не застал и из Глиона проехал прямо в Париж. Отсюда Алексей Максимович, Мария Федоровна и я выехали в первых числах апреля в Америку.

Когда мы приехали 4 апреля в Шербург и небольшой пароход перевез нас на океанский гигант «Фридрих Вильгельм Великий», Мария Федоровна посоветовала мне переговорить от ее имени с капитаном парохода и попросить его устроить Горького в такой каюте, где ему удобно было бы работать. Капитан любезно предоставил Горькому лучшую каюту на пароходе, состоявшую из кабинета с большим письменным столом, гостиной и спальни с ванной и душем, а Марии Федоровне отдельную каюту «люкс».

Во время путешествия я мало виделся с Горьким. Во-первых, он ежедневно работал с 7 – 8 часов утра и выходил только к 6 часам вечера, когда раздавался колокол, возвещающий время обеда, а во-вторых, я, как только выехал в

открытый океан, захворал морской болезнью и с утра до вечера лежал в своей каюте. Накануне была буря и оставила за собой мертвую зыбь — отвратительный вид качки.

Мария Федоровна посылала ко мне справиться, как я себя чувствую, и наконец, узнав о моем состоянии, направила ко мне Алексея Максимовича. Я принял его очень нелюбезно и попросил уйти. Он сделал вид, что испугался моей грубости, и скрылся за дверь. Через несколько минут он прислал мне бутылку коньяку и несколько лимонов. Мне стало совестно, и хотя я чувствовал себя очень плохо, решил пойти в каюту Марии Федоровны и просить ее извиниться за меня.

Мария Федоровна, мертвенно бледная, сидела за столом и переписывала что-то на машинке для Алексея Максимовича. Я был совсем уничтожен. Оказывается, она не менее моего страдала от морской болезни, но героически переносила свои страдания и непрерывно работала с утра до вечера. Так или иначе, я себя пересилил, и мы с Марией Федоровной, хотя и походили на мертвецов, явились в столовую к общему обеду. Алексей Максимович был, видимо, очень доволен, спросил шампанского, чтобы нас оживить, и действительно к концу обеда мы стали опять похожи на самих себя.

Описанный инцидент был первым шагом к сближению и с Алексеем Максимовичем и особенно с Марией Федоровной. Я стал часто заходить в ее каюту и, так как она непрерывно работала, переписывая рукописи Горького, уговаривал ее отдохнуть, рассказать что-нибудь из своей жизни. И тогда только я узнал, кем в ее жизни был Алексей Максимович.

Во время нашего путешествия Алексей Максимович начинал писать свою повесть «Мать», и его особенно интересовала жизнь нашего подполья. Он заставлял меня рассказывать со всеми подробностями о моей подпольной деятельности, о товарищах-подпольщиках, о методах работы, о всяких хитростях, к которым мы прибегали, чтобы обмануть агентов царской охраны, непрерывно нас преследовавших. Сам он почти каждый вечер читал нам то, что написал, и особенно прислушивался к высказываниям Маржи Федоровны, которая очень прямо, а порой даже резко ему возражала.

О паровой нашей жизни мало что можно сказать, хочется только добавить два слова о выступлении Марии Федоровны на последнем обеде, накануне приезда в Нью-Йорк.

Перед концом обеда капитан произнес речь о благополучно кончающемся путешествии и открыл пассажирам парохода, что украшением его был знаменитый писатель Максим Горький и его супруга, известная артистка Московского Художественного театра, любимица московской публики — Мария Андреева, и поднял бокал, предлагая выпить за их здоровье.

Раздалось: «Hip! Hip hurrah!» Все встали и приветствовали Горьких.

Короткий ответный спич Марии Федоровны на прекрасном немецком языке имел шумный успех.

Еще не входя в залив Гудзона, наш океанский гигант был встречен пароходом с крупной надписью «Hudson», до отказа наполненный черной массой людей, махавших руками, шляпами, фуражками, зонтиками, платками.

Это была целая туча репортеров со всей Америки, представители всевозможных организаций. С пришвартовавшегося к нам парохода они на ходу выскакивали на спущенный трап и, обгоняя друг друга, спешили подняться на палубу, куда выходили каюты Горького и Марии Федоровны. Редкие из них говорили по-русски, по-английски же никто из нас не говорил, мой французский язык они не понимали. И вся тяжесть беседы пала на бедную Марию Федоровну, прекрасно владевшую немецким языком. Они настаивали на немедленном интервью с Горьким, но по настоянию Марии Федоровны Алексей Максимович категорически отказался давать ответы на их сотни вопросов. Мария Федоровна от его имени поблагодарила всех встречавших, извинилась, сказала, что он очень устал от дороги и от той работы, которой непрерывно был занят в пути.

Тем временем наш пароход подошел к причалу, на котором тысячная толпа встречала Горького. Цепь полицейских в серых касках, в синих мундирах, с белыми дубинками в руках окружила толпу. Когда мы спустились на пристань, люди прорывались через кордон охранителей порядка, хватали Горького за руки, целовали его широкую накидку, а женщины обнимали Марию Федоровну, тянулись поцеловать ее. С трудом добравшись до машины, мы наконец смогли доехать до отеля «Бель-клер», где были приготовлены для нас комнаты.

Мария Федоровна, предвидя посетителей, настояла, чтобы Горькому, самой Марии Федоровне и мне были отведены отдельные номера с помещениями для приемов. Ее предположения на другой же день оправдались. Не только в наших комнатах, но и в вестибюле отеля нельзя было протолкаться. Главным образом одолевали репортеры газет и журналов и огромное количество русских эмигрантов. Телефон звонил непрерывно, подростки негритята в своих коричневых мундирчиках с золотыми позументами приносили целыми пачками телеграммы и визитные карточки, в которых очень трудно было разобраться. Все хотели лично видеть Горького и с ним говорить.

На Марию Федоровну легла тяжелая обязанность переводчицы при разговорах с Горьким. Я удивлялся и восхищался точности переводов и общим внушительным тоном ее ответов американцам.

Прав был Владимир Ильич Ленин, посылая Марию Федоровну не только как спутника Алексея Максимовича Горького, но и как партийного товарища, на которого можно было положиться. Так продолжалось это дня два или три.

Однако царское правительство и эсеры не дремали. С последними Горький наотрез отказался делить собранные им средства, чего они усиленно добивались. И вот началась безумная травля Горького, причем мишенью явилась ни в чем не повинная Мария Федоровна.

Газеты писали, что Горький якобы обманул американскую публику, назвав Андрееву своей женой, тогда как она «актриса, женщина легкого поведения», а свою законную жену с детьми бросил на произвол судьбы в России и тем оскорбил моральные устои американских граждан. Каким-то образом, несомненно не без содействия эсеров, появилась в газетах хорошая фотография его жены с двумя детьми, присланная из России, а рядом портрет неизвестной красавицы в легкомысленном эстрадном туалете, и было подписано, что это

мадемуазель Андреева, с которой Горький приехал в Америку.

Американская публика верила газетам, и лавина клеветы, грязных инсинуаций обрушилась на Марию Федоровну. Можно было удивляться, как она мужественно и стойко ко всему этому относилась. Из трех отелей Горькие были выгнаны, причем из последнего даже были выброшены их вещи среди ночи. К счастью, это было недалеко от клуба Молодых писателей, в обществе которых Горький накануне обедал с Марком Твенем. При содействии молодого писателя Лерой Скотта удалось устроить Марию Федоровну и Алексея Максимовича в общежитии при клубе, где они подверглись буквально домашнему аресту. Шторы на окнах были спущены, им не позволяли подходить к окнам, не позволяли выходить из клуба.

Алексей Максимович и Мария Федоровна решила игнорировать недостойную травлю, ни в коем случае не сдаваться и остаться некоторое время в Америке.

В те дни никто не поднялся на их защиту, но стали приходить письма, главным образом от рабочих, которые выражали им сочувствие и предлагали приют в своих скромных жилищах. Невозможно было принять такие предложения, так как состояние здоровья Алексея Максимовича резко ухудшилось. У него появилось кровохарканье. Требовался серьезный медицинский надзор.

Среди полученных писем было письмо к Марии Федоровне одной американки, дочери известного нью-йоркского врача госпожи Престонии Мартин. Она писала:

«Я не могу и не хочу позволить, чтобы целая страна обрушилась на одинокую, слабую женщину, и потому предлагаю Вам свое гостеприимство».

Недолго думая, мы решили рискнуть, и я поехал на Статен Айленд (остров в устье Гудзона), где была городская вилла господ Мартин.

Познакомившись с миссис Мартин, произведшей на меня чудесное впечатление, я быстро с ней договорился, и на другой же день мы выбрались из-под домашнего ареста, и началась для нас новая полоса жизни в Америке.

III

Миссис Мартин оказалась умной, интеллигентной и культурной женщиной. К тому же она хорошо говорила по-французски, и мы свободно объяснялись друг с другом.

Узнав от меня, из какой семьи происходит Мария Федоровна, в какой среде она росла и воспитывалась, как была избалована вниманием и с какой любовью относилась к ней московская публика, в особенности молодежь, миссис Мартин сразу прониклась к М. Ф. большой симпатией.

Горького миссис Мартин знала по английским переводам его ранних произведений. Она очень ценила его как писателя и, будучи сама писательницей, поняла, что надо прежде всего создать для Алексея Максимовича такие условия, чтобы он по установившейся привычке мог ежедневно работать и чтобы ничто ему не мешало.

Сняв себе поблизости комнату, я пришел вечером к чаю и увидел совсем неожиданную картину.

В уютной гостиной ярко горел камин. В кресле перед ним сидела Мария Федоровна, а у ее ног устроилась на ковре миссис Мартин. Смотря на Марию Федоровну снизу вверх, она любовалась ею и слушала ее рассказы о России. Горький молча сидел у самого огня, помещивал уголья какими-то диковинными щипцами, а мистер Джон Мартин, не понимавший по-французски, скромно пристроился где-то в темном уголку, похрапывал и терпеливо ждал, когда его жена переведет, о чем говорят русские.

Не было сомнений, что с нашими новыми хозяевами контакт установлен и Мария Федоровна вошла в их семью равноправным членом. В тот же вечер мы окрестили миссис Мартин «Престонией Ивановной», а ее мужа-англичанина «Иваном Ивановичем».

На другой день по переезде миссис Мартин с большим юмором рассказала Марии Федоровне, что, хотя они с мужем и пригласили ее и Горького к себе, предоставили им лучшие комнаты, они все же немного побаивались за свое имущество, особенно за ценные шелковые гардины и обивку мебели. (Супруги Мартин много путешествовали по разным странам, побывали на Востоке, в Индии, в Африке и собрали очень ценные вещи.) А в Америке в то время рассказывали, и притом серьезно, что на севере России в городах медведи ходят по улицам (?), да и многое другое о русских нравах...

Желтая пресса не прекращала нападков на Горького, были даже задеты Мартины, их приютившие, и «Престония Ивановна» поместила во всех газетах следующую заметку:

«Я считаю, что нам оказана честь тем, что мы принимаем Максима и г-жу Горьких, и мы с удовольствием будем иметь их своими гостями до тех пор, пока им это нравится» (газета «Tribune», 21 апреля 1906 г.).

Двери виллы Мартин наглухо закрылись для всевозможных репортеров и для тех, кто попытался бы увидеть Горького без их согласия.

У нас был установлен определенный режим, и Мария Федоровна строго требовала, чтобы он не нарушался и ничто бы не отвлекало Горького от работы. Говорить нечего: все мы были очень обеспокоены его расшатавшимся здоровьем. При помощи супругов Мартин были приняты все меры, чтобы Алексей Максимович поправился.

Наконец травля Горького и Маржи Федоровны прекратилась. Газеты получили из Петербурга сведения о Марии Федоровне, о ее дворянском происхождении, о том, что она дама «из общества», актриса столь же яркая, как Элеонора Дузе или Сара Бернар, и т. п. Большую сенсацию произвела статья в рабочем журнале «Труд», в которой, опираясь на документальные данные, разоблачалась кампания против Горького.

При необыкновенно дружеском участии четы Мартин жизнь наша вошла наконец в нормальное русло.

Я скорее почувствовал, чем понял, сокровенную мысль Марии Федоровны: «Все — для Горького», и уже целиком подчинился этому принципу. Я ясно видел, чем Горький обязан был Марии Федоровне, и, как показала наша

дальнейшая дружба с Алексеем Максимовичем и с Марией Федоровной, я тогда не ошибался.

Вскоре «Престония Ивановна» предложила нам поехать на все лето к ним в имение в горах Адирондак, на границе с Канадой. Мы согласились. Хотя Горький начал работать еще по дороге в Нью-Йорк над повестью «Мать», всецело отдаться работе он смог только в «Summer Brook» («Летний ручей») — так называлось имение Мартинов. Как только он кончал главу или даже какой-нибудь эпизод, он обязательно прочитывал их нам, внимательно прислушиваясь к замечаниям Марии Федоровны, и часто следовал ее советам.

Чем дольше мы жили вместе, чем ближе я узнавал Марию Федоровну и Алексея Максимовича, тем яснее становились для меня их отношения. Мария Федоровна, раскрывая мне сущность Горького, заставила меня его полюбить и научила понимать в нем многое, с чем я в начале нашего знакомства примириться никак не мог.

Я не считал себя вправе вмешиваться в их отношения, но не мог простить Алексею Максимовичу его подчас, как мне казалось, деспотизма к Марии Федоровне, невольно вызывавшего у меня протест. Скрыть это от Марии Федоровны невозможно было, так как она необыкновенно чутко воспринимала все, что касалось Алексея Максимовича, и обезоруживала меня своей покорностью и глубокой убежденностью в своей правоте.

Привожу маленький весьма характерный эпизод.

В свое время я собирался стать художником и поступил в Академию художеств. Рисовал я неплохо, даже с отличиями переходил из класса в класс, но за участие в студенческих волнениях был исключен из Академии. И вот в один из вечеров, когда Горький читал нам свою «Мать», я взял альбомчик и стал набрасывать его портрет. Вдруг я ощутил, что кто-то пристально на меня смотрит. Я оглянулся и встретился с недоумевающим взглядом Марии Федоровны. Она встала, подошла ко мне и возмущенно, с гневной складкой между бровями спросила:

— Евгенийч! Неужели вы рисуете Алексея Максимовича?!

Я так растерялся, что немедленно спрятал свой альбомчик и никогда уже больше его не открывал. У меня было такое ощущение, словно я совершил какое-то кощунство. Впоследствии я очень жалел и до сих пор жалею, что так поддался тогда настроению Марии Федоровны, которая потом и сама улыбалась, когда я об этом напоминал.

Мария Федоровна, узнав, что я когда-то готовился стать музыкантом, предложила мне поехать в Нью-Йорк за нотами, говоря, что и она и Алексей Максимович без музыки жить не могут. Я обрадовался и решил купить ноты Грига, так как сам очень его любил и надеялся, что Григ, которого Горький не знал, должен своей народностью его увлечь. Выбор мой оказался более чем удачным. Я нашел почти все фортепьянные произведения Грига, а обстановка, в которой я его играл, очень напоминала Норвегию. В течение двух-трех месяцев я почти каждый вечер играл вещь за вещью, и мои слушатели не уставали меня слушать.

Горький после упорной каждодневной работы приходил посидеть с нами.

Обычно он усаживался на ступеньке у камина. Когда огонь вспыхивал, огромная тень А. М. падала на противоположную стену, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Он любил ворочать огромные поленья в камине и слушать Грига. В течение трех месяцев Горький неизменно слушал полюбившегося ему композитора и неоднократно просил повторять одни и те же произведения. Он слушал внимательно, затаенно и, бывало, просидев с нами целый вечер, молча уходил к себе.

Вначале это меня очень смущало — казалось, моя игра ему неприятна, раздражает его. Но когда на следующий вечер он просил играть то же самое, я понял, что он боялся утратить впечатление от музыки и уносил его с собой.

Очень часто, когда я кончал играть или же во время случайных перерывов, Алексей Максимович начинал рассказывать что-нибудь из своей жизни, о том, что он видел, с кем встречался. В комнате по вечерам сидели кроме Марии Федоровны наши хозяева «Престония Ивановна», «Иван Иванович» и ее подруги: учительница из Чикаго мисс Джонс и профессор Колумбийского университета Гарриет Брукс. По-русски, конечно, никто из них ни слова не понимал, и Мария Федоровна с большим искусством переводила, что рассказывал Горький, глубоко захватывая слушателей.

Мария Федоровна была очень музыкальна⁴⁵⁹, и, конечно, музыка Грига ее очень увлекала. Несомненно, что то вдохновение, которое она вкладывала в рассказы Алексея Максимовича, она черпала, как и Горький, в только что слышанных мелодиях Грига. По крайней мере я никогда ранее и позднее не видел и не слышал, чтобы Мария Федоровна с такой непринужденностью и с таким увлечением передавала мысли Горького.

Мы засиживались до глубокой ночи, свечи в шандалах догорали, и только огонь в камине то вспыхивал, когда шевелили поленья, то угасал и, догорая, освещал комнату причудливым красным светом.

Люди сливались с темнотой, и то, что говорил Горький, звучало как легенда о пережитом, то рисуя природу и красивых душой людей, то леденя душу тем тяжелым и безотрадным, что ему пришлось перенести в его богатой приключениями жизни.

Мария Федоровна сама переживала все, что рассказывал Горький, и потому так эмоционально и насыщенно звучал ее голос...

Впоследствии, перечитывая повесть Горького «Мать», я каждый раз вспоминал наши вечера, Алексея Максимовича, сидящего у камина и слушающего музыку Грига. Он не только писал о Григе, но много говорил и передавал свои впечатления от его музыкальных произведений. Так мог писать человек, глубоко воспринимающий музыку, которая будила в нем воспоминания, вызывала глубокие чувства.

Когда я за год до смерти Алексея Максимовича был у него в Горках, он живо вспоминал наши музыкальные вечера в сказочной гостиной на вилле Мартинов и заставил меня повторить многое из того, что я тогда ему играл. Тяжело об этом вспоминать...

Только теперь, по прошествии десятков лет, восстанавливая в памяти наше пребывание в США, я отдаю себе отчет, какое огромное место занимала Мария

Федоровна в жизни Алексея Максимовича. Своим большим, любящим сердцем чувствовала она, какой отдых нужен Алексею Максимовичу в период напряженной творческой работы, какие нужны условия, чтобы он мог отдохнуть и сердцем и душой.

Воспользовавшись необычайной обстановкой, в какой мы жили, зная любовь Горького к музыке, незаметно для него она организовала наши своеобразные музыкальные вечера.

Когда я однажды в тяжелую минуту разрыва между Марией Федоровной и Алексеем Максимовичем написал ей и спросил, что же она решила, — она мне ответила:

«Родной мой — прежде всего: я ничего не решила, ничего не решаю и никогда ничего не будет прочного — прочно решенного. Так будет всегда, и с этим и Вам надо считаться, раз уж мы с Вами так связаны прочно. Ведь правда? Если Вы подумаете о всех заинтересованных людях, а особенно об одном главном лице [Горьком], поймете, что иначе и быть не может, что впредь всегда будет так, как было до сих пор. Тут дело не только в чувствах и боли сердца, а нечто большее и общезначимое — пока я нужна, пока я могу хоть немного облегчить, помочь, сделать хоть что-нибудь, — для меня не существует вопросов самолюбия, личности, личной боли или слабости — пусть это не покажется Вам слишком громким. Надо, чтобы ему было легче. А как — это решать ему. Это, если хотите, — моя вера, и верую я крепко».

Это письмо, мне кажется, ярко отражает всю силу духа Марии Федоровны и больше, чем только ее безграничную любовь и преданность Алексею Максимовичу, которую она пронесла через всю свою жизнь.

В. И. Лухачев **ВМЕСТЕ В НЕЗЛОБИНСКОМ ТЕАТРЕ⁴⁶⁰**

Я имел счастье встретиться и познакомиться с Марией Федоровной в самый расцвет ее едва ли повторимого таланта.

Это было больше пятидесяти лет тому назад. Мария Федоровна, актриса Московского Художественного театра, приехала на зимний сезон 1904/05 года в Ригу, в театр Незлобина.

Незадолго до этого вступил в труппу Незлобина и я, уйдя из театра Народного дома в Петербурге. В то время главным режиссером и постановщиком почти всех спектаклей театра Незлобина в Риге был такой талантливый мастер сцены, как К. А. Марджанов.

Мария Федоровна предстала перед рижским зрителем в годы своей творческой зрелости. Природа щедро наградила ее необыкновенной красотой и пластичностью, но это являлось лишь приятным дополнением к ее сценическому дарованию, а сценическое дарование Марии Федоровны было многогранным и нежным, как цветок весенний, запах которого не дурманит, а очищает душу своей свежестью.

Зритель Риги был требовательным зрителем. В то время в городе кроме русского работали еще латышский театр и немецкий, куда приезжали

знаменитости из Берлина. Появление Марии Федоровны в спектаклях «Одинокие», «Потонувший колокол» и «Гедда Габлер» было встречено восторженно не только русской, но и латышской и немецкой публикой.

В роли Кете в пьесе Гауптмана «Одинокие» Марля Федоровна напоминала цветок, смятый ураганным ветром. Исполнение этой роли отличалось необычайной тонкостью. Ее игру можно было сравнить с талантливо выполненной акварелью. Совершенно другой образ создала она в спектакле «Потонувший колокол»! Ее Раутенделейн была светлой сказочной феей⁴⁶¹. Именно фантастической была она, когда появлялась в хижине Генриха и останавливалась у зажженного очага в своей огненного цвета тунике, с распущенными волосами золотистого оттенка. В этой сцене М. Ф. была прекрасна. Мария Федоровна никогда не стремилась к внешнему эффекту, напротив, она всегда чуждалась чисто внешнего, показного на сцене, да и в жизни в силу своей скромности она как-то стеснялась своей красивой наружности.

Следующее выступление Марии Федоровны было в пьесе Чехова «Три сестры». Она играла Ирину. Я не знаю, касался ли кто-нибудь из критиков той поры этого на редкость интересного исполнения. После Марии Федоровны мне лично не приходилось видеть лучшей исполнительницы роли Ирины ни в Художественном, ни в других театрах. Не забыть мне тех интонаций, с которыми она в третьем действии произносила слова: «В Москву! В Москву! В Москву!» Здесь у М. Ф. звучал призыв к светлому будущему, слышалась надежда, вера в это будущее, а не тоска и грусть, как у других исполнительниц Ирины. Это было необычайно проникновенно и волнующе.

А как она играла Ларису в «Бесприданнице»!.. В те годы покоряла всех своим исполнением этой роли Вера Федоровна Комиссаржевская. Многие не допускали даже мысли, что эту роль может сыграть другая актриса.

В исполнении Марии Федоровны Лариса в начале спектакля была то радостной, то мечтательной, то задумчивой, то улыбающейся, в ней не было даже предчувствия беды, надвигающейся катастрофы. И только во втором действии, после встречи с Паратовым, она сразу становилась какой-то встревоженной, настороженной. Ее душевный трепет все усиливался и к концу спектакля выливался в горячий протест против окружающих ее людей. Ведь люди так жестоки, они человеком ее не считают. Она становится их жертвой и гибнет, как подстреленная птица.

Вспоминаю еще Андрееву в роли Марьи Львовны в пьесе Горького «Дачники», только что написанной им (1904). Эта роль также удалась Марии Федоровне. В «Дачниках» она создала уже совершенно иной тип. Это была не сказочная фея, не наивная, обманутая девушка, а простая сорокалетняя женщина, выходец из народа. До сих пор помню, как она произносила слова роли:

«... Волосы седые... а жить хочется!

... Я не любила никогда! И вот теперь... мне стыдно сознаться... я так хочу ласки! нежной, сильной ласки, — я знаю — поздно! Поздно! Я уже была несчастна... я много страдала... довольно! ... А моя дочь? Соня моя? А годы?

Проклятые годы мои? И эти седые волосы? Ведь он страшно молод! Пройдет год — и он бросит меня... о нет, я не хочу унижений...». Это говорилось без всякого театрального пафоса, необыкновенно просто. Но от интонаций ее голоса сжималось сердце, и было бесконечно жаль эту женщину, которая прожила большую жизнь, так и не узнав, что такое личное счастье.

Один из персонажей пьесы, обращаясь к Марье Львовне, говорит: «Вы, Марья Львовна, идейный человек... Вы где-то там делаете что-то таинственное, может быть, великое, историческое!» Всем своим исполнением актриса убеждала зрителя, что Марья Львовна женщина незаурядная, что главной целью своей жизни она сделала борьбу за утверждение правды на земле, за прекрасную жизнь народа. Этот образ вырастал у М. Ф. до героического звучания.

Вспоминается исполнение этой замечательной тонкой актрисой роли Жаннеты в пьесе «Красная мантия» Брие.

Образ Жаннеты требовал от исполнительницы большого драматизма. Казалось бы, что лирико-драматическому дарованию Марии Федоровны не очень близка такая роль, что она ей не по силам. Но Андреева с честью вышла из этого серьезного испытания. Здесь актрисе несомненно помогло то, что она была очень умна, обладала широтой взглядов на жизнь, имела большое чуткое сердце. Эти качества и позволили ей с успехом играть роли высокого драматического напряжения! А в спектакле «Красная мантия» ее исполнение моментами достигало трагического накала.

Встает в памяти еще одна роль, подчеркивающая разнообразие ее дарования. В пьесе Найденова «Авдотьяна жизнь» Мария Федоровна играла старую деву. В продолжение всего спектакля она вынуждена была играть с подвязанной щекой, так как у ее героини все время болят зубы. На первый взгляд казалось, что роль эта комического плана, но Мария Федоровна увидела в старой деве женщину, обиженную судьбой, в которой теплится и страсть, и нежность, и жажда материнства. Получился трогательный до слез образ!

Андреева в своей актерской палитре находила такие оттенки красок, которые были доступны немногим.

После 1905 года Мария Федоровна долгое время жила на Капри, оторванная от любимого дела.

Снова я встретился с Марией Федоровной уже в 1915 году в Москве, когда она, вернувшись из-за границы, вступила в труппу незлобинского театра. В этом театре она пробыла до Октябрьской революции. Казалось бы, что продолжительный промежуток времени, проведенный вне сцены, должен был отразиться на ее исполнении, но этого не случилось. Творчество Марии Федоровны как бы сделалось еще более зрелым. Ее талант засверкал новыми красками.

Мария Федоровна выступала в пьесах: «Маленькая женщина» Миртова, «Ложь» Винниченко, в «Законе дикаря» Арцыбашева. Критик «Русского слова» писал об исполнении ею роли в спектакле «Маленькая женщина»: «М. Ф. Андреева была истинной героиней спектакля... Это было более чем хорошо, потому что артистка создала удивительно милый, славный,

трогательный образ покинутой женщины, но жаль было артистку, что она потратила божественную искру таланта на мертворожденное чадо Миртова».

Если бы не чуткий ум и сценическая правда, которые были свойственны Марии Федоровне, получилась бы тривиальная героиня. Это лишь подтверждает, что не раз артисты больших талантов спасали авторов. Мария Федоровна была великолепна и в этих пьесах. Какое многообразие красок в ее игре: то мягкая нежность и душевная трогательность, то лукавые увертки лжи и мастерское кокетство, то глубокие психологические переживания в минуты отчаяния. Этими тончайшими нюансами и отличалась игра Андреевой.

В сезон 1916/17 года М. Ф. исполняла роль певицы Каваллини в пьесе «Роман» Шельдона. Эта роль была филигранно разработана. Мария Федоровна как кружево плела фразу за фразой, пересыпая их с неподражаемым блеском итальянскими словами. Риту Каваллини М. Ф. трактовала не как комедийный или мелодраматический образ, как это было принято тогда в других театрах, а как образ глубоко психологический. Это была очень правдивая, реалистическая игра с глубоким проникновением в самую сущность характера героини, с многообразием оттенков в передаче ее переживаний. Покорял очень тонкий рисунок роли, созданный актрисой.

Мария Федоровна была для нас, актеров, ярким примером. Мы учились у нее той правде на сцене, которой она владела в совершенстве. У нее мы учились скромности, учились не выдвигать себя «на первый план», какое бы положение мы ни занимали в театре...

В феврале 1917 года, после пожара в незлобинском театре, Мария Федоровна уехала в Петроград. Москва больше не видела эту замечательную актрису.

О. В. Гзовская **ПРИМЕР МОЛОДЫМ⁴⁶²**

Знакомство мое и дружбу с М. Ф. Андреевой можно разделить на четыре периода.

Период первый — это ранние годы, когда я училась в гимназии. Мария Федоровна не служила еще тогда в Художественном театре, а была актрисой-любительницей в Обществе искусства и литературы. Мы, гимназистки, любовались красотой этой актрисы и прилагали все усилия к тому, чтобы попасть на спектакли Общества в Охотничий клуб.

Я многие годы видела Марию Федоровну только издали, из зрительного зала. Она выступала и в концертах, читала стихи, иногда под аккомпанемент рояля, чаще всего это были стихи Брюсова, Ады Негри, Скитальца и, наконец, произведения Горького. Кто из нас не знал наизусть «Песню о Соколе» или «Буревестника»? Ведь воздух был напоен революционными настроениями.

Уже тогда по Москве шел слух, что М. Ф. не только актриса, но и активный деятель революционного движения. Мы, конечно, не были так политически образованны, как теперешняя молодежь, но сердцем тянулись к правде, справедливости и свободе, и Мария Федоровна, актриса, окруженная ореолом

борца-революционера, была для нас особенно привлекательна. До сих пор у меня живо в памяти, словно это было вчера, впечатление от концерта в Колонном зале Дома Союзов (в те годы Благородного дворянского собрания).

Ярко освещенный зал полон шикарно разодетой публики: фраки, смокинги, вечерние платья, драгоценные камни, сверкающие на дамах, отражали огни люстр и переливались всеми цветами радуги. Дорогие меха на плечах белотелых московских купчих. В общем, все блестит и ошеломляет. И какое дело всей этой публике до того, что будут исполнять. Главное ведь показать свои туалеты и себя! Вечер благотворительный. На эстраду легкой походкой выходит в строго сшитом белом суконном платье Мария Федоровна. Разодетая толпа встречает ее очень сдержанно, зато юношество, мы, гимназистки, хлопаем изо всех сил. Мягким, женственным голосом читает она под музыку стихотворение «Чайка». Я уже не помню автора, но стихи эти по своему художественному качеству не из лучших, их спасало содержание: в стихах говорилось о том, как стонет, кричит и мечется чайка перед бурей. Ярко светятся чудесные карие глаза исполнительницы, гневно сдвинуты брови, и такая она красивая и смелая, вся устремленная вперед в необыкновенно пластичном движении своей строгой, гармоничной фигуры. После «Чайки» М. Ф. читает аллегорические стихи Скитальца «Ручей». Человек сковал ручей. Разорвав цепи, ручей освобождает себя. Кончаются стихи словами: «Я свободы хочу, я свободу люблю». Голос актрисы звенит призывно, звонко. Во всем исполнении нет никакого нажима, нет и декламационного пафоса; чувствуется, что актриса живет тем, о чем говорит; все удивительно просто и правдиво.

Успех огромный. Мария Федоровна очень скромно принимает его, без всяких заискивающих улыбок, только очень ласково смотрит в тот угол зала, где мы, тогда юные совсем гимназистки, гимназисты, студенты, не жалея рук, аплодируем.

Концерт окончен, а мы еще долго вызываем Андрееву и, выйдя на улицу, делимся впечатлениями, главным образом о репертуаре этой актрисы. В то время как другие участники концерта исполняли салонно-лирические стихи, ласкавшие «нежное» ухо мелодией звука, Мария Федоровна читала стихи, будившие мысль, тревожившие совесть, звавшие к большим человеческим свершениям...

Московский Художественный театр, ставший любимым театром и гордостью москвичей, работал в Каретном ряду. Андреева, как и Лилина, Книппер-Чехова и Савицкая, была одной из ведущих его актрис. Зрители уже познакомились с первыми удивившими и покоровившими всех спектаклями художественников: «Царь Федор Иоаннович», «Чайка» и др.

Памятна мне премьера «Трех сестер». Ирина Прозорова — одна из лучших ролей в репертуаре Марии Федоровны. Весь ее облик — и благодарная внешность, и голос — как нельзя больше подходили для образа этой скромной, вдохновенной девушки, томящейся в глуши и не видящей выхода своим чувствам и стремлениям. Ее призыв: «В Москву! В Москву! В Москву!» — звучал как крик, как стон больной души.

Помню очень хорошо волнения и тревогу перед первым спектаклем. Мы,

гимназистки, решили в складчину поднести ей цветы. Как это сделать? Через сцену нельзя, в Художественном театре на поклоны не выходили. Значит, возможно только подношение за кулисы. Но как туда проникнуть? Решили тянуть жребий. Вот счастье! Я вытащила узелок платка. За кулисы-то я пробралась, но и только. Цветы для передачи приняли, но, кроме курьера, я не видала никого и не познакомилась с Марией Федоровной...

Особенно ярко встает в памяти Мария Федоровна в спектакле «Потонувший колокол» Гауптмана. Главное, что поражала в спектакле Художественного театра и в игре Андреевой, это простота и вместе с тем какая-то прозрачная сказочность, во всем никакой нарочитости.

Первый монолог Андреевой — Раутенделейн с пчелкой звучал легко, задушевно, словно она говорила с подругой, с живым существом, которое понимает ее. Казалось, эта фея даже ведет диалог с пчелкой, только мы, зрители, ответов пчелки не слышим, а она, Раутенделейн, слышит и обращается с ней, как с другом.

Андреева — Раутенделейн была прелестна. Здесь не было ни той сентиментальной слащавости, ни той внешней красоты, которыми отличались популярные тогда открытки Котарбинского, Беклина и других подобных им художников. Это была красота значительная, настоящая, и только волшебница-природа могла создать столь гармоничное целое. Огромные глаза актрисы, наивно детские, выражали скорбь и настойчиво вопрошали: «Что ждет меня в будущем?» М. Ф. создавала вполне реальный образ девушки и вместе с тем волшебно-сказочный. Естественны были ее голос, интонации, неожиданные переходы от веселой игры с пчелкой к раздражению в разговоре с Водяным, вылезавшим из колодца. Очень красиво и какими-то особенными движениями расчесывала она свои волосы. Золотистые, они, как мантия, окутывали ее плечи и ниспадали почти до полу, переливаясь и сверкая под лучами «солнца».

Раутенделейн в первой сцене несколько насторожена, она точно чего-то ждет. Прислушивается к звукам, доносящимся из долины. Она рвется к людям всем существом, хочет спуститься вниз, в долину, если бы даже ей угрожала там гибель. Никакие уговоры «бабушки-ведьмы» и всех лесных духов не могут остановить ее, изменить решения. Так интересно играла первую сцену Мария Федоровна. А ведь роль очень трудна, здесь легко впасть в сентиментальность. Этого избежала Мария Федоровна.

Уже в первом появлении чувствовалось что-то совсем земное, доброе человеческое в этой лесной девушке. Она иная, чем Леший, она любит людей, ей их жаль. Она искренне огорчена тем, что, отлив колокол, мастер Генрих уронил его и, вслед за ним упав с горы, разбился. Всеми силами она хочет спасти почти умирающего Генриха.

Вполне объяснимо ее появление сначала в долине, затем в доме Генриха; понятна и возникшая любовь мастера к Раутенделейн, его душевное выздоровление и стремление вновь начать работать. В следующем акте М. Ф. вполне реально исполняла обязанности домашней прислуги, и по всему чувствовалось, что это хороший работник. Все у нее спорилось, движения были точные, ловкие, и вместе с тем все делалось с необычайной грациозностью и

легкостью — будь то взмах топора, которым Раутенделейн рубила дрова, или движение рук, когда она разводила огонь в печи.

Раутенделейн в исполнении Андреевой была очень многогранна. Актриса нашла для воплощения этого образа большое разнообразие красок. В конце спектакля ее исполнение достигало большого драматического напряжения. Ее прощанье с Генрихом было полно скорби и отчаяния. Таким остался в моей памяти образ Раутенделейн, созданный Андреевой.

Идет время. Ставится пьеса Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах», где роли были написаны для каждого актера и актрисы в расчете на их сильные стороны, на показ их дарований с самой лучшей и выгодной стороны. Пьеса была не очень глубокая, но играли превосходно, и все-таки это не спасло ее. Драма «В мечтах» недолго продержалась в репертуаре МХТ. Не помню точно, во втором или третьем акте, Мария Федоровна, игравшая богатую светскую даму, возвращается зимой с прогулки. Я не помню монолога, который произносила Андреева, но как она согревала уши муфтой из серого меха — шеншелей, нежно оттенявшей ее каштаново-рыжеватые волосы, я помню прекрасно и сейчас. Чудесные грустные большие карие глаза... Красивая и женственная, она словно сошла с полотен Добужинского или Сомова.

В эти годы, как я уже говорила, встречи мои с Марией Федоровной были только издалека. Все, что говорилось в Москве о ее деятельности не только как актрисы, но и как передового человека, продолжало привлекать нас, юношество. Жена Горького — уже одно это было для нас полно огромного значения. Ведь она ушла от первого мужа, крупного представителя великосветского московского общества, путейского генерала, ушла от спокойной, сытой жизни — как раз тогда, когда в Москве разгорались великие исторические события кануна революции 1905 года. Я была ученицей школы Малого театра, играла свою первую роль Ариэля в «Буре» Шекспира. Начавшиеся волнения в Москве и особенно революционная деятельность такой артистки, как Мария Федоровна, оказывали на нас, молодых актеров, большое влияние. Мы старались хоть как-нибудь проявить свою солидарность и сочувствие тому, что совершалось в Москве.

Помню осень 1905 года. День похорон Баумана. В театре шла репетиция «Бури», режиссировал А. П. Ленский. Я стою на скале и читаю свой монолог. Вдруг дверь на сцену открывается, появляется рабочий с ружьем на веревке через плечо и говорит:

— Что же это такое, граждане, там мимо вас на улице идет народ, хоронят Баумана, а вы здесь театром занимаетесь? Прекратите это!

Актеры старшего поколения растерялись и не знали, что делать. Зато молодежь по моей инициативе откликнулась сразу. Мы обратились к Ленскому:

— Александр Павлович, мы пойдем на демонстрацию и больше репетировать не будем!

Он согласился. На улицу вышла большая группа актеров императорского Малого театра и влилась в колонны демонстрантов. Нам было хорошо известно, что Бауман погиб от руки черносотенца-охранника. Об этом говорила вся Москва. Шествие было грандиозное. Двести тысяч человек шли за гробом.

Стройно лились звуки революционных песен, царил торжественный порядок. И здесь, в толпе, мы слышали, как рассказывали о том, что Бауман находился в Москве нелегально и что скрывала его артистка Московского Художественного театра Андреева. Я не знаю, верно ли это, но так говорили шедшие рядом совсем незнакомые нам люди. В этот момент мы были горды тем, что прервали репетицию, что не стоим в стороне от происходящих вокруг бурных событий.

На следующий день утром управляющий конторы императорских театров сделал мне строгое внушение за то, что я осмелилась обратиться к Ленскому с просьбой отпустить нас. Вскоре последовал приказ о том, что артистам императорских театров не к лицу заниматься политикой, а тем более ходить на демонстрации, бастовать, как это делают рабочие на фабриках. Мне был объявлен выговор. И этот «проступок» вспоминали все три года моей службы в Малом театре как пример поведения «неблагонадежно мыслящей молодой актрисы»...

Вскоре Мария Федоровна перестала служить в Московском Художественном театре. Я продолжала интересоваться ею, следила за газетами, журналами, в которых писали о М. Ф., впитывала в себя все, что рассказывали о ней. Знала я о том, что она в Италии, на Капри, с Горьким. Знала и возмущалась до глубины души, как и все порядочные люди, той травлей, которая была организована против Горького и Андреевой в «свободной» Америке в 1906 году.

После ее возвращения из-за границы в Москву встречи наши были снова издали — она играла в незлобинском театре, я была зрителем. Помню Марию Федоровну в «Романе» Шельдона. В роли Риты Каваллини она была прекрасна и внешне и глубиной своего исполнения. Как ни странно, но Мария Федоровна в роли блестящей оперной итальянской дивы дала какие-то отдельные черты Настасьи Филипповны из «Идиота» Достоевского.

Мария Федоровна не делала упор на акцент Каваллини — итальянки, хотя другие исполнительницы пользовались этим приемом, стремились вызвать смех и вообще вели эту роль почти в комедийном плане. Андреева же очень углубляла весь образ. Ее Рита Каваллини была натурой сильной, с доверчиво детской душой. Перед зрителями предстал большой талант и вместе с тем страдающая женщина. Ей не доставало близкого, искренне любящего человека; только обезьянка, с которой она не расстанется, да камеристка, дитя народа, преданы ей: для остальных она забава, развлечение.

Сцену на балу с банкиром, который бесцеремонно покидает ее — так просто, каприз прошел, — артистка проводила очень интересно. Она не пыталась вызывать жалость к себе, она унижала этого буржуа, давала зрителю понять, как гнусен он, как бессердечны и недостойны люди, среди которых ей приходится жить. В этой сцене образ Каваллини в исполнении Андреевой напоминал Настасью Филипповну в момент объяснения ее с Тоцким. М. Ф. не жаловалась, не плакала, она скорее издевалась над своим собеседником, и, только оставаясь одна, Каваллини позволяла себе быть «слабой». Она смотрела вслед уходящему возлюбленному с невыразимой скорбью, и сколько обиды было в ее прекрасных глазах. В первый раз на протяжении всей этой тяжелой сцены в них блеснули слезы. Одна слеза скатилась по щеке, она смахнула ее и,

овладев собой, сразу улыбнулась, знакомясь с входящим в комнату молодым пастором, Андреева как-то особенно мило забавлялась его смущением, озорно смеясь над скромностью этого представителя церкви. Ведь она знает, что церковники считают актрис блудницами, вот откуда тот юмор и сарказм, которыми была насыщена первая встреча Риты — Андреевой с пастором. Но это только один план их большого диалога. Актриса великолепно передавала и другое чувство. Этот простой деревенский пастор, скромный и, как видно, неплохой человек, начинает нравиться Рите, и она не подозревает, что в ней зарождается чистое, хорошее чувство. Эта одна из трудных сцен спектакля была проведена с большим артистическим мастерством, очень тонко, с присущим Андреевой изяществом.

С большим мастерством была сыграна и сцена расставания с пастором. Рита глубоко полюбила впервые. В силу своей внутренней честности она понимает, что не может остаться с этим человеком. Зрителю раскрывалась душевная драма женщины, тончайшие оттенки ее чувств и порой трагические ее переживания.

Я перечитала сейчас пьесу «Роман» и удивилась. Произведение это весьма посредственное. И нужны были яркий талант, ум, большое сердце актрисы, чтобы создать образ Риты Каваллини таким волнующим, каким видели мы его в исполнении Андреевой.

Сильное впечатление произвела на меня М. Ф. в роли Веры Филипповны, жены старика-купца из Замоскворечья, в пьесе «Сердце не камень» Островского. Как далека эта роль от роли Риты в «Романе» Шельдона. В тихой, замкнутой русской красавице не было и следа от блестящей примадонны-итальянки. И здесь Мария Федоровна была совсем новая, совсем другая.

По внешнему облику казалось, что Вера Филипповна покорила своей тяжелой участи: печальные глаза, тихая, плавная походка и какая-то особенная манера робко держать голову. Такой иногда мы видим птицу в клетке, когда она грустно смотрит на все вокруг сквозь свою золотую решетку. Вера Филипповна как будто боится жизни, она словно не в силах бороться с тем, что ее окружает. Но это только кажется. В исполнении Марии Федоровны Андреевой чувствовалось, что это вовсе не женщина «не от мира сего». Ее Вера Филипповна была и мягкой, и решительной, верилось, что в ней есть силы и она вырвется в конце концов из «темного царства».

Очень ярко была передана сцена Веры Филипповны с бродягой-разбойником Иннокентием на паперти, у церкви. Вера Филипповна не испугалась угроз грабителя, скрывающегося под маской бедняка-богомольца. Ее спокойствие, необычайно мягкого тембра голос, чистый взгляд укротили этого «зверя». Актриса с такой непоколебимой убежденностью произносила слова о своей правоте, о том, что добро победит зло, так ясна была ее любовь к людям, что Иннокентий, только что собиравшийся задушить и ограбить эту женщину, растерялся и отступил от нее. Я видела многих актрис в этой роли, они играли главным образом испуг и возбуждали жалость в Иннокентии, да и в зрителе. Это были слабые, нежные, забитые создания. Мария Федоровна совсем иначе толковала эту сцену. Скорее чувствовалась жалость к бродяге. Она жалела

его как человека, притом человека сильного, молодого, опустившегося до такой степени. Очень убедительна была она, когда старалась растолковать Иннокентию, что только работа спасет его. Такое толкование роли Веры Филипповны, героини Островского, я видела в те годы в первый раз.

Особенно сильно был сыгран артисткой последний акт. Не скрывая правды, говорит она о своей будущей жизни. Когда старик замахивается палкой, грозит лишить ее богатого наследства, она не отступает, не пугается; прямая как стрела стоит перед ним и гордо заявляет, что миллионы ей не нужны, что она знает свою дорогу. Не забыть мне, каким светом горели глаза Марии Федоровны в этом монологе. Артисткой был талантливо вскрыт глубокий социальный смысл произведения Островского.

До самой революции судьба не столкнула меня с Марией Федоровной лично. Я уже служила не первый год в МХАТ, была там ведущей актрисой, когда во время одного из спектаклей ко мне в уборную вошла портниха и сказала, что меня хочет видеть Мария Федоровна Андреева. В этот вечер я играла Мирандолину в «Хозяйке гостиницы». Я была очень рада, взволнована, просила, чтобы ее проводили ко мне, и вышла в коридор ее встретить. Впервые я увидела Марию Федоровну в жизни, без грима, не на сцене. Годы мало изменили ее. Она была все такая же красивая и обаятельная, разве немного полнее, чем раньше. М. Ф. взглянула на мой грим и, зная, как трудно было тогда и с красками и с пудрой тельного цвета, спросила, есть ли у меня все это. Я поблагодарила, тронутая ее заботливостью, и сказала, что плохо с пудрой (мы тогда жарили муку и этим пудрились), и Мария Федоровна обещала мне завтра завезти или прислать нужную мне пудру. Среди всех своих дел она не забыла обещания и выполнила его. Такой внимательной и чуткой была М. Ф. всегда.

Мы говорили о спектакле, об игре моей и К. С. Станиславского. Чувствовалось, сколько в ней любви и уважения к Константину Сергеевичу и как она грустит, что не работает в этом театре. Андреева очень хвалила меня за исполнение Мирандолины, говорила, что за годы пребывания в Италии она изучила тамошний народ и что у меня хорошо и правдиво схвачены характерные черты Мирандолины — и внешне и голосово. Я, конечно, была горда и счастлива, услышав все это, и почувствовала перед собой чуткого, доброжелательного старшего товарища, каким потом и оказалась Мария «Федорочка», как называла я Марию Федоровну. Антракт был короткий, и мы должны были проститься, но договорились, что увидимся вскоре. Мы это и сделали.

Этой встречей начинается второй период моего знакомства и дружбы с Марией Федоровной, продолжавшийся много лет.

Вскоре у нее, комиссара театров и зрелищ Петрограда, зародилась мысль о создании нового театра, театра высокого репертуара, хорошего вкуса. Мы не раз говорили с ней об этом театре, о том, как сама она будет в нем играть и работать, какие силы она туда привлечет.

Ее очень беспокоила судьба артистов, поэтов и писателей Петрограда. Время было тяжелое. Она старалась им всячески помочь в бытовом плане, с

пайками, так как хорошо знала их непрактичность.

Потом мы не видались с Марией Федоровной долгий срок, пока не встретились в Берлине, где она работала в торгпредстве. Тут начался третий период моего знакомства с Марией Федоровной. Она бывала у нас очень часто, всегда сообщала нам о приезде тех или иных советских людей искусства, и с радостью мы их принимали у себя дома. Так, мы видели у себя на вечерней беседе наших писателей и артистов: Никитина, Федина, режиссера Пудовкина, сценариста Зархи, «тетю Катю» — Корчагину-Александровскую, Наталью Ивановну Тамару и многих других наших товарищей, а также познакомились с сотрудниками торгпредства, полпредства и с целым рядом партийных работников, которые получали командировки за границу. В Октябрьские годовщины мы всегда принимали участие в концертах, устраиваемых торгпредством и полпредством. Таким образом, благодаря Марии Федоровне мы не были оторваны от всего, что происходило в художественной и литературной жизни Советской страны.

Во время нашего пребывания с мужем за границей мы были и в Италии. Первое, что нас очень обрадовало, когда мы осматривали Капри, — это итальянцы и итальянки, которые, услышав, что мы говорим по-русски, уже на пристани обратились с вопросом: «Где русская мадонна? — так они называли Марию Федоровну. — Что она делает? Где живет?» Они ее не забыли и просили передать, если мы ее увидим, что любят по-прежнему. Чудесную память оставила о себе там наша русская женщина, Мария Федоровна Андреева.

Когда мы с Гайдаровым вернулись в Москву, мы вновь часто общались с Марией Федоровной. И это я считаю четвертым и последним периодом нашей дружбы.

М. Ф. познакомила нас с Охлопковым, новым крупным талантом, которого мы не знали раньше, и еще с целым рядом больших художников, с которыми мы раньше не были знакомы. Не раз мы выступали у нее в Доме ученых, не раз запросто обедали в ее комнате около кладовой в том же Доме ученых. Ей очень не хотелось, чтобы мы уезжали в Ленинград.

Большую, красивую жизнь прожила Мария Федоровна Андреева. Очень много хорошего и значительного сделала она. Я уверена, что никогда не забудется то доброе и ценное, что совершил этот большой человек, смелый духом, с хорошей душой и чистой, ясной совестью.

Евг. Кузнецов **КОМИССАР ТЕАТРОВ⁴⁶³**

С Марией Федоровной Андреевой довелось мне познакомиться при памятных обстоятельствах, связанных с празднованием первой годовщины Октябрьской революции в Петрограде.

Незадолго до того в Конногвардейском манеже, расположенном против Исаакиевского собора, стали устраиваться народные гулянья. По просьбе районного Совета шефство над ними взяла «Красная газета». Задача ее состояла в том, чтобы внести в репертуар народных зрелищ живую публицистическую

мысль и острое сатирическое слово.

Делом этим занялись молодые сотрудники редакции. Они предложили прибегнуть к инсценировке злободневных газетных материалов. Так было разработано праздничное представление «Красногазетный балаган». Оно состояло из инсценированных фельетонов, сатирических басен и райков, политических карикатур, шутливой «отдела жалоб», юмористической хроники.

— А с Андреевой этот план согласован? — спросил М. И. Лисовский, редактор «Красной газеты», являвшийся также комиссаром печати, агитации и пропаганды. — Нет? Без Андреевой решать вопрос не будем... Андреева — комиссар театров и зрелищ, член комиссии по организации Октябрьских празднеств... Свяжитесь с Андреевой...

Время было позднее, учреждения уже не работали. Но нетерпеливое желание поскорее добиться ее санкции взяло верх, и мы позвонили по телефону.

— По какому делу?.. В связи с празднествами?.. По этим вопросам товарищ Андреева принимает в отделе до десяти вечера...

Отдел театров и зрелищ, возглавленный М. Ф. Андреевой, находился на Литейном проспекте, куда мы и поехали на расхлябанном грузовичке, обслуживавшем сотрудников редакции.

В глубине обширного двора большого дома, в окружении пожелтевшей зелени, тянулся длинный двухэтажный особняк. Широкие зеркальные окна его сияли, за ними угадывалось большое оживление. Первое впечатление не оказалось обманчивым. В просторных, со вкусом обставленных комнатах Отдела театров и зрелищ было многолюдно. В них временно разместились театральная-зрелищная секция бюро Петроградского Совета по проведению Октябрьских празднеств. Раздавались билеты на праздничные спектакли, эскизы украшений и декоративных панно, ордера на материал для оформления зданий и даже миниатюрные разноцветные лампы для иллюминации, изъятые у какой-то национализированной торговой фирмы и в большом количестве сложенные в картонных коробках.

Мы разговаривали с секретаршей, когда в приемную легкой торопливой походкой вошла М. Ф. Андреева. Совсем недавно мы видели ее в роли леди Макбет — и тотчас же узнали. Как и на сцене, она была привлекательна, с первого взгляда располагала к себе. Чем-то незаурядным, чем-то внутренне значительным веяло от ее облика. Тонкая артистичность сказывалась в ее благородной осанке, в ее пластичной фигуре.

— Срочно напечатайте мандат, — мягким грудным голосом сказала Андреева, передавая секретарше бумагу, и, узнав, что мы из «Красной газеты», пригласила нас к себе.

Ее рабочий кабинет, надвое разделенный широкой полузатянутой парчовой портьерой, был заставлен макетами и эскизами праздничного оформления. Над большим письменным столом висела карта Петрограда, усеянная флажками и исчерченная разноцветными линиями. По комнате медленно расхаживал В. В. Андреев, популярнейший дирижер, создатель первого оркестра русских народных инструментов.

Извинившись перед ним, Андреева занялась нами. Увлеченные нашим начинанием, мы были весьма словоохотливы. Но она слушала нас со вниманием, изредка задавая шуточные вопросы. Разработанную нами программу она утвердила, похвалила нас за оперативность.

Между тем принесли мандат. М. Ф. Андреева подписала его, приложила к нему маленькую круглую печать, которую, как мы заметили, носила в медальоне на шнурке, опоясывавшем темное бархатное платье, и встала из-за стола.

— Ну вот, Василий Васильевич, теперь, кажется, все... Подарки фронтовикам, что удалось выделить из наших запасов, мы доставим вам к поезду... Ну, в добрый путь!.. Если бы вы знали, как все мы радуемся вашей поездке! Вы начинаете дело огромной важности... В добрый час!

Сердечно попрощавшись с В. В. Андреевым, проводив его, М. Ф. села рядом с нами и серьезным тоном сообщила:

— А ведь и у меня к вам есть дело...

— Какое же?..

— Хочу воспользоваться вашим посредничеством, чтобы пожаловаться вашему редактору как комиссару печати... И знаете на кого? На «Красную газету» и ее сотрудников... Послушайте, вы же по-прежнему очень плохо освещаете художественную жизнь города...

— В газете мало места...

— Для этого оно должно найтись! Газета обязана пропагандировать факты, свидетельствующие о тяге народа к искусству. Знаете, кого я принимала незадолго до вас? Делегатов-железнодорожников со станции Малая Вишера... Их послали достать пять лож на «Бориса Годунова» с Шаляпиным... Как же не писать об этом?.. Но вот уже месяц как я не вижу сотрудника вашей газеты, прикрепленного к Отделу театров и зрелищ...

— Он студент-медик... Мобилизован на борьбу с тифозной эпидемией...

— Отлично! Значит, должен быть выделен другой! И притом не равнодушный чиновник из РОСТА... Там окопались чуждые нашему делу люди из разгромленной буржуазной прессы. Они саботируют, — да, да, намеренно саботируют! Я просила их сообщить о поездке Великорусского оркестра на фронт⁴⁶⁴, но в газетах нет ни строчки! А работники советской печати — вот вы, например, — сами обязаны следить за такими событиями... Ну, советские журналисты, оцените такой факт. В наши дни, когда художественная интеллигенция продолжает отсиживаться, выдающийся музыкальный деятель В. В. Андреев вызвался выехать со своим оркестром на Северный фронт к бойцам, сражающимся с английскими и американскими интервентами... Шестьдесят оркестрантов дадут к праздникам фронтовикам русскую народную музыку в первоклассном исполнении... Сообщите об этом в завтрашней газете, обласкайте ансамбль Андреева в день отъезда...

— Обязательно...

— А редактору передайте мою жалобу... Впрочем, я лучше изложу ее...

И Андреева торопливо набросала письмо, которое я вызвался передать как старший в группе (хотя мне шел всего девятнадцатый год). Мы уезжали с

чувством глубокого уважения к М. Ф. Андреевой. Подкупало ее обаяние и искреннее служение делу, которым она была так увлечена.

Ее письмо имело неожиданное последствие: редакция «Красной газеты» поручила мне наладить информацию о художественной жизни города...

Работать в контакте с М. Ф. Андреевой журналисту было и легко и очень поучительно. Она обладала отличным газетным чутьем, живой публицистической жилкой. Она четко вскрывала, политически остро истолковывала достойные общественного внимания события сложной в те годы художественной жизни, умела разглядеть и бережно лелеять ростки нового. В конечном счете к тому сводились ее основные заботы, такой она прежде всего запомнилась в своей театральной деятельности первых лет революции.

С помощью М. Ф. Андреевой, нередко по ее подсказке, нам удалось наладить более или менее широкую информацию о художественной жизни Петрограда в «Красной газете» и в бюллетенях РОСТА. Она стала появляться и на страницах «Жизни искусства», ежедневной вечерней газеты, официального издания Отдела театров и зрелищ.

Первое время «Жизнь искусства» велась до крайности пестро. Чтобы поддержать ее, А. М. Горький стал печатать в ней отрывки из своих в то время еще не опубликованных воспоминаний о Льве Толстом. Но на соседних страницах появлялись рецензии, написанные бывшими сотрудниками кадетской «Речи», архивные изыскания об архитектуре античных театров, формалистические исследования о технике итальянской комедии дель арте. Редакция явно была мимо цели. Газета не оправдывала своего назначения. Она не становилась пропагандистом и популяризатором вопросов революционного художественного строительства, хотя на ее страницах с несколькими программными статьями выступил А. В. Луначарский.

М. Ф. Андреева включилась в работу редакции, потребовала, чтобы «Жизнь искусства» стала ближе к практике, к насущным делам и интересам, чтобы она широко освещала положительные явления нового. Она возглавила редакционную коллегия⁴⁶⁵ и некоторое время руководила ее работой. Она начала печататься в газете, большей частью без подписи. Ею написаны несколько передовых статей и ряд полемических заметок о ликвидации театра Музыкальной драмы, о театральных постановках Пролеткульта, о деятельности «левого блока» художников-футуристов, разного рода «комфутов» (коммунистов-футуристов). На просмотр М. Ф. Андреевой мною, как одним из членов редколлегии, передавались принципиально важные материалы, и если она корректировала их, то всегда с целью подчеркнуть их политическую направленность.

М. Ф. Андреева явилась первым советским руководителем театров и зрелищ революционного Петрограда, их комиссаром, будучи выдвинута на этот пост в своеобразных обстоятельствах первых месяцев революции.

Еще в августе 1917 года М. Ф. Андреева стала участвовать в работе Петроградской городской думы. В ведение последней перешли все театры царского Попечительства о народной трезвости. Ведущую роль среди них играл Народный дом на Петербургской стороне. Это был своего рода театрально-

зрелищный комбинат, состоявший из оперного и драматического театра, зимней эстрадной площадки и летнего сада с вместительным театром, открытой сценой, концертной эстрадой, «американскими горами», многочисленными аттракционами. Вокруг Народного дома группировался ряд районных театров бывшего попечительства — Василеостровский театр и сад, Стекланный театр, театр на Пороховых и другие.

Городская дума, в которой уже в то время была сильная большевистская фракция, доверила это большое театральное хозяйство М. Ф. Андреевой. Ее усилиями репертуар был улучшен, общий облик летних зрелищ значительно облагорожен. В связи с передачей других театральных зданий в ведение городской думы при ней образовался подотдел театров и зрелищ, возглавленный М. Ф. Андреевой. В результате ко времени создания общегосударственного Народного комиссариата по просвещению в Петрограде весьма активно действовала возникшая в обстановке революции общегородская организация по руководству группой местных театров. Обстоятельства требовали именно такой практической организации для связи между революционной властью и театрами. М. Ф. Андреева стала комиссаром театров и зрелищ осенью 1918 года. В поле ее деятельности вошло большинство театров города, многие театры области.

Отдел театров и зрелищ разместился в особняке бежавшего за границу нефтепромышленника Гукасова. Обстановка особняка отличалась роскошью, и он долго сохранял облик богатого семейного обжитого дома. Но теперь он был заселен совершенно различными «жильцами», подчас случайно встретившимися на совместной работе. Задачи ее они понимали по-своему, по-разному.

Мария Федоровна не щадила сил, чтобы создать деловой организационно-административный советский аппарат, который сумел бы реально, с минимальными промахами решать практические задачи. Она не гнушалась второстепенных на первый взгляд производственных вопросов. Она много и охотно занималась постановочной работой театров, крайне осложненной условиями времени. Она немало потрудились над созданием централизованных костюмерных и декорационных мастерских, лаборатории грима, в котором ощущался острый недостаток, разного рода подсобных производственных цехов. У нее был вкус к организационной работе, и она вела ее планомерно, широко, умея ценить и увлекать своих сотрудников, радоваться общему успеху.

М. Ф. Андреева не раз подчеркивала, что она не претендует ни на положение теоретика «грядущего театра», ни на авторитет умудренного опытом театрального администратора, что по профессии она — актриса, в силу давней принадлежности к партии выдвинутая партией на руководящую работу, которой она учится в процессе практики.

Но ее никак нельзя было обвинить в узком практицизме. В своей разносторонней деятельности она твердо придерживалась ряда незыблемых принципов, носивших отчетливый партийный характер.

Главный из них — полное подчинение интересам народа; «... путь, по которому мы идем, — приобщение широких масс к искусству и популяризация

художественных знаний, — писала М. Ф. Андреева в статье “Наши задачи”. — По естественным причинам старого строя человек массы был лишен возможности бывать в театре... И вот теперь мы должны этого массового зрителя приобщать к искусству, приобщать к театру, с которым он совершенно незнаком. Мы должны дать ему образцовый театр, насколько позволяет это сегодняшний день»¹.

Очень заинтересованно относясь к этой задаче, М. Ф. Андреева придавала серьезное значение вступительным словам перед началом спектакля. Более того: в Петрограде она явилась инициатором данного новшества, столь своевременного при обращении театров к новому зрителю.

Среди петроградских театров ранее других стал предпосылать вступительное слово к своим постановкам Народный дом. Здесь еще в первые месяцы революции образовалась группа лекторов, выступавших перед спектаклями. Много внимания уделяла им М. Ф. Андреева. Она добивалась, чтобы введение к спектаклю было живым, образным, чтобы оно заинтересовывало зрителя, незаметно для него расширяло бы его познания. А. В. Луначарский поддержал это нововведение и сам едва ли не первым выступил с вступительным словом к спектаклям в том же Народном доме: в драматическом театре — на первых представлениях пьесы А. М. Горького «Зыковы», и в оперном театре — перед «Золотым петушком» Н. А. Римского-Корсакова. В Большом драматическом театре со вступительным словом перед спектаклями начал выступать А. А. Блок, и, если М. Ф. Андреева находилась в театре, она спешила пройти в партер, чтобы, сидя среди зрителей, послушать его выступление. Оно не всегда ее удовлетворяло, нередко казалось недостаточно четким, но она радовалась тому, что посредником между сценой и новым, неискушенным зрителем выступает большой поэт, крупный деятель русской культуры.

На путях популяризации лучших образцов искусства среди широких масс М. Ф. Андреева видела двух основных противников. Во-первых — вульгаризаторов и приспособленцев, примазавшихся к революции, вольно или невольно искажавших задачи советского театра. И во-вторых — различной масти нигилистов, ниспровергателей старой культуры, требовавших ее разрушения, разного толка «леваков», от пролеткультистов до «комфUTOв». И с теми и с другими М. Ф. Андреева держалась воинственно.

Несмотря на трудности быта, в первые же годы революции стало мощно развиваться самодеятельное художественное творчество. Тогдашние его теоретики противопоставляли рабочую самодеятельность профессиональному театру. Последний они считали буржуазным, прогнившим и ограждали рабочие самодеятельные кружки от влияния ведущих мастеров сцены. Связь художественной самодеятельности с профессиональным театром и его мастерами считалась ими политически одиозной.

— В этом основная ваша ошибка, — утверждала М. Ф. Андреева на созванном ею совещании руководителей самодеятельных драмкружков. — Вы

¹ «Жизнь искусства», 6 – 7 марта 1920 г.

запутались в ваших теориях «самостийной», якобы независимой от творческих завоеваний прошлого, рабочей художественной самодеятельности. Вы отрицаете профессиональную драматургию, но какой же театр может без нее существовать? Как черт ладана, вы боитесь режиссеров и актеров профессиональной сцены, не пускаете их в любительскую самодеятельность... Но не потому ли, что они окажутся сильнее, опытнее вас в качестве руководителей?..

В Петроградском политпросвете подчеркнуто отрицательно отнеслись к точке зрения М. Ф. Андреевой, осудили ее как якобы «аполитичную», потребовали, чтобы самодеятельные драмкружки и студии были освобождены от контроля Отдела театров и зрелищ — и добились такого решения. Но жизнь показала, на чьей стороне была правда.

В те же годы в Петрограде сказывалось засилье деятелей «левого блока» — различных мастей футуристов.

В дни первой годовщины Октября, пользуясь разногласиями в бюро по организации празднеств, они сумели развесить свои полотнища на некоторых площадях города. В Петроградском Совете, в редакциях газет было получено много писем от рабочих, от красногвардейцев, возмущавшихся футуристическими панно и плакатами. Многие видели в них издевку над лозунгами революции.

Выдержки из этих писем были прочтены М. Ф. Андреевой на многолюдном митинге трудовой интеллигенции в Таврическом дворце. Но руководящая роль в Отделе изобразительных искусств, как и в некоторых других художественных отделах Наркомпроса, была в руках деятелей или сторонников «левого блока». Поддержанные ими, художники-футуристы поспешили пожаловаться председателю Петроградского Совета на «административный зажим» их права на «свободный творческий труд».

Жалоба была встречена сочувственно. Позиция М. Ф. Андреевой оказалась поколебленной. Но она не упустила возможности снова выступить по тому же вопросу. Она воспользовалась поездкой петроградских художников-футуристов в Москву для украшения столицы по случаю первой годовщины Красной Армии и приуроченного к ней «Дня красного подарка фронту», чтобы добить своих противников.

«Отечественные комфуты, возомнившие себя чуть ли не официальными идеологами пролетариата (в своих изданиях они занимаются такими непристойностями, как сочетание имен Маринетти и... Карла Маркса), отправились на завоевание Москвы, — писала М. Ф. Андреева в злой заметке “Неудачный дебют”. — В “День красного подарка” столица изукрасилась такими сногшибательными плакатами, что Театральный отдел Наркомпроса резким письмом в редакцию “Известий” отмежевался от всякой прикосновенности к этому “творчеству”. Возмущение работой “комфутов” было настолько велико, что вызвало даже постановку “плакатного вопроса” на заседании Московского Совета».

Приведя решение Моссовета, безоговорочно осудившего «художественное оформление» улиц столицы, выполненное «комфутами», М. Ф. Андреева

продолжала:

«Совершенно неосновательна претензия футуристов быть глашатаями революции. Ведь революция наша не есть явление, не помнящее родства. Ведь движущие силы революции накапливались исподволь, в глубинах того самого быта, от которого с презрением отворачивались футуристы. Вполне допускаю, что футуристы преисполнились восторга от революции. Но что из этого? Дать произведение искусства, соответствующее требованиям революции, дать революционное произведение может лишь тот, кто эту революцию в состоянии художественно осмыслить. Для этого необходимейшим условием является тесная связь с доподлинным бытом и психикой народа».

Развивая данное положение как основу реалистического искусства, М. Ф. Андреева подчеркивала, что оно противостоит теории и практике футуристов. Свою полемическую заметку она заканчивала словами, вполне понятными после ее столкновения с футуристами в Петроградском Совете: «Кому же теперь будут жаловаться ретивые “левые” на “неблагонадежность” Московского Совета?»¹

Тогда же, по случаю первой годовщины Красной Армии, М. Ф. Андреева созвала у себя деловое совещание по вопросам ее художественного обслуживания. Ставилась задача широко и планомерно устраивать спектакли и концерты для воинских частей в Петрограде, на фронтах, в госпиталях и лазаретах. По предложению М. Ф. Андреевой был образован Военно-театральный комитет как межуведомственный объединяющий центр по проведению такой работы различными учреждениями и организациями (в том числе и профсоюзными).

Получилось так, что Военно-театральный комитет, игравший все более видную роль, действовал под крышей Отдела театров и зрелищ как его орган, если только не непосредственно при комиссаре отдела. Разумеется, это было неверно. Задачи и функции комитета далеко выходили за такие рамки. Но совершенно ошибочно было усматривать в инициативе М. Ф. Андреевой какой-то особый расчет, затаенный умысел, стремление подчеркнуть руководящее положение «своей» организации, а тем более выдвинуть, выпятить свою личную роль в общем деле обслуживания Красной Армии. Между тем именно такого рода обвинения посыпались в адрес М. Ф. Андреевой со стороны руководителей различных организаций, объединенных в Военно-театральном комитете.

В действительности история его возникновения — характернейший эпизод в повседневной работе М. Ф. Андреевой. Она умела своевременно выдвигать новые задачи, продиктованные сложившейся новой обстановкой, и если ошибалась, как в данном случае, то в организационном оформлении своих предложений, а не в самой постановке вопроса. И при ее же содействии Военно-театральный комитет вскоре был перестроен в качестве организации Политического управления Петроградского военного округа, в ведении которого и должен был находиться, поскольку он объединял и направлял всю

¹ «Жизнь искусства», 8 марта 1919 г.

работу по художественному обслуживанию армии и флота.

Одна из типичных особенностей практической деятельности М. Ф. Андреевой — ее стремление к просветительству. Она настойчиво искала пути к расширению познавательной, просветительной, агитационной роли театра. Ей очень нравилась мысль о создании крупных инсценировок, посвященных этапным моментам русской истории, русской культуры. Ей не терпелось попытаться использовать с такой целью все многообразие выразительных возможностей яркого, масштабного, содержательного в идейном отношении зрелища.

Очень сочувственно отнесся к этим мыслям А. М. Горький. И на одном из заседаний Художественного совета Отдела театров и зрелищ, членом которого он состоял, Алексей Максимович зачитал разработанный им план создания таких инсценировок⁴⁶⁶, посвященных отдельным темам из истории русской и мировой культуры. План был обширен, инсценировки намечалось осуществлять под открытым небом, в больших масштабах. Предполагалось, что некоторые из них будут разрабатываться в форме киносценария, сниматься для экрана.

В связи с трудностями переживаемого времени планы эти в таком виде не были осуществлены. Они остались памятным документом стремления их инициаторов использовать разнообразные возможности театрального зрелища для пропаганды знаний в широких массах, впервые приобщавшихся к культуре. Но косвенно они сказались на очень интересном и забытом начинании — на создании громадного амфитеатра на Каменном острове, рассчитанного на десять тысяч зрителей.

Весной 1920 года Петроградский Совет принял решение открыть первые дома отдыха для рабочих, для трудовой интеллигенции. Под дома отдыха были выделены все дачи, виллы, коттеджи, расположенные на Каменном острове. К многочисленным совместительствам М. Ф. Андреевой добавилось еще одно: она стала членом комиссии по организации этого нового дела.

Один из домов — дом отдыха № 1 — был выделен для художественной интеллигенции. Формально, как и другие, он принадлежал Совету профессиональных союзов, но принимали в нем без путевок, по записке М. Ф. Андреевой. Здесь часто бывал Ф. И. Шаляпин, живший неподалеку, а в вечерние часы нередко заезжал А. М. Горький, остававшийся к ужину.

В один из воскресных майских вечеров, когда за скромным ужином, поданным на большой веранде, было особенно многолюдно, М. Ф. Андреева, только что возвратившаяся с прогулки по острову, сообщила, что она обнаружила великолепное по природным условиям место для строительства театра под открытым небом. Ей так удалось заинтересовать своим рассказом, что все выразили желание отправиться туда после ужина. Стояли белые ночи, к вечеру снова запахло гарью: в то лето долго горели окрестные леса и торфоразработки, подожженные вражеской, вредительской рукой. Сизая пелена стлалась над рукавами Невы, над островами.

Место, облюбованное М. Ф. Андреевой, действительно оказалось как нельзя более подходящим. В центре большой зеленой лужайки, обрамленной столетними дубами и липами, был разбит искусственный водоем, небольшой

пруд, в середине которого возвышался круглый лесистый островок. На нем могла быть устроена сцена, а на лужайке — амфитеатр для зрителей. Мысль М. Ф. Андреевой увлекла архитектора И. А. Фомина, находившегося среди присутствующих, и он здесь же набросал очертания, первые контуры будущего театра под открытым небом.

С громадной энергией М. Ф. Андреева принялась за его строительство. Он был воздвигнут с поистине сказочной быстротой⁴⁶⁷, чуть ли не в три недели. И в конце июня, при громадном стечении народа, переполнившего красивый высокий полукруглый амфитеатр, на островке, превращенном в открытую сцену, и на прилегающем пруду было сыграно первое представление, посвященное животрепещущим событиям — войне Советской России с белопанской Польшей. Большой праздничный апофеоз, развернутый на суше и на воде, завершил зрелище.

Это послужило толчком к осуществлению грандиозной массовой постановки у здания Фондовой биржи — постановки, приуроченной к созыву второго конгресса Коминтерна.

Вспоминаются споры, которые велись в кабинете М. Ф. Андреевой в связи с вопросом о том, как ознаменовать это событие. М. Ф. Андреева доказывала, что ни один из театров не готов к необходимому в данном случае отклику, что следует выйти за стены театра, дать представление массовое, народное, и притом, как она выражалась, — манифестарное.

— Постановка должна ясно раскрывать идею исторически сложившейся международной солидарности партий рабочего-класса в их борьбе с капиталом, — подчеркивала М. Ф. Андреева. — Это вариант намеченных Алексеем Максимовичем инсценировок из истории культуры, только более заостренный в политическом отношении. Сценарий должен начинаться Коммунистическим манифестом, эпизодами борьбы парижских коммунаров и заканчиваться сегодняшним днем, непосредственно откликаясь на съезд делегатов братских рабочих партий, которых мы будем принимать в нашем городе...

М. Ф. Андреева говорила языком политического деятеля, языком партийного публициста, еще редко звучавшим в то время в профессиональной художественной среде. Более всего она была обеспокоена тем, чтобы сценарий ясно и четко раскрывал политическое содержание зрелища. Она долго колебалась в выборе режиссера постановки и наконец остановилась на К. А. Марджанове.

— Бунтарь... Более других чувствует пафос революционной борьбы...

— Но очень уж неорганизован, Мария Федоровна. Вспомните, ни одну премьеру не показывает в срок.

— Ничего... Я стану его помощником...

И она стала советчиком и помощником К. А. Марджанова, хотя официально являлась руководителем постановки. Ее организаторский талант, умение заинтересовать и сплотить большое количество сотрудников, направить их усилия к единой цели отлично выявились в работе над постановкой, посвященной конгрессу Коминтерна. Инсценировка «К мировой Коммуне»

несомненно относилась к числу наиболее удавшихся, политически целеустремленных массовых постановок, показанных в те годы в Петрограде.

Руководя театрами, деятельно работая над сплочением молодых творческих коллективов — и прежде всего труппы Большого драматического театра, — М. Ф. Андреева в то же время уделяла много внимания эстраде, или, как тогда говорили, художественному дивертисменту. И здесь она стремилась расширить познавательное, культурно-просветительное значение репертуара. В этом своем стремлении она была настойчива, а порою бывала прямолинейна. Пошлость эстрадных программ ее возмущала, она реагировала на нее чуть ли не как на личное оскорбление.

Как-то, прослушав в дивертисменте эстрадного артиста И. С. Гурко, человека бесспорно даровитого, она «разнесла» его за низкопробность репертуара. Растерявшийся исполнитель отговаривался отсутствием нового.

— Возьмите сегодняшнюю «Правду», там напечатан превосходный фельетон, и читайте его с эстрады, — возразила М. Ф. Андреева, — вот вам и новый, политически острый репертуар...

По вечерам ее чаще всего можно было застать в Большом драматическом театре, работой которого она фактически руководила. Она не только была его организатором, но, можно сказать, являлась душой театра в пору его юности. Ее роль в этом отношении осталась неоцененной, несправедливо приписанной ряду других сотрудников театра, работавших под ее началом.

Удивляло и подкупало в М. Ф. Андреевой ее умение быть всегда подтянутой, собранной, владеть собой. Если ей это было нужно, она умела преодолевать даже сильное физическое недомогание. Помнится, ранней весной 1919 года, в день, когда Мариинский театр отмечал двадцатилетний юбилей Ф. И. Шаляпина и М. Ф. Андреева должна была его приветствовать, она серьезно расхворалась. У нее разыгралась мучительная мигрень, и она рано уехала домой, рассчитывая отдохнуть до начала спектакля. Однако недомогание резко усилилось, появился жар. А. М. Горький уговаривал ее не выезжать в театр, поручить кому-либо зачитать приветствие, но М. Ф. Андреева была непреклонна. Мы помогли ей спуститься, усадили в машину и были уверены, что она будет вынуждена вернуться. В ложе она села в уголок рядом с А. М. Горьким и так и не встала до конца спектакля. Но лишь только он закончился и началось чествование Ф. И. Шаляпина, как она совершенно преображенной вышла на сцену и, держа в руках адрес, произнесла великолепную по своей взволнованности речь. Наутро врач определил тяжелую форму гриппа.

Своего рода загадкой для всех нас, ближайших сотрудников М. Ф. Андреевой, оставался вопрос об ее отношении к своим сценическим выступлениям. По своему призванию она была актрисой, и притом несомненно крупной актрисой, но, имея возможность играть в любом театре, не пользовалась ею. Почему?..

Она отлично сыграла леди Макбет в спектакле Театра трагедии Ю. М. Юрьева, но, когда «Макбет» был включен в репертуар Большого драматического театра, отдала вскоре эту роль дублерше (Е. М. Колосовой). Она

собиралась играть королеву в «Дон Карлосе», но уступила роль другой актрисе. Она сыграла Дездемону в «Отелло», но по ее желанию на премьере ее заменила молодая дебютантка Е. М. Вольф-Израэль. Она очень умно сыграла центральную женскую роль в пьесе Марии Левберг «Дантон», но играла в очередь с Е. И. Тиме и К. А. Аленьевой, выступив в этой пьесе всего три-четыре раза. Почему?..

Как-то я застал у М. Ф. Андреевой режиссера Н. Н. Арбатова, возобновлявшего в Народном доме «Зыковых».

— Вот добиваюсь от Марии Федоровны, чтобы она сыграла Софью Зыкову... Ее роль: очень властный характер...

М. Ф. Андреева отказалась играть. Отказывалась она и от предложений С. Н. Надеждина, художественного руководителя Театра комедии, добивавшегося, чтобы М. Ф. Андреева выступила в одном спектакле с Е. М. Грановской. Отказалась она и от предложения сниматься в кино в какой-то комедийной картине. Почему же?..

Единственная роль, которую она некоторое время играла сравнительно часто, и всегда в благотворительных спектаклях, была роль Каваллини в «Романе» Шельдона, очень популярной пьесе дореволюционного репертуара. Играла она ее с блеском, но, как сама признавала, без внутреннего творческого удовлетворения.

— Вчерашний день... — сказала М. Ф. Андреева после одного из последних спектаклей. — Как-то неловко чувствую себя в этой роли в наши дни... Такой разительный контраст между тем, что я делаю в жизни, и тем, кого играю на сцене... Ну чем я там занята? Маленькими переживаниями маленькой себялюбивой женщины...

Чувство неудовлетворенности своими сценическими выступлениями не покидало ее. Этим, нам кажется, и объясняется ее добровольный отход в годы гражданской войны от профессии актрисы. Она предпочла ей активное участие в революционном жизнестроительстве, деятельное участие в созидательной работе первых месяцев и первых лет Октября, в незабываемую пору юности революции.

Н. И. Комаровская **ГОДЫ ДРУЖБЫ⁴⁶⁸**

Среди женских образов замечательных представительниц театральной культуры оживает в моей памяти образ Марии Федоровны Андреевой, актрисы Московского Художественного театра.

Осенью 1902 года я была принята в школу МХТ и впервые в числе других учеников вызвана на репетицию трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Молодых дебютантов представлял труппе Вл. И. Немирович-Данченко. Нас окружили актеры, все больше молодые, забрасывали вопросами: откуда приехали, нравится ли Москва, что видели в театрах?

Ко мне подошла молодая красивая актриса.

— Я слышала, как вы читали на экзамене, — сказала она, — мне очень

понравилось.

Я подняла глаза на собеседницу и вдруг узнала в ней Ирину, Ирину из «Трех сестер», мою любимую чеховскую героиню. Ведь каждая из нас, девушек, приезжавших в Москву учиться, переживала мучительные порывы вырваться из убогого провинциального быта... Я не могла удержаться от радостного восклицания:

— Значит, вы — Андреева! Я видела вас в «Трех сестрах», вы замечательно играли!

Мое восторженное восклицание вызвало у Марии Федоровны улыбку.

— Спасибо, — сказала она, смотря мне прямо в глаза. (Позднее я обратила внимание на эту манеру Марии Федоровны — смотреть собеседнику в глаза, точно проникая в глубь его мыслей. Глаза у Марии Федоровны удивительные: большие, темные и печальные. Невольно подумалось: как у итальянской мадонны.) — Давайте сядем, — предложила Мария Федоровна.

Мы отошли в сторону и присели на скамейке у стены. М. Ф. стала рассказывать мне, что в Камергерском переулке строится прекрасный театр, что пока он не готов и потому приходится репетировать в этом помещении.

— Далеко от центра, — прибавляет она, — вам будет трудно добираться. Денег у вас, наверно, ни у кого нет? — Я молчу. Конечно, с деньгами у всех неважно. Мария Федоровна с ласковым участием говорит: — Если нужна будет помощь, скажете мне, я постараюсь найти вам уроки... А вот и Тузенбах, — внезапно прерывает она разговор.

С недоумением смотрю я на высокого красивого актера, приближающегося к нам. Неужели это Тузенбах? У того не было вьющихся волос, ослепительной улыбки. И только когда он произносит несколько слов приветствия, я узнаю незабываемый по красоте, удивительный качаловский голос.

— Я за вами, Мария Федоровна, — говорит он, — мы с Ниной довезем вас. — Он знакомит меня с подошедшей к нам молодой женщиной: — Вот жена моя только два года как окончила драматическое училище. Мы еще сами учимся, — смеясь, добавляет он.

Мария Федоровна, прощаясь, целует меня. Я долго сижу на скамейке. Не могу прийти в себя. Все еще вижу добрую улыбку, гладко зачесанные волосы Марии Федоровны, ее скромную белую блузку, слышу ее мягкий певучий голос.

Так вот они какие, настоящие артисты!

При поступлении в школу Московского Художественного театра я умолчала о том, что учусь на Высших женских курсах; боялась, что меня могут из-за этого не принять. С началом занятий в школе я попала в затруднительное положение. Как быть? С кем посоветоваться? Я решила открыться Марии Федоровне. С ее помощью сложный вопрос был улажен, и я смогла совмещать занятия на курсах и в школе МХТ.

При встречах Мария Федоровна неизменно спрашивала:

— Ну, как у вас на курсах? Что нового?

Я охотно рассказывала ей о всех новостях студенческой жизни. Это был 1903 год, к нам на курсы все чаще доходили вести о событиях революционной борьбы, появлялись прокламации, призывавшие студентов к солидарности с

рабочими. Развивающиеся события коснулись вскоре и меня непосредственно., За участие в студенческих «беспорядках» (так назывались студенческие демонстрации) был арестован и выслан мой брат. Я не могла скрыть от Марии Федоровны охватившей меня растерянности. Она приняла участие в судьбе брата и всячески старалась поддержать меня. Не забыла М. Ф. и нашего разговора в день знакомства. Она подыскивала семью, в которой я стала давать уроки. Много заботы проявляла М. Ф. о курсистках, находящихся в бедственном положении.

В те годы М. Ф. была замужем за крупным чиновником, жила в большой богатой квартире. От парадных комнат этой квартиры веяло холодом. И каким контрастом являлся небольшой кабинет Марии Федоровны с письменным столом, заваленным книгами, и множеством книг и на полках и в шкафах.

— Моя библиотека в твоём распоряжении, — сказала мне как-то М. Ф. Можно себе представить, какая это неоценимая помощь для нуждающейся курсистки, какое это огромное подспорье, когда у тебя всегда под рукой нужная книга.

У Марии Федоровны я часто заставляла ее близких друзей. Как-то при мне возник разговор о помощи семьям рабочих, арестованных во время «беспорядков». Обычной формой сбора средств на такого рода цели бывали пышные балы, устраиваемые в зале Благородного собрания «с благотворительной целью». В киосках шла продажа цветов, шампанского, котильонных значков. На этих балах богатые люди бросали шутя по сто рублей за цветок, полученный из рук известной актрисы. Я с радостью помогала Марии Федоровне — организатору таких вечеров — и гордилась тем, что возле нашего киоска всегда толпились почитатели ее красоты и таланта. Билеты распространялись «по рукам». Слушательницы Высших женских курсов, зная, на что идут собранные деньги, оказывали большое содействие в распродаже билетов.

В таких концертах участвовали крупнейшие мастера русской сцены: Ермолова, Собинов (кумир тогдашней Москвы), Гельцер, Шаляпин и Качалов. Мария Федоровна сама ездила приглашать артистов и часто брала меня с собой.

Я гордилась дружбой с Марией Федоровной и видела, каким уважением она пользовалась, как часто повторялось ее имя среди учащейся молодежи. Не было случая, чтобы Мария Федоровна отказалась от участия в наших студенческих концертах. Нередко после концертов она оставалась, мы увлекали ее в наш молодой восторженный вихрь, кружили в бесконечном вальсе и поздно вечером всей гурьбой провожали ее, веселую, раскрасневшуюся и, казалось, такую же юную, как мы. А то, уйдя от шумного веселья, мы усаживались с Марией Федоровной в пустой аудитории, и там начинался увлекательный разговор. Мы засыпали М. Ф. вопросами о нашем любимом театре, о МХТ. Она охотно отвечала нам. Нередко беседа неизбежно переходила к темам дня, к тревожной политической обстановке в стране. Аресты, обыски стали обычным явлением среди учащейся молодежи. Мария Федоровна никогда не углубляла этих волнующих нас тем и как-то сказала мне:

— Я не поддерживаю таких разговоров, это слишком серьезные вопросы,

чтобы говорить о них походя.

Мария Федоровна была очень требовательна к себе как актрисе, а порой даже сурова. Иногда она говорила, что не нашла себя на сцене. Полагаю, что она не находила удовлетворения во многих ролях, какие приходилось играть. Но мы были свидетелями того, как вызывала она проникновенной игрой сочувствие к судьбе своих героинь. Ее дарование наиболее ярко проявлялось в тех женских образах, в которых был протест против несовершенства окружающей жизни, убивающей в человеке самое ценное и дорогое. Такова была ее Ирина в «Трех сестрах». Трепетная, вся в порыве уйти от засасывающей ее провинциальной среды, тоскующая по настоящему делу, Ирина — Андреева была близка и понятна молодежи. В ней точно воплощались наши юношеские мечты перестроить мир, чтобы каждый нашел в нем свою долю счастья, свое право радостно трудиться. Вдохновеньем озарялось лицо М. Ф. во время известного монолога о смысле жизни. С какой убежденностью, с какой верой произносила его Мария Федоровна! Казалось несомненным, что слова Ирины являются отражением подлинных мыслей актрисы. Голос у М. Ф. был не сильный, но довольно большого диапазона. В таких ролях, как Ирина в «Трех сестрах», Кете в «Одиноких», Наташа в «На дне», мягкий певучий тембр ее голоса, своеобразие интонаций, всегда оправданных сменой переживаний, захватывали слушателя и подчиняли обаянию актрисы. Она хорошо пела. Ее дуэт «Ночи безумные» с Родэ — Москвиным в «Трех сестрах» вызывал в зале шумное одобрение и восхищение.

Как настоящий художник, Мария Федоровна всегда умела изменить свою внешность таким образом, чтобы она отвечала трактовке воплощаемого ею образа. В роли Наташи («На дне» М. Горького) весь ее облик, ее черты неузнаваемо менялись. Худенькая, скромная, забитая, с нежным голоском, она неслышно двигалась среди зловещих фигур обитателей «дна». Глубокая человечность слышалась в ее первых словах, обращенных к Клещу: «Жена твоя в кухне у нас... Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...» Слезы катились у нее по щекам, когда она, глядя на мертвую Анну, произносила: «Вот и я... когда-нибудь так же... в подвале... забитая...» Становилось ясно, какой мучительной жизнью живет эта девушка, попавшая в тенета костылевского страшного мира. Чистая, нетронутая душа Наташи тянется к каждому проблеску света, озаряющему на миг мрак «дна». С надеждой и ожиданием смотрят ее широко раскрытые глаза на Луку, когда он тешит обитателей ночлежки несбыточными мечтами о «праведной земле». Той же тайной надеждой светятся ее глаза, когда Васька Пепел зовет ее к новой жизни. И тем страшнее и безнадежнее звучали слова Наташи — Андреевой: «А-а... я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он... они заодно! Они все это подстроили!» И уже в полном исступлении произносила: «Она — его любовница... вы — знаете... это — все знают... они — заодно! Она... это она его подговорила мужа убить... муж им мешал... и я — мешала...»

Я исполняла в третьем акте роль уличной девушки, случайной свидетельницы разразившейся в ночлежке драмы. К. С. Станиславским была

мне дана задача найти правильное сценическое самочувствие. В последних словах Наташи — Андреевой звучало столько безнадежного отчаяния, такой болью было искажено ее лицо, что мне ничего не надо было придумывать: потрясенная глубиной и силой ее переживаний, я со слезами, с воплем сочувствия бросалась к ней. В этом небольшом сценическом опыте подтвердились слова Константина Сергеевича о том, что найденная правда жизни образа не может не воздействовать на партнера.

За три года, которые я провела в стенах Московского Художественного театра, я очень привязалась к Марии Федоровне. Тем заметнее ощущала я все возрастающий в ней отход от бытовых театральных забот и интересов. Она по-прежнему глубоко и серьезно относилась к своей сценической работе, но вне сцены стала держаться замкнуто и молчаливо. Свойственная ей ранее легкость в обращении с людьми, веселость исчезли. Чувствовалось, что в ее жизнь входили другие, более значительные для нее чувства и мысли...

Вскоре было объявлено, что М. Ф. уходит в годичный отпуск, — этому не верили. Какая-то отчужденность чувствовалась в отношении к ней. Ее уход из театра, как-то не очень убедительно аргументированный тогда официально, так и оставшийся непонятным для всей труппы, был расценен как измена театру.

Мучительным для М. Ф. было последнее, перед уходом из МХТ, выступление в спектакле «Одинокое». Много писали и говорили об интересном и весьма своеобразном решении Марией Федоровной образа Кете. Актриса стремилась передать в нем черты женщины, лишенной права и возможности встать в один ряд с мужчиной. В исполнении Андреевой роль неожиданно получала трагическое звучание. А в этот прощальный вечер игра М. Ф. была совершенно потрясающей. Казалось, все душевные силы Кете — Андреевой надломились от сознания безысходности своего горя. Любовь, ревность, жалость к старикам-родителям — все смешалось в грозную бурю чувств. Высокий эмоциональный накал, глубокие искренние переживания делали спектакль особенно волнительным, и публика награждала исполнителей бурными аплодисментами, повторяя без конца имя Андреевой. По окончании спектакля мы, ученики школы, бросились гурьбой к выходу со сцены. Мария Федоровна быстро прошла мимо нас. Взволнованные, еле сдерживая слезы, мы устремились за ней...

В числе людей, знакомству с которыми я обязана Марии Федоровне, был Николай Эрнестович Бауман. Как-то, придя к Качалову, я застала там незнакомого молодого человека, которого он представил мне как своего бывшего товарища по университету, назвав его «Иваном Сергеевичем».

Вскоре Василий Иванович пришел к нам с «Иваном Сергеевичем». Жили мы вчетвером в маленькой квартирке из двух комнат в Хлыновском переулке на Б. Никитской. В тот вечер у нас была очередная молодежная вечеринка. По сценарию Москвина мы монтировали оперетту; музыку тут же сочинил Илья Сац. Василий Иванович изображал пламенного любовника. Москвин заставил его петь тенором. Партию героини пел сам Москвин, хор и оркестр «изображал» Сац. Во втором варианте героиней уже была кто-то из нас, а Москвин взял на себя роль хора. Помню, как «Иван Сергеевич», оглушенный

всей этой шумной, веселой суматохой, сидя в уголке, покачивался от беззвучного смеха, когда Качалов в накинутой на плечи голубой скатерти и старой соломенной шляпе с цветами тенором пел серенаду своей возлюбленной — Москвину, а Москвин в женском платье, стоя на столе (который заменял балкон), пел колоратурным сопрано заключительную арию.

Засиделись поздно, и Василий Иванович попросил нас разрешить его гостю переночевать, объясняя это тем, что «Иван Сергеевич» далеко живет и к тому же простужен. Мы с удовольствием дали приют понравившемуся нам гостю. Утром за ним зашел Качалов, и они ушли. Недели через две «Иван Сергеевич» снова пришел к нам. Извинившись за неожиданный приход, он объяснил, что сговорился с Борисом Прониным и Ильей Сацем встретиться у нас. Мы провели вечер, слушая игру Саца и пение моей сестры. «Иван Сергеевич» оказался большим любителем музыки, и опять засиделись поздно, и тут уж мы сами предложили «Ивану Сергеевичу» переночевать. Он охотно согласился. Ушел он рано утром.

В 1905 году, пережив в Киеве, где я служила, погромные кровавые дни «свобод», я приехала в Москву и зашла к Марии Федоровне. Чуть ли не первой ее фразой было:

— Ты знаешь — «Иван Сергеевич» убит...

Тогда я узнала, что «Иван Сергеевич» был не кто иной, как Николай Эрнестович Бауман.

— Не удалось его уберечь, — произнесла с болью Мария Федоровна и рассказала мне, каких усилий стоило укрывать Баумана, как помогал ей в этом Василий Иванович Качалов, как необходимо было Бауману переночевать у нас, чтобы замести следы своего пребывания в Москве...

Увиделась я вновь с Марией Федоровной в 1913 году, вскоре после ее возвращения в Россию. Мы встретились в Москве. Теплой и дружественной была наша встреча, но я чувствовала, как беспокойно и тревожно у нее на душе. Мария Федоровна решила вернуться в театр. Она поделилась со мной тем, какое безотрадное впечатление произвел на нее репертуар.

— Как вы, молодежь, — говорила Мария Федоровна, — можете мириться с этой пошлостью! Даже в наше трудное время надо пытаться создать театр настоящей драматургии.

Вспомнился мне этот разговор поздней осенью 1918 года, когда услышала по телефону бодрый голос Марии Федоровны:

— Я на несколько дней приехала по делам в Москву. Хочу повидать тебя.

Мне было известно, что М. Ф. назначена комиссаром театров и зрелищ Петрограда. Полная энергии, творческого энтузиазма, она сказала при встрече:

— Сбывается моя давнишняя мечта. Создаем новый драматический театр — театр классического репертуара.

От нее я узнала, что уже образовалась группа людей, горячо воспринимающих идею создания первого революционного театра.

Мария Федоровна тут же предложила мне переехать в Петроград и войти в работу формирующегося коллектива. Но как раз в это время некоторые московские актеры задались целью создать молодежный театр Революции⁴⁶⁹. Я

входила в инициативную группу, которую возглавлял И. Н. Певцов, и потому попросила отложить решение до выяснения перспектив задуманного нами дела. Мария Федоровна внимательно выслушала меня и, задав несколько вопросов, взяла телефонную трубку.

— Надо непременно рассказать об этом Владимиру Ильичу. — И она позвонила в Кремль.

Ленин сам подошел к телефону. В нескольких словах Мария Федоровна рассказала ему, что группа молодых актеров задумала создать новый театр, отвечающий требованиям времени.

— Я бы хотела, — заключила она, — чтобы один из инициаторов этого дела, мой близкий друг, рассказала вам об этом сама.

В ответ Владимир Ильич предложил нам приехать вечером на спектакль в Художественный театр, куда он собирался.

Спектакли начинались тогда в 7 часов, и мы с Марией Федоровной, как ни спешили, все же опоздали к началу. Когда мы приехали, спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» уже начался. В зрительном зале было темно. Мы тихонько вошли в ложу.

Происходящее на сцене, видимо, увлекало Владимира Ильича. Лицо его постоянно оживлялось улыбкой. По ходу действия генерал Крутицкий (его замечательно играл К. С. Станиславский), томясь от скуки в своем кабинете, придумывает, чем бы развлечься. Он берет со стола первую попавшуюся деловую бумагу, свертывает ее в трубочку и через нее начинает рассматривать рыбок в стоящем тут же аквариуме. Владимир Ильич от всей души хохотал, повторяя: «Замечательно, замечательно!»

В антракте мы перешли в примыкавший к ложе небольшой кабинет. Владимир Ильич предложил рассказать о затеваемом нами деле. Внимательно выслушав меня, он спросил, служат ли упомянутые актеры в театрах, и, получив утвердительный ответ, сказал, что прежде всего надо согласовать наши планы с руководителями театров, так как уход актеров среди сезона может повредить делу. По всем же организационным вопросам посоветовал обратиться к Луначарскому, пообещав с ним поговорить.

Когда через день я позвонила Луначарскому, то услышала в ответ, что он в курсе затеваемого нами дела. Тут же Луначарский назначил мне день встречи.

Я не смогла скрыть своего изумления по поводу того, что Ленин так быстро исполнил свое обещание, на что услышала от Марии Федоровны:

— Ты не знаешь Владимира Ильича. Нет человека более внимательного к нуждам других, чем он.

О театре, который явился темой моей беседы с Владимиром Ильичем, надо сказать несколько слов. Наша группа встретила со стороны Луначарского самое сочувственное отношение. Анатолий Васильевич приезжал на наши заседания, принимал живое участие в задуманном молодежью деле. Но время было трудное, помещения не было, предполагаемое здание кино на Арбатской площади требовало радикальной перестройки, уверенность в осуществлении нашего проекта мало-помалу стала покидать меня, и в апреле 1919 года я переехала в Петроград на работу в Большой драматический театр.

На долю художественного руководства БДТ выпала нелегкая задача объединить актеров, пришедших из разных театров. Мария Федоровна умела примирить возникающие подчас противоречия и мягко, но настойчиво добивалась объединения коллектива в едином творческом понимании задач театра. Мария Федоровна пригласила двух тогда еще молодых талантливых режиссеров Первой студии Московского Художественного театра — Б. М. Сушкевича и Р. В. Болеславского. Сушкевич ставил «Разбойников» Шиллера. Мария Федоровна неизменно приходила на репетиции. Судьба спектакля волновала ее. Призыв Карла Моора (его отлично играл В. В. Максимов) к борьбе против насилия, лжи и общественной несправедливости нашел горячий отклик в сердце нового зрителя. Спектакли шли с возрастающим успехом. Мария Федоровна торжествовала.

— Нашего зрителя не обманешь. Он чувствует, на чьей стороне правда, — говорила она.

Так же горячо отнеслась она к постановке пьесы «Рваный плащ» Сема Бенелли. Драма отражала борьбу поэтов из народа против бездумной, напыщенной поэзии «избранных». Пьеса была предложена Блоком. Выбор этот не случаен. Драматург утверждал в ней очень важную мысль — поэт должен быть выразителем чаяний народа. Я играла роль Сильвии — жены председателя «избранных». Сильвия порывает с условностями своего круга и венчает лаврами юного поэта из народа. Неизменно в честь победителей раздавались в зале горячие, сочувственные приветствия (поэта играл Максимов). Успех пьесы «Рваный плащ» еще раз подтвердил, что творческие позиции создателей театра отвечают запросам нового зрителя.

Когда речь шла о принципиальных вопросах искусства, М. Ф. была непримирима. При очень добром отношении к Ю. М. Юрьеву она жестоко осудила его уход из театра среди сезона, мотивированный творческими разногласиями с руководством. Юрьев играл Отелло, маркиза Позу, иными словами — весь основной репертуар. В Художественном совете мнения не были едины. Блок, не оправдывая поступка Юрьева, говорил о праве художника быть верным своим художественным принципам. Помню, как негодовала Мария Федоровна, сказав при этом: «Нельзя уходить среди сезона; нельзя ставить личные интересы выше общественных».

Будучи включенной в труппу, Мария Федоровна никогда не пользовалась служебным положением и была очень скромна в оценке своих актерских данных. При мне она играла только Дездемону. В этой роли с прежней силой проявилась свойственная дарованию М. Ф. склонность подчеркивать в создаваемых ею образах горячее стремление освободиться от сковывавших женщину, порабоцевавших ее законов феодальной и буржуазной морали. Дездемона Андреевой — молодая женщина, сознательно нарушившая во имя любви принятые в ее обществе устои. Без сожаления покидает она отцовский дом, защищая право на свободный выбор. Безраздельно отдает она мавру Отелло свою любовь и жизнь. Тем страшнее, чудовищнее кажется ей обвинение в измене. В сцене, когда Отелло мучается подозрением, что его подарок — платок — отдан другому, Дездемона — Андреева далека от мысли о причине

его волнения. Она пытается успокоить Отелло, нежно касается его руки, и, только когда он резко отдергивает руку, до ее сознания доходит мысль, что ей не верят. Она несколько минут молчит, вглядываясь в лицо мужа, как бы видя его в первый раз. Нет! Это не тот, кого она знала. Тот не был способен так жестоко оскорбить ее! С этого момента гасла улыбка на лице Дездемоны — Андреевой. Казалось, не утрата любви, а утрата веры в любовь становилась ее болью, ее страданием...

Еще раз хочется повторить: основной чертой Марии Федоровны была забота о других, а не о себе. Вспоминаю один малозначительный, но характерный эпизод. Вернувшись с репетиции домой, я застала двух моих девочек в слезах. Оказалось, что какой-то тип, войдя в квартиру, приказал им немедленно убираться вон, так как у него на эту квартиру есть мандат. Я поспешила в Театральный отдел и рассказала Марии Федоровне о случившемся. Несмотря на занятость, она не медля ни минуты пошла со мной. Неизвестный уже расположился в моей комнате и нагло заявил, что не уйдет никуда, а когда Мария Федоровна начала настаивать, он вынул револьвер. Надо было слышать, каким тоном Мария Федоровна приказала: «Немедленно уберите оружие! С вами говорит комиссар театров и зрелищ». Тон ее произвел самое решительное действие: подозрительный тип поспешил убратся. Когда улеглось вызванное этой сценой волнение, Мария Федоровна достала из кармана свой револьвер и смеясь сказала:

— Я даже вооружилась, чтобы защищать тебя. Вот бы перестрелку устроили!

Много пришлось пережить за те два года, которые мы вместе провели в Большом драматическом театре. Хорошей и крепкой была наша дружба, и, когда в апреле 1921 года Мария Федоровна оставила театр и уехала по делам Внешторга в Германию, я долго ощущала ее отсутствие.

Мои последние встречи с Марией Федоровной относятся к тому периоду, когда она была директором Дома ученых в Москве. Я изредка приезжала из Ленинграда и останавливалась у нее. Небольшие комнаты, скромная обстановка, все самое необходимое. По-прежнему стол завален книгами. На столе портреты Качалова, Москвина, портрет Станиславского с надписью: «В память кипучей работы...»

В деятельность Дома ученых Мария Федоровна вкладывала свойственный ей темперамент и энергию. Зная, что я много читаю в литературных концертах, она как-то предложила мне устроить в Доме ученых свой вечер, посвященный Горькому. В числе других произведений я читала отрывки из «Матери». Собралось большое количество слушателей. Мария Федоровна сидела не на своем обычном месте, а за кулисами. Когда я произносила слова Ниловны: в мир идут дети, идут за правдою для всех, хотят другой жизни, — я невольно взглянула в сторону кулис и увидела, что Мария Федоровна плачет. Слезы неудержимо текли по ее лицу. Меня это поразило. Я никогда не видела Марию Федоровну плачущей. И я подумала о том, какой от всех скрытой, нелегкой внутренней жизнью жила Мария Федоровна. Всегда мужественная, бодрая, она не любила говорить о себе, тем более жаловаться. Заботой о других шила она.

Доказала она это всей своей жизнью, и потому память о ней останется в сердцах тех, кто близко знал ее.

Лев Никулин **ТОВАРИЩ АНДРЕЕВА**

Когда перебираешь сохранившиеся чудом реликвии эпохи гражданской войны — пожелтевшие вырезки из газет, мандаты, удостоверения 1919 — 1920 годов, то вместе с этими вещественными приметами эпохи возникают воспоминания о тех, кого уже нет среди нас, о тех, кто жил, трудился во имя победы революции, без кого трудно себе представить время, события, нашу молодость.

Время — июль 1920 года. В Петрограде открывается второй конгресс III Коммунистического Интернационала. В день открытия конгресса Красная Армия занимает Гродно и Барановичи, войска белополяков, наступающие на Советскую Украину, получают мощный отпор. Но в Крыму готовит наступление барон Врангель, шайки Махно грабят и жгут Украину. В такой обстановке открылся 19 июля второй конгресс. И этот день мы ощущали как всенародное торжество, над Петроградом развевались алые знамена, гремели оркестры, со всех концов города к Таврическому дворцу двигались колонны петроградских рабочих, красноармейцев, балтийских матросов. А накануне у величественного здания Фондовой биржи на Васильевском острове происходила репетиция «массового действия», мистерии, — так назывался грандиозный феерический спектакль под открытым небом, поставленный в честь открытия конгресса.

И в этот день, в день репетиции мистерии, я впервые увидел Марию Федоровну Андрееву.

Но здесь я позволю себе привести страницу из моей книги, написанной несколько лет спустя, после незабываемых дней 1920 года, когда воспоминания были более свежими и многие-свидетели были еще живы.

Вот что происходило у Фондовой биржи:

«Тысячи одетых в театральные костюмы и загримированных людей маршировали, перебегали, образовывали группы на ступенях у колоннады Биржи. Групповоды пронзительно свистели, режиссеры и их помощники кричали в рупоры и сигнализировали, стреляя из пистолетов. С командного мостика флажками сигнализировал главный режиссер. Мария Федоровна Андреева, Лариса Михайловна Рейснер, художник Юрий Анненков, режиссер Сергей Радлов с трудом пробирались в толпе бряцающих цепями загримированных рабов, гремящих доспехами рыцарей, задыхающихся в своих мундирах королевских гвардейцев. Несколько сот труб соединенного оркестра нестерпимо для глаза сияли на солнце. Если к этому прибавить радуугу сигнальных флагов миноносцев на Неве, кавалерийские значки на пиках курсантов и сто тысяч любопытных на берегах Невы, ожидающих с утра начала спектакля, то вы поймете, что такой день запоминается современниками».

В наше время, в дни фестивалей, подобное зрелище, может быть, и не

слишком бы удивило, но мистерия, массовое зрелище, изображающее победу труда, победу социалистической революции, притом в то время, когда происходила ожесточенная гражданская война, — было примечательным событием. И организатором была товарищ Андреева, заведующая учреждением, которое скромно именовалось Театральным отделом Петроградского Совета.

О том, что Мария Федоровна была инициатором массового зрелища в честь открытия конгресса, можно было легко понять по тому, как прислушивались к ее распоряжениям все участники мистерии, от режиссеров до капельмейстеров и даже командиров воинских частей, участвовавших в массовом зрелище. В этом была заслуженная популярность «товарища Андреевой», так ее называли питерские рабочие, военные моряки и красноармейцы.

До этого памятного дня я никогда не видел Марии Федоровны. Разумеется, московский студент, почитатель Художественного театра, я не мог не слышать об артистке Андреевой, хотя в мое время Мария Федоровна уже не была артисткой этого театра и жила на Капри, в Италии. Но я знал замечательный портрет Репина⁴⁷⁰ и, всматриваясь в черты лица обаятельной женщины, догадался, кто она, с первой минуты, когда увидел ее на командном мостике у Фондовой биржи. Позднее по своей работе в Политическом управлении Балтийского флота мне случалось много раз встречаться с Марией Федоровной и я смог полностью оценить размах, деловитость заведующей Театральным отделом Петросовета.

Только в работе можно было оценить энергию, волю, здравый ум этой необыкновенной женщины. Необыкновенной потому, что для известной артистки состоять в партии большевиков, вести подпольную работу было поистине необыкновенно. И тот, кто знал биографию Марии Федоровны, нисколько не удивлялся деловым и организаторским ее способностям, ее терпению в спорах с довольно развязными и напористыми молодыми людьми, какими были мы — молодые политработники.

Когда я впервые очутился, не помню уже — по какому делу, в кабинете Марии Федоровны в Театральном отделе, я предполагал увидеть в ней скорее актрису, чем руководителя учреждения, и рассчитывал легко уладить дело, ради которого пришел.

Надо сказать, что Красный Балтийский флот в то время, в 1920 году, был внушительной силой. Революционные подвиги матросов Балтфлота ставили их в исключительное положение, и нам, работникам Политуправления, удавалось довольно легко получать из фондов гражданских учреждений все, что нужно было для наших клубов и театров, — холст для декораций, краски, грим, театральные костюмы напрокат, словом, все, чем располагал Театральный отдел Петросовета. Но когда мы столкнулись по этому делу с Марией Федоровной, то перед нами оказалась не актриса с прекрасными внешними данными, а, что называется, кремень — и никакие ссылки на подвиги балтийцев и особое положение флота не действовали. И сколько раз я уходил из Театрального отдела ни с чем или почти ни с чем, убежденный Марией Федоровной в том, что в трудные времена, когда ощущалась нужда буквально в каждой мелочи, — никаких особых привилегий требовать нельзя.

Мария Федоровна побеждала убедительностью доводов, обаянием, умом и решительностью. Вместе с тем она была чрезвычайно благожелательна к нам, молодежи. Она помогала нам советом, охотно привлекала к работе. Помнит об этом и Виктор Шкловский, помнил и Евгений Михайлович Кузнецов, работавшие в маленькой, но очень острой газете Театрального отдела «Жизнь искусства». Мария Федоровна охотно поддерживала полезные начинания, в этом я убедился, когда в Петрограде был организован театр революционной сатиры.

Теперь мы понимаем, как нелегко было работать в обстановке, которая сложилась в годы гражданской войны в Петрограде. Петроградцы пережили два наступления Юденича, Кронштадтское восстание, когда враги за рубежом и внутренние эмигранты уже заранее торжествовали победу. Нелегко было в то время строить советский театр, вовлекать в работу выдающихся артистов, утверждать девиз: искусство — народу. Однако и в этой обстановке о руководителе Театрального отдела говорили с уважением деятели искусств, они признавали авторитетность ее суждений о задачах театра, хотя в то время многие из них далеко не были уверены в прочности Советской власти.

Мария Федоровна Андреева была одним из основателей, по существу, организатором и основателем Большого драматического театра, который теперь с честью носит имя Горького. И не только она была организатором и основателем, но одной из главных актрис этого театра. После жаркого спора или делового разговора в ее кабинете мы видели ее вечером на сцене Большого драматического театра в роли Дездемоны. Отелло играл Юрьев, Яго — Монахов.

Роль эта не совсем подходила Марии Федоровне по возрасту, но ее обаяние, сценическое мастерство позволили ей создать правдивый и привлекательный образ Дездемоны. Классический репертуар в то время торжествовал на сцене Большого драматического театра, — в этом была тоже заслуга Андреевой. Следует напомнить, что в то время классическое искусство подвергалось яростным атакам футуристов и вообще «левых». Вместе с Луначарским Андреева, понимающая природу театрального дела, противостояла заливчатским атакам «левых». И вместе с тем Мария Федоровна была отзывчива, шла навстречу революционному, понятному и близкому народу искусству, она работала с воодушевлением, чтобы приблизить к народу истинное искусство.

Андреева была одним из основателей петроградского Военно-театрального комитета⁴⁷¹, в который она входила как представитель Театрального отдела; от военного округа в комитет входил один музыкант (пианист), в то время «очень левый», от Политуправления флота — автор этих воспоминаний, начальник театральной секции.

Комитет сделал немало для того, чтобы показать красноармейцам и матросам лучшие оперные и драматические спектакли. Благодаря Военно-театральному комитету тысячи защитников Советской власти услышали Шаляпина в лучших его оперных партиях, узнали Шекспира и Шиллера в исполнении выдающихся драматических артистов.

Поразительна была энергия и неутомимость Марии Федоровны. Старенький экипаж Театрального отдела, запряженный тощей лошадкой, можно было видеть в течение дня в отдаленных концах Петрограда, то во дворе Смольного, то у подъезда штаба Петроградского военного округа, то у Народного дома на Кронверкском (теперь проспекте Горького), то у Василеостровского райкома. Однажды в дождливый осенний день и мне случилось ехать в этом экипаже. Мария Федоровна направлялась во Дворец труда, помещался он на набережной лейтенанта Шмидта. Ехали мы на профсоюзную конференцию и, чтобы не терять времени, тут же обсуждали новое начинание — театр революционной, политической сатиры. Организовали этот театр Политическое управление Балтфлота и Театральный отдел Петросовета, то есть товарищ Андреева. Театр носил название «Вольная комедия» и в первый год своего существования был театром подлинно политической сатиры. Созданию этого коллектива способствовал замечательный деятель грузинского и русского театра Константин Александрович Марджанов (Котэ Марджанишвили), поставивший первую программу. Затем руководил «Вольной комедией» Николай Васильевич Петров. Восстанавливая сейчас в памяти обстановку, можно сказать, что только большое политическое чутье, необычайная отзывчивость Марии Федоровны на каждое новое полезное начинание помогли создать этот в те времена боевой революционный театр.

Для Марии Федоровны это значило не только содействие в организации театра, но и активная помощь ему. Репетиции происходили в помещении, которое еще не было отремонтировано (театр помещался в подвале нынешнего театра Музыкальной комедии на Михайловской площади). Зал был почти затоплен из-за лопнувших водопроводных труб, проходить на сцену можно было по доскам, положенным на козлы. И тут проявилась энергия и настойчивость Марии Федоровны. Она приезжала в «Вольную комедию» с утра, отдавала необходимые распоряжения сотрудникам, беседовала с рабочими, убеждала, воодушевляла, и 7 ноября 1920 года, в годовщину революции, театр был открыт. Зрители заняли свои места, и не подозревая, что еще две недели назад здесь было на полметра воды.

Случалось мне бывать на совещаниях, когда в Петроград приезжал Анатолий Васильевич Луначарский и возникали серьезные разногласия между петроградскими академическими театрами, управляемыми из Москвы, и Марией Федоровной, руководившей театрами Петросовета. Анатолий Васильевич выступал как арбитр в этих спорах, авторитет его в области искусства был общепризнан, но Мария Федоровна защищала свои самостоятельные взгляды, и Анатолий Васильевич уважительно выслушивал ее, хотя ее суждения часто не совпадали с суждениями народного комиссара по просвещению.

Не могу умолчать об одном эпизоде, который рассказывали в то время, рисующем товарищеское отношение Владимира Ильича Ленина к Марии Федоровне и то, как Владимир Ильич умел прощать деятельным, энергичным, работавшим на пользу народа и Советской власти товарищам их маленькие

слабости.

Приезжая по делам в Москву, Мария Федоровна, с разрешения Владимира Ильича, пользовалась его автомобилем. В те времена автомобилей было мало и получить машину для приезжего петроградского работника было нелегко. Как-то Мария Федоровна задержалась дольше, чем следовало, и когда Владимиру Ильичу потребовалась машина — ее не было на месте. Об этом доложили и притом заметили, что больше предоставлять машину Андреевой не будут. Ильич усмехаясь сказал:

— Оставьте Марию Федоровну. У нее такие связи...

Самоотверженной была работа Марии Федоровны в годы интервенции, блокады, голода в Петрограде (1918 – 1921). Тем, что в то время не угасали очаги культуры и советское искусство стало достоянием народа, — мы обязаны трудам таких замечательных деятелей партии, Советской власти, как Анатолий Васильевич Луначарский и Мария Федоровна Андреева.

Много лет спустя я встречал Марию Федоровну в Москве, в Доме ученых. Мы с особым удовольствием вспоминали двадцатый и двадцать первый годы и те тревоги и радости, которыми в то время была полна жизнь нашего искусства, нашей Родины. Все это не забудется, не забудется обаятельный, исполненный воли, энергии, разума образ Марии Федоровны Андреевой — большевика, общественного деятеля, художника, революционера, женщины, заслужившей уважение Владимира Ильича Ленина, партии, питерского рабочего класса.

Н. Ф. Монахов **[ОСНОВАТЕЛЬНИЦА БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО** **ТЕАТРА]⁴⁷²**

... Еще до того как я ушел из Московского Свободного театра, я начал серьезно размышлять над тем, как бы создать новое серьезное театральное дело, которое могло бы удовлетворить актеров, желающих по-настоящему работать в театре.

Эти думы и были, так сказать, платформой, связавшей меня с М. Ф. Андреевой, которая служила тогда у нас в театре. Я бывал у нее на квартире, где частенько встречался с Алексеем Максимовичем Горьким. Мы много беседовали о театре вообще и о Московском Свободном театре в частности, говорили также о том театре, который хотелось бы создать, и о том, где и как его создать. В наших беседах нередко принимали участие и другие театральные деятели — К. Н. Незлобии, В. Д. Резников.

В конце концов мы решили организовать акционерное общество для создания «театра трагедии, романтической драмы и высокой комедии». Это акционерное общество должно было составиться, с одной стороны, из людей, которые могли бы дать средства на организацию такого театра, а с другой — из людей, которые могли бы вложить в это дело свои силы и таланты. Пока что организация этого акционерного общества была поручена группе из следующих лиц: Горький, Шаляпин, Незлобии, Монахов и Резников.

Нам казалось, что мы поступим разумно, если театральное помещение для нашей затеи будем искать не в Москве, где много театров, а в Петербурге. Нам было известно, что суворинский Малый театр очень легко может быть освобожден, так как владелица здания театра, графиня Апраксина, была очень недовольна его арендаторшей, актрисой А. А. Сувориной, дочерью А. С. Суворина. Потому мы решили обратить внимание на помещение именно этого театра и добиться сдачи его нам в аренду.

... По окончании сезона в Свободном театре я по примеру предыдущих лет уехал за границу отдыхать, сговорившись с М. Ф. Андреевой, что о всех действиях нашей группы по аренде суворинского театра она меня будет ставить в известность. Для переписки я снабдил ее всеми своими заграничными адресами. В июле месяце, перед началом империалистической войны, в Италии, на острове Лидо около Венеции, я получил письмо от М. Ф. Андреевой, после прочтения которого итальянское небо показалось мне менее светлым и менее теплым. М. Ф. Андреева писала, что вопрос об организации театра подошел к концу, что все подготовлено, а переговоры с Апраксиной уже привели к подписанию договора. Но в самый последний момент, когда Апраксина узнала, что в группе, арендующей театр, значится и имя Максима Горького, она наотрез отказалась сдавать театр, ибо боялась, что участие Горького непременно сделает этот театр революционным. Вскоре подоспела война, и всякая мысль о новом театре должна была у нас отпасть.

* * *

... Первым моим спектаклем в «Палас-театре» был «Нахал». В первом же антракте ко мне в уборную зашла М. Ф. Андреева [с Ф. И. Шаляпиным]¹. Мы сговорились с ними после спектакля поехать ужинать к Алексею Максимовичу Горькому.

За ужином произошел такой разговор:

— Помните, Николай Федорович, — начала М. Ф. Андреева, — в 1914 году мы хотели организовать театр трагедии, романтической драмы и высокой комедии, но тогда нам этого сделать не удалось. Теперь такой театр решила создать здесь в Петрограде Советская власть, и то, что мы не могли организовать в 1914 году, нужно организовать теперь. Вы, должно быть, знаете, что я комиссар театров и зрелищ Союза коммун Северной области и говорю с вами совершенно официально. Я предлагаю вам, Николай Федорович, взять на себя организацию такого театра.

Увидя в этом воплощение моей давнишней мечты, я согласился на предложение М. Ф. Андреевой. С этого дня я стал частым посетителем Отдела театров и зрелищ, который помещался в доме № 46 по Литейному проспекту.

Оглядываясь назад, я с чувством огромной благодарности вспоминаю Марию Федоровну. Она поверила мне. Через нее советские художественные органы призвали меня служить делу, к которому я тщетно рвался целый ряд лет. Своим бодрым дружеским словом, своей товарищеской поддержкой она

¹ Так в черновом варианте рукописи книги «Повесть о жизни». — Ред.

помогала мне вступить на новый путь. Она была моей твердой опорой, моим первым политическим руководителем. Она была тем другом, с которым я делился своими сомнениями, своими печалью и которому я с гордостью приносил свои радости. Она первая заложила во мне преклонение перед идеями большевизма. Благодаря ей я получил возможность отдать свои силы и умение настоящему делу, настоящему искусству.

Имя Марии Федоровны Андреевой ярко и навсегда запечатлено в моем сердце.

... Театр, организацией которого М. Ф. Андреева предложила мне заняться осенью 1918 года, — хорошо известный не только ленинградскому зрителю Большой драматический театр. С этим театром я крепкими узами связал свою артистическую работу как актер драмы. Считаю небезынтересным рассказать об организации этого театра и о моих первых робких шагах в нем.

Трудно было организовать театр в тогдашнем Петрограде. Гражданская война опустошила город. Улицы были запущены, освещение отсутствовало. Почта и телеграф работали отвратительно. Письма и телеграммы, которые я посылал, оставались без ответа. Приходилось приглашать не тех артистов, которых хотелось, а тех, кого можно было пригласить, то есть тех, кто был по тем или иным причинам свободен, ибо зимний сезон во всех театрах уже начался. Отсюда очень частые встречи мои с М. Ф. Андреевой и мои сетования на организационные трудности.

Как раз в это время в Петрограде закрылся Театр художественной драмы и закрывался театр товарищества, игравший в помещении бывшего суворинского театра. Из освобождавшихся актеров этих театров приходилось организовать труппу, которой надлежало работать исключительно в области классического репертуара. Приходилось приглашать людей разных школ, направлений и взглядов.

В подавляющем большинстве актеры шли в наш театр, конечно, главным образом потому, что где-нибудь надо было работать.

Закончив первую серию своих опереточных гастролей в «Палас-театре», я поехал в Москву с мандатом от Отдела театров и зрелищ⁴⁷³. Там мне удалось пригласить В. В. Максимова, который не связал себя еще на этот сезон ни с одним театром. Он очень радостно ухватился за идею организации нашего театра и с большой готовностью согласился в нем поработать.

Там же в Москве я завербовал на должность будущего управляющего нашим театром А. И. Гришина, с которым был знаком давно, еще с Саратова, и которого знал как очень тароватого и толкового администратора театральных предприятий.

За время моего отсутствия в Петрограде М. Ф. Андреева пригласила Ю. М. Юрьева, для которого работа в таком театре тоже представлялась заманчивой — он хотел работать только в классическом репертуаре. Пригласила она еще и А. Н. Лаврентьева, которого я в бытность свою в Петрограде не мог повидать, так как он был болен.

Труппа нового театра была собрана, а помещения для него еще никакого не было. В Большом Художественном совете, в котором председательствовал

А. В. Луначарский, вопрос об организации нового театра был решен, но не было еще решено, какую площадку ему предоставить. И так как тогда против Мариинского театра, в помещении консерватории, существовало другое оперное предприятие — Музыкальная драма, а в то же время на Петроградской стороне пустовал Большой оперный театр Народного дома, то Большой Художественный совет постановил перевести Музыкальную драму в помещение Народного дома, а помещение Музыкальной драмы предоставить для работы нашей труппы, тогда еще называвшейся «особой».

Передача предоставленного нам помещения происходила болезненно. Администрация Музыкальной драмы делала все, чтобы, насколько возможно, оттянуть передачу, отвоевать свое прежнее положение. За отсутствием помещения первый сбор нашей труппы состоялся в Отделе театров и зрелищ 19 декабря 1918 года.

Труппа состояла из двадцати семи человек. Мне пришлось по полномочию Большого Художественного совета выступать перед собравшимися товарищами с декларацией. Я говорил, что театр, который мы создаем, необычный, что он должен дать героическому народу зрелище, которое можно назвать героическим. Для этого нам придется работать исключительно над классическим репертуаром. Мы начинаем свою работу в не совсем «удобное» время. Существующие театры пробавляются старым, ветхим репертуаром. Некоторые театры закрылись, другие производят впечатление вот-вот закрывающихся. Для того чтобы во время разрухи, внесенной в жизнь города гражданской войной, голодом и сыпняком, создать подлинно героический театр, от нас потребуется необычайное напряжение сил и воли для осуществления задач, поставленных перед нами Советской властью.

* * *

... Когда я вспоминаю работу, проделанную мной над королем Филиппом, мне до сих пор непонятно, откуда у А. Н. Лаврентьева хватило терпения со мной заниматься. Он был той рачительной нянькой, которая ходила за шаловливым ребенком, подбирала пеленки и только добродушно, ласково ворчала. Я чувствовал, что при первой же моей попытке сделать, неверный шаг я буду подхвачен заботливыми руками моей? «няньки». Андрей Николаевич сумел создать для меня в театре такую благоприятную товарищескую и творческую атмосферу, что я совершенно забыл о том *tour de force*, на который я, в сущности, пошел. Несмотря на это, мне было не сладко. Чем ближе подходило дело к генеральной репетиции, тем более я чувствовал себя очумелым. Я ничего не ел, потому что не хотелось есть. Я не курил. Я не мог разговаривать ни с кем и ни о чем. Я ложился спать и вдруг вскакивал в середине ночи: «Ах, вот, нашел местечко!» Лезу в валенки, иду в холодный кабинет... Тут уж не до сна...

Если бы такой «предпусковой» период продолжался дольше, я, должно быть, свихнулся бы или просто заболел. Если раньше я понимал, что делаю какой-то скачок, так тут я уже совсем не думал, скачок это или не скачок,

победа или поражение. Эта мысль меня совсем не занимала. Мне важно было приобрести творческое *состояние*, и я знал, что это будет лучшей наградой за ту работу, которую проделал.

И только накануне генеральной репетиции, работая дома над ролью, я в одном месте почувствовал, что нашел нужное психическое состояние короля Филиппа. Утром я тихонечко, что называется, «на цыпочках» ушел в театр, чтобы не спугнуть это состояние в себе, и принес его на генеральную репетицию.

Первые аплодисменты на закрытой генеральной репетиции я получил из пустого зала после первого же выхода. Это аплодировали Андрей Николаевич, М. Ф. Андреева и А. А. Блок, близко подошедший в это время к работе нашего театра. Эти аплодисменты заставили меня окончательно очуметь. Я совсем потерялся. Мне было даже жутко от моего неожиданного успеха.

Наконец наступила памятная дата — 15 февраля 1919 года, дата премьеры «Дон Карлоса», шедшего для открытия Большого драматического театра.

... После «Рваного плаща» мы начали работать над «Отелло». Эта работа совпала с наступлением Юденича. В нашей аудитории стали появляться зрители, которые чуть ли не непосредственно после спектакля шли на фронт. Это были незабвенные для нашего театра времена. Почетная функция нашей работы сообщала нам необычайный творческий подъем и заставляла нас иногда преодолевать непреодолимое. Бывали случаи, что нам не подвезут дров для отопления театра, но мы, не обращая внимания на холод, все-таки играли, зная, что наш зритель идет защищать наше право творить и свободно строить новую жизнь.

Нередко в антрактах в театре организовывались летучие митинги, со сцены выступали ораторы. Подъем аудитории был необычайный. Я вспоминаю это время с большим трепетом и с большой благодарностью, потому что в это время я реально ощутил ту пользу, которую могу приносить своим искусством.

... В начале 1921 года я справлял свой 25-летний юбилей. Так как в драматическом театре я работал еще очень немного, то мне не хотелось справлять юбилей в нашем театре, да, по совести говоря, я не имел на это никаких прав. Юбилей справлялся в помещении филармонии, которая называлась тогда Народным собранием, 23 января. Программа этого вечера демонстрировала мой творческий путь до того времени. Я пропел несколько народных песенок, исполнял куплеты, пел арии и дуэты с Н. И. Тамарой из оперетт и читал монологи из трех трагедий, которые мне пришлось уже сыграть.

Но театр не захотел пройти мимо моего праздника. 22 января, накануне вечера в филармонии, во время спектакля меня чествовали при закрытом занавесе. Выступил Блок со своим приветствием, которое напечатано в Собрании его сочинений. Приветствовала меня также М. Ф. Андреева как представитель партии и комиссар театров и зрелищ Союза коммун Северной области. В своей речи она подчеркнула значение работника искусств в пролетарской стране и роль самого искусства в формировании нового, свободного человека. Обращаясь ко мне, она звала меня на еще более

самоотверженную работу, на еще более значительное проникновение серьезностью задач актера в нашей стране.

... В конце марта, после многих лет, мы поехали в Москву на гастроль со спектаклем «Слуга двух господ». [...] С большим трепетом выступали мы перед высококвалифицированным московским зрителем, но зато и были вознаграждены. Лично мне, кажется, никогда не приходилось играть перед более экспансивной аудиторией. Отдельные реплики подхватывались горячими аплодисментами. Очевидно, товарищи в большинстве своем из дружбы ко мне, старому москвичу, старались обласкать нас и поблагодарить за то напряжение, которое мы выдерживали, играя у них после только что сыгранного спектакля в Доме культуры.

Эту ночь я долго буду вспоминать как подведение итогов моей многолетней работы, проведенной вдали от Москвы.

В тот же день, 28 марта, группа наших артистов во главе со мной и директором музея БДТ С. К. Абашидзе была днем с визитом у основательницы Большого драматического театра М. Ф. Андреевой⁴⁷⁴. Мы провели совершенно незабываемые часы. Мария Федоровна, давно отошедшая от театра и театральной работы, осталась такой же, какой и была, экспансивной художественной натурой. Когда она говорила с нами о театре, я видел, как молодо блестели ее глаза. Глядя на нее, я мысленно перебирал все многочисленные случаи, когда мне приходилось в период организации Большого драматического театра разговаривать и советоваться с ней, просить ее помощи и получать эту помощь. Я вспоминал, как бережно она относилась к молодому театральному организму, каким прекрасным товарищем она была! И как радостно было мне убедиться, что она осталась таким же прекрасным товарищем.

Ю. М. Юрьев **[АНДРЕЕВА В РОЛИ ЛЕДИ МАКБЕТ]⁴⁷⁵**

Когда аплодисменты смолкали, мы делали небольшую паузу, чтобы дать возможность публике освоиться с тем впечатлением, которое она только что получила, и лишь после этого из глубины замка появлялась леди Макбет — Мария Федоровна Андреева.

В руках леди Макбет — полученное от мужа письмо, которое она только что прочла. Она останавливалась на пороге с устремленным вперед взволнованным взглядом и оставалась в таком положении некоторое время, как бы фиксируя свое смятенное состояние, задерживаясь в раздумье на каждой ступеньке, медленно спускаясь по ним, и, достигнув первой площадки террасы, тут только снова начинала штудировать вслух послание мужа. Эта мимическая сцена у Марии Федоровны была в высшей степени красноречива, чему способствовали благодарные ее сценические данные.

Мария Федоровна Андреева, обладавшая исключительной для сцены внешностью, была ослепительно красива в роли леди Макбет. Большие выразительные ее глаза, отражавшие силу и волю, как нельзя более

соответствовали характеру образа леди Макбет. Две большие черные косы лежали у нее на груди, дополняя эффектный костюм, сделанный по рисунку Добужинского.

М. Ф. Андреева читала письмо сначала вполголоса, как будто про себя, и только по движению губ и по выражению ее лица можно было заметить, что она читает, но потом постепенно голос ее приобретал все большую и большую силу, слова раздавались все яснее и яснее, а к концу, по мере воодушевления, голос ее приобретал все большую и большую твердость. Наиболее значительные фразы произносились так, как будто бы они были вычеканены из бронзы, что придавало ей величие и большой душевный подъем. Видно было по всему, что полученное ею известие, сулившее венец и славу в грядущем, не утолило жажды ее тщеславия, а породило затаенные замыслы, далеко опережающие естественный ход событий.

Как нарочно, как бы в ответ таким недобрым ее помыслам, приходит известие о приезде короля. Вбегает слуга и сообщает: «Король приедет на ночь к вам...»

Леди Макбет видит в том таинственное предзнаменование, что укрепляет ее решение осуществить свой преступный замысел.

Внизу, у входа в замок, появляется Макбет.

Завидя его, леди Макбет, спустившись на второй уступ террасы, еще издали, в то время как он поднимается по ступеням навстречу ей, бурно приветствует его:

Великий Гламис! Доблестный Кавдор!
И более, чем Гламис и Кавдор...

Дальше идет диалог между мною и М. Ф. Андреевой, диалог весьма краткий, но многозначительный и необыкновенно сложный для исполнителей. Тут в немногих фразах нужно показать все, что таится в их душах, все, что они не договаривают друг другу, а главным образом надо выявить то, что лежит под текстом и между текстом. Здесь созревает и дает свои ростки зерно будущих преступных их деяний. Вся ответственность в данном случае ложится исключительно на интонации и мимику исполнителей, обязанных точно отразить подоплеку внутреннего состояния героев трагедии.

«Друг, Дункан приедет нынче...», — вдруг нерешительно и робко, как бы еще нащупывая почву, говорит Макбет. Но эти слова надо понимать не прямолинейно. Ими он ищет поддержку у жены своим затаенным мыслям — решению участи Дункана: жить ему или не жить?..

Так и воспринимает леди Макбет его слова и, желая убедиться в своем единомыслии с ним, не спуская с него пытливых глаз, задает вопрос: «А когда уедет?..» Макбет, хорошо поняв значение ее вопроса, не сразу отвечает: «Предполагает завтра», и, встретившись с ее властными гипнотизирующими его глазами, нерешительно и в смущении, запинаясь, прибавляет: «Так он предполагал», и этим полностью выдает себя.

Тогда, уяснив себе, что происходит в душе Макбета, и чувствуя его колебания, леди Макбет, желая воздействовать на него, решительно и властно

воскликает:

О, никогда
Такого завтра не увидит солнце!

Видя, что у Макбета еще не вполне созрела решимость, она берет всю инициативу на себя:

... Ты дело этой ночи,
Великое, одной мне предоставишь!..
Оно, и только лишь оно одно,
Дарует нашим дням, ночам грядущим
Величье, славу, царственную власть!..

Макбет как бы меж двух огней. В нем борются два начала: доброе и злое. По натуре он не злодей, но тщеславие обуревают его. Не будь возле него злого гения в лице его жены — леди Макбет, может быть, судьба повела бы его совсем по иному пути. Его пугает энергичный натиск жены, и он, как страус перед грозящей ему опасностью, прячет свою голову и в ответ на ее слова произносит: «Об этом после будем говорить».

На этом кончается сцена. Наступает темнота. Слышна музыка. [...]

... Из замка появляется леди Макбет. Она, как тень, бесшумно проскальзывает в дверь, вся настороже. Вдруг крик совы.

Леди Макбет рефлексивно отшатывается в тень. Нервы ее напряжены... «А?.. Нет, то крикнула сова на кровле, зловещий это вестник смерти...» — невольно вырывается у нее из груди. Немного успокоившись и произнеся: «Он там теперь...» — леди Макбет идет, вся слух, по направлению к двери.

Не успевает она дойти, как доносится выкрик Макбета: «Кто тут... — Что?..» Леди Макбет, в ужасе отпрянув назад, думает, что Макбета постигла неудача. В бессильной злобе исступления у нее вырывается приглушенный крик. Но как раз в этот момент с окровавленным кинжалом в руках, пятась, появляется Макбет. Быстро овладев собой, леди Макбет бесшумно подходит к мужу и кладет свою руку на его плечо. Макбет, невольно вскрикивая, молниеносно поворачивается к ней и на вопрос: «Ну, что?» — отвечает шепотом: «Окончено». Но в этом «окончено» звучит скорее ужас и растерянность, нежели торжество удачи.

Вслед за тем, в большой тревоге, Макбет спрашивает: «Не слышала ль ты шума?»

«Сова кричала, да пищал сверчок», — успокаивая, отвечает она. Но нервы его до того обнажены и натянуты и до того чувствительны, что всюду ему кажутся страхи и опасения, что вот-вот каждую минуту его могут обнаружить.

Взглянув на свои окровавленные руки, Макбет окончательно теряет самообладание и в беспомощной растерянности, указывая на руки, произносит: «Какой печальный вид» — и впадает в полное отчаяние, вспоминая подробно все только что пережитые им ужасы, доводящие его чуть ли не до сумасшествия.

Ему кажется, что под сводами замка неумолимо носится вопль:

... Зарезал Гламис сон, за то
Не будет спать ею убийца Кавдор,
Не будет спать его убийца Макбет.

Отчаяние так велико, что даже леди Макбет теряется при виде такого его потрясения, и ей остается только одно — увести его скорей отсюда, чтоб кто-либо не увидел его в таком состоянии.

Леди Макбет стыдит мужа за слабость духа. Стук в ворота — оба насторожились:

У входа южного стучат!.. Скорей!..
Мы в комнату к себе уйдем. Воды
Немного, — и мы чисты в этом деле!

Стук повторяется. Макбет бессильно падает на ступени лестницы. Леди Макбет помогает ему встать и уводит его в комнаты.

Чу!
Стучат сильнее. Да скорей наденем
Ночное платье. Позовут нас верно...
Они подумать даже не должны,
Что мы еще не спали...

После этих слов Макбет, без всякого повода, в испуге ринулся в сторону. Ему послышались чьи-то шаги... Леди Макбет успокаивает мужа:

... Да не стой
Таким несчастным, утонувшим в думах...

Опять стук в ворота, и они оба спешат укрыться за дверью.

На этом кончается труднейшая сцена трагедии.

Над ней мы, Мария Федоровна Андреева и я, потрудились порядком. Как она у нас вышла — судить не нам, но все, что было в наших силах, мы разработали детально, пытаясь как можно глубже и тоньше передать всю сложность этих переживаний. Скажу лишь, что именно эта сцена принималась публикой наиболее шумно.

... Начало пятого действия снова переносило зрителя в королевский замок.

Краткая сцена доктора и придворной дамы предшествовала знаменитой сцене леди Макбет со светильником. Эта центральная сцена, как известно, является квинтэссенцией всей роли: по ней судят о силе исполнительских способностей актрисы, играющей леди Макбет. Надо сказать, что М. Ф. Андреева весьма тонко обдумала все психологические детали этого куса своей роли и произвела сильное впечатление...

Н. В. Петров
В ПАМЯТИ СЕРДЦА⁴⁷⁶

Оскар Уайльд назвал память «дневником, который все мы носим с собой».

Но происходит очень странная вещь: когда мы заглядываем в этот «дневник», некоторые страницы его заполнены подробным и последовательным изложением отдельных событий и фактов, а на некоторых вы наблюдаете только небольшие, короткие и отрывистые «пометы». И в этом своеобразии «записи», вероятно, сказывается различное ваше отношение к тому материалу, который память хранит в своем «дневнике». А раз это так, то невольно приходится согласиться с поэтом, посвятившим двести стихов своеобразию памяти:

О память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной.

Образ Марии Федоровны Андреевой сохранился у меня скорее в «памяти сердца». В отдельных коротких, но ярких встречах. Но странное дело, ни «память рассудка», ни «память сердца» не удержали то, что называется первой встречей.

Когда я вспоминаю М. Ф. Андрееву, у меня такое ощущение, как будто я ее всегда знал и не было того дня, когда мы встретились впервые. Мария Федоровна обладала прекрасным человеческим качеством располагать к себе людей с первой же минуты знакомства.

Приближалась первая годовщина Советской власти. Зарубежные «пророки», говорившие о недолговременности новой власти, неожиданно для себя увидели ее устойчивость. Прошел год — молодое государство трудящихся стало неумолимым жизненным фактом. Но театры все еще были в какой-то растерянности. Ведь так недавно Александринский театр в знак протеста против Советской власти прекратил спектакли в великолепном здании Карло Росси, и актеры играли в свою пользу в нынешнем помещении «Ленфильма», тогдашнем «Аквариуме», и только благодаря огромному такту и настойчивости А. В. Луначарского развороченный и взъерошенный муравейник бывших императорских театров вступал в свою производственную жизнь.

Страсти продолжали бушевать внутри театров, и нескончаемые совещания, заседания и митинги заполняли большую половину рабочего дня. Часть актеров покидала Петроград и уезжала на юг с тайной мыслью перебраться за границу, часть, затаив злобу к новой жизни, примолкла, а небольшая группа энтузиастов стремилась наладить творческую жизнь. Однако повернуть на новые рельсы тяжелую машину императорских театров было не так легко. Работа не очень-то клеилась.

Летом 1918 года группа актеров Александринского театра играла в Петрозаводске. И вот петрозаводчане очень уговаривали нас приехать к ним и на зимний сезон. Зимнего театрального сезона в Петрозаводске раньше никогда не было. Мы понимали, что зимний десятимесячный сезон, конечно, будет отличаться от двухмесячного летнего, но ответственность и новизна манили нас, и мы в конце концов согласились принять почетное предложение.

«А не переоцениваем ли мы свои силы, справимся ли? Ведь новые времена требуют и чего-то нового в работе». Такие мысли бродили в моей голове, когда я переходил площадь у цирка Чинизелли, шлепая по грязи и подняв воротник пальто. Осень в Петрограде была противная, и ранний снег, перемежаясь

постоянно с дождем, завалил буквально все улицы отвратительной холодной жидкой кашей. Было мокро и скользко, холодно и голодно.

— Николай Васильевич! Николай Васильевич! — этот голос раздался из остановившегося посреди площади автомобиля, сплошь залепленного снегом.

Дверца автомобиля была открыта, и я подошел посмотреть, кто меня зовет.

— Влезайте, влезайте в машину. Закройте дверцу. Сейчас мы с вами побеседуем на интересную тему, — сказала Мария Федоровна, знакомя меня с человеком, сидевшим тут же, в машине. — Затевается очень важное дело. Организуется Отдел театров и зрелищ Союза коммун Северной области. Я назначена комиссаром. Приглашаю вас быть заведующим художественной частью.

Я, всеми мыслями своими ушедший в будущее петрозаводского сезона, сидя в машине, слушаю неожиданное предложение Марии Федоровны.

— А что, Мария Федоровна, отдел уже существует? — робко спросил я.

— Пока что есть вот нас двое и машина, — ответила смеясь Мария Федоровна и обратилась к шоферу: — На Литейный. Особняк Гукасова.

Колеса начали буксовать в скользком и мокром снегу, и машина с трудом сдвинулась с места. Переехали мост через Фонтанку, проехали Семеновский переулок и повернули направо по Литейному проспекту. Я поблагодарил Марию Федоровну и сказал, что через три дня мы всем коллективом отбываем в Петрозаводск.

— Петрозаводск? — переспросила она. — Так ведь этот театр в моем подчинении. Хотите, я назначу туда кого-нибудь вместо вас, а вы оставайтесь здесь. Уверяю вас, работа будет очень интересная.

Соблазн, конечно, был велик, но благоразумие взяло верх, и я, еще раз поблагодарив комиссара за лестное предложение, попрощался и вылез из машины, так как она как раз в это время остановилась возле особняка Гукасова.

— Смотрите пожалуйста. Во всяком случае, если что-нибудь будет нужно, обращайтесь ко мне. Помните, что я ваш прямой начальник, — с улыбкой сказала на прощание обаятельная Мария Федоровна.

И правда, помощь ее была огромна. Когда возникли осложнения организационного порядка с местным отделом народного образования, в ведении которого находился театр, Мария Федоровна сразу же подчинила его непосредственно Петрограду, а меня назначила «уполномоченным Отдела театров и зрелищ Союза коммун Северной области по инспектированию театров в Олонецкой губернии». А когда весной 1919 года театр собирались эвакуировать в Вытегру в связи с наступлением белофиннов на Петрозаводск, Мария Федоровна немедленно вызвала театр в Петроград, частично переформировав его, и создала «Малый драматический театр».

По-хозяйски поступала Андреева. Она очень хорошо знала театральное дело, знала людей, работавших в театрах, и любила их; она заботилась о сохранении театральных коллективов, если они были творческими и жизнеспособными, и даже тогда, когда ей приходилось в силу создавшихся обстоятельств закрывать тот или иной театр, а театров в те времена возникало очень много, она всегда это делала мудро, стремилась, сохранив основу

коллектива, создать более нужный для данного времени театральный организм. Так, творческий коллектив закрывшегося впоследствии «Малого драматического театра» лег в основу вновь созданного в Петрограде театра «Вольная комедия».

Обремененная большой организационной работой, Мария Федоровна в эти годы мало выступала как актриса, хотя и состояла в труппе Большого драматического театра. Но инстинкт актрисы-художника, который сам непосредственно сталкивается с тысячей зрителей, властно владел ею.

Расскажу два небольших эпизода, раскрывающих эту любопытную черту художника-актера.

Эпизод первый. В честь второго конгресса Коминтерна в Петрограде готовилась грандиозная массовая постановка⁴⁷⁷, в которой участвовало свыше десяти тысяч человек. Руководителем всей постановки был К. А. Марджанов, постановщиками отдельных частей-актов С. Э. Радлов, В. Н. Соловьев и автор этих строк. «Сценической площадкой» для этой грандиозной пантомимы была лестница и портал Фондовой биржи. Зрители помещались на специально выстроенных трибунах возле одной из ростральных колонн. Постановка приурочивалась ко дню приезда В. И. Ленина и всех членов конгресса в Петроград.

К назначенному дню репетиционные работы были закончены, вся масса была в меру возможностей и необходимости одета, а частично и загримирована, и все мы с огромным волнением ждали начала представления. Не было только Марджанова и Андреевой, которая являлась комиссаром данной постановки.

Оставался час до начала представления, но огромные трибуны были пусты и только зрители спешили занять отведенные им места.

Наконец подъехала машина, из нее вышли Марджанов и Андреева, но то, что они сообщили, далеко нас не обрадовало.

— Члены конгресса, а также и Владимир Ильич приедут только завтра. Представление придется отложить, — сообщила нам Мария Федоровна.

Но как это сделать?

Как довести до сознания нескольких тысяч участников (а количество их в процессе работы выросло именно до этой цифры), что сегодня собрались зря, а вот завтра будет представление? Кто возьмет на себя смелость говорить с тысячной толпой, настроенной далеко не сочувственно ко всей этой затее.

— Я им все объясню и сообщу наше решение, — героически взяла на себя Мария Федоровна эту не очень приятную миссию.

Мы отправились на лестницу биржи, а представители групп участвующих пошли командовать: «Всем собраться для экстренного сообщения». Настроение было далеко не в нашу пользу, так как уже почти все откуда-то узнали о переносе представления и мрачно ожидали выступления комиссара. Андреевой не удалось закончить свою речь. Как только она сообщила, что представление откладывается на завтра, вся масса с ропотом двинулась к ней. Режиссуре, представителям групп и помощникам режиссеров пришлось начать уговаривать, разъяснять и упрашивать участников отдать еще один свой рабочий день.

— Ведь смотреть будут делегаты конгресса Коминтерна и Владимир Ильич.

Имя Ленина подействовало на наших «артистов». На завтра к семи часам все представление было «приведено в боевую готовность» и мы ждали приезда Ленина и делегатов, чтобы начать пантомиму.

— Я буду наблюдать, стоя за колоннами биржи и, как только подъедет Ленин, выйду на лестницу и махну вам белым платком. Это будет сигналом к началу представления, — сказала Мария Федоровна.

Наш командный пункт, пульт управления, как мы его называли, помещался сейчас же за трибунами, которые заполнялись прибывающими делегатами конгресса.

И вот мы увидели. Из-за белой колонны портала биржи вышла женская фигура в черном платье, она сошла на середину лестницы и, выждав, пока все сосредоточат свое внимание на ней, медленно вынула белый платок и махнула им. Мы поняли. Приехал Ленин. Представление началось...

Бывая в Ленинграде и проезжая мимо Фондовой биржи, я всегда вспоминаю черную женскую фигуру на опустевшей лестнице биржи и медленный взмах белым платком. Очень хорошо умела Мария Федоровна Андреева вносить театральность даже в обыденную жизнь, ну, а если это была не совсем обыденная, а такая, как перед началом огромнейшего массового представления, с таким особенным зрителем, то инстинкт актрисы подсказывал ей сделать нечто запоминающееся.

Одинокая женская фигура в черном платье надолго запомнилась всем, кто был на этом представлении.

Эпизод второй. 13 февраля 1921 года в Большом драматическом театре устраивался вечер-«капустник» для друзей театра. Традиции «капустников» в Художественном театре и вечеров «кабаре» с программой типа «Летучей мыши» прочно еще жили в театральном быту. Не было ничего удивительного, что и в Большом драматическом театре решили устроить такой вечер в связи с предстоящим отъездом Марии Федоровны Андреевой. Она получила новое назначение и покидала Петроград.

Театр прощался с актрисой, а все пришедшие, вся театральная петроградская общественность прощалась со своим комиссаром, которого все уважали и очень любили.

Когда составлялась программа, мы все высказали пожелание, чтобы и она сама приняла участие в каком-нибудь из номеров. Ведь это было традицией Художественного театра, и ничего зазорного мы в этом не видели.

— Ведь дирижировал же Немирович-Данченко «Прекрасной Еленой»? — говорили одни.

— А Станиславский, разве он не выступал на капустнике в роли директора цирка? — говорили другие.

— Мария Федоровна, вы должны принять участие в программе, — говорили уже все, стараясь убедить своего комиссара.

— Ведь вы же теперь не комиссар, — шутил Н. Ф. Монахов.

— Не комиссар, но... — с улыбкой защищалась Мария Федоровна от нашего общего натиска.

Назавтра было объявлено, что Мария Федоровна участвует в капустнике, но самый характер ее участия был глубоко засекречен. Знал об этом только я один, являвшийся режиссером данного вечера.

«Капустник» открывался веселыми куплетами, которые исполнялись Монаховым, Лаврентьевым, художниками Александром Бенуа и Владимиром Щуко, Максимовым, Музалевским, Мичуриным, Софроновым, автором данных строк и другими.

Куплеты сменялись танцами, инсценировками и общей песней, исполняемой всем зрительным залом. Большинство номеров связывалось с отъездом Марии Федоровны.

В центре программы шла пародийная пьеса «Сон поэта Блока», написанная в манере «Сна советника Попова» А. Толстого. Зачитывались полученные юмористические телеграммы и очередные номера «творческого бюллетеня», который выпускался по ходу программы.

Все было так, как полагается на настоящем, творческом «капустнике». Зрители весело принимали номера, но все ждали выступления Марии Федоровны, так как слух об ее участии проник и в зрительный зал.

Я попросил наших художников Александра Николаевича Бенуа и Владимира Алексеевича Щуко объявить эту «приятную неожиданность».

Уже само появление на просцениуме двух любимых художников, а не актеров, объявляющих следующий номер программы, насторожило зрителей, тем более что и одеты они были предельно торжественно и парадно. Фраки, цилиндры, монокли и тросточки несколько не гармонировали с обычной одеждой петроградцев в 1921 году.

В зале раздались аплодисменты и смех.

— Приятная... — сказал Бенуа.

— ... неожиданность, — закончил Щуко.

В оркестре прозвучала короткая барабанная дробь, свет на сцене потух, и только два луча прожектора освещали Бенуа и Щуко.

Они разошлись на края сцены и, когда барабанная дробь утихла, закончили свой конферанс.

— Аргентинское... — сказал Бенуа.

— ... танго, — закончил Щуко.

Вновь раздалась барабанная дробь, и лучи прожекторов, покинув Бенуа и Щуко, скользнули к центру сцены.

Умолкли барабаны, и под заунывные звуки «аргентинского танго» из люка начала медленно подниматься женская фигура спиной к зрительному залу. В паре с ней была мужская фигура, несколько ниже ее ростом, а потому и не сразу замеченная зрителем.

Конечно, зрители узнали Марию Федоровну и разразились бурными аплодисментами до того, как она по ходу музыки развернулась лицом к публике и начался танец.

Несколько раз наш танец прерывался бурными овациями, и мы его трижды повторили на бис, и каждый раз, ведя свою «даму» в танце и наблюдая за ней, я видел и огромную сосредоточенность и какую-то человеческую грусть. Ведь

она расставалась со всеми нами и уезжала на чужбину.

Танец кончался в глубине сцены. Придя на положенное место, я стал опять сзади партнерши, а крышка люка начала подниматься. Перед зрителем как бы представляла своеобразная скульптура, которую можно было бы назвать: «прощающаяся женщина». По ходу музыкальной партитуры опускались облачные тюли и образ этой «прощающейся женщины» постепенно скрывался.

Таково было прощание в «капустнике» Марии Федоровны со своими петроградскими друзьями.

... В 1937 году М. Ф. Андреева была председателем конференции, организованной ВТО в связи с первыми опытами созидания образа В. И. Ленина в драматическом театре.

Выступал на этой конференции и я, только что поставивший спектакль «Правда» Корнейчука в московском Театре Революции, где образ Ленина так блестяще был воплощен М. Штраухом.

В выступлении на этой конференции я рассказал о своей первой встрече с Владимиром Ильичем и о том, что эта встреча произошла именно благодаря Марии Федоровне.

Вспоминая сейчас о Марии Федоровне, как бы перелистываешь страницы не только своей личной жизни, но и той большой жизни, которая началась в 1917 году, когда действительно перевернулась страница истории жизни человечества.

П. С. Заславский **Я УЗНАЛ О НЕЙ В НАРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ...**⁴⁷⁸

В первые, еще до личной встречи, я узнал о Марии Федоровне Андреевой в нарымской ссылке. В Нарыме у нас был свой «университет», где ссыльные изучали в кружках историю России, политэкономия, философию и т. д. О деятельности большевистской партии было немного документов, главным образом нелегальная литература. Поэтому огромным подспорьем служили беседы и выступления участников съездов партии, конференций, членов ЦК, находившихся в ссылке.

Помню, как делегаты V съезда РСДРП рассказывали нам о той большой принципиальной борьбе, которую вели на съезде большевики против меньшевиков, бундовцев и других оппортунистов, как живо они передавали свои впечатления о Ленине, Плеханове, Мартове, Розе Люксембург и многих других.

Когда кто-то из слушателей спросил, были ли среди делегатов съезда женщины из России, они назвали «Наташу» (К. Н. Самойлову), «Соню» (Веру Слуцкую) и добавили: «Была у нас там еще Маруся, замечательная большевичка».

Съезд происходил в каком-то неудобном для заседаний церковном помещении. Этот товарищ, которого называли «Маруся», устроила буфет, кормила делегатов бутербродами, была к ним очень внимательна. Она

удивительно просто относилась к людям. Горький посылал к ней рабочих-делегатов за помощью, она дружески оказывала им различные услуги. Кто она — точно не знали; в кулуарах съезда одни говорили, что она очень богата и дает деньги на съезд; другие — что это известная актриса. Она хорошо разбиралась в сложных и спорных вопросах, обсуждавшихся на съезде, поддерживала линию Ленина. Говорили еще, что «Маруся» оставила мужа — гвардейского офицера, и уехала с Горьким. Мы, ссыльные, знали и любили Горького и потому радовались, что он был на съезде, был с Лениным и что у него вон какая жена — надежный друг. Помню, как очень подробно рассказывали об этом два делегата — латыши.

В 1918 году я работал секретарем Петроградского комитета РКП (б). Напряженная обстановка, насыщенная множеством срочных, сложных дел, не давала возможности близко наблюдать работу Марии Федоровны — комиссара театров и зрелищ. Когда я узнавал, что надо чем-либо помочь, я делал это через Луначарского. На заседании Совета Народных Комиссаров Союза коммун Северной области, как тогда именовалась высшая исполнительная власть в Петрограде, Луначарский познакомил меня с Андреевой. Раза два она вместе с Горьким приходила в Смольный по некоторым вопросам партийного характера. В Петрограде знали, что Мария Федоровна чрезвычайно благотворно действует на Горького, которого атакуют со всех сторон жалобами на беспорядки и трудности жизни писатели, художники, работники научных учреждений и Академии наук, оставшиеся в Петрограде после переезда правительства в Москву.

Более близко я узнал Марию Федоровну в 1929 – 1930 годах в Берлине. У меня остался в памяти образ жизнерадостного, удивительно чуткого, высокоодаренного и очень обаятельного человека.

В Берлине я работал секретарем советских землячеств. Это были годы первой пятилетки. Нужно было организовать экспорт товаров, которые могли дать валюту для приобретения машин и оборудования, необходимых нашей стране. Вести торговлю с акулами капиталистического мира было делом довольно сложным. Среди членов партии «коммерсантов», то есть людей, знающих тонкости торговой механики капиталистических держав, было очень мало, и потому дело сначала не ладилось. Вспоминая то время, могу сказать, что среди сотен работников Внешторга за границей Мария Федоровна выгодно выделялась тем, что прекрасно знала порученную ей область: экспорт художественных товаров, изделий искусства, ковров и т. п. Она хорошо знала и то, что представляют собой различные фирмы, умела распознавать спекулянтов-посредников из бывших людей, бежавших из СССР. Она вела внешнеторговые операции с большим знанием дела, что было крайне важно и давало нам необходимые средства для решения практических задач первой пятилетки.

В 30-х годах происходила проверка рядов ВКП (б). Из Москвы приехала к нам группа товарищей для личного ознакомления с деятельностью советских руководителей за границей. Помню, какое громадное впечатление на всех нас произвела Мария Федоровна. Эта женщина, по рождению принадлежавшая к высшим классам, талантливая артистка Художественного театра из числа

блестящего созвездия Станиславского, молодая и красивая, пришла в партию большевиков по велению сердца, целиком отдавшись служению своему народу. Она передавала большевистской организации оружие, собирала большие средства для партии, для помощи заключенным в тюрьмах, для побегов из ссылки. Она была очень скромным человеком, и товарищам приходилось дополнительными вопросами выяснять все новые и новые черты ее самоотверженной жизни. Таких женщин у нас в революции было не так уж много, о них мало известно. А жаль! Надо полнее, правдивее представить, рассказать о прекрасной плеяде женщин-революционерок, боровшихся в рядах рабочего класса за светлые идеи коммунизма еще в тяжелые годы самодержавия в России.

Н. А. Луначарская-Розенель **ЖЕНЩИНА БОЛЬШОЙ СУДЬБЫ**⁴⁷⁹

В конце октября 1925 года А. В. Луначарский впервые после Октябрьской революции выехал в Западную Европу.

Предполагалось, что в Берлине Анатолий Васильевич проведет недели две, столько же в Париже, а затем будет отдыхать на юге Франции. В Берлине наше полпредство старалось как можно полнее использовать пребывание Луначарского для того, чтобы шире познакомить немецкую интеллигенцию с культурой молодой Советской республики.

На первом приеме в нашем полпредстве, устроенном в честь Луначарского, у меня буквально разбежались глаза: вот подошел к Анатолию Васильевичу режиссер с мировым именем — Макс Рейнгардт, и с ним его жена, талантливая артистка Елена Тиммих; вот прямой наследник великих трагиков Поссарта и Барная — стареющий красавец Бассерманн; вот знаменитые художники — глава немецких импрессионистов Макс Либерманн, а за ним своеобразный художник, оригинальный человек Слефогт со своим неизменным другом, замечательным рисовальщиком Эмилом Орликом, чехом по происхождению. А эта с виду такая скромная пара — сам великий Альберт Эйнштейн с женой.

Сквозь расступившуюся толпу гостей к нам приближается женщина немного выше среднего роста, с коротко стриженными рыжеватыми волосами, в очень изящном и скромном светло-сером платье. Она еще издали приветливо улыбается Луначарскому. Но по дороге ее останавливает советник французского посольства; сделав знак Анатолию Васильевичу, она задержалась, свободно и непринужденно беседуя с дипломатом.

— Кто это? Какое знакомое лицо! — спросила я у Анатолия Васильевича.

— Как, разве ты не знаешь? Это Мария Федоровна Андреева.

Но тут Мария Федоровна радостно, по-товарищески пожимает руку Анатолию Васильевичу и говорит мне:

— Нас нечего знакомить! У меня такое чувство, что я вас давно знаю. Я так была дружна с вашим старшим братом!¹ Какой талант! От него я часто слышала

¹ И. А. Сац — композитор, заведующий музыкальной частью МХТ.

о маленькой Наташе. Мне кажется, я вас узнала бы по сходству. Сегодня я приходила к вам в полпредство, но не застала. Анатолий Васильевич, мы оставим вас ненадолго, я хочу познакомить Наталью Александровну с актерами и режиссерами. Вот смотрите, там направо от колонны — Элизабет Бергнер.

Мы направились к маленькой хрупкой Бергнер, до странности похожей на нашу Комиссаржевскую.

В огромном переполненном зале Мария Федоровна раскланивалась направо и налево, у нее были десятки знакомых. Она переходила с русского языка на французский, с английского на немецкий и так же свободно на итальянский. Все это делалось легко, без малейших усилий: она умела сказать каждому любезное, приветливое слово и в то же время была полна чувства собственного достоинства.

До меня долетали слова, раздававшиеся ей вслед: «Фрау Андреева! Ну да, знаменитая фрау Андреева». Иногда произносилось имя «Gorky». Видно, берлинцы хорошо знали Марию Федоровну.

Я не могла скрыть своего восхищения:

— Какая же вы, однако, полиглотка! На скольких языках вы говорите?

— Ну, я ведь подолгу жила за границей. Немецкий и французский изучала в детстве. Вот что касается итальянского, могу похвастать, говорю на всех диалектах, это не так просто! Впрочем, Анатолий Васильевич ведь тоже кроме литературного языка хорошо владеет неаполитанским диалектом.

Я не переставала любоваться Марией Федоровной: точеный профиль, лучистые карие глаза, изящный рисунок бровей: а как умно, с каким вкусом подобрано это серое платье к цвету волос, как удачно найдена эта рамка для немолодой, но такой красивой женщины! Я просто не сводила с нее глаз. А она в это время беседовала с седым профессором, тайным советником, как полагается в Германии, об успехах археологической экспедиции в Северной Африке.

Мария Федоровна пригласила профессора-археолога в буфет, где несколько его не менее знаменитых коллег уже угощались зернистой икрой и растегаями. Там был один крупный ученый, вернувшийся недавно из Москвы, где я видела его на официальных приемах.

— Как вы пощипаете? — спросил он меня по-русски и победоносно оглянулся на своих коллег. Он, по-видимому, был горд, что побывал в Москве и видел то, о чем его друзья знали только понаслышке.

— Икру я ел там ежедневно, — похвастал он, — и не только обыкновенную черную, а — представьте себе, господа, — я там пробовал красную икру!

Все заахали от восхищения и зависти, а мы с Марией Федоровной незаметно переглянулись.

— Скромно же его принимали, — сказала Мария Федоровна, сохраняя на лице выражение внимания и радушия.

Неподалеку от нас молодая русская женщина, жена одного из сотрудников торгпредства, сидела за столиком с двумя иностранными журналистами, усердно подливая им коньяк. Она громко смеялась, болтала, безбожно коверкая французский язык, и пила рюмку за рюмкой. Я увидела, как у Марии

Федоровны вдруг окаменело лицо; не исказилось, не вытянулось, а вдруг стало каким-то твердым, мраморным. Она прошла возле этой женщины и очень тихо, как бы мимоходом сказала:

— Милая, вы на официальном приеме. Вы, кажется, забыли об этом.

Я заметила, как у той сразу прошло опьянение. Под каким-то предлогом она тут же робко и сконфуженно убежала из зала.

«Однако, — подумала я, — ай да Мария Федоровна! Вот как ее здесь уважают и боятся».

Мы вернулись к Анатолию Васильевичу.

— Я познакомила Наталью Александровну кое с кем из берлинцев. Если хотите, я буду вашим гидом и покажу вам все самое интересное в театрах. Не то уважаемые товарищи из полпредства будут таскать вас на всякое старье. Я их очень ценю за многие качества, но, видит бог, в театре они мало разбираются.

Мы условились о встрече на завтра и расстались. Начинался концерт, но до конца приема я с удовольствием искала глазами среди гостей изящную женственную фигуру в сером платье.

Когда после приема мы остались вдвоем, Анатолий Васильевич спросил меня:

— Кто произвел на тебя самое сильное впечатление сегодня?

Я ответила не задумываясь:

— Конечно, Андреева...

С самого раннего детства я запомнила большую фотографию, стоявшую у моей матери в гостиной на круглом столике: молодая, совсем юная женщина сидит, слегка откинувшись, в качалке; у нее нежный девический овал лица и немного грустная полуулыбка на губах, глаза устремлены куда-то далеко, они смотрят не видя.

— Кто это? — приставала я к матери.

— Это Андреева, знаменитая артистка Художественного театра.

Со слов старших я знала, что в Москве есть Художественный театр и что мой взрослый брат Илья сочиняет музыку для этого театра. Станиславский, Москвин, «Чайка», «Синяя птица» — эти слова я повторяла, когда научилась говорить, а когда научилась читать, прочитала на фотографии красивой дамы в качалке: «На добрую память Илье Александровичу о совместной работе. М. Андреева».

— Мама, ведь этот портрет она подарила Илье?

Мама смеется.

— А я отняла его у Ильи. Мне так нравится Андреева, становится легко на душе, когда я смотрю на нее.

Позднее к портрету в качалке прибавились фото в ролях из «Потонувшего колокола», «Одинокх», «Романа».

Затем, когда я сделалась взрослой и поступила на сцену Малого театра, мне приходилось много, очень много слышать о Марии Федоровне от актеров. (Она в это время уже оставила сцену и работала в торгпредстве в Берлине.)

Странно! Я ни разу не слышала о Марии Федоровне отзыва безразличного,

тепловатого, равнодушного. Нет, все мнения о ней были контрастными: ее порицали или восхваляли, любили или ненавидели. И, как мне кажется, единственный, кто спокойно, без пафоса и в то же время без желания умалить ее качества говорил о Марии Федоровне, — был Анатолий Васильевич; но к его отношению к Андреевой я еще вернусь...

На следующий день после приема в точно назначенный час Мария Федоровна приехала к нам и привезла список самых интересных спектаклей и выставок в Берлине. В этот вечер мы были приглашены в театр «Фольксбюне» на премьеру драмы Анатолия Васильевича «Освобожденный Дон-Кихот». Мария Федоровна и сотрудники полпредства поехали с нами.

«Фольксбюне» — один из крупнейших драматических театров Берлина, расположенный в северо-восточной рабочей части города, — был театром серьезным и прогрессивным по своему репертуару, с хорошей, крепкой труппой. Перевод «Освобожденного Дон-Кихота» был сделан очень добросовестно, особенно удачно были переведены все шутки и каламбуры.

В сезон 1923/24 года эта драма Луначарского была поставлена в театре Корша режиссером И. М. Лапицким, который значительно сократил ее, убедительно доказав автору абсолютную необходимость этого. А в Берлине в пьесе, названной автором «драмой для чтения», не было сделано ни одной купюры. Анатолия Васильевича этот слишком большой пиетет к его тексту просто напугал, и он сказал об этом Марии Федоровне:

— Ведь спектакль кончится в первом часу; боюсь, что публика устанет.

— А вы обратите внимание, как слушают, — ответила Мария Федоровна. — Дирекция «Фольксбюне» знает свою публику.

Да, слушали и принимали здесь, действительно, великолепно. Усталости в публике не замечалось, хотя в берлинском театре вместо трех антрактов был всего один.

Во время этого единственного антракта мы с Анатолием Васильевичем были приглашены за кулисы, чтобы познакомиться с исполнителями, и я снова стала свидетельницей популярности Марии Федоровны среди деятелей немецкого театра.

После окончания спектакля весь зрительный зал стоя приветствовал Луначарского. Дирекция уговорила его выйти на сцену. Я видела, с каким радостным волнением переживала Андреева успех советского драматурга. Прощаясь, она троекратно облобызала Анатолия Васильевича — «на радостях», как она выразилась.

В последующие дни в берлинской прессе появилось много статей об «Освобожденном Дон-Кихоте», статей положительных, даже хвалебных. Только явно реакционная газета «Штальхельм» писала, что «Освобожденный Дон-Кихот» — замаскированная большевистская агитация, которую нельзя терпеть на немецкой сцене; агитация настолько художественная и ловкая, что она способна обмануть бдительность цензуры и именно поэтому особенно опасна.

Мария Федоровна читала нам вырезку из этой газеты, сопровождая чтение своими комментариями. Я снова и снова поражалась ее осведомленности: она метко, двумя-тремя штрихами охарактеризовала газету, тех, кто ее финансирует,

кто являлся истинным вдохновителем «рыцарей пера», авторов этой злобной рецензии. Многие уточнились для Анатолия Васильевича благодаря ее остроумным репликам.

Из ряда виденных в обществе Андреевой спектаклей мне запомнилась оперетта «Терезина» с Фрицци Массари, блестящей и тонкой актрисой, в главной роли. С особым блеском проводила она сцену третьего акта, где героиня, ставшая из уличной певицы знаменитостью, приходит к императору Наполеону, которого она знала в юности бедным офицериком. Фрицци Массари буквально очаровала всех своей умной и тонкой игрой. Мария Федоровна горячо аплодировала и позднее, за ужином, все продолжала хвалить актрису: «Как она сумела облагородить оперетту! Никакого штампа! Ничего вульгарного! Станиславский мог бы оценить такую игру».

Не выдержав, я спросила Марию Федоровну, как она может, так любя театр и так владея актерским мастерством, работать уже много лет совсем в другой области. Спросила и смутилась: я испугалась, что своим вопросом, быть может, разбередила какую-то еще не затянувшуюся рану. Мария Федоровна ответила просто и спокойно, что считает свой отход от театра временным и в ближайшие годы непременно вернется на сцену. Но и сейчас (тут ее лучистые глаза засветились особенно тепло и молодо) она свой досуг отдает театральному искусству, пробуя себя в режиссуре, готовит с сотрудниками полпредства и торгпредства спектакль типа «Синей блузы». Это было неожиданно. Андреева и «Синяя блуза»! Но она говорила об этом с таким увлечением, с таким энтузиазмом, что я от души пожелала ей успеха.

Когда мы снова через два месяца приехали в Берлин, первое, что я увидела на перроне вокзала, было оживленное, улыбающееся лицо Андреевой, которая ждала нас в группе товарищей из полпредства. После первых приветствий она сообщила нам, что спектакль готов и через несколько дней будет показан в советском клубе. Мы с Анатолием Васильевичем были на этом спектакле.

В антракте мы пошли поздравить Марию Федоровну, а заодно и познакомиться с «актерами». За кулисами «командовала» Мария Федоровна, одетая, как и «актеры», в темно-синий напоминающий комбинезон костюм. Она была совсем не похожа на ту изящную, спокойную, сдержанную женщину-дипломата, какую мы видели на официальном приеме. Здесь Мария Федоровна была полна какой-то особой энергии, подбадривала одних, прикрикивала на других, отдавала распоряжения электрикам, реквизиторам, сама ударяла в гонг.

Я не могу сказать, был ли этот спектакль действительно так хорош, но увлеченность Андреевой, горение собравшейся вокруг нее в этом кружке молодежи (впрочем, «молодежь» там была относительная) — все это заставляло с особой теплотой и симпатией относиться к работе ансамбля.

То, что Мария Федоровна — знаменитая актриса, ответственный работник, старый член партии — весело, молодо, не боясь «уронить» свой престиж, не боясь испортить свою внешность неуклюжим комбинезоном, с таким непосредственным увлечением входила во все мелочи постановки, — трогало, пожалуй, больше, чем самый спектакль.

Через несколько дней Луначарского пригласили на премьеру его драмы

«Слесарь и канцлер», которая исполнялась силами актеров-полупрофессионалов; часть ролей, особенно молодых, играли любители из рабочей молодежи. Этот спектакль был устроен городским комитетом Компартии Германии в большом зале на северной, рабочей окраине Берлина. С Луначарским поехали Андреева, я и несколько сотрудников полпредства. Меня поразили размеры зала — огромного, неудобного, в сущности, малоприспособленного для драматического спектакля. При появлении Анатолия Васильевича весь зал поднялся и все 3500 зрителей, сжав кулаки, проскандировали «Рот фронт». Это было грандиозно! Это было очень волнующе!

Играли неровно, но с подъемом, с увлечением, чему отчасти способствовало и присутствие автора. Публика дружно аплодировала, часто раздавались аплодисменты и посреди действия. После окончания единодушно вызывали автора и не успокоились, пока он не вышел на сцену. Тогда весь зал стоя запел «Интернационал»! Здесь, в капиталистическом Берлине, пение «Интернационала», такое могучее и стройное, окрыляло и вселяло какие-то большие надежды. Нельзя было оставаться спокойным. Я почувствовала комок в горле. Взглянув на Марию Федоровну, я заметила у нее слезы на глазах. Она сжала мою руку.

— Не ожидали услышать здесь такое? О! Немецкий рабочий класс — великая сила.

В подъезде публика не расходилась, ждали Луначарского и снова устроили ему овацию. Юноши и девушки продавали в пользу МОПРа открытки и значки с фотографиями Ленина, Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Чичерина, Луначарского.

Мы еще чувствовали себя в другом мире, когда машина вывезла нас из темных улиц Нордена с их домами-казармами на сверкающие, залитые неоновым светом центральные улицы.

Нам все не хотелось расставаться, несмотря на поздний час. Анатолий Васильевич находился под сильным впечатлением этого вечера, и не только от спектакля, а в большей степени от зрителей, от их организованности, их революционного подъема.

Мария Федоровна увлекательно рассказывала о настоящих кадровых рабочих Германии, об их нравах, быте, вкусах, об их настроениях.

— Мария Федоровна, отчего вы не пишете? Вы так много видите, так наблюдательны. Вы умеете так живо, интересно рассказывать, — спрашиваю я ее.

— Нет, нет, что вы! Пусть писатели пишут. А мое дело — играть, — говорит Мария Федоровна смеясь...

В Москву приходили письма Марии Федоровны — то адресованные Луначарскому, то нам обоим, то одной мне. Писала, что тоскует по Москве, сообщала, что ее пригласили сниматься в кино, но она колеблется, стоит ли принимать это приглашение. «В моем положении государственной служащей — не знаю, удобно ли? И где же мне выкроить время? Придется посвятить свой отпуск съемкам — это единственно возможное решение вопроса. Но трудно

отказаться от отдыха». Между строк чувствовалось, что ей очень хочется принять предложение кинофирмы...

Я так подробно остановился на встречах с Марией Федоровной в 1925 и 1926 годах, потому что они были началом наших добрых и все более крепнущих дружеских отношений. Мы писали друг другу не очень часто, но я всегда радовалась, получая конверт с немецкой маркой, надписанный рукой Марии Федоровны.

Между тем в ее письмах все чаще звучала тоска по родине, и наконец она просто и откровенно написала Анатолию Васильевичу, что, если бы партия сочла возможным использовать ее опыт и знания в области искусства, она бы охотно оставила работу в торгпредстве. Прочитав одно из таких писем, Анатолий Васильевич сказал: «Вот кто должен возглавлять ВОКС! Мария Федоровна просто создана для ВОКСа, а ВОКС для нее: говорит на всех европейских языках, отлично умеет держаться, имеет уже и сейчас большие культурные связи с границей. Старый, проверенный член партии, энергичный человек, умница, организатор». Мне было очень приятно, что Анатолий Васильевич так безоговорочно признает преимущества Марии Федоровны перед другими возможными кандидатами. Но Внешторг крепко держался за Марию Федоровну, и эти планы пришлось отложить на неопределенное время.

Летом 1927 года мы снова приехали в Германию и вскоре были в гостях у Андреевой, в ее уютной, скромной, очень скромной квартирке в западной части Берлина.

Обаяние и радушие Марии Федоровны скрашивало все, даже вид этих комнат, где главным украшением были фото хозяйки и живые цветы в многочисленных вазах. Это были обычные, повторяю, скромные комнаты интеллигентной труженицы.

Я подчеркиваю это потому, что в Москве мне приходилось слышать легенды о сказочной роскоши, в которой живет Андреева. Какая нелепая выдумка! Все вещи, вся атмосфера в этих двух комнатках — все дышало ее привычной трудовой жизнью.

Обед был очень вкусный, чувствовалась забота хозяйки, желание принять и угостить как можно лучше, от души, по-русски. Да и обед был традиционно русским: борщ с ватрушками и пельмени.

— Мария Федоровна, у вас отличный русский стол... Как вам удалось вымуштровать свою немку?

Она покачала головой:

— Нет, нет, мне никого не пришлось муштровать.

— Значит, у вас русская кухарка?

— Как же! Конечно, русская. У меня в кухарках Мария Федоровна Андреева.

Меня очень тронуло то, что Мария Федоровна сама хозяйничает, да еще так искусно, и сама с такой простотой говорит об этом.

Вообще здесь, у себя дома, она мне понравилась еще больше, чем во время наших прежних встреч: она была еще ласковее и задушевнее. И внешне она была как-то по-новому привлекательна: на ней была скромная светлая блузка;

под тонкими, красиво изогнутыми бровями ее лучистые глаза улыбались мягкой, приветливой улыбкой.

Я попросила Марию Федоровну показать нам кадры из фильма, в котором она недавно снималась. Она была на этих снимках красива и значительна, но выглядела старше, чем в жизни. Оказывается, это требовалось по роли, и гример и оператор сознательно несколько ее состарили. Фильм уже сошел с первого экрана и, по-видимому, особым успехом не пользовался.

— Дельцы и халтурщики, вот что такое большинство здешних кинематографистов. Тем, кто имел счастье работать с Константином Сергеевичем, невозможно иметь с ними дело, — с горечью заметила Мария Федоровна.

Зато она с гордостью говорила об успехе наших фильмов в Германии. Эйзенштейн и Пудовкин были тогда общепризнанными мастерами передового кино. «Мать» Пудовкина с Верой Барановской и Николаем Баталовым вызвала настоящий энтузиазм. Публика буквально штурмовала здание кинотеатра, в котором шел этот фильм. «Коллежский регистратор» с участием Москвина, поставленный сыном Андреевой, Ю. А. Желябужским, тоже был очень хорошо принят в Германии.

Кстати, вспоминается один забавный и в то же время характерный случай. Клеветники не оставляли в покое Марию Федоровну. У одних моих знакомых некая киноактриса сказала мне посмеиваясь: «Вы, кажется, хорошо знакомы с Андреевой? Вы слышали — у нее роман с режиссером Желябужским?» — «Что за вздор!» — возмутилась я. «Нет, не вздор! Я сидела как раз за ними на одном просмотре в кино, они ворковали как голубки, и я сама отлично слышала, что Андреева обращалась к Желябужскому на “ты”». «А как же Марии Федоровне прикажете обращаться к Желябужскому? Ведь он — ее сын!!» «Вот уж этому никто не поверит: он выглядит лет на пятнадцать старше!» Я рассказала Марии Федоровне об этом инциденте; она пожала плечами: «Обо мне всегда сплетничали; я приучила себя не реагировать на сплетни».

С жадностью расспрашивала Мария Федоровна о Москве и когда Анатолий Васильевич сказал ей, что на месте пустыря на берегу Москвы-реки у Крымского моста будет устроен парк культуры и отдыха, Мария Федоровна горячо одобрила этот план:

— Ну конечно, давно пора. Ведь в Москве до сих пор единственное место гуляний — Сокольники. Для такой столицы это просто мизерно. Лишь бы такое важное и нужное дело не попало в неподходящие руки, только бы не засушили его наши бюрократы. И знаете, Анатолий Васильевич, нам в этой области есть чему поучиться у немцев. Посмотрите, как у них организован берлинский «Луна-парк», сколько аттракционов, какое великолепие! Вы непременно там побывайте.

И через несколько дней мы небольшой компанией, предводительствуемые Марией Федоровной, отправились в «Луна-парк». Мария Федоровна вела нас по обдуманному заранее маршруту, она знала каждый уголок парка. Мы стреляли в тирах в каких-то зверей и птиц, в мельницы и звезды, попадали редко, главным образом «чуть-чуть не попадали». «Снайпером», несмотря на

близорукость, оказался Луначарский, который вообще неплохо стрелял. Он щедро поделился с нами своими «настрелянными» трофеями. Мы вертелись на всех каруселях и самолетах, смотрелись в кривые зеркала, причем Анатолий Васильевич говорил, что это кощунство, что для женщин эти «комнаты смеха» противопоказаны. Но мы только смеялись над уродцами, одетыми в похожие на наши платья. В этой пестроте, суете, толкотне Андреева чувствовала себя как рыба в воде, она была неумоима и повела нас на «русские горы» (которые у нас называются «американскими горами»). В берлинском «Луна-парке» эти горы «свирипее», чем все, какие мне пришлось видеть. Мы взлетали вверх, стремительно падали вниз, делали крутой вираж. Немки пронзительно визжали. Мы сначала иронизировали на их счет, а затем сами вскрикивали на резких поворотах. Но главное — фейерверк! Фейерверк действительно великолепный, разнообразный, с большой выдумкой, эффект его усиливался отражением огней в прудах и водоемах.

— Значит, не ругаете меня, — сказала Мария Федоровна Луначарскому. — Сюда ходят рабочие, мелкие служащие, это подлинно народное развлечение. А если у нас к отдыху прибавят еще и культуру! Огромные возможности! Пусть некоторые аттракционы здесь безвкусны, пусть в них есть, несомненно, и недостатки, — я утверждаю, что это демократическое зрелище. Обратите внимание: мы не встретили здесь ни одного пьяного, ни одного хулигана...

Анатолий Васильевич поблагодарил Марию Федоровну за этот вечер, который дал ему возможность ознакомиться с немецким народным гуляньем.

В этот приезд Луначарский обещал помочь Марии Федоровне перейти на работу в Москву, но ее не прельщала административная деятельность. Возможно, что участие в немецком фильме всколыхнуло ее где-то глубоко затаенную тоску по сцене, и она создалась, что больше всего ей хотелось бы вернуться в театр.

— Ведь здесь недавно был Константин Сергеевич, и вы, конечно, виделись с ним. Вы говорили с ним о возвращении в театр? Как он отнесся к вашему желанию? — спросил ее Анатолий Васильевич.

По лицу Марии Федоровны пробежала тень.

— Нет, он не предложил мне сам. И я не заговорила с ним об этом. — Она помолчала. — Художественный театр — мое прошлое, пусть прошлым и останется. Я думаю о Малом театре.

Мне было понятно настроение Марии Федоровны. В самый расцвет своего актерского дарования, в момент наибольшего успеха и признания она оставила Художественный театр, чтобы разделить судьбу А. М. Горького, и теперь, через много лет после большого перерыва вернуться в театр уже на другое актерское амплуа было бы ей слишком тяжело. Другое дело — Малый театр, новый для нее, где она могла бы наново начать свою актерскую жизнь, играя пожилых героинь.

Часто в разговорах со мной она возвращалась к этой теме; постепенно ее все больше и больше привлекала мысль вернуться на сцену, и именно в Малый театр.

В эти годы я сама работала в Малом театре, хорошо знала всю его труппу и

репертуарные планы, и мне казалось, что вступление Марии Федоровны в коллектив старейшего русского театра может быть только желательно со всех точек зрения. При правильном распределении актерских сил она никому из актрис ее возраста не помешала бы и не ущемила их интересов. Между тем высокая культура Андреевой, ее партийность могли бы внести много ценного во внутреннюю жизнь театра.

И Мария Федоровна, касаясь этого вопроса, неоднократно подчеркивала, что она ни у кого в Малом театре «хлеб отбивать не собирается». Но все оказалось не так просто. Когда Анатолий Васильевич заговорил о желательности приглашения Марии Федоровны в Малый театр, директор его, В. К. Владимиров, изо всех сил стал сопротивляться ее вступлению в труппу. Он убеждал и доказывал, что Андреева типичная представительница Художественного театра, совсем другой актерской школы, что ее игра будет дисгармонизировать со всем ансамблем театра и это вызовет возражения в коллективе, тщательно оберегающем свои традиции.

Позднее мне пришлось говорить с актрисами, на которых ссылался В. К. Владимиров, но никакого антагонизма с их стороны к Андреевой я не заметила. Правда, в те годы в пьесах, входивших в репертуар театра, было мало ведущих женских ролей. Одна из лучших, на мой взгляд, актерских черт — жадность к работе. И пожалуй, в этом смысле появление новой для театра известной актрисы могло несколько обеспокоить женский состав труппы. Но, повторяю, антипатии к Марии Федоровне я не почувствовала. Что касается «другой школы» — это была просто отговорка: ведь Мария Федоровна кроме Художественного театра с успехом работала в незлобинском, соловцовском и Большом драматическом театрах.

Анатолий Васильевич готов был тогда зачислить Андрееву в Малый театр приказом по Наркомпросу, но она сама, узнав стороной о том, как якобы отнеслись к ее вступлению в труппу, просила Луначарского не делать этого, тем более что ее по-прежнему Внешторг не отпускал с работы.

Решено было на некоторое время отложить вопрос о поступлении в Малый театр, но не отказываться от этого намерения.

Начиная с ноября 1927 года до весны 1928 года, а затем с сентября 1928 до февраля 1929 я работала в Берлине, снималась в двух фильмах, а кроме того, осенью 1928 года участвовала в дополнительных натурных съемках фильма «Саламандра» производства «Межрабпомфильма».

В течение этих месяцев я часто, очень часто виделась с Марией Федоровной и ближе узнала ее жизнь, ее мысли и переживания.

Работа в кино была изнурительная даже просто физически.

Я возвращалась в 9 часов вечера, совершенно изнемогающая от усталости, к себе в гостиницу и, несмотря на молодость, часто не находила в себе сил одеться и пойти в театр или в гости. Как приятно было услышать стук в дверь и после моего «Herein!» увидеть милое, ласковое лицо Марии Федоровны, улыбающееся мне из-под полей низко надвинутой фетровой шляпы.

— Ай-ай-ай, что ж это они вас так изводят?

Я рассказывала Марии Федоровне о всех впечатлениях дня, о нравах и

людях буржуазного кино. Она смеялась, не без горечи, над моими порой недоуменными вопросами:

— Деточка! Вам незнакома конкуренция, борьба за существование. — Мария Федоровна отлично знала берлинское кино, ведь в течение нескольких лет в ее ведении был отдел кино в торгпредстве. Она умела несколькими штрихами удивительно метко охарактеризовать режиссеров, сценаристов, актеров кино, умела отделить подлинных художников от ловких ремесленников и дельцов. Она на многое открывала мне глаза. Для меня авторитет Андреевой во всем, что касалось человеческих взаимоотношений, в запутанных и сложных противоречиях между искусством и бизнесом был совершенно бесспорен.

Мы засиживались с ней до глубокой ночи, а потом Мария Федоровна ругала себя и меня, называя «неисправимыми полунощниками».

В свободные от съемок дни я бывала у Андреевой на Лютерштрассе. У нее было хорошо и уютно, когда мы оставались в своей небольшой компании, но частенько к Марии Федоровне приходили со всякими делами и просьбами люди явно корыстные, и она не всегда умела оградить себя от них.

До знакомства с Андреевой мне доводилось слышать о ее резкости, даже жесткости к людям, — это абсолютный вымысел. Она была очень добра, и не как-нибудь абстрактно, прекраснодушно добра, она и в доброте была активна: ей всегда нужно было что-то делать для людей, заботиться о них, помогать им.

В ту осень я пережила тяжелый момент. Нежданно-негаданно я получила в Берлине телеграмму от Луначарского из Харькова: «Лечу Армавир. Шлем привет». За его подписью следовала другая, в которой я с ужасом узнала имя моего давнишнего знакомого летчика из знаменитой разновидности летчиков 15-го года, храброго, опытного, но большого любителя выпить, летчика-лихача. Врачи категорически запретили Анатолию Васильевичу летать из-за болезни сердца, а тут еще такое огромное расстояние, Донбасс с его воздушными ямами и такой отчаянный шеф-пилот! Эта телеграмма привела меня в ужас. Мне казалось, что обязательно произойдет несчастье!

В это время позвонила Мария Федоровна. Я рассказала ей о телеграмме и своих опасениях. Через двадцать минут она приехала и всячески пыталась меня успокоить. Мы вместе сочинили ряд телеграмм в Харьков, Ростов, Армавир, в которых я настаивала, чтобы Анатолий Васильевич продолжал путь поездом.

Мария Федоровна не оставляла меня весь день, провела у меня ночь; расстались мы с ней только утром, когда пришла телеграмма от Анатолия Васильевича из Армавира: «Не понимаю, но подчиняюсь. Ты заставишь меня ездить на волах». И тут я по выдержала — разрыдалась. Я думала, что Мария Федоровна выругает меня за паникерство, за отсутствие выдержки. Но она сказала с доброй, несколько грустной улыбкой:

— Все это понятно, вы его любите. Ну, успокойтесь, отдохайте, а я должна идти на работу.

Пусть мои тогдашние опасения были преувеличенными, но Мария Федоровна проявила столько настоящего внимания и чуткости, что я навсегда запомнила это.

Осенью 1928 года, возвращаясь из Москвы в Сорренто, проезжал через

Берлин Алексей Максимович Горький.

Тогда он останавливался не в полпредстве, как в последующие свои приезды, а в довольно скромном «Палас-отеле».

Утром мне позвонила Мария Федоровна и сказала, что Алексей Максимович привез для меня письмо от Анатолия Васильевича и хотел бы меня видеть и подробно рассказать о нем. Мария Федоровна предложила заехать за мной к 6 часам и вместе отправиться к Горькому. Я была благодарна ей, так как мало знала окружение Горького, да и с самим Алексеем Максимовичем до этого виделась два-три раза.

В назначенное время Мария Федоровна приехала ко мне, и мы вместе отправились в «Палас-отель». Мне показалось, что она была несколько молчаливее и сосредоточеннее, чем обычно.

У Алексея Максимовича оказалось очень многолюдно. Кроме сына с женой было еще несколько человек, ехавших с ним из Москвы, и несколько советских «берлинцев». Я была разочарована, потому что надеялась застать Горького одного и подробно расспросить его об Анатолии Васильевиче и вообще о московских делах и настроениях.

Письмо Анатолия Васильевича было очень хорошее, но короткое; оно заканчивалось словами: «Алексей Максимович обещал рассказать тебе все подробно». Но разговор был общий, очень веселый, за шумным чаепитием. Я обратила внимание на Марию Федоровну. Она сидела прямая, строгая, несколько напряженная. На ее губах была полуулыбка, она любезно отвечала на вопросы, но, казалось, мысли ее были где-то далеко... Алексей Максимович усердно угощал ее:

— Маруся, налить тебе чаю? Маруся, попробуй это печенье.

Наконец мне удалось найти подходящий момент, и я напомнила Алексею Максимовичу о его обещании рассказать об Анатолии Васильевиче. Мы ушли с ним в соседнюю комнату. Горький сказал, что Анатолий Васильевич невероятно много работает, устает, плохо выглядит, не слушается врачей; говорил он с сочувствием и симпатией; меня его рассказ огорчил и встревожил. Было одно желание: как можно скорее закончить работу и вернуться домой, чтобы там попытаться наладить лечение и режим Анатолия Васильевича.

Когда мы с Алексеем Максимовичем вернулись к обществу, там по-прежнему было шумно и весело, по-прежнему Мария Федоровна была задумчива и молчалива.

Возвращалась домой я вместе с Марией Федоровной. По дороге она расспрашивала меня о самочувствии Анатолия Васильевича, говорила о московских новостях, услышанных в течение вечера, но ни о чем своем личном даже не намекнула.

Вообще в наших беседах она часто, очень часто упоминала Алексея Максимовича по разным поводам: говорила о нем с большим уважением, я бы сказала — с пиететом, никогда не позволяла себе ни осуждений, ни жалоб, а если кто-нибудь задавал бестактные вопросы, она отвечала только взглядом, но таким взглядом, что у того «язык прилипал к гортани».

Когда позднее, уже в 30-х годах, в одном обществе в Москве некая дама

позволила себе фамильярную остроту в разговоре об Алексее Максимовиче, Мария Федоровна, к великому огорчению хозяев, немедленно ушла.

Если речь заходила о ее разрыве с театром, она отвечала так, как будто это было нечто само собой разумеющееся: «Нужно было спасти здоровье Алексея Максимовича. Разве я могла колебаться».

При всей теплоте наших отношений с Марией Федоровной я никогда не осмеливалась касаться «тайн ее души». Сама она охотно вспоминала всевозможные эпизоды из своей разнообразной и беспокойной жизни; много говорила о театре, о встречах в России и за рубежом с выдающимися людьми, но очень редко рассказывала о своей жизни на Капри.

Я расспрашивала Анатолия Васильевича о его прежних встречах с Марией Федоровной, и он мне много и охотно рассказывал о ней. Конечно, это не было единым повествованием, это были фрагменты, отдельные эпизоды, но для меня они многое добавили к образу Марии Федоровны.

Анатолий Васильевич вспоминал собрание в Старинном театре в Петербурге, на котором были Комиссаржевская, Мейерхольд, Мережковский, Гиппиус, Вячеслав Иванов, Горький, Андреева. Анатолий Васильевич говорил, что там, среди плеяды знаменитых женщин начала 900-х годов, Мария Федоровна поразила его своей благородной красотой; именно благородство и одухотворенность ее внешнего облика произвели на него впечатление. Он, который до смешного не замечал одежды, запомнил черное бархатное платье и старинные кружева Марии Федоровны на этом вечере.

Довольно долго Анатолий Васильевич жил одновременно с Алексеем Максимовичем Горьким на Капри. Он очень интенсивно работал, а свободные часы проводил в обществе Горького, с которым его связывала тогда самая тесная дружба. Дом Горького стал центром для русских политических эмигрантов «в Италии, и этот дом держался в значительной степени благодаря энергии и организационным способностям Марии Федоровны.

Оставив театр, не имея возможности принимать, как это» было в России, активное участие в подпольной партийной работе, Мария Федоровна не могла сидеть без дела, наслаждаться красотами Неаполитанского залива и картинными галереями. Эпикурейское, потребительское отношение к жизни было ей чуждо. Она вела на Капри напряженную трудовую жизнь; была переводчиком, помощником Горького во всех его делах и вдобавок — хозяйкой большого и беспокойного дома.

Все именитые и начинающие литераторы, путешествовавшие по Италии, зрелые художники и дипломаты Академии художеств, эмигранты, бежавшие от преследований царской полиции, — все находили прибежище у Горького.

Анатолий Васильевич вспоминал, и передо мной проходила вереница гостей Горького на Капри: Бунин, создавший там своего «Господина из Сан-Франциско», Леонид Андреев, Коцюбинский, Поссе, Скиталец, Тихонов, я уже не говорю о том, каким желанным гостем был там Владимир Ильич Ленин.

Старый художник Шлеин показывал мне свои фотографии, сделанные во время работы над портретом Горького на Капри; на одном из этих фото —

тоненькая, изящная Мария Федоровна остановилась в дверях, будто заглянула на минутку, занятая своими сложными обязанностями хозяйки. Скульптор Мограчов недавно рассказывал мне о своих посещениях Горького на Капри; часто гостил там скульптор Меркуров и многие, многие другие. Кроме представителей искусства к Алексею Максимовичу приезжали эмигранты-рабочие без средств, без знания языка, растерявшиеся на чужбине; все они получали у него в доме поддержку моральную, а зачастую и материальную. Эти заботы о соотечественниках взяла на себя Андреева. Приютить и накормить десятки людей, пользовавшихся гостеприимством Горького, было нелегко. И, по словам Анатолия Васильевича, Мария Федоровна много делала для того, чтобы не изменять распорядка их жизни. Она пополняла бюджет из своих личных средств, нередко занимала, подписывала векселя. Случайно Анатолий Васильевич узнал, что она прибегла к займу у местного ростовщика, и посоветовал ей изменить установившиеся в их доме обычаи, сократить расходы. Мария-Федоровна даже возмутилась:

— Нет, нет, это невозможно. Алексеи Максимович заметил бы это. Он оторван от родины, но благодаря товарищам, которые приезжают к нему, он не перестает общаться с русскими людьми. Это нужно ему как воздух. Заботы о средствах к жизни я взяла на себя и справлюсь с этим.

И она действительно справлялась, тратя на это много сил и здоровья. Она всячески старалась оградить Алексея Максимовича от материальных и бытовых забот, организовала его режим, неустанно следила за его здоровьем. Мария Федоровна говорила Анатолию Васильевичу:

— Я не допущу, чтобы Алексей Максимович писал для денег. Его творчество должно быть свободно от мыслей о заработке. Средства для жизни должны дать переиздания его книг за границей. Я связалась с рядом издательств. Я должна все уладить, не беспокоя его этим.

Далеко не все пользовавшиеся гостеприимством Марии Федоровны умели быть благодарными. Некоторым из ее «постояльцев», не знавшим о ее подпольной работе, она казалась чересчур «аристократкой» или чересчур красивой, и эти люди, сидевшие за ее столом, брюзжали, интриговали против нее, старались посеять рознь между ней и Алексеем Максимовичем.

Особое чутье было у Марии Федоровны на политических авантюристов и провокаторов всех мастей, которые в изобилии засылались к Горькому. Она обладала какой-то особой интуицией и разоблачала беспощадно всякого рода шпионов, как бы искусно те ни маскировались. Анатолий Васильевич вспоминал, как подобные типы, встретившись с Марией Федоровной, начинали метаться и «скисать», как черти перед заутреней.

Неизменным другом Марии Федоровны оставался Владимир Ильич Ленин, который умел ценить ее ум и энергию.

Много интересного рассказывал Анатолий Васильевич о жизни на Капри. Остается пожалеть, что он не оставил записок об этом периоде. Под влиянием его рассказов окрепло мое представление о Марии Федоровне как о женщине, умеющей любить преданно, отдавая всю свою энергию и все силы души любимому человеку, в высокое назначение которого она верила, через которого

она служила всему человечеству.

Широкая общественная и политическая деятельность началась для Марии Федоровны после Октябрьской революции.

О своей работе в Петрограде она сама охотно вспоминала. Рассказывала о том, как всемерно помогала переходу такого выдающегося актера, как Монахов, из оперетты в драму. До революции он был талантливым опереточным комиком и не имел возможности начать новую жизнь на сцене; Мария Федоровна помогла ему своим признанием его драматического таланта. Андреева и сама выступала в те годы на сцене, но по ее словам чувствовалось, что в тот период ее больше увлекала организационная работа.

Я помню трагикомическое повествование Марии Федоровны о том, как ее — Дездемону чуть было не задушил по-настоящему Отелло — Юрьев.

— Дали занавес, все выходят кланяться. Я лежу без движения. Подошли ко мне, а я вся синяя и без пульса. Еле-еле оттерли щетками. А еще говорят: «Юрьев холодный актер!» Не дай бог играть Дездемону с горячим партнером — тут и щетки не воскресят!

Анатолий Васильевич рассказывал мне об этом периоде деятельности Марии Федоровны. По его словам, она была неутомима и, сама увлекаясь грандиозным перспективами, возникшими в театре после Октября, никогда не теряла чувства реальности и сдерживала таких увлекающихся, как Юрьев и особенно Марджанов. Работая в Театральном отделе в Петрограде, Мария Федоровна никогда не проявляла чиновнического, формального отношения к делу. Даже те, кто бывал ею недоволен, не жаловались на ее крутой нрав, на ее требовательность, понимая, что имеют дело с истинным художником.

В 1930 году Андреева вернулась из Берлина в Москву, на работу в Кустэкспорт. Она была рада возвращению на родину и готова была временно мириться с работой во Внешторге, которая, по ее словам, ей ужасно надоела. Но как-то по приглашению Марии Федоровны я приехала в Кустэкспорт, в залы образцов, и была поражена. Мария Федоровна показывала экспонаты и давала объяснения настолько интересные и увлекательные, что становилось ясно: за эти годы она превратилась в крупного специалиста по художественной промышленности и многое сделала для ее роста и развития. Особенно мне запомнились вышивки украинские, вологодские, мордовские, белорусские, туркменские. Мария Федоровна указывала на особенности орнамента и техники исполнения. Я видела, какое ей доставляло удовольствие, если, хвалили собранные ею образцы.

Когда я расспрашивала Марию Федоровну, как она устроена в Москве, она отвечала как-то неопределенно, что все еще устраивается.

Зимой 1931 года Мария Федоровна была назначена директором Дома ученых и горячо принялась за эту новую для нее деятельность. От общих знакомых я узнала, что в материальном и бытовом смысле ее жизнь складывается нелегко. По обыкновению у нее и здесь было много людей, о которых ей приходилось заботиться, и нередко даже в ущерб самой себе. На

неустроенность своей жизни Мария Федоровна смотрела как на явление временное. И она оказалась права: постепенно ее квартирные и материальные дела наладились.

Мария Федоровна по-настоящему увлеклась работой в Доме ученых, и, как известно, ее деятельность там была весьма плодотворной.

В первые годы после возвращения в Москву Мария Федоровна довольно часто посещала вместе со мной театры. Мы смотрели «Тень Освободителя» в МХАТ II, там же «Униженные и оскорбленные», в Малом театре — «Бойцы» Ромашова, «Любовь Яровую», «Без вины виноватые», в Реалистическом — «Железный поток», и еще ряд спектаклей. Мария Федоровна удивительно умела смотреть и слушать; достаточно было во время спектакля взглянуть на ее сосредоточенное лицо, чтобы понять, что театр для нее не времяпрепровождение, а дело ее жизни. Как зрительница она была очень требовательна и в то же время благодарна за ту правду жизни, которую ей давал театр. Но она была совершенно нетерпима ко всякой фальши, ложному пафосу, пустой декламации. После спектакля она охотно разбирала пьесу и исполнение и чаще останавливалась на женских образах. Мне казалось, что она, быть может бессознательно, примеряла каждую роль к себе: «А как бы я сыграла эту роль? Что бы могла я вложить в этот образ?»

Она была верной соратницей и ученицей К. С. Станиславского, и ее театральное credo основывалось на принципах Художественного театра. Но Мария Федоровна с неизменным интересом относилась к новому, молодому искусству. Ее нельзя было запугать ссылками на «традиции», ведь ставила же она сама в Берлине «синеглазый» спектакль-обозрение. Мы вместе смотрели поставленный Охлопковым в Реалистическом театре «Железный поток» Серафимовича, и на нее произвел большое впечатление спектакль, нарушавший все каноны, спектакль, где действие было вынесено даже за пределы рамп. Зритель вовлекался в самый «Железный поток» и жил одной жизнью с его героями. Я помню, как прямо над нашими головами пролетел красноармейский сапог. Мы вскрикнули, но потом горячо аплодировали.

Алексей Денисович Дикий часто говорил, что он очень многим обязан Марии Федоровне. Будучи отнюдь не сентиментальным человеком, Дикий всегда восхищался Марией Федоровной и до конца своей жизни сохранил к ней искреннее чувство благодарности. В его творческой судьбе был тяжелый момент, когда он оказался вне театра; вернее, уйдя из МХАТ II, он переменил несколько театров и не остался ни в одном из них. Его приглашали московские и периферийные театры на отдельные постановки, но и тут у него были срывы, например постановка в Малом театре пьесы «Смерть Тарелкина», которую так и не увидела публика. Для Дикого, режиссера-новатора, необходима была своя студия, театр-лаборатория, где он мог бы искать новые творческие пути. Таковую экспериментальную мастерскую помогла ему создать в Доме ученых Мария Федоровна Андреева и этим, быть может, сохранила талант Дикого, вновь развернувшийся так широко в послевоенные годы. Мария Федоровна проявила исключительное чутье, веря в Дикого и оказывая ему поддержку в самое трудное для него время. На мой взгляд, Мария Федоровна вообще очень

благотворно влияла на Дикого своим умом, выдержанностью, тактом, широтой взглядов. Защищала она Дикого и его студию самоотверженно. Мне известно, что со стороны некоторых членов правления Дома ученых слышались нарекания на то, что Андреева приютила под своим крылышком Алексея Денисовича с его группой актеров.

В этот период Дикий поставил «Леди Макбет Мценского уезда» — талантливый и острый спектакль. Андреева постоянно бывала на репетициях, с присущей ей прямоотой высказывала свое мнение, и Дикий считался с ней.

Вспоминается встреча Марии Федоровны с Константином Александровичем Марджановым у нас дома.

У Анатолия Васильевича и у меня в те годы довольно часто собирались запросто наши добрые знакомые. Мария Федоровна приезжала обычно прямо из Дома ученых. Я помнила, что в 1919/20 году, когда Андреева возглавляла Театральный отдел в Петрограде, там развернул свою яркую деятельность и Константин Александрович: Марджанов. Мне казалось, что им будет приятно встретиться. И вдруг за несколько часов до этого вечера, меня предупредили, что Марджанов и Андреева «заклятые враги» и что при неожиданной встрече может произойти очень неприятная сцена. Отменить вечер было поздно, и я не без волнения положила на судьбу. Я понимала, что и Мария Федоровна и Константин Александрович, как воспитанные и тактичные люди, не проявят в обществе своих антипатий, но боялась, что у них будет испорчено настроение и мне, как хозяйке дома, предстоит нелегкая задача.

К моему удивлению, эти «страшные враги», увидя друг друга, обнялись и расцеловались с такой неподдельной радостью, что я поняла, как необоснованны были всякие опасения. Андреева и Марджанов с удовольствием вспоминали свои многочисленные стычки в Петрограде, и Константин Александрович во всеуслышание сказал, что Мария Федоровна не раз выручала его из всяких бед финансового порядка, которые случались из-за его непрактичности и размаха фантазии.

Заговорили о Грузии, где работал тогда Марджанов, и Мария Федоровна припомнила, как в Тифлисе в дни ее молодости во время какого-то банкета в нее молниеносно влюбился некий юный грузин. Он произнес тост в честь Марии Федоровны, а потом добавил; «После тоста в честь такой прекрасной женщины никто не посмеет больше пить из этого бокала». И на глазах всех присутствующих... съел целиком весь бокал. «Дела давно минувших дней, — вздохнула Мария Федоровна, — а теперь никто для меня не будет грызть бокалы, да и грузин таких больше нет». Марджанов очень серьезно, почти обиженно сказал: «Ошибаетесь, Мария Федоровна. Грызть бокалы — у нас это самая обычная вещь. Я вам докажу, хотя я и не совсем юный грузин. Вот сейчас выпью за ваше здоровье и закушу этим бокалом». Он осушил бокал и снова поднес его ко рту. Я невольно вскрикнула. Марджанов сказал с виноватым видом: «Извините, Наталья Александровна, я понимаю — вам жалко такого бокала; нельзя разрознить винный сервиз», — и поставил бокал на место. Он так мастерски разыграл эту сцену, что кое-кто поверил в его намерение съесть

бокал. Мария Федоровна хохотала до слез. Прощаясь, она сказала мне: «Спасибо, что пригласили меня с Костей Марджановым. Это, конечно, *enfant terrible*, но какой талантливый седой ребенок».

Остался в памяти и другой характерный для Марии Федоровны случай.

Некая малодаровитая, но весьма энергичная писательница после длительных просьб уговорила наконец Анатолия Васильевича назначить ей вечер для чтения ее пьесы у нас дома. Она мечтала заинтересовать этой пьесой Малый театр и буквально не давала прохода никому, кто, по ее мнению, мог ей помочь. Собралось на этот вечер человек восемнадцать-двадцать, в том числе кое-кто из режиссеров и актеров Малого театра. Приехала и Мария Федоровна.

После первых же картин стало ясно, что пьеса скучна, претенциозна, совершенно лишена оригинальности. Нравилась она, по-видимому, только автору, читавшему с упоением, ничего не замечая. Слушатели, в зависимости от характера, кто рисовал в блокноте «чертиков», кто зевал, кто терпел безропотно.

В начале чтения второго акта Анатолия Васильевича вызвали к правительственному телефону; он попросил у автора извинения и ушел в свой кабинет. Пришлось прервать чтение. Все сразу заговорили о посторонних вещах, многие встали со своих мест, чтобы «размяться». Мария Федоровна продолжала сидеть за столом и, облокотясь на руку, глядя перед собой своими лучистыми карими глазами, сказала спокойно и тихо:

— Как это ужасно — так злоупотреблять добротой и тактом занятого человека, человека, обремененного большими государственными заботами. Отнять вечер у Луначарского, заставить слушать шаблонную чепуху — это просто бесстыдно. Почему некоторые люди воображают себя писателями? На каком основании? Ведь есть и другие занятия, кроме писания плохих пьес? Можно быть кассиршей, счетоводом, продавщицей. Насколько это достойнее, чем такое паразитическое прилитературное прозябание. Ведь экая развязность!

Тут после телефонного разговора в комнату вошел ничего не подозревавший Анатолий Васильевич и застал странную сцену: багровая, в фиолетовых пятнах, задыхающаяся от ярости писательница, Мария Федоровна, продолжающая ее отчитывать грустным, почти соболезнующим тоном, и все присутствующие, не исключая меня, хозяйки, — в состоянии полной растерянности. В душе все готовы были подписаться под каждым словом Андреевой, но ни у кого не хватало смелости, прямоты, и, быть может, вследствие известной мягкотелости было все-таки немного жаль дородную пожилую даму, которую так «изничтожала» Мария Федоровна.

— Что такое? Что здесь происходит? Будем продолжать? — спросил Анатолий Васильевич.

Но «авторша» сорвалась с места и бросилась в переднюю, бормоча:

— Нет, я не могу, не сегодня, в другой раз.

Я пошла вслед за ней, пытаюсь ее успокоить. Когда за ней захлопнулась дверь и я вернулась в комнату, Мария Федоровна с довольной улыбкой сказала:

— Ушла? Ну и отлично. А все-таки, Анатолий Васильевич, на месте Натальи Александровны я бы строже фильтровала ваши приглашения. Право,

вы слишком деликатничаете с такими графоманами. Наталья Александровна, помните у Чехова? «Пришли бабы с пьесами. — Гоните их».

Мы очень хорошо провели остаток вечера, условившись не говорить о незадачливой пьесе и ее авторе. И только под конец Анатолий Васильевич сказал:

— Конечно, это очень мило, что благодаря Марии Федоровне мы слушали не пять актов, а всего полтора. Но все же женщины — жестокий народ.

В самые тяжелые, трагические для меня дни после похорон Анатолия Васильевича Мария Федоровна проявила ко мне настоящее дружеское внимание и участие.

Она одна из первых приехала ко мне и, понимая, что все слова утешения бесполезны, говорила со мной о себе, очевидно чтобы не давать мне сосредоточиться исключительно на моем горе. Впервые она приоткрыла мне завесу над своей собственной полной сложных и тяжких переживаний жизнью, впервые она со всей откровенностью говорила о том, что и у нее были несчастья и срывы в личной судьбе, когда она была близка к отчаянию.

Она не одобряла того, что я взяла на несколько месяцев отпуск в театре.

— Работайте, работайте, уйдите целиком в работу, это единственная панацея от всех бед.

Зато она была довольна, узнав, что дирекция Малого театра привлекла меня к работе над репертуаром, и с удовольствием взвесила в руках толстые папки с пьесами, которые мне прислали для ознакомления.

— Вот и отлично. Это очень интересно и вполне в ваших возможностях. И когда будете читать новые пьесы, не пренебрегайте «самотеком», не поддавайтесь гипнозу имен. Все даже самые маститые писатели ведь были когда-то, в свое время, «начинающими». Вот среди этой писанины, может быть, вам посчастливится найти жемчужину. Но все-таки помните, что вы прежде всего — актриса. Пересильте себя и начинайте играть, ну, на первых порах, если вам это слишком тяжело, откажитесь от комедийных ролей.

Я послушалась совета Марии Федоровны искать исцеления от отчаяния, охватившего меня, в напряженной работе.

Прошло много лет, но я вижу, как будто это было вчера, лицо моего старшего друга, внимательное, ясное, строгое лицо Марии Федоровны, которая как бы внушает мне: «Не поддавайся отчаянию, возьми себя в руки».

Мы продолжали встречаться с Марией Федоровной и в Доме ученых и в домашней обстановке. Я с радостью замечала, что Мария Федоровна все больше и больше увлекается своей работой в Доме ученых, что ее авторитет и влияние там растут с каждым годом.

Когда мне случалось участвовать в концертах в Доме ученых, Мария Федоровна всегда приходила ко мне за кулисы. Помню, как специально к Октябрьским дням я приготовила рассказ Серафимовича «Сероглазая девушка» я очень волновалась, так как обычно выступала в концертах с чтением стихов. Мария Федоровна меня горячо похвалила и за выбор и за исполнение. С тех пор я все чаще и чаще включала в свой концертный репертуар прозу:

положительная оценка Марии Федоровны имела для меня большое значение.

Среди дел и занятий, связанных с ее разнообразной и хлопотливой работой по Дому ученых, она встречала меня с неизменным радушием, всегда находила время расспросить о моих делах и планах, поделиться своими мыслями о новых книгах и спектаклях, рассказать о себе, «почесать язычки», как она шутя говорила...

После эвакуации Мария Федоровна вернулась в Москву такая же энергичная и бодрая, как всегда. Правда, она несколько отяжелела, в ее волосах появились серебряные пряди, но оставался тот же точеный профиль, тот же изящный рисунок бровей, тот же пристальный, проникающий в душу взгляд лучистых глаз.

Как-то весной 1943 года я пришла на концерт в Дом ученых уже после третьего звонка и тихонько села на свободное место где-то в седьмом-восьмом ряду. Меня переполняла радость, что фронт все дальше отходит на запад, что в Москве вновь восстанавливается жизнь, что в этом зале снова звучит музыка, что Мария Федоровна снова на своем обычном месте в ложе дирекции, как и до войны. Ее профиль четко вырисовывался на фоне темного бархата, и мне доставляло большую эстетическую радость смотреть на Марию Федоровну. Но тут ко мне подошли и сказали, что тов. Андреева приглашает меня в ложу. Оказалось, она, внимательно слушая музыку, заметила меня в партере; как хорошая хозяйка, она все видела и замечала в своем доме. Мария Федоровна сидела в ложе, окруженная целым выводком детей, которых она мне представила и назвала, но я никогда не могла разобраться — кто, кому и кем приходится среди опекаемых ею ребят. Знаю только, что Мария Федоровна очень любила детей и дети ее любили.

С годами то материнское, что было в ее натуре, особенно выявилось, и даже в ее заботах об ученых было много проявлений этого материнского начала: создать уют ученым, сделать так, чтобы они приходили не в учреждение, даже не в обычный клуб, а к себе, в свой дом, — в этом была забота и радость последних лет Марии Федоровны.

С тревогой и огорчением узнала я о болезни Марии Федоровны. Но верилось, что ее могучий организм преодолит все недуги: ведь недаром она выглядела на добрых пятнадцать лет моложе своего настоящего возраста. Казалось, у нее — железная закалка и нестигаемая воля к жизни.

Но я ошиблась. Я не увиделась больше с Марией Федоровной...

Я пришла на траурный митинг в Дом ученых.

Горестно плакали скрипки, звучал, оплакивая и в то же время утешая, голос Максаковой. Навзрыд рыдали сотрудницы Дома ученых, товарищи по работе. Академики с прославленными именами не могли удержаться от слез.

На стене висел большой портрет Марии Федоровны, сделанный по хорошо мне знакомой берлинской фотографии, где она снята в расцвете лет, жизнеутверждающая, энергичная.

Среди цветов в гробу покоилась Мария Федоровна Андреева. Ее лицо носило на себе печать огромного страдания. Она не была похожа на ту, которую я так хорошо знала. Это была маска страдания, изваянная смертью...

А в моей памяти в эти последние прощальные минуты возникала другая, старая фотография времен моего детства: молодая, совсем юная женщина сидит, слегка откинувшись, в кресле-качалке. У нее нежный девический овал лица и чуть грустная полуулыбка. Глаза, устремленные куда-то вдаль...

М. Н. Алейников
ЕЩЕ ОДНА ГРАНЬ⁴⁸⁰

Во время знаменательной беседы в «Славянском базаре» Станиславский и Немирович-Данченко уделили организационным принципам столько же места, сколько и эстетическим проблемам будущего театра. И в дальнейшем, в продолжение всей жизни Московского Художественного театра, вопросы организации и этические нормы занимали почти одинаковое положение с художественными вопросами.

«Театр начинается с вешалки»,

«Поэт, артист, художник, портной, рабочий — служат одной цели, поставленной поэтом в основу пьесы».

«Нет маленьких ролей, есть маленькие артисты».

Так гласят первые заповеди, начертанные на скрижалях истории Московского Художественного театра. В них заложен один из признаков подлинной любви к искусству, любви, заполняющей всю жизнь художника. В них истоки постоянного беспокойства за любимое дело.

Мария Федоровна Андреева на всем своем жизненном пути высоко чтит эти заповеди театра, в котором блистательно раскрылось ее творческое дарование. Пожелтевшие от времени листы архивных документов, страницы газет и журналов хранят много свидетельств яркой общественной и артистической деятельности женщины, которую природа щедро наградила красотой, талантом, обаянием. Но об одной области ее организационно-общественной, а затем и государственной работы архивные документы лишь напоминают, но не дают отчетливого представления. Я имею в виду роль М. Ф. Андреевой в развитии отечественного киноискусства. Об этом не найти следов ни в опубликованных трудах киноведов, ни в объемистых очерках советских историков кино. Пишущий эти строки на личном длительном опыте убедился в благотворной энергичной деятельности Андреевой в годы рождения русского художественного фильма (1913 – 1916) и в годы становления советского киноискусства (1919 – 1927).

* * *

Незадолго до выпуска «Поликушки» мы вместе с А. А. Саниным, приехавшим в Берлин на премьеру в «УФА-Палас», пришли к Андреевой. Встреча старых товарищей по Московскому Художественному театру была очень трогательной.

— Дорогой Александр Акимович! Я видела все ваши три фильма и мечтаю с вами поработать... Но вот захотите ли вы меня снимать, об этом я и не

подумала!.. Нет. Нет! Не изощряйтесь в любезностях. Кто-кто, а я-то уж вас хорошо знаю! И все-таки с радостью буду у вас сниматься... Как посмотрел бы на такое сочетание наш директор? — шутливым тоном обратилась вдруг ко мне Мария Федоровна.

Я знал, что за этим шуточным разговором скрывались воспоминания об одном столкновении Марии Федоровны и Александра Акимовича. Их радостная встреча произвела на меня тем большее впечатление, что печальный инцидент двадцатилетней давности был мне хорошо известен. 23 августа 1900 года, во время одной из репетиций спектакля «Снегурочка», Санин, всплыв, удалил исполнительницу роли Леля — Андрееву с репетиции. Насколько это явилось неожиданностью для всех, кто знал Марию Федоровну, можно судить по письму Вл. И. Немировича-Данченко, адресованному Санину, по поводу столь необычного в жизни МХТ события. Вот отрывок из этого человеческого документа:

«Столкновение Ваше с Марией Федоровной Андреевой тем более грустно, что, при всей его резкости, оно, без всякого сомнения, выросло на почве простого недоразумения, — писал он Санину. — Вы не можете сомневаться в том, что Ваша трудная, черная, подчас каторжная режиссерская работа высоко ценится Дирекцией театра. Вам приходится затрачивать так много сил, так много нервов, бороться с такими невероятными трудностями, которые, причиняя непрерывные волнения и отнимая огромное количество труда, может дать Вам единственное утешение — сознание честно исполненных взятых на себя обязательств.

Но в то же время Вы, как лицо, близко стоящее к Дирекции, должны знать, что в М. Ф. Андреевой мы имеем артистку не только талантливую и с честью несущую первый репертуар, но и безусловно добросовестную ко всему, что только поручалось ей Дирекцией за время существования нашего театра. Так же как и другие артисты, она никогда не ставила препятствий к достижению намеченных нами задач, так же как и другие, никогда не отказывалась ни от какой, хотя бы совершенно демократической работы, какая ей поручалась. Достаточно, если я напому Вам, что в течение целого сезона она без малейшего противоречия участвовала в “Чайке”, исполняя обязанности закулисной певицы, — обязанность, от которой во всяком другом театре отказалась бы артистка, занимающая амплуа. Я вовсе не хочу поставить Марии Федоровне в особую доблесть такое внимание к поручениям Дирекции, я только хочу сказать, что ее добросовестность равна добросовестности наших других артистов и стоит на высоте достоинства нашего театра. Несколько более бережное отношение к ней со стороны Дирекции, чем к другим, объясняется ее не совсем крепким здоровьем, о чем Вы, опять-таки как лицо близко стоящее к Дирекции, также должны знать.

Как могло произойти такое резкое столкновение между двумя лицами, истинно преданными делу нашего театра?

Со всяким артистом может случиться нечто такое, что возбудит упрек волнующегося за свои задачи режиссера, и поведение артиста, конечно, не должно оставаться безнаказанным. Я допускаю, что нервное состояние Марии

Федоровны, в котором она находится в последнее время и причины которого мне известны, могли проявиться в такой форме, чтобы подать Вам повод к замечанию как режиссеру. Но я решительно не могу допустить, чтобы повод этот мог вызвать такую *беспримерную* в существовании нашего театра гневную вспышку, как это случилось с Вами во время репетиции 23 августа. Если бы Ваша вспышка была подготовлена целым рядом поступков со стороны Марии Федоровны, обидных для Вашего напряженного, во имя дела напряженного состояния — то Вы должны были бы раньше, при первом же случае сделать ей замечание или сообщить об этом официально мне. Если же она не получала таких замечаний ни от меня, ни от Вас, то Вы понимаете, до чего незаслуженно неожиданной должна была показаться ей Ваша вспышка. Поэтому-то, глубокоуважаемый Александр Акимович, я убеждаю Вас признать, что резкая форма, в которой проявилось Ваше недовольство, объясняется исключительно нервным состоянием, в какое привела Вас Ваша огромная работа...

... Вы сами знаете, что должны сделать после этого моего письма. Весь тон его, надеюсь, настолько проникнут уважением к Вашей личности, что мне не надо подсказывать Вам Ваше дальнейшее поведение. Считаю долгом прибавить, что я взял на себя ответственность за возвращение Марии Федоровны на репетицию в такой форме, какой эта артистка заслужила своей пяти-шестилетней работой для нашего дела. Эту ответственность я вручаю теперь Вам»¹.

Этот эпизод живо вспомнился мне, когда я наблюдал встречу Андреевой и Санина.

Ее дружеское расположение к нему, искреннее желание снова работать с режиссером, который однажды нанес ей, ведущей актрисе, тяжелую и незаслуженную обиду, заставили меня как-то по-новому понять и оценить бескорыстную и преданнейшую любовь М. Ф. к искусству, любовь, ради которой не остается места для самолюбия и обид.

Я привез тогда, в 1922 году, негативы фильмов художественного коллектива «Русь»⁴⁸¹: «Поликушка» и «Петр и Алексей». Это не было первой разведкой на зарубежном рынке. Годом раньше несколько советских фильмов, в частности тот же «Поликушка», уже посылались за границу. Но безуспешно. Кроме хроники, ничего не удалось продать. Советскому художественному фильму предстояло пробить брешь в блокаде, закрывшей ему доступ на зарубежные экраны.

Напомню, что в те годы американское кино достигло значительного развития. В то время как обескровленная послевоенная Европа только набирала темпы в восстановлении довоенного уровня кинопроизводства, американцы вели свой киномаркетинг под лозунгом «фильмы — наилучшая пропаганда идеалов народа и его промышленности». Европейские кинопредприятия не могли выдержать конкуренции гигантской американской кинопромышленности. Правительства европейских стран забеспокоились. В Англии вопросами кино

¹ Данное письмо Вл. И. Немировича-Данченко хранится в личном архиве М. Н. Алейникова.

начали непосредственно заниматься Болдуин и Чемберлен. В Италии — Муссолини. В Германии, Франции, Австрии были введены специальные законы в защиту отечественного кинопроизводства.

В такой трудной обстановке молодая, только что зарождающаяся советская кинематография делала попытки прорваться к зарубежному зрителю. Чтобы этому помочь, требовались большой политический такт и глубокое понимание перспектив развития экспортно-импортных операций. Вскоре я на практике убедился, что этими свойствами М. Ф. была наделена в полной мере.

При встрече в торгпредстве между мной и Андреевой произошел любопытный разговор. Еще до моего приезда в Берлин стало известно, что Госбанк выдал художественному коллективу «Русь», который я представлял, ссуду в иностранной валюте для закупки пленки и аппаратуры при условии погашения ее из валютных сумм, полученных от продажи наших фильмов.

— Ну, а если не удастся продать здесь картины, чем вы погасите задолженность Госбанку? — спросила Андреева, молча выслушав меня.

— Ссуда невелика, — храбро ответил я, — по моим расчетам, не больше одной десятой того, что даст только «Поликушка».

— Вы в этом уверены?

— Вполне.

Мария Федоровна улыбнулась.

— Уверенность — сама по себе неплохой шанс на успех. Но все же впереди много трудностей. И на этот раз не исключена неудача... Как же вы тогда погасите ссуду? Откажетесь от закупки пленки и оборудования?

— Что вы, Мария Федоровна! Это исключается. Пленки нет не только у нашего коллектива, но и у Фотокиноотдела Наркомпроса, которому в соответствии с обязательствами мы должны будем отдать часть импортной пленки.

— Не уклоняйтесь от прямого ответа. Где вы все-таки возьмете валюту для погашения ссуды?

— Почему Вы требуете подобных объяснений? — взмолился я. — Даже в Госбанке не задавали мне таких вопросов, выписывая аккредитив на 10 миллионов рейхсмарок. — Я все еще надеялся уйти от прямого ответа. Поняв мою уловку, Мария Федоровна рассмеялась.

— Дело-то ведь объясняется довольно просто, — сказала она. — Не справитесь со своей задачей, погасите ссуду Госбанку той пленкой и аппаратурой, которую привезете в Москву. Государство ничего от этого не потеряет. Зато, доверив дело компетентным и честным специалистам, банк убедится — может ли наш кинофильм стать предметом экспорта. Как видите, ответственность, какую вы взяли на себя, определяется не только суммой в 10 миллионов марок. Вам это ясно?

Я понял это, еще не выезжая из Москвы. Об этом говорил со мной и Анатолий Васильевич Луначарский. Приятной неожиданностью явилось для меня то, что значение моей миссии понимают и в торгпредстве. В заключение разговора я сказал Марии Федоровне, что мне необходима максимальная самостоятельность в предварительных переговорах с немецкими фирмами, что

иной раз хорошо показать фильм бывает труднее, чем хорошо снять его. Я напомнил, что «Поликушку» не продали в Скандинавии только из-за неумения вести дело.

— Мы и не собирались ограничивать вашу инициативу, — сказала Мария Федоровна, — при обязательном, однако, условии: непрерывно держать нас в курсе всех переговоров. Ничего вам не навязывая, я советую прежде всего поговорить с Вилли Мюнценбергом, председателем общества «Международная рабочая помощь». Этот человек вам поможет и советом и делом.

Так дала мне Мария Федоровна надежный ключ к решению моей задачи. Ей я обязан знакомством с одним из руководителей Германской коммунистической партии Мюнценбергом, который оказал нашему делу дружескую, энергичную поддержку. Мюнценберг первый укрепил мою уверенность в художественном, политическом и коммерческом успехе «Поликушки». Фильм был взят крупнейшей фирмой «УФА» для своего первоэкранного театра. Не стану подробно рассказывать о триумфальном шествии «Поликушки» по экранам мира. Отмечу только, что ни одна берлинская газета, ни один журнал не остались без пространных статей, посвященных «Поликушке».

В оценке эстетических достоинств фильма, и в частности работы режиссера А. А. Санина, оператора Ю. А. Желябужского, исполнителя главной роли И. М. Москвина и всего актерского ансамбля, пресса — без различия направлений — была единодушна. Реакционная печать взывала при этом к цензуре, сетуя на ее либерализм. Появление «Поликушки» на берлинских экранах мракобесы рассматривали как идеологическую интервенцию, как «ловкую большевистскую пропаганду». В этой связи любопытна информация англичанина Хэнтли Картера, исследователя истории развития киноискусства: «... сам факт, что этот фильм поставлен в Москве, был достаточен, чтобы придать ему черты революционного пугала огромных размеров. Считали, что этот фильм способен до смерти напугать миролюбивых людей... После просмотра в Берлине я попросил один ролик, чтобы отвезти его в Англию.

— В Англию? — ответили мне в ужасе. — Но ведь вас убьют!

— Я не боюсь, — ответил я беспечно».

Предчувствия не обманули Картера: в Лондоне «Поликушка» встретил такое же признание, как и в других странах.

Однако «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Немало труда и политического такта проявила Мария Федоровна, помогая мне и Вилли Мюнценбергу довести дело до благополучного конца. Переговоры начались весной 1922 года, а показ «Поликушки» в «УФА-Палас» состоялся лишь весной 1923 года, после вторичной моей поездки в Берлин.

В связи с «Поликушкой», а в особенности позднее, в период выпуска фильмов «Его призыв», «Станционный смотритель», «Мать», М. Ф. Андреева подвергалась открытой критической атаке со стороны «Киногазеты» и тайной «эпистолярной» — со стороны отдельных представителей московских организаций, которые обвиняли ее в «пристрастном» отношении к художественному коллективу «Русь». Но это не смущало Марию Федоровну.

— А я и не скрываю своих симпатий к «Руси», — говаривала она. — Да, формально это частная организация. Но по существу она делает важное государственное дело. Я желаю благополучия коллективу «Русь», и не потому, конечно, что там работает мой сын, а потому, что там выпускаются хорошие художественные фильмы. И я знаю, что скромные доходы коллектива не расплываются по карманам пайщиков, а идут на оборудование студии... Ну, а к тому времени, когда студия будет наконец хорошо оборудована, она станет государственной. — При этом Мария Федоровна обычно добавляла: — Не случайно захотела работать именно в «Руси» Мария Николаевна Менжинская. Да я и сама тряхнула бы стариной, пошла бы сниматься в «Руси», если бы меня отпустили из этих кабинетов.

Когда советские киноведы будут писать развернутую историю русского киноискусства, они встретятся с интересными документами, относящимися к деятельности Андреевой. Может быть, тогда историки поймут, что как вопросам организации, так и организационной деятельности отдельных работников надо также уделять внимание. Работая в торгпредстве, актриса-коммунистка сыграла большую роль в развитии советского киноискусства 20-х годов.

Увлечение Андреевой кинематографом как наиболее демократическим видом искусства относится еще к дореволюционным годам. В 1913 году, вернувшись на родину после вынужденной эмиграции, она была захвачена идеей создания первой в России кинофабрики с киностудией, базирующейся на творческой основе МХТ. Андреева мечтала выпускать реалистические, идейные кинофильмы. Она хотела создать подлинно художественный кинематограф — перекинуть мост между театром и кино.

В те годы широко дебатировался в прессе и на диспутах вопрос о пользе и вреде кинематографа. Андреева не принимает участия в диспутах. Она энергично приступает к организации студии по производству художественных фильмов, которая, по ее мысли, должна была стать первоосновой, откуда новый кинематограф черпал бы артистические и режиссерские силы.

Мария Федоровна привлекает в число основателей художественного кинематографа артиста и администратора МХТ Н. А. Румянцева, отличавшегося своими организаторскими способностями. Она получает согласие А. М. Горького, Ф. И. Шаляпина, Л. Б. Красина участвовать в создании нового дела, привлекает крупных капиталистов-меценатов Лианозова (нефтепромышленника) и Каменского (владельца волжского пароходства). О размахе дела можно судить по вкладу Лианозова — 90 000 рублей. Крупнейшее кинопредприятие того времени акционерное о-во «Ханжонков и К^о» обладало основным капиталом в 500 000 рублей, причем наибольшее количество оборотных средств поглощали прокат и покупка иностранных фильмов. До начала первой мировой войны ни это общество, ни какое-либо другое не имело специально выстроенного помещения для съемок фильмов. Мария Федоровна первая взялась за это. С какой энергией старалась она преодолеть возникавшие трудности!

Надо иметь в виду, что до империалистической войны, когда русский

кинематографический рынок был наполнен дешевыми заграничными фильмами, — финансовые круги не считали кинопроизводство надежным местом для помещения капитала. Крупный капитал воздерживался тогда от инвестиций в кинематографию еще и потому, что правящая верхушка царской России отрицательно относилась к развитию кино. Как раз в то самое время, когда Андреева мобилизовала средства для киностудии, Николай II наложил следующую резолюцию на докладе, представленном департаментом полиции по поводу проекта образования русско-американского кинопредприятия: «Я считаю, что кинематография — пустое, никому не нужное и даже вредное развлечение. Только ненормальный человек может ставить этот балаганный промысел в уровень с искусством. Все это вздор, и никакого значения таким пустякам придавать не следует»¹.

Если же принять во внимание идейные задачи, которые ставили перед новым кинопредприятием его основатели, то нетрудно себе представить боязнь капиталистов оказать финансовую поддержку начинанию Андреевой. Для привлечения пайщиков нужно было крупное имя во главе предприятия, но такого человека не было. Горький не должен был упоминаться открыто. Был расчет на Шаляпина, но в последний момент он отказался от участия в качестве пайщика — правда, дав обещание сниматься только в этой новой киноорганизации.

И все же Андреева не теряла надежды добиться цели. «Я бьюсь, ищу, нахожу, снова теряю и снова нахожу, и до сегодня не опустила еще рук», заявила она в письме к И. П. Ладыжникову в декабре 1913 года. Вскоре разразилась война и разрушила планы, намеченные Марией Федоровной. Но кино продолжало увлекать ее. Получив приглашение от фирмы Тиман и К^о сниматься⁴⁸², она на практике изучает производство художественных фильмов. На фабрику Тимана Андреева идет не одна: вместе с ней в ателье Тимана начинает работать ее сын Юрий⁴⁸³, который затем станет выдающимся советским кинорежиссером и оператором. Андреева обусловила свое согласие сниматься в малозначительном сценарии «Ничтожные» (экранизация романа Нагродской «Борьба микробов») приглашением в качестве постановщика фильма режиссера А. Волкова, а его ассистентом Юрия Желябужского, к тому времени сблизившегося со средой МХТ. Еще студентом Петербургского политехнического института Юрий Андреевич Желябужский много занимается художественной фотографией, которой он увлечен был с десятилетнего возраста. Немало разговоров наслушался он в своей семье о том, как важно приобщить к кинематографическому делу культуру и традиции русского изобразительного искусства. По совету матери Юрий стал посещать съемки в киноателье Тимана. Вначале он отнесся к этому лишь как к приятному развлечению. Он не принимал всерьез ее предложение изучать съемочную технологию, чтобы стать затем кинооператором. Но Мария Федоровна настойчиво убеждала его:

— Мало толку, — говорила она сыну, — от того, что в киноателье придут настоящие артисты — люди искусства, если снимать фильм будут

¹ Цит. по журн. «Советский экран», 1927, № 15.

ремесленники.

И в самом деле, на визитной карточке одною уже опытного кинооператора того времени под фамилией было напечатано: «Снимал Ф. И. Шаляпина и чуму»¹.

Вместе с Великой Октябрьской социалистической революцией возникли широкие возможности экономического и культурного строительства. Тут-то на новой почве очень скоро дали ростки добрые семена, взлелеянные упорными трудами Марии Федоровны. И на посту комиссара театров и зрелищ Петрограда Андреева не упускает из поля зрения кино. Она принимает деятельное участие в трудах А. М. Горького по созданию нового, просветительного кинорепертуара. В марте 1919 года на заседании Художественного совета Отдела театров и зрелищ, руководимого Андреевой, Горький делает доклад «История культуры в инсценировках для театра и картинах для кинематографа». Вслед за этим в Театральном отделе начинает работать секция исторических кинофильмов, в которую входят А. М. Горький, А. Н. Тихонов (Серебров), А. А. Блок и другие.

Так начиная с 1913 года не прерывает Андреева своих связей с кино и его деятелями. И поэтому назначение ее Комиссариатом внешней торговли на пост уполномоченного «по делам кинематографии и по вопросам, связанным с заключением договоров и организацией акционерных обществ и предприятий кинематографического дела за границей»² было вполне закономерным.

Ее служение советскому киноискусству состояло не в художественном творчестве. Но и за учрежденческим столом она плодотворно стремилась предоставить художникам советского кино технические средства для успешного соревнования с зарубежными мастерами. Идейность содержания советского фильма, сделанного на высоком эстетическом и техническом уровне, обеспечила ему в этом соревновании ведущее место, а умная политика уполномоченного Советского государства открыла советскому фильму дорогу к зарубежному зрителю еще в те далекие годы.

А. М. Деборин **ЧЕЛОВЕК ДОЛГА**⁴⁸⁴

Я познакомился с Марией Федоровной в 1906 году в Швейцарии. А. М. Горький, собираясь в поездку в Америку для выполнения очень важного партийного задания, пробыл некоторое время в Швейцарии, в Глионе. Я с 1904 года жил в Швейцарии, главным образом в Берне. Мне было поручено находившимися там русскими социал-демократами посетить Горького. Я охотно согласился и поехал в Глион.

Горький жил в вилле вместе с Леонидом Андреевым. Поднявшись на фуникулере, я скоро нашел отель Монт-Флери — место пребывания Горького.

¹ Речь идет об операторе Вериге-Даровском. Личный архив М. Н. Алейникова.

² Удостоверение выдано Андреевой Внешторгом 24 января 1922 года. См. здесь [стр. 289](#).

Когда я позвонил в его квартиру, мне открыла дверь молодая женщина необычайной красоты. В первую минуту я даже потерял способность речи. Я не знал, с кем столкнулся. Эта очень красивая женщина была Мария Федоровна Андреева, жена Алексея Максимовича.

Алексей Максимович приветливо встретил меня; сначала мы поговорили наедине, а потом к нам присоединились Мария Федоровна и Леонид Андреев с женой. Завязалась общая беседа. В какой-то степени она являлась продолжением нашего разговора с Алексеем Максимовичем о положении в России.

Мария Федоровна была талантливой актрисой, выдающимся человеком, активным деятелем партии, оказавшим в эпоху первой русской революции большевистской партии большие услуги. Об этом периоде ее жизни мне мало известно. Но я близко знал Марию Федоровну в качестве директора Дома ученых. Мне приходилось часто с ней встречаться. Мария Федоровна обнаружила в качестве руководителя Дома ученых большие организаторские способности. Следует заметить, что она была не только директором-администратором. Она была идейной руководительницей Дома ученых и пользовалась громадным уважением и авторитетом у многочисленной, разнообразной по своему составу среды работников науки.

Дом ученых благодаря усилиям Марии Федоровны во многом способствовал сплочению сил ученых Москвы, развитию их общественной инициативы, стал любимым местом культурного отдыха людей науки и их семей. Он стал и любимым детищем М. Ф. Андреевой, которому она отдавала свои силы, разнообразные знания и все свое время.

Научные работники, в особенности члены Дома ученых, не могли себе представить это учреждение без Марии Федоровны, без ее руководства...

1941 год. Началась Великая Отечественная война. По распоряжению правительства академики, крупные ученые, работники Академии наук СССР должны были выехать из Москвы, подальше от фронтовой полосы, где они могли бы в более благоприятных условиях продолжать жить и работать. Совершенно естественно, что это относилось и к Марии Федоровне. Но она не выехала и вплоть до октября оставалась на своем посту. В октябре месяце ей вторично было предложено выехать из Москвы. И тогда ей пришлось оставить Дом ученых и направиться в Боровое (Северный Казахстан), куда были эвакуированы Президиумом Академии наук престарелые академики, ученые и их семьи.

Мария Федоровна никак не могла примириться с тем, что она вынуждена была оставить Москву, любимую работу. Это был человек большого благородства, необычайной душевной чистоты, человек, у которого очень глубоко было развито чувство ответственности и сознание своего долга. Она испытывала эту ответственность вдвойне: перед самой собой и перед партией, которой была бесконечно предана. М. Ф. считала, что поступила неправильно, оставив, как ей это казалось, на произвол судьбы Дом ученых.

Из ее писем ко мне видно, как тяжело она переживала вынужденный отъезд⁴⁸⁵. Так, 8 ноября 1941 года она горестно замечала: «Меня мучает то, что я

согласилась уехать, что я уехала из Москвы, не осталась на посту...»

В другом письме, от 15 ноября 1941 года, М. Ф. снова пишет мне:

«Тяжело мне очень и никак в себя не могу прийти, что уехала, да еще так внезапно — в 12 ночи позвонили, к 5 утра велели собратсья, а в 9 ч. уже ушел поезд. Как сумасшедшая поддалась гипнозу, убеждениям, что я-де стара, пешком не смогу уйти, что буду обузой, что я не имею права оставаться я что по распоряжению правительства должна уехать, так как это распоряжение касается в особенности членов партии — академиков и ответственных работников Академии».

Мария Федоровна все время тяготилась пребыванием в Боровом и мечтала о возвращении в Москву. А между тем в Боровом она вела ответственную организаторскую и культурную работу. Там жила большая группа академиков и других научных работников с семьями: Г. М. Кржижановский, Н. Д. Зелинский, В. И. Вернадский, А. Н. Бах, А. С. Орлов, Л. С. Берг, С. А. Зернов, Н. Ф. Гамалея, П. П. Маслов и ряд других. Там были крупнейшие специалисты чуть ли не по всем отраслям знания.

До приезда Марии Федоровны каждый жил отдельно, своими интересами. Она создала из этой массы людей дружный коллектив. Восьмого ноября 1941 года М. Ф. писала мне: «Здесь пытаюсь делать что могу. Устроила беседу в канун 24-й годовщины Октября, собрались академики Бах, Зелинский, Зернов, Орлов, Борисяк, все живущие в Боровом. Мне поручила местная парторганизация выступить с кратким словом».

Вскоре было организовано бюро, которое возглавлялось Марией Федоровной. В его состав входили академики Берг и Зернов. Но душой организации являлась М. Ф. Читались лекции на разные научные и общественно-политические темы, причем и сама М. Ф. выступала с докладами.

Вести об этом доходили из Борового, Мария Федоровна нередко писала мне о делах:

«Дорогой Абрам Моисеевич! Не знаю, получили ли Вы мое письмо, посланное в ответ на Ваше... Жаль, если оно не дошло до Вас, потому что в нем я подробно описывала Вам житье-бытье академиков, наладившиеся по воскресным дням лекции в читальном зале здешней библиотеки, проводимые нами совместно с работниками Сеченовского института. Эти последние ведутся нами по типу, принятому комитетом по агитации и пропаганде науки при Академии наук. Здесь мы кооптировали еще Льва Семеновича Берга (ленинградского), чудесного лектора, умного и чрезвычайно эрудированного ученого. Надеюсь, Вы это одобрите?

Сколько можно, стараюсь помочь руководим здешнего пионерлагеря. Но это дело очень тонкое и трудное, боишься не помешать руководителям, так как ребята сильно скучают и не скажешь, чтобы с ними легко было.

Изредка получаю поручение выступить с докладом, встав на учет в здешней парторганизации» (письмо от 13 января 1942 года).

Несмотря на кипучую деятельность в Боровом, Марию Федоровну ни на минуту не оставляла мысль о скорейшем возвращении в Москву. В январе 1942 года, когда отступившие фашистские войска были еще совсем близко от

столицы, она спрашивала меня в письме: «Не думаете ли вы, что мне, может быть, можно вскоре вернуться в Москву на работу, Абрам Моисеевич? Ведь раз Дом ученых функционирует как никак, а я остаюсь пока что его директором, то не пора ли мне туда вернуться на работу?» (Нелишне напомнить, что к этому времени М. Ф. уже минуло семьдесят лет.)

Одновременно она сообщала о лекционной работе в Боровом:

«Читал тут как-то Маслов П. П. воспоминания о Гарине-Михайловском, вот плохо-то было, уй-уй-уй! Все я да я, и все ни к чему. Жаль! На днях выступит В. И. Вернадский. Это, должно быть, будет очень интересно. А Гамалея так читал картинно о вызывающих сыпной тиф вшах, что после его лекции все уходили почесываясь.

Жаль, что Вы так далеко и переписка с Вами затруднительна все-таки; пока напишешь, получишь ответ, столько воды утечет!

Сейчас у нас гуляет грипп, непонятно почему. Климат здесь чудесный и солнце, очень частое, светит и греет совсем не по-зимнему даже в морозы».

В середине февраля 1942 года М. Ф. получила возможность уехать из Борового.

По возвращении в Москву Андреева снова возглавила Дом ученых, но, к сожалению, ей уже недолго пришлось работать. Через несколько лет Мария Федоровна заболела тяжелой болезнью и была лишена возможности продолжать руководить Домом ученых.

Всякий, кто знал Марию Федоровну Андрееву, высоко ценил ее выдающийся ум, преданность интересам народа, талантливость и нравственную красоту.

Светлый образ Марии Федоровны жив в памяти ее друзей и всех близко ее знавших.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

Авторы статьи А. П. Григорьева, С. В. Щирина

1

Мария Федоровна Андреева родилась в 1888 г. в Петербурге, Годы ее юности совпадают с тем периодом исторического развития России, когда в стране росло революционное самосознание народных масс, ширился протест против произвола царского самодержавия, начался подъем рабочего движения и создавались первые марксистские организации.

Этот важнейший переломный этап в жизни страны сопровождался формированием целой плеяды выдающихся революционеров и прогрессивных деятелей культуры. Среди них значительное место занимает по праву и М. Ф. Андреева. Вся ее жизнь — ее самоотверженный труд в дореволюционные и советские годы, ее горячая вера в светлые идеалы коммунизма, ее верность и преданность интересам народа, высокое чувство партийного долга — являет собой вдохновляющий пример для молодых поколений строителей новой жизни.

Мы уже говорили во введении к данному сборнику о своеобразии личности Марии Федоровны, о многоплановости ее образа и его единстве, о том, что в ней гармонически сочетались активное участие в политической борьбе и служение сцене. Здесь хотелось бы только еще раз подчеркнуть, что при всем многообразии сфер деятельности Мария Федоровна всю жизнь оставалась человеком, кровно связанным с искусством.

Творческая судьба ее была сложной и трудной. Особенности биографии Марии Федоровны настолько выделили ее среди других артистов, что о ней принято говорить как об общественном деятеле. Между тем многие материалы, документы, свидетельства современников показывают, что она была и большой, талантливой актрисой со своим особым творческим: почерком. Воспоминания актеров, видевших Андрееву на сцене, игравших вместе с ней, отзывы театральных критиков и зрителей рисуют страницы ее яркой сценической деятельности.

В данной биографической статье авторы ставят перед собой скромную задачу: рассказать хотя бы в самых общих чертах о славном жизненном пути одной из выдающихся женщин нашей эпохи.

Выросла Андреева в артистической семье, связанной с передовыми представителями русской литературы и искусства. В доме ее отца — главного режиссера Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского — бывали видные ученые, писатели, художники, артисты: Менделеев, Островский,

Станюкович, Крамской, Репин, Варламов, Давыдов, Стрепетова, Савина и другие.

Семья Юрковских жила интересами театра. В Александринском театре играла мать Марии Федоровны — М. П. Лелева-Юрковская и сестра — Н. Ф. Юрковская (Кякшт). Влечение к сцене пробудилось у Андреевой еще в детстве. «Я очень люблю театр и люблю свое дело, ведь я чуть не с десяти лет мечтала стать актрисой...»¹ — писала она К. С. Станиславскому.

Рано окончив гимназию, она поступила в драматическую школу и в 1886 г. впервые с успехом выступила в Казани, в антрепризе Медведева.

В 1888 г. Мария Федоровна вышла замуж за крупного железнодорожного чиновника А. А. Желябужского. Вместе с мужем, страстным поклонником театрального искусства, она уехала из Петербурга в Тифлис, к месту его новой работы, вступила там в Артистическое общество и с увлечением играла на любительской сцене². По отзыву композитора М. М. Ипполитова-Иванова, это Общество «объединяло в своих стенах все артистические силы Тифлиса и всех талантливых любителей, как драмы, так и оперы». Некоторые любители, писал он, «являлись первоклассными дарованиями, восхищавшими и А. Н. Островского. К ним присоединились А. А. и М. Ф. Желябужские и П. А. Опочинин. Получилась труппа, по своему ансамблю не уступающая столичным»³. Уже в те годы в газетах Тифлиса неоднократно писали о ярком драматическом даровании Андреевой, которое привлекало к себе своей поэтичностью.

В Тифлисе состоялось ее знакомство, перешедшее потом в добрую дружбу, с М. М. Ипполитовым-Ивановым и его женой, певицей В. М. Зарудной, обучавшей ее пению. Там же испробовала она свои силы не только в драме, но и в опере, спев главную партию Миньон в одноименной опере Тома, которой дирижировал Ипполитов-Иванов. Рецензент газеты «Кавказ» писал, что исполнительница «обнаружила природную музыкальность, много вкуса, большую ритмичность. Особенная же заслуга г-жи Андреевой состоит в том, что она дала славный, поэтический образ Миньоны — этой девушки-ребенка с детски незлобливой наивной душой, с чистым горячим сердцем, способным на сильное, серьезное чувство»⁴.

Андреева с большим успехом сыграла много ведущих ролей в спектаклях Артистического общества Тифлиса. Но настоящую школу актерского мастерства она начала проходить позднее, в Москве, под руководством К. С. Станиславского в Обществе искусства и литературы. Как потом вспоминал сам Станиславский, он сразу увидел в Андреевой натуру артистическую и

¹ Письмо хранится в Музее МХАТ, архив К. С. Станиславского.

² В Тифлисе Мария Федоровна Желябужская и ее муж Андрей Алексеевич Желябужский выступали под псевдонимом — Андреевы. В дальнейшем этот сценический псевдоним стал ее официальной фамилией.

³ М. М. Ипполитов-Иванов, 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях, М., Музиздат, 1934, стр. 75.

⁴ «Кавказ», 4 марта 1893 г.

незаурядную.

На московской сцене ее дебют состоялся 15 декабря 1894 г. в пьесе «Светит, да не греет» А. Островского и Н. Соловьева. Станиславский играл Бориса Рабачева, Андреева — Олю Василькову. В спектаклях «Уриэль Акоста», «Бесприданница», «Потонувший колокол» она также являлась партнершей Станиславского.

Пресса обратила внимание на дарование Андреевой уже после первого ее выступления. Следующая роль — Юдифь в спектакле «Уриэль Акоста» — принесла ей известность¹. Актриса сумела создать сложный по своей внутренней жизни образ. «Искренность тона, чувство меры и изящная отделка деталей были те элементы, на которых основала свое исполнение г-жа Андреева. Образ Юдифи явился цельным, поэтичным, пленительным и женственным»².

В газете «Московские ведомости» была напечатана статья о спектаклях «Светит, да не греет» и «Уриэль Акоста». Автор ее, Ю. Николаев, высоко оценил режиссерскую работу Станиславского, сказавшуюся в гармонии исполнения, в свежести: игры и полном отсутствии раз и навсегда выработанных шаблонов. Из числа исполнителей он особо выделил Станиславского и Андрееву. Об Андреевой критик писал: «У нее несомненный и большой талант. В исполнении ею роли Юдифи, очень характерном (она действительно напоминала богатую еврейскую девушку того века, которую мы видели на иных портретах и картинах старых мастеров), было то высокое и простое искусство, которого недостает большей части наших русских актрис. Олю она сыграла очень трогательно, просто и изячно»³.

Автор сравнивал Андрееву с известными западными актрисами и утверждал, что она «могла бы быть прекрасной Корделией, Дездемоной и т. д.».

Правда, успех давался нелегко. Приходилось усердно работать. Надо было многое критически переоценить, от многого отказаться, заново отделать ранее иггранные роли. Показательна в этом отношении работа над образом Ларисы в «Бесприданнице» Островского. Как вспоминает Андреева, Станиславский был недоволен ею во время репетиций. Только после долгих совместных с ним поисков и благодаря дружеской помощи, которую оказывала ей прославленная актриса Малого театра Н. М. Медведева, Андреевой удалось верно передать внутреннюю суть этого сложного образа.

Когда дело касалось искусства, вопросы актерского самолюбия отходили для Марии Федоровны на второй план, она готова была забыть о прежнем успехе и стать скромной ученицей. Лучшим подтверждением этого служат

¹ Премьера состоялась 9 января 1895 г. Спектакль шел с неизменным успехом до конца сезона. В следующем сезоне он исчез из репертуара Общества искусства и литературы. Это совпало с годичным перерывом в сценической деятельности Андреевой, вызванным личными обстоятельствами. После ее возвращения «Уриэль Акоста» был возобновлен.

² «Русский листок», 13 января 1895 г.

³ «Московские ведомости», 16 апреля 1895 г.

слова Станиславского: «... победу над самолюбием я очень ценил, ценю и буду ценить и любить в Вас. Когда же я почувствовал проблески идеи в Вашем деле, когда в Вас исчезла дилетантка, уступив место серьезной работнице, я привязался к Вам как к артистке в исключительные данные ее я стал считать своими, стал любовно оберегать их»¹.

Некоторые роли из репертуара Общества искусства и литературы Андреева впоследствии играла и на профессиональной сцене. Одна из них — роль Раутенделейн в «Потонувшем колоколе» Гауптмана.

Первым постановщиком «Потонувшего колокола» в Москве и первым исполнителем роли мастера Генриха был Станиславский. Первой Раутенделейн — Андреева. Спектаклю «Потонувший колокол» Станиславский отводит в книге «Моя жизнь в искусстве» целую главу. В ней есть и ряд чрезвычайно ценных замечаний о роли Раутенделейн, позволяющих нам судить о сложной эволюции созданного актрисой сценического образа.

За три сезона Андреева сыграла одиннадцать ролей, преимущественно основных. Созданные ею образы отличались большим разнообразием. Достаточно напомнить, что она с успехом играла Геро в «Много шума из ничего» и Ларису в «Бесприданнице». Попову в «Медведе» и Юдифь в «Уриэле Акосте», Олю Василькову и Раутенделейн. Работа в Обществе искусства и литературы — один из важных этапов в ее сценическом развитии.

Интенсивную творческую деятельность Андреева совмещала с занятиями в Московской консерватории, снова у В. М. Зарудной. В студенческом спектакле она поет партию Аси в одноименной опере Ипполитова-Иванова. И, так же как в свое время в Тифлисе, слушатели отмечают ее природную музыкальность, хорошие вокальные данные и проникновенное исполнение...

Еще совсем молодой входит Мария Федоровна в общественную жизнь. С каждым годом все глубже вникает она в явления окружающей действительности и в поисках ответа на сложные, животрепещущие вопросы сближается с революционным студенчеством. По собственному признанию Андреевой, ее первыми политическими наставниками были студенты ставропольского землячества Московского университета, с которыми она познакомилась через воспитателя своего сына — студента Д. И. Лукьянова. От них она услышала имя Маркса, узнала о его гениальных трудах и вместе с ними принялась за изучение «Капитала».

Это был переломный период и в творческой судьбе Андреевой. Она переходит на профессиональную сцену и начинает самостоятельную трудовую жизнь. В 1898 г. Мария Федоровна становится актрисой Художественно-общедоступного театра и одной из его основательниц.

Несколько строк из ее письма к старому другу по революционной борьбе свидетельствуют о том, что ко времени вступления в МХТ у Марии Федоровны сложились уже твердые политические убеждения: «... я в него вошла горячим марксистом и убежденнейшим приверженцем рабочего класса — творца всех

¹ Черновой набросок письма к М. Ф. Андреевой. К. С. Станиславский, Собр. соч. в восьми томах, т. 7, М., «Искусство», 1960, стр. 226.

ценностей мира»¹.

Годы работы Андреевой в Художественном театре совпадают с началом пролетарского этапа освободительного движения в России, насыщенного важнейшими историческими событиями, наложившими, несомненно, свой отпечаток и на творческую деятельность коллектива художественников. Во всей жизни театра — в его новаторской театральной программе, в стремлении сблизиться с народным зрителем, стать общедоступным, в его репертуарной линии — проявлялись передовые тенденции, типичные для прогрессивных слоев интеллигенции. Именно тогда МХТ утвердил на сцене драматургию Чехова, открыл Горького для театра и тем самым оказался в числе тех немногих художественных организаций, которые объективно способствовали распространению революционных идей.

В Художественно-общедоступный театр Андреева пришла из Общества искусства и литературы вместе с К. С. Станиславским, М. П. Лилиной, В. В. Лужским, А. А. Саниным, Г. С. Бурджаловым, А. Р. Артемом, М. А. Самаровой, Н. Г. Александровым. Она сразу же проявила свой общественный темперамент, приняв активное участие в формировании этических основ жизни коллектива.

В протокольной записи одного из первых собраний труппы в 1898 г., на котором дебатировался вопрос о принципах создания театрального товарищества, сказано: «... слово предоставляется г-же Андреевой, которая выражает мысль, что, прежде чем устраивать корпорацию, надо разобраться: верим ли мы и уважаем ли друг друга, потому что, если у нас нет таких отношений, так надо их поставить в условие, затем что без веры и уважения немыслимы никакие объединения». Мысли эти об этических нормах совместной работы нашли отражение в редком по своей демократичности первом уставе Художественного театра, в основе которого лежали принципы, разработанные Станиславским. Устав этот был подготовлен и подписан комиссией в составе Андреевой, Санина и Бурджалова. На раннем этапе жизни театра он являлся моральным кодексом, определявшим взаимоотношения в труппе.

Артистическая деятельность Андреевой в Художественном театре была очень плодотворной. За шесть сезонов она сыграла пятнадцать основных ролей в пьесах Чехова, Горького, Островского, Гауптмана, Ибсена, Шекспира. Столь необычная для МХТ занятость ведущей актрисы в репертуаре свидетельствует о том, какое место занимала она в творческой жизни театра. Андреева была единственной исполнительницей роли Раутенделейн в «Потонувшем колоколе», Эдды Габлер, Кете в «Одиноких», Веры Кирилловны из пьесы Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах» и первой исполнительницей Ирины в «Трех сестрах», Вари в «Вишневом саде», Наташи в «На дне», Лизы в «Детях солнца» и др.

¹ [Письмо Н. Е. Буренину от 17 августа 1938 г., см. в настоящем сборнике](#). В дальнейшем ссылки на источники даются, как правило, к тем материалам, которые не публикуются в данной книге.

В своей книге «Из прошлого» Вл. И. Немирович-Данченко отзывается об Андреевой как о преданнейшей любительнице «кружка Алексеева», занявшей «первое положение в Художественном театре». Еще задолго до этого, в 1900 г., он писал А. А. Санину: «... Вы, как лицо, близко стоящее к Дирекции, хорошо должны знать, что в М. Ф. Андреевой мы имеем артистку не только талантливую и с честью несущую первый репертуар, но и безупречно добросовестную ко всему, что только поручалось ей Дирекцией за время существования нашего театра...»¹

Москва хорошо приняла и полюбила эту актрису. Так, например, Г. М. Кржижановский в течение шести десятилетий хранил в памяти созданный Андреевой образ Раутенделейн. Он запомнился ему благодаря своеобразию таланта актрисы, ее «чарующей женственности» и глубокой интеллектуальности. «Чрезвычайно благодарная внешность сочеталась в ней с особым изяществом исполнения, вытекавшим из тонкого проникновения в создаваемый образ и обдуманного психологического анализа».

Большую одаренность актрисы и многогранность ее игры отмечал после первых представлений «Потонувшего колокола» театральный критик Сергей Глаголь: «Г-жа Андреева — чудная златокудрая фея, то злая, как пойманный в клетку зверек, то поэтичная и воздушная, как сказочная греза»².

В каждой новой роли выявлялась новая грань дарования Марии Федоровны. К первой годовщине театра она сыграла шесть разных ролей, создала шесть разных характеров и показала себя как актриса широкого диапазона. Созданные ею образы отличались тонкой отделкой и большой эмоциональной выразительностью. В частности, как писал Вл. И. Немирович-Данченко, она «очень хорошо играла» трудную, полную драматизма роль Эдды Габлер. Небезынтересно отметить, что через семнадцать лет эта пьеса Ибсена была поставлена Малым театром. В статье, посвященной премьере, говорилось, что зрители, «скучая на “Гедде Габлер” в Малом театре, вспоминали “Гедду Габлер” Художественного театра. [...] Вспоминали М. Ф. Андрееву — Гедду, К. С. Станиславского — Левборга и М. П. Лилину — Тею»³.

В шекспировских пьесах «Венецианский купец» и «Двенадцатая ночь» Андреева с успехом сыграла роли Порции и Оливии. О роли Порции, требующей большого искусства перевоплощения, газета «Новости дня» писала: «Среди исполнителей первое место принадлежит Андреевой»⁴. А в роли Оливия она (по отзыву театрального критика С. Васильева) была так изящна и красива, настолько соответствовала шекспировскому образу, что напрашивалась на полотно художника.

В творческой биографии многих артистов есть этапные роли, занимающие особое место в их жизни на сцене. Для Андреевой такой ролью явилась Кете в

¹ Подлинник письма (от 25 августа 1900 г.) хранится в архиве М. Н. Алейникова.

² «Курьер», 22 октября 1898 г.

³ «Театр», 13 и 14 ноября 1916 г.

⁴ «Новости дня», 22 октября 1898 г.

пьесе Гауптмана «Одинокое», поставленной в декабре 1899 г. Об этом спектакле сохранилось много отзывов прессы, он оставил большой след в переписке современников.

Кете, обычно воспринимаемая как недалекая мешаночка из типичной немецкой бюргерской среды, выростала в исполнении Андреевой в трагическую фигуру обездоленной женщины. Своей игрой она придала новое звучание пьесе. Газета «Курьер» выражала опасение, что мучительные страдания Иоганнеса и Анны Мар останутся непонятыми, «потому что роль Кете нашла такую поразительную по силе исполнения артистку, как г-жа Андреева». М. Ф. сумела извлечь из произведения Гауптмана все, что придавало значительность Кете не только как чистой, любящей, готовой к самопожертвованию женщине, но и человеку, ценящему свое достоинство, человеку, в котором зреют зерна протеста. Слова Кете, сказанные Иоганнесу: «Может быть, и я хотела бы читать книги», произносились Андреевой так, что они звучали как протест многих женщин, задавленных семьей, бытом, средой.

Очень ярко передает впечатление от игры Андреевой известная актриса В. Л. Юренева: «Я до сих пор помню лицо М. Ф. Андреевой — Кете после самоубийства Иоганнеса: Кете падает на пол с зажженной свечой, и пламя играет в ее расширенных, застывших от ужаса глазах. Вообще М. Ф. Андреева в этой роли была так трогательно беспомощна, нежна и прекрасна, что обычное сравнение страдающей женщины со сломанным цветком на этот раз вполне выражало то, что видела публика»¹.

В этом спектакле лирическое дарование Андреевой проявилось с особой силой. Ее игра захватывала и самых, тонких ценителей искусства. Не случайно И. И. Левитан в письме к Чехову называл Марию Федоровну «дивной исполнительницей» роли Кете. До нас дошел в передаче М. П. Лилиной и исключительный отзыв Л. Н. Толстого: «“Одинокое” ему страшно понравились, и пьеса и исполнение, в Марию Федоровну Желябужскую он совсем влюбился, сказал, что такой актрисы он в жизни своей не встречал и решил, что она и красавица и чудный человек»².

Из пьес западных драматургов, поставленных Художественным театром в годы, предшествовавшие первой русской революции, «Одинокое» пользовались особым успехом. Они шли в Москве, Петербурге, Севастополе, Ялте — всего 73 раза. По количеству представлений «Одинокое» уступали только «Доктору Штокману».

«Одинокое» хорошо принимались зрителем даже в разгар революции 1905 года и оставались в репертуаре МХТ, пока Андреева работала в его труппе. После того как она была вынуждена эмигрировать, спектакль не возобновлялся. Сама же Мария Федоровна с неизменным успехом выступала в роли Кете в труппе Незлобина в Риге в 1904 г. и в Киеве, вместе со своими товарищами по Художественному театру, в 1913 г.

Среди ролей, исполненных Андреевой в первые сезоны, наиболее близкой

¹ Вера Юренева, Записки актрисы, М.-Л., «Искусство», 1946, стр. 101.

² «Мария Петровна Лилина», М., ВТО, 1960, стр. 179.

ей была роль Ирины в «Трех сестрах». Неудовлетворенность Ирины окружающей действительностью, ее тяга к труду, стремление с пользой применить свои силы — все это было близко Андреевой, и она играла эту роль с особым душевным подъемом.

В декабре 1900 г., перед черновой генеральной репетицией первых двух актов, Станиславский делился с Чеховым своими предположениями: «Думаю, что будут хороши: Лужский, Вишневский, Артем, Грибунин, Москвин, жена, Мария Федоровна». В январе 1901 г., характеризуя исполнителей главных ролей, он писал, что Мария Федоровна — Ирина «очень хороша». Это мнение разделял и Немирович-Данченко, который, правда, отмечал, что актриса «чуть повторяет “Одиноких”, но очень мила и делает большое впечатление». Исполнение Андреевой хвалили в письмах к Чехову его сестра М. П. Чехова, О. Л. Книппер, А. Л. Вишневский, И. А. Тихомиров, предвещавший, что Мария Федоровна будет иметь «большой успех». Вот почему Чехов еще до того, как видел спектакль, писал Андреевой: «Мне пишут из Москвы, что Вы превосходны в “Трех сестрах”, что играете Вы прямо-таки чудесно, и я рад, очень, очень рад...» Впоследствии М. П. Лилина отмечала в своих «Записках»: «Эту роль исполняла М. Ф. Андреева и была в ней очаровательна».

Первые исполнительницы ролей трех сестер: Маша — О. Л. Книппер, Ольга — М. Г. Савицкая, Ирина — М. Ф. Андреева восхищали своей превосходной игрой и рядовых зрителей и больших мастеров сцены. По свидетельству О. Л. Книппер, Мария Николаевна Ермолова после просмотра спектакля в феврале 1903 г. «прислала в уборную каждой сестры чудесные майоликовые вазы с цветами»¹. В Архиве А. М. Горького хранится визитная карточка великой актрисы с адресованной М. Ф. Андреевой надписью: «Цветы — цветку!»

В следующем сезоне Андреева играла в «Микаэле Крамере» роль дочери Крамера — художницы Микелины. Для образа Микелины исполнительница нашла новые краски. Изменился весь ее облик: легкая походка сменилась тяжелой твердой поступью, мягкие движения — угловатыми. Голос ее приобрел несвойственные ей резкие ноты.

Микелина Крамер относилась как будто к числу «неподходящих ролей» для актрисы с такой прекрасной поэтичной внешностью и удивительно теплым, мягким тембром голоса. Но театральная критика уже тогда отмечала, что широта и особые свойства актерского дарования Андреевой позволяют ей играть с большим успехом и лирические, и драматические, и характерные роли. Способность к проникновению в глубины внутреннего мира своих героинь давала ей возможность правдиво раскрывать особенности и отличительные черты их характеров, передавать тончайшие нюансы их душевных переживаний и настроений и вселять веру в истинность всего происходящего на сцене.

Созданные ею образы надолго оставались в памяти зрителей. Да и как забыть актрису, которая предстает перед вами сегодня необузданной,

¹ ОРБЛ, ф. 356, п. 5 (рукопись III тома переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер).

бездушной, демонической Эддой Габлер, а завтра необыкновенно трогательной, нежной, беспомощной и мягкой Кете? Или как забыть антиподы Микелины — веселую, шаловливую проказницу Порцию, сказочного Леля и рвущуюся к свету, жадно ищущую смысла жизни Ирину?

Вслед за Микелиной Мария Федоровна играла в пьесе Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах» роль Веры Кирилловны. Спектакль не имел большого успеха и, подобно «Микаэлю Крамеру», недолго продержался в репертуаре. Но некоторые роли, и в их числе роль Веры Кирилловны, были прекрасно исполнены. В газете «Курьер» отмечалась тонкая игра Андреевой: «Чуткая артистка, она вся уходит в роль изображаемого ею лица, и не ее вина, что ей слишком часто приходится прибегать к игре без слов для изображения все той же тоскующей по любви женщины»¹.

В сезоне 1902/03 г. пьесы Горького заняли доминирующее положение в репертуаре МХТ, что резко повлияло на общественное лицо театра. В этом сезоне состоялось 143 спектакля: из них 73 — «Мещане» и «На дне». Как раз тогда «театр отражал жгучие общественные вопросы, которые захватили и весь литературный и артистический мир»².

В «Мещанах» Андреевой не пришлось участвовать. Известно из ее воспоминаний, что в то время в театре сложилось мнение, будто ей, при ее внешних данных, не подходят роли людей из народа. Это мучительно отзывалось на актрисе. Лишь к постановке пьесы «На дне» Марии Федоровне удалось убедить режиссеров, что она может играть и простых женщин.

Достаточно посмотреть на фотографии Андреевой в роли Наташи, чтобы убедиться в том, как она была права. Мария Федоровна сыграла Наташу с огромной драматической силой, особенно финал третьего акта. Она сумела глубоко раскрыть душевную чистоту своей героини, правдиво донести до зрителя искренность ее переживаний, противопоставить ее обитателям ночлежки. Актриса сохранила в этой роли «присущую ей обаятельность и изящную простоту».

Сценическое воплощение пьесы «На дне» занимает особое место в жизни Художественного театра. Щепкина-Куперник метко определяет историческую роль спектакля: «Прошумела эта пьеса над Россией настоящим буревестником». Писательница высоко оценила и игру Андреевой. Все герои, по ее мнению, «целиком вырваны из жизни, перенесены с Хитровки на сцену. А посреди них, как цветок на пожарище, Наташа — Андреева, кутающаяся в свой длинный платок. Все они долго не уходили от зрителя, обступали его и вместе с Клецом — Загаровым настойчиво спрашивали:

— Где же правда?.. Правда-то где?»³

¹ «Курьер», 23 декабря 1901 г.

² К. С. Станиславский, Собр. соч., т. 5, стр. 411 – 412.

³ Т. Л. Щепкина-Куперник, Из воспоминаний, М., ВТО. 1959, стр. 228.

У всякого, кто пришел к социал-демократии, по выражению-Андреевой, «со стороны», были на жизненном пути какие-то решающие моменты, с которых начиналась его революционная биография. У Марии Федоровны, как уже говорилось, таким моментом явилось ее сближение с революционными студенческими кругами. В 90-х гг. XIX века она изучает труды Маркса, а в начале XX века уже принимает непосредственное участие в революционной борьбе, являясь сторонницей ленинской газеты «Искра».

9 февраля 1902 г. произошли широко известные волнения студентов Московского университета, вызвавшие живой отклик в рабочих массах. Эти выступления были отмечены «Искрой» как один из важных симптомов подъема революционного движения. Андреева принимает самое живое участие в судьбе студентов, арестованных 9 февраля. Собирает средства, посылает передачи заключенным, посещает в тюрьме своих политических наставников. Под влиянием Андреевой фабрикант С. Т. Морозов, один из пайщиков МХТ, купил одежду для студентов социал-демократов, ссылаемых в Сибирь. Многие комнаты ее квартиры превращаются в склад вещей и продуктов. Сюда приносили и отсюда отправляли в Бутырскую тюрьму все, что предназначалось арестованным.

Характер революционной деятельности Андреевой был уже тогда очень разнообразен: она организовывала концерты для сбора средств на нужды революционного движения, активно работала в нелегальном политическом Красном Кресте, собирала средства для «Искры», хранила нелегальную литературу, доставала документы для легализации партийных товарищей, устраивала их на работу и снабжала подпольные партийные библиотеки литературой. Сама Мария Федоровна пишет: «... я не была тогда еще членом партии, но уже твердо приняла ленинскую платформу, с которой ни разу не сходила. Если до 1902 года я помогала многим, то с этого времени все мои усилия были твердо направлены в сторону большевиков».

Она уже была связана тогда с такими выдающимися деятелями, работавшими под непосредственным руководством В. И. Ленина, как Н. Э. Бауман, Г. М. Кржижановский, Л. Б. Красин, П. А. Красиков. От них узнал о Марии Федоровне В. И. Ленин.

В партийной кличке «Феномен», данной Марии Федоровне Лениным, как бы подчеркивается крайняя необычность подобного явления в среде художественной интеллигенции, особенно среди актрис. В письме М. И. Ульяновой к Ленину и в его письме 1903 г. «Феномен» упоминается в связи с необходимостью изыскать средства на нужды партии. Впоследствии Андреева становится финансовый агентом ЦК и многие годы с честью выполняет эту чрезвычайно важную работу.

Положение известной актрисы, широкие связи в различных слоях общества дали ей возможность оставаться некоторое время вне поля зрения полиции. Кто мог заподозрить жену действительного статского советника Желябужского в том, что она устраивает на работу к фабриканту Морозову инженера Красина,

техника Кропотова с целью укрыть их от охранки? Даже когда Андреева во время студенческих выступлений действовала недостаточно конспиративно, «власти предержавшие» расценивали это как порыв отзывчивого сердца. Поэтому вплоть до сближения с А. М. Горьким и вступления в большевистскую партию она вела большую политическую работу, не попадая в разряд «неблагонадежных».

Знакомство Андреевой с Горьким относится к 1900 г. — периоду крымских гастролей МХТ. По ее собственному признанию, она принадлежала к числу людей, которые давно видели в Горьком «глашатая новых мыслей и чувств», и сама «была настроена в унисон его убеждениям, взглядам, планам и начинаниям». Горький в свою очередь хорошо знал Андрееву как актрису, ценил ее талант, знал о ее участии в революционной работе. Начало их совместной политической деятельности относится к 1903 г. В апреле этого года Андреева доставила в Нижний Новгород первомайские листовки и передала их при содействии Горького нижегородским социал-демократам. Алексей Максимович прибегал к ее помощи, когда нужно было легализовать кого-нибудь. В. Н. Кольберг рассказывает о характерном эпизоде. Прибыв в декабре 1903 г. в Москву, она застала у него двух членов партии, не имевших документов. Обращаясь к ним, Горький, по словам Кольберг, сказал: «— В одном месте паспорта есть, но место чистое. Надо послать человека, который бы не возбудил подозрения. Да вот человек, — прибавил он, указывая на меня. — Это человек незнакомый для здешних сыщиков. Вера, — сказал он, обращаясь ко мне, — я напишу записку, а вы поезжайте к М. Ф. Андреевой и привезите оттуда паспорта»¹.

В том же 1903 г. Марии Федоровне удалось помочь Н. Э. Бауману скрыться от охранки, которая знала о его нелегальном приезде в Россию и взяла его в «наружное наблюдение». 26 декабря агенты охранки потеряли след Баумана. Было рождество, и никто не мог предположить, что в квартире действительного статского советника Желябужского, куда явился с визитом обер-полицмейстер Трепов, скрывается опасный политический «преступник», в поисках которого жандармерия и полиция сбились с ног. Андреева в течение нескольких дней прятала Баумана у себя, затем у своего друга В. И. Качалова и, наконец, устроила его в подмосковное имение С. Т. Морозова.

Вскоре, однако, она сама попала в число «подозрительных лиц» за участие в концерте и связь с работниками Московского комитета РСДРП. 15 февраля 1904 г. Московское охранное отделение докладывало обер-полицмейстеру, что в концерте, устраиваемом правителем дел Московской консерватории Н. А. Маныкиным-Невструевым, примут участие артисты, о которых имеются компрометирующие данные. О Марии Федоровне говорилось, что она «входит в число знакомых Алексея Пешкова (псевдоним М. Горький), — человека крайне неблагонадежного в политическом отношении»².

Выполняя задания Московского комитета РСДРП, Андреева должна была

¹ В. Н. Кольберг, Воспоминания о М. Горьком (Архив А. М. Горького).

² ЦГИАМ, ф. МОО, д. 31, 1904 г.

встречаться с его работниками, что также в конце концов было обнаружено агентами охраны. Когда в феврале 1904 г. поднялась волна арестов среди активных социал-демократов и усилилась слежка за оставшимися на свободе, Андреева снова упоминается в донесениях полицейского сыска. Например, в «дневнике наружного наблюдения» агентов охраны, который они вели, следя за одним из деятелей Московского комитета РСДРП, несколько раз говорится о посещении им квартиры Андреевой¹.

Через некоторое время ее фамилия появляется в обширном полицейском деле «О Московском комитете РСДРП». Шла слежка за Е. Д. Стасовой, прибывшей нелегально, под чужим именем в Москву. В деле имеется сообщение, что 19 мая 1904 г. Стасова посетила «на 5 минут дом Долгова», где живет Андреева. Такая же пометка делается и 20 мая². С этого времени артистка Художественного театра Андреева входит в сферу «наблюдения» Московского и Петербургского охранных отделений, а затем Финляндского жандармского управления.

Андреева была первой и единственной в России видной актрисой, совмещавшей активное участие в политической жизни со служением искусству. Однако работа в театре теперь не приносила ей прежнего удовлетворения, не приносила и былой радости. Это вызывалось многими обстоятельствами.

Связанная с революционным подпольем, Мария Федоровна должна была соблюдать конспирацию. Ей приходилось быть осторожной в общении с товарищами по театру. Это нередко истолковывалось как неискренность. В интересах своей политической работы она устанавливала «добрые» отношения с высокопоставленными особами и тем самым давала повод для всевозможных пересудов. Часто надо было о чем-то умалчивать, в каких-то случаях прибегать к маскировке, что вызывало недоумение и осложняло ее положение в труппе. Многие догадывались, что помимо сцены у Марии Федоровны есть какая-то вторая, им неизвестная и непонятная жизнь и относились к этому неодобрительно, а некоторые и враждебно.

В составе труппы с самого начала организации МХТ были люди полярных политических взглядов. Наряду с артистами, считавшими, что политика и искусство несовместимы, были и такие, как ученик школы МХТ А. И. Окулов, вовлеченный в ряды большевиков Н. Э. Бауманом в 1903 г.; А. П. Харламов (исполнитель роли Петра в «Мещанах»), который еще в 1902 г. привлекался полицией к ответственности за связь с революционными организациями; В. И. Качалов, попавший в 1903 г. в число политически неблагонадежных лиц: департаменту полиции стало известно, что московские «искровцы» используют для переписки с заграничным центром газеты «Искра» адрес Качалова. У некоторых артистов, особенно у учащихся театральной школы МХТ, производились обыски, бывали и случаи арестов. На этих людей опиралась Андреева, к их помощи не раз прибегала, но не они «делали погоду» в театре.

Противоречия, свойственные интеллигенции в периоды крутой ломки

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 2, л. Б, 1904 г.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 65, 1904 г.

общественных отношений, общий процесс политической дифференциации сказались и на коллективе МХТ. Это нашло выражение в том, что театр постепенно стал утрачивать некоторые свои демократические черты. Еще в сезоне 1902/03 г., шедшем под знаком Горького, стали обозначаться различные идейно-художественные устремления в труппе. Наряду с безоговорочными сторонниками такой репертуарной линии было немало колеблющихся людей. В феврале 1903 г. Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову, что трещина в труппе медленно, но растет. Сам он, ранее активно привлекавший Горького в Художественный театр, высказывает такую мысль: «Горький — Горьким, но слишком много горькиады вредно», и затем добавляет: «Может быть, я не в силах угнаться за этим движением, стар уже, хотя очень оберегаю себя от консерватизма»¹.

Именно в этот период разворачивается внутри театра ожесточенная борьба вокруг репертуара. Тогда же крайне обостряются отношения между Вл. И. Немировичем-Данченко и Андреевой. О. Л. Книппер сообщила А. П. Чехову 5 февраля 1903 года, что Владимир Иванович в одной из бесед «неосторожно выразился, что надо бы ее [Андрееву] “вытравить из театра”»².

Постепенно изменилось и положение Андреевой в труппе. Сложилось так, что актриса, занимавшая ранее одно из первых мест, стала оттесняться на второй план. В первом сезоне Андреева исполняла пять новых ролей, во втором — три, в третьем и четвертом по две, а в пятом и шестом по одной роли. Сложность взаимоотношений проявилась и в спорах, которые возникли в театре при распределении женских ролей в «Вишневом саде». Книппер писала Чехову 26 октября 1903 г.: «Вчера в кабинете Владимира Ивановича сидели с Алексеевыми и с ним распределяли роли. [...] Еще варьировали так: Раневская — Мария Федоровна, я — Шарлотта, но вряд ли. Мне хочется изящную роль. Если Андреева — Варю, то, по-моему, она не сделает, а Варя главная роль»³.

Впоследствии, когда роль Раневской была закреплена за Книппер, Вл. И. Немирович-Данченко писал Чехову, что Андреева могла бы играть Варю, но она боится выглядеть слишком аристократичной. На это Чехов ответил: «... отчего Мария Федоровна думает, что для Вари она слишком аристократична? Да ведь “На дне” же она играет?» В конце концов Немирович-Данченко просил автора высказать свое категорическое суждение по этому вопросу. В посланной ему телеграмме выдвигались четыре кандидатуры на роль Вари: Андреева, Лилина, Литовцева и Савицкая. Чехов остановил свой выбор на Андреевой, которая и была первой исполнительницей роли Вари.

Эта роль, видимо, мало привлекала Марию Федоровну. После Ирины и Наташи надо было играть девушку в черном монашеском одеянии, религиозную

¹ Вл. И. Немирович-Данченко, Избранные письма, М., «Искусство», 1954, стр. 237.

² ОРБЛ, ф. 356, п. 5 (рукопись III тома переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер).

³ Там же.

и покорную судьбе, — образ, далекий устремлениям актрисы. Но, получив роль, Андреева нашла свое собственное отношение к чеховской героине. В характере Вари актриса выделяла чистоту ее преданного сердца, верную любовь, готовность к самопожертвованию и с особой выразительностью донесла это до зрителя. В газетных рецензиях на спектакль имеются отзывы о «полной отделке роли», «верной передаче» и «безупречном исполнении»...

В 1903 – 1904 гг. в личной, творческой и общественной жизни Марии Федоровны происходят решающие события.

Все труднее становится ей жить в доме мужа — А. А. Желябужского (с которым она уже давно фактически разошлась) и общаться со светской средой высшего чиновничества, составлявшей его окружение. Мария Федоровна официально разрывает семейные узы. В общественных условиях царской России такой шаг для женщины, имеющей двоих детей, был сопряжен с большими трудностями.

Бурную реакцию в совершенно различных кругах, и даже внутри Художественного театра, вызвало ее решение связать свою судьбу с Горьким. В конце 1903 г. Мария Федоровна вступила в гражданский брак с Алексеем Максимовичем. Очень характерным для нее является письмо Горькому (от 10 мая 1904 г.), содержащее рассказ о том, как прежние знакомые из «высшего общества» отвернулись от нее при встрече. Вот строки из этого письма:

«И как мне было весело и смешно. Весело, что я ушла от всех этих скучных и никому не нужных людей и условностей. И если бы даже я была совершенно одна в будущем, если я перестану быть актрисой, — я буду жить так, чтобы быть совершенно свободной. Только теперь я чувствую, как я всю жизнь крепко была связана и как мне было тесно».

Вся предыдущая революционная деятельность Андреевой завершается важнейшим для всей ее жизни событием: в начале 1904 г. организационно оформляется ее вступление в большевистскую партию. И с тех пор и до конца дней своих она шла в рядах передовых борцов и преданно служила высоким идеалам коммунизма.

Полна драматических событий творческая жизнь Андреевой в эти годы. После большого идейно-художественного взлета МХТ начинает в 1904 г. отступать от завоеванных позиций. В его репертуар включаются мистические пьесы Метерлинка и далеко не первоклассные драматические произведения Найденова и Ярцева. Небезынтересно напомнить, что спектаклю Метерлинка («Слепые», «Непрошенная», «Там — внутри»), который и без того вызывал пессимистическое настроение, был предпослан реферат «Тайна одиночества и смерти», охотно разрешенный Московским охранным отделением: «К. Д. Бальмонту разрешено чтение реферата в Художественном театре на тему “Тайна одиночества и смерти”, которое имеет быть во время представлений драм Метерлинка...»¹

¹ ЦГИАМ, ф. МОО, д. 31, 1904 г.

Многие причины общественного и творческого характера усиливают разочарование Андреевой. Отход театра от идейных позиций вызывает у нее чувство протеста. Этим, очевидно, и можно объяснить бескомпромиссность и резкость тона письма Андреевой к Станиславскому:

«Художественный театр перестал быть для меня исключением [...] мне больно оставаться там, где я так свято и горячо верила, что служу идее», — писала она. Свое намерение перейти на работу в провинциальную труппу, осужденное Станиславским, Андреева объясняла следующим образом: «... я не хочу быть брамином и показывать, что служу моему богу в его храме, когда сознаю, что служу идолу в капище, только лучше и красивее с виду. Внутри него — пусто». Не случайно В. И. Качалов, разделявший мнение Марии Федоровны о положении в театре, писал ей тогда: «... Художественный театр переживает острый кризис в этом году — по целому ряду причин, всем известных. Он или оправится и снова поднимет голову, или через год прикончится. Это для меня ясно».

Из переписки Андреевой видно, после каких долгих, мучительных раздумий принимает она решение расстаться с театром, с которым так тесно была связана ее судьба, где вырос и окреп ее талант. И Мария Федоровна в 1904 г. уходит из МХТ. Официально ей был предоставлен годичный отпуск. Пресса отзывалась об уходе Андреевой как о большой потере для театра.

Не за громкой славой устремлялась она в провинцию. Нужно было работать, зарабатывать на жизнь, но и тогда главное, что занимало ее, о чем она мечтала, была мысль о создании нового, передового театра. Вместе с Горьким и Комиссаржевской ею вынашивались планы создания театра, отвечающего запросам современности.

Весной 1904 г., по окончании сезона в Москве, Андреева участвовала в петербургских гастролях МХТ.

После гастролей она поселилась вместе с Горьким в Куоккала. Там бывали наиболее революционно настроенные представители художественной интеллигенции. Туда приезжали деятели большевистской партии, и надо было заботиться о том, чтобы они не привлекали внимания шпииков, ходивших по пятам за Горьким.

Войдя в круг литературных интересов Алексея Максимовича, Мария Федоровна еще больше сближается со многими писателями, особенно с теми, кто печатался в сборниках «Знаний». Этому прогрессивному в те годы издательству она оказывала всяческую помощь, включая и денежные субсидии из своих личных средств.

В новых условиях жизни Андреева не порывает со сценой. Летом 1904 г. она играет в Старой Руссе, где держал антрепризу Незлобии. Крайне заинтересованный в столь популярной актрисе, Незлобии предоставил ей возможность выступать в некоторых ролях, иггранных ею в Художественном театре. Но здесь Мария Федоровна сразу ощутила резкий контраст между характером работы МХТ и провинциального театра. Спектакли готовились наспех. Отсутствие талантливого творческого ансамбля не восполнялось одной хорошо исполненной ролью. Горький, живший вместе с Андреевой в Старой

Руссе, писал Пятницкому о том, что Мария Федоровна в роли Раутенделейн «была яркой заплатой на рубище общего непонимания смысла пьесы, очень огорчилась, хотя имела весьма шумный успех у публики»¹. О других ее творческих удачах также известно из переписки Горького с Пятницким: «Как великолепно играла М. Ф. Еву в “Снегу” Пшибышевского!» — писал он в июле 1904 г. из Старой Руссы. Она «пользуется весьма крупным успехом, подносят ей цветы и т. д.»² — сообщал он в августе. В Старой Руссе осуществилось желание Андреевой играть в «Мещанах» Горького. На афишах значилось, что «пьеса ставится под личным наблюдением автора».

В Старой Руссе велась и подготовительная работа по созданию нового театра. Туда к Андреевой и Горькому приезжали из Петербурга от В. Ф. Комиссаржевской — К. В. Бравич, из Москвы — С. Т. Морозов. Составлялись планы, в которых деятельное участие принимал и К. Н. Незлобин. Но так как вопрос о новом театре не был решен, Мария Федоровна приняла предложение Незлобина играть в сезоне 1904/05 г. в Риге. В репертуар его театра вошли пьесы Горького: «Мещане», «На дне», «Дачники». Как известно из сообщений печати, Алексей Максимович непосредственно наблюдал за их постановкой. Это обстоятельство, как и наличие в труппе ведущей актрисы — большевички, не могло не оказать влияния на общественные настроения артистов этого театра.

Сезон начался в период подъема революционного движения. Режиссер этого театра К. А. Марджанов в своих мемуарах рассказывает о том, что артисты тогда «читали и упивались громадным количеством подпольной литературы, знакомились с программами разных партий, старались найти свое место среди дифференцирующегося русского общества». В рижской труппе вместе с Андреевой работали бывшие артисты МХТ Роксанова, Михайловский и Харламов. Марджанов, близко стоявший в то время к Горькому, опирался на это ядро и стремился как режиссер следовать принципам Художественного театра. В книге «Дорога исканий», посвященной не истории русского драматического театра в Риге, говорится «Часто в постановке спектаклей принимала активное участие М. Ф. Андреева, помогавшая К. А. Марджанову советами в деле» (стр. 42).

Мария Федоровна впервые выступила на рижской сцене 23 сентября 1904 г. в роли Ларисы Огудаловой и была очень тепло принята публикой и прессой. Она создала поэтичный, трогательный образ, по-своему раскрыла внутренний мир героини и внесла в эту роль частичку своего восприятия жизни. Горький, впервые увидев Ларису — Андрееву в Старой Руссе, писал летом 1904 г. Тихонову: «Рабья психика “бесприданницы” ей органически противна, и целиком в эту кожу она не может войти, нет-нет и вдруг, из-за бледной, бесцветной, жалкой Ларисы Огудаловой выйдет на свет гордый, свободный, сильный человек и в голосе прозвучит металлически звучное, крепкое отвращение [к] пошлости».

¹ «Архив А. М. Горького», т. IV, М., ГИХЛ, 1954, стр. 157.

² Там же, стр. 158, 159.

Особым успехом пользовались в Риге исполненные Андреевой роли из репертуара МХТ (Раутенделейн, Эдда Габлер, Лель). С большим мастерством была сыграна и новая роль — Елена Андреевна в пьесе Чехова «Дядя Ваня». «Какая ей лень жить, — писал тогда рецензент, — как замучил ее анализ, какое отсутствие ярких желаний в милой, по-славянски застенчивой душе этой чарующей профессорши — и как прекрасно все это олицетворяет г-жа Андреева»¹.

Здесь же, у Незлобина, Мария Федоровна сыграла в пьесе С. Найденова «Авдотьяна жизнь» Пелагею Дмитриевну. Способность к глубокому перевоплощению еще раз сказала в созданном актрисой совершенно новом для ее сценической биографии характере. В хорошей оценке, данной «Рижским вестником» спектаклю, поставленному при участии автора, говорилось: «Особенно же выделялась г-жа Андреева, она вложила в игру свою так много чувства и теплоты, что тип старой девы Пелагеи, непривлекательной и некрасивой, не только не имел ничего комического, но невольно возбуждал глубокое сочувствие зрителей»².

В сезоне 1904/05 г. театр Незлобина поставил в Риге «Дачников» Горького. Пьеса привлекла в театр демократически настроенного зрителя. Рижские газеты, выходившие на русском, немецком и латышском языках, единодушно признавали, что спектакль посещает публика, обычно не бывающая в русском театре. Зрители приезжали даже из окрестных городов. Этому в немалой степени способствовало блестящее исполнение Андреевой роли Марьи Львовны. Образ передовой женщины был близок душевному складу, всему строю мыслей Андреевой. Сознание, что театр вторгается в жизнь, затрагивает самые жгучие, самые животрепещущие вопросы, придавало ее игре особую эмоциональную силу и выразительность. Сравнивая постановку «Дачников» в Риге со спектаклем в театре Комиссаржевской, Горький утверждал: «Здесь “Дачники” идут гораздо лучше, очень хороша М. Ф. — Марья Львовна. Очень!»

К этому хочется добавить еще небольшую выдержку из рецензии рижской газеты: «Г-жа Андреева дает определенный привлекательный образ истинно передовой женщины, убежденной ненавистницы всякой пошлости, смелой поборницы здравых начал жизни...»³

По отзывам многих современников этот образ выростал в исполнении Марии Федоровны до героического.

И в Риге Андреева не замыкалась в кругу одних театральных интересов. Она выполняла там важное партийное задание по связи с рижскими социал-демократами. Это известно из ее биографических документов, а также из писем жены Я. Э. Янсона-Брауна — редактора «Цини», центрального органа латышской социал-демократии. Мария Федоровна сблизилась с Янсоном-Брауном на общей революционной работе в Риге. Знаменательна ее надпись на фотографии, подаренной ему в 1905 г.: «Хоть мало вместе прожито — да много

¹ «Рижские ведомости», 7 декабря 1904 г.

² «Рижский вестник», 18 декабря 1904 г.

³ «Рижский вестник», 22 декабря 1904 г.

пережито»¹.

3

Начало революционных событий 1905 г. застало Андрееву в больнице. «Дорогой друг — сейчас был у больной, страшно изменилась. Но ей лучше [...] если ухудшений не будет, завтра выеду»², — писал 11 января Пятницкому Горький, приехавший после Кровавого воскресенья в Ригу проведать Марию Федоровну. В тот же день он был арестован и отправлен в сопровождении жандармов в Петербург, в Петропавловскую крепость за выступление против зверской расправы царского правительства над безоружным народом 9 января 1905 г.

В больнице Марию Федоровну часто навещали Янсон-Браун и его жена. Они информировали ее о партийных делах. По свидетельству А. Я. Янсон, Андреева принимала близко к сердцу события революционной жизни Риги: «Они ее сильно волнуют»³.

Мучительные дни переживала Мария Федоровна. Прикованная к постели, она не могла принимать непосредственного участия в революционных событиях. Не могла также ничем помочь Горькому, находившемуся в заключении, и очень страдала от этого. Горький в свою очередь волновался за судьбу Марии Федоровны: «... так боялся за нее и такие страхи рисовались воображению — сказать стыдно! Включительно до гроба, убранного цветами, и церковного пения»⁴, — писал он 17 января из Петропавловской крепости Пятницкому.

Мария Федоровна рвалась в Петербург. На носилках перевезли ее туда, в больницу Канегиссера. Тяжело больная, она начала хлопотать об освобождении Горького. Когда дело о нем поступило для окончательного решения к Трепову, Андреева писала Пятницкому: «... это такая злая, глупая и тупая скотина, что он может нарочно, чтобы показать Горькому, какая он сила, всячески действовать обратно всем просьбам и влияниям».

После того как царское правительство в страхе перед ростом революционного движения и под нажимом мирового общественного мнения было вынуждено освободить Горького (не прекращая его судебного дела), Андреева выехала из Петербурга вместе с Алексеем Максимовичем, высланным под конвоем в Ригу. Поселившись на Рижском взморье, они продолжали поддерживать тесную связь с внешним миром, хотя оба были больны.

¹ Рига. Центральный Исторический музей Латвийской ССР, ф. Я. Э. Янсона-Брауна, д. № 6471 В/Н.

² «Архив А. М. Горького», т. IV, стр. 172.

³ Рига, Центральный исторический музей Латвийской ССР, ф. Я. Э. Янсона-Брауна, д. № 6471 В/Н.

⁴ М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 28, стр. 350. В дальнейшем ссылки на это издание (М., Гослитиздат, 1949 – 1955) даются сокращенно, только на том и страницу.

Мария Федоровна сознавала, как огромна роль Горького в революции. Она вела себя как его истинная сподвижница. В одном из писем о предстоящем суде над Горьким она заявила: «... где будет он, там буду и я, погибнет он — и я с ним. Но ведь это же такой огромный Человек, это такой великий художник!»

Весной 1905 г. Горький и Андреева уехали лечиться в Крым. Полицейские власти следили за каждым шагом Алексея Максимовича. Андреева заботливо оберегала его от возможных провалов и связанных с этим репрессий. Любопытно свидетельство В. Д. Бонч-Бруевича, который по поручению В. И. Ленина приезжал в Крым к Горькому. Ими был намечен план издания книг писателей-«знаньевцев» для пополнения партийной кассы. Алексей Максимович хотел дать Бонч-Бруевичу письмо к Пятницкому. Мария Федоровна, вспоминая Бонч-Бруевича, заволновалась, запротестовала и предложила свои услуги написать это письмо в иносказательной форме. Она пояснила: «... попадется его письмо, и опять начнется таскание его по жандармам». Как оказалось, она заранее условилась с Пятницким о шифре: «... я так подпишусь и употреблю такое слово, что он поймет, что вам надо верить»¹.

Выздоровливая, Мария Федоровна все больше тяготилась положением человека, занятого преимущественно личными заботами. 14 апреля она писала сестре: «... вся жизнь в России переменялась и стала такой порывистой, неопределенной, полной кипучих сил и движения!! Я не знаю, мне как-то иногда стыдно думать, говорить, заботиться о себе — такое это все кажется маленькое и ничтожное по сравнению с тем, что совершается в такой огромной стране, как Россия».

В этом же письме она делилась с сестрой своими творческими планами. Ее не оставляла мысль о создании собственного театра. Она собиралась также играть в Петербурге в театре В. Ф. Комиссаржевской. И это не осуществилось, как писала Комиссаржевская Н. А. Попову, только потому, что Мария Федоровна «сказала, что ее участь всецело зависит от А[лексея] М[аксимовича], и мы знали, что если его и вернут, то это будет не скоро, а после тех убытков, какие нам дала моя болезнь, мы ясно поняли опасность, какую для нас представляет отсутствие другой актрисы, кроме меня...»².

По возвращении из Крыма Андреева поселилась вместе с Горьким в Куоккала. В это время вопрос о вооружении масс стоял в центре внимания большевистских организаций. Это была одна из сложнейших, ответственных и трудных задач, посильных только очень самоотверженным людям. Красин — член Центрального Комитета партии — хорошо знал Андрееву по прежней партийной работе. Он привлек ее и Горького к участию в подготовке вооруженного восстания. В Куоккала был направлен член боевой технической группы ЦК РСДРП Н. Е. Буренин. Он установил с ними тесную связь, которая длилась в течение всего периода подготовки восстания. Мария Федоровна взяла

¹ ОРБЛ (рукопись воспоминаний Бонч-Бруевича «Мои встречи с Горьким»), ф. 369, картон 21, ед. хр. 18 – 22.

² «Театр», 1960, № 2, стр. 138.

на себя сбор средств для приобретения оружия.

В бурные дни 1905 года ей иногда удавалось по-новому решать волновавший ее вопрос связи искусства с жизнью. В условиях, когда боевые выступления масс дезорганизовала аппарат государственной власти, появилась, правда только в отдельных случаях, возможность устраивать концерты, которые своим содержанием способствовали подъему революционных настроений. Как тесно сплетались политика и искусство, видно из публикуемого в данной книге полицейского документа о концерте, организованном Андреевой при участии Горького в Териоках. В антрактах публика открыто обсуждала политические события, а во время концерта передавались по рядам дамские ридикюли с прикрепленными к ним надписями: «В пользу боевой организации», «В пользу социал-демократической партии» и т. д. И сделано это было столь искусно, что усиленный наряд полиции, наблюдая, как сыплются в ридикюли деньги, не смог изъять их и даже не установил, кто их унес. Андреева, нарушая утвержденную цензурой программу, выступила с революционными произведениями. Вызванная на бис, она «прочла какой-то неозаглавленный рассказ, оканчивающийся словами: “Нам нужно бороться, хотя еще не раз дула пушек будут направлены на нас”, “Вечная память павшим воинам”, “Вечная память погибающим в тюрьмах”. Последние слова Андреевой были покрыты громом рукоплесканий и шумными криками публики».

Вскоре после териокского концерта Мария Федоровна уезжает из Куоккала. Она возвращается в Художественный театр, который под влиянием растущего революционного движения снова обратился к драматургии Горького, решив ставить его новую пьесу «Дети солнца».

Еще в Крыму, едва оправившись от болезни, Андреева мечтала выступать в новых пьесах Горького. Судя по ее ялтинским письмам к сестре и Пятницкому (апрель 1905 г.), она собиралась в турне по России с горьковским репертуаром. В связи с возвращением в труппу МХТ вопрос о гастролях отпал. Постановка «Детей солнца» как нельзя больше отвечала желаниям Марии Федоровны. Перед началом репетиций, 29 мая, она писала Станиславскому: «Хочу быть Вашим товарищем, помогать Вам сколько только в силах».

Андреева пробыла в Москве до момента поражения Декабрьского восстания. Это была полоса очень трудной, чрезвычайно напряженной творческой и партийной работы. С каждым днем множились задания, поступавшие от Красина, от Буренина, от одного из руководителей Московского комитета партии — Шанцера («Марата»). Причем поручения были весьма неожиданные. Старый большевик М. А. Багаев рассказывает, например, о помощи Андреевой в подготовке побега большевиков из Таганской тюрьмы: «Такое поручение сначала меня смутило — я не знал, с чего начать. Красин меня успокоил, сказав, что для сбора средств на побег он мне дает в помощь М. Ф. Андрееву»¹. Одно задание следовало за другим. Она доставала деньги для нелегальной типографии ЦК партии, находившейся в Москве, на Лесной улице. А когда встал вопрос об издании первой легальной газеты большевистской

¹ М. А. Багаев, Моя жизнь. Иваново, 1949, стр. 221.

партии — «Новая жизнь», Мария Федоровна взяла на себя заботу о средствах и для нее. Ей же поручили быть официальным издателем этой руководимой В. И. Лениным газеты, которая фактически являлась центральным органом большевиков.

Красин называл Горького и Андрееву своими «ближайшими помощниками» по изданию «Новой жизни». Между Андреевой и членами ЦК шла деловая переписка. К ней обращались по делам газеты, за деньгами и по другим вопросам. Ее и Горького информировали о подготовке к выпуску газеты. Когда 27 октября 1905 г. «Новая жизнь» вышла в свет, на первой странице ее была надпись: «Издательница М. Ф. Андреева».

Занятая многочисленными партийными поручениями, Мария Федоровна интенсивно работала и в театре. Она готовила роль Лизы в «Детях солнца» и была занята в спектаклях текущего репертуара. Она успевала при этом в короткие промежутки времени, свободные от спектаклей и репетиций, побывать в Петербурге для деловых встреч с работниками ЦК и свидания с детьми (жившими у ее сестры Е. Ф. Крит), разлуку с которыми она очень тяжело переживала.

Завершение работы над спектаклем «Дети солнца» совпало по времени со всеобщей политической забастовкой. 14 октября генеральная репетиция была прервана в связи с тем, что забастовавшие электрики выключили свет во всем городе. Труппа Художественного театра постановила «присоединиться сочувствием к бастующим» и поставить спектакль в пользу их семейств. Решение это было вынесено после трех бурных собраний, на которых Андреева и молодежь из ее окружения требовали открытого участия в забастовке, а не только присоединения к ней «сочувствием».

После царского манифеста 17 октября, даровавшего всяческие «свободы», начался разгул черной сотни, поощряемой полицией. Московская партийная организация понесла большую потерю — черносотенцем был убит Н. Э. Бауман. 20 октября двести тысяч москвичей хоронили его. В этот день Андреева вместе с труппой МХТ участвовала в похоронах, вылившихся в грандиозную политическую демонстрацию. На одном из многочисленных венков, пронесенных за гробом по всей Москве, от Высшего технического училища до Ваганьковского кладбища, выделялась надпись: «От М. Горького и М. Андреевой — товарищу, погибшему на боевом посту».

Премьера «Детей солнца» состоялась 24 октября. Какое значение придавалось этому событию, известно из вышедшей к пятидесятилетию первой русской революции книги «1905 год в Москве». В ней сказано, что большевикам «удалось также сорвать нападение черносотенцев на Художественный театр во время премьеры пьесы А. М. Горького “Дети солнца”».

Мария Федоровна играла роль Лизы — самый сложный женский образ в пьесе. В нем — политическое зерно спектакля. Страдая от сознания оторванности интеллигенции от народа, Лиза вносит тревогу, будоражит окружающих своим острым ощущением противоречий действительности. Ее упреки в адрес брата — ученого и химика, отгородившегося от живой жизни

своими научными изысканиями, — были созвучны современности. В некоторых фразах Лизы зрительный зал улавливал намеки на страшные события Кровавого воскресенья. Это отмечалось царским цензором, который писал, что в пьесе «упоминается даже о бывших у нас беспорядках с их последствиями: об озверевшей черной толпе, окровавленных лицах, лужах теплой крови, окрасившей песок, и т. п. Этот кровавый песок и является эмблемой народных страданий...»¹.

Исполнительнице роли Лизы предстояло решить трудную задачу. Ее сценическая героиня, ошеломленная ужасными событиями, свидетелем которых она являлась, была психически неполноценна. Потрясенная виденным, она страшилась людей из народа, боялась мести народных масс. Надо было донести до зрителя дыхание революции, не упрощая и не искажая образа Лизы. Много душевных сил отдала Мария Федоровна работе над ролью. Положение осложнялось тем, что между режиссурой и автором возникли разногласия по поводу того, как нужно играть Лизу, особенно сцену безумия. Станиславский выражал опасение, как бы автор своим вмешательством не спутал и не запугал актрису. Преодолев немалые трудности, Андреева создала образ, запомнившийся современникам.

Ролью Лизы завершается первый этап театральной деятельности Андреевой. Что же несла она своим творчеством зрителю? В обстановке царской России идейные устремления актрисы-революционерки не могли быть удовлетворены даже в прогрессивном театре. Но и в этих условиях Андреева добивалась многого. Она стремилась выделить в характере своих героинь хорошие человеческие черты, и это помогало ей создавать образы женщин, обладавших высокими моральными качествами, благородством души, искренностью порывов, глубиной чувств, чистотой помыслов и деяний. Сквозная тема многих ее творческих созданий, различных по своей социальной природе, — неудовлетворенность существующим порядком, стремление к лучшей человеческой жизни. Не боясь тенденциозности, Мария Федоровна подчеркивала в своих ролях все то, что могло тревожить сердца, будить мысль. Только пьеса Горького «Дачники» дала ей возможность в полной мере проявить темперамент и пристрастие партийного художника. Она создала образ женщины, которая могла своим отношением к жизни служить примером современницам.

К октябрю-ноябрю 1905 г. подготовка вооруженного восстания приняла широкий размах. Сформированные ранее боевые дружины успешно боролись с черносотенными бандами, которые по предписанию охранного отделения устраивали погромы рабочих организаций и убивали революционных деятелей. Потребность в оружии возросла неимоверно. Московский комитет РСДРП выпустил листовку «Жертвуйте на оружие». Нужны были средства на его закупку, организацию мастерских, нужны были люди, способные справиться с этим.

¹ Сб. «Революционный путь Горького. По материалам департамента полиции», М., ГИХЛ, 1933, стр. 92.

Тройка, руководившая подготовкой вооруженного восстания в Москве, не раз бывала у Горького и Андреевой, встречалась у них с работниками, занятыми приобретением и изготовлением оружия. На Марию Федоровну легли новые обязанности. Она поддерживала непосредственную связь с руководителями подпольных мастерских, изготавливавших оружие. В частности, во время подготовки побега из Таганской тюрьмы она познакомилась с бежавшим из ссылки П. Грожаном, ведавшим мастерской по производству бомб. После его трагической гибели в неравной борьбе с черносотенной бандой она деятельно помогала сменившему его В. Богомолу, получившему за беспримерную отвагу кличку «Черт». Богомол писал: «Связь с Питером кроме личной, путем поездок держал через М. Ф. Андрееву, от которой получал и деньги для моей работы»¹. Кропотков — заведующий лабораторией Московского комитета по производству бомб — также пользовался ее помощью. В квартиру Горького и Андреевой доставлялось боевое снаряжение для дружинников. Оружие надо было сохранить и передать по назначению. Шкафы одной из отдаленных комнат квартиры были набиты оболочками бомб, бикфордовым шнуром, капсюлями гремучей ртути². Безопасные оболочки для бомб хранились в комнате О. Д. Чертковой — верного друга Марии Федоровны. А ленты с патронами лежали даже в письменном столе Алексея Максимовича.

Участие Марии Федоровны в революции отмечается во многих мемуарах, посвященных 1905 году. Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, С. И. Мицкевич, Ф. И. Драбкина, В. Н. Соколов, Н. Е. Буренин, М. А. Багаев, В. А. Богомол и другие характеризуют в своих воспоминаниях Андрееву как человека, с энтузиазмом отдававшегося революционному делу. Такой же рисуют Марию Федоровну и рядовые дружинники. Чрезвычайно интересны воспоминания матроса И. Г. Захарченко — члена Кавказской боевой дружины.

В бесхитростном, простом рассказе рядового бойца революции встает живой облик Марии Федоровны — боевого товарища и чуткого человека, умевшего с одинаковой увлеченностью совершать и большие и малые дела. Чтобы командир дружины Васо Арабидзе и И. Г. Захарченко могли незаметно унести из квартиры ленты с патронами, она собственноручно прибинтовала их к ногам дружинников³.

В дни Декабрьского вооруженного восстания в Москве театры прекратили

¹ См. сб. «Первая боевая организация большевиков 1905 – 1907 гг.», М., изд. «Старый большевик», 1934, стр. 187.

² Там же.

³ И. Г. Захарченко пишет об этом: «Когда Горький сказал мне в Васо о патронах, Андреева открыла нижний ящик письменного стола и помогла Горькому достать патроны. Дело прошлое, но когда она нагнулась вместе с Кольберг, чтобы пристроить у меня на ногах патроны, я устыдился: сами понимаете, в таком положении, как я находился, носки были далеко не в порядке. Как человек очень чуткий, она сказала: “Тяжела холостяцкая жизнь”. Когда я уходил, она спросила: “А как у вас насчет белья?” Ушел я от нее с парой носков и белья». (Письмо И. Г. Захарченко хранится у составителей книги.)

работу. Андреева все свое время отдавала революционному делу. Она помогала участникам восстания.

Квартира Андреевой и Горького на Воздвиженке являлась своеобразным штабом, куда стекалась информация из районов, где встречались партийные работники, куда приходили посоветоваться с кем нужно, передать важное сообщение. На из попечении жил грузинский отряд Кавказской боевой дружины, охранявший Горького. Надо было заботиться о питании дружинников, а также и других участников восстания, приходивших сюда по всевозможным делам.

И в эти столь напряженные дни Андреева не порывала с коллективом своего театра, где продолжали, невзирая на стрельбу на улицах, репетировать. Характерно замечание Вл. И. Немировича-Данченко в книге «Из прошлого»: «В одну из таких репетиций она подошла к режиссерскому столу, за которым сидели я и Станиславский, и, говоря за себя и за кого-то еще, выражала крайнее недоумение, что в такие дни мы можем заниматься репетициями»¹. Весьма примечательно, что Мария Федоровна говорила «за кого-то еще». Наличие революционно настроенных людей в труппе дало ей возможность, несмотря на активное противодействие сторонников невмешательства в политику, организовать перевязочный пункт в фойе театра, где оказывали помощь раненым дружинникам. В той же книге Владимир Иванович говорит об одном из молодых артистов: «В разгар уличных боев он помогал М. Ф. Андреевой устраивать в коридорах театра приемный покой»².

В жизни Андреевой 1905 год занимает особое место. Участие в революции окрылило и высоко подняло ее. Плечом к плечу с широким кругом профессионалов-революционеров прошла она тогда через трудные испытания легальной и нелегальной борьбы с самодержавием. Когда соотношение сил в Москве изменилось в пользу контрреволюции, ей пришлось вместе с Горьким по директиве партийных организаций тайно выехать в Петербург. Это было сделано очень своевременно, так как сразу после их отъезда на квартиру нагрянула полиция.

4

В дневнике К. П. Пятницкого имеется следующая запись: «14 декабря. Утром неожиданный приезд (в Петербург из Москвы. — Ред.) А. М. и М. Ф. Московские события. Выступления черной сотни. Решено прекратить восстание». Для Андреевой создалась весьма сложная ситуация. Остаться в Петербурге издательнице большевистской газеты, даже при том условии, что дезорганизованная охранка мало что знала о ее участии в подготовке вооруженного восстания, было крайне опасно. Вскоре начались обыски в помещении газеты «Новая жизнь» и на квартире, где жили Горький и Андреева. Алексей Максимович писал Е. П. Пешковой: «М. б., меня скоро посадят.

¹ Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М., ГИХЛ, 1938. стр. 215.

² Вл. И. Немирович-Данченко, Из прошлого, М., 1938, стр. 214.

М[арию] Ф[едоровну] — тоже конечно, а м. б., ее раньше. Будь добра, привыкни к мысли, что это и хороший товарищ и человек не дурной — чтобы в случае чего не увеличивать тяжесть событий личными отношениями»¹.

Характерно, что и в эти дни Горький и Андреева продолжают думать об организации нового театра. Их увлекает (как известно из письма Е. Е. Лансере к А. Н. Бенуа) идея создания театра злободневной политической сатиры. 3 января 1906 г. они присутствуют на «литературном утре», где группа символистов излагает свой план мистического театра со спектаклями типа древнегреческих мистерий. Б. Бялик в книге «Горький в борьбе с театральной реакцией» пишет (ссылаясь на воспоминания Е. М. Мунт), что Андреева выступила на этом собрании с критикой политической платформы проектируемого символистами театра.

На следующий день Горькому и Андреевой пришлось во избежание ареста выехать из Петербурга в Финляндию. Мысль о будущей работе в театре продолжает беспокоить Марию Федоровну. Она сообщает сестре о приглашении, полученном от В. Ф. Комиссаржевской, и своем согласии работать в ее театре, если возможно будет жить в следующем сезоне в Петербурге.

Вооруженное восстание в Москве явилось высшей точкой первой русской революции. После его поражения революция пошла на убыль. Но то, что стало очевидным в исторической перспективе, не улавливалось в ходе самих событий. Казалось, что поражение восстания — лишь трагический эпизод все еще развивающейся революции. Основывалось это убеждение на непрекращающихся битвах рабочего класса с самодержавием. Именно таким настроением пронизана одна из речей Марии Федоровны, произнесенная ею вскоре в Гельсингфорсе.

В начале 1906 г. революция в Финляндии еще не была подавлена. Представители боевой технической группы ЦК РСДРП развернули там большую работу по сбору средств на нужды революционного движения в России. Горький и Андреева оказывали им огромную помощь. О выступлении Андреевой на вечере в пользу партийной кассы, устроенном Бурениным в Национальном театре Гельсингфорса, сохранилось полицейское донесение, передающее, правда далеко не полно, смысл ее революционной речи: «Помните всегда, как наши братья, стоявшие за свободу, были растерзаны на улицах Москвы! Помните всегда, как там гремели пушки и лилась горячая кровь братьев свободы. Кто за нас — иди за нами сомкнутыми рядами! Помните все, что наши братья сидят в холодных, сырых тюрьмах! Пойдем и освободим тех, которые закованы в кандалы»².

В такой же тональности звучали стихи, прочитанные Марией Федоровной на этом вечере, а также на вечере финской Красной гвардии.

Бурей оваций было встречено революционное стихотворение, исполненное

¹ «Архив А. М. Горького», т. V, М., ГИХЛ, 1955, стр. 170.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 9, ч. 10, 1906 г.

ею на финском языке. Характерная деталь отмечается Бурениным: Мария Федоровна выучила незнакомый ей текст на одном из труднейших языков, хотя получила его всего за несколько часов до выступления. Кроме исключительных лингвистических способностей, которыми она была щедро одарена, этому способствовало горячее желание тронуть сердца зрителей. «Финны никогда не слышали такой горячности интонаций на своем родном языке», — утверждает Буренин. Выступления Андреевой в Финляндии департамент полиции отнес к числу ее политических преступлений.

17 февраля 1906 г. полиция разгромила в Петербурге помещение редакции газеты «Новая жизнь», запрещенной еще 8 декабря 1905 г. Было создано судебное дело, и Мария Федоровна оказалась в числе обвиняемых как издательница и хозяйка помещения конторы редакции, которая «служила по сведениям С.-Петербургского охранного отделения местом конспиративных свиданий активных работников С.-Петербургской социал-демократической организации и явочным местом для членов Российской социал-демократической рабочей партии, приезжавших в С.-Петербург из других городов»¹.

В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает: «Тучи над М. Ф. Андреевой все более и более сгущались...» Нависла угроза ареста. Это и явилось, по его мнению, одной из причин, побудивших Горького торопиться с отъездом: «... к его жене предъявили судебное обвинение в издании антиправительственной газеты, в напечатании последнего номера “Новая жизнь” после запрещения газеты, что сугубо каралось по законам того времени»².

Горький и Андреева перешли на нелегальное положение и скрывались в Финляндии, охраняемые финскими революционерами. В феврале 1906 г. они выехали за границу, где Горький должен был по поручению партии рассказать правду о русской революции, противодействовать царскому правительству в получении займа и собирать средства на революционные нужды.

Нелегко было Марии Федоровне решиться на эту поездку. В России оставались ее дети, и горечь длительной разлуки с ними неимоверно угнетала. «Мне часто тяжело и грустно без детей, — писала она сестре Е. Ф. Крит, — хочется увидеть, приласкать их. Часто ночью я лежу с открытыми глазами и думаю о вас, вижу вас перед собой». Однако сознание исторической значимости партийного дела, в котором ей предстояло участвовать, взяло верх над материнскими чувствами, о чем она писала в том же письме: «... дело, в котором я буду маленьким колесиком одной огромной машины, действительно настоящее, живое, нужное, и я верую, что я сделаю все, что могу, отдам все свои силы, всю свою душу на это общее дело — вот только почему я решилась ехать...»

Вначале Горький и Андреева жили некоторое время в Берлине, где, по словам В. И. Качалова (МХТ гастролировал тогда в Германии), Горький

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 117, 1910 г.

² ОРБЛ (рукопись воспоминаний Бонч-Бруевича «Горький в Финляндии»), ф. 369, картон 9, ед. хр. 18 – 22.

продолжает «дело революции, затихшей и притаившейся в России. Агитирует, что-то организует, собирает средства». В этой работе Мария Федоровна по-прежнему являлась его верной сподвижницей. Она участвовала во встречах с писателями, художниками, социал-демократическими деятелями. Сохранились написанные ее рукой политические воззвания Горького. По ее приглашению артисты МХТ выступали в концерте в честь Горького, давшем большие средства для партии. С этой же целью читались сцены из спектакля «На дне», в которых помимо Андреевой и артистов МХТ участвовал автор в роли Луки.

Пребывание в Германии наглядно убедило Марию Федоровну в огромном значении этой поездки. Она готова была заняться самой маленькой, самой незаметной работой: «Всю черную работу, переписку и т. п. — охотно беру на себя, на себя же возьму, если хотите, кассу — вообще все сделаю, что только в силах, чтобы быть Вам дельным товарищем», — писала она из Берлина П. Е. Буренину, который должен был сопровождать их в США.

В апреле 1906 г. Горький, Андреева и Буренин прибыли в Америку. В Нью-Йорке Горького встретили торжественно. Пресса была переполнена статьями о нем, в его честь устраивали банкеты. Все предвещало огромный политический и материальный успех. Этим и объясняются «предупредительные меры», экстренно принятые посольством царского правительства, и «кампания», поднятая эсерами, обозленными отказом Горького делить с ними деньги, собираемые на революционные цели.

Враги Горького использовали желтую прессу, которая принялась травить его и Андрееву. Страницы газет наводнялись всевозможными лживыми измышлениями. Зная отношение американских обывателей к браку, не «освященному церковью», газеты избрали именно это главным поводом для нападок. Горький писал Красину, что одна из газет «поместила статью, в коей доказывала, что я, во-первых, — двоеженец, во-вторых — анархист. Напечатала портрет моей первой жены с детьми, брошенной мною на произвол судьбы и умирающей с голода»¹. Сочинялись всевозможные небылицы — все было подчинено тому, чтобы скомпрометировать Андрееву и заставить писателя-революционера уехать. Но расчеты реакции не оправдались. Горький, поддержанный прогрессивными американцами, продолжал выступать на митингах в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии. Он адресовал редакциям нью-йоркских газет письмо, в котором разоблачалась кампания лжи и клеветы, инспирированная агентами царского правительства. По поводу своего брака с Андреевой он со всей категоричностью заявил: «Моя жена — это моя жена, жена М. Горького. И она, и я — мы оба считаем ниже своего достоинства вступать в какие-либо объяснения по этому поводу. Каждый, разумеется, имеет право говорить и думать о нас все, что ему угодно, а за нами остается наше человеческое право — игнорировать сплетни»².

Мария Федоровна была вначале ошеломлена травлей, но вскоре нашла в себе мужество пренебречь этим. С чувством презрения относилась она к

¹ Том 28, стр. 416.

² Там же, стр. 414.

разнузданным нравам американской желтой прессы и выпадам различных кликуш и ханжей. Вместе с Горьким бывала на митингах и сама выступала на них. В апреле 1906 г. Горький сообщал Пятницкому: «Вчера у меня был первый митинг — 5000 чел. Энтузиазм огромный. Марусе отдали два пальца на ноге, мне вывихнули мизинец на левой руке и тоже оттоптали ноги... М. Ф. под влиянием гонений скисла было, но скоро оправилась и 1-го мая на митинге здесь в Нью-Йорке будет читать написанную мною речь о русской женщине. Я в это время буду в Бостоне»¹. В другом письме Горький снова сообщал: «М. Ф. — на митинге, а я готовлюсь на другой — завтра»². Мужество Марии Федоровны — боевой соратницы Горького — высоко поднимало ее в глазах прогрессивных людей. Престония Мартин, предоставившая свой дом Горькому и Андреевой, после того как они были изгнаны из гостиницы³, отзывалась о ней как об «одной из наиболее благородных женщин». Для многих Мария Федоровна являлась вдохновляющим примером: «В Вас я найду то, чего мне недостает», — читаем мы в одном из писем, полученных ею в Америке⁴.

В своих выступлениях в Нью-Йорке Мария Федоровна страстно защищала идею революции. В речи, обращенной к студенткам Барнардского колледжа, она говорила: «Придет время, когда угнетенный народ России будет управлять страной». Острые столкновения, происходившие в Америке в связи с приездом Горького и Андреевой, еще больше закалили ее, обогатили новым опытом политической борьбы.

В Америке Горький создал произведения, пронизанные дыханием революции, озаренные ее огнем. Это чувствовала и сознавала Мария Федоровна. Ее оценка повести «Мать», написанной в значительной своей части там, удивительна точно определяет историческое значение произведения: «Это будет очень крупная вещь, может быть, лучше всего, что он написал до сих пор. Мать эта написана — удивительно! А на ее психологии проходит история почти всего освободительного и революционного движения последних лет. Много таких мест, которые слушаешь с замиранием сердца и нет возможности удержаться от слез — и не внешних, от жалости, а глубоких слез с самого дна души как-то — или от восторга!»

И там, на чужбине, Андреева продолжает поддерживать связь с членами Центрального Комитета РСДРП, всемерно помогать делу революции в России. Она принимает решение отдать на партийные нужды деньги, завещанные ей С. Т. Морозовым по страховому полису, и поручает юристу П. Н. Малянтовичу в Москве начать судебное дело. Выиграв его, она передает через Л. Б. Красина 60 тысяч рублей в партийную кассу.

Ей, активному участнику революционной борьбы, человеку больших духовных запросов, было невыносимо трудно привыкнуть к американскому

¹ Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

² Том 28, стр. 420.

³ У американского педагога Джона Мартина и его жены Престонии Мартин Горький и Андреева прожили несколько месяцев.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

образу жизни. Свое самочувствие она характеризовала словами: «Я ведь здесь точно в гробу». Ее письма из США проникнуты иронией, нередко сарказмом, едкими замечаниями об американском быте и нравах. Она не скрывала своего презрения к так называемому американскому социализму, который, по ее мнению, в России «показался бы просто жульничеством».

5

В октябре 1906 г. Горький, Андреева и Буренин покидают США и едут в Италию. Шумно, бурными демонстрациями встречают Горького в Неаполе рабочие и студенты. В донесениях чиновников русского посольства в Петербург говорилось о выступлениях Горького и Андреевой. 31 октября 1906 г. министру иностранных дел Извольскому докладывали, что они «давали бесчисленные интервью журналистам, причем, конечно, в весьма революционном духе высказывались по разным вопросам русской действительности». Ему же сообщали о крамольном отзыве Андреевой по поводу «охранительных мер», принятых неаполитанской полицией против демонстрантов: «Это даже вызвало у Андреевой замечание, немедленно подхваченное газетами, о том, что “итальянская полиция хуже русской”»¹.

Вскоре Горький и Андреева поселились на Капри, и этот маленький островок становится центром притяжения для прогрессивно настроенных людей, особенно для тех, кто непосредственно участвовал в революционном движении. Отсюда Горький активно вмешивался в политическую, общественную, литературную и театральную жизнь России. Он бичевал одних, поддерживал других, разоблачал декадентство во всех его проявлениях и собирал вокруг себя живые силы родной литературы.

В течение всего периода эмиграции Мария Федоровна, до этого многие годы самостоятельно творчески работавшая, отодвигает на задний план свои интересы и занимается делами Горького. Она продолжает быть его ближайшим и первым помощником. Ее самоотверженность и самоотречение можно объяснить не только глубоким личным чувством, но и сознанием общественного значения писателя, чей труд был так необходим революционному народу. «Он — знамя, кроме своего большого литературного дарования, знамя всего светлого, яркого, смелого и чистого, и сейчас именно за то, что он знамя, люди, потерпевшие крушение, уставшие и ренегатствующие, так усиленно стараются накидываться на него»², — писала она в 1907 г. К. П. Пятницкому. Вот почему Андреева с таким самоотвержением и энергией занимается делами Горького.

Она брала на себя самую мелкую техническую работу, лишь бы облегчить его труд. Как и в Америке, собственноручно перепечатывала произведения Алексея Максимовича, переводила на русский язык многочисленную

¹ Фотокопия секретного дела № 37 архива внешней политики царской России, хранится в Архиве А. М. Горького.

² Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

инострannую корреспонденцию, читала ему, переводя с листа, немецкие, французские, итальянские газеты, была переводчицей при его встречах с иностранцами.

Обременительную мелкую работу Мария Федоровна сочетала с выполнением важных литературных дел. Переписка ее с писателями, издателями весьма характерна: она отвечает на письма, адресованные Горькому, нередко дает отзывы о книгах, ведет по его поручению большую часть практических дел, связанных с изданием книг А. М., постановкой его пьес на сценах театров, и делает все это с большим увлечением.

Произведения Горького являлись для нее источником радости и гордости за русскую литературу. Она хорошо знала его творческие планы, знала, в каком состоянии каждая задуманная вещь.

В ее письмах встречается много оценок, говорящих о тонком литературном вкусе и глубоком понимании творчества писателя. «А знаете, хорошо он написал третью часть “Окурова” — “Матвей Кожемякин”. Есть страницы, особенно о Волге, о кулачном бое, — прямо великолепные, хоть наизусть учи, право, — писала она Амфитеатрову. — И хорошо он о женщине пишет, есть у него некая мачеха Палага — так такие он там слова говорит иногда, так чувствует, что только удивляешься — где это он подсмотрел, у кого подслушал, как душа говорит»¹.

Для Марии Федоровны была вполне естественной та энергия, с какой она ратовала за издание новых книг Горького, за включение его пьес в репертуар театров. Показательны ее письма к Дымову. Они полны тревоги за судьбу постановки «Чудаков» в Петербурге. В них мы найдем замечания режиссерского характера, советы исполнителям главных ролей, предупреждения против увлечения внешней театральностью в ущерб идейному содержанию пьесы.

Мария Федоровна принимала близко к сердцу состояние дел издательства «Знание», возмущалась снижением художественного уровня и общественного значения знаньевских сборников: «Знание» ведется сейчас по способу починки тришкиного кафтана, — писала она Ладыжникову с Капри, — слепо берутся ненужные и противоречивые произведения гг. Андреева, Чирикова, Скитальца и tutti quanti по той старой мерке, что это «любимые писатели», а им цена сейчас, или, вернее, тому, что они дают «Знанию», — гроши. В этом же письме критикуется причисление издательством произведений Горького по требованию цензуры. «С невероятно дикой и бессовестной слепотой была погублена “Мать”, так же сейчас погубили “Жизнь ненужного человека”. Ломая, коверкая и обесценивая произведения Алексея Максимовича, “Знание” окончательно хоронит себя. Видеть, понимать, знать все это и сидеть бесполезно сложа руки — ужасно!»²

А как известно, сидеть сложа руки Мария Федоровна не умела. Постепенно осложнялись ее отношения с руководителем издательства «Знание» Пятницким.

¹ ЦГАЛИ, ф. 34, оп. 2, ед. хр. 16.

² Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

В конце концов она порвала с ним по ряду серьезных причин, к числу которых относилось и ущемление интересов Горького. Немало сил тратила Мария Федоровна на улаживание материальных дел. Нередко приходилось жить в кредит, прибегать к помощи товарищей по Художественному театру и близких друзей.

Вдали от родины и заграничных партийных центров Андреева не оторвалась от партийной жизни. В первый год пребывания на Капри она была приглашена вместе с Горьким на Пятый съезд РСДРП в Лондон. Боевая атмосфера съезда, ожесточенная идейная борьба, победа на нем большевиков, возглавляемых В. И. Лениным, — действовали вдохновляюще. Этому особенно способствовали встречи с Лениным. В продолжение всего съезда, несмотря на чрезвычайно напряженную работу, Ленин находил время для общения с ними. «Встречи были частые, — рассказывала Андреева, — мы почти не расставались. Вместе ходили в театр, были в Британском музее. Владимир Ильич показывал нам Британский музей, как хозяин музея»¹.

Тогда же, в 1907 г., Горький и Андреева были вместе с Лениным в Берлине. Там они присутствовали при встречах Владимира Ильича с Каутским, Розой Люксембург, посещали театры, гуляли в Тиргартене. Во время свидания Ленина с Каутским Мария Федоровна, «свободно владевшая рядом европейских языков, была великолепной переводчицей и затруднялась только тогда, когда собеседники употребляли те или иные специальные научные термины, тогда ей дружно помогали»².

Сложившиеся в то время дружеские отношения Ленина с Горьким и Андреевой нашли в дальнейшем яркое выражение в их переписке, продолжавшейся в течение полутора десятилетий.

Об участии Горького и Андреевой в работе V съезда Е. М. Ярославский писал: «На Лондонском съезде Горький (а вместе с ним и М. Андреева) оказал громадную помощь нашей партии»³. В объемистом деле департамента полиции о Лондонском съезде находится особое полицейское донесение о средствах, ассигнованных на организацию съезда из денежных сумм, полученных большевиками при помощи Андреевой.

Мария Федоровна принимала близко к сердцу все, что происходило на съезде. В частности, она заботилась о делегатах, находившихся в довольно трудном положении из-за недостатка средств. Горький, вспоминая о том, как много внимания: уделял Ленин рабочим-делегатам, писал: «Питанием их заведовала М. Ф. Андреева, и он спрашивал ее:

— Как вы думаете: не голодают товарищи? нет? Гм, гм... А может, увеличить бутерброды?»⁴

¹ Стенограмма беседы экскурсоводов Музея А. М. Горького с М. Ф. Андреевой. Архив А. М. Горького.

² В. Десницкий, М. Горький, Л., ГИХЛ, 1935, стр. 64.

³ Сб. «Революционный путь Горького», стр. 12.

⁴ Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., изд-во Академии наук СССР, 1958, стр. 228.

До сих пор делегаты съезда вспоминают об организованном Андреевой бесплатном буфете и множестве других примеров ее трогательной заботы о «мелочах» быта. Мария Федоровна никогда и нигде не оставалась сторонним наблюдателем. Делегаты запомнили ее как деятельного человека, чуткого и внимательного товарища. Об участии в работе съезда жены Горького, талантливой актрисы, вскоре стало известно даже в нарымской ссылке, куда были высланы по возвращении в Россию некоторые делегаты¹.

Все на съезде — и его решения, и беседы с делегатами — усиливало желание вернуться в Россию. К тому же Андреева получила во время съезда сообщение о тяжелой болезни сына. Она решила достать паспорт для нелегального возвращения, надеясь впоследствии легализоваться. Еще верилось, что революция не окончательно подавлена. И только позднее, когда установился столыпинский режим черной реакции, иллюзии рассеялись. 29 июня 1907 г. она писала Луначарскому, что чуть было не уехала в Россию, но не сделала этого, так как была предупреждена о грозящей опасности. Мария Федоровна узнала, что против нее, как издательницы «Новой жизни», уже возбуждено судебное дело. В связи с «исчезновением» обвиняемой департамент полиции предписал всем жандармским управлениям и пограничным пунктам при обнаружении Андреевой арестовать ее и препроводить в Петербург.

На Капри возможности партийной работы оказались, естественно, весьма ограниченными. И все же, невзирая на многие трудности, Андреева «за границей исполняла обязанности агента ЦК»². В ее биографических документах есть запись о том, что ей пришлось «эмигрировать за границу, где пробыла с 1906 г. по 1912 г., состоя в распоряжении товарища Ленина лично»³.

Из переписки Андреевой с Лениным, к сожалению, пока далеко не полностью обнаруженной, видно, какие важные дела поручались ей. Напомним хотя бы организацию доставки в Россию центрального органа партии — газеты «Пролетарий». Андреевой предстояло подыскать надежного человека и выяснить во всей конкретности условия конспиративной доставки газеты. Немаловажна ее помощь и в сборе материалов по истории русской революции. Весной 1908 г. В. И. Ленин обратился через Андрееву с просьбой к Горькому написать призыв о сборе материалов периода революции. Коротко изложив смысл и задачу этого призыва, он просил Андрееву отектографировать его и разослать «во все русские газеты и журналы сколько-нибудь приличного направления».

Владимир Ильич не раз благодарил Андрееву за выполненные поручения. Так, в письме 1910 г. он сообщал, что получил присланный ею текст доклада участника революции 1905 года Триа, который передан для публикации в центральный орган РСДРП — газету «Социал-демократ». В другом письме, адресованном Горькому, Ленин писал: «Марии Федоровне спасибо за письмо в

¹ [Воспоминания П. С. Заславского. См. в настоящем сборнике.](#)

² Сб. «Революционный путь Горького», стр. 135.

³ Архив Министерства внешней торговли, оп. 5800, ед. хр. 2181 (автобиография М. Ф. Андреевой).

Москву и тысяча приветов!» (т. 35, стр. 2). В переписке с Горьким Ленин неоднократно выражал свое дружеское к ней расположение. Из приписок и приветов, относящихся к Андреевой, видно, что она ему часто писала, держала его в курсе каприйской жизни и дел Горького. В тех случаях, когда М. Ф. писала Владимиру Ильичу не так часто или по каким-либо причинам задерживала выполнение той или иной его просьбы, Ленин сразу обращал на это внимание. По возвращении с Капри Ленин обменивается письмами с Андреевой в августе 1910 г., а в ноябре пишет Горькому: «На М. Ф. я имею право быть сердит. Обещала писать. Ничего. Обещала разузнать насчет парижской библиотеки по истории русской революции. Ничего. Нехорошо»¹. Когда в декабре 1912 г. переписка была прервана в связи с нелегальным отъездом Андреевой в Россию, Ленин писал Горькому: «М. Ф. привет! Она что-то совсем, совсем замолчала...»². И как только узнал о ее отъезде, запросил Горького, при чьем содействии можно установить связь с Марией Федоровной в России.

Исследователи творческой биографии Горького сходятся на том, что влияние на него богостроительских идей не было органичным и носило временный характер. В одном из писем Ладыжникову Мария Федоровна высказала в феврале 1908 г. близкую этому мысль. Она писала, что у Алексея Максимовича эмпириомонизм «свой». Но как бы там ни было, увлечение махизмом, каприйской школой³, Богдановым, Базаровым и К^о было идейно вредно и отнимало много сил у Горького.

На первых порах Андреева не разобралась в сущности философских споров. Увлечение Горького Богдановым и Луначарским — людьми высоко эрудированными и образованными — захватило и ее. Этим и объясняется явное непонимание характера разногласий, проявленное ею при встрече Ленина с махистами на Капри: «Помните, весной 1908-го года на Капри наше “последнее свидание” с Богдановым, Базаровым и Луначарским? — писал В. И. Ленин Горькому в 1913 г. — Помните, я сказал, что придется разойтись годика на 2 – 3, и тогда еще М. Ф., бывшая председателем, запротестовала бешено, призывая меня к порядку и т. п.»⁴ Это же относится и к каприйской школе, которую Андреева вначале считала партийной школой для рабочих России. Она принимала участие в организационной подготовке: подыскивала помещение, занималась расчетами и сметами, «чтобы пятью хлебами пять тысяч накормить и чтобы они сыты были»⁵.

Для Андреевой, прошедшей хорошую политическую школу в годы первой русской революции, непонимание идеалистической сути махистской философии было кратковременным заблуждением. Как видно из дальнейшего

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 379.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 41.

³ См. здесь [комм. к письмам М. Ф. Андреевой к И. П. Ладыжникову и Н. Е. Буренину \(ноябрь, 1909\)](#).

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 43.

⁵ Письмо М. Ф. Андреевой к А. А. Луначарской, Архив ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 506.

развития событий, Мария Федоровна сумела разобраться в подлинном характере разногласий.

В апреле 1908 г., за несколько дней до приезда на Капри, Ленин писал Горькому: «М. Ф-не большой привет: она, чай, не за бога, а?»¹ И действительно, вскоре, узнав поближе руководителей отходившей тогда от партии группы, Андреева убедилась в их идейных ошибках, в их беспринципности, в наличии склоки, в том, что они пытаются прикрыться именем Горького для усиления своего авторитета.

Разочаровавшись в людях, которые не так давно были для нее «человеками с большой буквы», она со всей силой своего темперамента изобличала их. Сохранились письма Марии Федоровны о том, в каких невероятно трудных условиях приходилось там в одиночку выступать против группы махистов и богостроителей. Неприязнь окружала Андрееву: «... я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и К°, — “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить — не хочу играть с Вами в прятки, — писала она Ладыжникову. — Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче и его “слопать” для мелочного самолюбьишка, насколько только силы мне хватало, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки».

Мария Федоровна стремилась облегчить Горькому отход от группы «Вперед». Она пользовалась каждым случаем, чтобы показать ему лидеров группы в их подлинной сущности. Известный революционер Михаил Билонов еще в пору его увлечения богостротительскими идеями Луначарского писал своей жене (апрель 1909 г.), что Мария Федоровна старается «поставить стену между М[аксими]чем и Л[уначарским]»². Другой ученик каприйской школы писал тогда же Луначарскому: «Алексей Максимович ясно сказал, что М. Ф. ему очень близкий товарищ и кто относится к ней с недоверием — не может быть близок и ему»³.

Партийность Андреевой, ее политический темперамент резко проявлялись и в борьбе с другими оппортунистическими течениями: «... у нас тут развелось порядочное болото на Piccola Marina, целое стадо меньшевиков», — с возмущением писала она Ладыжникову в связи с диспутами, устраиваемыми меньшевиками.

На Капри бывало множество людей: бежавшие из ссылки революционеры, литераторы, артисты, музыканты, художники. Те, кому не удавалось приехать на Капри, писали письма Горькому со всех концов мира. Число «паломников», осаждавших писателя, все возрастало. Часто это мешало Горькому работать. Мария Федоровна ограждала Алексея Максимовича от ненужных посетителей. На свои плечи она взвалила заботы о приезжающих, их устройстве на Капри. Письма многочисленных ее корреспондентов (Буренина, Коцюбинского,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 343.

² Архив ИМЛ, ф. 455, оп. 1, ед. хр. 37731.

³ Архив ИМЛ. ф. 142. ед. хр. 550.

Бунина, Гинцбурга, Тодорова, Тихонова, Прохорова и многих других), которым приходилось бывать на Капри, изобилуют эпитетами: «добрая», «хорошая», «чуткая», «предобрая», «прекрасная душа». Не случайно каприйцы называли Марию Федоровну *Madre dei rusi* — матерью русских.

Когда умер М. М. Коцюбинский, жена его писала о чувстве глубокой благодарности всей семьи к Марии Федоровне за трогательную заботу о Коцюбинском во время его пребывания на Капри.

Художник С. М. Прохоров по возвращении в Россию писал Алексею Максимовичу: «Глубоко благодарю художника-артиста — Марию Федоровну за больше чем хорошую аттестацию. Здесь ярко оправдалась пословица: “всякий мерит на свой аршин”. Имея действительно редкую, исключительно прекрасную душу, она старается видеть то же самое и у других»¹.

Несмотря на бесконечные хлопоты, массу мелких дел, Мария Федоровна находила силы и для напряженной творческой работы. Близко узнав итальянский народ, изучив его язык, она заинтересовалась итальянским фольклором. Сюжеты народных преданий она пересказывала Горькому, и, очевидно, не случайно его «Сказки об Италии» вышли с авторским посвящением: «Марии Федоровне Андреевой».

Вскоре М. Ф. начала переводить итальянские народные сказки на русский язык. Е. И. Вашков писал Горькому по возвращении с Капри, что издание таких сказок будет «большим вкладом в бедную детскую литературу». Ее переводы и выбор сказок были одобрены Горьким в письмах к издателю. Редакторский карандаш Горького лишь на некоторых страницах устраняет стилистические погрешности перевода. Закончив работу над сказками, Андреева приступила к переводу романа Бальзака «Тридцатилетняя женщина», пьесы известного итальянского драматурга Роберто Бракко «Маленький святой» и др.

В короткий срок Мария Федоровна овладела искусством художественного перевода. Итальянские сказки в ее переводе до сих пор переиздаются. «Тридцатилетняя женщина» Бальзака дважды издавалась до революции и дважды в советское время. Так талантливая актриса проявила себя в совершенно-новой области.

В течение всего каприйского периода Марию Федоровну не покидала тоска по театру. «Я — театральный человек, — писала она, — и таким остаюсь, несмотря на все горы препятствий, отрезавшие меня от моего любимого дела». Она знакомилась с итальянскими театрами, сравнивала их с русскими, изучала манеру игры итальянских артистов, выделяла одних, не одобряла других, отмечала общий для всех итальянских театров недостаток — отсутствие ансамбля, «главного условия для цельности впечатления».

Много интересных суждений о состоянии драматургии, о репертуаре заключено в ее письмах артистам Художественного театра. И, как всегда, это попытки повлиять, убедить, призвать к сопротивлению упадочным влияниям. «Прочли о “Мертвом городе” Д’Аннунцио. Милостивый боже, зачем же тревожить сей прах», — с возмущением писала она товарищам в МХТ, как

¹ Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

только в прессе появились сообщения о предполагаемой постановке этой пьесы. И, наоборот, узнав, что Станиславский ставит «Гамлета», она с волнением следила за его работой.

Не была забыта и Андреева. О ее сценических созданиях помнила публика, продолжали вспоминать о ней и театральные критики. С. А. Андреевский, немало писавший о Художественном театре, сетовал в письме к Станиславскому: «Прискорбно, что из Вашей труппы исчезла “божественная”. Как-никак без нее не обойдешься»¹.

Примечательна в этом смысле надпись Станиславского на портрете, присланном Андреевой в 1912 г.: «Милой Марии Федоровне от душевно преданного. В память кипучей работы, сбывшихся и не сбывшихся надежд, успехов и провалов, увлечений и разочарований, непрочных ссор и прочных примирений от любящего Вас и благодарного К. Станиславского (Алексеева)». В маленьком, но таком емком по содержанию тексте как бы подводились итоги их прежней совместной работы, их дружеских отношений.

Проводя томительные годы в эмиграции, Мария Федоровна продолжала надеяться, что наступит время, когда она сможет вернуться на родину, вернуться на сцену.

6

С началом революционного подъема желание возвратиться в Россию овладевает Марией Федоровной с новой силой. И хотя из Петербурга сообщали, что это очень опасно, — ничто уже не могло задержать ее в эмиграции.

Родные, друзья, знакомые не раз «зондировали почву» в различных полицейских инстанциях и единодушно советовали Марии Федоровне не ехать, предупреждали, что она сразу же может попасть в тюрьму. Да и сама она писала Пятницкому: «Против меня имеются веские показания и улики со стороны департамента полиции и охранного отделения. Меня сперва посадят, может быть ненадолго, а затем безо всякого суда сошлют, скорее всего на каторгу — за доказанную “принадлежность к партии” и еще кое-что, чего Вы не знаете и от чего отречься я не имею ни возможности, ни права»². И все же Мария Федоровна решилась на рискованный шаг. При содействии товарищей она получила паспорт на чужое имя (так как о возвращении под своим именем не могло быть и речи) и в конце 1912 г. осуществила свой план — нелегально вернулась на родину и поселилась в Финляндии.

Когда Ленин узнал, что Андреева направляется в Россию, он писал Горькому: «Размечтался я в связи с поездкой М. Ф. ... Вот чудесно она придумала, право, чудесно. Черкните непременно при случае, удалось ли ей легализоваться (наверное, удастся)»³. Владимир Ильич справлялся — какими путями, через кого смогут связаться с нею представители Центрального

¹ Письмо хранится в Музее МХАТ, архив К. С. Станиславского.

² Письмо хранится в Архиве А. М. Горького.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 42.

Комитета партии.

Вскоре Г. И. Петровский, член большевистской фракции IV Государственной думы, разыскал по поручению В. И. Ленина Андрееву. Связь ее с ЦК была установлена. И она, по-прежнему выполняя функции финансового агента, занялась изысканием средств для партии.

Довольно долго пришлось ей жить в Финляндии под видом иностранки. Примечательно то, что петербургская охранка не скоро напала на след «преступницы», хотя многие, и не только члены партии, знали, что она уже в России. К ней приезжали партийные работники, друзья, режиссеры и артисты. Она принимала деятельное участие в издательских делах Горького. Вместе с Ладыжниковым и Тихоновым заботилась о выходе его книг, о реализации давнишнего плана создания собственного журнала. «Вы правы, пока у нас нет своего дела, мы строим на песке, — писал Андреевой А. Н. Тихонов. — Целую Вашу умную энергичную руку. Не удивляйтесь! У Вас и руки умные!» В трудных условиях с особой силой проявились свойственные ее характеру мужество, стойкость и нестигаемая воля.

Мария Федоровна писала почти ежедневно на Капри. Она информировала Горького о политических событиях, делилась своими творческими планами. Так же часты были и ответные письма Горького (не сохранившиеся), что видно из его сообщения А. Н. Тихонову: «Я пишу ей почти дневник»¹.

Сейчас трудно установить, кому принадлежала счастливая мысль о легализации Андреевой при содействии артистов МХТ. В качестве официального повода были задуманы гастроли со спектаклем «Одинокие» Гауптмана. Позади остался театральный сезон, как всегда напряженный, насыщенный большой творческой работой, шли гастроли в Петербурге, предстояла поездка в Одессу. И все-таки товарищи по театру вместо отдыха готовы были участвовать в новых, еще более трудных гастролях (они проводились без руководителей театра), чтобы помочь этим Андреевой перейти на легальное положение и вернуться на сцену.

Не было никакой уверенности в том, что охранка не напала на след нелегально вернувшейся в Россию большевички. Идя на риск, группа артистов МХТ во время петербургских гастролей (апрель 1913 г.) начала переговоры с шефом жандармов Джунковским о разрешении Андреевой, якобы находящейся за границей, приехать в Россию, так как она им крайне необходима для гастрольной поездки.

Любому, и не такому искушенному в политике человеку, как Джунковский, было ясно, что гастроли — лишь благовидный предлог. Но общая политическая обстановка в стране, бурный подъем рабочего движения, амнистиционные настроения в «верхах» в связи с 300-летием дома Романовых и, возможно, желание Джунковского поддержать свой престиж высокого ценителя искусства и человека либеральных взглядов облегчили легализацию Андреевой. Официальное письмо Н. А. Румянцева, посланное им Джунковскому от имени Качалова, Москвина, Книппер, Леонидова, Александрова, Раевской, Самаровой,

¹ «Горьковские чтения», М., 1959, стр. 28.

очень быстро обросло кипой бумаг и составило дело на 20 листах.

Разрешение на участие в гастроях было получено Андреевой. Одновременно ее предупредили, что после их окончания она обязана явиться в Петербургское жандармское управление в связи с разбором судебного дела по газете «Новая жизнь». Получив хоть на короткое время возможность появиться на родине под своим именем, Мария Федоровна отправилась в Киев.

Первое выступление в спектакле «Одинокое» (июнь 1913 г.) после столь длительного перерыва должно было показать, утратила или не утратила Андреева свое замечательное мастерство. Спектакль шел почти полностью в прежнем ансамбле. Многие в судьбе Марии Федоровны зависело от его успеха. С волнением ждал Горький на Капри известий из Киева.

Алексей Максимович внимательно следил за ходом гастролей. Он переписывался с артистами, игравшими вместе с Андреевой, следил за отзывами прессы.

Воспоминания очевидцев и свидетельства прессы говорят об огромном успехе Андреевой во время киевских гастролей. Широкое освещение их прессой и живой интерес зрителей к популярной актрисе немало содействовали благополучному исходу давнишнего судебного дела, которое все еще не было прекращено. Вернувшись из Киева, Андреева предстала перед Петербургским жандармским управлением как подсудимая. Родные и друзья ее переживали тревожные дни. Не было уверенности, что после вызова на допрос ее не препроводят в тюрьму. Особенно беспокоился Горький, находившийся далеко от Петербурга. Он писал Н. А. Румянцеву:

«В открытке Вашей Вы пишете: “Жду известий”. Я — тоже жду их, жду с великим нетерпением и тревогой».

Разбор дела продолжался. В опросном листе «о лице, привлеченном к дознанию в качестве обвиняемого», в пункте 16-м, озаглавленном «Меры пресечения», значится: «Подписка о неотлучке с места жительства в Мустамьяках в Финляндии с 8 июня 1913 г.». Над Андреевой был установлен гласный надзор полиции, хотя дело ее следовало прекратить на основании объявленной амнистии.

Помимо неприятностей, связанных с хождением на допросы и прочими «мерами» полицейских властей, Мария Федоровна мучительно переживала известия с Капри об ухудшении здоровья Горького. Она добилась разрешения на временный выезд за границу и уехала в Италию. За это время закончился пересмотр ее дела.хлопоты артистов Художественного театра в конце концов увенчались успехом. Прокурор Петербургской судебной палаты сообщил, что «17 июля 1913 года уголовное преследование прекращено с отменой принятой меры пресечения». И Андреева возвращается из Италии в Россию, на этот раз уже легально...

Это было трудное для театра время. Годы реакции наложили свой отпечаток на репертуар. Пьесы Горького, произведения классиков «вышли из моды». Ставились пошлые ремесленные изделия, пьесы драматургов-модернистов. Засилье декадентов обуславливалось общим наступлением реакции на идеологическом фронте. Андреева понимала, что нельзя освободить театр от

реакционных влияний изолированно от общей политической обстановки в стране. Поэтому она с особым воодушевлением восприняла подъем рабочего движения.

В период всеобщей политической забастовки московского пролетариата (сентябрь 1913 г.) ей удалось, избежав цензуры, переслать с кем-то письмо Горькому. С радостью сообщала она о размахе забастовок, организованности и сплоченности масс. Когда бастовали десятки тысяч петербургских рабочих, она просила ехавшего на Капри И. П. Ладыжникова: «... питайте его [Горького] хорошими впечатлениями. [...] Рассказывайте ему о стачках, о подъеме, обо всем, дающем надежды». Этим жила она. Это вселяло веру и в скорое обновление искусства...

Вначале казалось вполне естественным возобновить работу в покинутом ею из-за вынужденной эмиграции коллективе Художественного театра. Но он не был однороден по своим политическим симпатиям и антипатиям. Со слов актрисы Красковской известно, что аристократ Стахович, ставший к этому времени одним из директоров МХТ, пригрозил покинуть свой пост, если Андреева переступит порог театра. И случилось так, что как раз в тот самый день (9 апреля 1913 г.), когда большая группа ведущих артистов возбудила ходатайство о легализации Андреевой, К. С. Станиславскому — стороннику ее возвращения в МХТ — пришлось известить актрису о препятствиях, мешавших этому.

Получив приглашение от ряда театров, она останавливает свой выбор на Свободном театре и заключает в мае 1913 г. договор с одним из его руководителей, К. А. Марджановым.

После длительного перерыва она возвращалась к сценической деятельности, полная раздумий о судьбах родного искусства, обуреваемая горячим стремлением играть, помогать строить театр, который был бы близок передовым идеям времени. В интервью газете «Столичная молва» она говорила: «... задача театра текущего момента — это найти в себе и в жизни так недостающие нам бодрые ноты, светлые краски, ясные и чистые мотивы. Вступая в Свободный театр, я думаю найти это в его деятельности. В самом начале наших переговоров с К. А. Марджановым, К. А., знакомя меня с задачами Свободного театра, говорил мне, что прежде всего нужно стараться, чтобы новый театр нашел и дал бодрые, свежие ноты, так недостающие и нашему искусству, и нашей жизни»¹.

В другом интервью, опубликованном газетой «Театр», она резко осуждала упадочное искусство и подчеркивала, что театр обязан призывать зрителя к «преображению жизни». «В ее словах, — писал корреспондент, — чувствуется какой-то новый человек, большая эстетическая культурность». При всей туманности газетных сообщений можно было понять, как резко отличаются эстетические взгляды «отшельницы с Капри» от господствующих.

Андреева сразу же включается в практическую работу. Она присутствует на репетициях спектаклей, в которых сама не занята, по просьбе Марджанова

¹ «Столичная молва», 9 сентября 1913 г.

помогает отдельным артистам в их работе над ролью. Пытается привлечь прогрессивных драматургов. В частности, ей удалось приблизить к театру видного болгарского писателя-демократа Петко Тодорова. В газетах даже появилось сообщение о включении в репертуар Свободного театра его пьесы «Фея гор». Тодоров, мечтавший о гастрольной поездке Андреевой в Болгарию, писал, что если она согласится играть в его пьесе, то автор не желает «большего ни для себя, ни для своего произведения». Одновременно Мария Федоровна начала преподавать актерское мастерство в театральной школе И. Г. Александрова и вести уроки декламации в 1-й Московской гимназии.

Много внимания уделяет она и издательским делам Горького, еще находившегося на Капри. В качестве официального его представителя ведет переговоры с издательствами И. Д. Сытина и А. Ф. Маркса¹. По ее инициативе Горький входит в деловые отношения с руководимым В. Д. Бонч-Бруевичем издательством «Жизнь и знание», которое и стало выпускать его книги. С особой энергией она вместе с другими добивается разрешения на приезд Горького в Россию. Когда все трудности были преодолены, она сообщила Алексею Максимовичу: «Приезд твой в Финляндию и Петербург обеспечен», и выехала в Берлин встречать его.

На первых порах можно было предположить, что Свободный театр будет выгодно отличаться от остальных. Марджанов намечал интересные планы, они оживленно обсуждались в театральных кругах, о будущем театре много писали в газетах, в ряде суждений сквозила надежда, что он оправдает свое столь притягательное название.

К началу сезона творческое лицо нового театра еще полностью не определилось. Более близкое знакомство с его работой не принесло, однако, ничего утешительного. Выяснилось, что широковещательные планы весьма далеки от осуществления. Внутри Свободного театра обозначились два направления, две линии, представленные финансирующим театр Суходольским, сторонником развлекательного репертуара, и Марджановым, пытавшимся решать занимавшую его эстетическую проблему создания синтетического театра. Назревал конфликт с Суходольским. Сын Андреевой Юрий Желябужский спрашивал ее в письме: «Что же это — театр или лавочка г-на Суходольского?»

Положение в театре, не случайно оказавшемся недолговечным, осложнялось с каждым месяцем. Все яснее и отчетливее выступали внутренние противоречия. Сборная, разношерстная труппа, отсутствие единства в руководстве приводили к пестроте репертуара, зыбкости и неустойчивости всех начинаний. Пьесы принимались и тут же отвергались. Начинались репетиции новых пьес и вскоре прекращались по неизвестным причинам. В таких условиях ставить принятую ранее театром драму Горького «Зыковы» было весьма рискованно. Во избежание провала Андреева взяла пьесу из театра, хотя ей и предназначалась одна из главных ролей. Это поставило ее в сложное положение. Приглашенная на первые роли с окладом тысяча рублей в месяц

¹ ЦГАЛИ, ф. 140, оп. 1, ед. хр. 22 и материалы Архива А. М. Горького.

(что видно из сохранившегося договора), она оказалась незанятой в репертуаре.

Шло время. В театре готовили к выпуску «Сорочинскую ярмарку», «Прекрасную Елену», «Арлезианку», а о постановке «Феи гор», «Укрощения строптивой», в которых должна была выступать Андреева, велись только разговоры. «Пока что все скверно, — жаловалась она 22 ноября 1913 г. Ладыжникову. — До сих пор еще не играла и не знаю даже, когда играть буду». Предлагаемые ею пьесы отвергались дирекцией, ее приверженность к классике воспринималась как нечто старомодное. Актрисе навязывали роли в пьесах, которые были враждебны ее эстетическим принципам и мирозерцанию. 4 декабря 1913 г. Мария Федоровна писала Ладыжникову: «Свободный театр — это мои принципиальные, идейные, всяческие лютые враги». Она возмущалась, что ставят мистическую «Розу и Крест» и предлагают в ней играть. Рассказывала, как «спорила до слез, до отчаяния», настаивая на постановке «Овечьего источника» и других пьес. «Им все это не нужно. Им нужны “красота” и “религия”!»

Со свойственной ей непримиримостью Андреева боролась против включения в репертуар театра мистических пьес. Показателен выбор ею пьесы «Овечий источник», наиболее созвучной обстановке революционного подъема. С течением времени стало ясно, что разрыв со Свободным театром для нее неизбежен. В газетах критиковали театр за то, что Андреева не занята в репертуаре. Отмечалось, что вступление этой актрисы в труппу Свободного театра вызвало к нему интерес зрителей, которые раскупали абонементы в уверенности, что «на ней построят сезон»¹.

Глубокая неудовлетворенность первой попыткой вернуться к сценической деятельности не разоружила Андрееву. Снова у нее возникает мысль организовать театр, где ставились бы главным образом классические пьесы. Вокруг Марии Федоровны, как и в 1904 – 1905 гг., собралась группа артистов, разделявших ее взгляды. В их числе был Н. Ф. Монахов, также работавший в Свободном театре. По его свидетельству, после «долгих бесед и размышлений» было решено учредить «Товарищество». «У меня даже сохранился набросанный М. Ф. Андреевой проект устава этого Товарищества», — писал он позднее². В это же время она задается целью создать художественное кинопредприятие со студией для постановки идейных фильмов, принципиально отличных от «боевиков» американского типа, в изобилии поставлявшихся кинодельцами из-за границы, а также и от картин отечественного кинопроизводства, почти целиком находившегося в руках любителей легкой наживы.

Андреева искала людей, которые согласились бы субсидировать заведомо невыгодное предприятие, подбирала артистов, способных жертвовать личными интересами ради передового искусства, подыскивала помещение. Возникло много планов, но все они в тех условиях были обречены на провал.

¹ «Театр», 24 января 1914 г.

² Еженедельник «Жизнь искусства», 12 февраля 1924 г., № 7. (Осуществлению этого проекта помешала империалистическая война.)

В январе 1914 г. состоялось наконец первое выступление Марии Федоровны перед москвичами, и не в театре, а на концерте. «Вчера после многолетнего промежутка, — писала газета “Русское слово”, — в Большом зале консерватории выступила перед публикой старая ее любимица М. Ф. Андреева. Выступила, как ей подобает, в пользу такого хорошего дела, как Общество взаимопомощи народного университета А. Л. Шанявского»¹. Первое выступление Андреевой принесло ей заслуженный успех. Отмечалось, что артистка не утратила былого обаяния, голос ее звучал бодро и молодо. Публика устроила ей горячий прием.

Как и в Киеве, вместе с Андреевой выступали артисты Художественного театра. Этим концертом возобновилась ее важная работа в Москве. Она снова сплотила вокруг себя товарищей по сцене, бесплатно выступавших в концертах, сборы с которых предназначались на общественные цели. Кстати, следует упомянуть, что различные организации университета Шанявского не раз служили легальным прикрытием для изыскания средств на нужды большевистской партии.

Как раз в это время за Андреевой шла усиленная слежка в связи с ее недавней поездкой в Берлин для встречи Горького и их совместным возвращением в Россию. Московская охранка установила наблюдательный пост у квартиры Андреевой. Такой же пост был выставлен на Николаевском вокзале. Каждый день шпики строчили донесения, и все же приезд Горького ими не был замечен. Только 5 февраля 1914 г. охранка получила сообщение, что он «проживает в доме Елисеева по Тверской улице», то есть у Андреевой. С этого дня полицейский дневник «наружного наблюдения» заполнен детальными записями их «приходов» и «выходов» из этого дома². Шпики записывали даже время пребывания «наблюдаемых» в различных театрах и доносили об этом в охранку.

Именно в те дни установились тесные связи между Горьким, Андреевой и Первой студией МХТ, спектакли которой они посещали. Сохранилась запись Сулержицкого, сделанная им 13 февраля 1914 года: «После спектакля [“Праздник мира” Г. Гауптмана] остались все исполнители и А. Горький с М. Ф. Андреевой, которые были на спектакле. Оба в восторге от исполнения. К 1 часу ночи подошел Константин Сергеевич. Сидели до двух ночи»³.

Неудача в Свободном театре явилась первым звеном целой цепи преград и трудностей на творческом пути Андреевой. Пришлось решать: оставить ли совсем сцену или сделать попытку найти все-таки свое место в современном театре. Мария Федоровна решила перейти на работу в провинцию и избрала киевский театр «Соловцов», которым руководил в ту пору один из известных режиссеров — Н. Н. Синельников. Он писал ей: «... работать с Вами в одном деле я почту за большую честь». «Поставить Вас и поддержать Ваш прежний успех — моя задача».

¹ «Русское слово», 23 января 1914 г.

² ЦГИАМ, ф. МОО, оп. 28, ед. хр. 5634, 1914 г.

³ Музей МХАТ, архив Л. А. Сулержицкого.

Готовясь к новому сезону в Киеве, Мария Федоровна все лето 1914 г. напряженно работала. Живой свидетель ее творческих исканий — режиссер Художественного театра В. Л. Мчедлов, гостивший у Горьких в Мустамяках, впоследствии писал ей: «С такой радостью вспоминаю Муетамяки, репетиции, а потом беседы. Никогда не забуду этого лета». Он подбадривал актрису: «“Цена жизни” у Вас пройдет превосходно! Да и все другие!»¹

Предстоял чрезвычайно трудный театральный сезон в условиях начавшейся империалистической войны. Посещаемость театров катастрофически упала. Чтобы привлечь публику, выпускали наскоро все новые и новые спектакли. К тому же «патриотический угар» захлестнул и театры. Началась погоня за пьесами с шовинистическими настроениями. Поветрие это не миновало и театр «Соловцов», хотя и повлияло на него в меньшей мере, чем на некоторые другие.

Киевская театральная публика тепло приняла Андрееву. Газета «Киев» расценила ее появление как «крупное приобретение для театра Н. Н. Синельникова». Ее первое выступление состоялось в пьесе «Цена жизни» Вл. И. Немировича-Данченко в роли Анны Демуриной. Мария Федоровна завоевала симпатии зрительного зала «трепетной глубиной своего исполнения». По отзыву В. Чаговца, известного театрального деятеля, Андреева в следующей роли — Нины в лермонтовском «Маскараде» — дала «нежный, чистый образ, благоухающий прелестью цветка, подкошенного ранней непогодой. Обаяние этого одухотворенного образа передалось зрителю в покоряющей степени»². Даже в посредственной пьесе «Огненное кольцо» С. Полякова в роли Киры Константиновны ей удалось создать цельный живой образ. Так, в течение первого месяца она сыграла три роли — женщин, совершенно различных по своему социальному положению, возрасту, свойствам характера. Это оказалось под силу актрисе, обладавшей большим мастерством и умением проникать в сокровенные тайны человеческой души.

Один за другим следовали все новые и новые спектакли. За четыре месяца Андреева исполнила десять ролей, среди которых, к сожалению, были и роли в далеко не первоклассных пьесах. Некоторые постановки выделялись блестящей актерской игрой, так как труппа Синельникова имела в своем составе артистов, обладавших большими дарованиями. В частности, в спектакле «Три сестры», шедшем 15 ноября 1913 г. в бенефис Андреевой, выступали: в роли Ирины — Е. М. Шатрова, Кулыгина — М. М. Тарханов, Чебутыкина — С. Л. Кузнецов, Вершинина — П. Г. Баратов, Тузенбаха — К. А. Зубов. Сама Мария Федоровна исполняла роль Маши. Спектакль и бенефициантка имели огромный успех. Особую торжественность придавало ему присутствие Горького.

А. Н. Тихонов после встречи с Горьким, вернувшись в Петроград, писал Марии Федоровне: «Все мысли его из Киева, рассказывает о нем без конца, и очень много и очень хорошо об Вас [...]. От Алексея Максимовича я узнал, что 15-го был Ваш бенефис и сошел очень хорошо»³.

¹ ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 20.

² «Киевская мысль», 5 октября 1914 г.

³ ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

В театре «Соловцов» Мария Федоровна работала до середины января 1915 г. Несмотря на кратковременное пребывание в Киеве, она не осталась незамеченной полицией. «Внимание» к ней особо возросло с приездом Горького. В полицейской переписке сообщалось, что он прибыл в Киев для свидания со своей «гражданской женой» и что к ней на квартиру «являлись рабочие профессиональных союзов»⁴.

В 1915 г. Андреева вступает в Москве в труппу Незлобина. И здесь еще раз убеждается в том, что в одиночку нельзя повлиять на направление театра. С горечью она писала Алексею Максимовичу: «Эх, кабы свой, да еще хороший театр! Могучая это сила воздействия и самая близкая к цели, если хочешь. И в каких она ничтожных и подлых руках».

За два года работы в театре Незлобина (1915 – 1917) Андреева сыграла только одну роль из классического репертуара — Веру Филипповну в «Сердце не камень» А. Н. Островского.

Старейшая актриса О. В. Гзовская вспоминает, что ее поразила игра Андреевой, создавшей совершенно неожиданный образ. «Такое исполнение роли героини Островского я видела в те годы в первый раз». Как рассказывает Гзовская, ее Вера Филипповна была и мягкой и решительной. Верилось, что в ней есть силы и она вырвется в конце концов из «темного царства». В сценическом воплощении Андреевой возникал характер сложный, внутренне сильный. Очевидно, поэтому критика и упрекала актрису в том, что ее Вера Филипповна утратила черты поборницы «христианской любви к людям», женщины «не от мира сего». Эти отрицательные отзывы весьма объяснимы. Актриса дала новое, социальное толкование образа Островского.

Небезынтересно отметить, что Андреева выступала в этой роли перед рабочим зрителем в Петербурге, на Путиловском заводе, и в Москве. Она с воодушевлением писала об этом Горькому: «Сегодня играла в театре у Серпуховских ворот для рабочей публики. Шло “Сердце не камень”. Очень приятно было играть. Принимали восторженно».

Для Марии Федоровны настоящей творческой радостью являлось общение с трудящимися, участие в концертной деятельности легальных культурных обществ, «имевших целью, — как пишет Н. Е. Буренин, — сбор средств на нелегальную партийную работу». Буренин называет М. Ф. «неоценимым помощником» Петроградского общества изящных искусств, инициатором спектаклей для рабочих Путиловского завода, которые она помогала ставить и в которых исполняла главные роли.

Обстановка в театре Незлобина производила на нее удручающее впечатление. «Театр плохонький, актеры — горе [...]. Общие настроения, разговоры кругом — сумбурно противоречивые, как-то ни на что и ни на кого не хочется положиться. Живем без будущего», — с болью писала она Алексею Максимовичу.

Роли в пьесах многих современных драматургов были чужды Андреевой и вызывали чувство острого недовольства работой. Оставалась единственная

⁴ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, ч. 32, 1914 г.

возможность — выбирать те роли, в которых было положительное начало, по-своему переосмыслить их и поступать так, если даже это приводило к конфликту с автором или режиссурой.

Показательно ее столкновение с Арцыбашевым. Она не подала руки писателю-декаденту, пришедшему на репетицию своей пьесы «Закон дикаря», хотя и вынуждена была исполнять в ней одну из основных ролей. Мария Федоровна по-своему сыграла роль Зинаиды Павловны, по ее выражению, ничтожную, неинтересную, в которой «все приходится делать», чтобы нести зрителю «совсем не то и не так, как написано у автора». Благодаря этому, по свидетельству критика журнала «Рампа и жизнь», удалось в значительной степени освободить спектакль от пошлости арцыбашевщины. Незлобинские актеры были чрезвычайно сдержанны и корректны. Они «не только не ставили точек над “i”, а, напротив, старательно стирали поставленные автором. В этом отношении заслуга прежде всего г-жи Андреевой, игравшей чрезвычайно ярко, сильно и выразительно жену Вересова».

Успех Андреевой у публики вызывал повышенный интерес к ней модных драматургов. Миртов, Вербицкая, Сологуб, Чеботаревская просили ее играть в их пьесах первые роли, а Юшкевич даже написал пьесу специально для нее. «Сколько благополучия! — горестно замечала Андреева. — И хотя бы одна роль такая, которую действительно самой хотелось играть».

И в годы театрального безвременья было у Андреевой немало актерских удач. Рецензент одной из газет писал, что публика идет в незлобинский театр смотреть Андрееву, «пленяющую зрителя своим удивительным по силе изобразительности талантом».

Среди ролей, иггранных ею в незлобинском театре, выделяется Рита Каваллини из пьесы Шельдона «Роман». Эта неглубокая, но полная действия, занимательная пьеса давала благодарный материал для игры. Ю. Соболев (в статье «“Роман” в Незлобинском театре») сравнивал Андрееву с известной петроградской актрисой Е. М. Грановской. Обе исполнительницы роли Каваллини, по его мнению, создавали образ пылкой, нежной, кокетливой и искренней женщины. Вместе с тем актрисы по-разному раскрыли его. Грановскую больше увлекало комедийное начало роли. «Ее Каваллини, — писал Соболев, — легче, простодушней». Андреева выделяла и подчеркивала трагическое в судьбе героини. Ею «ярче оттенена драма сердца этой блестящей красавицы, которой не суждено было найти настоящее счастье. Взрыв скорби и отчаяния проводится г-жой Андреевой с очень большой силой». Соболев оценивал образ Каваллини как «одно из лучших достижений г-жи Андреевой»¹.

В Центральном театральном музее имени Бахрушина хранится целая серия фотографий Андреевой в роли Риты Каваллини. Глядя на эти фотографии, знакомясь с отзывами современников, понимаешь, каким высоким искусством перевоплощения владела Андреева, как органично жила она жизнью своей героини, прошедшей сложный путь от беспечности до трагического отчаяния.

Летом 1917 г. состоялась гастрольная поездка Андреевой с известным

¹ «Рампа и жизнь», 1917, № 6, стр. 9.

артистом В. В. Максимовым по югу России. Очень любопытен отзыв о спектакле «Роман» харьковской газеты. Автор статьи «Гастроли М. Ф. Андреевой и В. В. Максимова» писал: «Тонкая, продуманная, полная глубокого чувства игра талантливой артистки сразу очаровала публику. С каждым актом успех артистки возрастал и она становилась предметом всеобщего напряженного внимания и самых бурных оваций. Такой чарующий образ Риты Каваллини, какой дала вчера М. Ф. Андреева, надолго останется в памяти. Большой успех имел и В. В. Максимов в роли пастора Томаса»¹.

Этой гастролью завершается дореволюционная работа Андреевой на сцене. После свержения самодержавия она вместе с Луначарским приступает к перестройке работы театров, обслуживавших преимущественно рабочее население Петрограда. Оба они входили в большевистскую фракцию городской думы. Андреева возглавляла в ней, как сообщалось в газете «Новая жизнь», художественную секцию Совета по управлению народными домами. Кроме того, Андреева участвовала в работе культурной секции Выборгского районного Совета. Ее связи с рабочими все расширялись.

Вскоре начинается новый этап ее многогранной деятельности в советское время. Актриса-большевичка становится во главе театрального дела Петрограда.

Артистическое дарование Андреевой могло бы развернуться теперь в полной мере. Но революция призвала ее на большую организаторскую, очень нужную для той поры работу, и собственно сценическая деятельность Марии Федоровны снова отошла на второй план.

7

Сложным, раздираемым внутренними противоречиями было театральное хозяйство, доставшееся молодому Советскому государству. В предреволюционное десятилетие русский театр находился в состоянии глубокого идейного кризиса. Репертуар был наводнен эротическими, мистическими и салонно-адюльтерными пьесами. Предстояла громадная работа. Надо было повернуть театры к новым задачам, которые поставила перед ними пролетарская революция.

После Великого Октября в артистической среде усилился процесс расслоения, характерный для всей интеллигенции. В этих условиях многое зависело от того, кто возглавит театральное дело. Нужны были люди принципиальные и решительные в проведении линии партии, стойкие и выдержанные в борьбе с враждебными течениями и в то же время авторитетные и гибкие, способные привлечь к строительству социалистической культуры лучших мастеров культуры прошлого.

Для Петрограда это было особенно важно. Здесь, в бывшей столице царской России, более, чем где-либо, сказывались, с одной стороны, театральные вкусы придворной аристократии и высшего чиновничества, с

¹ «Южный край», 4 мая 1917 г. (веч. вып.).

другой — тлетворное влияние групп и группочек, представлявших собой дореволюционные упадочнические направления в искусстве. Последние выступали под флагом «новаторов», «ниспровергателей старого».

Помимо этого широко развернули свою работу и организации Пролеткульта, претендовавшие на звание единственных «творцов пролетарской культуры».

В сложном потоке всевозможных направлений, оставшихся от старого мира, надо было правильно ориентироваться, чтобы сохранить все ценное и отвергнуть все чуждое, что мешало строительству новой, социалистической культуры. Поэтому в 1918 г. при назначении комиссара театров и зрелищ в Петрограде выбор пал на Андрееву, счастливо сочетавшую в себе непреклонную волю борца, темперамент партийного художника, такт и обаяние талантливой актрисы. С 1918 по 1921 г. работала она на этом посту. В обстановке блокады, интервенции, гражданской войны она неутомимо боролась за сохранение великого культурного наследия, за приближение театра к народу и прилагала все усилия к тому, чтобы искусство служило задаче мобилизации масс на борьбу за упрочение молодого Советского государства.

Организаторский талант Андреевой, ее энергия и предприимчивость впервые находят здесь широкий простор. Она активно способствует созданию новых театров, переформирует старые, одни закрывает как вовсе непригодные, другие сливает, добиваясь того, чтобы они меняли характер своего творчества. Она перестраивает систему обслуживания зрителя, с исключительной настойчивостью собирает и сплачивает вокруг Отдела театров и зрелищ артистов, режиссеров, художников, композиторов.

В одном из первых документов о работе руководимого ею отдела говорилось об использовании театра для «воспитания чувств и воли народных масс», подготовки их к «гражданскому подвигу», к стойкости и борьбе «против дурных инстинктов, воспитанных отмирающим строем государства». В нем же определялись политические, творческие и организационные задачи: руководство театрами Петрограда, инструктирование и помощь областным театрам, организация передвижных трупп для обслуживания фронта и провинции и др. В связи с огромным размахом работы подчеркивалась необходимость объединения усилий всех культурно-просветительных организаций и координации их действий: «Не местный районный сепаратизм, а слияние всех притоков в одну большую реку общего культурного строительства»¹.

Андреева начала работать в Отделе театров и зрелищ в то время, когда трудящиеся готовились к празднованию первой годовщины Октябрьской революции. Петроградские партийные и советские организации 15 сентября 1918 г. выдвигают ее в состав Центрального бюро по устройству Октябрьских торжеств. В Бюро она не только возглавляет театральную секцию, но председательствует на его заседаниях, выступает от имени Бюро с отчетами в руководящих советских организациях. 24 сентября, например, она делает

¹ Архив А. М. Горького, биографические документы, № 118/209.

доклад на заседании пленума Петросовета: «... празднуя эту годовщину, мы не должны забывать, что борьба еще продолжается и наш праздник носит строгий характер, — говорила депутатам Петросовета Андреева. — Цвет нашего праздника будет красный, как цвет красного пролетарского знамени. Праздник явится подсчетом и смотром наших сил».

Осуществляя принятую Петросоветом программу, Андреева развернула огромную работу среди художественной интеллигенции. В петроградских газетах появляются сообщения о проведенных ею собраниях, печатаются ее обращения к театральным деятелям. В резолюции одного из собраний литераторов, представителей театров драмы, оперы и балета сказано: «Артистические силы Петрограда, неразрывно связанные с трудящимися массами, считают своим радостным долгом принести все свои силы, в пределах своего умения и дарований, на служение народу во дни общего исторического праздника»¹.

Как комиссар театров Андреева спланирует большую группу передовых людей русского искусства, привлекает молодых, помогает деятелям театра осознавать стоящие перед ними новые задачи. Среди множества вопросов, требовавших от комиссара немедленного решения, Андреева выдвигает на первый план самый неотложный — помощь фронту. На Восточный фронт, где решалась судьба революции в связи с мятежом Чехословацкого корпуса, направляются артисты с большой концертной программой. В декабре 1918 г. в письме Политотдела 3-й армии Восточного фронта выражалась благодарность Луначарскому и комиссару Андреевой «за заботу о солдатах революции, борющихся с белогвардейцами на хребтах седого Урала»².

Участие артистов во фронтовых труппах, в праздновании пролетарского праздника не решало, однако, вопроса о перестройке и советизации театров, репертуар которых по-прежнему состоял большей частью из «развлекательных» пьес. Еще сохранились и действовали всевозможные театры коммерческо-спекулятивного типа, лишь переписавшие свои вывески. «Невский фарс» переименовался в «Наш театр», другой фарсовый театр — в «Театр вечных проблем» и т. п. Необходимо было противопоставить всему этому новый, советский театр, который мог бы служить примером и образцом. В городе, где, как вспоминают современники, голод, холод, сыпной тиф были хозяевами положения, где театры перебивались кое-как, повторяя прошлое, была поставлена перед работниками искусства задача: «Героическому народу — героическое зрелище».

Тогдашняя театральная общественность Петрограда, по свидетельству Н. Ф. Монахова, «относилась к идее организации нового классического театра как к утопии, как к блажи М. Ф. Андреевой и А. В. Луначарского». Но это не останавливает Марию Федоровну. Она взваливает на свои плечи основную тяжесть сложной организационной работы. Ее вдохновляет вера в тех людей, которые готовы ради искусства на жертвы. Вскоре был основан первый

¹ «Северная коммуна», 24 октября 1918 г.

² «Северная коммуна», 14 декабря 1918 г.

советский театральный коллектив в Петрограде — Большой драматический театр. Он родился в год военных испытаний, когда жизнь страны шла под лозунгом: «Все для победы на фронтах!»

Это было тяжелое время для Петрограда. В 1919 г. город дважды подвергался наступлению белогвардейских войск Юденича. Не раз он объявлялся на осадном положении. Театры временно закрывались, и комиссару приходилось заботиться о том, чтобы внутренняя жизнь творческих организаций не замирала, чтобы они могли возобновить работу, как только минет опасность.

Под звуки артиллерийской канонады готовились новые спектакли. В дни, когда белые войска были на подступах к городу, Отдел театров и зрелищ формировал, как писала газета «Жизнь искусства», «труппы для обслуживания раненых красноармейцев». Комиссар вникал во все дела, руководил отправкой артистических групп на фронт, в рабочие районы, госпитали, воинские части города, направлял артистов на окопные работы.

Сознавая, как важна мобилизация всех сил на защиту революционного Петрограда, подчиняя всю свою кипучую энергию этой жизненно важной задаче, Андреева вместе с тем не упускает из виду необходимость сохранения культурных ценностей прошлого. Она неустанно заботится о том, чтобы сберечь в каждом театре наиболее талантливую часть коллектива. Андреева писала в Комитет Обороны Петроградского укрепленного района, что если не считаться с этим при мобилизации артистов, то возникнет опасность «полного уничтожения театров на долгое время, может быть, даже на годы». Многим обязаны Андреевой петроградские театры. Линия большевистской партии на сохранение духовных богатств для народа настойчиво осуществлялась ею в самые критические дни осады.

Близость фронта ощущалась и тогда, когда враг был отброшен от стен Петрограда. Электрический свет подавался с перебоями, спектакли то и дело прерывались в середине действия. Театры почти не отапливались. Нередко артисты играли при двух градусах мороза на сцене. Не так просто было убедить рядовых людей работать в таких неимоверно трудных условиях. И все же театры регулярно ставили спектакли для рабочих, для воинских частей, направляли на фронт и в прифронтовую полосу как целые передвижные труппы, так и отдельных певцов и музыкантов; один из театров — Героический рабочий революционный — постоянно обслуживал фронтовые части вне Петрограда¹.

Андреева принимала энергичные меры к тому, чтобы фронтовая работа театров велась организованно. В январе 1919 г. она обратилась в Совет комиссаров Союза коммун Северной области с просьбой создать условия, при которых поездки артистов на фронт носили бы «планомерный характер» и артисты «могли обслуживать не только отдельную часть Красной Армии, но и целый фронт». Она же была одним из основателей и активных членов Военно-

¹ См. отчет Петроградского Театрального отдела о постановке театрального дела и театрального образования, 1919, ЦГАОР, ф. 2306, оп. 24, ед. хр. 185.

театрального комитета, который дал возможность широким красноармейским массам побывать на лучших оперных и драматических спектаклях, на концертах с участием Шаляпина и других выдающихся артистов. Знакомясь с документами того времени, удивляешься широте и многообразию деятельности комиссара театров и зрелищ. Как тесно переплеталась чисто творческая, организационная и военно-оборонная работа!

В период короткой передышки между двумя наступлениями войск Юденича Андреева, на основе декрета Совнаркома от 26 августа 1919 г., проводит национализацию петроградских частных театров. Осуществляя это историческое для развития театрального искусства дело, она заботилась о сохранении театральных кадров, сценического имущества, об обеспечении работой освободившихся актеров и т. п.

Как комиссар театров она руководит всеми театрально-просветительными организациями не только Петрограда, но и Псковской, Новгородской, Череповецкой, Олонецкой и Петроградской губерний, входивших в район обслуживания ПТО¹. В 1919 г. в этих губерниях организуются центры, ведающие всеми вопросами театрального искусства. Им в помощь создаются в Петрограде конторы проката костюмов, декораций, бутафории. В Петрозаводске открывается новый драматический театр под руководством режиссера Н. В. Петрова. По предложению Андреевой отдельные театральные коллективы реорганизуются из-за трудностей военного времени, некоторые столичные театры переводятся в областные центры. «Из-за топливного кризиса, — говорится в отчете ПТО за сезон 1919/20 г., — наш Малый драматический театр поехал в Кострому и так там увлек костромичей, что они не желают расстаться с театром, ходатайствуя перед Центротеатром об оставлении его и впредь»².

Для того чтобы читатель мог представить себе, каким количеством больших и «малых» дел была занята Андреева, приведем лишь небольшой перечень того, что ей приходилось делать почти одновременно. Она выступает на собраниях в театрах по насущным творческим вопросам, на межрайонных совещаниях культурно-просветительных организаций о методах приближения искусства к широким массам, руководит Большим Художественным советом Отдела театров и зрелищ, в который входят Горький, Шаляпин, Монахов, Лаврентьев и другие; будучи музыкально образованным человеком, возглавляет управление вновь созданного в Петрограде Большого оперного театра и председательствует на многих заседаниях, где обсуждаются принципы и

¹ 13 октября 1919 г. Отдел театров и зрелищ был преобразован в Петроградский Театральный отдел (ПТО), которому были переданы все права и обязанности Центротеатра по Петрограду. В ведении ПТО находились тогда театры: Большой драматический, Малый драматический, Петроградский драматический, Героический революционный, Большой оперный, Театр народной комедии, районный 1-й Государственной типографии, Кукольный, Невский народный дом, Еврейский камерный театр и др.

² ЦГАОР, ф. 2306, оп. 24, ед. хр. 185.

характер его работы; вместе с Луначарским проводит конкурс на мелодраму; является членом редколлегии газеты «Жизнь искусства»; докладывает Петроградскому Совету о состоянии театрального дела; едет в Москву для участия в работе Центротeatра, членом которого она является.

Но жизнь диктовала свое. И эта большая работа прерывается. Андреева снова объявляет в печати, что в связи с наступлением на город белогвардейщины театры закрываются «до особого распоряжения». Она целиком переключает свою энергию на обслуживание фронта.

В то время наряду с затруднениями организационного характера было немало трудностей и противоречий в идеологической области. В первые годы революции проблема использования классического наследия была одной из самых актуальных. Андреева боролась за то, чтобы сделать достоянием народа все передовое, что было создано культурой прошлого. «Пока не имеем новых произведений, надо пользоваться лучшими образцами старого искусства, здорового по своим тенденциям», — настаивала она. Горячо пропагандировала Мария Федоровна классический репертуар, который советскому театру предстояло прочесть и воплотить по-новому. «Очевидная польза и необходимость этого репертуара для народных масс, в которых надо было поддерживать пламя идейных стремлений и глубоких чувств, была как нельзя лучше учтена государственной властью, увидевшей в создании театра высокого стиля одно из могучих средств воспитания пролетариата», — говорила она в 1919 г., касаясь задач Большого драматического театра.

Отстаивая линию партии в отношении классического наследия, ей приходилось отражать атаки Пролеткульта, футуристов и прочих представителей «левого фронта», которые с равных сторон шли в наступление на классику, стремясь «сбросить» ее с «корабля современности». В архиве Ларисы Рейснер хранится листочек сделанных ею черновых заметок по докладу Андреевой. Из этих заметок видно, как решительно разоблачала Мария Федоровна нелепые претензии «левых» на новое слово в театре, как раскрывала она их творческую несостоятельность¹.

Столкновения Андреевой с «левым фронтом» начались еще с празднования первой годовщины Октября, когда художники-футуристы «разукрасили» Петроград многоугольниками всевозможных цветов и оттенков и нелепыми угловатыми, обезображенными фигурами рабочих и крестьян, вызывавшими негодование демонстрантов.

Сложной была и борьба против левацких извращений Пролеткульта в театральном искусстве. В те годы появились первые советские пьесы: «Башня Коммуны», «Легенда о Коммунаре», «Красные и белые», «Парижская Коммуна» и др. Они имели определенное агитационное значение и хорошо принимались зрителем, но были примитивны по форме, перегружены митинговыми фразами и бедны по своей образной системе. Не случайно, конечно, ни одна из этих пьес не сохранилась в репертуаре. Однако, понимая их агитационное значение, Андреева настаивала, чтобы и такие пьесы шли в

¹ ОРБЛ, ф. 245, разд. 1, папка XXI/8.

петроградских театрах. Режиссер К. К. Тверской, ставивший пьесу «Зарождение Марсельезы», писал Н. Н. Арбатову: «Мария Федоровна очень настаивает на этой вещи»¹. Но вместе с тем она решительно спорила против переоценки столь несовершенных произведений.

Выступая с критикой левацких заскоков, Мария Федоровна отнюдь не защищала рутину; она горячо поддерживала подлинно новое в искусстве. Ее критика была обращена против притязаний Пролеткульта на лидерство, против зачеркивания классического наследия. Порой борьба настолько обострялась, что Мария Федоровна считала своим долгом информировать Ленина о положении дел в Петрограде, о своих спорах с ответственными руководителями, которые давали нелепые указания, не понимая специфики театрального дела.

Ее обращение к Ленину было вполне закономерным. Он знал Андрееву по партийной работе и в дореволюционные и в советские годы. Из воспоминаний Горького видно, как доверительно и дружески беседовал с ней Ленин: «— Что же делать, милая Мария Федоровна? Надо бороться. Необходимо! Нам тяжело? Конечно! Вы думаете: мне тоже не бывает трудно? Бывает — и еще как!...»²

Немногие деятели искусства в первые годы революции были непосредственно связаны с Лениным. Если не считать Луначарского, Андреева была одной из тех, кто в беседах и письмах к Владимиру Ильичу затрагивал широкий круг проблем культурного строительства и жизни театров в новых условиях. Содержание бесед не дошло до нас, но из писем Андреевой и Луначарского к Ленину вырисовывается их значение. Андреева рассказывала Владимиру Ильичу о том, что мешает строительству советского театра в Петрограде, сетовала на некоторых петроградских руководящих работников культуры, нигилистически относившихся к классическому наследию, приводила их высказывания: «Шекспир беспринципен», «Островский никому не нужен». Она писала о материальных затруднениях театральных отделов, об использовании артистических сил военными ведомствами, о состоянии и кадрах художественной самодеятельности, об ошибках в художественной работе с детьми.

Особое внимание уделялось перспективе развития петроградских коммунальных театров. В Центральном партийном архиве ИМЛ хранится очень интересный документ, рассказывающий о непосредственной помощи В. И. Ленина театрам Петрограда. На подготовленном Андреевой проекте решения Совнаркома о включении ряда петроградских коммунальных театров в число государственных имеются пометы Владимира Ильича, и в частности: «Для М. С.», то есть: обсудить этот вопрос на заседании Малого Совнаркома.

Мария Федоровна обращается к Ленину и с другими вопросами. Она высказывает ему свое беспокойство по поводу здоровья Горького, просит помочь ученым Петрограда, которых опекал Алексей Максимович, обращает внимание Владимира Ильича на необходимость отъезда Горького из

¹ ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, ф. Н. Н. Арбатова, № 172264/278.

² Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 253.

Петрограда, где часто осаждает его реакционно настроенная интеллигенция. «Алексею необходимы новые впечатления, — пишет Андреева 29 августа 1920 г. — Если он будет сидеть все время в облаке тех, коими он сейчас живет, ведь он с ума сойдет, об этом Вы сами не раз говорили...».

* * *

С ростом объема работы все явственнее выступали трудности и противоречия, вызванные наличием параллелизма в деятельности ряда организаций искусств. После переезда Наркомпроса в Москву некоторые его отделы и комиссии довольно долгое время оставались в Петрограде, дублируя деятельность ПТО. Андреева повела борьбу за объединение всей художественной работы. Так, по ее инициативе была ликвидирована Комиссия по организации зрелищ и представлений на коммунальных аренах, эстрадах и сценах, которой руководил Мейерхольд. По ее докладу решением Малого Совнаркома был закрыт Театральный отдел Наркомпроса, почему-то параллельно существовавший в Петрограде до осени 1919 г., и т. д.

Андреева выступала против дублирования репертуара театрами, против параллелизма в концертной деятельности, добиваясь координации всей художественной работы. В одном из докладов она говорила о фактах, дезорганизующих работу, и приводила в пример мастерскую художника-футуриста Школьника, содержащуюся на государственные средства. Эта мастерская занималась «писанием декораций без практического задания какого-либо из живых действующих театров»¹ наряду с планомерно готовящей декорации Центральной декорационной мастерской Театрального отдела. Такие выступления нередко приводили к конфликтам. Андрееву обвиняли в «узурпаторских тенденциях», в стремлении подчинить себе организации, ведающие смежными областями искусства. Это приняло особо острый характер в 1920 г., когда решался вопрос о ее назначении заведующей Художественным подотделом, которому подчинялись Театральный, Музыкальный, Изобразительный, Музейный и Киноотделы. Будет нелишним отметить, что еще 9 февраля 1919 г. Луначарский писал Ленину о том, что Наркомпрос официально выдвигает на данный пост Андрееву и что в Петрограде этим подотделом руководит товарищ «весьма мало компетентный в вопросах искусства»².

Прошел год. Под влиянием некоторых работников Наркомпроса — футуристов Штеренберга, Пунина и других — обострились взаимоотношения Андреевой с Художественным отделом Наркомпроса. Его руководитель Штеренберг резко возражал против подчинения Андреевой отделов, ведающих всеми видами искусств в Петрограде.

Вопреки этому Петросовет 30 апреля 1920 г. поручил Андреевой заведование Художественным подотделом. Борьба разгоралась. И тогда, в мае

¹ Стенограмма доклада М. Ф. Андреевой на заседании Художественного подотдела, ЦГАЛИ, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 972.

² Архив ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8589.

1920 г., Луначарский обратился к Ленину по поводу возникшего конфликта. Судя по одному из его писем, спор шел в основном о футуризме в изобразительном искусстве, который, как ошибочно казалось тогда Луначарскому, «уже уняли». Сам Луначарский колебался. Он признавал достоинства Андреевой, считал, что она сумеет защитить «богатое культурное достояние в Петрограде от ультракоммунистических наскоков». Вместе с тем он не хотел идти на конфликт со своими подчиненными и отмечал некоторые отрицательные черты характера Андреевой, обостряющие конфликт. Луначарский писал Ленину, что она «человек в высокой степени властный, желающий подчинить себе всех и каждого, чего, конечно, все аппараты допустить не желают». Спрашивая совета Ленина, Луначарский там же писал: «М. Ф. говорила мне, что она подробно рассказала всю эту историю и что Вы стоите целиком на ее точке зрения...»¹

Тот факт, что Андреева, несмотря на протесты ряда руководящих работников Наркомпроса, оставалась заведующей Художественным отделом Петрограда вплоть до своего отъезда за границу, дает основание полагать, что она была поддержана В. И. Лениным.

В 1920 г. в Петрограде создаются новые театральные коллективы: Театр комической оперы под руководством К. А. Марджанова, «Вольная комедия», режиссером которой являлся Н. В. Петров. Писатель Лев Никулин характеризует «Вольную комедию» в первый год ее существования как боевой, революционный театр сатиры. Мария Федоровна, как вспоминает он, не ограничивалась «общим» руководством. В самые горячие дни подготовки к трехлетию Октябрьской революции она приезжала в затопленное помещение будущего театра, отдавала распоряжения, убеждала, воодушевляла ремонтных рабочих, и в годовщину революции зрители заняли свои места в театре, не подозревая, что еще две недели назад здесь было на полметра воды².

С первой годовщины Октября организация торжеств в дни революционных праздников поручалась Андреевой. Именно в эти нелегкие годы были проведены в Петрограде массовые театральные представления, вошедшие в историю советского театра.

Поставленный перед работниками искусств лозунг «театр на колеса» способствовал самому широкому охвату зрительских масс. Передвижные сцены двигались по городу на грузовиках, на платформах трамваев. На этих импровизированных подмостках давались концерты, ставились маленькие сценки. Газета «Жизнь искусства» сообщала об успехе «летучего отряда» артистов коммунальных театров, исполнявших «Петрушку» Луначарского перед рабочими Обуховского, Невского судостроительного и других заводов. Такие представления собирали по несколько тысяч зрителей. Устраивались также импровизированные эстрады на балконах зданий, где выступали певцы, хоры, показывались цирковые номера. Все это, как и проекция политических лозунгов на облаках, служило общей задаче — мобилизации революционной энергии

¹ Архив ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 30917.

² См. в данном сборнике [воспоминания Л. В. Никулина](#).

трудящихся.

Современники особо отмечают роль Андреевой в проведении двух массовых праздников. Еще продолжалась гражданская война. Все трудности, связанные с нею, ложились тяжелым бременем на государство. И все-таки в 1920 г. Советское правительство создает дома отдыха. Этому событию был посвящен большой праздник трудящихся. Андреевой принадлежит инициатива организации массового театрального представления. Десять тысяч зрителей, расположившись на построенном в несколько дней архитектором И. А. Фоминым открытым амфитеатре, смотрели инсценировку «Блокада России», состоявшую из трех частей: «Интервенция Антанты», «Нашествие Польши» и «Торжество Всемирного Интернационала».

Вскоре предстоял второй конгресс Коминтерна. Опыт предыдущих массовых празднеств давал возможность посвятить приезду в Петроград В. И. Ленина и делегатов конгресса специальную постановку: «К мировой Коммуне». Для ее осуществления была образована комиссия пяти под председательством Андреевой. Вместе с режиссерами К. А. Марджановым, Н. В. Петровым и другими ей удалось менее чем в двухнедельный срок организовать массовую постановку, в которой участвовали тысячи исполнителей.

Об этом представлении рассказано в ряде театроведческих исследований, а также в воспоминаниях современников. Здесь нам хочется отметить политическую направленность и значение постановки, демонстрировавшей непосредственную связь искусства и политики. Как известно из воспоминаний делегата конгресса, видного деятеля международного рабочего движения Богумира Шмерала, эта постановка произвела огромное впечатление на представителей коммунистических партий, прибывших со всего мира в Россию.

Однако Андреева не могла ограничиться ролью организатора, руководителя театрального дела, пусть даже и таких масштабов, как Петроград и пять северных губерний. Ее влекла творческая работа непосредственно в театре, работа постановлению театра новых художественных принципов.

Много труда вложила Мария Федоровна в создание Большого драматического театра. В состав его труппы вошли широко известные тогда мастера сцены — Н. Ф. Монахов, Ю. М. Юрьев, В. В. Максимов, А. Н. Лаврентьев и другие. Когда 30 октября 1918 г. Андреева выдала Монахову командировочное удостоверение на поездку в Москву для приглашения артистов в «особую драматическую труппу», многие недоумевали: «Опереточный артист — организатор труппы театра классической трагедии, романтической драмы и высокой комедии!» Марию Федоровну не смущали такие иронические замечания. Она хорошо знала Монахова по совместной работе в Свободном театре, и не ошиблась в выборе. В течение полутора месяцев буквально на голом месте был создан театр с хорошим составом труппы, опытными режиссерами, художниками, композиторами.

С Ю. М. Юрьевым, ставшим благодаря Андреевой также одним из основателей Большого драматического театра, она сблизилась в период, когда он создавал свой Театр трагедии, который, как известно, просуществовал

недолго. Да и В. В. Максимова она знала как талантливого артиста, служившего в крупных драматических театрах, а затем как своего партнера по артистическому турне 1917 г. В качестве режиссера был приглашен А. Н. Лаврентьев, «старый друг Лавруша», как называла его Мария Федоровна с давних лет его учебы в школе Художественного театра. Известный режиссер Н. Н. Арбатов, с которым она играла в 90-х гг. в спектаклях Общества искусства и литературы, был приглашен для постановки спектакля «Много шума из ничего».

Это были люди весьма различные по своему мировоззрению, не всегда верно понимающие назначение искусства. Их объединяла приверженность к классическому репертуару. Каждый из этих мастеров был обременен грузом старых представлений о культуре и весьма ограниченно, с надклассовых позиций, рассматривал вопрос о широкой популяризации театрами классической драматургии. Но именно увлечение классикой помогло Андреевой объединить столь разных театральных деятелей в общей работе по строительству первого советского театра.

В период его организации Андреева являлась председателем правления и председателем режиссерского управления. В театр пришли работать талантливые художники — А. Н. Бенуа, В. А. Щуко; композиторы: Ю. А. Шапорин, Б. В. Асафьев. Привлек своей новизной театр и А. А. Блока, которого, как писал он, Андреева «определила на должность председателя Дирекции Большого драматического театра».

В работе Большого драматического театра сказывались, и не могли не сказаться, трудности, которые возникали в связи с тем, что новая театральная культура формировалась с участием людей, не освободившихся от устарелых, а порой и чуждых взглядов. Приходилось убеждать, доказывать, терпеливо разъяснять, а иногда и применять власть.

Когда дело касалось принципиальных вопросов, Андреева действовала так, как подсказывала ей партийная совесть, не считаясь с тем, что это может кого-либо задеть. Критика Марии Федоровны отличалась принципиальностью и идейной ясностью, что помогало театру исправлять ошибки и сплачивать коллектив, помогало старым мастерам сцены найти свое место в строю новой жизни. Трудно, пожалуй, с большей выразительностью, чем это сделал в своей книге «Повесть о жизни» Н. Ф. Монахов, передать отношение к Андреевой людей, которым она помогла стать в ряды активных строителей советского театра: «... Оглядываясь назад, я с чувством невыразимой благодарности вспоминаю Марию Федоровну, — писал Монахов. — Она поверила мне. Через нее революция призвала меня служить делу, к которому я тщетно рвался целый ряд лет. Она помогла мне своим бодрым, дружеским словом, своей товарищеской поддержкой вступить на новый путь. Она была моим верным политическим руководителем. Она была моей твердой опорой и тем другом, с которым я делился своими сомнениями, своими печальями и которому я с гордостью приносил свои маленькие радости. Она первая заложила во мне уважение и преклонение перед идеями большевизма. Благодаря ей я получил возможность отдать свои силы и умение настоящему делу, настоящему

искусству. Имя Марии Федоровны Андреевой ярко и навсегда записано в моем сердце».

Андреева была и актрисой Большого драматического театра. Многим это казалось несовместимым — комиссар и актриса. Как может руководитель большого масштаба появляться перед рабочими то в качестве докладчика на пленуме Петросовета, то на сцене в гриме и костюме властолюбивой леди Макбет или нежной Дездемоны! Для Марии Федоровны такое совмещение было естественным. Она выступала на сцене и в 1918, и в 1919, и в 1920 гг.

Первой ее ролью в советское время была леди Макбет, сыгранная ею вначале в Театре трагедии, а затем в БДТ. Режиссер спектакля и исполнитель роли Макбета Ю. М. Юрьев запечатлел в своих мемуарах некоторые моменты игры Андреевой. Говоря о красоте, богатстве мимики, жеста, интонации своей партнерши, он замечает: «... выразительные ее глаза, отражающие силу и волю, как нельзя более соответствовали характеру образа леди Макбет». Спектакль был высоко оценен петроградской прессой.

В новой постановке (февраль 1919 г.) «Макбет» вошел в репертуар БДТ. Юрьев и Андреева исполняли те же роли. Рецензент «Петроградской правды» писал об особенностях игры Андреевой, о психологической глубине и своеобразии образа леди Макбет в ее исполнении. «М. Ф. Андреева в своем толковании роли леди Макбет показала нам нечто новое. Бездушность и жестокость заняли второй план, на первое же место были выдвинуты самообладание, сила воли и, — я бы сказал, — любовь к Макбету. Любоваться можно, как проводит артистка сцену с лордами и Макбетом на пиру; с большой вдумчивостью и искусством проводится сцена убийства короля Дункана, много тончайших нюансов и чувства художественной меры вносится в последнюю сцену»¹.

5 мая 1919 г. Мария Федоровна выступила в одной из своих старых ролей — Риты Каваллини в «Романе» Шольдона: спектакль был поставлен в пользу Профессионального союза работников искусств, заместителем председателя которого она являлась. Газета «Жизнь искусства» сообщала об успехе спектакля и повторном его исполнении 18 мая, «потому что 5-го обширный зал БДТ не смог вместить всех желающих». Играя эту роль после леди Макбет, Мария Федоровна вновь показала свое высокое искусство перевоплощения. Актриса создала совершенно разные характеры. Очень контрастными были и две следующие ее роли: графиня де Бюри в пьесе М. Левберг «Дантон» и Дездемона в «Отелло». О том, что роль Дездемоны близка дарованию Андреевой, театральная критика писала еще в 1895 г. Но жизнь сложилась так, что этой ролью актриса увенчала свой творческий путь уже в советском театре, когда ей было немногим более пятидесяти лет.

Е. М. Кузнецов в статье «“Отелло” в Большом театре» писал: «... подлинной трагедией повеяло от исполнения трех “тузов” Большого театра. Это: Дездемона — М. Ф. Андреева, Отелло — Ю. М. Юрьев и Яго — Н. Ф. Монахов. В отчетном спектакле М. Ф. Андреева показала себя артисткой с

¹ «Петроградская правда», 5 марта 1919 г.

громадной техникой. С исключительным мастерством артистка создала акварельно-нежный образ Дездемоны; все картины с ее участием (а особенно последние) были подлинно трагичны, настолько хорошо были оттенены простота, непосредственность и невинность Дездемоны и ее любовь к мавру»¹.

Трудно назвать какую-либо область культурного и театрального строительства Петрограда в эпоху военного коммунизма, в которую Андреева не внесла бы долю своего труда. Но, к сожалению, в работах по истории советского театра, особенно в последние годы, имя ее упоминается лишь вскользь. В нашей историографии не нашла отражения и ее большая работа в других областях культурного и хозяйственного строительства. В 1919 г. Андреева была назначена комиссаром Экспертной комиссии при петроградском отделении Народного комиссариата внешней торговли, а перед вторым наступлением Юденича — и комиссаром этого отделения². Таким образом, она оказалась в очень трудный период руководителем трех ответственных участков культурного и хозяйственного фронта. В личном деле Андреевой сохранилось интересное свидетельство. Когда ее выдвигали на должность комиссара по внешней торговле в Петрограде, В. И. Ленин «на ее протест заявил, что она справится с этой ролью так же хорошо, как со многими другими, которые ей приходилось играть в партийной работе»³.

Экспертная комиссия, созданная по инициативе Горького, работала под его председательством и, по отзыву народного комиссара внешней торговли Л. Б. Красина, сохранила для государства колоссальные ценности. «Чтобы облегчить работу Комиссии и обеспечить ей содействие других советских учреждений, — писал Красин, — мною был назначен комиссар Экспертной комиссии в лице М. Ф. Андреевой», которая, как он утверждал, являлась «для этой цели лицом более чем подходящим»⁴. С июля 1919 г. все наиболее ответственные документы скреплялись двумя подписями: председателя комиссии Горького и комиссара Андреевой.

Из переписки Андреевой с Лениным и Красиным видно, как освоила она в короткие сроки совсем новую область работы и с какой осведомленностью и пониманием дела решала сложные вопросы внешней торговли.

Не вдаваясь в подробный анализ деятельности Андреевой в качестве комиссара Экспертной комиссии и комиссара петроградского отделения

¹ «Вестник театра», 24 – 29 февраля 1920 г.

² Экспертная комиссия выявляла, собирала и изучала национализированные произведения искусства, антикварные ценности, предметы роскоши, выделяла все, что имело художественное значение, а остальное каталогизировала, формируя экспортные товарные фонды. В архивах хранятся десятки списков о передаче с согласия Внешторга Эрмитажу, Русскому музею, Музею древностей Академии наук, Музею старого Петербурга и другим музеям картин, портретов, гравюр, старинной мебели, древних книг и т. д.

³ Архив МВТ, оп. 5800, ед. хр. 2181.

⁴ ЦГАОР, ф. 413, оп. 3, ед. хр. 129.

Наркомвнешторга, хочется остановиться на одном примере для характеристики широты ее кругозора и понимания задач, стоящих перед государством. В 1920 г., как только наступила передышка после победы над Колчаком и Деникиным и хозяйственные задачи стали в центре внимания партии, Андреева ставит перед Лениным вопрос о применении тракторов в сельском хозяйстве. А как известно, это была новинка не только для России, но и для заграницы. Андреева подробно информировала Ленина о возможности закупки тракторов у иностранных фирм, о характере использования тракторов в Англии, об их пригодности «как для земледельческих надобностей, так и для транспорта; что особенно важно, эти штуки ходят и по снегу и по болоту, и через рвы и даже речки, как танки»¹.

По окончании гражданской войны значительно возросла роль внешней торговли. Партия посылает на этот участок проверенных и стойких людей. В числе первых большевиков, представлявших за границей хозяйственные интересы Советского государства, была и М. Ф. Андреева. В апреле 1921 г. она — комиссар Экспертной комиссии — командировается за границу для реализации отобранных на экспорт художественных изделий. В первую очередь она едет в Германию, где в те годы имелись наиболее благоприятные условия для внешней торговли.

Одновременно ей пришлось также принять участие в работе Комитета помощи голодающему населению районов Поволжья и Украины, пострадавших от неурожая 1921 г. Как представитель Помгола Мария Федоровна побывала в Дании, Швеции и Германии. Всюду она выступала с речами о постигшем Россию бедствии, о голоде, разразившемся в ряде районов страны. Ее рассказы о молодой Советской республике способствовали росту пролетарской солидарности с трудящимися Западной Европы. О своих выступлениях за границей Андреева писала В. И. Ленину: «Хотелось рассказать Вам о своей эпопее — ведь меня посылали с лекциями о голоде в Швецию, Данию, и пришлось выступать в самом Берлине по тому же вопросу, а это дало мне возможность видеть массу самой разнообразной публики, со мной разговаривающей без особой сторожкости».

Зная, каким авторитетом и доверием окружено за границей имя Горького и представляя, какую неоценимую помощь может оказать его непосредственное участие в сборе средств, она писала Алексею Максимовичу в августе 1921 г.: «Для дела помощи — твой приезд абсолютно необходим, твой неприезд отзовется страшно губительно...»

Беспокоило Марию Федоровну и состояние здоровья Горького. «Тебе следует хоть немного позаботиться о себе самом», — читаем мы в том же письме. Как известно, В. И. Ленин настаивал тогда на выезде Горького для лечения за границу: «А у Вас кровохарканье и Вы не едете!! Это ей же ей и бессовестно и нерационально»².

В октябре 1921 г. Горький уезжает за границу лечиться. «Ему сейчас лучше, — читаем мы в письме Марии Федоровны Ленину (январь 1922 г.), —

¹ ИМЛ, ф. 461, ед. хр. 29855.

² Сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», стр. 169.

но лечиться придется долго и упорно». Через месяц она снова пишет: «Леонид Борисович [Красин] передаст Вам о деле издания книг Алексея Максимовича, пожалуйста, если будет нужно, поторопите решить этот вопрос: пособия или ссуды Алексей не возьмет, уехал он, не взяв ни копейки, все, что у него было, прожито, а жить здесь, а уж особенно лечиться — безумно дорого». Это место письма отчеркнуто Владимиром Ильичей. Из опубликованных материалов известно, что Ленин позаботился о создании Горькому благоприятных условий для лечения¹.

В эти годы судьба Андреевой складывается так, что ей приходится преимущественно заниматься хозяйственной деятельностью в качестве заведующей художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Германии. Вскоре она уже хорошо ориентируется в условиях сбыта изделий художественных промыслов, умело завязывает обширные деловые связи, проявляет инициативу и деловитость.

Руководимый ею художественно-промышленный отдел принимал участие в международных ярмарках и выставках, где он играл роль торговой организации и вместе с тем демонстрировал богатства кустарных промыслов Советской России, красоту и изящество изделий, созданных народными умельцами.

В июле 1925 г. Мария Федоровна писала Алексею Максимовичу об успехе художественно-промышленного отдела на Стокгольмской выставке, о том, что посетители и пресса с большим изумлением отмечали, что Советская власть не только не разрушила, но даже сумела поднять и развить русское народное искусство...

К этому времени личные судьбы Горького и Андреевой уже разошлись. Но их по-прежнему связывают дружеские отношения. Мария Федоровна заботится о делах Горького, об издании его книг. Их переписка, частично публикуемая в данной книге, охватывает широкий круг вопросов политической, общественной, литературной жизни в СССР и за границей.

Особенно ценил Алексей Максимович те письма, в которых Мария Федоровна делилась с ним впечатлениями от поездок в СССР, рассказывала о том, как формируются там новые люди, как развиваются советская литература и искусство. Перед каждой поездкой Андреевой в отпуск он просил ее писать обо всем, хвалил содержание и стиль ее подробнейших писем и советовал заняться литературным трудом.

В течение восьми лет заведовала Андреева художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Германии и, по отзывам торгпредов, прекрасно справлялась со своими обязанностями.

В эти годы Мария Федоровна продолжала заниматься и вопросами искусства. В январе 1922 г. она была назначена уполномоченным Наркомвнешторга по делам кинематографии за границей. Ей поручалась организация акционерных обществ. Она создала и возглавила фотокиноподотдел торгпредства, сыгравший заметную роль в развитии нашего кино.

¹ Ленинский сборник XXXV, стр. 332.

Советскому государству досталось очень бедное, слаборазвитое кинопроизводство. Пришлось заново создавать кинематографическую промышленность. На первых порах кинопленка ввозилась из-за границы, и в частности из Германии. Некоторые известные советские фильмы снимались акционерным обществом «Межрабпомфильм». Самое деятельное участие во всей этой работе принимала Андреева и руководимый ею до 1925 г. фотокиноподотдел.

Еще в дореволюционные годы Мария Федоровна снималась в двух фильмах и прилагала немало усилий к тому, чтобы создать при участии Красина, Горького, Шаляпина прогрессивное кинопредприятие. Уже тогда она познакомилась с кинопроизводством, и это пригодилось, когда ей, как представителю Советского государства, пришлось налаживать отношения с буржуазными кинофирмами, создавать акционерные общества, способствовать продвижению советских фильмов за границу.

По свидетельству старого большевика П. И. Воеводина, Ленин в 1921 г. советовал включить Андрееву в работу по налаживанию кинопроизводства. Во время одной из встреч, пишет Воеводин (заведовавший тогда фотокиноотделом Наркомпроса), Владимир Ильич «стал подсказывать различные меры для развития кино, обещал помочь и очень рекомендовал привлечь к работе Марию Федоровну Андрееву.

— Мария Федоровна, — оказал Владимир Ильич, — очень энергичная женщина и наш, совершенно наш человек. Вы не смотрите, что она — актриса. Убедитесь, когда поближе познакомитесь, какая она деловая женщина»¹.

Позиция стороннего наблюдателя всегда была чужда Андреевой. Она жила интересами кинодела и после того, как перестала непосредственно руководить этой работой в торгпредстве. «Сейчас гремят наши фильмы», — писала она Луначарскому в 1927 году, гордясь успехами советского кино. Наряду с этим она осуждала экспортную политику киноорганизаций, действующих по принципу: «абы продать сейчас как можно выгоднее». Восставала также против тематического однообразия фильмов и настаивала на тщательном отборе кинокартин для экспорта.

За границей Мария Федоровна с пристальным вниманием следила за жизнью советского искусства. Радовалась его успехам, печалилась по поводу его неудач. «А в музыке что делается! Русская музыка полонила и Европу и Америку»², — писала она Горькому. В другом письме она с уничтожающей иронией отзывалась о всевозможных модных антиреалистических течениях в живописи и сообщала о том, что в берлинской выставке русской живописи примут участие все «левые» течения вплоть «до супрематистов и конструктивистов, которые тарелки битые и гвозди выставляют в виде картин».

Мария Федоровна встречала, принимала у себя советских деятелей

¹ П. Воеводин, Первые шаги советского кино, «Советская культура», 22 апреля 1957 г.

² М. Ф. Андреева — А. М. Горькому, 3 июля 1925 г. Хранится в Архиве А. М. Горького.

искусства, приезжавших в Германию или останавливавшихся там проездом. Хорошо зная театр, музыку, живопись, она помогает им правильно ориентироваться в явлениях художественной жизни на Западе, знакомит советских писателей, артистов, музыкантов с их зарубежными коллегами. Мария Федоровна немало делает для популяризации советской культуры, для укрепления творческих связей между деятелями советского и западного искусства. Придавая огромное значение этим связям, она пишет в полпредство Советского Союза в Берлине: «Для нас имеет большое значение, чтобы с нашими театральными и художественными организациями как можно шире знакомились художники и художественные работники Запада»¹.

Тоска по сцене никогда не оставляла Андрееву. Она лучше других сознавала, что ее артистический талант не получил полного развития. В самые различные моменты политической, организаторской, хозяйственной деятельности Марию Федоровну не покидало ощущение незавершенности своего жизненного призвания. В 1926 г. она писала из Берлина А. Н. Лаврентьеву о желании вернуться к родному делу, чтобы «остаток дней своих дожить актрисой». Об этом же она писала Луначарскому, Ладыжникову. В письме И. М. Москвину она с горечью замечает: «Скучно мне тут жить очень, очень хотелось бы поиграть... Чувствую, что я сейчас актриса неплохая, а играть негде и нечего. Ты — поймешь»².

Правда, в Берлине Мария Федоровна снималась в 1926 г. в кинофильме, и, как видно из письма к Лаврентьеву, весьма удачно, особенно в тех местах, «где начинается настоящая драма». Но содержание и характер западных фильмов не отвечали ее эстетическим запросам.

Вернуться же на сцену Марии Федоровне не удалось по ряду причин. Актрис пожилых в театрах всегда больше, чем требует репертуар. Мешал и длительный перерыв в профессиональной актерской работе. Конечно, при некоторых усилиях можно было бы преодолеть эти препятствия, но положение серьезно осложнилось тем, что Народный комиссариат внешней торговли задерживал Андрееву за границей, так как она приобрела уже большой опыт, работая в берлинском торгпредстве. Отпустить ее без ущерба делу нельзя было: сбыт изделий художественных промыслов приобрел тогда особое значение в связи с необходимостью накопления фондов для индустриализации страны. И Мария Федоровна осталась в Берлине.

Снова самое сокровенное — сцена, театр — отходит на второй план. С полным основанием можно сказать, что это было, и уже не в первый раз, самоотречением художника во имя долга.

Только в 1930 г. осуществилась ее мечта вернуться в СССР. А. И. Микоян — тогда нарком внешней торговли — писал по этому поводу в берлинское торгпредство: «Тов. Андреева, давно работающая в Берлинском

¹ Письмо М. Ф. Андреевой от 30 августа 1926 г. Архив МВТ, фонд торгпредства СССР в Берлине, оп. 2826, ед. хр. 99.

² Письмо М. Ф. Андреевой от 15 июля 1927 г. Музей МХАТ, архив И. М. Москвина.

торгпредстве по реализации художественных и кустарных изделий, очень просит о переводе ее на работу в Союз. Я дал на это согласие. Полагаю самым целесообразным назначить Андрееву членом Правления или зам. предправления «Кустэкспорта»»¹.

И в Москве она еще два года продолжает заниматься художественными промыслами, являясь заместителем председателя правления «Кустэкспорта». Хотя это было совсем не то, о чем мечталось, Мария Федоровна с энтузиазмом и увлечением отдавалась работе. «Надо всюду поехать самой и посмотреть на месте всю эту громаду кустарствующих очагов, чтобы узнать, что им в первую очередь необходимо дать», — писала она Горькому, как только приступила к работе. А слово у Андреевой не расходилось с делом. Ей шел уже седьмой десяток, и все же она не считала трудным для себя начать путешествие по кустарным артелям, расположенным в различных уголках страны. И в «Кустэкспорте» Андреева не была «кабинетным» руководителем. Вникая в существо дела, она знала его во всех деталях, организовывала и воодушевляла людей, помогала развитию художественных промыслов.

8

С такой же молодой анергией, большой творческой изобретательностью взялась Мария Федоровна, уже на склоне лет, за руководство Московским Домом ученых, где она закончила свой трудовой и общественный путь. За выдающуюся работу в Доме ученых, длившуюся около двух десятилетий, и за многие другие заслуги правительство наградило ее орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени. По словам старейшего большевика, друга и соратника В. И. Ленина — академика Г. М. Кржижановского, «дни расцвета Дома ученых связаны как раз с тем временем, когда во главе его стояла Мария Федоровна».

Жизнь страны в те годы, осуществление задач первых пятилеток предъявляли всему коллективу советских ученых новые серьезные требования. Нужно было прежде всего приблизить ученых к самым насущным задачам социалистического строительства в городе и деревне. По мысли Марии Федоровны, Дом ученых не мог быть только местом приятного отдыха, он должен был стать и организацией, где ученые не по долгу службы, а по велению сердца в общественном порядке активно участвовали бы в разработке научных проблем. «Посылая меня на работу в Дом ученых, — писала Мария Федоровна, — партия выдвинула основную задачу — организовать и направить инициативу ученых на осуществление в социалистическом строительстве достижений передовой науки и техники».

И Андреева упорно искала новые формы работы, которые помогли бы создать подлинно творческий коллектив ученых, где общественный темперамент каждого был бы направлен к общей цели. Много изменилось в Доме ученых с ее приходом. Оживилась вся его жизнь. Он стал для людей

¹ Архив МВТ, оп. 5800, ед. хр. 2181.

науки, по меткому выражению некоторых, их «вторым домом». Широкое всестороннее развитие Марии Федоровны, ее личное обаяние и чувство такта помогли ей привлечь к работе крупнейших деятелей советской науки. Недаром называли нового директора «магнитом, притягивающим широкие научные круги в Дом ученых». Научные секции возглавили в нем: И. П. Бардин, В. Н. Образцов, Н. Д. Зелинский, Н. А. Семашко, А. Н. Фрумкин, М. В. Кирпичев, С. А. Чаплыгин, Б. Д. Греков, И. И. Минц, Е. А. Чудаков, Е. Ф. Лискун, Х. С. Коштойаңц, В. Н. Лебедев, М. С. Вовси.

Мария Федоровна правильно учла особенности Дома ученых, объединявшего людей всех отраслей науки. Такой коллектив мог всесторонне рассматривать и разрабатывать важнейшие вопросы технического перевооружения промышленности и сельского хозяйства. Вскоре Дом ученых стал одним из центров научной общественности столицы. Ряд актуальных проблем, изученных его секциями, был внесен на рассмотрение правительства. «Семья ученых — членов Дома ученых, объединяющая самых передовых, наиболее квалифицированных представителей всех специальностей, спаянная долготейшей работой в секциях, группах и кружках, выросла в огромную силу научного и общественно-политического значения, она превратилась в передовую общественную организацию самих ученых», — писала Мария Федоровна в статье «Дом ученых»¹.

Много энергии, сил приложила Андреева вместе с коллективом работников Дома ученых к тому, чтобы сблизить людей науки с рабочими и колхозниками. Часто стали бывать там представители заводов, колхозов. Они делились с учеными своим практическим опытом и получали от них немало полезных советов. В частности, весной 1935 г. Мария Федоровна организует в Доме ученых совместное заседание Истринского райисполкома и актива ученых, на котором обсуждался доклад академика Лискуна о перспективах садоводства и выращивании молодняка в районе. Так на отдельных конкретных делах укреплялись связи ученых с жизнью страны.

Хорошо знала Мария Федоровна быт и интересы ученых.

Еще в годы гражданской войны она входила в состав первой Петроградской комиссии по улучшению быта ученых². Она тогда всемерно помогала Горькому в его заботах о деятелях науки, не раз обращалась за помощью к Ленину, когда местные организации ущемляли интересы научных работников, и просила поддержать Алексея Максимовича в его начинаниях. «Больше всего сейчас его волнуют ученые! Нельзя ли, чтобы нарком продовольствия послал в Питер телеграмму, чтобы не мешали ему!» — писала она Ленину, когда петроградские организации хотели закрыть распределительный продовольственный пункт Петроградского Дома ученых, организованный по инициативе Горького и ревностно оберегаемый им. Этот жизненный опыт помогал Андреевой в новом для нее деле.

¹ Сб. «Дом ученых. 1922 – 1947», М.-Л., Изд-во Академии наук СССР, 1948, стр. 13.

² «Петроградская правда», 13 января 1920 г.

В часы досуга ученые и их семьи находили в Доме ученых все для приятного и полезного отдыха. Славился он своими спектаклями и концертами. Для исполнения лучших произведений русского и зарубежного искусства приглашались талантливые актеры, певцы, музыканты. В различных кружках ученые имели возможность развивать свои способности к живописи, музыке, театру. Дети ученых объединялись детским клубом — одним из лучших детских клубов Москвы. Всей художественной работой и работой с детьми ведала непосредственно Мария Федоровна.

При большом объеме и разнообразии дел, которыми была занята Андреева, вопросы искусства остаются для нее по-прежнему кровно близкими. И когда большой художник сцены А. Д. Дикий рассказывает ей о трудностях, мешающих осуществить задуманный им план создания своей театральной студии, она всячески помогает ему. Марии Федоровне пришлось для этого выдержать немалое «сражение», так как существование профессиональной студии при Доме ученых казалось неправомерным. Однако она добивается своего. Талантливому режиссеру создаются в Доме ученых условия для успешной творческой работы. Его студия поставила несколько спектаклей. В ней выросли артисты, и сейчас с успехом работающие на советской сцене: Г. П. Менглет, О. П. Соллюс, В. Я. Ланге и другие. Многие студийцы с благодарностью вспоминают не только своего художественного руководителя, но и Марию Федоровну, которая принимала живое участие в работе студии.

Нет необходимости исследовать всю деятельность Дома ученых, его секций и кружков или его большую шефскую работу в частях Советской Армии, для того чтобы понять, как огромна была роль Марии Федоровны во всех этих важных общественных начинаниях, как высок был ее авторитет среди ученых. С большим уважением относились они к неутомимому энтузиасту, человеку глубоко партийному и принципиальному. Приведем лишь один весьма любопытный факт: члены туристической секции Дома ученых называли одну из вершин в районе Эльбруса «Пиком М. Ф. Андреевой»...

Уже давно нет в живых Марии Федоровны. Но и сейчас в кулуарах Дома ученых, за партией шахмат, на заседании секции, занятии кружка можно услышать такие слова: «Это было при Марии Федоровне! Ах, как жаль, нет Марии Федоровны!...»

Когда началась Великая Отечественная война, Марии Федоровне было уже больше семидесяти лет. Однако она совсем не собиралась на покой. Ее письма из Казахстана, куда она была эвакуирована, полны тревоги. Ей все казалось, что не следовало оставлять военную Москву и уезжать в тыл. И хотя там в Казахстане Мария Федоровна возглавляла группу академиков, заботилась о создании условий для их жизни и научной работы, делала все для того, чтобы каждый ученый чувствовал, что его труд и сейчас, в эту тяжелую для страны годину, важен и нужен, — она считала, что все еще делает мало.

Об этой странице ее жизни вспоминает Г. М. Кржижановский: «Время было исключительно тревожным, вопросы, которых приходилось касаться, носили жгучий характер и вызывали самые разнообразные настроения в различных группах. И мне все время приходилось удивляться тому такту и той

вдумчивости, которые проявляла М. Ф. в своих отношениях с этим разнообразным коллективом, умело поддерживая в нем советскую настроенность».

С неослабной энергией заботилась Мария Федоровна о семьях ученых. Особо трогательно ее отношение к детям. При всей своей занятости, сложности быта в эвакуации она находит силы и время для того, чтобы руководить и литературным детским кружком. Она подготавливает с ними специальную программу для выступлений в госпиталях перед ранеными бойцами...

* * *

Летопись жизни Андреевой будет не полна, если обойти молчанием ее занятия литературным трудом. Уже упоминалось, что ее переводы с иностранных языков издавались еще до революции. В Архиве А. М. Горького сохранились рукописи ее рассказов, киносценариев. Известно, что она пробовала писать пьесы.

В 30-х гг. Мария Федоровна выступила впервые как автор мемуаров. Она пишет воспоминания о Ленине, Горьком, Станиславском, Маяковском и создает в них живые портреты этих великих людей. Ее мемуары отличаются тонкой наблюдательностью, проникновенностью и искренностью, умением видеть за малым большое. Приходится только сожалеть теперь, что она запечатлела лишь самую незначительную долю того, что видела, в чем сама участвовала, что не успела написать о многих замечательных людях — революционных деятелях, известных писателях, артистах, художниках, с которыми была связана долгими годами дружбы.

Незавершенность литературного труда Андреевой можно объяснить особенностями ее характера. Мария Федоровна писала свои воспоминания в короткие и редкие часы досуга. Она считала это как бы своим личным делом, а основным для нее всегда оставалось дело общегосударственное. Даже на склоне лет, тяжело больная, она не представляла себе жизни без повседневного практического дела, без общения с людьми. Самое непосредственное, самое активное участие в социалистическом строительстве, в том, что сегодня больше всего нужно, — вот что составляло смысл ее жизни. В 1942 г., находясь в эвакуации, она писала старой большевичке М. Л. Сулимовой: «Делала и делаю все, что могу, чтобы не прожить и здесь впустую...»¹ Увлеченная практической повседневной работой, Мария Федоровна отодвигала мемуары на второй план, хотя и считала своей жизненной задачей написать большую книгу о виденном и пережитом.

Мария Федоровна не успела написать то, что хотелось. Много, очень многое осталось недосказанным. Но зато для помощи друзьям и соратникам в их литературном труде она всегда находила время. Это относилось ею к разряду «необходимых» дел. Сколько страниц написано ею старому другу по революционной борьбе Н. Е. Буренину! Она советовала ему, как лучше написать книгу, правдивее и полнее представить события революционных лет,

¹ Письмо хранится у адресата.

свидетелем и участником которых он был, а также рассказать о жизни Горького в Америке и на Капри. Из писем Буренина видно, каким строгим критиком и хорошим советчиком являлась Мария Федоровна, как помогала ее редакторская рука. Он посылал ей свои рукописи «не только на прочтение, но и на исправление» и с уважением относился к ее замечаниям: «Ваш суд для меня, можно сказать, все».

Такое же чувство глубокой благодарности испытывали и те люди искусства, которым Андреева помогала творчески расти. С какой взволнованностью звучат слова старейшей актрисы Т. П. Мравиной в ее письме к актрисе А. А. Галаховой: «Ныне 50 лет, как я узнала ее впервые. Через всю свою жизнь пронесла нежную любовь, восхищение ее личностью, признательность и преданность ей и не могу забыть всех ее творческих созданий. Вижу Марию Федоровну во всех ее ролях — тонкой, обаятельной, умной, красивой и неповторимой по глубине воплощения. А каким чудесным режиссером была бы Мария Федоровна и какая это большая потеря для театра, что М. Ф. не играла по приезду из-за границы. Много интересного и яркого давала мне Мария Федоровна своими советами, и самым высоким консультантом была она в моих работах. Самым большим событием в моей жизни была встреча с Марией Федоровной».

8 декабря 1953 года перестало биться сердце этой пламенной большевички.

Большой и славный жизненный путь прошла Мария Федоровна Андреева. Образ ее сохранился в памяти современников как образ человека смелых дерзаний, больших свершений, неутомимого строителя новой жизни. Мария Федоровна оставила по себе память как жена и сподвижница Горького, прошедшая с ним многолетний трудный и благородный путь. Ее помнят как актрису, которая создала большую галерею ярких образов и пронесла через всю жизнь горячую любовь к искусству, помогала его развитию своим творческим и организаторским талантом. О ней вспоминают как о выдающейся женщине, обладавшей редким умом, огромной силой воли, ярким даром речи, чутким сердцем, всю свою жизнь отдавшей служению народу.

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции в Москве.

АОРЛ — Архив Октябрьской революции в Ленинграде.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы в искусства.

ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина.

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

ЦГИАМ — Центральный государственный исторический архив в Москве.

ОРВЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве.

Архив МВТ — Архив Министерства внешней торговля СССР.

БДТ — Большой драматический театр имени М. Горького в Ленинграде.

ВТО — Всероссийское театральное общество.

ДП, ОО — департамент полиции, охранное отделение, а также особый отдел.

ДП, 7 — департамент полиции, седьмой отдел.

ф. — фонд.

д. — дело.

п. — папка.

ед. хр. — единица хранения.

оп. — опись.

ПЕРЕПИСКА. ВОСПОМИНАНИЯ. СТАТЬИ. ДОКУМЕНТЫ

1894 – 1905

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

[А](#) [Б](#) [В](#) [Г](#) [Д](#) [Е](#) [Ж](#) [З](#) [И](#) [К](#) [Л](#) [М](#) [Н](#)
[О](#) [П](#) [Р](#) [С](#) [Т](#) [У](#) [Ф](#) [Х](#) [Ц](#) [Ч](#) [Ш](#) [Щ](#) [Э](#) [Ю](#) [Я](#)

Абениакар Карло — итальянский журналист, фоторепортер — [134](#), [154](#)

Адашев (Платонов) Александр Иванович (1871 – 1934?) — артист МХТ с 1898 по 1913 г., театральный педагог — [142](#), [232](#)

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872 – 1928) — литературный критик, активно утверждавший эстетский принцип «искусство для искусства»; в 1922 г. эмигрировал — [215](#), [295](#)

Алданов (Ландау М.; р. 1889) — писатель, белоэмигрант — [295](#)

Алейников Моисей Никифорович (р. 1885) — старейший деятель кино, автор ряда книг о русском и советском киноискусстве — [489](#), [492](#), [498](#), [511](#), [681](#)

Александр Акимович — см. [Санин А. А.](#)

Александра Александровна — см. [Яблочкина А. А.](#)

Александров Николай Григорьевич (1870 – 1930) — артист МХТ со дня его основания, заслуженный артист РСФСР — [21](#), [191](#), [198](#), [217](#), [246](#), [510](#), [550](#), [553](#)

Алексеев — см. [Станиславский К. С.](#)

Алерамо Сибилла (Рина Фаччо; 1875 – 1960) — итальянская писательница — [125](#), [128](#), [132](#), [133](#), [139](#), [185](#), [186](#), [621](#)

Амирджан (Амирджаньянц) Беглар Богданович (1868 – ?) — артист оперы — [86](#)

Амичис Эдмонде, де (1846 – 1908) — итальянский писатель, социалист — [150](#)

Амфитеатров Александр Валентинович (1862 – 1938) — беллетрист, драматург и фельетонист; после 1920 г. эмигрировал — [117](#), [118](#), [120](#), [138](#), [148](#), [150](#), [152](#), [153](#), [158](#), [249](#), [261](#), [262](#), [265](#), [541](#)

Анастасия Николаевна — мать Л. Н. Андреева — [119](#)

Андерсен Ханс Кристиан (1805 – 1875) — [17](#)

Андреев Василий Васильевич (1861 – 1918) — композитор, организатор и дирижер первого оркестра русских народных инструментов — [410](#) – [412](#)

Андреев Леонид Николаевич (1871 – 1919) — писатель, драматург — [46](#), [48](#), [71](#), [74](#), [82](#), [86](#), [119](#), [131](#), [153](#), [234](#), [241](#) – [243](#), [247](#), [298](#), [479](#), [499](#), [541](#)

Андрей Алексеевич — см. [Желябужский А. А.](#)

¹ В указатель включены не все собственные имена, встречающиеся в книге. В него вошли в первую очередь имена тех лиц, которые связаны с партийной, общественной, театральной биографией Андреевой, с ее государственной и литературно-издательской деятельностью.

Курсивом выделены страницы комментариев, где даны более подробные сведения об адресатах, корреспондентах Андреевой и об авторах воспоминаний о ней. Все остальные встречающиеся в комментариях имена в указателе не отражены.

Анненков Юрий Павлович (р. 1890) — живописец и театральный художник; в 1924 г. эмигрировал во Францию — [435](#)

Д'Аннунцио Габриеле (1863 – 1938) — итальянский писатель-декадент — [175](#), [548](#)

Антуан Андре (1858 – 1943) — французский режиссер, актер, теоретик театра, организатор и руководитель Свободного театра в Париже — [208](#)

Анцелович Наум Маркович (1888 – 1952) — партийный и государственный деятель, член КПСС с 1905 г.; в период гражданской войны один из руководящих работников Петрограда — [277](#)

Арабидзе Васо Окропирович (1881 – 1951) — драматический актер, в течение пятидесяти лет артист театров Грузии; во время Декабрьского вооруженного восстания в Москве командир грузинского отряда Кавказской боевой дружины — [533](#)

Арбатов (Архипов) Николай Николаевич (1868 – 1926) — член правления и участник спектаклей Общества искусства и литературы, впоследствии известный режиссер — [19](#), [28](#), [38](#), [422](#), [568](#), [573](#)

Аркадии Иван Иванович (1878 – 1942) — драматический актер, заслуженный деятель искусств РСФСР; с 1914 по 1938 г. состоял в труппе Московского Камерного театра — [259](#)

Артем (Артемьев) Александр Родионович (1842 – 1914) — актер МХТ со дня его основания — [21](#), [230](#), [328](#), [510](#), [513](#)

Архипов — см. [Арбатов Н. Н.](#)

Архипов Абрам Ефимович (1862 – 1930) — академик живописи, народный художник РСФСР — [290](#)

Арцыбашев Михаил Петрович (1878 – 1927) — писатель-декадент; после 1917 г. эмигрировал — [215](#), [240](#) – [242](#), [244](#), [398](#), [559](#)

Асафьев Борис Владимирович (литературный псевдоним — Игорь Глебов; 1884 – 1949) — композитор, музыковед, действительный, член Академии наук СССР, народный артист СССР — [573](#)

Ахалина Прасковья Николаевна (ум. 1910) — суфлер Общества искусства и литературы, затем МХТ — [21](#), [36](#)

Бабанова Мария Ивановна (р. 1900) — драматическая актриса, народная артистка СССР — [334](#)

Бабель Исаак Эммануилович (1894 – 1941) — советский писатель — [301](#)

Багаев Михаил Александрович (ум. 1949) — рабочий, один из основателей социал-демократических организаций в Иваново-Вознесенске — [529](#), [532](#)

Бадаев Алексей Егорович (1883 – 1951) — рабочий, член КПСС с 1904 г.; с 1912 г. член большевистской фракции IV Гос. думы; деятель Коммунистической партии и Советского государства — [283](#)

Базаров В. (Руднев Владимир Александрович; 1874 – 1939) — философ и экономист; в период реакции отошел от большевизма, был одним из главных представителей махистской ревизии марксизма — [99](#), [365](#), [545](#)

Балиев Никита Федорович (1877? — 1936) — русский театральный деятель, эстрадный артист и режиссер; в 1908 г. основал в Москве театр-кабаре «Летучая

мышь»; в 1920 г. эмигрировал за границу — [231](#)

Балтрушайтис Юрий Казимирович (1873 – ?) — поэт-символист — [179](#), [214](#), [217](#), [228](#)

Бальзак Оноре, де (1799 – 1850) — [547](#), [548](#)

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867 – 1942) — поэт-символист — [346](#), [522](#)

Барановская Вера Всеволодовна (ум. 1935) — артистка МХТ с 1903 по 1915 г.; снималась в кино — [233](#), [472](#)

Баратов Павел Григорьевич — артист драмы, в 1914 г. партнер М. Ф. Андреевой в нескольких спектаклях киевского театра «Соловцов» — [558](#)

Бардин Иван Павлович (1883 – 1960) — ученый-металлург, академик — [583](#)

Барнай Людвиг (1842 – 1924) — немецкий актер и театральный деятель — [463](#)

Бассерман Альберт (1867 – 1952) — немецкий драматический актер — [463](#)

Баталов Николай Петрович (1899 – 1937) — артист МХАТ и Второй студии, заслуженный артист РСФСР — [472](#)

Бауман Николай Эрнестович (1873 – 1905) — профессиональный революционер, выдающийся деятель большевистской партии — [92](#), [349](#), [403](#), [428](#), [429](#), [517](#) – [519](#), [530](#)

Бах Алексей Николаевич (1857 – 1946) — выдающийся ученый и общественный деятель, основатель советской школы биохимиков, академик — [501](#)

Бахрушин Алексей Александрович (1865 – 1929) — театральный деятель, основатель театрального музея в Москве — [37](#), [38](#), [595](#)

Бахрушина Вера Васильевна — жена А. А. Бахрушина — [37](#), [38](#), [595](#)

Бебель Август (1840 – 1913) — один из основателей и руководителей германской социал-демократии и II Интернационала — [97](#)

Бегге Карл Миккелевич (р. 1884) — торгпред СССР в Германии с 1925 по 1930 г. — [272](#)

Бёклин Арнольд (1827 – 1901) — швейцарский живописец-символист — [401](#)

Белёвцева Наталия Алексеевна (р. 1895) — актриса Малого театра, народная артистка РСФСР — [259](#)

Белинский Виссарион Григорьевич (1811 – 1848) — [243](#)

Бенелли Сем (1877 – 1949) — итальянский драматург и поэт — [262](#), [263](#), [431](#)

Бенуа Александр Николаевич (1870 – 1960) — живописец, театральный художник, историк искусств, режиссер; один из идеологов объединения «Мир искусства»; в 20-х гг. эмигрировал — [274](#), [290](#), [457](#), [458](#), [534](#), [573](#)

Берг Лев Семенович (1876 – 1950) — советский географ и биолог, академик — [501](#)

Бергнер Элизабет (р. 1897) — немецкая драматическая актриса — [464](#)

Березин Иван Иванович (партийная кличка «Илья») — активный деятель большевистского подполья; в советские годы работник Внешторга — [287](#)

Бернар Сара (1844 – 1923) — французская драматическая актриса — [389](#)

Берсенева (Павлищев) Иван Николаевич (1889 – 1951) — драматический актер, режиссер, народный артист СССР — [233](#), [234](#)

Бетховен Людвиг, ван (1770 – 1827) — [128](#)

Благов Федор Иванович (ум. 1934) — редактор газеты «Русское слово» — [216](#), [641](#)

Блок Александр Александрович (1880 – 1921) — [226](#), [261](#), [264](#), [312](#), [374](#), [415](#), [431](#), [445](#), [457](#), [498](#), [573](#)

Богданов А. (Малиновский Александр Александрович; 1873 – 1928) — социал-демократ, экономист, философ; ревизовал марксизм с позиций махизма и вульгарного материализма, подвергнут критике В. И. Лениным в его труде «Материализм и эмпириокритицизм» — [94](#), [96](#), [99](#), [137](#), [149](#), [150](#), [365](#), [545](#), [546](#)

Богдановский Алексей Александрович (ум. 1952) — артист драмы; заслуженный артист РСФСР — [259](#)

Богомолов Валерьян Иванович (партийная кличка «Черт»; 1881 – 1935) — активный участник революции 1905 г. — [345](#), [346](#), [377](#) – [379](#), [532](#)

Болдуин Стэнли (1867 – 1947) — английский реакционный государственный деятель, ряд лет премьер министр — [492](#)

Болеславский (Стржезницкий) Ричард Валентинович (1887 – 1937) — актер, режиссер, один из организаторов Первой студии МХТ; в 1920 г. эмигрировал — [431](#)

Бомарше (Карой Пьер-Огюстен; 1732 – 1799) — [274](#)

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873 – 1955) — старейший деятель Коммунистической партии и Советского государства, доктор исторических наук — [5](#), [208](#) – [210](#), [219](#), [222](#), [527](#), [536](#), [553](#), [643](#)

Борисяк Алексей Алексеевич (1872 – 1944) — крупный советский геолог и палеонтолог, академик — [501](#)

Боткина Мария Сергеевна — художница, дочь ученого-медика и передового общественного деятеля С. П. Боткина — [126](#), [133](#), [139](#), [187](#)

Бравич (Баранович) Казимир Викентьевич (1861 – 1912) — артист в член дирекции театра В. Ф. Комиссаржевской — [524](#)

Бракко Роберто (1861 – 1943) — итальянский драматург, новеллист — [134](#), [154](#), [165](#), [185](#), [286](#), [547](#), [622](#)

Брие Эжен (1858 – 1932) — французский драматург-романтик — [396](#)

Бродский Исаак Израилевич (1883 – 1939) — художник, заслуженный деятель искусств РСФСР — [145](#), [159](#), [171](#)

Брукс Гарриет — физик, профессор Колумбийского университета — [120](#), [125](#), [187](#), [391](#)

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 – 1924) — [399](#)

Булыгин Александр Григорьевич (1851 – 1919) — министр внутренних дел царской России в 1905 г. — [73](#)

Бунин Иван Алексеевич (1870 – 1953) — [41](#), [45](#), [151](#), [166](#), [175](#), [177](#), [179](#), [219](#), [243](#), [285](#), [479](#), [547](#)

Бурджалов (Бурджальян) Георгий Сергеевич (1869 – 1924) — актер МХТ со дня его основания, режиссер — [21](#), [27](#), [38](#), [510](#)

Буренин Николай Евгеньевич (партийные клички «Герман», «Г. Ф.»),

«Герман Федорович», «Небуренин», «Виктор Петрович»; р. 1874) — [6](#), [103](#), [106](#), [108](#), [109](#), [119](#), [120](#), [124](#), [128](#) – [131](#), [134](#), [137](#), [157](#), [158](#), [186](#), [221](#), [223](#), [273](#), [282](#), [286](#), [287](#), [319](#) – [321](#), [335](#), [337](#) – [339](#), [343](#), [347](#), [363](#) – [365](#), [380](#), [381](#), [390](#), [510](#), [528](#), [529](#), [532](#), [535](#) – [537](#), [539](#), [545](#), [547](#), [559](#), [586](#), [614](#)

Бутова Надежда Сергеевна (1878 – 1921) — артистка МХТ с 1900 по 1921 г. — [332](#)

Быстрянский Вадим Александрович (1886 – 1940) — редактор «Петроградской правды» в годы гражданской войны — [278](#)

Бэк Эллен (1873 – ?) — датская певица — [382](#)

Варен Эрнст — финский помещик, занимался живописью — [347](#) – [349](#), [384](#)

Варламов Константин Александрович (1848 – 1915) — артист Александринского театра с 1875 г. до конца своей жизни — [506](#)

Василий Петрович, «Василий Федоров» — см. [Рутенберг П. М.](#)

Васильев С. (Флеров Сергей Васильевич; 1841 – 1901) — театральный критик, журналист — [512](#)

Васильев-Южин Михаил Иванович (1876 – 1937) — член РСДРП с 1898 г., после II съезда — большевик, профессиональный революционер — [378](#)

Вахтангов Евгений Богратионович (1883 – 1922) — [35](#), [304](#)

Вашков Евгений Иванович — писатель, художник — [165](#), [166](#), [173](#), [547](#), [630](#)

Вейнберг Петр Исаевич (1831 – 1908) — поэт, переводчик, историк литературы — [261](#)

Вера — Вера Евгеньевна Иванова, сестра Н. Е. Буренина — [138](#), [221](#), [224](#), [350](#)

Вера Васильевна — Соловьева, драматическая актриса, жена В. Л. Мchedлова — [232](#), [233](#), [237](#)

Вера Михайловна — жена В. Д. Бонч-Бруевича — [223](#)

Вера Николаевна — жена И. А. Бунина — [166](#), [218](#), [243](#)

Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861 – 1928) — буржуазная писательница — [244](#), [560](#)

Вересаев (Смидович) Викентий Викентьевич (1867 – 1945) — [102](#), [612](#)

Верещагин Василий Васильевич (1842 – 1904) — живописец-баталист — [10](#)

Веригина Валентина Петровна (р. 1885) — актриса — [367](#), [672](#)

Вернадский Владимир Иванович (1863 – 1945) — ученый — минералог и геохимик, академик — [501](#), [502](#)

Виктор — Таратута Виктор Константинович (1881 – 1926), член КПСС с 1898 г., активный участник революции 1905 – 1907 гг., делегат IV и V съездов РСДРП — [132](#)

Вило нов Никифор Ефремович (партийная кличка «Михаил»; 1883 – 1910) — рабочий, большевик, профессиональный революционер — [546](#)

Винниченко Владимир Кириллович (р. 1880) — писатель, украинский буржуазный националист — [231](#), [398](#)

Витте Сергей Юльевич (1849 – 1915) — в 1905 – 1906 гг. председатель совета министров — [71](#)

Владимир Федорович — см. [Грибунин В. Ф.](#)

Вишневский Александр Леонидович (1861 – 1943) — артист МХТ со дня его основания, заслуженный деятель искусств РСФСР — [32](#), [53](#), [234](#), [513](#), [514](#)

Владимиров (Верле) Владимир Константинович (1886 – 1953) — театральный деятель, заслуженный деятель искусств РСФСР — [309](#), [474](#)

Вовси Мирон Семенович (1897 – 1960) — врач, действительный член Академии медицинских наук СССР — [583](#)

Воеводин Петр Иванович (р. 1884) — старейший участник революционного движения в России, член КПСС с 1899 г.; один из организаторов советской кинематографии на раннем этапе ее развития — [579](#), [580](#)

Волков Леонид Андреевич (р. 1893) — драматический актер, режиссер, театральный педагог, народный артист РСФСР — [304](#)

Волынский Аким (Флексер Аким Львович; 1863 – 1926) — реакционный критик, искусствовед, один из теоретиков символизма — [211](#)

Вольский Станислав (Соколов Андрей Владимирович; р. 1880) — социал-демократ, литератор; принимал участие в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г.; в 1908 г. отошел от большевизма, Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно — [242](#), [243](#)

Вольф-Израэль (Вивьен) Евгения Михайловна (р. 1897) — драматическая актриса, народная артистка РСФСР — [422](#)

Воровский Вацлав Вацлавович (1871 – 1923) — профессиональный революционер, выдающийся советский дипломат, публицист и литературный критик — [292](#)

В. Х., — см. [Ходасевич В. М.](#)

Вячеслав Рудольфович — см. [Менжинский В. Р.](#)

Гайдаров Владимир Георгиевич (р. 1893) — драматический актер, заслуженный артист РСФСР — [315](#), [407](#), [408](#)

Гайдебуров Павел Павлович (1877 – 1960) — актер, режиссер, народный артист РСФСР; в 1903 г. организовал в Петербурге Общедоступный (Передвижной) театр, существовавший до 1928 г. — [252](#)

Галина — Флаксерман-Суханова Гаина Константиновна (1888 – 1958), член КПСС с 1906 г. — [308](#)

Галлён-Каллела Аксели (1865 – 1931) — финский художник — [102](#), [382](#)

Гамалея Николай Федорович (1859 – 1949) — ученый-микробиолог, академик — [501](#), [502](#)

Гардин Владимир Ростиславович (р. 1877) — актер, режиссер и сценарист, активный деятель кинематографии, народный артист СССР — [259](#), [681](#)

Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852 – 1906) — писатель; оказывал материальную помощь партии большевиков — [82](#), [502](#)

Гауптман Гергарт (1862 – 1946) — [27](#), [34](#), [35](#), [192](#), [358](#), [372](#), [394](#), [401](#), [509](#), [511](#), [512](#), [550](#), [556](#)

Гельцер Екатерина Васильевна (р. 1876) — артистка балета, народная артистка РСФСР — [425](#)

Германова (Красовская) Мария Николаевна (1884 – 1940) — артистка МХТ с 1902 по 1919 г., затем эмигрировала за границу — [175](#), [330](#), [331](#)

Гете Иоганн Вольфганг (1749 – 1832) — [304](#)

Гзовская Ольга Владимировна (р. 1889) — драматическая актриса — [229](#), [315](#), [399](#), [558](#), [674](#)

Гибшман Константин Эдуардович (1884 – ?) — артист эстрады, конферансье — [232](#)

Гинцбург Илья Яковлевич (1859 – 1939) — скульптор, академик — [135](#), [136](#), [159](#), [337](#), [547](#), [622](#)

Гиппиус Зинаида Николаевна (псевдоним — Антон Крайний; 1869 – 1945) — поэтесса, беллетрист, реакционный критик; белоэмигрантка — [285](#), [330](#), [478](#)

Глен А. Э. (1858 – 1927) — виолончелист, педагог — [37](#)

Глясе ер Мария Игнатьевна (1890 – 1951) — член КПСС с 1917 г.; с 1918 по 1924 г. работала в секретариате Совнаркома, затем в ИМЛ при ЦК КПСС — [282](#)

Гоголь Николай Васильевич (1809 – 1852) — [334](#)

Голоушев — см. [Сергей Глаголь](#)

Гольдони Карло (1707 – 1793) — [32](#)

Горбунов Николай Петрович (1892 – 1938) — член КПСС с 1917 г.; с 1920 г. управделами Совнаркома РСФСР, а затем управделами СНК и СТО — [288](#)

Горелов Гавриил Никитич (р. 1880) — живописец, ученик И. Е. Репина, действительный член Академии художеств СССР — [159](#)

Горемыкин Иван Логгинович (1839 – 1917) — крайний реакционер, министр внутренних дел (1895 – 1899), председатель совета министров (1906 и 1914 – 1916) — [73](#)

Горин-Горяинов Борис Анатольевич (1883 – 1944) — драматический актер, народный артист РСФСР — [310](#)

Горич (Вишневецкий) Николай Николаевич (1877 – 1949) — драматический актер, заслуженный артист РСФСР — [259](#)

Горький М. (Пешков Алексей Максимович; 1868 – 1936) — [3](#), [5](#), [34](#), [35](#), [40](#) – [49](#), [59](#), [65](#), [66](#), [68](#) – [86](#), [88](#), [90](#), [92](#) – [106](#), [109](#) – [120](#), [123](#) – [135](#), [137](#) – [140](#), [142](#) – [189](#), [191](#), [193](#) – [195](#), [197](#) – [201](#), [204](#), [205](#), [207](#), [208](#), [210](#), [211](#), [214](#), [216](#), [217](#), [219](#) – [223](#), [226](#), [227](#), [229](#), [230](#), [232](#) – [238](#), [240](#), [244](#), [246](#), [248](#) – [250](#), [253](#) – [257](#), [266](#), [274](#), [277](#), [282](#), [285](#), [287](#), [288](#), [290](#), [292](#) – [300](#), [302](#), [305](#) – [308](#), [310](#), [312](#) – [315](#), [318](#), [319](#), [321](#) – [334](#), [336](#) – [340](#), [342](#), [344](#) – [350](#), [352](#) – [354](#), [357](#), [359](#) – [365](#), [370](#), [377](#), [378](#), [380](#) – [393](#), [395](#), [399](#), [402](#) – [404](#), [412](#), [415](#), [418](#) – [421](#), [426](#), [433](#), [437](#), [440](#), [441](#), [460](#), [461](#), [474](#), [476](#) – [480](#), [496](#) – [499](#), [510](#), [511](#), [515](#), [517](#), [518](#), [520](#), [521](#), [523](#) – [547](#), [549](#) – [554](#), [556](#), [558](#), [559](#), [560](#), [568](#), [569](#), [576](#) – [580](#), [582](#), [584](#), [586](#), [587](#)

Горюня — см. [Игорь](#)

Грамадина Эмма — итальянская актриса — [127](#)

Грановская Елена Маврикиевна (р. 1877) — комедийная актриса, народная артистка РСФСР — [311](#), [422](#), [560](#)

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (псевдоним — Сибиряк; р. 1882) — литератор — [244](#)

Греков Борис Дмитриевич (1882 – 1953) — советский историк, академик — [583](#)

Гремиславский Яков Иванович (1864 – 1941) — художник-гример, работал

в МХТ со дня его основания — [28](#), [30](#)

Гремиславская Мария Алексеевна (1870 – 1950) — жена и помощница Я. И. Гремиславского, работала в МХТ со дня его основания по 1948 г. — [30](#)

Грессер Гавриил Николаевич (1866 – 1909) — актер Малого театра — [37](#)

Гречанинов Александр Тихонович (1864 – 1956) — композитор — [50](#)

Грибунин Владимир Федорович (1873 – 1933) — артист МХТ со дня его основания, заслуженный деятель искусств РСФСР — [53](#), [246](#), [513](#)

Григ Эдвард Хагеруп (1843 – 1907) — [128](#), [391](#), [392](#)

Григорьев Михаил Степанович (р. 1890) — историк театра, профессор — [327](#)

Гринберг Захарий Григорьевич — руководящий работник Народного комиссариата просвещения, в 1918 – 1919 гг. замнаркома просвещения Союза коммун Северной области — [291](#)

Грожан Павел Августович — активный участник первой русской революции, был убит черносотенцами в 1905 г. — [347](#), [349](#), [377](#), [532](#)

Грожан Юлий Августович (партийная кличка «Дмитрий Сергеевич») — активный участник первой русской революции — [242](#)

Грузенберг Оскар Осипович (1866 – ?) — адвокат, выступал в различных политических процессах, кадет; после 1917 г. эмигрант — [130](#)

Гумилев Николай Степанович (1886 – 1921) — поэт, критик, теоретик акмеизма — [312](#)

Гурвич В. И. — актер-любитель Общества искусства и литературы, впоследствии известный окулист — [38](#)

Гурвич Исаак Адольфович (1860 – 1924) — литератор, экономист, участник социал-демократического движения — [117](#)

Гусев-Оренбургский (псевдоним Гусева Сергея Ивановича; 1867 – ?) — беллетрист; после Октябрьской революции эмигрант — [41](#)

Гуцков Карл (1811 – 1878) — немецкий драматург — [18](#)

«Г. Ф.» — см. [Буренин Н. Е.](#)

Гюго Виктор (1802 – 1885) — [226](#), [261](#), [263](#)

Давыдов Александр Михайлович (1872 – 1944) — оперный артист (тенор), с 1900 г. — в труппе Мариинского театра, заслуженный артист РСФСР — [214](#)

Давыдов (Горелов) Владимир Николаевич (1849 – 1925) — драматический актер, народный артист Республики — [506](#)

Дан (псевдоним Гурвича Федора Ильича; 1871 – 1947) — лидер меньшевиков; в 1922 г. выслан за пределы СССР как враг Советской власти — [96](#)

Дарский (Псаров) Михаил Егорович (1865 – 1930) — драматический актер, играл в МХТ в сезоне 1898/99 г. — [32](#)

Деборин Абрам Моисеевич (р. 1881) — философ, историк, академик — [499](#), [501](#), [502](#), [682](#)

Десницкий Василий Алексеевич (псевдоним — Строев В.; 1878 – 1958) — участник революционного движения с 1897 г.; в 1909 г. отошел от большевизма; в 1917 г. один из основателей газеты меньшевистского направления «Новая

жизнь», с 1919 г. научный работник, литературовед — [94](#) – [96](#), [123](#), [272](#), [295](#), [542](#)
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 – 1926) — [365](#)
Дикий Алексей Денисович (1889 – 1955) — актер и режиссер, народный артист СССР — [232](#), [322](#), [482](#), [483](#), [584](#)
Добужинский Мстислав Валерианович (1875 – 1957) — живописец, театральный художник, принадлежал к объединению «Мир искусства» — [402](#), [447](#)
Достоевский Федор Михайлович (1821 – 1881) — [42](#), [215](#), [404](#)
Драбкина Федосья Ильинична (1883 – 1957) — член КПСС с 1902 г. — [346](#), [359](#), [532](#), [671](#)
Дузе Элеонора (1859 – 1924) — итальянская трагическая актриса — [389](#)
Дурново Петр Николаевич (1844 – 1915) — министр внутренних дел в 1905 – 1906 гг., жестоко подавлявший революционное движение — [73](#)
Дымов Осип Исидорович (р. 1878) — писатель — [140](#), [149](#), [150](#), [541](#)
«Дядя Миша» — партийная кличка Михайлова Михаила Александровича (1878 – 1940), активного участника первой русской революции — [108](#), [119](#), [341](#), [342](#), [345](#), [349](#), [359](#), [378](#)

Евгения Михайловна — см. [Раевская Е. М.](#)
Екатерина Ивановна — жена И. П. Ладыжникова — [105](#), [119](#), [120](#), [206](#), [238](#), [240](#), [284](#), [285](#), [289](#)
Елена Дмитриевна — см. [Стасова Е. Д.](#)
Елена Константиновна — Малиновская (1875 – 1942), член КПСС с 1905 г., общественный и театальный деятель — [75](#)
Елпатьевский Сергей Яковлевич (1854 – 1933) — писатель — [41](#), [45](#)
Ермолова Мария Николаевна (1853 – 1928) — актриса Малого театра, народная артистка Республики — [22](#), [24](#), [27](#), [425](#), [514](#)
Есенин Сергей Александрович (1895 – 1925) — [308](#)

Жданова Мария Александровна (1889 – 1944) — артистка МХТ с 1907 по 1924 г. — [234](#)
Жевержеев Левкий Иванович (1881 – 1942) — искусствовед — [277](#)
Желябов Андрей Иванович (1850 – 1881) — революционер-народник, член исполнительного комитета «Народной воли», казнен за участие в убийстве Александра II — [120](#)
Желябужский Андрей Алексеевич (1850 – 1932) — первый муж М. Ф. Андреевой, главный контролер Курской и Нижегородской железных дорог; состоял членом Общества искусства и литературы, членом правления Российского театрального общества; в советское время работал в Рабкрине — [37](#) – [40](#), [53](#), [54](#), [57](#), [114](#), [247](#), [340](#), [357](#), [403](#), [506](#), [517](#), [518](#), [521](#)
Желябужский Юрий Андреевич (1888 – 1955) — сын М. Ф. Андреевой, один из старейших деятелей русского и советского кино; кинорежиссер, оператор — [39](#), [40](#), [66](#), [110](#), [114](#), [120](#), [141](#), [146](#), [148](#), [154](#), [159](#), [183](#), [186](#), [187](#), [227](#), [233](#), [243](#), [323](#), [340](#), [472](#), [494](#), [497](#), [554](#), [681](#)
Желябужская Екатерина Андреевна (р. 1894) — дочь М. Ф. Андреевой,

переводчица — [6](#), [103](#), [110](#), [114](#), [141](#), [146](#), [148](#), [154](#), [159](#), [169](#) – [171](#), [236](#), [243](#), [250](#), [306](#), [315](#), [323](#), [337](#), [340](#), [676](#) – [679](#)

Женя — Кякшт Евгений Георгиевич, племянник М. Ф. Андреевой — [103](#), [104](#), [110](#), [114](#), [154](#), [159](#), [340](#)

Жуков Иннокентий Николаевич (1875 – 1945) — скульптор — [159](#)

Жуковский Станислав Юлианович (1873 – 1944) — пейзажист, ученик И. И. Левитана; в 1923 г. эмигрировал — [290](#)

Заволжский — см. [Зина](#), [Зиновий](#)

Загаров (Фессинг) Александр Леонидович (р. 1877) — артист МХТ с 1898 по 1904 г. — [515](#)

Замятин Евгений Иванович (1884 – 1937) — писатель, эмигрант — [304](#)

Зарудная Варвара Михайловна (1857 – 1939) — певица (сопрано), педагог; жена композитора М. М. Ипполитова-Иванова — [37](#), [50](#), [507](#), [509](#)

Зархи Натан Абрамович (1900 – 1935) — драматург, заслуженный деятель искусств РСФСР — [407](#)

Заславский Петр Савельевич (р. 1890) — член КПСС с 1905 г.; многие годы руководящий партийный работник — [460](#), [543](#), [680](#)

Захар — Сильвестров Захар Васильевич, муж О. Д. Чертковой, друга М. Ф. Андреевой — [69](#)

Захарченко Иван Григорьевич (1882 – 1960) — активный участник первой русской революции — [533](#)

Збруева Евгения Ивановна (1869 – 1936) — оперная артистка (контральто), профессор пения Петербургской, а затем Московской консерватории, заслуженная артистка РСФСР — [337](#)

Званцев Николай Николаевич (1871 – 1923) — артист МХТ с 1903 по 1911 г., затем режиссер театра Незлобина — [244](#)

Зеликсон Лазарь Самойлович — заведующий Отделом народного образования в Петрограде в годы гражданской войны — [273](#), [274](#), [278](#), [279](#)

Зелинский Николай Дмитриевич (1862 – 1953) — советский ученый-химик, академик — [501](#), [583](#)

Зернов Сергей Алексеевич (1871 – 1945) — советский ученый-зоолог, гидробиолог, академик — [501](#)

Зина, Зиновий, Зиновий Алексеевич, Заволжский — Пешков Зиновий Алексеевич (Свердлов Зиновий Михайлович), крестник А. М. Горького; при крещении принял фамилию Пешков — [70](#), [112](#), [129](#), [132](#), [148](#), [151](#), [153](#), [154](#), [167](#), [336](#), [349](#)

Зингер Пауль (1844 – 1911) — видный деятель германской социал-демократии, один из ближайших соратников А. Бебеля, В. Либкнехта — [97](#)

Знаменский Николай Антонович (1884 – 1921) — артист МХТ с 1906 по 1921 г. — [232](#)

Золотарев Алексей Алексеевич (1878 – 1950) — писатель — [186](#)

Золя Эмиль (1840 – 1902) — [216](#)

Зубов Константин Александрович (1888 – 1956) — актер, режиссер, театральный деятель, народный артист СССР — [558](#)

Ибсен Генрик (1828 – 1906) — [33](#) – [35](#), [44](#), [213](#), [226](#), [262](#), [263](#), [309](#), [372](#), [511](#), [512](#)

Иван Алексеевич — см. [Бунин И. А.](#)

Иван Иванович — см. [Манухин И. И.](#)

Иван Павлович, И. П. — см. [Ладыжников И. П.](#)

Иванов Вячеслав Иванович (1866 – 1949) — поэт-символист, после 1917 г. эмигрант — [478](#)

Ивановский Александр Викторович (р. 1881) — кинорежиссер и сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР — [297](#)

Игнатьев Александр Михайлович (1879 – 1936) — активный участник первой русской революции, в советское время известный изобретатель в области инструментальной техники — [307](#)

Игорь, Игорек, Горюня, Алексеев Игорь Константинович (р. 1894), сын К. С. Станиславского, научный сотрудник Музея МХАТ — [141](#), [144](#), [157](#), [178](#), [184](#), [205](#), [232](#)

Извольский Александр Петрович (1856 – 1919) — министр иностранных дел с 1906 по 1910 г. — [540](#)

Иллариya Владимировна — жена А. В. Амфитеатрова — [149](#), [150](#)

Ильинский Игорь Владимирович (р. 1901) — артист, режиссер, народный артист СССР — [334](#)

Иола Игнатьевна — первая жена Ф. И. Шаляпина (урожденная Торнаги; р. 1873) — [90](#), [308](#)

Иорданские — Николай Иванович (псевдоним — Негорев; 1876 – 1928), член РСДРП, меньшевик, с 1922 г. член КПСС, редактор журнала «Современный мир»; и Мария Карловна (Куприна-Иорданская; р. 1879), издательница журнала «Современный мир» — [141](#)

Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (1859 – 1935) — композитор и дирижер, с 1917 г. ректор Московской консерватории, народный артист РСФСР — [37](#), [506](#), [507](#), [509](#)

Исай — Дворицин Исай Григорьевич (1876 – 1942), певец, заслуженный артист РСФСР; был секретарем Ф. И. Шаляпина — [277](#)

Ирина — Шаляпина Ирина Федоровна (р. 1900), дочь Ф. И. Шаляпина — [308](#)

Калужский — см. [Лужский В. В.](#)

Каменская Ольга Александровна — жена В. М. Каменского — [151](#), [218](#)

Каменский Василий Михайлович — совладелец волжского пароходства «Братья Каменские», нижегородец, знакомый А. М. Горького — [151](#), [218](#), [227](#), [496](#)

Камо — партийная кличка революционера-большевика Тер-Петросяна Семена Аршаковича (1882 – 1922) — [346](#)

Канегиссер Николай Самойлович — врач — [73](#), [74](#), [526](#)

Капуана Луиджи (1839 – 1915) — итальянский писатель — [165](#), [167](#)

Каржанский Николай Семенович (р. 1879) — член РСДРП с 1902 г., после

II съезда партии большевик; в 1914 г. отошел от партийной работы, занимается литературной деятельностью — [244](#)

Карпов Евтихий Павлович (1857 – 1926) — главный режиссер Александринского театра, драматург — [242](#)

Касаткин Николай Алексеевич (1859 – 1930) — академик живописи, народный художник РСФСР — [60](#)

Касторский Сергей Васильевич — литературовед — [324](#), [325](#), [668](#)

Катя — см. [Желябужская Е. А.](#), [Крит Е. Ф.](#), [Мунт Е. М.](#)

Каутский Карл (1854 – 1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма — [97](#), [126](#), [542](#)

Каутская Луиза — жена Карла Каутского — [119](#), [126](#), [127](#), [620](#)

Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875 – 1948) — артист МХТ с 1900 г., народный артист СССР — [36](#), [45](#), [53](#), [56](#), [67](#), [68](#), [88](#), [179](#), [191](#), [198](#), [232](#), [233](#), [246](#), [315](#), [329](#) – [331](#), [333](#), [334](#), [367](#), [369](#), [372](#), [374](#), [424](#), [425](#), [428](#), [429](#), [433](#), [518](#), [519](#), [522](#), [537](#), [550](#), [605](#)

Каянус Роберт (1856 – 1933) — финский дирижер и композитор — [382](#)

Кей Эллен (1849 – 1926) — шведская писательница — [125](#), [619](#)

Келлерман Бернгард (1879 – 1951) — немецкий писатель — [212](#)

Кизер Ганс (р. 1882) — немецкий писатель, драматург — [226](#)

Кира — Алексеева-Фальк Кира Константиновна (р. 1891), дочь К. С. Станиславского; директор Дома-музея К. С. Станиславского — [25](#), [141](#), [155](#) – [157](#), [160](#), [178](#), [184](#), [205](#)

Кирпичев Михаил Викторович (1879 – 1955) — советский ученый-теплотехник, академик — [583](#)

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868 – 1959) — актриса МХТ, народная артистка СССР — [32](#), [42](#), [45](#), [46](#), [51](#), [52](#), [56](#), [88](#), [169](#), [179](#), [191](#), [198](#), [234](#), [246](#), [299](#), [332](#), [333](#), [341](#), [372](#), [400](#), [514](#), [520](#), [550](#)

Княжевич Елена Ивановна — драматическая актриса, жена М. П. Арцыбашева — [240](#)

Ковалевский Максим Максимович (1851 – 1916) — историк, политический деятель буржуазно-либерального направления — [248](#)

Коллонтай Александра Михайловна (1872 – 1952) — участница революционного движения с 1890-х гг., член партии большевиков с 1915 г.; после Октябрьской революции государственный деятель, советский дипломат — [321](#)

Колосова Евгения Михайловна — драматическая актриса, научный сотрудник Музея МХАТ — [259](#), [422](#)

Кольберг Вера Николаевна (1872 – 1954) — знакомая А. М. Горького, участница революционного движения — [346](#), [517](#), [518](#), [533](#)

Коля — см. [Румянцев Н. А.](#)

Комаровская Надежда Ивановна — драматическая актриса, заслуженная артистка РСФСР — [171](#), [297](#), [423](#), [675](#)

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864 – 1910) — драматическая актриса, театральная деятель — [69](#), [76](#), [78](#), [101](#), [102](#), [329](#), [330](#), [375](#), [395](#), [464](#), [478](#), [523](#) –

[525](#), [528](#), [535](#)

Комиссаржевский Федор Федорович (1882 – 1953) — режиссер, брат В. Ф. Комиссаржевской — [215](#)

Коонен Алиса Георгиевна (р. 1889) — с 1905 по 1913 г. актриса МХТ, с 1914 по 1949 г. — Московского Камерного театра, народная артистка РСФСР — [228](#)

Копяткевич Александр Антонович (ум. 1960) — руководящий работник Петрограда в годы гражданской войны — [260](#), [653](#)

Коренева Лидия Михайловна (р. 1885) — артистка МХТ с 1904 г., народная артистка РСФСР — [233](#)

Корин Павел Дмитриевич (р. 1892) — живописец, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР — [326](#)

Корнейчук Александр Евдокимович (р. 1905) — украинский советский драматург, государственный и общественный деятель — [459](#)

Коровин Константин Алексеевич (1861 – 1939) — академик живописи, театральный художник — [65](#), [294](#)

Корчагина-Александровская Екатерина Павловна (1874 – 1951) — драматическая актриса, народная артистка СССР — [407](#)

Корш Федор Адамович (1852 – 1927) — антрепренер; в 1882 г. организовал в Москве драматический театр, известный под названием «Театр Корша» — [31](#), [231](#), [244](#), [311](#)

Котарбинский Василий Александрович (1849 – 1921) — художник — [401](#)

Коцюбинский Михаил Михайлович (1864 – 1913) — выдающийся украинский писатель, революционный демократ — [152](#) – [154](#), [158](#), [177](#), [206](#), [479](#), [547](#), [626](#)

Коцюбинская Вера Иустиновна — жена М. М. Коцюбинского — [153](#), [154](#), [159](#), [206](#), [207](#), [547](#)

Коштыянец Хачатур Седракович (1900 – 1961) — физиолог, член-корреспондент Академии наук СССР — [583](#)

К. П., Константин Петрович — см. [Пятницкий К. П.](#)

Крамольников Григорий Иннокентьевич (партийные клички «Григорий», «Виктор»; р. 1880) — член РСДРП с 1898 г., в 1907 г. примкнул к меньшевикам, в 1919 г. вступил в ВКП (б), работал в ИМЛ при ЦК КПСС — [352](#)

Крамской Иван Николаевич (1837 – 1887) — живописец, крупнейший русский портретист, один из основателей и идеологов Товарищества передвижников — [506](#)

Красиков Петр Ананьевич (партийные клички «Игнат», «Павлович», «Панкрат», «Антон»; 1870 – 1939) — профессиональный революционер, видный деятель Коммунистической партии и Советского государства — [341](#), [342](#), [517](#)

Красин Леонид Борисович (1870 – 1926) — один из выдающихся организаторов периода подполья большевистской партии; в советские годы видный государственный деятель — [5](#), [90](#), [95](#), [106](#), [108](#), [113](#), [114](#), [133](#), [224](#), [227](#), [272](#), [273](#), [281](#), [284](#), [288](#), [319](#), [342](#), [349](#), [376](#), [378](#), [384](#), [496](#), [517](#), [528](#), [529](#), [532](#), [537](#), [539](#), [576](#), [578](#), [579](#), [608](#), [614](#), [615](#), [621](#), [622](#), [655](#)

Красковская Татьяна Васильевна (1887 – 1943) — актриса МХТ в 1901 – 1904 и 1911 – 1943 гг. — [167](#), [170](#), [171](#), [175](#) – [180](#), [188](#), [189](#), [197](#), [210](#), [552](#), [631](#)

Красовский (Кровский) Иван Федорович (ум. 1938) — артист Общества искусства и литературы, затем играл в МХТ и в Малом театре (до конца жизни) — [38](#)

Кржижановский Глеб Максимилианович (1872 – 1959) — старейший участник революционного движения, член КПСС с 1893 г., выдающийся ученый-энергетик, академик, друг В. И. Ленина — [189](#), [357](#), [501](#), [511](#), [517](#), [582](#), [585](#), [671](#)

Криницкий Марк (Самыгин М. В.; 1874 – ?) — писатель — [243](#)

Кристов-Миролюбов К. (1866 – 1919) — болгарский писатель, критик и литературовед — [182](#)

Крит Владимир Александрович — муж сестры М. Ф. Андреевой, В. Ф. Крит — [56](#), [115](#), [243](#), [348](#)

Крит Екатерина Федоровна (р. 1874 – ?) — сестра М. Ф. Андреевой — [49](#), [55](#), [56](#), [74](#), [76](#), [77](#), [95](#), [102](#) – [105](#), [109](#), [112](#), [113](#), [115](#), [187](#), [236](#), [243](#), [345](#), [348](#), [529](#), [530](#), [536](#), [597](#), [658](#)

Кропотов Николай Николаевич (ум. 1919) — активный участник первой русской революции, ведал мастерской по изготовлению бомб при Московском комитете РСДРП — [517](#), [532](#)

Крупская Надежда Константиновна (1869 – 1939) — [99](#), [129](#), [143](#), [281](#), [287](#), [289](#)

Крылов Алексей Николаевич (1863 – 1945) — советский ученый, математик, кораблестроитель, академик — [366](#)

Крючков Петр Петрович (1889 – 1938) — секретарь А. М. Горького — [273](#), [293](#), [294](#), [296](#), [299](#), [310](#), [315](#)

Кугель Александр Рафаилович (1863 – 1928) — театральный критик и публицист, основатель и редактор журнала «Театр и искусство» — [151](#)

Кузмин Михаил Алексеевич (1875 – 1936) — поэт, драматург, беллетрист — [312](#)

Кузнецов Евгений Михайлович (1900 – 1958) — театральный критик, автор ряда работ о театре, цирке, эстраде, заслуженный деятель искусств РСФСР — [323](#), [324](#), [409](#), [436](#), [575](#), [674](#)

Кузнецов Степан Леонидович (1879 – 1932) — драматический актер, с 1925 г. — в Малом театре, народный артист РСФСР — [558](#)

Куклин Георгий Аркадьевич (ум. 1907) — член РСДРП с 1905 г.; большевик; собранная им большая библиотека в Женеве перешла по его завещанию в распоряжение большевистской партии — [132](#)

Купер Эмиль Альбертович (1879 – 1960) — дирижер Большого и Мариинского театров — [277](#)

Куприн Александр Иванович (1870 – 1938) — [41](#), [45](#), [180](#), [285](#)

Кустодиев Борис Михайлович (1878 – 1927) — академик живописи, театральный художник — [304](#)

Кюри-Склодовская Мария (1867 – 1934) — выдающийся ученый, один из основоположников науки о радиоактивных веществах — [120](#)

Лабриола Артуро (р. 1875) — итальянский политический деятель, автор книг по теории синдикализма; в 1950 г. был избран членом Всемирного Совета Мира — [123](#)

Лаврентьев Андрей Николаевич (1882 – 1935) — режиссер, заслуженный деятель искусств — [265](#), [274](#), [309](#), [310](#), [443](#) – [445](#), [457](#), [566](#), [572](#), [573](#), [581](#), [664](#)

Ладыжников Иван Павлович (1874 – 1945) — участник революционного социал-демократического движения с 1890-х гг. Руководитель книгоиздательства «Ферлаг» («Издательство И. П. Ладыжникова»), созданного в Берлине в 1905 г. по заданию ЦК партии большевиков для пополнения денежных средств на нужды революционного движения — [74](#), [99](#), [104](#), [105](#), [111](#), [115](#), [119](#), [120](#), [137](#), [140](#), [183](#), [191](#), [198](#) – [201](#), [205](#), [209](#), [210](#), [218](#), [220](#), [222](#), [226](#), [227](#), [237](#), [238](#), [243](#), [244](#), [246](#), [248](#), [249](#), [282](#), [284](#), [285](#), [289](#), [307](#), [349](#), [497](#), [541](#), [545](#), [546](#), [549](#), [552](#), [554](#), [581](#), [605](#)

Лансере Евгений Евгеньевич (1875 – 1946) — академик живописи, народный художник РСФСР — [534](#)

Лапицкий (Михайлов) Иосиф Михайлович (ум. 1944) — режиссер оперных театров, заслуженный артист РСФСР — [273](#), [277](#), [279](#), [280](#), [467](#)

Лебедев Владимир Николаевич (1882 – 1951) — советский ученый-биолог — [583](#)

Лебедев Петр Николаевич (1866 – 1912) — выдающийся ученый-физик, основатель первой школы физиков в России — [331](#)

Левберг Мария Евгеньевна (ум. 1934) — драматург — [263](#), [422](#), [575](#)

Левитан Исаак Ильич (1860 – 1900) — [513](#)

Лелева М. П. — см. [Юрковская М. П.](#)

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870 – 1924) — [4](#), [5](#), [93](#) – [99](#), [129](#), [130](#), [132](#), [138](#), [142](#), [143](#), [188](#), [257](#), [266](#), [271](#), [272](#), [274](#), [278](#), [282](#) – [284](#), [287](#) – [289](#), [294](#), [295](#), [325](#), [339](#), [344](#), [345](#), [349](#), [351](#) – [353](#), [364](#), [365](#), [381](#), [387](#), [430](#), [431](#), [439](#), [455](#), [456](#), [459](#) – [461](#), [470](#), [479](#), [480](#), [517](#), [527](#), [529](#), [542](#) – [546](#), [549](#), [568](#) – [572](#), [576](#) – [580](#), [582](#), [584](#), [586](#)

Ленский Александр Павлович (1847 – 1908) — деятель русского театра, актер, режиссер, театральный педагог — [27](#), [403](#)

Леонид — см. [Андреев Л. Н.](#)

Леонидов Леонид Миронович (1873 – 1941) — артист МХТ с 1903 г. народный артист СССР — [191](#), [232](#), [318](#), [550](#)

Леонов Максим Леонович (1872 – 1929) — крестьянский поэт-самоучка — [247](#)

Лесков Николай Семенович (1831 – 1895) — [304](#)

Лещенко Дмитрий Ильич (1876 – 1937) — член КПСС с 1900 г.; в первые годы после Октябрьской революции председатель Всероссийского кинокомитета — [275](#), [288](#), [291](#)

Лианозов Степан Гаврилович — нефтепромышленник, бывший владелец здания МХТ — [214](#), [227](#), [496](#)

Либер (Гольдман М. И.; 1880 – 1937) — один из лидеров Бунда — [96](#)

Либерман Лев — работник Наркомпроса — [291](#), [661](#)

Либерман Макс (1847 – 1935) — немецкий художник-импрессионист — [463](#)

Либкнехт Карл (1871 – 1919) — выдающийся деятель международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии — [97](#), [470](#)

Лилина (Перевощикова) Мария Петровна (1866 – 1943) — актриса МХТ со дня его основания, народная артистка РСФСР, жена К. С. Станиславского — [21](#), [25](#), [26](#), [28](#), [32](#), [42](#), [46](#), [51](#) – [53](#), [89](#), [141](#), [142](#), [144](#), [145](#), [157](#), [160](#), [170](#), [178](#), [184](#), [205](#), [232](#), [246](#), [251](#), [350](#), [351](#), [372](#), [400](#), [510](#), [512](#) – [514](#), [520](#), [521](#)

Липа — см. [Черткова О. Д.](#)

Лискун Ефим Федотович (1873 – 1958) — советский ученый, действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина — [583](#)

Литвинов Максим Максимович (партийная кличка «Папаша»; 1876 – 1951) — профессиональный революционер, один из старейших деятелей Коммунистической партии, выдающийся советский дипломат — [532](#)

Литовцева Нина Николаевна (1877 – 1956) — актриса и режиссер МХАТ, народная артистка РСФСР, жена В. И. Качалова — [68](#), [79](#), [169](#), [424](#), [521](#)

Лихачев Василий Ильич (р. 1879) — драматический актер — [394](#), [673](#)

Лопе де Вега Карпью (1562 – 1635) — [226](#)

Лужский (Калужский) Василий Васильевич (1869 – 1931) — актер, режиссер; в Обществе искусства и литературы с 1890 г.; в МХТ — со дня его основания — [21](#), [32](#), [38](#), [233](#), [246](#), [330](#), [510](#), [513](#)

Лукиянов Дмитрий Иванович — марксист, участник революционного студенческого движения конца 1890-х и начала 1900-х гг. — [55](#), [57](#), [340](#), [509](#)

Луначарский Анатолий Васильевич (1875 – 1933) — [99](#), [120](#), [123](#), [137](#), [149](#), [150](#), [258](#), [260](#), [265](#), [266](#), [271](#), [273](#) – [275](#), [281](#), [309](#) – [314](#), [316](#), [317](#), [365](#), [412](#), [415](#), [430](#), [431](#), [437](#) – [439](#), [443](#), [453](#), [461](#), [463](#) – [481](#), [483](#) – [486](#), [494](#), [543](#), [545](#), [546](#), [561](#), [564](#), [567](#) – [571](#), [580](#), [581](#)

Луначарская Анна Александровна — [127](#), [275](#), [620](#)

Луначарская-Розенель Наталья Александровна — драматическая актриса — [312](#), [316](#), [317](#), [463](#) – [465](#), [484](#), [485](#), [680](#)

Луппол Иван Капитонович (1896 – 1942) — литературовед, академик, в 30-х гг. директор Института мировой литературы АН СССР и главный редактор Гослитиздата — [338](#)

Любатович Ольга Спиридоновна — участник народныхольческих кружков в [70](#) – 80-х гг. прошлого столетия — [120](#)

Люксембург Роза (1871 – 1919) — выдающийся деятель польского и германского революционного движения, один из основателей Коммунистической партии Германии — [97](#), [460](#), [470](#), [542](#)

Лядов Мартын Николаевич (1872 – 1947) — старейший участник социал-демократического движения, с 1893 г. член РСДРП, активный участник первой русской революции, в советские годы партийный и государственный деятель — [361](#)

Маклаков Василий Алексеевич (р. 1870) — адвокат, деятель кадетской

партии, эмигрант — [54](#), [193](#), [383](#)

Макс, Максим — см. [Пешков М. А.](#)

Максакова Мария Петровна (р. 1902) — певица (меццо сопрано), народная артистка РСФСР — [488](#)

Максимов (Самусь) Владимир Васильевич (1880 – 1937) — артист драмы, один из первых русских киноактеров, режиссер, театральный педагог, заслуженный артист Республики — [259](#), [263](#), [431](#), [443](#), [457](#), [560](#), [561](#), [572](#), [573](#), [662](#)

Малянтович Павел Николаевич — адвокат — [108](#), [113](#), [114](#), [130](#), [133](#), [219](#), [539](#), [615](#)

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852 – 1912) — [41](#), [45](#)

Манухин Иван Иванович (р. 1882) — врач, лечивший А. М. Горького — [73](#), [221](#), [236](#), [238](#), [247](#), [248](#), [250](#)

Манькин-Невструев Николай Александрович — композитор, музыкальный деятель — [234](#), [518](#)

«Марат» — см. [Шанцер В. Л.](#)

Марджанов Константин Александрович (Котэ Марджанишвили; 1872 – 1933) — театральный деятель, режиссер, народный артист Грузинской ССР — [210](#), [211](#), [214](#) – [217](#), [228](#), [229](#), [394](#), [420](#), [438](#), [455](#), [481](#), [483](#), [484](#), [524](#), [552](#) – [554](#), [571](#), [572](#)

Марина — Андреева Марина Борисовна (р. 1931) — приемная дочь М. Ф. Андреевой — [323](#)

Мариотт Эмиль (1855 – 1938) — австрийский драматург — [32](#)

Маркс Карл (1818 – 1883) — [258](#), [340](#), [363](#), [416](#), [509](#), [516](#)

Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович; 1873 – 1923) — один из лидеров меньшевизма, после Октябрьской революции занимал антисоветскую позицию, эмигрант — [96](#), [460](#)

Маслов Петр Павлович (1867 – 1946) — экономист, академик — [501](#), [502](#)

Маяковский Владимир Владимирович (1893 – 1930) — [254](#) – [256](#), [586](#)

Мгеладзе В. Д. (партийная кличка «Триа»; 1868 – ?) — грузинский меньшевик, участник революционного движения в Персии 1907 – 1908 гг.; позднее член меньшевистского правительства Грузии — [96](#), [97](#), [142](#), [544](#)

Медведева Надежда Михайловна (1832 – 1899) — актриса Малого театра — [22](#) – [24](#), [27](#), [508](#)

Мейер Вильгельм (1853 – 1910) — немецкий профессор-астроном; много лет жил на Капри — [139](#)

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874 – 1942) — театральный деятель, режиссер, народный артист Республики — [42](#), [89](#), [304](#), [316](#), [333](#) – [335](#), [367](#), [374](#), [478](#), [569](#), [570](#), [608](#), [666](#), [669](#)

Менделеев Дмитрий Иванович (1834 – 1907) — [506](#)

Менжинская Вера Рудольфовна (1872 – 1944) — старейший член большевистской партии, в годы гражданской войны работник Наркомпроса — [274](#), [279](#) – [281](#)

Менжинская Людмила Рудольфовна (1876 – 1933) — старейший член большевистской партии, руководящий работник Наркомпроса — [281](#)

Менжинская Мария Николаевна (ум. 1925) — жена В. Р. Менжинского — [288](#), [495](#)

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874 – 1934) — член КПСС с 1902 г., видный деятель Коммунистической партии и Советского государства — [288](#)

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866 – 1941) — реакционный писатель, драматург, идеолог символизма, белоэмигрант — [285](#), [330](#), [478](#)

Меркуров Сергей Дмитриевич (1881 – 1952) — скульптор, действительный член Академии художеств СССР — [479](#)

Метерлинк Морис (1862 – 1949) — бельгийский писатель, драматург — [158](#), [522](#)

М. И., Мария Игнатьевна — Будберг (Бенкендорф, Закревская; р. 1892) — секретарь А. М. Горького — [294](#)

Милуков Павел Николаевич (1859 – 1943) — руководитель кадетской партии, буржуазный историк; после 1917 г. один из лидеров белой эмиграции — [248](#), [306](#)

Минский (Виленкин) Николай Максимович (1855 – 1937) — поэт-символист, переводчик; после 1917 г. эмигрант — [94](#), [95](#)

Минц Исаак Израилевич (р. 1896) — советский историк, академик — [583](#)

Миролюбив (Миров) Виктор Сергеевич (1860 – 1939) — журналист, редактор, издатель — [39](#), [45](#), [166](#), [172](#), [240](#), [596](#)

Митин Марк Борисович (р. 1901) — советский философ, академик — [351](#)

Михайловский Николай Николаевич (1874 – 1923) — артист, антрепренер — [235](#), [524](#)

Михайловский Н. Г. — см. [Гарин-Михайловский Н. Г.](#)

Михоэлс (Вовси) Соломон Михайлович (1890 – 1948) — актер, режиссер, театральный деятель, народный артист СССР — [314](#)

Мичурин Геннадий Михайлович — драматический актер, заслуженный артист РСФСР — [259](#), [457](#)

Мограчев Сергей Захарович (р. 1887) — скульптор — [479](#)

Монахов Николай Федорович (1875 – 1936) — актер оперетты, драмы, театральный деятель, народный артист РСФСР — [223](#), [228](#) – [230](#), [259](#), [263](#), [437](#), [440](#), [442](#), [457](#), [480](#), [555](#), [564](#), [566](#), [572](#) – [575](#)

Монахова Александра Владимировна — драматическая актриса, жена Н. Ф. Монахова — [228](#), [230](#)

Мопассан Ги, де (1850 – 1893) — [216](#)

Морозов Николай Александрович (1854 – 1946) — активный деятель революционного движения 1870-х гг., член исполнительного комитета «Народной воли», почетный член Академии наук СССР — [120](#)

Морозов Петр Осипович (1854 – 1920) — историк русской литературы и театра, переводчик — [262](#)

Морозов Савва Тимофеевич (1862 – 1905) — фабрикант, один из пайщиков и директоров Художественного театра — [48](#), [57](#), [67](#), [73](#), [76](#), [78](#), [80](#), [108](#), [110](#), [113](#), [133](#), [172](#), [323](#), [341](#), [342](#), [349](#), [357](#), [516](#) – [518](#), [524](#), [539](#)

Москвин Иван Михайлович (1874 – 1946) — актер МХТ со дня его основания, народный артист СССР — [31](#), [33](#), [36](#), [45](#), [88](#), [142](#), [169](#) – [171](#), [177](#) –

[179](#), [191](#), [198](#), [232](#), [234](#), [246](#), [324](#), [333](#), [426](#), [428](#), [433](#), [466](#), [472](#), [494](#), [513](#), [550](#), [581](#)

Мунт Екатерина Михайловна (1875 – 1954) — драматическая актриса — [51](#), [90](#), [535](#)

Муратова Елена Павловна (1874 – 1921) — актриса МХТ с 1901 г. — [144](#), [169](#), [624](#)

Муромцев Сергей Андреевич (1850 – 1910) — юрист, один из основателей кадетской партии, председатель I Гос. думы — [151](#)

Мчеделов Вахтанг Леванович (1884 – 1924) — режиссер — [231](#), [233](#), [235](#) – [237](#), [557](#), [645](#)

Мюнценберг Вилли — один из руководителей Коммунистической партии Германии, председатель общества «Международная рабочая помощь» — [494](#), [495](#)

Надежда Константиновна, Надя — см. [Крупская Н. К.](#)

Надеждин Степан Николаевич (ум. 1934) — художественный руководитель петроградского Театра комедии — [311](#), [422](#)

Найденов (Алексеев) Сергей Александрович (1868 – 1922) — драматург, печатался в сборниках «Знание» — [396](#), [522](#), [525](#)

Наталья Богдановна — жена А. А. Богданова — [132](#)

Наташа — Ладыжникова Наталья Ивановна (р. 1906), дочь И. П. Ладыжникова — [119](#), [206](#), [238](#), [240](#), [285](#)

Негри Ада (1870 – 1945) — итальянская поэтесса — [399](#)

Незлобии (Алябьев) Константин Николаевич (1857 – 1930) — антрепренер, актер, режиссер; с 1909 по 1918 г. имел свой театр в Москве — [76](#), [169](#), [223](#), [236](#), [240](#), [242](#), [250](#), [329](#), [394](#), [440](#), [513](#), [523](#) – [525](#), [558](#) – [560](#)

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858 – 1943) — [29](#), [31](#) – [35](#), [40](#), [45](#), [49](#), [51](#), [52](#), [55](#), [56](#), [82](#), [141](#), [179](#), [210](#), [211](#), [220](#), [232](#), [234](#), [245](#), [328](#), [332](#), [333](#), [341](#), [371](#), [402](#), [423](#), [457](#), [489](#), [490](#), [492](#), [511](#), [512](#), [514](#), [515](#), [520](#), [521](#), [533](#), [534](#), [557](#)

Нетупская Ядвига Адольфовна — в годы гражданской войны заведовала Губполитпросветом Петрограда — [279](#), [286](#), [312](#)

Никитин Иван Саввич (1824 – 1861) — поэт — [278](#)

Николай Александрович — см. [Румянцев Н. А.](#)

Николай Григорьевич — см. [Александров Н. Г.](#)

Никулин Лев Вениаминович (р. 1891) — советский писатель — [434](#), [571](#)

Новодворский (Осипович) Андрей Осипович (1853 – 1882) — писатель — [120](#)

Нугес Жан (1875 – 1932) — французский композитор — [157](#)

Образцов Владимир Николаевич (1874 – 1949) — советский ученый, специалист в области ж.-д. транспорта, академик — [583](#)

Оке Нина — падчерица Л. Б. Красина — [294](#)

Окулов Алексей Иванович — ученик театральной школы МХТ, активный участник первой русской революции — [367](#), [519](#)

Ольга Михайловна — первая жена В. Э. Мейерхольда — [90](#)

Орлик Эмиль — чешский художник — [463](#)

Орлов Александр Сергеевич (1871 – 1947) — историк литературы, академик — [501](#)

Островский Александр Николаевич (1823 – 1886) — [22](#), [36](#), [278](#), [304](#), [405](#), [406](#), [506](#), [507](#), [508](#), [511](#), [558](#), [559](#), [569](#)

Охлопков Николай Павлович (р. 1900) — актер, режиссер, театральный деятель, народный артист СССР — [408](#), [482](#)

Павлов Дмитрий Александрович — активный участник первой русской революции; в годы гражданской войны был на руководящей партийной работе — [346](#)

Павлова Вера Николаевна — актриса МХТ с 1898 по 1919 г. — [145](#)

Павлова-Сильванская Евгения Федоровна (р. 1878) — сестра М. Ф. Андреевой — [69](#), [145](#), [323](#)

Павлов-Сильванский Владимир Николаевич — муж сестры М. Ф. Андреевой, врач-хирург — [145](#)

Певцов Илларион Николаевич (1879 – 1934) — драматический актер, народный артист РСФСР — [429](#)

Перовская Софья Львовна (1853 – 1881) — видный деятель «Народной воли»; принимала активное участие в подготовке покушения на Александра II, казнена вместе с другими участниками покушения — [120](#)

Петр Петрович, П. П. — см. [Крючков П. П.](#)

Петров Николай Васильевич (р. 1892) — режиссер, театральный педагог, народный артист РСФСР — [438](#), [452](#), [453](#), [457](#), [566](#), [571](#), [572](#), [680](#)

Петровский Григорий Иванович (1878 – 1958) — член КПСС с 1898 г., депутат IV Гос. думы от рабочей курии, старейший деятель Коммунистической партии и Советского государства — [189](#), [549](#)

Пешков Максим Алексеевич (1897 – 1934) — сын А. М. Горького — [120](#), [156](#), [249](#), [285](#), [294](#), [315](#), [318](#), [477](#)

Пешкова Екатерина Павловна (р. 1878) — первая жена А. М. Горького — [75](#), [105](#), [156](#), [295](#), [318](#), [534](#)

Писемский Алексей Феофилактович (1821 – 1881) — [31](#)

Плеханов Георгий Валентинович (1856 – 1918) — [96](#), [353](#), [460](#)

Подгорный Николай Афанасьевич (1879 – 1947) — актер МХТ с 1903 т., заслуженный деятель искусств РСФСР — [234](#)

Попов Николай Александрович (1871 – 1949) — театральный деятель, режиссер, драматург, историк театра, заслуженный артист РСФСР — [19](#) – [21](#), [237](#), [528](#)

Попов Сергей Александрович (1872 – 1942) — театральный деятель — [19](#), [22](#)

Поссарт Эрнст (1841 – 1921) — немецкий драматический актер — [463](#)

Потресов Александр Николаевич (псевдоним — Старовер; 1869 – 1934) — один из лидеров меньшевизма, после Октябрьской революции эмигрант — [242](#)

Преображенская Ольга Ивановна — драматическая актриса — [259](#)

Прокопе — переводчик произведений А. М. Горького на шведский язык — [347](#), [384](#)

Прокофьев Иван Александрович — директор торговой фирмы, один из самых крупных пайщиков Общества искусства и литературы — [19](#)

Прохоров Семен Маркович (1873 – 1948) — советский художник — [547](#)

Пудовкин Всеволод Илларионович (1893 – 1953) — кинорежиссер, народный артист СССР — [312](#), [407](#), [472](#)

Пунин Николай Николаевич: (1888 – 1953) — искусствовед — [277](#), [570](#)

Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837) — [234](#), [262](#), [328](#)

Пятницкий Константин Петрович (1864 – 1938) — руководитель издательства «Знание» — [48](#), [59](#), [66](#), [68](#) – [70](#), [73](#) – [77](#), [82](#), [92](#) – [95](#), [103](#) – [105](#), [110](#), [111](#), [114](#), [137](#), [149](#), [158](#), [166](#), [169](#), [171](#), [173](#), [176](#), [183](#), [184](#), [201](#), [211](#), [347](#), [523](#), [526](#), [527](#), [529](#), [534](#), [538](#), [540](#), [542](#), [549](#), [601](#)

Радлов Сергей Эрнестович (ум. 1958) — режиссер, драматург — [435](#), [455](#)

Радченко Иван Иванович (1874 – 1942) — профессиональный революционер, крупный советский хозяйственник — [189](#)

Раевская (Иерусалимская) Евгения Михайловна (1854 – 1932) — актриса МХТ со дня его основания; заслуженная артистка РСФСР — [89](#), [191](#), [198](#), [233](#), [246](#), [550](#)

Райх Зинаида Николаевна (ум. 1939) — драматическая актриса, жена В. Э. Мейерхольда — [316](#)

Рейнгардт Макс (1873 – 1943) — немецкий театральный деятель, режиссер и актер — [463](#)

Рейснер Лариса Михайловна (1895 – 1926) — писательница, член КПСС с 1918 г. — [252](#), [253](#), [435](#), [567](#), [651](#)

Репин Илья Ефимович (1844 – 1930) — [82](#), [145](#), [435](#), [506](#), [675](#)

Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844 – 1908) — [415](#)

Рожественский Зиновий Петрович (1848 – 1909) — вице-адмирал русского флота, один из главных виновников гибели 2-й Тихоокеанской эскадры в Цусимском сражении 1905 г. — [77](#)

Рожков Николай Александрович (1868 – 1927) — историк, член РСДРП с 1905 г., большевик; в годы реакции перешел к меньшевикам, с которыми порвал в 1922 г.; в дальнейшем занимался научно-педагогической деятельностью — [295](#)

Роксанова (Петровская) Мария Людомировна (1874 – 1958) — драматическая актриса — [32](#), [42](#), [235](#), [341](#), [524](#), [646](#)

Роман Петрович — Абрамов (Аврамов), член РСДРП с 1904 г., общественный деятель, издательский работник — [137](#)

Ромашов Борис Сергеевич (1895 – 1958) — драматург, заслуженный деятель искусств РСФСР — [482](#)

Рубинштейн Борис Николаевич — работник «Издательства И. П. Ладыжникова» в Берлине — [187](#), [291](#)

Рукавишников Иван Сергеевич (1877 – 1930) — писатель — [83](#), [85](#), [86](#), [382](#)

Румянцев Николай Александрович (1874 – 1948) — администратор, помощник режиссера и член Правления МХТ с 1902 по 1925 г. — [167](#), [169](#) – [171](#), [175](#) – [177](#), [179](#), [180](#), [182](#), [184](#), [188](#), [191](#) – [193](#), [197](#), [200](#), [201](#), [204](#), [211](#), [218](#),

[223](#), [224](#), [227](#), [232](#), [237](#), [496](#), [550](#), [551](#)

Румянцев Петр Петрович (1870 – 1925) — в 1905 г. был членом ЦК РСДРП и фактическим редактором первых номеров большевистской газеты «Новая жизнь» до приезда Ленина из-за границы — [94](#), [95](#)

Рунова Ольга Павловна (1864 – 1952) — писательница — [174](#), [633](#)

Рутенберг Петр Моисеевич (р. 1878) — эсер, один из организаторов убийства Гапона. С конспиративной целью его именовали «Василий Федорович», «брат»; после 1917 г. эмигрант — [108](#), [119](#)

Рындзюнский Григорий Давидович (1873 – 1937) — секретарь дирекции МХТ с 1898 по 1910 г. — [38](#)

Сааринен Элиэль (1873 – 1950) — финский архитектор, член Петербургской Академии художеств и объединения «Мир искусства» — [347](#)

Савва Тимофеевич — см. [Морозов С. Т.](#)

Савина Мария Гавриловна (1854 – 1915) — драматическая актриса, многие годы председатель Российского театрального общества — [506](#)

Савицкая Маргарита Георгиевна (1868 – 1911) — артистка МХТ со дня его основания — [159](#), [160](#), [175](#), [341](#), [400](#), [514](#), [521](#)

Сайло Алпо — финский скульптор — [350](#), [384](#)

Самарова Мария Александровна (1852 – 1919) — актриса МХТ со дня его основания — [21](#), [191](#), [198](#), [330](#), [510](#), [550](#)

Санин Александр Акимович (1869 – 1955) — режиссер и актер; ближайший помощник К. С. Станиславского по Обществу искусства и литературы и МХТ (до 1902 г.) — [19](#) – [21](#), [27](#), [51](#), [215](#), [490](#), [492](#), [494](#), [510](#), [511](#)

Сахновский Юрий Сергеевич (1866 – 1930) — композитор, музыкальный и театральный критик, дирижер — [158](#), [248](#)

Сац Илья Александрович (1875 – 1912) — композитор и дирижер, автор музыки многих спектаклей МХТ — [428](#), [429](#), [464](#), [466](#)

Саша Черный (Гликберг Александр Михайлович; 1880 – 1933) — поэт, с 1920 г. эмигрант — [337](#)

Семашко Николай Александрович (1874 – 1949) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, первый народный комиссар здравоохранения РСФСР, действительный член Академии медицинских наук — [352](#), [583](#)

Семенов Сергей Терентьевич (1868 – 1922) — писатель и публицист, участник литературного кружка «Среда», приверженец идей Толстого — [244](#)

Серафимович (Попов) Александр Серафимович (1863 – 1949) — [329](#), [482](#), [486](#)

Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875 – 1958) — [293](#)

Сергеенко Петр Алексеевич (1854 – 1930) — писатель, автор ряда работ о Л. Н. Толстом — [50](#)

Сергей Глаголь (Голоушев Сергей Сергеевич; 1855 – 1920) — либеральный писатель, журналист и театральный критик — [241](#) – [243](#), [511](#)

Симов Виктор Андреевич (1858 – 1935) — театральный художник, работал в МХТ со дня его основания, заслуженный деятель искусств РСФСР — [31](#), [32](#),

Синельников Николай Николаевич (1855 – 1939) — актер, режиссер, театральный деятель, народный артист РСФСР — [5](#), [223](#) – [226](#), [228](#), [230](#), [231](#), [233](#), [557](#), [558](#), [643](#)

Синклер Эптон (р. 1878) — американский писатель — [124](#)

Скабичевский Александр Михайлович (1838 – 1910) — литературный критик либерального направления — [16](#)

Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870 – 1928) — один из старейших участников русского революционного движения, видный партийный и государственный деятель, литератор-марксист — [242](#), [243](#)

Скиталец (Петров) Степан Гаврилович (1869 – 1941) — писатель, входил в группу литераторов-«знаньевцев» — [41](#), [83](#) – [85](#), [100](#), [101](#), [103](#), [193](#), [399](#), [400](#), [479](#), [541](#)

Скотт Лерой (1875 – 1929) — американский писатель — [387](#)

Славеиков Пенчо (1866 – 1912) — болгарский поэт — [181](#)

Слепцов Александр Александрович (1835 – 1906) — один из основателей народнического общества «Земля и воля» — [14](#), [16](#)

Слефогт Макс (1868 – 1932) — немецкий художник — [463](#)

Смирнов Владимир Мартынович (партийная кличка «Паульсон»; ум. 1950) — активный участник революционного движения — [95](#), [281](#), [343](#), [658](#)

Собинов Леонид Витальевич (1872 – 1934) — оперный артист и театральный деятель, народный артист Республики — [221](#), [224](#), [425](#)

Соболев Юрий Васильевич (1887 – 1940) — советский театровед, критик — [560](#)

Соболь Андрей Михайлович (1888 – 1926) — писатель — [246](#)

Соколов Василий Николаевич (партийные клички «Фома Иванович», «Мирон»; 1874 – 1959) — профессиональный революционер, член КПСС с 1898 г. — [376](#), [532](#), [672](#)

Соколова Елена Демьяновна (р. 1880) — член КПСС с 1903 г., жена В. Н. Соколова — [378](#), [672](#)

Соловей — шутовское прозвище художника Ракицкого Ивана Николаевича (1883 – 1942); жил долгое время у А. М. Горького в Сорренто — [294](#)

Соловьев Алексей Степанович (1869 – 1950) — руководитель группы участников массовых сцен в спектаклях Общества искусства и литературы — [20](#)

Сологуб Федор (псевдоним Тетерникова Федора Кузьмича; 1863 – 1927) — писатель-декадент — [141](#), [247](#), [560](#)

Сомов Константин Андреевич (1869 – 1939) — живописец и театральный художник, один из видных представителей объединения «Мир искусства» — [215](#), [274](#), [402](#)

Софронов Василий Яковлевич (1884 – 1960) — драматический актер, народный артист СССР — [259](#), [457](#), [459](#)

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863 – 1938) — [5](#), [18](#) – [37](#), [40](#), [42](#), [45](#), [48](#) – [51](#), [53](#), [55](#) – [58](#), [60](#) – [65](#), [67](#), [68](#), [78](#) – [80](#), [82](#), [87](#), [88](#), [141](#), [142](#), [144](#), [145](#), [152](#), [155](#) – [160](#), [169](#), [170](#), [177](#) – [179](#), [182](#), [184](#), [203](#), [205](#), [213](#), [217](#), [220](#),

[232](#) – [234](#), [245](#), [251](#), [252](#), [318](#), [327](#) – [329](#), [332](#), [338](#) – [341](#), [350](#), [351](#), [366](#), [367](#), [406](#), [407](#), [427](#), [430](#), [433](#), [457](#), [462](#), [466](#), [468](#), [472](#), [473](#), [482](#), [489](#), [506](#) – [513](#), [515](#), [520](#), [522](#), [529](#), [531](#), [533](#), [548](#), [552](#), [556](#), [586](#), [669](#), [670](#)

Станюкович Константин Михайлович (1843 – 1903) — писатель — [10](#), [14](#), [45](#), [506](#)

Стасов Владимир Васильевич (1824 – 1906) — художественный и музыкальный критик; почетный академик Петербургской Академии художеств — [83](#), [607](#)

Стасова Елена Дмитриевна (р. 1873) — старейший деятель революционного движения, член КПСС с 1898 г., активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции; в советское время на ответственной партийной работе — [320](#), [343](#), [346](#), [519](#)

Стахович Алексей Александрович (1856 – 1919) — адъютант московского генерал-губернатора, пайщик Художественного театра, член Правления МХТ с 1907 г., актер с 1911 г. — [155](#), [157](#), [171](#), [178](#), [179](#), [235](#), [552](#)

Стрепетова Полина (Пелагея) Антипьевна (1850 – 1903) — драматическая актриса — [506](#)

Строев В. — см. [Десницкий В. А.](#)

Струве Петр Бернгардович (1870 – 1944) — буржуазный экономист и публицист, один из лидеров кадетской партии, после 1917 г. белоэмигрант — [248](#), [306](#)

Суворин Алексей Сергеевич (1834 – 1912) — реакционный журналист и издатель — [29](#), [441](#)

Сулер — см. [Сулержицкий Л. А.](#)

Сулержицкий Леопольд Антонович (1872 – 1916) — режиссер МХТ с 1905 по 1916 г., ближайший помощник К. С. Станиславского, руководил Первой студией МХТ — [35](#), [141](#), [144](#) – [146](#), [152](#), [155](#), [157](#), [204](#), [556](#), [626](#)

Сулимова Мария Леонтьевна (р. 1881) — член КПСС с 1905 г., активный участник трех революций — [586](#), [682](#)

Суходольский Василий Петрович — антрепренер — [554](#)

Сушкевич Борис Михайлович (1887 – 1946) — актер, режиссер, театральный педагог; один из основателей Первой студии МХТ — [431](#)

Сытин Иван Дмитриевич (1851 – 1934) — известный русский книгоиздатель, владелец газеты «Русское слово» — [211](#), [214](#), [217](#) – [220](#), [553](#)

Таиров Александр Яковлевич (1885 – 1950) — артист, режиссер, основатель и руководитель Московского Камерного театра, народный артист РСФСР — [228](#), [229](#)

Тамара Наталья Ивановна (1877 – 1934) — певица, актриса оперетты — [407](#), [445](#)

Тарханов Михаил Михайлович (1877 – 1948) — драматический актер, театральный педагог, народный артист СССР — [558](#)

Татьяна Васильевна — см. [Красковская Т. В.](#)

Твен Марк (Самюэл Ленгхорн Клеменс; 1835 – 1910) — [278](#), [387](#)

Тверской Константин Константинович — режиссер; в годы гражданской

войны работал в петроградских театрах — [568](#)

Теляковский Владимир Аркадьевич (1860 – 1924) — директор императорских театров (1901 – 1917) — [168](#)

Тиман Павел Густавович — директор кинофирмы «Тиман и Рейнгардт» — [246](#), [497](#)

Тиме Елизавета Ивановна (р. 1888) — актриса драмы, народная артистка РСФСР — [422](#)

Тиммх Елена — немецкая актриса, жена Макса Рейнгардта — [463](#)

Тимоша, Надя — Пешкова Надежда Алексеевна, жена М. А. Пешкова — [306](#), [318](#), [477](#)

Титов Иван Иванович (1876 – 1941) — старший машинист сцены, работал в МХТ со дня его основания — [30](#)

Тихон — так называли в семье М. Ф. Андреевой А. Н. Тихонова (А. Серебров)

Тихонов Александр Николаевич (литературный псевдоним — А. Серебров; 1880 – 1956) — писатель — [66](#), [74](#), [114](#), [147](#), [159](#), [188](#), [191](#), [194](#), [198](#), [209](#), [224](#), [244](#), [245](#), [312](#), [322](#), [323](#), [363](#), [479](#), [498](#), [524](#), [547](#), [549](#), [550](#), [558](#), [625](#), [627](#) – [630](#)

Тодоров Петко Юрданов (1879 – 1916) — болгарский писатель — [181](#), [182](#), [207](#), [208](#), [211](#), [547](#), [553](#), [634](#)

Толстой Алексей Константинович (1817 – 1875) — [29](#), [457](#)

Толстой Лев Николаевич (1828 – 1910) — [9](#), [42](#), [43](#), [54](#), [55](#), [152](#), [170](#), [295](#), [328](#), [412](#), [513](#)

Толстая Софья Андреевна (1844 – 1919) — жена Л. Н. Толстого — [50](#), [54](#), [597](#)

Тома Амбруаз (1811 – 1896) — французский композитор — [507](#)

Тренев Константин Андреевич (1876 – 1945) — советский драматург — [246](#)

Трентакоста Доминико (1859 – 1933) — итальянский скульптор — [125](#), [135](#)

Трепов Дмитрий Федорович (1855 – 1906) — в 1896 – 1905 гг. московский обер-полицмейстер; с января 1905 г. петербургский генерал-губернатор — [73](#), [74](#), [518](#), [526](#)

«Триа», «Триадзе» — см. [Мгеладзе В. Д.](#)

Туа Терезина — итальянская скрипачка-виртуоз — [125](#)

Тургенев Иван Сергеевич (1818 – 1883) — [240](#)

Уайльд Оскар (1856 – 1900) — [452](#)

Ульянова Мария Ильинична (1878 – 1937) — старейший деятель Коммунистической партии, сестра В. И. Ленина — [289](#), [517](#)

Уэллс Герберт Джордж (1866 – 1946) — [98](#)

Федин Константин Александрович (р. 1892) — [407](#)

Федоров-Юрковский Федор Александрович (1842 – 1915) — отец М. Ф. Андреевой, режиссер — [10](#), [11](#), [13](#) – [18](#), [22](#), [115](#), [506](#)

Федотова Гликерия Николаевна (1846 – 1925) — актриса Малого театра, народная артистка Республики — [27](#), [38](#), [39](#), [595](#)

Фигнер Вера Николаевна (1852 – 1942) — русская революционерка-

народница, [20](#) лет пробыла в Шлиссельбургской крепости, впоследствии занималась литературным трудом — [120](#)

Философов Дмитрий Владимирович (1872 – ?) — реакционный публицист и критик; после 1917 г. эмигрант — [217](#), [330](#)

Фиш Геннадий Семенович (р. 1903) — советский писатель — [323](#)

Флобер Гюстав (1821 – 1880) — [166](#), [327](#)

Фомин Иван Александрович (1872 – 1936) — художник, архитектор, историк архитектуры — [419](#), [572](#)

Фотиева Лидия Александровна (р. 1881) — член КПСС с 1904 г.; с 1918 г. секретарь Совнаркома и СТО и одновременно секретарь В. И. Ленина — [282](#)

Фроленко Михаил Федорович (1848 – 1938) — революционер-народник, один из организаторов убийства Александра II – [120](#)

Фрумкин Александр Наумович (р. 1895) — физико-химик, академик — [583](#)

Халютин Софья Васильевна (1875 – 1960) — актриса МХТ со дня его основания, народная артистка РСФСР — [232](#)

Ханжонков Александр Алексеевич (1877 – 1945) — один из первых русских кинопредпринимателей; с 1920 по 1923 г. был в эмиграции, в 1923 г. вернулся и работал в «Русфильме» и «Пролеткино» — [496](#)

Хилквит Морис (1869 – 1933) — американский адвокат — [111](#) – [113](#), [116](#), [349](#), [617](#)

Ходасевич Валентина Михайловна (р. 1894) — художница — [308](#), [313](#)

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886 – 1939) — поэт-декадент, после Октябрьской революции эмигрант — [306](#)

Ходотов Николай Николаевич (1878 – 1932) — артист драмы; заслуженный артист РСФСР — [211](#)

Циперович Григорий Владимирович (1871 – 1932) — в годы гражданской войны председатель Петроградского Губпрофсовета, затем заведующий Губоно — [272](#), [277](#)

Чайковский Модест Ильич (1850 – 1916) — драматург, либреттист; брат и биограф композитора П. И. Чайковского — [155](#), [158](#), [159](#)

Чайковский Николай Васильевич (1850 – 1926) — эсер, после Октябрьской революции участник ряда заговоров против Советской власти — [336](#)

Чаплыгин Сергей Алексеевич (1869 – 1942) — советский ученый в области теоретической механики, академик — [583](#)

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876 – 1921) — писательница декадентка, жена Ф. К. Сологуба — [247](#), [560](#)

Чемберлен Остин (1863 – 1937) — английский государственный деятель; один из главных инициаторов разрыва дипломатических отношений с СССР в мае 1927 г. — [306](#), [492](#)

Чена Джованни (1870 – 1917) — итальянский писатель — [125](#), [133](#), [139](#), [619](#)

Черемнов Александр Сергеевич (1881 – 1919) — поэт и переводчик,

печатавшийся в сборниках «Знание» — [175](#), [177](#)

Чернов Виктор Михайлович (1876 – 1952) — один из лидеров партии эсеров; после Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, с 1920 г. белоэмигрант — [177](#), [285](#)

Чернышевский Николай Гаврилович (1828 – 1889) — [71](#)

Черткова Олимпиада Дмитриевна (1878 – 1951) — экономка в семье М. Ф. Андреевой; друг М. Ф. Андреевой и А. М. Горького — [69](#), [83](#), [110](#), [345](#), [360](#), [362](#), [532](#)

Чехов Антон Павлович (1860 – 1904) — [32](#) – [34](#), [40](#) – [47](#), [52](#) – [54](#), [59](#), [192](#), [299](#), [323](#), [328](#) – [330](#), [370](#), [395](#), [485](#), [510](#), [511](#), [513](#), [514](#), [520](#), [521](#), [524](#)

Чехов Михаил Александрович (1891 – 1955) — драматический актер, артист и руководитель МХАТ 2-го; с 1928 г. жил за границей — [305](#)

Чехов Николай Владимирович (1865 – 1947) — советский педагог, действительный член Академии педагогических наук РСФСР — [244](#)

Чехова Мария Павловна (1863 – 1957) — сестра А. П. Чехова, заслуженный деятель искусств РСФСР — [514](#)

Чириков Евгений Николаевич (1864 – 1932) — писатель, сотрудничал в сборниках «Знание»; после 1917 г. эмигрант — [41](#), [541](#)

Читау Александра Матвеевна (1832 – 1912) — актриса Александринского театра с 1853 г. — [13](#)

Чичерин Георгий Васильевич (1872 – 1936) — видный советский государственный деятель; народный комиссар иностранных дел с 1918 по 1930 г. — [470](#)

Чудаков Евгений Алексеевич (1890 – 1953) — советский ученый в области машиноведения, академик — [583](#)

Шаляпин Федор Иванович (1873 – 1938) — [46](#), [48](#), [90](#), [168](#), [169](#), [227](#), [277](#), [283](#), [329](#), [337](#), [338](#), [378](#), [411](#), [419](#), [421](#), [425](#), [437](#), [440](#), [441](#), [496](#) – [498](#), [565](#), [566](#), [579](#)

Шаляпина Мария Валентиновна — вторая жена Ф. И. Шаляпина — [337](#)

Шанцер Виргилий Леонович (партийная кличка «Марат»; 1867 – 1911) — один из старейших деятелей революционного движения в России, большевик, в 1905 г. активный участник подготовки вооруженного восстания в Москве — [108](#), [378](#), [529](#)

Шапорин Юрий Александрович (р. 1887) — композитор, народный артист СССР — [573](#)

Шатрова Елена Митрофановна (р. 1892) — актриса Малого театра, народная артистка РСФСР — [558](#)

Шекспир Уильям (1564 – 1616) — [26](#), [32](#), [175](#), [213](#), [241](#), [247](#), [261](#), [263](#), [278](#), [403](#), [423](#), [437](#), [511](#), [569](#)

Шельдон Эдвард (1886 – 1946) — американский драматург — [398](#), [404](#), [405](#), [422](#), [560](#), [575](#)

Шиллер Иоганн Фридрих (1759 – 1805) — [26](#), [70](#), [226](#), [261](#), [263](#), [431](#), [437](#)

Шкловский Виктор Борисович (р. 1893) — советский писатель — [436](#)

Школьник Иосиф Соломонович (1883 – 1926) — художник — [277](#), [570](#)

Шлеин Николай Павлович (1872 – 1952) — художник — [479](#)

Шмераль Богумир (1880 – 1941) — выдающийся деятель чехословацкого и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Чехословакии — [572](#)

Шмит Николай Павлович (1883 – 1907) — студент Московского университета, владелец мебельной фабрики на Пресне, один из активных участников Декабрьского вооруженного восстания в Москве, убит в тюрьме — [345](#), [360](#), [362](#)

Шмит Елизавета Павловна — сестра Н. П. Шмита — [133](#)

Шоу Джордж Бернард (1856 – 1950) — [98](#), [244](#)

Штеренберг Давид Петрович (1881 – 1948) — заведующий отделом изобразительных искусств Наркомпроса в годы гражданской войны — [570](#)

Штернберг Павел Карлович (1865 – 1920) — старый большевик, советский астроном; в 1905 г. — один из виднейших работников военно-технического бюро Московского комитета партии — [189](#)

Штраух Максим Максимович (р. 1900) — актер театра и кино; народный артист РСФСР, лауреат Ленинской премии — [459](#)

Шульга Софья Ильинична (р. 1896) — член КПСС с 1916 г.; во время гражданской войны заместитель начальника культотдела Петроградского военного округа — [279](#)

Щепкин Михаил Семенович (1788 – 1863) — [24](#)

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874 – 1952) — писательница, поэтесса и переводчица — [515](#), [516](#)

Щуко Владимир Алексеевич (1878 – 1939) — архитектор и театральный художник, академик архитектуры — [457](#), [458](#), [573](#)

Эдисон Томас Алва (1847 – 1931) — выдающийся американский изобретатель в области электротехники, известен также своими изобретениями и в кинотехнике — [214](#)

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898 – 1948) — кинорежиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР — [311](#), [472](#)

Эйнштейн Альберт (1879 – 1955) — [463](#)

Экскузович Иван Васильевич — управляющий Государственным академическим театром оперы и балета (бывш. Мариинский) — [273](#), [277](#)

Энгельс Фридрих (1820 – 1895) — [363](#)

Эфрос Николай Ефимович (1867 – 1923) — критик, театровед, историк МХТ — [204](#), [205](#)

Южин (Сумбатов) Александр Иванович (1857 – 1927) — актер, драматург, театральный деятель; с 1882 г. и до конца жизни — в Малом театре, с 1923 г. его директор; народный артист Республики — [27](#), [257](#), [260](#)

Юра, Юрочка, Юрка, Юрий Андреевич — см. [Желябужский Ю. А.](#)

Юренева Вера Леонидовна (р. 1887) — драматическая актриса, заслуженная артистка РСФСР — [512](#), [513](#)

Юрка — Бахрушин Юрий Алексеевич (р. 1896), сын

А. А. и В. В. Бахрушиных — [38](#)

Юрковская (по сцене Лелева, урожденная Лилиенфельд) Мария Павловна (1843 – 1919) — актриса Александринского театра, мать М. Ф. Андреевой — [11](#) – [18](#), [22](#), [115](#), [250](#), [506](#)

Юрковская (Кякшт) Надежда Федоровна (1872 – 1897) — актриса Александринского театра, сестра М. Ф. Андреевой — [17](#), [340](#), [506](#)

Юрковский — см. [Федоров-Юрковский Ф. А.](#)

Юрковский Николай Федорович — брат М. Ф. Андреевой (1870 – 1919) — [15](#), [18](#), [69](#)

Юрьев Юрий Михайлович (1872 – 1948) — артист Александринского театра с 1893 г., театральный деятель, народный артист СССР — [259](#), [263](#), [265](#), [334](#), [422](#), [431](#), [437](#), [443](#), [447](#), [448](#), [481](#), [572](#) – [575](#), [679](#) – [680](#)

Юшкевич Семен Соломонович (1868 – 1927) — писатель, драматург — [89](#), [216](#), [242](#), [244](#), [560](#)

Яблоновский Сергей (Потресов Сергей Викторович; 1870 – ?) — литературный и театральный критик; с 1920 г. эмигрант — [243](#)

Яблочкина Александра Александровна (р. 1866) — актриса Малого театра, народная артистка СССР, председатель Всероссийского театрального общества — [257](#)

Яворская Лидия Борисовна (1872 – 1921) — драматическая артистка, играла в театрах Суворина и Корша; в 1901 г. основала в Петербурге свой театр (Новый театр) — [55](#)

Язвицкий Валерий Иоильевич (1883 – 1957) — советский писатель, участник первой русской революции — [181](#)

Янсон (Браун Ян; 1872 – 1917) — публицист и литературный критик, один из основателей социал-демократической партии Латвии — [525](#), [526](#)

Янсон Анна Яковлевна — жена Янсона (Брауна), член КПСС с 1905 г. — [525](#), [526](#)

Ярославский Емельян Михайлович (партийные кличка «Емельян», «Ильян»; 1878 – 1943) — один из старейших участников революционного движения в России, видный деятель Коммунистической партии, историк и публицист; академик — [542](#)

¹ Сборник «М. Ф. Андреева» открывается ее воспоминаниями. В первый раздел книги в соответствии с хронологическими его рамками вошло пять отрывков (три из них печатаются под условными заголовками, взятыми в квадратные скобки, как и в других разделах книги). Как и другие ее воспоминания, публикуемые в данном издании, они должны были войти в задуманную ею книгу мемуаров.

В архиве издательства «Academia» хранится договор с Андреевой (№ 36 от 3 июля 1932 г.) на издание книги и краткий ее план. Ознакомление с планом показывает, как широко намеревалась Мария Федоровна осветить важнейшие события политической, общественной, литературной и театральной жизни своего времени; рассказать об исторических событиях, свидетелем и участником которых она являлась, о крупнейших мастерах русского и зарубежного искусства и литературы, о выдающихся деятелях Коммунистической партии и Советского государства, с которыми она была связана совместной работой.

Приводим полный текст плана книги «Мемуары М. Ф. Андреевой» (ЦГАЛИ, ф. 629, оп. 1, ед. хр. 12):

«60-е и 70-е годы. Отец и мать. Семья Юрковских, их друзья и окружение. Александринский театр. Варламов, Далматов, Савина, Стрельская, М. Петипа, Жулева. Д. И. Менделеев и его семья. С. Я. Капустин. Гутковские и другие.

80-е и 90-е годы. Тифлис и его жизнь в этот период. П. И. Чайковский, Зарудная, Ипполитов-Иванов. Драматический кружок. Питовые, Шереметьевы, Лазаревы, Церетели, Амилахвари и другие.

Москва в 1894 году. Общество искусства и литературы. Алексеев-Станиславский и его группа. Москва того времени. Студенчество и его участие в Обществе искусства и литературы.

Возникновение Художественного театра и его жизнь до 1905 года.

Революционное студенчество Москвы и Петербурга. Студенты-марксисты. Демонстрация у Казанского собора и студенческие беспорядки в Москве. Знакомство с настоящими подпольщиками.

1902 год. Игнат [Красиков] и его роль в моем социалистическом воспитании.

1903 год. Красин, Гуковский. Сормово, Горький, Строев-Десницкий, Я. М. Свердлов, Ладыжников, Савва Морозов. Эсеры и эсдеки и их связь с Морозовым. Пятницкий, Л. Андреев, Бунин, группа “Знания”. Революционеры-подпольщики.

1904/05 год. Рига: Арест Горького. Рутенберг. Гапон. Липа и Захар. Ялта: Куприн, Федоров, Елпатьевский. Смерть Морозова. Чехов и Морозов. Куоккала: Репин, Зарудный, Скиталец и др. Гельсингфорс. Финны.

1905 год — осень. Москва. Конституция. Шаляпин. Октябрь. Похороны Баумана. Худож. театр. “Горе от ума”. “Новая жизнь”. Московское восстание. Петербург. Отъезд в Финляндию. Жизнь до отъезда за границу. Выезд из Финляндии. Стокгольм. Берлин: Бебель, Каутский. Швейцария: Богданов, Литвинов, Ленин. Отъезд в Америку.

1906 год. Америка. Уэллс. Резерфорд. Гарриет Брукс. Мартин. Дьюи. Буренин и другие. Приезд в Италию. Неаполь. Капри. З. Пешков. Амфитеатров.

1907 год. Лондонский съезд. Ленин. Богданов. Строев. Плеханов. Троцкий. Мартов. Бундовцы. Триада [Мгеладзе]. Алексинский и другие. Флоренция. Луначарские. Возвращение на Капри.

1907 – 1912 годы. Капри. Партийная школа. Раскол. Впередовцы. Спор Ленина — Богданова и их разрыв. Базаров. Луначарский. Строев. Иностранцы. Приезд экскурсантов. Литераторы и художники. Приезжие русские и эмигранты. Мой отъезд в Россию. Финляндия. Мустамяки.

[1913 год.] Петербург. Москва. И. Д. Сытин. Гастроли в Киеве. “Одинокие”. Поездка в Италию. Римини. Флоренция. Венеция. Верона. Возвращение в Россию. Москва. Свободный театр. Марджанов. Суходольский. Коонен. Таиров. Церетели. Монахов. Болезнь Горького на Капри. Доктор Манухин и его метод. Возвращение [Горького] в Россию. Мустамяки. Осада журналистов. Шаляпин. Зилоти. Маяковский. Шляпников. Д. Бедный и другие.

1914 год. Война. Киев. Петербург. Первые признаки революции.

Москва. Театр Незлобина [1915].

1916 год. Пожар театра. Спектакли в театре Зона.

1917 год. Февральская революция. Дом на Кронверкском проспекте. Городская дума. Фракция большевиков. Луначарский. Народный дом. Эсеры. Первый митинг большевиков в Народном доме. Июльские дни. Выборгский район. Революция и опера. Шаляпин. Выборгский район и его театр в Михайловском Артиллерийском училище».

План этой книги лишь частично осуществлен. Андреевой опубликованы воспоминания о Ленине, Горьком, Станиславском, Маяковском, о первых годах работы МХТ, о жизни на Капри. Очень ценны в этом смысле ее письма к Н. Е. Буренину, предназначенные для его мемуаров. (См. здесь [письма 1938 г.](#))

1. [СЕМЬЯ]

² Публикуется по автографу, хранящемуся в Архиве А. М. Горького, с некоторыми сокращениями; частично опубликовано в журнале «Москва», 1957, № 9.

³ *Родители мои оба служили в театре...* — Отец Андреевой, Федор Александрович Федоров-Юрковский, главный режиссер Александринского театра, был известен в широких литературных и артистических кругах. Вспоминая о своей работе в Александринском театре, Ю. М. Юрьев писал: «Ф. А. Федоров-Юрковский ввел меня в свой дом, где по субботам (прежде в этот день спектакли не давались) собиралось много интересных людей. Там можно было встретить Н. К. Михайловского, И. Е. Репина, А. М. Скабичевского, П. Д. Боборыкина и других представителей литературы и искусства, за исключением актеров (актеров почему-то он никогда к себе не приглашал). Между прочим, я там познакомился с его дочерью — Марией Федоровной Андреевой, впоследствии артисткой Московского Художественного театра, вышедшей замуж за Алексея Максимовича Горького. Ф. А. Юрковский — один из тех редких людей, которые сразу, при первой же

встрече, внушают доверие и расположение к себе. Человек он был в высшей степени культурный, серьезный, с большой эрудицией и пониманием актерского творчества. [...] Глубокое уважение к нему и благодарность я испытываю при воспоминании о нем». (Ю. М. Юрьев, Записки, М.-Л., 1945, стр. 44.)

Ф. А. Федоров-Юрковский ставил пьесы великих русских писателей. В частности, в 1889 г. был им поставлен «Иванов» А. П. Чехова: «... пьеса шла в бенефис режиссера Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского... ввиду чего роли были распределены между лучшими силами труппы без различия рангов и самолюбий. Ансамбль вышел чудесный, и успех получился огромный. Публика принимала пьесу чутко и шумно с первого акта, а по окончании третьего после заключительной драматической сцены между Ивановым и больной Саррой, с увлечением разыгранной В. Н. Давыдовым и П. А. Стрепетовой, устроила автору, совместно с юбиляром-режиссером, восторженную овацию» (И. в. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове, цит. по «Летописи жизни и творчества А. П. Чехова», М., 1955, стр. 221).

Об отношении Чехова к отцу Андреевой дает представление его письмо от 7 февраля 1904 г.: «Многоуважаемый Федор Александрович! Мне очень хочется повидаться с Вами, чтобы потолковать, вспомнить старину; сегодня я спрашивал у Марьи Федоровны, где Вы живете и когда можно застать Вас дома, она дала мне Ваш адрес и при этом заметила, что в настоящее время Вас нелегко застать дома, и будет лучше, если я напишу Вам письмо с приглашением пожаловать ко мне. Я буду очень и очень рад видеть Вас у себя, многоуважаемый Федор Александрович, приходите ко мне, когда Вам будет угодно, в любой час. Я все время сижу дома, ухажу из дому редко и ненадолго. В 11 ¹/₂ часов дня и в 5 часов вечера всегда бываю дома наверное. Желаю Вам всего хорошего, крепко жму руку. Искренно преданный и уважающий А. Чехов» (Полн. собр. соч., т. 20, М., 1951, стр. 222 – 223).

2. [К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ]

⁴ Печатается по сб. «О Станиславском», М., 1948, стр. 223 – 238.

Этот этюд охватывает десятилетний период совместной работы К. С. Станиславского и М. Ф. Андреевой в Московском Обществе искусства и литературы и в Художественном театре.

Общество искусства и литературы было основано в 1888 г. К. С. Станиславским, Ф. П. Комиссаржевским (отцом В. Ф. Комиссаржевской), А. Ф. Федотовым и Ф. Л. Сологубом. Это Общество ставило своей целью способствовать развитию сценических дарований членов своего драматического кружка и организовывать спектакли, литературные и музыкальные вечера, выставки картин и т. д. Режиссером-постановщиком спектаклей и главным артистом Общества являлся Станиславский.

Андреева высоко ценила талант Станиславского, его самоотверженное служение искусству, редкие педагогические способности. Под руководством К. С. ею были подготовлены и сыграны:

— в Московском Обществе искусства и литературы одиннадцать ролей, и в их числе: Оля Василькова («Светит, да не греет» Островского и Соловьева), Юдифь («Уриэль Акоста» Гуцкова), Лариса («Бесприданница» Островского),

Геро («Много шума из ничего» Шекспира), Раутенделейн («Потонувший колокол» Гауптмана);

— в Московском Художественном театре (под руководством Станиславского и Немировича-Данченко) пятнадцать ролей: Раутенделейн («Потонувший колокол» Гауптмана), Порция («Венецианский купец» Шекспира), княжна Мстиславская («Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого), княгиня Настасья Петровна («Самоуправцы» Писемского), Эдда («Эдда Габлер» Ибсена), Оливия («Двенадцатая ночь» Шекспира), Кете («Одинокие» Гауптмана), Нина Заречная («Чайка» Чехова), Лель («Снегурочка» Островского), Ирина («Три сестры» Чехова), Микелина («Микаэль Крамер» Гауптмана); Вера Кирилловна («В мечтах» Немировича-Данченко), Наташа («На дне» Горького), Варя («Вишневый сад» Чехова), Лиза («Дети солнца» Горького).

⁵ ... начала с исполнения роли Юдифи... — Андреева ошибочно называет своей первой ролью в спектаклях Общества Юдифь в «Уриэле Акосте» и время вступления в него — 1895 г. Впервые она выступила перед московским зрителем 15 декабря 1894 г. в спектакле «Светит, да не греет» в роли Оли Васильковой (программа спектакля хранится в Музее МХАТ). Спектакль ставил Станиславский, он же исполнял роль Бориса Рабачева.

⁶ До этого мне пришлось играть «Бесприданницу» в Тифлисе... — Живя в Тифлисе (1888 – 1893), Андреева участвовала в спектаклях Артистического общества. Помимо Ларисы в «Бесприданнице» ею было сыграно там много ответственных ролей в других пьесах. В частности, в «Каширской старине» Д. В. Аверкиева она исполняла роль Маркины. Спектакль этот прошел «с таким успехом, какому могли бы позавидовать заправские артисты» («Кавказ», 16 января 1891 г.). В Тифлисе Андреева испробовала свои силы и в опере. В отзыве на оперный спектакль «Миньон» А. Тома, в котором она пела главную партию, сообщалось, что «зрительный зал был переполнен; явилась необходимость в приставных стульях... Интерес спектакля заключался, во-первых, в том, что партию Миньон пела в этот раз г-жа Андреева, до сих пор известная публике как талантливая любительница драматического искусства и в помянутый вечер впервые выступившая в опере; во-вторых, в том, что Лаэрта пел г. Бобров» («Кавказ», 4 марта 1893 г.). Бобров в ту пору был известным профессиональным певцом, выступавшим на столичных сценах и гастролировавшим в Италии.

О том, как прошла «Бесприданница» в Обществе искусства и литературы и как исполняла Андреева роль Ларисы, имеется отзыв Н. В. Дризена: «Зная по опыту, каков вообще удельный вес любителей, я и к этой затее отнесся критически. Однако первый выход Паратова (Станиславского), Ларисы (М. Ф. Андреевой) и Робинзона (Артема) вызвал во мне совсем другие чувства. Налицо были не только талантливые люди, но прежде всего необыкновенно тщательная отделка ролей» (Н. В. Дризен, Сорок лет театра, П., 1916, стр. 108).

⁷ Я играла... и Оливию в «Двенадцатой ночи». — М. Ф. Андреева исполняла роль Оливии не в Обществе искусства и литературы, а в Художественном театре.

3. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. БАХРУШИНОЙ

⁸ Письма к В. В. Бахрушиной публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в ГЦТМ, ф. А. А. Бахрушина, № 96143, 96146. Год обозначен по помете А. А. Бахрушина.

Бахрушина Вера Васильевна — жена Алексея Александровича Бахрушина, известного московского театрала, собирателя материалов по истории русского театра и основателя крупнейшего в мире Московского театрального музея, носящего ныне его имя.

В письме проявилась характерная для всего жизненного пути Андреевой склонность помогать творческой молодежи. Об этом свидетельствуют также многие ее письма и воспоминания современников.

О дружеских связях Андреевой с семьей Бахрушина можно судить по письму от 9 января 1897 г., в котором она благодарит А. А. Бахрушина за «многое внимание к нашим детям» и высказывает свое отношение к воспитанию: «Игрушки Ваши прелестны, даже слишком хороши для таких маленьких детей, как наши, и мы с мужем находим, что такого баловства допускать не следует, что это их портит. Не рассердитесь и не обидьтесь на нас, Алексей Александрович, что на Вашу любезность мы ответим Вам убедительной просьбой никогда не дарить ничего нашим детям, но ведь всякий воспитывает своих детей по-своему... Кроме того, Вы и нас этим конфузите... Разве нельзя иметь доброе расположение к людям без вещественных знаков этого расположения?» (Письмо хранится у Ю. А. Бахрушина.)

⁹ ... в помещении Контроля... — Служебное помещение главного контролера Курской и Нижегородской железных дорог Андрея Алексеевича Желябужского, первого мужа М. Ф. Андреевой, члена Общества искусства и литературы, исполнителя многих ролей в репертуаре Общества.

4. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. БАХРУШИНОЙ

¹⁰ Комедии и водевили, названные в письме, входили в репертуар Общества искусства и литературы. В одноактной комедии «Несчастье особого рода» (переделка В. Пенькова) М. Ф. Андреева играла роль Веры Егоровны. Упоминаемые здесь члены Общества С. Г. Бурджалов, В. В. Калужский (Лужский), И. Ф. Красовский вошли в 1898 г. вместе с Андреевой в состав труппы Художественно-общедоступного театра.

5. М. Ф. АНДРЕЕВА — Г. Н. ФЕДОТОВОЙ

¹¹ Публикуется впервые, по подлиннику, хранящемуся в ГЦТМ, ф. Г. Н. Федотовой, № 75141. Год установлен по содержанию.

Дружеское письмо Андреевой замечательной русской артистке Федотовой связано с возобновлением выступлений последней на сцене Малого театра после длительного перерыва, вызванного ее гастрольной поездкой по многим городам России.

6. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. С. МИРОЛЮБОВУ

¹² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 230. Год установлен по содержанию и началу издательской деятельности Миролюбова в Москве.

¹³ ... по-хорошему подружиться с Вами... — Андрееву тяготила среда, в

которой она вынуждена была возвращаться из-за общественного положения своего мужа — Желябужского, крупного царского чиновника. Уже в эти годы, связанная со студентами-марксистами, она стремится пополнить круг своих знакомых прогрессивными, демократически настроенными людьми, общественными деятелями, литераторами. Это нашло известное отражение и в письме к Миролубову.

7. ПОЕЗДКА В КРЫМ

¹⁴ Воспроизводится по публикации «Литературной газеты» (26 октября 1938 г.) с изъятием отдельных мест, совпадающих с текстом воспоминаний «К. С. Станиславский» и «Знакомство с Горьким».

Гастроли Художественного театра в Крыму (Севастополь и Ялта) состоялись в апреле 1900 г. Андреева выступала в трех спектаклях из четырех, вошедших в гастрольный, репертуар. В роли Нины Заречной («Чайка») она заменила первую исполнительницу — Роксанову в связи с отрицательной оценкой ее игры Чеховым (Полн. собр. соч. и писем, т. 18, стр. 145). Все спектакли и исполнители главных ролей были восторженно приняты публикой и прессой. В частности, об Андреевой в одном из отзывов на спектакль «Эдда Габлер» говорилось: «Г-жа Андреева замечательно сильно, выпукло и тонко провела заглавную роль. Впечатление, производимое ее игрой, было тем сильнее, что накануне в “Одиноких” она исполняла совсем иную роль, роль простой, доброй, беспретенциозной, плаксивой женщины, и трудно было думать, что у нее имеются такие великолепные драматические и пластические средства, какие она проявила в “Эдде Габлер”» («Крымский курьер», 20 апреля 1900 г.).

В Ялте Андреева участвовала в литературном вечере, который был дан Художественным театром в пользу «Попечительства о нуждающихся приезжих больных». Она, как отмечалось в газете, «прекрасно прочла два рассказа Чехова: “Ванька” и “Событие”» («Крымский курьер», 25 апреля 1900 г.).

8. [ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ]

¹⁵ Фрагмент неоконченных автобиографических заметок, написав примерно в 1915 – 1916 гг., публикуется в сокращенном виде по автографу, хранящемуся в Архиве А. М. Горького. Частично напечатан с нарушением композиция авторского текста в журнале «Москва», 1957, № 9.

¹⁶ ... впервые встретить настоящих убежденных людей, молодых марксистов. — Из предосторожности Андреева не называет здесь ставропольское землячество студентов — марксистов Московского университета, в которое ввел ее Д. И. Лукьянов — репетитор сына. Не называет она и М. А. Михайлова (партийная кличка «дядя Миша»), а также других революционных марксистов, оказавших влияние на формирование ее мировоззрения (см. здесь [письма М. Ф. Андреевой Н. Е. Буренину, август 1938 г.](#)).

¹⁷ На одном из юбилейных представлений «Дяди Вани»... — Описываемое событие произошло во время спектакля «Чайка» («Курьер», 17 ноября 1900 г.).

¹⁸ ... я лишена возможности писать правдиво... о так называемой подпольной стороне. — Из конспиративных соображений Андреева не считала

возможным даже в личных автобиографических записках касаться своего участия в революционном движении. Умалчивает она также и о совместной революционной работе с Горьким.

9. ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

¹⁹ Письма Андреевой к сестре печатаются впервые, по подлинникам хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Год писем установлен по сопоставлению с информацией газеты «Курьер» от 22 февраля 1900 г. о последнем спектакле сезона, состоявшемся 20 февраля, и упоминаемым концертам.

Отрывок из второго письма свидетельствует о том, что общественные задачи увлекали Андрееву с самого начала ее творческой деятельности. Еще в 1891 – 1893 гг. М. Ф. устраивала в Тифлисе концерты и спектакли (и сама в них участвовала): в пользу Общества взаимопомощи учительниц, в фонд нуждающихся учеников железнодорожного училища, в пользу приюта детей ссыльных и т. д. (газ. «Кавказ», 26 января 1891, 20 декабря 1892, 21 апреля 1893 г. и др.) В Москве она участвовала с 1899 по 1905 г. в благотворительных концертах Московского педагогического общества, которое находилось под наблюдением полицейских властей (ЦГИАМ, ф. МОО, оп. 9, ед. хр. 60, 1898 г.).

²⁰ ... читали уже в двух концертах... — Первый концерт состоялся 2 марта 1900 г. в Московском литературно-художественном кружке, где Андреева, Мунт, Желябужский и Архипов исполнили первый акт драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», «вызвавший, — по отзыву газеты “Курьер” от 3 марта, — оживленные рукоплескания присутствовавшей публики...». Второй концерт состоялся 5 марта в аудитории Исторического музея в пользу пенсионного фонда при Обществе воспитательниц и учительниц. Программа была составлена из произведений Гауптмана и Чехова. «Особенный успех имели сцены из I акта “Потонувшего колокола” (пробуждение Генриха) и сцена из III акта “Иванова” (разговор Иванова с Сашей), великолепно проведенные артисткой Художественно-общедоступного театра М. Ф. Андреевой в А. А. Андреевым. На шумные аплодисменты и требования повторений аудитории г-жа Андреева мастерски прочла рассказ А. П. Чехова “Ванька”». («Курьер», 6 марта 1900 г.)

10. М. Ф. АНДРЕЕВА — С. А. ТОЛСТОЙ

²¹ Письма к С. А. Толстой публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в Музее Л. Н. Толстого, архив С. А. Толстой.

Дата установлена предположительно по публикации пьесы П. А. Сергеевко «Сократ (исторические сцены)» в приложении к журналу «Нива», 1900, № 2 – 3.

В доме Андреевой устраивались литературные вечера с участием писателей, музыкантов, артистов. На один из таких вечеров и приглашается Софья Андреевна. Небезынтересно отметить участие Марии Федоровны в концертах, устраиваемых женой великого писателя. 22 декабря 1900 г. К. С. Станиславский сообщал ей: «... Мария Федоровна Желябужская, конечно, согласна читать на Вашем концерте и, возможно, написала Вам об этом. Она поняла все мои объяснения и не ждет визита с Вашей стороны, отлично понимая, как Вы заняты» (Соч. т. 7, стр. 202).

11. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

²² Все письма Андреевой к Станиславскому печатаются впервые, по подлинникам, хранящимся в Музее МХАТ (архив К. С. Станиславского).

Год настоящего письма установлен по премьере спектакля «Снегурочка».

Переписка Андреевой со Станиславским охватывает период с 1900 по 1917 г.

²³ ... решаюсь в такое время тревожить Вас... — Подразумеваются напряженные дни перед выпуском спектакля «Снегурочка», премьеры которого состоялась 24 сентября 1900 г. Возволнованный, нервный тон актрисы — исполнительницы роли Леля, вызван рядом причин. 23 августа 1900 г. Александр Акимович Санин, находясь в состоянии нервного возбуждения, несправедливо удалил Андрееву с репетиции и отказался с ней работать (см. здесь [воспоминания М. Н. Алейникова](#)). В связи с этим была введена вторая исполнительница роли Леля — О. Л. Книппер, которая писала А. П. Чехову 26 августа: «Теперь я и Леля буду репетировать, так как поцарапались Санин с Желябужской и он отказался заниматься с ней до приезда Станиславского. Только ради бога молчи об этом» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. 1, М., 1934, стр. 174). С возвращением Станиславского возобновилась и работа Андреевой. К. С. лично занимался с ней. Судя по отзывам прессы, М. Ф. успешно справилась с ролью. «Наиболее удался из женских ролей Лель, в котором г-жа Андреева ослепительно прекрасна по внешности и дает яркую выдержанную фигуру» («Новости дня», 27 сентября 1900 г.); «Г-жа Андреева глубже, а вместе с тем она нечто манящее, поэтичное, увлекательное. Г-жа Книппер дает всего Леля без остатка. Г-жа Андреева как будто еще не договаривает чего-то. Она заставляет в своем Леле девическое сердце грезить, томиться, искать» («Московские ведомости», 2 октября 1900 г.).

На премьере «Снегурочки» роль Леля исполняла М. Ф.

12. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. П. ЧЕХОВУ; 13. А. П. ЧЕХОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁴ К письму Андреевой и ответному письму Чехова дан общий комментарий.

И в дальнейшем при публикации парных писем, а также писем, касающихся одного и того же вопроса, сохраняется тот же принцип: указываются номера писем, их адресаты и дается к ним объединенный комментарий.

Письмо Андреевой печатается по подлиннику, хранящемуся в ОГБЛ, ф. 231, п. 44, ед. хр. 2. Письмо Чехова — по его Собр. соч., т. 19, М., 1950.

11 декабря 1900 г. Чехов уехал из Москвы в Ниццу, куда М. Ф. и направила свое письмо. В спектакле МХТ «Три сестры» Андреева исполняла роль Ирины. М. П. Чехова писала Антону Павловичу: «... Играть почти все хорошо. Книппер хороша. Савицкая играет благородно в высшей степени. Желябужская славненькая, молоденькая Ирина, очень трогательная» (М. П. Чехова, Письма к брату А. П. Чехову, М., 1954, стр. 172). В письме, адресованном составителям данной книги (28 сентября 1956 г.), М. П. Чехова сообщала: «М. Ф. Андреева была хорошей артисткой и нравилась Антону Павловичу в ролях его пьес».

²⁵ ... Вершинин — и Алексеев и даже Качалов — очень недурен. — Роль Вершинина репетировали К. С. Станиславский и В. И. Качалов.

14. М. Ф. АНДРЕЕВА — С. А. ТОЛСТОЙ

²⁶ Год установлен по времени отлучения святейшим синодом Л. Н. Толстого от церкви (22 февраля 1901 г.)

²⁷ ... Ваше чудесное письмо... какое горячее и искреннее чувство оно у всех вызывало. — М. Ф. говорит о письме С. А. Толстой митрополиту Антонию от 26 февраля 1901 г., в котором звучали ноты протеста против высших чинов церкви, названных Софьей Андреевной «духовными палачами».

²⁸ ... наши артисты выхватывали его у меня из рук... — «Я читала письмо графини к св. синоду, — писала Книппер Чехову, — присылали Марии Федоровне, и она давала читать...» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. 1, М., 1934, стр. 341).

15. ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

²⁹ Год установлен по упоминанию репетиций пьес «Микаэль Крамер» и «Около жизни» (первоначальное название пьесы Вл. И. Немировича-Данченко «В мечтах»).

³⁰ Яворской... «Чайки» не дали... — то есть не дали согласия на постановку пьесы во вновь организованном Л. Б. Яворской «Новом театре». «... Чехов оскорбился, когда мы хотели уступить ее Яворской», — писал Станиславский В. В. Котляревской (т. 7, стр. 220). Актера Ланского (упоминаемого Андреевой) он характеризовал в письме к С. В. Флерову: «... Ланской не наш актер. Это продукт императорских театров. [...] 15 лет он числится на службе в императорском театре, я даже за время, которое он служил у нас, как выяснилось, он получал жалованье, кроме нашего, от императорских театров» (т. 7, стр. 173).

³¹ ... «Дикая утка» успеха не имела. — Чехов писал, что спектакль этот идет «вяло, неинтересно и слабо» (т. 19, стр. 139).

³² Дмитрий Иванович [Лукьянов] — см. [примеч. к воспоминаниям «Знакомство с Горьким»](#).

³³ ... я играю главную и очень большую роль. — Роль Веры Кирилловны Старочеркасовой. О том, как талантливо была исполнена эта роль, говорит письмо А. А. Стаховича, написанное им после премьеры, состоявшейся 21 декабря 1901 г.: «Я должен Вам писать, я не могу не писать Вам! Я не могу не сказать того, что не успел и не смог выразить в наше краткое свидание после генеральной репетиции, за кулисами [...]. В роли княгини Вы восхитительны, обворожительны, пленительно-прекрасны, очаровательно-изящны, красивы до преувеличения, классично-грациозны. Играете Вы все время чудно, великолепно, а минутами Вы прямо изумительны. Вы — велики! Подразумеваю момент, когда Вы говорите “возьмите меня с собою...”. Эта фраза произнесена Вами просто поразительно, и с какой мимикой, и с каким жестом! Я никогда ее не забуду...» (Архив А. М. Горького).

16. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

³⁴ Письма 1902 г. посланы Андреевой Станиславскому в период бурного подъема студенческого движения и жестоких репрессий царского

правительства. Андреева активно помогала арестованным, собирала средства, посещала тюрьмы, организовывала передачи, готовила теплую одежду для ссылаемых в Сибирь. В ее письмах к Станиславскому ощущается недоговоренность, неизбежная в условиях конспирация, когда нужно было скрывать свои истинные мысли и действия. Так, хлопотами об арестованном репетиторе сына, Дмитрие Ивановиче Лукьянове, с которым Станиславский был знаком, М. Ф. прикрывала и объясняла в театре свое беспокойство и непосредственное участие в общем деле помощи арестованным.

³⁵ ... *чего мне стоило играть 9, 10 и 13 февраля...* — В эти дни были репрессированы студенты, друзья М. Ф. Андреевой, которые вовлекли ее в революционное движение. 9 и 13 февраля 1902 г. она выступала в спектакле «В мечтах» в главной роли Веры Кирилловны, а 10-го — в роли Ирины в «Трех сестрах». О тяжелом состоянии Андреевой Книппер писала Чехову: «Вчера был отчаянный спектакль... Мария Федоровна редела все 4 акта. У них забрали студента репетитора» («Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. 2, М., 1936, стр. 317, письмо от 10 февраля 1902 г.).

17. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

³⁶ В связи с активным участием в революционном студенческом движении Андреева оказалась в тяжелом положении в труппе. Недомолвки и умолчания истолковывались ее недоброжелателями как хитрость и неискренность, отдельные пропуски репетиций как манкирование и пренебрежение к театру. Факты ее революционной деятельности вызывали всевозможные «догадки», кое-что в извращенном виде нередко передавали Станиславскому, это подчас нарушало их добрые, дружеские отношения.

³⁷ ... *Вы не поняли, как мне было невыносимо тяжело, какую жестокую муку мне пришлось пережить с 9 февраля...* — Андреева напоминает о событиях 9 февраля (массовые аресты студентов). Хотя Станиславский, судя по переписке, понимал, что она связана с революционным студенчеством, он, очевидно, не одобрял ее прямого активного участия в этом движении: «О студенческой истории не будем говорить. Примиритесь с тем, что я этого не понимаю. Есть же вещи, которые в близкие люди не понимают друг в друге. Об этом поговорим как-нибудь особо» (Собр. соч., т. 7, стр. 228).

18. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

³⁸ Письма к К. П. Пятницкому печатаются впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Год обозначен по помете Пятницкого.

Пятницкий Константин Петрович — директор-распорядитель демократического книгоиздательства «Знание», возглавляемого А. М. Горьким. С 1903 г. начинается переписка Андреевой с Пятницким, в которой отразились важные моменты ее общественной, политической и личной жизни.

³⁹ ... *написать Антону Павловичу по поводу его пьесы...* — Имеется в виду издание «Вишневого сада». «Я очень рад, что Ваша пьеса выйдет в нашем сборнике, — очень рад!» — писал Горький Чехову (т. 28, стр. 294. Опубликованные письма А. М. Горького цитируются нами по изданию: М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, М., Гослитиздат, 1949 – 1955.). «Вишневый сад» опубликован в сборнике т-ва «Знание», кн. вторая, 1904 г.

⁴⁰ ... по поводу отчисления 10 %... — Речь идет об отчислении издательством «Знание» средств на постройку в Нижнем Новгороде общежития для учащихся — детей учителей.

⁴¹ Алексей Максимович... увлечен своей новой вещью. — Поэмой «Человек».

19. Н. А. КАСАТКИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Художник Касаткин писал, очевидно, под непосредственным впечатлением от постановки драмы Гауптмана «Одинокие», возобновленной в МХТ в 1903 г. Андреева играла роль Кете, жены Иоганнеса Фокерата, чем и вызвано обращение: «Жене Иогана». Аналогичный отзыв об исполнении М. Ф. этой роли дал И. И. Левитан в письме Чехову от 7 февраля 1900 г.: «Познакомился с Андреевой, дивной исполнительницей Кете в “Одиноких”, — восхитительна...» (ОРБЛ, ф. 231, п. 49, ед. хр. 25).

20 и 21. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ; 22. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

⁴³ Письма Станиславского печатаются по 7 т. Собр. соч. (за исключением письма от 7 февраля 1911 г.).

Сложные взаимоотношения и идейные разногласия вынудили Андрееву поставить вопрос об уходе из Художественного театра. В архиве А. М. Горького хранится письмо (от 19 февраля 1904 г.) члена правления МХТ В. В. Лужского, который сообщал ей: «Вчера на заседании Правления я передал Ваше заявление о годовичном отпуске. Гг. члены Правления, конечно, решили уважить Вашу просьбу. Напоминаю Вам, что срок условия с Вами кончается 15 июня. С этого ведь числа и считать Ваш отпуск — правда? Желаю Вам большого успеха... Василий Лужский».

О причинах ухода Андреевой в 1904 г. из МХТ см. здесь статью [«Основные этапы жизни и деятельности М. Ф. Андреевой»](#).

23. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ; 24. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁴ Письмо Андреевой Станиславскому написано в день ее прощального для зрителей-москвичей спектакля — 19 марта 1904 г. По поводу этого спектакля Книппер писала Чехову: «... Вчера кончили сезон, публика по обыкновению орала, галдела. Андреевой после каждого акта подавали корзины с цветами на прощание. От нас, товарищей, подали огромную белую корзину — очень красиво» (ОРБЛ, письмо от 20 марта 1904 г.).

Уход Андреевой из театра вызвал отклики зрителей: «Те образы, которые создали Вы своей талантливой игрой, те страдания и радости, которые Вы вложили в созданные Вами личности, глубоко запали в нашу душу, и никогда и ничто не изгладит их. Мы унесем их с собой в глухую провинцию, и среди ее темной жизни они будут светить нам ярким огнем, заставят нас думать над многим, многим, облегчат нам немало трудных минут и, кто знает, может быть, не дадут нам упасть на дно этой засасывающей провинциальной жизни» (письмо слушательниц педагогических курсов от 24 марта 1904 г., Архив А. М. Горького).

К публикуемому ответному письму Станиславского сохранились два

черновых варианта, в которых он пытался объяснить причины, осложнившие их взаимоотношения: «Верю в то, что Вы поймете, что мое отношение к Вам за последние годы не изменилось, а изменились обстоятельства, нас окружающие. Будьте же счастливы. Я сохраню к Вам прежние добрые чувства. Терпеливо буду ждать того времени, когда наши отношения примут спокойные, прочные формы, и на прощание прошу Вас лишь о 2-х вещах: 1) верить в то, что я всегда буду готов придти Вам на помощь, 2) и бережнее относиться к Вашему здоровью, без которого, как бы ни уверяли идеалисты, — нет настоящей жизни на земле. До скорого свидания в большое спасибо за прошлое» (Музей МХАТ, архив К. С. Станиславского).

25. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

⁴⁵ Письма Андреевой к Горькому публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Год установлен по времени отъезда Андреевой с детьми в Петербург (май 1904 г.).

Этот отрывок характеризует отношение Андреевой к «светской» среде, которая отвернулась от М. Ф. в связи с ее разрывом с Желябужским и вступлением в гражданский брак с Горьким.

⁴⁶ ... пророчество Константина Сергеевича... — см. [письма Станиславского Андреевой — февраль 1904 г.](#)

26. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁴⁷ *В четверг я играю в последний раз...* — Летом 1904 г. М. Ф. Андреева играла в Старой Руссе в театре К. Н. Незлобива. Первое ее выступление состоялось 15 июля в «Бесприданнице» (Лариса), последнее — 12 августа в «Красной мантии» Брие (Янетта). («Сезонный листок Старорусских минеральных вод», 1904, № 7 и 11.)

27. В. И. КАЧАЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁸ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Музее МХАТ, датируется по времени пребывания Андреевой в Старой Руссе. Речь идет о приглашении Качалова в труппу нового театра, который намеревались создать Горький, Андреева, Комиссаржевская, Незлобии и Морозов. Ветеран русской сцены, артист театра Незлобина В. И. Лихачев пишет о подготовительной работе к созданию этого театра, свидетелем которой он являлся: «Летом 1904 года, во время пребывания Алексея Максимовича Горького и М. Ф. Андреевой в Старой Руссе, обсуждался проект организации театра в Петербурге. От Веры Федоровны Комиссаржевской для переговоров приезжал в Старую Руссу К. В. Бравич. Обсуждался состав труппы из артистов театра Комиссаржевской и из рижского театра Незлобина, и велись переговоры с артистами Московского Художественного театра В. И. Качаловым и Н. Н. Литовцевой. Режиссерами намечались К. А. Марджанов и А. А. Санин. Здание для этого театра предполагалось снять на Литейном проспекте. Переговоры продолжались интенсивно до конца 1904 года уже в Риге, где были Горький, Андреева и куда опять приезжали Морозов и Бравич, но события кануна 1905 года помешали осуществлению намечавшихся планов». (Заметки В. И. Лихачева, адресованные составителям книги, 1957 г.)

28. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁴⁹ Год указан по помете Пятницкого.

⁵⁰ *Вот я и в Риге...* — В Ригу Андреева приехала в связи с началом сезона в театре К. Н. Незлобина, в котором она выступала с 23 сентября 1904 по 3 января 1905 г. Там она исполняла ведущие роли в спектаклях: «Мещане», «Дачники», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Бесприданница», «Эдда Габлер», «Потонувший колокол», «Одинокие», «Цена жизни» Немировича-Данченко, «Авдотьяна жизнь» Найденова и «Красная мантия» Брие.

⁵¹ *Вы были на «Уриэле Акосте»...* — Имеется в виду спектакль, которым открылся 15 сентября 1904 г. театр В. Ф. Комиссаржевской в Петербурге.

29. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁵² Год установлен по приписке Горького о постановке «Дачников» в Риге.

Из числа пьес, названных в письме, шли в Риге с участием Андреевой «Авдотьяна жизнь» и «Дачники».

⁵³ *Здесь «Дачники» идут гораздо лучше...* — Горький сравнивает рижский спектакль с постановкой в театре В. Ф. Комиссаржевской. О своем недовольстве петербургским спектаклем он писал Е. П. Пешковой: «Забыл сказать, что, кроме Комис[саржевской] и Бравича, — все играли плохо, а М[ария] Львовна была толста, смешна и пошла» (т. 28, стр. 336).

30. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁵⁴ Письма Горького к Андреевой печатаются впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Исключение составляют письма от 2 февраля 1905, 4 февраля 1924 и 13 июля 1925 г.; в комментариях к ним указаны источники, по которым они воспроизводятся.

Телеграмма послана Андреевой в больницу на другой день после событий 9 января 1905 г. По приезде в Ригу Алексей Максимович был 11 января арестован, отправлен под конвоем в Петербург и заточен в Петропавловскую крепость.

30-а. ИЗ ПИСЬМА Л. Н. АНДРЕЕВА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁵⁵ Письмо находится в материалах сборника, подготавливаемого к изданию «Литературным наследством». Там же, в другом письме Леонида Андреева Горькому (декабрь 1904 г.), читаем следующие строки: «Привет милой Марии Федоровне, хорошему человеку, о котором думать приятно. В моих глазах она точно поднимается по лестнице, и с тех пор, как я видел ее первый раз, она взлезла на 20-й этаж».

31. [АРЕСТ ГОРЬКОГО]

⁵⁶ Публикуемый отрывок является вступлением к воспоминаниям Андреевой о встречах с В. И. Лениным. Хранится в Архиве А. М. Горького под названием «Три встречи».

32. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁵⁷ Датируется по почтовому штемпелю.

Письмо послано из Петропавловской крепости. Печатается по тексту, опубликованному 25 января 1940 г. в газете «Большевистское знамя» (Одесса) со следующим вступлением: «В Научной библиотеке Одесского университета удалось недавно найти в одном из английских журналов 1905 г. ряд интересных

материалов, связанных с арестом М. Горького в 1905 году. Эти документы у нас совсем неизвестны. Среди найденных редких фотокопий находится письмо писателя к жене, артистка М. Ф. Андреевой. [...] Администрация Петропавловской крепости перечеркнула письмо раствором медного купороса для того, чтобы удостовериться, не написано ли чего-либо симпатическими чернилами». В газете воспроизведена фотокопия письма.

⁵⁸ *Вот уже прошло дней десять, а я все еще не имею никаких точных сведений о тебе.* — Речь идет о перемещении тяжело больной М. Ф. из рижской больницы в петербургскую, что известно из письма Горького Пятницкому от 17 января 1905 г.: «Дорогой мой друг — сердечное, горячее спасибо Вам за добрую весть о здоровье Маруси! Признаюсь — эти дни я испытал почти до сей поры еще неизведанное мной, — так боялся за нее и такие страхи рисовались воображению — сказать стыдно! Включительно до гроба, убранного цветами, и церковного пения. Сегодня, 17-го, вместе с Вашей запиской, получил телеграмму от доктора Кнорре из Риги, он сообщает, что сегодня же вечером Марусю перевозят в Петербург, в больницу Канегиссера. Теперь я — спокоен, ибо на Канегиссера очень надеюсь» (т. 28, стр. 350).

⁵⁹ *... буду писать, если разрешат.* — В Петропавловской крепости была написана Горьким пьеса «Дети солнца».

33. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁶⁰ Датируется по помете Пятницкого.

⁶¹ *... говорят, это легко в предварилке.* — Имеется в виду менее суровый режим петербургского дома предварительного заключения, куда Горький после медицинского освидетельствования был переведен 12 февраля из Петропавловской крепости. 14 февраля в 4 часа дня он был освобожден из-под ареста. Через несколько часов снова арестован. Доставлен в петербургское охранное отделение, где ему было сообщено о немедленной высылке из столицы. В 10 часов 20 минут вечера он выехал вместе с Андреевой в сопровождении сотрудника охранного отделения в Ригу («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 1, стр. 516 и 518).

34. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

⁶² Письма Ладыжникову публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Данное письмо датируется по времени отъезда Андреевой из Петербурга в Ригу — 14 февраля 1905 г. («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 1, стр. 518).

Ладыжников Иван Павлович — активный участник революционного движения с 90-х годов XIX века. Издатель. Был связан с Андреевой многолетней дружбой. Их переписка охватывает широкий круг вопросов политической, литературной, театральной и личной жизни.

⁶³ *... об аресте Леонида...* — Речь идет о писателе Леониде Андрееве, который был арестован за предоставление своей квартиры (9 февраля 1905 г.) для нелегального заседания ЦК РСДРП.

⁶⁴ *... об обыске...* — Подразумевается обыск в квартире и на даче сестры Андреевой — Е. Ф. Крит.

35. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁶⁵ Датируется по помете Пятницкого.

⁶⁶ *Он, конечно, хочет суда...* — Весной 1905 г. должен был состояться суд над А. М. Горьким за воззвание, написанное им по поводу событий 9 (22) января. Под давлением широкой волны протестов суд над Горьким откладывался в течение нескольких месяцев. С развитием революции судебные власти, боясь разоблачений, прекратили это судебное дело.

36. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

⁶⁷ Письмо послано из Ялты, где Андреева находилась вместе с Горьким на лечении с 29 марта по 7 мая 1905 г. Упоминаемые в нем выступления в театре Комиссаржевской не состоялись, так как Горькому было запрещено тогда пребывание в Петербурге, а по словам Комиссаржевской, «М. Ф. сказала, что ее участь всецело зависит от А[лексея] М[аксимовича]» — см. журнал «Театр», 1960, № 2, стр. 138.

⁶⁸ *Вон ведь какой дуб с корнем выворачивать начинает...* — Подразумевается болезнь С. Т. Морозова, травля его родными и отстранение от управления Товариществом Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сын и К^о». М. Ф. писала К. П. Пятницкому: «Мать и Зинаида Григорьевна объявят его сумасшедшим и запрячут в больницу. Думала поехать к нему, но уверена, что к нему не пустят и это будет для него бесполезно. Вот Вам и крепкий человек, а не выдержал» (письмо от 13 апреля 1905 г., Архив А. М. Горького).

⁶⁹ *Ты возьми один этот Кавказ, с его Гурией, как они там удивительно себя ведут.* — Андреева говорит о революционном движении в Гурии, где в это время крестьяне бойкотировали правительственные учреждения, организовали революционное самоуправление и суд.

37. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁷⁰ Печатается по машинописной копии.

⁷¹ *... пока не пройдет этот проклятый суд...* — См. здесь [комментарии к письму Андреевой Пятницкому от 25 февраля 1905 г.](#)

⁷² *... «Дети солнца» «уже» воспрещены к представлению.* — Имеется в виду указание петербургского генерал-губернатора Трепова градоначальнику о том, чтобы он не допускал постановки этой пьесы в театре В. Ф. Комиссаржевской. Основанием для «воспрещения» послужило сообщение газеты «Сын отечества» от 3 апреля 1905 г. о предполагаемом спектакле.

⁷³ *Он задумал не то рассказ, не то сценки «Охранное положение».* — Замысел этого произведения, видимо, не был осуществлен.

38. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

39. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

⁷⁴ *Смерть милого Саввы Тимофеевича...* — С. Т. Морозов застрелился 13 мая 1905 г. в Каннах, во Франции. Похороны состоялись в Москве 29 мая на Рогожском кладбище. Среди многочисленных венков были: от Общества помощи политическим ссыльным и заключенным, от Станиславского, Немировича-Данченко, от Горького: «Максим Горький — дорогому другу», от Андреевой: «С глубокой скорбью Мария Андреева» (Архив А. М. Горького).

⁷⁵ *... гибель эскадры...* — Гибель русской 2-й Тихоокеанской эскадры в боях

с японским флотом у острова Цусимы в Корейском проливе 14 – 15 мая 1905 г. В. И. Ленин характеризовал поражение при Цусиме как военный крах русского самодержавия.

⁷⁶ *Намерение Алексея Максимовича поручить нам свою чудную пьесу...* — Речь идет о пьесе «Дети солнца». «Пьесу мою я отдал в Художественный театр, — писал тогда А. М. Горький Е. П. Пешковой. — Случилось сие неожиданно для меня, — в Москве явились ко мне Качалов, Москвин, Муратова, Станиславский и начали говорить, что, мол, я гублю театр, что он, Станиславск[ий], готов стать на колени и т. д. Это было тяжело и хоть несколько не гарантировало меня от притязаний Немировича, но я им уступил, поставив некоторые условия, ограничивающие власть Немировича» (т. 28, стр. 367).

К письму Андреевой приложен написанный ее рукой перечень действующих лиц и обстановка для всех четырех действий пьесы «Дети солнца» с пометами и припиской А. М. Горького.

С начала сезона 1905/06 г. М. Ф. вернулась в МХТ.

40. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁷⁷ К письму имеется приписка А. М. Горького. Дата установлена по сопоставлению с письмом Андреевой к Станиславскому (№ 39), в котором она пишет о поездке в Москву на похороны С. Т. Морозова.

⁷⁸ *... Репин был нездоров, портрет еще и не начинался...* — Имеется в виду работа И. Е. Репина над портретом М. Ф. Андреевой, который был им написан в Пенатах. Портрет принадлежит семье И. М. Москвина (Москва). Воспроизводится здесь.

41. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. СТАСОВУ

⁷⁹ Текст письма дается по кн.: И. С. Зильберштейн, Репин и Горький, М.-Л., 1944, стр. 91.

В 1905 г. В. В. Стасов не раз встречался с Горьким и Андреевой. Об одной из таких встреч на вокзале в Куоккала он писал 18 августа 1905 г. П. С. Стасовой: «Ждем машины. Вдруг подходят к нам люди. И кто же это? Горький и Марья Федоровна. Они только накануне приехали из Москвы (она — чтоб повидать сына и дочь) и в одно с нами время ехали вот теперь в Петербург, а оттуда, в тот же вечер, опять в Москву, пора ей уже на сцену. Тронулся наш поезд. Она где-то далеко, в другом вагоне, сидела. Но что Вы думаете? Она все-таки пришла, отыскала нас, посидела с нами, она премилая. Мы охотно поболтали с нею, а главное (она сказала), она пришла отдать мне букет из прекрасных 5 розанов (2 белых, 2 розовых и 1 красный), который ей поднесли в Куоккала на прощанье. Каково? Но ведь мы с ней большие приятели. Звала меня снова в Москву, на ее представления, и обещалась непременно быть у нас в Петербурге зимой, когда приедет» (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, т. III, М.-Л., 1950, стр. 240).

42. [ДОКУМЕНТ ПЕТЕРБУРГСКОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ О КОНЦЕРТЕ В ТЕРИОКАХ]

⁸⁰ Документ публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905; д. 9, ч. 10, т. 2.

Организованный Андреевой при участии Горького концерт получил

широкий общественный резонанс. Собранные средства поступили в фонд Петербургского комитета партии большевиков и для помощи бастующим рабочим Путиловского завода. Об этом концерте Горький писал: «В пользу путиловцев мы оба уже читали в Териоках и дали им более 2000 р.» (т. 28, стр. 381).

43. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

⁸¹ Месяц и год установлены по началу работы в Художественном театре над спектаклем «Дети солнца».

Письмо послано Станиславскому после первых репетиций пьесы «Дети солнца». Подготовка спектакля началась 7 августа 1905 г. В этот день Горький читал пьесу труппе. 9 августа состоялась беседа с актерами в присутствии автора и 14-го — вторичное чтение пьесы Горьким. Репетиции начались 18 августа.

В процессе работы над пьесой автор и режиссура разошлись в трактовке образа Лизы, над которым работала Андреева. Горький настаивал, чтобы сценический образ соответствовал прототипу — известной ему по Нижнему Новгороду девушке, сошедшей с ума. Станиславский писал тогда Немировичу-Данченко о трудном положении Андреевой: «Боюсь, что Алексей Максимович спутает и запугает Марию Федоровну». Роль создавалась в напряженной обстановке. Актриса нервничала, теряла веру в свои возможности, режиссура не решалась идти против воли автора в сценическом воплощении образа Лизы, хотя Станиславский и утверждал: «Сходят с ума на миллионы способов». Высокая требовательность к своему творчеству помогла Андреевой создать хорошо принятый современниками образ Лизы. О том, как много было вложено ею труда, известно из письма Горького: «Возьмется они с пьесой до одичания — Маруся уходит в 12, является в 5, уходит [в] 7 и снова приходит, желто-зеленая и злющая, в 12 ночи. Это — изо дня в день» (т. 28, стр. 387).

В роли Лизы Андреева выступала в 21 спектакле. Последний состоялся 4 декабря 1905 г., за несколько дней до вооруженного восстания в Москве.

44. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

⁸² Письмо публикуется по подлиннику, хранящемуся в Музее МХАТ, архив Студии на Поварской.

⁸³ ... у него есть одно драматическое произведение... — Речь идет о пьесе «Голод», которую писатель С. С. Юшкевич предлагал студии, организованной в 1905 г. К. С. Станиславским при участии В. Э. Мейерхольда.

Положительно оценил тогда эту пьесу Горький: «А “Голод” я, может быть, устрою в Художественном театре» (сб. «Архив А. М. Горького», т. IV, стр. 187).

45. М. Ф. АНДРЕЕВА — Ф. И. ШАЛЯПИНУ

⁸⁴ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Речь идет о письме Горького Шаляпину по поводу материальной помощи Сормовскому рабочему потребительскому обществу (т. 28, стр. 389).

46. Л. Б. КРАСИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁸⁵ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Красин Леонид Борисович (партийные клички: «Зимин», «Никитич», «Винтер») — в 1905 г. один из организаторов вооруженного восстания,

руководитель боевой технической группы ЦК РСДРП, член Центрального Комитета. В советские годы — народный комиссар внешней торговли, видный дипломат.

27 октября (9 ноября) 1905 г. вышла в Петербурге первая легальная большевистская газета «Новая жизнь», которую редактировал по возвращении в Россию В. И. Ленин. Фактически газета являлась центральным органом большевиков. Издателем ее была назначена М. Ф. Андреева. Члены ЦК Красин и Румянцев получали от нее и А. М. Горького материальные средства для расходов по газете. Помимо публикуемой телеграммы сохранилась телеграмма П. П. Румянцева к Андреевой от 10 (23) октября 1905 г.: «Типография, квартира имеются. Необходимо внесение залога. В случае замедления все дело может расстроиться. Жду телеграфного ответа» (Архив А. М. Горького).

«Новая жизнь» выходила ежедневно до 3 (16) декабря 1905 г., тираж ее достигал 80 тысяч экземпляров. Газета подвергалась репрессиям: из 27 номеров 15 было конфисковано и уничтожено. После того как газета была закрыта правительством, 28-й ее номер вышел нелегально. Андреева, как издательница «Новой жизни», была отдана под суд. (См. здесь [документы департамента полиции](#).)

В воспоминаниях современников об истории издания «Новой жизни», сыгравшей значительную роль в пропаганде идей большевизма, уделяется немало внимания и работе Андреевой. В частности, Красин писал: «Ближайшими помощниками нашими в этом деле были А. М. Горький и М. Ф. Андреева, через посредство которых удалось связаться с рядом необходимых для предприятия лиц». М. М. Литвинов отмечал в своих «Страничках воспоминаний»: «Нужно было также легальное лицо в роли официального издателя газеты — и таковым была намечена М. Ф. Андреева. Финансовые заботы взял на себя М. Горький... Я немедленно отправился в Москву для обсуждения ряда финансовых вопросов с Горьким, а также для получения доверенности от Андреевой» (см. сб. «Новая жизнь», вып. 1, Истпарт, 1925).

47. [НАДПИСЬ НА ВЕНКЕ Н. Э. БАУМАНУ]

⁸⁶ Публикуется по сб. «М. Горький в эпоху революция 1905 – 1907 годов». М., 1957.

Н. Э. Бауман — видный деятель большевистской партии, один из руководителей московских большевиков — был убит 18 октября 1905 г. черносотенцем, подкупленным полицией. Мария Федоровна укрывала Баумана в 1903 г. от преследований охранки. К этому она привлекала артистов МХТ (см. здесь [воспоминания Н. И. Комаровской](#)). Похороны Баумана 20 октября 1905 г. вылились в мощную демонстрацию, охраняемую боевыми дружинами. «Свыше 200 тысяч московских пролетариев и представителей революционной демократии шли через весь город в течение восьми часов, отдавая последний долг пролетарскому революционеру Бауману и демонстрируя свою ненависть к царскому самодержавию... Более 150 венков и 300 знамен несли провожающие» (сб., «1905 год в Москве», М., 1955, стр. 102, 103). Среди них был венок с надписью, которая воспроизводится здесь.

48. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁸⁷ Записка датирована Пятницким по времени получения.

Сохранившаяся в архиве К. П. Пятницкого записка М. Ф. Андреевой, без обращения к адресату и подписи, носит характер краткой информации об одном из важных событий Декабрьского вооруженного восстания (разгром артиллерией реального училища Фидлера, где происходило собрание боевых дружин). Сообщение, очевидно, предназначалось для ЦК РСДРП, с которым Пятницкий был связан через Красина.

Об участии Андреевой в первой русской революции см. ее [письма Буренину \(1938 г.\)](#) и воспоминания современников, публикуемые в данной книге. Помимо этого имеются важные сообщения о М. Ф. в мемуарах о революции 1905 – 1907 гг. В частности, старый большевик М. А. Багаев рассказывает в книге «Моя жизнь»: «Одним из первых поручений В. Л. Шанцера мне было: пойти в назначенное время к артистке Художественного театра М. Ф. Андреевой и там получить ответственное указание от члена ЦК партии “Никитича” — Л. Б. Красина. М. Ф. Андреева жила в гостинице “Боярский двор”, и, чтобы явиться к ней, нужно было одеться поприличнее. Впервые в жизни мне пришлось надеть крахмальные манжеты и воротничок, в которых я себя чувствовал как молодая лошадь, на которую в первый раз надели хомут. К М. Ф. Андреевой я пришел в большом смущении и не знал, как себя держать, но Андреева с присущим ей тактом встретила меня как старого знакомого. От Шанцера она узнала мою фамилию и, вспомнив о знакомстве с моей женой, сразу начала разговор о ней и о детях, о нашей жизни в Сибири. От моего смущения не осталось и следа. Вскоре явился и Л. Б. Красин. Задав мне несколько вопросов, касавшихся моего знакомства с московской Таганской тюрьмой, Л. Б. Красин заявил, что на меня возлагается организация побега из тюрьмы членов ЦК, арестованных весной на квартире писателя Андреева. Такое поручение сначала меня смутило — я не знал, с чего начать. Красин меня успокоил, сказав, что для сбора средств на побег он мне дает в помощь М. Ф. Андрееву, у которой большие связи с либеральной интеллигенцией, сочувствующей революционному движению. [...] Выяснив все, что касалось предполагаемого подкопа, я дал свое согласие на роль организатора предприятия, о чем и сообщил Красину на следующем свидании с Андреевой. На первые расходы я получил 500 рублей от самой М. Ф. Андреевой и около 1000 рублей при ее содействии от оппозиционно настроенных некоторых московских врачей и адвокатов» (М. А. Багаев, *Моя жизнь*, Иваново, 1949, стр. 221, 222 – 223).

1906 – 1912

1. ВСТРЕЧИ С ЛЕНИНЫМ

⁸⁸ Эти воспоминания печатались в ряде газет и сборников. Публикуемый текст воспроизводится по сборнику «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, стр. 43 – 48. Авторизованная машинопись воспоминаний под названием «Три встречи», датированная мартом 1941 г.,

хранится в Архиве А. М. Горького. Оттуда нами дополнительно, включено описание встреч Горького с Лениным на квартирах у К. П. Пятницкого и Е. Ф. Крит. Об этих встречах см. также сб. «Ленин в Петербурге», Лениздат, 1957, стр. 73, 81, 95.

⁸⁹ *Чтобы сколько-нибудь улучшить питание наших товарищей...* — Многие делегаты V съезда РСДРП в своих воспоминаниях пишут о том, как Андреева, приглашенная на съезд в качестве гостыи, заботилась об их быте. В частности, Е. Горячева рассказывает: «Во время перерывов был организован буфет, а около буфета часто угощали пивом, это организовала Мария Федоровна Андреева (жена Максима Горького). Она, приглашая выпить кружку пива, говорила полушутя, полусерьезно: “Угощаю пивом только большевиков”, и меньшевики проходили мимо, с завистью поглядывая на кружки с пивом.

Мария Федоровна Андреева произвела на меня очень хорошее впечатление, это была красивая, ласковая, внимательная женщина. Как-то в один из перерывов съезда она подошла ко мне и участливо сказала: “Товарищ, вы очень тепло одеты. Вам жарко в драповом пальто. Надо купить вам что-либо полегче, а ваше пальто я переправлю вам домой, в Россию”. Я ее очень благодарила за внимание ко мне. На следующий день я купила летнее пальто. А мое демисезонное пальто Мария Федоровна действительно отправила ко мне домой в Орехово-Зуево. Мария Федоровна часто со мной беседовала, спрашивала, откуда я, где работаю и кем. И когда узнала, что я ткачиха фабрики Морозова и что мне всего 19 лет, была со мной особенно ласкова». («Орехово-зуевская, правда», 26 июня 1957 г.)

В мемуарной литературе о V съезде партии встречается немало высказываний о тесной связи Горького и Андреевой с В. И. Лениным. В частности, Дм. Бассальго приводит любопытный эпизод. В столовой, расположенной по соседству с помещением, где происходил съезд, сидели за одним столиком В. И. Ленин, Горький и Андреева. Он был приглашен к ним. Завязался оживленный разговор. «В это время к Марии Федоровне Андреевой, — вспоминает Бассальго, — подошел хозяин столовой и о чем-то по-английски стал говорить. Когда он ушел, Мария Федоровна сказала:

— Меня просят сообщить, когда в столовую придет русский писатель Горький. Хозяин намерен сфотографировать известного русского писателя в своей столовой. Фотография с надписью “Здесь обедает знаменитый русский писатель Максим Горький” будет выставлена на витрине его заведения. Эта своеобразная реклама сделает столовую популярной и тем самым поможет хозяину стать... миллионером!

Выслушав все это, Владимир Ильич разразился таким веселым, заразительным смехом, что и мы все расхохотались». (Д. Бассальго, Незабываемые встречи, «Октябрь», 1956, № 4.)

⁹⁰ *... Ленин дал Горькому обещание приехать на Капри...* — В. И. Ленин гостил на Капри дважды: несколько дней в 1908 г., в апреле между 10 и 16 (23 – 29), и в 1910 г., в июне с 18 по 30 (1 – 13 июля). Из-за ошибки памяти Андреева отнесла к 1910 г. некоторые события, связанные с приездом В. И. Ленина на Капри в 1908 г.

2. [ИЗ ДОКУМЕНТА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ О ЛИТЕРАТУРНО-МУЗЫКАЛЬНОМ ВЕЧЕРЕ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ]

⁹¹ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, № 2291, 1906.

После поражения Декабрьского вооруженного восстания в Москве Горький и Андреева поселились, во избежание ареста, в Финляндии. В Гельсингфорсе они участвовали в концертах, сборы с которых поступали в партийную кассу. Финские революционеры чествовали Горького и Андрееву как активных участников революции 1905 г. (см. воспоминания современников: В. М. Смирнов, Финляндия — красный тыл революции 1905 года, «Красная летопись», 1931, № 5 — 6; Н. Е. Буренин, Памятные годы. Воспоминания, Лениздат, 1961). О том, каким революционным пафосом было насыщено концертное выступление Андреевой, речь о котором идет в воспроизводимом полицейском документе, и как горячо принимала ее публика, свидетельствует Н. Е. Буренин. «Особенное впечатление произвело выступление Марии Федоровны Андреевой, только что покинувшей сцену Московского Художественного театра, слава о которой долетела и до Финляндии. Появление ее на эстраде вызвало бурю восторгов, и она долго не могла начать говорить. Публика вся встала со своих мест, кричала “Элякен” (финское ура), перешедшее в общий гул тысячи голосов. Читала Андреева стихотворение Рукавишникова “Кто за нас, иди за нами” с таким подъемом, что не понимавшие русского языка финны говорили мне потом, что они следили за каждым словом, слова как огнем жгли, и их понимать не надо было, ни одно не пропало.

Мария Федоровна, сама зажженная настроением зала, точно выросла, ее чарующий голос, обычно мягкий, стал металлическим, будил и звал людей к борьбе. Слова:

Кто за нас, иди за нами,
И сомкнутыми рядами
Мы пройдем над головами
Опрокинутых врагов.
Кто за нас, иди за нами,
Чтобы не было рабов!

звучали не просто красиво, а были призывом, кличем революционерки-женщины, поднявшей красное знамя и зовущей идти за ним». (Н. Буренин, Из жизни большевистского подполья, М., 1933, стр. 38.)

3. В. Ф. КОМИССАРЖЕВСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ; 4. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

⁹² Печатаются по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Письмо Комиссаржевской датируется предположительно, по сопоставлению с письмом Андреевой к Е. Ф. Крит, датируемым по ее пребыванию в Иматре (Финляндия).

⁹³ ... в случае благоприятного для меня ответа... — Ответное письмо Андреевой на приглашение Комиссаржевской вступить в труппу ее театра — не обнаружено. Его содержание рассказывается в публикуемом отрывке письма

Андреевой к Крит.

О приглашении Андреевой в труппу театра В. Ф. Комиссаржевской см. также [письмо М. Ф. к Крит от 14 апреля 1905 г.](#)

⁹⁴ ... пока... о нашем отъезде за рубеж говорить не следует. — Речь идет о поездке Горького и Андреевой в 1906 г. в США. «Владимир Ильич Ленин придавал этой поездке большое значение. Цель ее заключалась в том, чтобы помешать царскому правительству получить заем и вместе с тем попытаться собрать средства на революционную подпольную работу. Было одобрено участие в поездке Марии Федоровны Андреевой, жены Горького. Ее знали: уже несколько лет она работала в партии, оказывая всяческое содействие как денежными средствами, так и многочисленными своими знакомствами, а с лета 1905 года была самым тесным образом связана с боевой технической группой при ЦК РСДРП (б)» (Н. Буренин, Поездка А. М. Горького в Америку, в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, стр. 223).

5. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. В. ВЕРЕСАЕВУ

⁹⁵ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Вересаев Викентий Викентьевич — по образованию врач, писатель, автор ряда историко-литературных работ, переводчик.

Это небольшое послание М. Ф. было приложено к письму Горького В. В. Вересаеву, написанному ее рукой и опубликованному в Собр. соч. М. Горького, т. 28, стр. 406.

⁹⁶ ... счастлива узнать, что Вы живы, что Вы вернулись... — Подразумевается демобилизация В. В. Вересаева из армии и возвращение его в начале января 1906 г. с Дальнего Востока, где он во время русско-японской войны служил военным врачом.

6. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

⁹⁷ Датируется по времени отъезда в имение «Коё» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 1, стр. 584).

⁹⁸ ... судя по точным данным (сообщения из Таганской тюрьмы). — Имеются, по всей вероятности, в виду сообщения арестованных руководителей Московского комитета партии, с которыми Андреева была связана.

⁹⁹ Мы едем в имение к кому-то. — Речь идет об отъезде в имение «Коё» помещика Варена в связи с необходимостью перейти на нелегальное положение из-за угрозы ареста.

¹⁰⁰ Что здесь происходило, Вам расскажет юнкер... — Юнкером в семье Андреевой называли прапорщика Трояновского, который присутствовал на концертах в Гельсингфорсе и мог рассказать о них. Современный финский писатель Арво Туртиайнен в статье «Максим Горький и финны» пишет о том, как воспринимались зрителями революционные стихи в исполнении Андреевой. «После нескончаемых аплодисментов ей пришлось прочитать стихотворение снова, и на этот раз по-фински. Это внимание к финской публике вызвало необыкновенную в Финляндии бурю оваций. Горькому и Марии Андреевой до бесконечности кричали “ура”» («На рубеже», 1956, № 5, стр. 174). Тот же автор пишет о выступлении Андреевой на банкете: «Мария Андреева говорила о женском движении и поздравила финских женщин с их

достижениями» (там же, стр. 173).

7. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

¹⁰¹ Год установлен по времени отъезда Андреевой и Горького за границу (1906).

Письмо дается в сокращенном виде. Опущены бытовые детали и хозяйственные советы сестре.

8. М. Ф. АНДРЕЕВ А — К. П. ПЯТНИЦКОМУ

¹⁰² Письма Андреевой из-за границы с 1906 по 1912 год датируются по новому стилю.

Год установлен по помете Пятницкого.

Перед поездкой в США Горький и Андреева пробыли некоторое время в Берлине, где познакомились с К. Либкнехтом, А. Бебелем, К. Каутским и Розой Люксембург. Здесь Горьким было написано воззвание: «Не давайте денег русскому правительству», переведенное Андреевой на немецкий язык. В Архиве А. М. Горького сохранилась копия воззвания, написанная рукой Андреевой, с надписью и датировкой автора: «1906, март, Берлин».

¹⁰³ ... он [Горький] по просьбе своих друзей выступает впервые перед берлинской публикой... — В упоминаемом концерте участвовали по приглашению Андреевой В. И. Качалов и И. М. Москвин. «Помню, с письмом от М. Ф. Андреевой ко мне обратился Макс Рейнгардт с предложением выступить на литературном вечере, посвященном творчеству Горького, — писал Качалов. — Вечер устраивался в каком-то большом зале Шарлоттенбурга, который тогда был еще окраиной Берлина, со своей демократической публикой, учащимися и рабочей интеллигенцией... Вся эта публика наполнила театр только для того, чтобы увидеть живого Горького и выразить свою любовь к Горькому — художнику и политическому борцу» («Ежегодник МХТ. 1943», М., 1945, стр. 204). На этом вечере присутствовал К. Либкнехт. Горький читал «Легенду о Данко» («Старуха Изергиль»), Качалов — «Песнь о Буревестнике». Шли также в концертном исполнении сцены из III акта пьесы «На дне» с участием автора. Горький читал роль Луки, Андреева — Насти и Наташи, Качалов — Барона и Васьки Пепла, Москвин — Клеща и Бубнова («Vossische Zeitung», 4 марта (утр. вып.), 12 марта (второе приложение) 1906 г.).

Из перлюстрированного полицией письма М. М. Литвинова известно, что такие выступления в Берлине дали в партийную кассу 5000 франков (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 219, 1906 г.).

9. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁰⁴ Письма Андреевой к Буренину публикуются по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Датируется по сопоставлению с цитируемым далее письмом М. М. Литвинова.

Буренин Николай Евгеньевич (партийные клички: «Виктор Петрович», «Небуренин», «Герман Федорович») — в 1905 г. член боевой технической группы ЦК РСДРП. В 1906 г. по заданию ЦК партии большевиков сопровождал Горького и Андрееву в Америку. В советское время по поручению Музея Революции СССР и Истпарта ездил за границу для сбора материалов о первой

русской революции; занимался также литературной и музыкальной деятельностью. В настоящее время персональный пенсионер.

Публикуемый текст письма Андреевой является приложением к письму Горького Буренину. Настаивая на приезде Буренина, она в завуалированной форме говорит о цели их поездки в Америку. Какое значение придавалось поездке, видно из письма М. М. Литвинова Центральному Комитету партии: «Горький отсюда на днях уехал в Швейцарию несколько отдохнуть. Ждем с нетерпением Г. [Буренина], чтобы немедленно двинуться в заокеанские страны, оттуда получены сведения, советуют поспешить приездом». (Письмо Литвинова, перехваченное полицией, было переслано из Берлина в Петербург 23 марта 1906 г. ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 219, 1906 г.)

10. [ИЗ РЕЧИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В НЬЮ-ЙОРКЕ]

¹⁰⁵ Андреева находилась вместе с Горьким в Америке с 10 апреля по 13 октября (н. с.) 1906 г.

Выдержка из речи Андреевой приведена 5 мая 1906 г. в статье «Barnard girls secretly greet M-me Gorky» нью-йоркской газеты «World». В статье изложены обстоятельства, при которых состоялось выступление Андреевой перед студентками Барнардского колледжа Колумбийского университета в квартире Джона Дьюи — известного философа-прагматиста, профессора этого университета.

Рассказав об участии женщин в борьбе за освобождение русского народа, Мария Федоровна, как это видно из газетного сообщения, призывала помочь русской революции денежными средствами. Студенты Барнардского колледжа, жившие в соседнем доме, выразили свое уважение к Андреевой и сочувствие ее прогрессивной деятельности пением серенады в ее честь. Сообщение печати о встрече студенток с М. Ф. вызвало в колледже настоящую бурю. Как сообщалось 6 мая в газете «World», дело об организаторах и участниках этой встречи подлежало политическому расследованию (Перевод с английского и комментарий к речи Андреевой — С. Я. Бродской.).

Данное выступление Андреевой в США не единственное. Горький писал Пятницкому 1 мая 1906 г.: «М[ария] Ф[едоровна] — на митинге, а я готовлюсь на другой — завтра» (т. 28, стр. 420).

11. ИЗ ПИСЬМА Л. Б. КРАСИНА А. М. ГОРЬКОМУ И М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁰⁶ Письмо публикуется по сб. «Второй период революции, 1906 – 1907 годы», т. 1, М., 1957, стр. 44 – 48. Написано Красиным вскоре после IV съезда РСДРП, где был избран ЦК, в составе которого было семь меньшевиков и три большевика.

¹⁰⁷ ... простую игру в заговор, приличествующую лишь «анархистам» из большинства. — Красин имеет в виду демагогические выпады меньшевиков, называвших «анархистами» большевиков за то, что они продолжали готовить массы к решительной революционной борьбе, организовывали за границей закупку оружия, накапливали боевую технику.

¹⁰⁸ ... Пока еще жив Никитич, туда-сюда, а если он часом заболит... — Красин («Никитич»), член ЦК РСДРП, имеет в виду возможность своего ареста.

¹⁰⁹ *Марат едет куда-то к Енисею.* — «Марат» (В. Шанцер) — один из руководителей Московского комитета партии в 1905 г. — был арестован накануне Декабрьского вооруженного восстания в Москве и сослан в Сибирь. В 1905 г. Андреева выполняла многие партийные поручения «Марата».

¹¹⁰ *Дядя Миша* — подпольная кличка большевика Михаила Александровича Михайлова, ведавшего в 1905 г. приобретением оружия для московской большевистской организации.

В следующем письме, от 6 (19) августа 1906 г., Красин подробно сообщал в США Горькому и Андреевой о Свеаборгском восстании, ходе забастовок, об аграрном движении в деревне, о борьбе с меньшевиками и т. д. («Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП», М., 1932, стр. 252 – 257). Из этих писем видно, как тесно были связаны Горький и Андреева с руководящим центром большевиков, какое активное участие принимали они в первой русской революции.

12. М. Ф. АНДРЕЕВА — П. Н. МАЛЯНТОВИЧУ

¹¹¹ Печатается по копии, хранящейся в Архиве ИМЛ.

Адресовано присяжному поверенному П. Н. Малянтовичу, который вел и выиграл судебное дело по полису в 100 000 рублей, завещанному С. Т. Морозовым Андреевой. Деньги, вначале полученные не полностью, были вручены по распоряжению Андреевой члену ЦК партии Л. В. Красину. Преобладающая часть этой суммы по указанию Андреевой поступила в партийную кассу.

13. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К Е. Ф. КРИТ

¹¹² Письмо дается в сокращенном виде — опущены бытовые детали из жизни семьи Юрковских. Датировано по времени пребывания Горького и М. Ф. в имении Джона и Престонии Мартин в Адирондаке (в горах около границы с Канадой), куда они переехали 16 (29) июня 1906 г.

1/14 апреля 1906 г. Горький и Андреева были выселены из отеля «Бельклер» в связи с травлей, поднятой буржуазной печатью, и оказались на улице, так как их не принимали и в другие отели. Травля была подготовлена царским послом, чтобы дискредитировать Горького и помешать ему осуществить цель поездки. В качестве повода использовали тот факт, что брак Горького и Андреевой не был «освящен» церковью. Американский педагог Джон Мартин (Мартэн) и его жена Престония предложили Горькому и Андреевой поселиться у них. У супругов Мартин они прожили до отъезда из США.

¹¹³ ... *что-то странное происходит с моей несчастной перепиской...* — Письма Андреевой к сестре из США, по-видимому, перехватывались полицией, установившей, что Крит связана с видным деятелем большевистской партии «Никитичем», который переводит за границу большие денежные суммы на закупку оружия для боевых дружин. Охранка в 1906 г. не знала, что «Никитич» — это Красин. Для выяснения личности «Никитича» и. о. вице-директора департамента полиции предложил особому отделу «собрать подробные сведения об инженере Красине и Екатерине фон Крит» (ЦГИАМ,

ф. ДП, ОО, д. 219, 1906 г.).

¹¹⁴ *Очень я рада, что процесс выигран...* — О том, как было воспринято известие об успешном окончании дела по полису С. Т. Морозова, завещанному М. Ф., рассказывает Н. Е. Буренин: «Как-то в воскресенье — день, когда хозяева сами себе прислуживают, а прислуга гуляет, — мы сидели всей компанией в любимой нашей гостиной. Почта принесла радостные известия от Л. Б. Красина о том, что выиграно крупное денежное партийное дело. Чуткая Престония Ивановна сразу заметила, что у нас случилось что-то радостное, стала поздравлять своих русских детей — “mes enfants russos”, как она нас называла, — и готова была затанцевать от радости за нас. Я сел к роялю и заиграл веселый кекуок. Заволжский очень талантливо начал подражать негритянским танцам, к нему присоединились мисс Грэвс и Гарриет Брукс, и, начав свой танец в доме, они под общий смех выбежали в залитый ярким солнцем сад. В саду к нам присоединился молодой парень-садовник, они подхватили горничную, негритянку-кухарку, те потащили за собой Престонию Ивановну, захватили самого Горького и Марию Федоровну, которая увлекла за собой Ивана Ивановича (так называли Джона Мартина. — *Ред.*), и так, целым хороводом, плясали какой-то неизвестный танец: мы — на русский лад, американцы — по-своему» (Н. Е. Буренин, Поездка А. М. Горького в Америку, сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, стр. 238).

¹¹⁵ ... *вспоминается мне и о 3 миллионах, украденных мною у С. Т., по словам «с позволения сказать газет».* — Андреева напоминает о кампании лжи и клеветы, поднятой против нее реакционной прессой после поражения Декабрьского вооруженного восстания. Л. Андреев писал в январе 1906 г. Горькому: «... Прочел в газетах эту гнусную вещь о Савве [Морозове], его деньгах, смерти и о тебе с Марией Федоровной... а в общем отвратительно. Мне особенно больно за Марию Федоровну. Распространяться не буду. Поцелуй ей от меня руку» (Архив А. М. Горького).

14. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ К. П. ПЯТНИЦКОМУ

¹¹⁶ Год указан по помете Пятницкого.

¹¹⁷ *Я на этот Ферлаг что-то не очень надеюсь...* — то есть на издательство, которое возглавлял И. П. Ладыжников в Берлине. Оно было организовано по инициативе Л. Б. Красина для пополнения средств партийной кассы. Издательство выпускало книги русских писателей, преимущественно Горького, Андреева, Куприна, Скитальца и других.

¹¹⁸ ... *считая слова на американский манер.* — Имеется в виду оплата гонорара не с печатного листа, а за каждое слово: «Все мои вещи я продал и запродам американским журналам по 16 центов за слово» (сб. «Архив А. М. Горького», т. V, стр. 184).

¹¹⁹ ... *могут закрыть склад...* — Имеется в виду склад, где хранились сборники и книги издательства «Знание».

15. М. Ф. АНДРЕЕВА — МОРИСУ ХИЛКВИТУ

¹²⁰ Письма Хилквиту публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Данное письмо датировано по времени работы Горького над первой частью повести «Мать».

Хилквит Морис — юрист, основатель американской социалистической партии, реформист. В то время являлся посредником между Горьким и издательствами.

¹²¹ Он просто поручил мне составить план конспекта... — Подразумевается конспект повести «Мать», первую часть которой Горький начал писать в июне 1906 г. в Нью-Йорке. Начало первой части повести было напечатано в массовом американском журнале «Appleton's Magazine» в декабре 1906 г.

¹²² Андреева-Пешкова и Пешкова — так подписывала М. Ф. некоторые свои письма, посланные из США и с острова Капри.

16. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. Ф. КРИТ

¹²³ Датируется по содержанию.

¹²⁴ ... отдать Л. В. 60 тыс. целиком — то есть отдать через Красина эту сумму в партийную кассу. По полису С. Т. Морозова было первоначально получено 89 тысяч рублей.

¹²⁵ Едем кругом, на Неаполь... — Горький и Андреева выехали из Америки 30 сентября (13 октября) и прибыли в Неаполь 13 (26) октября 1906 г.

¹²⁶ Как-то Володя устроится? На него за что гонение — известно? — В. А. Крит — муж сестры Андреевой — был уволен из числа воспитателей Николаевского военно-инженерного училища как «скомпрометированный» родством с М. Ф. Андреевой, активной участницей революции.

17. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ МОРИСУ ХИЛКВИТУ

¹²⁷ Письмо отправлено с Капри, где Андреева поселилась вместе с Горьким 20 октября (2 ноября) 1906 г.

¹²⁸ ... итальянцы встретили А. М. восторженно и страшно приветливо... — Об этой встрече Н. Е. Буренин приводит в воспоминаниях о Горьком сообщение итальянской газеты: «Трудно описать энтузиазм толпы, когда появился Горький. Раздались шумные аплодисменты, тысячи голосов восклицали: “Да здравствует Горький! Да здравствует великий художник! Да здравствует русская революция!”»

Далее Буренин пишет: «По окончании митинга вся толпа восторженно запела рабочий гимн. Тысячи людей сопровождают нас, и вдруг путь оказывается прегражденным взводом солдат и громадным количеством карабинеров. [...] Солдатам дается команда примкнуть штыки. Это раздражает толпу, она напирает на солдат. Горький поднимается в коляске, с удивлением смотрит на двойной кордон, готовый стрелять в толпу. Крики усиливаются. Взбешенный комиссар приказывает играть сигнал к стрельбе. Некоторые из толпы пытаются бежать, но большинство тесным кольцом окружает нас. Мария Федоровна, бледная, встает перед Горьким, я стараюсь их обоих закрыть» (Н. Буренин, Три месяца на острове Капри, «М. Горький в воспоминаниях современников», 1955, стр. 245 – 246).

¹²⁹ Получаете ли вы «Пролетарий»? — Речь идет о редактируемой В. И. Лениным нелегальной большевистской газете — фактически центральном органе большевиков, — начавшей выходить 21 августа (3 сентября) 1906 г.

18. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

¹³⁰ Письма к Амфитеатрову публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 34, опись 2, ед. хр. 16. Датируется по времени переезда Горького и Андреевой на виллу «Сеттана» Блезуса («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 1, стр. 635).

¹³¹ *Получили и «Красное знамя»...* — Имеется в виду оппозиционный журнал без определенного политического направления, который издавался в Париже Амфитеатровым. В № 1 журнала за 1905 г. была напечатана статья Горького «Не давайте денег русскому правительству» и письмо Горького к Анатолю Франсу о русских займах.

¹³² *... меня в кутузку посадят за «московские дни»...* — то есть арестуют за участие в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г.

¹³³ «Город Желтого Дьявола», «Прекрасная Франция» — сатирические очерки, написанные Горьким в Америке.

19. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

¹³⁴ *Спасибо Вам за хлопоты о паспорте...* — Андреева собиралась в то время поехать нелегально в Россию. О паспорте для нее заботились не только ее друзья большевики, но и такие люди, как Луиза Каутская, которая писала ей: «Прилагаю паспорт. Если Вы его не используете, пришлите мне его обратно, все труднее становится доставать» (письмо от 8 февраля 1907 г., ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41).

¹³⁵ *... дядю Мишу уже арестовали...* — Андреева была хорошо осведомлена о судьбе своих товарищей по революционной работе. Арестованный «дядя Миша» — Михайлов М. А. — обвинялся как один из организаторов подпольной газеты «Голос труда» и как активный участник вооруженного восстания в Москве, снабжавший оружием боевые дружины. По заключению московской охранки его следовало «выслать в отдаленные места Сибири, как лицо крайне опасное по своей активности и крайнему направлению» (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. № 56, 1907 г.).

¹³⁶ *Мучительно боюсь за Евгеньевича!* — Имеется в виду отъезд в Россию Н. Е. Буренина, который, как и опасалась Андреева, был арестован вскоре по возвращении в Петербург.

¹³⁷ *Поселился у нас на Капри двоюродный брат мой...* — Речь идет об эсере Рутенберге, одном из организаторов убийства Гапона. С конспиративной целью Рутенберга называли «братом», «двоюродным братом» Андреевой. Он скомпрометировал себя на Капри, о чем Горький впоследствии писал Ладыжникову (сб. «Архив А. М. Горького», т. VII, стр. 160).

¹³⁸ «Былое» — исторический журнал. В 1906 – 1907 годы выходил ежемесячно в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева. В нем освещалось и идеализировалось народничество и его террористическая борьба, помещались воспоминания видных народовольцев и эсеров.

20. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

¹³⁹ Письмо печатается по подлиннику архива ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 506. Год установлен по содержанию.

¹⁴⁰ *Чуть было я не уехала в Россию...* — Речь идет о нелегальном возвращении в Россию, которое не состоялось, так как департаментом полиции

было закончено следствие по делу газеты «Новая жизнь» и арестованные ее работники преданы суду. Циркуляр о розыске Андреевой был разослан во все губернские жандармские управления, на все крупные железнодорожные станции и пограничные пункты с предписанием об ее аресте в случае появления в пределах России. Судебное дело против Андреевой было начато по материалам петербургского жандармского управления о газете «Новая жизнь». Андреева обвинялась как издательница газеты — «за предоставление принадлежащего ей помещения членам заведомо для нее преступного сообщества».

¹⁴¹ ... плохо там нашим товарищам приходится. — Андреева имела ввиду арестованных членов большевистской партии — участников революции 1905 г.

21. ЭПТОН СИНКЛЕР — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁴² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

22. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁴³ Письмо без подписи, послано Буренину в тюрьму. Датируется по времени пребывания Горького и Андреевой во Флоренции в ноябре 1907 г. и знакомства их с известным итальянским скульптором Доменико Трентакоста.

Буренин был арестован 5 июля 1907 г. и заключен в петербургскую одиночную тюрьму. На письмах Андреевой, адресованных ему в 1907 – 1908 гг., имеется штамп с надписью: «Просмотрено товарищем прокурора», и следы медного купороса, применяемого для обнаружения записей, сделанных симпатическими чернилами.

23. М. Ф. АНДРЕЕВА — ДЖОВАННИ ЧЕНА

¹⁴⁴ Публикуется по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 241 – 242.

Чена Джованни — итальянский поэт, прозаик и драматург. С 1902 г. редактор общественно-политического журнала «Новая Антология».

¹⁴⁵ *Вчера мы получили открытку от Эллен Кей...* — Переписка с известной шведской писательницей началась после ее посещения Капри. 26 апреля 1907 г. Э. Кей писала из Рима Андреевой: «Прежде всего мне хотелось бы Вас сердечно поблагодарить за незабываемые часы, проведенные в Вашем доме на Капри. Во-вторых, спросить, как перенес путешествие Ваш муж?.. Здесь я встречаюсь с очень интересной парой — Джованни Чена и Сибиллой Алерамо (как подписывает свои книги г-жа Фаччо), которая состоит с Чена в гражданском браке. Вы знаете, что он редактор “Нуова Антолоджиа”, очень влиятельный и интересный духовно человек. Если прибудете в Рим, не премините их посетить. Они очень просят об этом» (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41).

¹⁴⁶ *Его вынудили дать согласие присутствовать на званом обеде...* — Речь идет об организованном 18 ноября 1907 г. скульптором Трентакоста обеде в Обществе Леонардо да Винчи. По поводу этого обеда Горький писал Пятницкому: «Завтра обед в Обществе Леонардо да Винчи, — должно быть, это будет зело торжественно, увы мне!» («Архив А. М. Горького», т. IV, стр. 210).

¹⁴⁷ ... когда встретимся с вами обоими. — Знакомство с Чена и его женой Алерамо состоялось в Риме в ноябре 1907 г. (М. Горький, Собр. соч., т. 29, стр. 35).

24. ЛУИЗА КАУТСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁴⁸ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

25. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. ЛУНАЧАРСКОЙ

¹⁴⁹ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Архиве ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 506.

Луначарская Анна Александровна — первая жена А. В. Луначарского.

¹⁵⁰ ... переводили целым собором маленькую заметку о Финляндии... — По поводу своей заметки «О Финляндии» А. М. писал в декабре 1907 г. Ладыжникову: «Явились ко мне финны и упросили написать о них заметку для европейских газет, — написал и прилагаю ее. Здесь она пойдет в “Corriere della Sera”...» (т. 29, стр. 37).

26. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁵¹ Год обозначен по тому времени, когда Буренин находился в тюремном заключении.

27. В. И. ЛЕНИН — А. М. ГОРЬКОМУ и М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁵² Печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, т. 34, стр. 324 – 325.

Письмо направлено В. И. Лениным из Женевы, где в то время шла интенсивная подготовка к выпуску газеты «Пролетарий». Газета издавалась с 21 августа (3 сентября) 1906 по 28 ноября (11 декабря) 1909 г., под редакцией Ленина, вначале в Финляндии, затем в Женеве и в Париже.

Поручение В. И. Ленина было выполнено в первые же месяцы 1908 г. Но регулярной отправке «Пролетария» в Россию мешали преследования итальянской полиции, что видно из документов Архива ИМЛ и письма Горького редактору газеты «Avanti» (до 5 (18) мая 1908 г., т. 29, стр. 67).

28. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁵³ Датируется по упоминанию о предстоящем суде над Бурениным, который состоялся во второй половине марта 1908 г.

Письмо написано не свойственным Андреевой мельчайшим, трудно поддающимся прочтению почерком, видимо, в расчете на то, что среди обилия бытовых деталей тюремная администрация не заметит ее политических высказываний.

Когда пришло на Капри известие о выходе Буренина из тюрьмы (1908), Мария Федоровна писала ему: «Знаете ли Вы, какое ликование поднялось тут, когда я сообщила, что Вы на свободе!.. Любят Вас здесь очень».

29. В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁵⁴ Письмо печатается по тексту Сочинений В. И. Ленина, т. 36, стр. 128.

¹⁵⁵ *Посылаю письмо нашего библиотекаря к А. М.* — Имеется в виду письмо руководителя партийной библиотеки в Женеве В. А. Карпинского, в котором он писал Горькому: «В настоящий момент ощущается настоятельная потребность в изучении и оценке истекших годов русской революции. Но весь богатейший материал, оставленный этими годами, все бесконечное количество газет, журналов, сборников, прокламаций, брошюр, выходивших в период свобод, надлежит еще собрать в архивы, чтобы сделать доступным систематической обработке историка, партийного литератора. Образование такого архива является насущной необходимостью» (Архив ИМЛ, ф. 33,

ед. хр. 143). Обращение в русские журналы и газеты было Горьким написано и разослано Андреевой (текст опубликован в сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., 1958. стр. 41). В ИМЛ хранятся также отклики из России, из которых видно, что материалы, упоминаемые В. И. Лениным в письме к М. Ф. Андреевой, присылались в партийную библиотеку (Архив ИМЛ, ф. 33, ед. хр. 143).

30. М. Ф. АНДРЕЕВА — СИБИЛЛЕ АЛЕРАМО

¹⁵⁶ Публикуется по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 242.

Алерамо Сибилла (псевдоним Рины Фаччо) — итальянская писательница, жена Д. Чена, с 1946 г. член Коммунистической партии Италии. В русском переводе вышел ее роман «Женщина». Под названием «Бесправная» опубликован в журнале «Образование», 1907, № 6 – 9.

¹⁵⁷ ... *трамонтан* — холодный северный ветер с гор.

Письма Андреевой к Алерамо переданы последней в Архив А. М. Горького по просьбе дочери Андреевой — Б. А. Желябужской, сообщившей Алерамо о подготовке книги, посвященной жизни и деятельности Марии Федоровны.

31. ИЗ ПИСЬМА Л. Б. КРАСИНА А. М. ГОРЬКОМУ И М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁵⁸ Печатается по тексту книги Н. Е. Буренина «Люди большевистского подполья», М., 1958, стр. 73. Датируется по сопоставлению с датой свадьбы Елизаветы Павловны Шмит.

В письме идет речь о трудностях, связанных с получением наследства Н. П. Шмита, завещанного им партии большевиков. Шмит — студент, владелец мебельной фабрики, оказывал содействие большевистской партии, был арестован во время Декабрьского вооруженного восстания за участие в нем и в 1907 г. убит в тюрьме. До этого, во время свидания с сестрой Елизаветой Павловной, он просил передать все свое состояние (паи в фирме Морозовых) большевистской партии.

¹⁵⁹ *Штуки Каниса неизвестно во что выльются...* — Речь идет о муже одной из сестер Шмита — Н. Андриканисе, который, как известно из сообщений заграничной агентуры департамента полиции, возражал против передачи всего наследства большевикам (ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 5, т. 1, 1907 г.).

¹⁶⁰ ... *приятель, живущий сейчас в Мюнхене* — Вальтер Иванович Шёберг, оппозиционно настроенный финн, помогавший революционерам. В действительности Елизавета Павловна Шмит вступила в фиктивный брак с членом боевой технической группы ЦК РСДРП — Александром Михайловичем Игнатьевым в Париже 11 (24) октября 1908 г.

Н. Б. Буренин в названной выше книге пишет: «Вначале кандидатом в “женихи” намечали меня. [...] В конце концов по моему предложению остановились на Александре Михайловиче, который после некоторых колебаний согласился стать “женихом” и выехал в Женеву для выполнения задуманного...» (стр. 72, 73).

32. РОБЕРТО БРАККО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁶¹ Печатается по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

Бракко Роберто — итальянский новеллист и крупнейший драматург. Бракко жил в Неаполе и часто бывал на Капри. О его дружеском расположении к

Андреевой свидетельствуют письма к ней (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41). Знакомство Бракко с Андреевой состоялось в октябре 1906 г. на Капри. «Бракко провел у Горького целый вечер. С помощью превосходной переводчицы, синьоры Горькой, они беседовали главным образом о литературе и искусстве» (неаполитанская газета «Пуньооло», 31 октября 1906 г., заметка «Горький и Бракко» — цит. по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 254).

33. И. Я. ГИНЦБУРГ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁶² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Гинцбург Илья Яковлевич — скульптор, академик, ученик М. М. Антокольского.

¹⁶³ *Не забуду я празднество в Torro del Greco.* — Народный праздник в городке у подножия Везувия состоялся 7 июня 1909 г.

34. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ;

35. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁶⁴ Датируется по времени раскола в каприйской школе («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 2, стр. 98 – 101).

В обоих письмах Андреева говорит о своей борьбе с организаторами школы, созданной на Капри группой «Вперед», состоявшей из отзовистов, ультиматистов, богостроителей и эмпириомонистов — сторонников реакционно-идеалистической философии Маха и Авенариуса. По характеристике В. И. Ленина, это была компания «обиженных литераторов, непризнанных философов и осмеянных богостроителей» (Соч., т. 34, стр. 351). Письма Андреевой дают представление о склоках и политиканстве, характерных для группы «Вперед», как и для всякой беспринципной групповщины и антипартийной борьбы. Ее критика сыграла немаловажную роль в ускорении отхода Горького от группы «Вперед» (названной так ее организаторами в декабре 1909 г.).

36. А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — ДЖОВАННИ ЧЕНА и СИБИЛЛЕ АЛЕРАМО

¹⁶⁵ Публикуется по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 243 – 244.

¹⁶⁶ ... *прислали нам книги о Реджо Калабрия* — то есть книги о провинции Реджо ди Калабрия — одном из районов, наиболее подверженных землетрясениям. Землетрясением в 1908 г. были разрушены города Реджо ди Калабрия и Мессина.

¹⁶⁷ ... *Горький намерен отдать весь гонорар за книгу, написанную г-ном В. Мейером и им...* — Книга «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», написанная А. М. Горьким и немецким профессором В. Мейером, вышла в 1909 г. в издательстве «Знание». Весь гонорар за книгу и собранные Горьким 5825 лир в пользу пострадавших от землетрясения (28 декабря 1908 г.) были в основном переданы Флорентийскому обществу содействия народной школе на Юге — на постройку и учреждение школы-интерната имени итальянского писателя Эдмондо де Амичиса для детей Калабрии. Среди активных членов-учредителей этого общества были Чена и Алерамо.

37. М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

¹⁶⁸ Письма к Дымову публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в

Архиве А. М. Горького.

Дымов Осип Исидорович — драматург. При его содействии Новым драматическим театром в Петербурге была осуществлена в 1910 г. постановка пьесы Горького «Чудаки».

38. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

¹⁶⁹ Горький в специальном письме также приглашал Станиславского на Капри: «Уважаемый Константин Сергеевич! М. Ф. уже приглашала Вас сюда, на Капри, отдохнуть, — позвольте и мне просить о том же!» (т. 29, стр. 152).

¹⁷⁰ ... если бы нашелся такой смельчак... попробовал создать пьесу без автора? — Впоследствии Станиславский и Сулержицкий проводили опыты создания спектакля импровизации силами артистов Первой студии по сценарию А. М. Горького (т. 29, стр. 258 – 270, и здесь письмо Станиславского от 9 апреля 1913 г.)

39. В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁷¹ Письмо В. И. Ленина М. Ф. Андреевой впервые опубликовано составителями книги «М. Ф. Андреева» в журнале «Театр», 1958, № 4. Подлинник хранится в Архиве ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2645.

¹⁷² ... получил наконец ответ насчет доклада Триа. — Имеется в виду публикация в центральном органе РСДРП — газете «Социал-демократ» доклада участника революции 1905 – 1907 гг. В. Мгеладзе (Триа), находившегося в то время на Капри. (Впоследствии Мгеладзе возглавлял меньшевистское правительство в Грузии.)

¹⁷³ 23.VIII еду в Копенгаген. — Речь идет о поездке на Международный социалистический конгресс, который состоялся в Копенгагене с 28 августа по 3 сентября 1910 г.

¹⁷⁴ ... Вы писали, что «полон дом гостей»? — В августе 1910 г. на Капри гостили писатели, художники — Коцюбинский, Гусев-Оренбургский, Бродский, Прохоров, Печаткин, Никифорова, Иорданский; Горького посещали делегации учителей из России и др.

40. М. Ф. АНДРЕЕВА — М. П. ЛИЛИНОЙ

¹⁷⁵ Датируется по помете на телеграмме. Печатается по подлиннику, хранящемуся в Музее МХАТ, архив Станиславского.

Послана с Капри в Кисловодск, где находились тяжело больные Станиславский и его сын.

Тогда же Н. Н. Литовцева писала Лилиной: «На днях я получила письмо М. Ф. Андреевой. Она страшно интересуется здоровьем Константина Сергеевича и просит ей хоть что-нибудь сообщить» (Музей МХАТ, архив Лилиной).

41. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. П. МУРАТОВОЙ

¹⁷⁶ Письмо публикуется по подлиннику, хранящемуся в Музее МХАТ, архив Станиславского.

Муратова Елена Павловна — актриса Художественного театра с 1901 г. В 1910 г., в период болезни Станиславского, находилась около него в Кисловодске. Андреева была связана с ней личной дружбой.

¹⁷⁷ ... Павлова недавно приезжала... — Одна из актрис МХТ,

поддерживавшая связь с Андреевой и информировавшая ее о театральной жизни Москвы. В частности, после постановки «Братьев Карамазовых» она в письме от 21 октября 1910 г. сообщала: «Владимир Иванович вел с небывалой энергией все репетиции, работали буквально с утра до ночи и приготовили в два месяца 23 картины. Согласитесь, что для нас это необыкновенная работоспособность. Теперь пьеса прошла, часть прессы хвалит до небес, другая часть рвет в клочки... Чудесно играл Леонидов — Митю, сцены в Мокром (кутеж и первый допрос) имели колоссальный успех. Грушенька — Германова — никакая. Красива, цветиста, как всегда, но ни “обаятельница”, ни “инфернальницы”, ни души Грушеньки, конечно, не могло быть. Ругает и вся пресса. Катерину Ивановну играла Гзовская, играла как могла, но ее маленькая, хрупкая фигурка и хорошее дарование настоящей комедийной актрисы никак не подходят к Катерине Ивановне, где нужна настоящая большая драматическая сила... Василий Иванович Качалов играл Ивана Карамазова, играл его кошмар чудесно, жутко до галлюцинаций... Ив. Москвин всю осень провозился с пальцем (засорил какую-то ранку и довел до заражения крови). Он чудесно играл в “Карамазовых” роль капитана Снегирева...» (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 23).

42. М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

¹⁷⁸ ... деньги эти предназначены им для специальной цели... — Горький предназначил сбор с петербургской постановки пьесы «Чудаки» также на постройку школы имени Эдмондо де Амичиса для детей Калабрии, пострадавших от землетрясения в 1908 г. (см. еще [примеч. к письму № 36](#)).

¹⁷⁹ У А. М. есть еще одна пьеса... — Имеется в виду «Васса Железнова», которая была закончена Горьким в начале сентября 1910 г.

43. А. Н. ТИХОНОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁸⁰ Письмо публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41. Год датировки установлен по содержанию.

Тихонов Александр Николаевич (литературный псевдоним А. Серебров) — литератор; по образованию горный инженер; принимал деятельное участие в ряде изданий, возглавлявшихся А. М. Горьким. Многие годы друг Андреевой и ее семьи.

Письмо послано из Сибири, где А. Н. Тихонов находился в 1910 г. в экспедиции. Сын М. Ф. Андреевой Ю. А. Желябужский писал 15 июня 1910 г.: «Тихон уехал в Сибирь, на “Поднебесный Зуб”. Это гора такая. Недурно?» (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 40).

¹⁸¹ Вы приглашаете к себе на Капри... — Тихонов прибыл на Капри в апреле 1911 г. (дневник К. П. Пятницкого, 1911 г., л. 45 об., Архив А. М. Горького).

¹⁸² «Окуров» — ... это поэма. — «Городок Окуров», повесть-хроника М. Горького, написанная в 1909 г., печаталась в сборниках «Знание» (1909, кн. 28, и 1910, кн. 29). Отдельной книгой вышла в издательстве И. П. Ладыжникова в 1910 г. в Берлине.

¹⁸³ ... «пятьдесят три, пятьдесят четыре»... — широко известный среди друзей Андреевой ее шуточный ответ на вопросы: «Как поживаете?», «Как

ваше здоровье?», салонную условность которых она этим подчеркивала.

44. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. АМФИТЕАТРОВУ

¹⁸⁴ ... *угovarивайте посмотреть маленькие городки Италии...* — Горький путешествовал по Италии с 1 по 22 октября (н. с.) 1910 г. О вынесенном им впечатлении от поездки см. [письмо Андреевой Коцюбинскому от 17 декабря 1910 г.](#)

¹⁸⁵ ... *не говорить об эмпироктах, эмпироктских делах...* — Так иронически называет Андреева эмпириокритиков — русских махистов, ревизионистов в области философии, разоблаченных В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм». О разрыве и борьбе Андреевой с ними см. ее [письма Ладыжникову и Буренину \(ноябрь 1909 г.\)](#).

45. М. Ф. АНДРЕЕВА — О. И. ДЫМОВУ

¹⁸⁶ *Из Ваших слов... об игре «Чудаков» невольно заключаю, что пьеса идет вяло...* — Премьера спектакля «Чудаки» состоялась в Новом драматическом театре в Петербурге 24 сентября 1910 г. Исполнители и режиссура, как и опасалась Андреева, не поняли смысла пьесы и не сумели ее хорошо поставить. По отзыву газеты «Русское слово» от 25 сентября 1910 г., «роль писателя [Мастакова] была исполнена в стиле водевильного любовника-простака».

¹⁸⁷ ... *вошли в переговоры... с 2-м Кугелем.* — Речь идет о согласии журнала «Театр и искусство» взять на себя выпуск литографированного издания пьесы «Васса Железнова». 7 (20) октября 1910 г. это издание поступило в цензуру («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 2, стр. 152).

46. И. А. БУНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁸⁸ ... *томились на панихидах и похоронах Сергея Андреевича* — Муромцева, одного из основателей кадетской партии, председателя 1-й Государственной думы, умершего 4 октября 1910 г.

47. М. Ф. АНДРЕЕВА — Л. А. СУЛЕРЖИЦКОМУ

¹⁸⁹ Сулержицкий Леопольд Антонович — литератор и художник, с 1905 по 1916 г. режиссер МХТ, театральный педагог, друг и ближайший помощник К. С. Станиславского по разработке «системы» и проведению ее в жизнь. Руководитель Первой студии МХТ.

Публикуемый текст является припиской Андреевой к письму Горького Сулержицкому, в котором он писал: «Константину Сергеевичу скажи, что его приезд весьма и глубоко обрадует нас, что и я и Марья Федоровна любим его крепко и сердечно чтим» (Архив А. М. Горького).

48. М. Ф. АНДРЕЕВА — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ;

49. М. М. КОЦЮБИНСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁹⁰ Письма Андреевой к Коцюбинскому печатаются по собранию его сочинений — «Твори», т. III, Київ, 1949. Письмо Коцюбинского — впервые, по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 14. Датируется: письмо Андреевой новым стилем, Коцюбинского — старым стилем.

М. М. Коцюбинский — выдающийся украинский писатель, демократ, друг Горького и Андреевой — приезжал на Капри в 1909, 1910 и 1911/12 гг. В переписке с ним (частично публикуемой нами) Андреева затрагивала ряд литературных проблем, информировала о процессе творческой работы

Горького, характеризовала литературные труды отдельных современников, высказывала свое отношение к произведениям самого Коцюбинского и передавала ему отзывы издателей. Во многих письмах к Горькому Коцюбинский говорил о своем глубоком уважении к Андреевой: «Все время я вспоминал Вас и Марию Федоровну, всю Вашу дорогую для меня семью, которой я многим обязан» (август 1910 г.), «Многоуважаемую Марию Федоровну сердечно благодарю за дорогую для меня приписку к Вашему письму и за добрые пожелания» (сентябрь 1910 г.), «Мария Федоровна порадовала меня известием, что “Кожемякин” подходит к концу. Жду с нетерпением. Это моя любимая вещь» (декабрь 1910 г.). В апреле 1911 г., прочитав «Матвея Кожемякина», Коцюбинский восторженно отзывался о нем и писал Горькому: «А дорогую Марию Федоровну хочется мне сердечно поздравить с Вашей чудной вещью».

¹⁹¹ Только что прочитал «День гнева» Андреева. — Коцюбинский имеет в виду рассказ, по поводу которого Горький писал Амфитеатрову: «Посылаю Вам новый рассказ Андреева: игра на цимбалах нутряного, исконно-русского анархизма, пропади он пропадом! Жидко, старо, скучно. И — вредно для нас, сыты мы этим» (т. 29, стр. 146).

50. РОБЕРТО БРАККО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁹² Печатается по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 254.

51. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

52. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

¹⁹³ Письма Андреевой датируется по сопоставлению с письмом Станиславского, которое печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Станиславский гостил на Капри с 17 по 20 февраля (2 – 5 марта) 1911 г.

В книге А. Н. Тихонова (Сереброва) «Время и люди» в главе о Станиславском дается описание пребывания К. С. у Горьких на Капри. К черновому варианту рукописи (ЦГАЛИ, ф. 2163, оп. 1, ед. хр. 5) имеется вступление автора: «Присутствовать при их (Станиславского и Горького. — Ред.) встрече мне не пришлось, описание ее беру из рассказа М. Ф. Андреевой». В вышедшей книге это вступление опущено и рассказ дан в сокращенном и измененном виде. Воспроизводим текст чернового варианта:

«Встреча Станиславского с Горьким на Капри была радостной для них обоих. Как будто они только и ждали этой встречи, чтоб немедленно подружиться. Ни одного дня они не проводили теперь друг без друга. Вместе посещали неаполитанские музеи, вместе осматривали обломки Помпеи, вместе уезжали далеко в море на рыбную ловлю. Горький относился к этому занятию как настоящий рыбак. Его не столько интересовал процесс ловли, сколько количество улова. Поместившись на корме лодки, одетый попросту — в расстегнутой голубой рубашке, — он не поднимал глаз от воды. Удили без поплавка и удилиц — прямо с руки.

Станиславский, в элегантном костюме, выглядел горожанином. Он больше смотрел по сторонам, чем на удочку: от долгого глядения на воду у него кружилась голова. День был жаркий. При полном безветрии море все же не оставалось неподвижным. Оно медленно колыхалось всей своей громадой,

приподымая и опуская нашу лодку, где сидело семь человек, с такой легкостью, как будто то была ореховая скорлупка. От длинных маслянистых волн подымалась соленая испарина. Вода около лодки такая синяя, что казалось, если в ней выкупаться, весь будешь голубой, но чем дальше к горизонту, тем больше вода теряла свою синеву, покрываясь солнечной рябью, от которой было больно глазам. Вдали туманилось полукружье Неаполитанского залива с белой россыпью домов, зеленью виноградников и лениво дымящимся конусом Везувия.

— Какая удачная декорация для оперы! — сказал Станиславский, обводя рукой очертания горизонта.

— Константин Сергеевич, у вас клюет! — отозвался укоризненно Горький.

Когда потянувшаяся от клева леска дернула Станиславского за палец, он испуганно вздрогнул и умоляюще посмотрел на рыбака-итальянца, боясь сделать не то, что надо.

Рыбак “подсек” и вытащил из воды небольшую рыбку, похожую на радужного окуня.

— Вы поймали виолу! — рыбак поднял трепетавшую в воздухе рыбку, предлагая Станиславскому снять ее с крючка.

— А она не укусит?

Рыбак вежливо улыбнулся, полагая, что синьор, конечно, шутит.

По вечерам, сидя на террасе виллы [“Серафина”], Горький и его гость читали друг другу свои произведения. Горький — “Сказки об Италии”, над которыми он тогда работал; Станиславский — диалоги из своей книги об актере.

— Вам для вашей книги было бы, мне кажется, полезно посмотреть театр Скарпетта... В Неаполе... Хотите — съездим?

Народный театр помещался тогда в одном из переулков Неаполя, неподалеку от галереи Умберти. Небольшой, грязноватый зал с двумя ярусами лож.

В этот вечер в нем шла веселая неаполитанская комедия из жизни Пульчинелло [Пульчинелло — то же, что и русский Петрушка. — *Авт.*]. В действии пьесы принимали участие, как и всегда в этом театре, не только актеры, но и зрители. Сюжет пьесы был общеизвестен — кто из неаполитанцев не знает приключений своего любимого героя — Пульчинелло?! Задача актеров и публики состояла в том, чтоб разыграть эту комедию каждый раз с новыми вариантами. Актеры вели “сквозное” действие пьесы, публика дополняла его своими репликами, злободневными вставками и остротами, подсказывала новые повороты сюжетной интриги. Актеры подхватывали удачные замечания, отвечали на остроты — остротами, вводили в действие новые сцены. Все это делалось — и с одной и с другой стороны — очень умело и весело.

Из всех зрителей Станиславский был самым активным. Ему ни минуты не сиделось спокойно. Он вскакивал, аплодировал, смеялся, подавал реплики (иногда с увлечением даже по-русски), кричал... [В рукописи автора — пропуск. — *Ред.*], когда действие теряло темп, и махал руками на публику, чтоб водворить тишину, когда по ходу пьесы должны были говорить только актеры.

Выйдя из театра, Станиславский долго не мог успокоиться.

— Я вам весьма... очень признателен, что вы мне это показали! — говорил он Горькому, шагая рядом с ним по темным переулкам Неаполя. — Только теперь я понял, чем была настоящая комедия дель-арте... Наши эстеты сделали из нее манерную пошлость, архивную стилизацию. А на деле — это сама жизнь, народное творчество, особая форма театрального искусства. И почему принято считать, что это возможно только в Италии? Не... неверно! Уверяю вас... У нас, у русских, тоже была своя комедия дель-арте. На ярмарках представляли Петрушку. Я помню, как к нам на усадьбу приходили крестьяне и разыгрывали “Царя Максимилиана”... И все мы принимали участие. “Видишь?..” — “Вижу...” — “Что видишь?..” — “В болотах — кочки, в лесу — сучки, в городах — полицейские крючки!..” До сих пор помню!.. Театр состоит из трех элементов: автор, актер и зритель... Мы забыли о зрителе... о народе... Зритель у нас бездействует... Ему запрещено даже аплодировать. Это... это ошибка... Театр возник из народного действия и без него обратится в паноптикум...

Станиславский наткнулся на тумбу и извинился перед ней.

— Вы — очень вежливый человек! — сказал, улыбаясь, Горький, Станиславский даже не заметил своей ошибки. Он был весь в своих мыслях о театре.

— А какая свобода для актера! Он импровизирует, он не связан текстом. Даже в лучших пьесах — я не говорю, конечно, о ваших — текст не всегда удобен для актера, плохо ложится на язык... Здесь же актер играет не слова, а смысл и чувства, не мизансцены, а естественные положения. Когда он сбивается, ему помогает зритель. Лучший режиссер на свете — это публика. А знаете что?

Он вдруг остановился на середине улицы.

— А почему бы нам не создать собственный театр импровизации? Это может быть очень интересно. Вы бы написали сценарий, а мы бы его разыграли. Сперва, для пробы, в какой-нибудь студии, с молодежью, потом можно перенести куда-нибудь на завод — рабочий у нас теперь... интеллигентный... А... потом и... и... в деревню? А?

Горький тоже остановился.

— А ведь это — идея! — от радости он стал потирать ладони, как будто у него уже чесались руки — поскорее за работу...

Их сейчас же окружили мальчишки. Был какой-то праздник. Народу полна улица. Улица узенькая, ступенчатая. С балконов свешивались ковры и пестрые материи. По карнизам горели плошки. Вонь от них порядочная, но — красиво. Над тавернами — средневековые фонари. Шум, говор, крики. Вы знаете неаполитанцев. Они так азартно жестикулируют, как будто сейчас — в драку. На самом же деле говорят о том, где сегодня будут жечь фейерверк. И над всем этим — музыка. Механическая пианоло, на тележке... Грохот такой, что лопнут барабанные перепонки. Хозяйка пианолы — полуслепая женщина, с бельмом на глазу. Мальчишки, чтоб выпросить деньги, стали вокруг нас приплясывать... И вдруг, глянув на них, Станиславский, а за ним и Алексей Максимович тоже

пустились в пляс. Никогда я их не видала такими веселыми. В толпе стали в такт прихлопывать ладонями. Увидев, что их окружает народ, танцоры сконфузились.

— Вот мы уже и открыли свой народный театр! — сказал Станиславский.

Женщина с бельмом на глазу подтащила к ним тележку.

— С вас десять сольди за музыку! — сказала она мрачно и протянула кружку. Кружка была железная, чтоб по звуку можно было узнать, сколько бросили в нее денег.

На прощанье Горький решил “угостить” Станиславского каприйской тарантеллой. Он делал это только для тех, кого любил. Это совсем особая тарантелла. В ней ни развязности неаполитанских притонов, ни жеманности театрального балета. Танцоры некрасивы: она коренастая деревенская девушка, привыкшая работать на винограднике, он — сухой пожилой мужчина, похожий на учителя. Танцевали они на земляном полу, в таверне, босые, чтоб не изнашивать обуви. Перед тем как начать танец, девушка украсила себя разноцветными лентами, мужчина снял очки и опоясался вокруг пиджака пестрым шарфом. Вставши рядом, ударили друг друга бедрами и отступили для любовного состязания. Первая встреча — натиск мужчины, ухищрения женского кокетства, вспыхнувшее влечение, борьба стыдливости, страх перед неизбежным — закончилась схваткой. Мужчина бросил девушку на землю, она в изнеможении обвила его шею поясом девственности. Началась вакханалия. Изменился ритм танца. Косматая старуха, вся в черном, била в бубен, звенела колокольчиками. Кудрявая, в лохмотьях девочка лет десяти ангельским голосом выпевала ритуальные непристойности. Слившаяся воедино пара кружилась с такой быстротой, что видны были только развевающиеся ленты.

Так некогда совершались, вероятно, античные мистерии любви и брака под зловеющий бубен Рока, под ликующий голос ребенка...

— У... удивительно! — заикаясь от волнения, сказал Станиславский, засовывая пенсне в верхний карман пиджака, — жест, каким он обычно заканчивал репетиции. — Каким чудом мог сохраниться до наших дней этот обломок язычества. Вот и видно, что настоящее искусство — бессмертно... Его несет в себе народ. И какая огромная тема... Это не любовный танец, как мы его теперь понимаем, — это показ — как зарождается человек. А точность жестов, ритма, выразительность движений! В одном, пожалуй, правы наши театральные новаторы: мы, сидя в конторах, разучились владеть своим телом. У нас дряблые мускулы... В Риме я видел недавно торс бельведерского Геркулеса. Микеланджело сказал про скульптора: “Этот человек знал больше, чем природа”. Великолепно! Самое верное, что сказано об искусстве. Осмыслить природу! Это и есть художественный реализм... Пожалуйста, передайте этим бедным людям мою благодарность и... вот... немного денег... И скажите им, что они — гениальные артисты. Вот бы нам, для будущего театра, найти таких же.

Гениальные артисты в это время уже разносили по столикам вино зашедшим в таверну американским туристам».

53. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

¹⁹⁴ *Приезжал сюда Станиславский и так растревожил мне душу...* — Горький писал Станиславскому о том, какое впечатление произвел его приезд: «... по отъезде Вашем мы с Марусей долго и много говорили про Вас, да и ныне все еще вспоминаем про Вас так, будто вчера видели Ваше лицо и слышали голос» (т. 29, стр. 164).

¹⁹⁵ ... с колоссальным успехом поставили «Синюю птицу»... — Постановка была осуществлена Л. А. Сулержицким и Е. Б. Вахтанговым в Париже, в театре Режан. Премьера состоялась 2 марта 1911 г.

54. М. Ф. АНДРЕЕВА — М. М. КОЦЮБИНСКОМУ

¹⁹⁶ Андреева заботилась о здоровье Коцюбинского, о создании хороших бытовых условий для отдыха, опекала его во время пребывания на Капри. В воспоминаниях Горького о Коцюбинском приведен ответ последнего на приглашение Андреевой приехать на Капри: «Почти ничего не удалось заработать зимою, значит — создалось трудно одолимое препятствие. А между тем вилла в 4 комнаты за 65 лир, с доброй хозяйкой, манят и улыбаются» (т. 14, стр. 107). В 1911 г. Коцюбинский смог приехать на Капри только в декабре. Пробыл там до апреля 1912 г. («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 2, стр. 228 и 264). Это было последнее посещение Капри и последняя его личная встреча с Горьким и Андреевой.

55. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

¹⁹⁷ *Прочел «Встречу» и пришел в восторг.* — Имеется в виду пьеса М. Горького, впервые опубликованная в журнале «Современный мир», 1910, № 9; позднее вышла в издательстве Ладыжникова в Берлине отдельной книжкой под заглавием «Дети». На предложение К. С. Станиславского поставить эту пьесу Горький ответил: «Хотите ставить “Встречу”? Пожалуйста, если находите, что стоит» (т. 29, стр. 164). Постановка «Встречи» не была осуществлена.

56. ОТРЫВОК ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

¹⁹⁸ Отрывок из воспоминаний Андреевой публикуется по тексту газеты «Московский комсомолец», 17 июня 1940 г.

57. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ

¹⁹⁹ Письма к Вашкову печатаются по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Вашков Евгений Иванович — детский писатель, художник, являлся посредником между Андреевой и издательством. В 1912 г. вышел в ее переводах сборник итальянских детских сказок. Некоторые сказки из этого сборника включены в издание Детгиза 1957 г. Как возникла идея этого сборника, известно из письма Вашкова Горькому: «Как-то в разговоре Мария Федоровна предложила перевести итальянские народные сказки. Я тогда же приветствовал эту мысль — издание таких сказок я считаю большим вкладом в бедную детскую литературу. Поэтому, если Мария Федоровна не раздумает взяться за перевод, это будет прекрасно» (Архив А. М. Горького, письмо от 24 июля 1910 г.). После того как переводы были Андреевой сделаны, Горький сообщил Вашкову о ее согласии на материальные условия, предложенные издательством (75 р. с п. л.), и характеризовал результаты работы: «Мария Федоровна уже

перевела ряд маленьких, очень милых на мой взгляд, сказочек. Я их просматривал, просмотрю и еще раз» (Архив А. М. Горького, письмо от 5 июня 1911 г.).

58. И. А. БУНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ и А. М. ГОРЬКОМУ

²⁰⁰ ... *тотчас же поплыл бы на Капри*. — О намерении побывать на Капри Бунин писал Андреевой еще 18 мая 1911 г.: «Вы знаете, как мы любим Капри, как нам хотелось поскорее повидать Вас».

В 1911 г. Бунин был на Капри в ноябре (дневник К. П. Пятницкого, 1911 г., л. 173, Архив А. М. Горького).

59. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ

²⁰¹ *Переведенные мною и проредактированные Алексеем Максимовичем «Сказки»...* — На переводах Андреевой имеется правка, сделанная рукою Горького (Архив А. М. Горького).

60. М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ и Н. А. РУМЯНЦЕВУ

²⁰² Письма к артистке Художественного театра Красковской и ее мужу Румянцеву, артисту и администратору МХТ, публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в Музее МХАТ, архив Красковской. Данное письмо датируется по времени пребывания Ф. И. Шаляпина на Капри.

²⁰³ ... *приезжал к Алексею Максимовичу Федор Иванович Шаляпин...* — Шаляпин был у Горького на Капри с 28 августа (10 сентября) по 11 (24) сентября 1911 г. («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 2, стр. 212 и 216).

²⁰⁴ *Теперь становится понятным, как все с ним случилось...* — то есть понятен инцидент с коленопреклонением Шаляпина, который произошел 6 января 1911 г. в Мариинском театре во время представления оперы «Борис Годунов», подробно описанный Андреевой в публикуемом письме. Письма Горького по поводу этого инцидента см. Собр. соч., т. 29, № 529, 533, 543, 546, 547, 551, 566, письма Шаляпина см. в сб. «Ф. И. Шаляпин», т. 1, М., 1957, № 21, 24, 129, 130. В одном из этих писем Шаляпин говорил: «Очень, очень обрадовался я получить твое письмо, дорогой Алексей Максимович. Оно меня воскресило. Мне уж показалось, что для меня пришел совсем конец. Спасибо милой Марье Федоровне! В ее нескольких строчках я почувствовал молчаливое пожатие руки, тронувшее меня до слез» (там же, стр. 383 – 384).

61. М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ и Н. А. РУМЯНЦЕВУ

²⁰⁵ «*Труп*»-то — *ведь это правда что набросок пьесы...* — Пьеса «Живой труп» — посмертное произведение Л. Н. Толстого. Работа над ней не была окончательно завершена писателем, что широко обсуждалось тогда в печати. После премьеры спектакля, состоявшейся 23 сентября 1911 г., С. Л. Толстой писал: «Я полагаю, что Художественный театр сделал все, что мог. Дело в том, что пьеса не окончена. Случилось это отчасти по вине газет, которые написали, что Лев Николаевич пишет пьесу такого-то содержания. Благодаря газетам об этом узнал сам герой пьесы — живой труп — и пришел к Льву Николаевичу рассказать подробности своей жизни. Он ничего не имел против того, чтобы Л. Н. написал эту пьесу, но после его рассказа Л. Н. разочаровался в своей пьесе. Причины были следующие: во-первых, об этом говорил сам Л. Н. —

действительность, по его мнению, оказалась гораздо интереснее вымысла, во-вторых, он очень не любил, когда газеты начинали поднимать шум. Вследствие этого пьеса осталась неоконченной. Она — схематична. Это только контур, на который красок не положено» («Русское слово», 24 сентября 1911 г.).

²⁰⁶ ... *Пятницкий не переменит образа своих действий...* — Замечание в адрес издателя сборников «Знание» было вызвано тем, что он запустил дела издательства, празднично проводил время на Капри.

²⁰⁷ ... *он съездит в Рим посмотреть русский отдел...* — Речь идет о русском отделе Международной промышленной выставки (см. каталог русской секции, изданный на французском языке в Петербурге в 1911 г.).

62. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. С. МИРОЛЮБОВУ

²⁰⁸ Письмо направлено Миролубову — одному из редакторов издательства «Знание». Желая избавить Горького от материальных тягот и забот, Андреева взяла на себя ведение его издательских дел. В то время дела издательства «Знание» по целому ряду обстоятельств были в крайне запущенном состоянии. Сложные взаимоотношения неизбежно вызывали конфликты и острые личные столкновения с руководством издательства. Этим и объясняется то тяжелое настроение, чувства горечи и боли, которыми проникнуто публикуемое письмо. Как трудно приходилось Андреевой, видно из ее письма Пятницкому: «О себе я не говорю, как бы ни было тягостно и невыносимо мое положение — ведь денег требуют от меня, оскорбляют за неплатежи по счетам и т. д. Я могу все перенести, чтобы избавить А. М. от тяжелого, но что будет дальше?! Как жить?» (Архив А. М. Горького, письмо Андреевой, октябрь 1911 г.).

63. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. ВАШКОВУ

²⁰⁹ ... *издать к празднику «Сказки» М. Горького.* — Имеются в виду «Сказки об Италии». В издательстве А. А. Левенсона они не были опубликованы. Вышли в «Книгоиздательстве писателей», М., 1913, с посвящением М. Ф. Андреевой. Перед выходом книги Горький писал Вересаеву: «Если время не упущено, я попросил бы поставить на странице за обложкой три слова: Марии Федоровне Андреевой» («Архив А. М. Горького», т. VII, стр. 115).

64. М. Ф. АНДРЕЕВА — О. П. РУНОВОЙ

²¹⁰ Письмо печатается по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 425, оп. 1, ед. хр. 6.

Рунова Ольга Павловна — писательница. Посетила Капри в середине июля 1911 г. Горький отзывался о ней в письме Миролубову: «Недавно была О. Рунова, женщина умная, много знающая, наблюдательная. Ее бы — приласкать. Жаль — провинциальна она, очень» (т. 29, стр. 173).

65. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Т. В. КРАСКОВСКОЙ И Н. А. РУМЯНЦЕВУ

²¹¹ *Читали о дебюте...* — Андреева говорит об отзывах печати по поводу дебюта А. А. Стаховича в роли князя Абрезкова в «Живом труп». Этот факт широко обсуждался прессой. В частности, в заметке газеты «Утро России» говорилось: «Весьма пожилые годы, генеральский чин и популярность фамилии Стаховичей привлекли к этому дебюту внимание всей Москвы. Говорили, что

Стаховича выпускают в роли князя Абрезкова из-за его превосходных манер и французского произношения. Оба вышеуказанные качества оказались налицо, и ими главным образом блеснул дебютант. Вообще же роль князя Абрезкова, кстати сказать, очень трудная, была проведена им вполне прилично...» («Утро России», 13 ноября 1911 г.).

²¹² ... *зачем же тревожить сей прах...* — Это резкое суждение относится к решению Художественного театра поставить реакционную пьесу Д'Аннунцио «Мертвый город». Газеты сообщали, что решение это окончательное и роли уже распределены. Германовой предназначалась роль Анны («Утро России», 13 ноября 1911 г.). Постановка не была осуществлена.

²¹³ ... *Алексей Максимович ушел, конечно, из журналов...* — Отказ Горького сотрудничать в ряде журналов и газет был вызван политическими причинами. В частности, из журнала «Новая жизнь» он ушел в связи с предстоящей публикацией повести реакционного писателя И. И. Ясинского; а из газеты «Живое слово» — после появления на ее страницах корреспонденции, в которых предлагалось обратиться к царскому правительству с петицией о разрешении Горькому вернуться в Россию, и т. д.

²¹⁴ *Почему мои фиалки пропали...* — Андреева, видимо, дает понять своим друзьям, что ее письма перлюстрируются полицией.

66. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. А. РУМЯНЦЕВУ

²¹⁵ ... *как-то у Вас «Гамлет» сойдет...* — Из этого, как и из других писем, адресованных работникам МХТ, видно, что Андреева не переставала интересоваться и следить за творческой жизнью театра. Премьера спектакля «Гамлет» состоялась в Художественном театре 23 декабря 1911 г. (режиссеры К. С. Станиславский и Л. А. Сулержицкий, постановка Гордона Крэга).

²¹⁶ *Вот уж — желаю ему победы!!* — то есть победы Станиславскому в постановке «Гамлета», которой он придавал огромное значение.

²¹⁷ *Вас-то я надеюсь летом увидеть.* — Речь идет о новой встрече с Н. А. Румянцевым и Т. В. Красковской, которые гостили у А. М. Горького и М. Ф. Андреевой на Капри в июле 1911 г.

67. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ; 68. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. М. МОСКВИНУ

²¹⁸ Печатаются по подлинникам: Станиславскому — в Архиве А. М. Горького, Москвину — в Музее МХАТ, архив И. М. Москвина.

Открытые письма с видом Италии посланы Станиславскому и Москвину во время пребывания на Капри А. А. Стаховича.

69. М. Ф. АНДРЕЕВА — Т. В. КРАСКОВСКОЙ

²¹⁹ Датируется по времени пребывания А. А. Стаховича на Капри.

²²⁰ ... *за хлопоты ему земно кланяюсь...* — Подразумеваются переговоры Румянцева об издании романа О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина» в переводе Андреевой. 8 февраля 1912 г. она ему писала: «Перевод — кончаю. Хотелось бы, чтобы он оказался хорошим и мне дали еще работу» (Музей МХАТ, архив Красковской). Перевод Андреевой вышел в четырех изданиях: издательство «Антик и К^о», М., 1913; Универсальная библиотека, М., 1915; ГИЗ, Всеобщая библиотека, М.-П., 1923; ГИЗ, Универсальная библиотека, М.-Л.,

1927.

²²¹ *Алексей Максимович... развивал ему план «коллективной пьесы».* — О желании Горького написать пьесу вместе с артистами МХТ Андреева упоминает и в другом письме к Красковской: «Алексей Максимович все мечтает, чтобы приехали сюда “художественники”, кто дело любит, и написали с ним вместе коллективную пьесу. Вы расскажите об этом Ивану Михайловичу, Василию Ивановичу, Книппер, а главное, Константину Сергеевичу. Алексей Максимович спит и видит, чтоб он приехал! Меня так напугал Ал. Ал. Стахович, будто бы Константин Сергеевич очень плохо себя чувствует, так устал и изнервничался, что нечего и думать тревожить его, писать ему письма. Правда ли это? Напишите, пожалуйста! Хоть и надеюсь, что неправда, а все сердце не на месте. Каково у вас в театре настроение? Писал ли “генерал”, как Вы его называете [А. А. Стахович], о задуманной Алексеем Максимовичем пьесе “Часовой мастер”? Пожалуй, эту действительно в Художественном театре играть будут, если судить по началу» (Музей МХАТ, архив Красковской).

70. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. КУПРИНУ

²²² Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Приписка Горького воспроизводится по тексту Собр. соч., т. 29, стр. 240.

71. М. Ф. АНДРЕЕВА — ПЕТКО ТОДОРОВУ

²²³ Печатается по тексту, опубликованному в книге Стефана Каракостова «Максим Горьки и българската литература». Книга вышла в Софии в 1947 г. на болгарском языке, письмо Андреевой напечатано на русском, с отдельными отклонениями в падежных окончаниях. Датируется по сопоставлению с письмом Тодорова к В. Я. Богучарскому от 10 июля 1912 г. (Архив А. М. Горького).

Тодоров Петко — известный болгарский писатель.

Знакомство с ним Андреевой относится к апрелю 1912 г., когда он посетил Капри.

²²⁴ *... узнали о горе, постигшем Болгарию...* — Имеется в виду смерть поэта Пенчо Славейкова (1866 – 1912) — сына известного болгарского поэта-демократа Петко Славейкова.

72. ПЕТКО ТОДОРОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²²⁵ Письма Тодорова печатаются впервые, по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 33.

²²⁶ *... война, наверное, уже охватит весь наш полуостров.* — Речь идет о первой Балканской войне, которую вели страны Балканского союза (Болгария, Сербия, Греция, Черногория) против Турции с 9 октября 1912 г. по 30 мая 1913 г. Турецкая армия потерпела поражение, в результате чего было покончено с турецким владычеством на Балканах. Ленин характеризовал эту войну как «одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе» (Соч., т. 19, стр. 19).

²²⁷ *Статья нашего профессора... К. Кристева...* — Статья К. Кристева «Новая болгарская литература» опубликована в журнале «Современник», 1912, № 11, 12. Письмо Горького Тодорову по поводу данной статьи см. т. 29,

стр. 273 – 275.

²²⁸ ... *Вы с Алексеем Максимовичем авось посетите меня и наш театр.* — Имеется в виду предполагавшаяся поездка в Болгарию и выступление Андреевой в болгарском театре. Перед началом первой Балканской войны (октябрь 1912 г.) М. Ф. писала Красковской: «... не огорчайтесь, Танечка, может быть, когда-нибудь еще поиграем с Вами вместе, но в этом году не удастся, и Болгария не выгорит — там собираются воевать и не до театров, и Алексею Максимовичу там не место» (Музей МХАТ, архив Т. В. Красковской).

73. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

²²⁹ ... *Румянцев написал мне, что это Вы снова дали мне денег.* — В связи с болезнью и тяжелым материальным положением Горького Мария Федоровна обратилась с просьбой к актрисе Художественного театра Т. В. Красковской: «Ну, Таня милая, если можете — выручайте; как мне тяжело говорить с Вами и Николаем Александровичем на такую тему — Вы сами чувствуете. И это все-таки легче, чем с другими, потому что Вы любите Алексея Максимовича, понимаете и цените его. Тоже Вы знаете... он — очень болен. Кашель все не унимается и нет-нет появляется кровохарканье, это несмотря на жизнь на юге. Но главное не это, главное ужасное состояние нервов. Необходимо хоть на время изъять его из той среды, в которой он живет, переменить жизнь, чтобы он побыл со мною один и развлекся. Для этого нужны деньги, и не в обрез; а чтобы уехать с Капри, нужно расплатиться по всем счетам. Можете Вы достать мне две-три тысячи рублей с тем, чтобы я могла отдать их по частям, в течение двух лет? В такой срок я обернусь и отдам деньги наверное. Если можете — делайте это скорее, я не преувеличиваю — дорог каждый день в самом прямом смысле слова» (Музей МХАТ, архив Т. В. Красковской). На эту просьбу, как видно из письма, откликнулся К. С. Станиславский.

²³⁰ ... *написать о планах, об идее своей, о том, как она прививается...* — речь идет о внедрении «системы» К. С. в практику работы театра. И позднее артисты МХТ информировали М. Ф. об этом. См. здесь [письмо Мчеделова \(октябрь 1914 г.\)](#).

74. М. Ф. АНДРЕЕВА — СИБИЛЛЕ АЛЕРАМО; 75. СИБИЛЛА АЛЕРАМО — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²³¹ Письмо Андреевой печатается по сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 248; письмо Алерамо — по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41.

²³² «*Маленький святой*» — «Piccolo Santo» — пьеса известного итальянского драматурга Роберто Бракко, о которой Горький в беседе с автором сказал: «Ваш “Маленький святой” большое произведение искусства. Эта драма будет иметь огромный успех в России» (сб. «Архив А. М. Горького», т. VIII, стр. 254). Пьеса «Маленький святой» была переведена М. Ф. на русский язык. Об этом сообщалось: «Артистка Свободного театра М. Ф. Андреева перевела “Piccolo Santo”, новую пьесу итальянского драматурга Роберто Бракко. “Piccolo Santo” очень интересна по сюжету и очень сценична. Пьеса пойдет в Киеве, в постановке киевского театрального критика г. Чаговца» («Театр», 11 сентября 1913 г.).

77. М. Ф. АНДРЕЕВА — Б. Н. РУБИНШТЕЙНУ

²³³ Три письма Буренину датируются по содержанию. Письмо Рубинштейну (сотруднику издательства И. П. Ладыжникова в Берлине) печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Эти письма вызваны решением Андреевой вернуться на родину нелегально, под чужим именем. Поэтому письма в Россию написаны иносказательно, с учетом цензурных условий. По предварительной договоренности вместо «паспорт» писалось «книга о Швеции» или «книга для прочтения», вместо «я» — «моя добрая знакомая». Путем такой зашифровки Андреева сообщила дату выезда, указала маршрут, предупредила о том, что из Дании будет телеграфировать от имени Гарриет Брукс, и т. д. В письме в Берлин (Рубинштейну) Андреева не прибегала к шифровке.

²³⁴ ... *представить себе трудно, что ей пришлось пережить...* — Отъезд с Капри совпал для Андреевой с тяжелыми личными переживаниями, которые ощущаются в ее письмах к Буренину. Это был момент кратковременного ее разрыва с Горьким.

План нелегального возвращения в Россию был Андреевой успешно осуществлен.

1913 – 1917

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ
(1 – 25)

²³⁵ Полицейские документы публикуются по делам департамента полиции, хранящимся в ЦГИАМ. Более подробные указания даны под каждым документом. № 18 печатается с сокращениями.

Выдержки из писем печатаются:

Горького: Ладыжникову — по сб. «Архив А. М. Горького», т. VII; Тихонову — «Горьковские чтения», М., 1959; Румянцеву и Красковской — по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького.

Ладыжникова и Красковской к Андреевой — по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 16 и 29.

Андреева прибыла в Россию с Капри в конце 1912 г. нелегально и вынуждена была жить шесть месяцев под чужим именем. Публикуемые документы и переписка говорят о том, какие трудности пришлось ей преодолеть. Наилучшим способом легализации было признано обращение группы артистов МХТ к полицейским властям с ходатайством о разрешении Андреевой участвовать в гастрольных спектаклях в Одессе и Киеве. Когда разрешение было получено, Андреева продолжала! оставаться под гласным надзором полиции, хотя ее судебное дело по газете «Новая жизнь» подпадало под действие правительственного манифеста и указа сенату об амнистии обвиняемым и осужденным «за преступные деяния, учиненные посредством печати» (опубликовав 21 февраля 1913 г. в связи с 300-летием дома Романовых).

После успешного завершения гастролей в Киеве, широко освещавшихся

прессой, пересмотр судебного дела Андреевой был завершен 17 июля 1913 г. Сообщение о прекращении дела было послано ей в Италию, куда она поехала для встречи с Горьким, что видно из публикуемой переписки.

Гастрольные спектакли Андреевой с артистами МХТ состоялись в Киеве 2, 3 и 4 июня 1913 г. в театре «Словцов». Шла пьеса Гауптмана «Одинокие» в прежнем составе исполнителей: Андреева, Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Самарова и другие. Киевская пресса высоко, оценила игру артистов МХТ. В частности, В. Чаговец писал: «Этот благородный и волнующе-прекрасный спектакль как будто развернул перед зрителем страничку из истории Московского Художественного театра, страничку далекого прошлого, эпохи трепетных исканий новой театральной красоты в области выявления тревоги смятенного человеческого духа современного человека, и вместе с тем эпохи созидания блестящей плеяды талантов, впоследствии составивших гордость и русского театра и русского искусства. И прежде всего — таланта М. Ф. Андреевой, заставившей в свое время много говорить о толковании ею роли Кете...

Случилось так, что М. Ф. Андреева, вернувшаяся на сцену после восьмилетнего перерыва, предстала перед зрителем в той же роли, тепло и сердечно приветствуемая аудиторией, как достойная и всегда желанная, своим исполнением заставляющая прежде всего говорить о себе, о роли Кете, и вновь пересмотреть вопрос о толковании идеи Гауптмана, принятом московскими художниками. Как известно, тогда, при первой постановке «Одиноких», вокруг Кете — Андреевой создавалась целая литература...» (В. Чаговец, Спектакль артистов Художественного театра, «Киевская мысль», 5 июня 1913 г.)

ПЕРЕПИСКА. ВОСПОМИНАНИЯ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

26. К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²³⁶ Озабоченность Станиславского судьбой Андреевой, сомнения в выборе места встречи, упоминание в письме Одессы как возможного пункта их свидания могут быть объяснены тем, что К. С. знал о нелегальном возвращении Андреевой и ходатайстве артистов МХТ о совместной с ней гастрольной поездке.

²³⁷ ... я ходатайствовал, но — пока безуспешно. — Желание Станиславского помочь Андреевой вернуться в Художественный театр не было поддержано другими членами дирекции. На заседании Правления театра (протокол № 11 от 12 марта 1913 г.) вопрос о возвращении Андреевой остался открытым.

²³⁸ *Виноват я и перед Алексеем Максимовичем в том, что не держал его в курсе наших проб...* — Станиславский и Сулержицкий пробовали применить в практике работы Первой студии МХТ метод импровизации, то есть создание пьесы коллективом актеров в процессе репетиций по сценарию, специально написанному для этой цели М. Горьким. (См. письма Горького к Станиславскому и Румянцеву — Собр. соч., т. 29, и письма Андреевой к Станиславскому, Румянцеву и Красковской — здесь.)

²³⁹ Сулер... написал уже подробно Алексею Максимовичу. — Сулержицкий сообщал Горькому о репетициях, которые назывались «упражнения [со] своими словами»: «Это упражнение всегда давало интересные краски, и слова бывали иногда так хороши, что мне хотелось их записать» (письмо от 9 марта 1913 г., Архив А. М. Горького).

Упомянутая Станиславским статья опубликована без подписи в «Русских ведомостях» 6 апреля 1913 г., под названием «В Студии Художественного театра».

27. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

²⁴⁰ ... я решила подписать контракт в Москву, в Свободный театр... — Договор между Андреевой и Марджановым о ее вступлении в труппу Свободного театра хранится в Архиве А. М. Горького. Подписан в мае 1913 г.

²⁴¹ Рассказывайте ему о стачках, о подъеме, обо всем, дающем надежды... — Имеются в виду стачки в память Ленских событий. В одном Петербурге в них участвовало 4 апреля 1913 г. сто тысяч человек.

28. В. И. КОЦЮБИНСКАЯ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁴² Печатается по кн.: М. М. Коцюбинский, Твори, т. III, Київ, 1949. Послано, как видно из содержания письма, в ответ на соболезнование по поводу смерти М. М. Коцюбинского, последовавшей 12 апреля 1913 г.

²⁴³ ... случайно купила Вашу карточку, он несказанно был рад. — Речь идет о фотографии Горького и Андреевой, на которой они были сняты у И. Е. Репина в Пенатах.

29. ПЕТКО ТОДОРОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁴⁴ ... я Вам еще на Капри говорил... — Разговор Андреевой с болгарским писателем Тодоровым о неудачном переводе его пьесы «Самодива» («Фея гор») относится к апрелю 1912 г., когда состоялось их знакомство. Подробный рассказ Тодорова о качестве переводов, по-видимому, вызван намерением Андреевой включить пьесу в репертуар Свободного театра, в труппу которого она вступила. 10 сентября 1913 г. газета «Театр» сообщала: «Вчера приехал в Москву болгарский писатель Петко Тодоров. Вечером Петко Тодоров посетил Свободный театр. В середине сезона там идет его пьеса “Самодива”. Главную женскую роль будет исполнять М. Ф. Андреева». Постановка осуществлена не была.

²⁴⁵ ... ведь это же болгарская прекрасная Елена! — Тодоров, очевидно, проводит аналогию между героиней своей пьесы и Еленой из романа И. С. Тургенева «Накануне».

Письмо написано Тодоровым по-русски. В текст внесено несколько коррективов грамматического и стилистического характера.

30. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ: — А. М. ГОРЬКОМУ

²⁴⁶ Письмо послано на Капри. Характерно стремление Андреевой связать Горького тесными деловыми отношениями с В. Д. Бонч-Бруевичем и руководимым им демократическим издательством «Жизнь и знание». В дальнейшем в этом издательстве печатались многие произведения Горького.

²⁴⁷ ... надо сунуть туда Ивана Павловича и Тихона... — то есть включить в работу издательства «Жизнь и знание» И. П. Ладыжникова и А. Н. Тихонова.

²⁴⁸ *Теперь о пьесе.* — Имеется в виду пьеса «Зыковы», о постановке-которой Ладыжников писал Горькому: «Оба Ваши письма, а сегодня и пьесу получил. По поводу пьесы идет соревнование между Свободным театром и Художественным. Только что виделся с М. Ф., которая написала Вам об этом письмо. Как быть?» (Архив А. М. Горького, письмо от 22 августа 1913 г.). Пьеса была передана Свободному театру. В печати сообщалось, что Андреева в день приезда в Москву присутствовала на чтении пьесы «Зыковы». Труппа послала телеграмму Горькому: «Читая драму, слились с Вами душой. Горячо благодарим. Свободный театр» («Столичная молва», 9 сентября 1913 г.).

²⁴⁹ *... не испортят ли они пьесу...* — Впоследствии, ознакомившись с творческими возможностями труппы, Андреева взяла пьесу из театра. «С большой, большой грустью шлет он [К. А. Марджанов] Вам пьесу Алексея Максимовича, согласно Вашему желанию...» — писала Н. Марджанова Андреевой по просьбе больного мужа (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 17).

²⁵⁰ *... интервью Владимира Ивановича по поводу «Бесов»...* — Подразумевается интервью «Инсценированные “Бесы” (беседа с Вл. И. Немировичем-Данченко)», в котором была обойдена социальная проблематика романа Достоевского («Русское слово», 17 августа 1913 г.).

²⁵¹ *Вы не могли забыть, что говорил Алексей Максимович по этому поводу в Римини...* — Андреева напоминала Красковской беседу об инсценировке романа Ф. М. Достоевского «Бесы», состоявшуюся между 11 – 21 июля 1913 г. в Римини (Италия). Участник этой беседы Л. М. Леонидов по возвращении в Москву писал Горькому, что сам он был очень против постановки и передал Немировичу-Данченко отрицательное мнение Горького, но тот ответил, что охотно готов обосновать свое желание (сб. «Л. М. Леонидов», М., 1960, стр. 282).

²⁵² *... говорит, что «Болгария кончена»...* — Имеется в виду поражение Болгарии во второй Балканской войне (29 июня – 10 августа 1913 г.), которую она вела против Сербии, Греции, Румынии и Турции. По Бухарестскому мирному договору Болгарии пришлось уступить не только большую часть своих завоеваний по первой Балканской войне, но и некоторые давние свои владения.

²⁵³ «Плач Рахили» — пьеса Н. А. Крашенинникова.

31. [ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ГАЗЕТЫ «ТЕАТР»]

²⁵⁴ Печатается по публикации в газете «Театр», 10 сентября 1913 г. В этом же номере помещена корреспонденция «Возвращение» и дано фото с подписью: «М. Ф. Андреева — артистка “Свободного театра”. (К возвращению ее в Москву)». По поводу возобновления артистической деятельности М. Ф. после большого перерыва писали немало и другие газеты, хотя она, как известно из переписки, уклонялась от бесед с корреспондентами, избегая газетной шумихи.

32. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

²⁵⁵ Год установлен по времени работы М. Ф. в Свободном театре.

²⁵⁶ *Надеялась... рассказать о синематографе...* — Одновременно с возобновлением артистической деятельности Андреева задалась целью создать кинофабрику с киностудией для выпуска прогрессивных реалистических

фильмов. Финансовая наметка проектируемого демократического кинообщества была ею приложена к письму Горькому (от 26 сентября 1913 г.). Там же сообщалось о намеченном составе Совета общества: «Отдел художественно-литературный: М. Горький, И. П. Ладыжников, А. Н. Тихонов. Отдел сценический: М. Ф. Андреева, К. А. Марджанов, А. А. Санин. Отдел технический: В. М. Каменский, Ю. А. Желябужский, В. А. Крит. Отдел хозяйственный: Румянцев и кого он пригласит».

Об этом плане Андреевой писал Горькому некоторое время спустя А. И. Тихонов: «Был я в Москве. Совместно с М. Ф. устроили мы там заседание директоров будущего кинематографа, на котором выработали основы будущего устава, — теперь он, вероятно, уже подписан учредителями, т. е. Румянцевым, Леонидом Борисовичем [Красиным] и Марией Федоровной...

Виделся я по этому делу с Федором Ивановичем [Шалыпиным], который отнесся к нему восторженно и обещал всяческое содействие. Он говорит, что такая же точно идея пришла ему в голову вполне самостоятельно и он *сам* хотел обратиться с ней к Марии Федоровне (о чем и намекал ей в одном из писем). Теперь задача момента — привлечь Ф. И. в качестве пайщика (отнюдь не денежного) в новое общество, и, если это удастся, судьба предприятия обеспечена. Денег можно будет достать миллионы... Мою роль определили как одного из заведующих репертуаром. Хорошая роль!» (Архив А. М. Горького).

²⁵⁷ ... *внести первый взнос Лианозову.* — Имеется в виду постройка С. Г. Лианозовым — владельцем здания МХТ — помещения кинофабрики во дворе театра.

²⁵⁸ ... *Кинетофон Эдисона.* — 6 сентября 1913 г. в Вене состоялась первая демонстрация этого нового аппарата Эдисона. Благодаря повышенной чувствительности приемники фонографа улавливали все звуки на расстоянии до 30 м от актеров. В газете «Театр» 10 сентября 1913 г. было напечатано: «Кинематограф получил голос... Тенор А. М. Давыдов только что вернулся в Россию из-за границы, привезя с собою патент на эксплуатацию этого изобретения в России».

²⁵⁹ *Видела я генеральную «Сорочинской»...* — Речь идет о первой постановке Свободного театра. Премьера «Сорочинской ярмарки» состоялась 8 октября 1913 г., в день открытия театра. Этим же спектаклем закончил он свое существование 20 апреля 1914 г.

²⁶⁰ *Восхитительно поет Елена...* — то есть Т. А. Розова, исполнительница главной роли в спектакле. Андреева, имея музыкальное образование и большой опыт сценической деятельности, помогала ей в работе над ролью — см. здесь [письмо Андреевой Горькому от 29 – 30 сентября 1913 г.](#)

²⁶¹ ... *нужно ли послать тебе все «интервью»...* — Речь идет о кампании, поднятой реакционной печатью против Горького в связи с его статьей «О “карамазовщине”» («Русское слово», 22 сентября 1913 г.) по поводу спектакля Художественного театра «Николай Ставрогин» по роману Достоевского «Бесы».

Большевистская газета «Правда» выступала в защиту Горького, публиковала статьи, отклики рабочих. Старейший деятель большевистской партии М. Ольминский писал тогда, что на вопросе о Достоевском столкнулись

два мира — мир пролетарский в лице Горького и мир буржуазный. Горький «выступил с протестом против постановки этой пьесы в Художественном театре. Он думал, что его поймут. Он посмел выступить против Достоевского. И все буржуазно-интеллигентное общество взвыло: заголосила “Речь”, всхлипнули “Русские ведомости”; конечно, и “Новое время” не упустило случая. Либералы объединились с нововременцами. Все против М. Горького» («За правду», 4 октября 1913 г.).

²⁶² *Как ответил Художественный театр...* — Открытое письмо Художественного театра о несогласии с оценкой Горьким Достоевского было датировано 24 сентября, опубликовано в газ. «Русское слово» 26 сентября 1913 г. за подписью «Московский Художественный театр».

²⁶³ ... в жар его кинуло от моего отзыва. — Речь идет о пошлом, подражательном романе С. С. Юшкевича «Леон Дрей».

33. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

²⁶⁴ ... прочла только что «Детство» — последнее, что напечатано, про пожар где... — Речь идет о повести Горького «Детство», начавшей печататься 25 августа 1913 г. в газете «Русское слово». В дальнейшем главы повести посылались Горьким через Андрееву, о чем сохранилось ее письмо редактору этой газеты Ф. И. Благову от 7 ноября 1913 г.: «Многоуважаемый Федор Иванович! Посылаю Вам VIII главу “Детства”, полученную мною с Капри. Алексей Максимович обещал на днях прислать и следующие главы и просит, если возможно, не растягивать печатания, чтобы не нарушать цельности впечатления» (ОРБЛ, фонд газ. «Русское слово», п. 10, ед. хр. 30).

²⁶⁵ *Согласилась быть профессором в драматической школе Александра...* — то есть в школе артиста и помощника режиссера МХТ Николая Григорьевича Александра. Педагогическая работа с театральной молодежью увлекала Марию Федоровну и ранее. Еще в 1903 г. она писала начинающей актрисе О. Ф. Ивиной: «Я совершенно серьезно и с большой охотой предлагаю Вам со мной заниматься, а говорят, что это мне удастся, и на правах Вашей будущей учительницы — категорически отсоветываю Вам участие сейчас в каких бы то ни было благотворительных или любительских спектаклях. Прошу Вас не делать этого! Во-первых, это важно для того, чтобы Вы не горели, не падали в обморок после сильных мест и т. п., так как мне нужны будут Ваши силы, а во-вторых, потому, что Вам, Вашему таланту, как я чувствую, не хватает теоретических познаний и техники, а отнюдь не практики, ее у Вас было слишком много... Не бойтесь разучиться играть — это как умение плавать: стоит попасть в воду, и поплывете» (письмо хранится у адресата).

²⁶⁶ ... придется, должно быть, много работать в Камерном театре... — Имеется в виду задуманный К. А. Марджановым экспериментальный театр — Малая сцена при Свободном театре. См. подробно об этом в [письме Андреевой Горькому от 28 сентября 1913 г.](#)

²⁶⁷ *Все еще шумят и волнуются по поводу твоего протеста...* — то есть по поводу статьи «О “карамазовщине”». См. [комментарии к письму Андреевой Горькому от 28 сентября 1913 г.](#)

²⁶⁸ ... все отвлечены очень делом Бейлиса... — Речь идет о судебном антисемитском процессе (сентябрь – октябрь 1913 г.), организованном царским правительством с тем, чтобы путем разжигания национальной розни затормозить и ослабить рост революционного движения.

34. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

²⁶⁹ Бесцензурное письмо А. М. Горькому на Капри. В нем Андреева информирует о подъеме и силе революционного движения, говорит об особом значении для текущего момента издания его произведений.

²⁷⁰ *Московская стачка — симптом высокой ценности...* — всеобщая забастовка рабочих и служащих московского трамвая (с 19 по 26 сентября 1913 г.), поддержанная рабочими других предприятий. Бастующие выдвигали не только экономические требования, но и протестовали против закрытия большевистской легальной газеты «Наш путь».

В связи с подготовкой к изданию Собрания сочинений Горький дал Андреевой доверенность на ведение его дел с издательством И. Д. Сытина: «Милостивая государыня Мария Федоровна, настоящею доверенностью уполномачиваю Вас заключить от моего имени договор с т-вом И. Д. Сытина в Москве об издании т-вом моих сочинений на условиях известных Вам, а также получить за меня обусловленные договором деньги. Всею, что Вы по сей доверенности учините — верю, спорить и прекословить не буду. Горький» (черновой набросок, написанный частично Ладыжниковым, частично Горьким, хранится в Архиве А. М. Горького).

35. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ;

36. М. Ф. АНДРЕЕВА — ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

²⁷¹ Публикуются по подлинникам, хранящимся в Музее МХАТ (фонд 15-летия театра).

Поздравительные телеграммы Станиславскому и Немировичу-Данченко посланы в связи с 15-летием театра. Газета «Театр» сообщала о получении Художественным театром этих приветственных телеграмм Андреевой («Театр», 15 октября 1913 г.).

37. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

²⁷² *Собинова постараюсь повидать и поговорить с ним о секции...* — Речь идет об участии Леонида Витальевича Собинова в концертах петербургского Общества изящных искусств, организованного Бурениным. Общество давало спектакли и концерты на фабриках и заводах и являлось легальной формой для сбора средств в партийную кассу. Андреева принимала участие в его работе. В 1915 г. она выступала на Путиловском заводе в спектакле «Сердце не камень» Островского, в роли Веры Филипповны.

38. В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

39. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧУ

²⁷³ Публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся: письмо Бонч-Бруевича — в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 5; письмо Андреевой — в ОРБЛ, фонд Бонч-Бруевича.

²⁷⁴ *Посылаю Вам копию условия.* — Речь идет о договоре («Домашнее соглашение», Архив А. М. Горького), подготовленном Бонч-Бруевичем и

Андреевой на издание книг Горького. Во время переговоров с издательством «Жизнь и знание» Ю. А. Желябужский, живший в Петербурге, писал Андреевой по поводу проекта соглашения: «С Бончем я разговаривал еще раз только что, и он сказал, что все изменения, в том числе о количестве листов, он внес согласно твоему желанию и уже вчера выслал тебе. Сообщил ему также твое распределение томов, и он сказал, что это тоже вполне совпадает с его списком...» (ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 40).

40. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Е. БУРЕНИНУ

²⁷⁵ Датируется по времени переговоров о переходе Андреевой в киевскую труппу Н. Н. Синельникова.

²⁷⁶ *Вернее все-таки, что придется уходить...* — Мысль о возможном уходе из Свободного театра объясняется несогласием М. Ф. с его репертуарной линией и возникшим на этой почве конфликтом между ней и руководством театра. См. далее [письмо И. П. Ладыжникову от 4 декабря 1913 г.](#)

41. Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВ —

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

42. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВУ

²⁷⁷ Переписка с Синельниковым печатается впервые, по подлинникам, хранящимся в Архиве А. М. Горького. Письмо Андреевой датируется по сопоставлению с письмом Синельникова к ней. Год обоих писем обозначен по упоминанию предстоящего сезона (1914/15 г.).

Синельников Николай Николаевич — один из крупнейших режиссеров русской провинциальной сцены, народный артист УССР, театральный педагог, антрепренер, известный своей приверженностью реалистическим традициям.

После тщетных попыток повлиять на изменение репертуара Свободного театра Андреева решила уйти на провинциальную сцену и начала переговоры с Синельниковым.

43. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

²⁷⁸ В письме раскрывается сущность конфликта Андреевой со Свободным театром. Предлагаемые ею пьесы с большим общественным содержанием отвергались. Конфликт усугубился в связи с ее выступлениями в театре против эстетского и мистического репертуара. Как реагировала театральная Москва на то, что Андреева не занята в репертуаре Свободного театра, ясно из статьи «Не увидим»: «На ней [Андреевой] построят сезон. Как же иначе, думала Москва, когда жадно раскупала билеты первого абонементу. Оперетка “Прекрасная Елена” это так, между прочим, но, имея в труппе очаровательнейшую артистку Москвы, нельзя не ставить пьес для нее. Москва ждала... Ждала первого выхода, чтобы устроить оvation отшельнице с Капри, чтобы вновь оживить былые очарования, вновь наслаждаться весенним ароматом. Но месяцы бежали... “Сорочинскую” сменила “Елена”. Носились слухи о “Сестре Беатрисе”, “Зыковых”, “Фее гор”. Терпение истощалось. Железной стопой шло время. И вновь радостная весть облетела Москву: М. Ф. Андреева настояла на постановке для нее “Усмирения строптивой”, грозя в противном случае покинуть Свободный театр. Наконец-то!.. Скептики утверждали, что и эта пьеса не пойдет так же, как и многое другое. Но верилось, хотелось верить. И вдруг все рухнуло. Постановку отменили. Газетные хроникеры бесстрастно

оповестили... “Г-жа Андреева со вчерашнего дня вышла из труппы Свободного театра и оформила договор на будущую зиму с Н. Н. Синельниковым”» («Театр», 24 января 1914 г.).

²⁷⁹ ... *есть обещание Л. Б. Красина принять деятельное участие в постановке техники...* — Андреева привлекала Л. Б. Красина не только как старого партийного товарища, но и как инженера, знакомого с кинотехникой. На электротехническом съезде (декабрь 1912 г.) Красин иллюстрировал кинематографической лентой свой доклад: «Применение синематографа для запечатления электрических процессов в производстве» (журнал «Синефоно», № 8, 5 января 1913 г.).

44. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВУ

²⁸⁰ Телеграмма послана в Харьков к 40-летию творческой деятельности Н. Н. Синельникова.

45. Н. Ф. и А. В. МОНАХОВЫ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁸¹ Публикуется по авторизованной машинописи, хранящейся в Архиве А. М. Горького.

²⁸² ... *с его смертью засыпают мои широкие перспективы...* — Талантливый артист Монахов тяготился своей работой в оперетте. Но и Свободный театр не оправдал его надежд. Вместе с Андреевой он вынашивал план создания товарищества для организации своего прогрессивного театра (см. здесь [его воспоминания](#)).

²⁸³ ... *был делегатом на 2-м актерском съезде...* — Речь идет о Втором делегатском съезде Российского театрального общества, который состоялся в марте 1914 г.

46. А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕАТРУ

²⁸⁴ Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Архиве Музея МХАТ.

Телеграмма послана в связи с известием о смерти Александра Родионовича Артема (Артемьева). Андреева играла вместе с Артемом в Обществе искусства и литературы и в Художественном театре со дня его основания до 1906 г. В ответной телеграмме, адресованной Горькому, Вл. И. Немирович-Данченко писал: «Вашу телеграмму передам театру. Спешу поблагодарить Вас и Марию Федоровну от театра с убеждением в самых искренних его желаниях Вам здоровья и спокойствия и неразрывности нашей духовной связи» (Архив А. М. Горького).

47. Н. Н. СИНЕЛЬНИКОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁸⁵ Письмо Синельникова связано с предстоящей работой Андреевой в его киевской антрепризе (театр «Соловцов»).

Между Синельниковым и Андреевой шла интенсивная переписка, что видно из других его писем (Архив А. М. Горького). Синельников советовался о репертуаре, предлагал Андреевой различные роли. «В Киеве идет “Маскарад”. Вам предназначается роль Нины... “Осенние скрипки” я приобрел. Посылаю Вам роль и пьесу» (май 1914 г.). В другом письме (июнь 1914 г.) он предлагал Андреевой роль Катерины в «Грозе», Лидии в «Бешеных деньгах» и т. д. В

сезоне 1914/15 г. Андреевой было сыграно в Киеве десять ролей. В их числе: Нина Арбенина («Маскарад» Лермонтова), Маша («Три сестры» Чехова), Анна Демурина («Цена жизни» Вл. Немировича-Данченко), Жанна («Король, закон и свобода» Л. Андреева), Бианка («Флорентийская трагедия» Уайльда).

В труппе Синельникова сформировалось и выросло много выдающихся актеров. В этом сезоне вместе с Андреевой играли: С. Кузнецов, М. Тарханов, В. Юренева и тогда еще молодые К. Зубов, Е. Шатрова. С этими артистами Андреева выступала в различных спектаклях. Так, в спектакле «Три сестры» (бенефис М. Ф. Андреевой) роли сестер исполняли: Маша — Андреева, Ирина — Шатрова, Ольга — Калантар, Кулыгин — Тарханов, Чебутыкин — Кузнецов, Тузенбах — Зубов. С Зубовым, например, Андреева выступала в семи спектаклях. И декабря 1914 г. газ. «Киевский театральный курьер» извещала: «12 декабря празднует свои первые в Киеве театральные именины К. А. Зубов. Идет интересная комедия “Обучение любви” в переводе М. Ф. Андреевой. В комедии заняты лучшие силы труппы».

48. В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁸⁶ Письма Мчеделова публикуются впервые, по подлинникам, хранящимся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 20. Данное письмо послано в Мустамяки.

Мчеделов Вахтанг Леванович — в те годы режиссер Художественного театра. Один из основателей и руководитель Второй студии МХТ. Знакомство Мчеделова с Андреевой относится к 1905 г., периоду их совместной работы в Московском Художественном театре.

Мчеделов был в числе тех, кто активно помогал Андреевой вернуться на сцену после длительного перерыва. Летом 1914 г. он гостил у Горького и Андреевой в Нейволе (Мустамяки), где обсуждал с ней ее творческие планы и помогал ей как режиссер. Позднее он писал об этом: «С такой радостью вспоминаю Мустамяки, репетиции, а потом беседы. Никогда не забуду этого лета!» (письмо от 25 декабря 1914 г.).

²⁸⁷ ... многие из наших застряли за границей... — См. об этом: К. С. Станиславский, Из пережитого за границей (Собр. соч., т. 5, стр. 499 – 513).

Возвратился Станиславский в Россию, после ряда тяжелых перипетий, 13 сентября 1914 г.

²⁸⁸ Летом читал «Будет радость». — Имеется в виду символистская пьеса Мережковского, поставленная в МХТ 3 февраля 1916 г. Свое согласие с отрицательным отношением Андреевой к данной пьесе Мчеделов выражал и в другом письме: «Когда вспоминаю Ваши мысли о Мережковском, мне начинает казаться, что Вы пьесу знали».

²⁸⁹ В деревне делал опыты. — Подразумевается продолжение опытов Первой студии МХТ над созданием импровизационных спектаклей по сценарию Горького. После встречи с ним Мчеделов с особым интересом самостоятельно продолжал эту работу в имении Стаховича — Пальна.

49. В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁹⁰ Датируется по началу сезона в Художественном театре.

²⁹¹ Как прошел «Маскарад»? Что Вы еще успели сыграть... — Премьера

спектакля «Маскарад», посвященного столетию со дня рождения М. Ю. Лермонтова, состоялась в театре «Соловцов» 3 октября 1914 г. Киевская пресса высоко оценила игру Андреевой в роли Нины Арбениной («Киевская мысль», 5 октября 1914 г.). До этого она выступала в роли Анны Демуриной в пьесе «Цена жизни» Вл. И. Немировича-Данченко и, как сообщала газета, завоевала симпатии зрительного зала глубиной исполнения, психологической правдой образа («Киевская мысль», 5 сентября 1914 г.). Интересен и отзыв рецензента газеты «Киев» (7 сентября 1914 г.) об исполнении ею еще одной роли, в которой актрисе удалось «вопреки воле автора пьесы, дать все-таки цельный и живой образ Киры Константиновны — героини “Огненного кольца” [С. Полякова]. Так проникать в изображаемое, так заражаться чувствами действующего лица и заражать ими зрителя способны только истинные таланты. И вот почему г-жа Андреева несомненно крупное приобретение для театра Синельникова».

²⁹² ... как бы мне хотелось, чтоб Вы в будущем году жили в Москве. — Вместе с другими артистами МХТ Мchedлов принимал меры к возвращению Андреевой на московскую сцену. «Вы недовольны сезоном, — писал он позднее, — это понятно, но зато Вы победили страх. В Москве Вам будет легче работать. Поскорее бы уладилось дело с Незлобвым... В Москве можно за сезон играть две роли — этого будет вполне достаточно. Две роли можно заранее выбрать и подготовить очень хорошо. И будут ходить смотреть Вас. Незлобии это понимает» (письмо от 25 декабря 1914 г.).

²⁹³ ... был, очевидно, в самсоновском деле — то есть участвовал в период первой мировой войны в составе армии генерала Самсонова в восточно-прусском наступлении, начавшемся 19 августа и окончившемся поражением в конце августа и начало сентября 1914 г.

50. М. Л. РОКСАНОВА — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁹⁴ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 2052, ед. хр. 41. Письмо датируется по времени приезда Горького в Киев (26 октября 1914 г.).

Роксанова (Петровская) Мария Людомировна — актриса, работала вместе с Андреевой в МХТ с 1898 по 1902 г., а также в Риге в сезоне 1904/05 г. Роксанова сообщает о положении в условиях военного времени Одесского драматического театра, антрепренером которого был ее муж Н. П. Михайловский. Он работал вместе с Андреевой в тех же театрах, что и Роксанова.

51. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

²⁹⁵ Письмо послано после отъезда А. М. Горького из Киева, где он жил с 26 октября по 17 ноября 1914 г. В донесении киевского губернского жандармского управления в департамент полиции от 5 января 1915 г. говорится: «... известный под псевдонимом “Максим Горький” русский писатель, нижегородский цеховой, Алексей Максимов Пешков, приезжавший осенью минувшего года в Киев для свидания с своей гражданской женой, артисткой Московского Художественного театра, игравшей в Киеве в театре “Соловцов”, женой тайного советника Марией Федоровой Желябужской, по сцене Андреевой, и проживал в ее квартире, в доме № 6, кв. 65 по Анненковской улице, к которому действительно являлись рабочие профессиональных союзов»

(Архив А. М. Горького, жандармское дело 9-46/1).

В Киеве Горький присутствовал на бенефисе Андреевой. Шел спектакль «Три сестры» Чехова, в котором она с успехом исполняла роль Маши («Киевская мысль», 17 ноября 1914 г.).

52. В. Л. МЧЕДЕЛОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

²⁹⁶ Андреева готовилась к возвращению в Москву по истечении срока договора с Н. Н. Синельниковым в киевском театре «Соловцов» (январь 1915 г.). Предполагалось ее выступление в специальном спектакле, для которого В. Л. Мчеделов подбирал пьесу. Состоялся ли этот спектакль — установить не удалось.

²⁹⁷ *Вера Васильевна... в «Сверчке»... играет большую роль.* — Имеется в виду роль Берты, которую В. В. Соловьева — жена Мчеделова — исполняла в спектакле Первой студии МХТ «Сверчок на печи» Ч. Диккенса. Премьера состоялась 22 ноября 1914 г.

53. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

²⁹⁸ Дата письма установлена по премьере спектакля «Маленькая женщина» — 16 сентября 1915 года.

²⁹⁹ *Вчера выиграла сражение...* — Имеется в виду выступление в роли Марит в пьесе «Маленькая женщина» О. Миртова в театре Незлобива, где Андреева играла два сезона (1915/16 и 1916/17 гг.). Ю. Соболев в рецензии на спектакль («Рампа и жизнь», 1915, № 38) дал высокую оценку исполнению Андреевой. Он хвалил мастерство актрисы и умение нарисовать яркими простыми чертами женственный трогательный образ.

Успешное возвращение Андреевой на московскую сцену получило широкий резонанс в театральной среде. Так, администратор гастролей известных артистов братьев Адельгейм писал ей тогда:

«Многоуважаемая Мария Федоровна! А. Г. Талдыкиным на 5-ю и 6-ю недели В. поста с/г снят театр Корша в Москве. Им на гастроли приглашены братья Адельгейм. По поручению А. Г. Талдыкина и по просьбе братьев Адельгейм обращаюсь к Вам с предложением, не согласитесь ли Вы выступить в Москве во время этих гастролей? Сообщаю Вам репертуар: «Отелло», «Уриэль Акоста», «Казнь», «Кин», «Трильби», «Кручина», «Разбойники», «Мадам Сан-Жен». Если Вам угодно будет сыграть одну или несколько ролей из этого репертуара по Вашему выбору, то благоволиите ответить. Афиша и рекламы будут писаться так: «Гастроли Роберта и Рафаила Адельгейм при участии Марии Федоровны Андреевой...»» (Архив А. М. Горького).

³⁰⁰ *Дал ли старик денег?..* — Подразумевается издатель И. Д. Сытин.

54. ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

³⁰¹ В период работы в незлобинском театре в Москве Андреева и Горький, живший тогда в Петрограде, вели оживленную переписку. Публикуются отрывки из четырех писем Андреевой, относящиеся к ее театральной деятельности.

В театре Незлобива Андреевой пришлось исполнять роли и в пьесах, идейно чуждых ей. Выступая в главной роли Зинаиды Павловны Вересовой в

пьесе Арцыбашева «Закон дикаря», Андреевой удалось в значительной степени освободить спектакль от пошлости арцыбашевщины. Критик Сергей Глаголь (С. С. Голоушев) писал: «Г-жа Андреева создает удивительно яркую, обаятельную и полную жизненной правды фигуру Зинаиды Павловны. В сцене третьего акта, где женщине раскрывается, что такое ее супруг, артистка глубоко захватывает весь театр. [...]

С удовольствием отмечаю, что после пятой и шестой картин к далеко не дружным аплодисментам примешивалось и шиканье, настолько энергичное, что выходившие на вызовы артисты, видимо, чувствовали себя неловко, хотя шиканье, конечно, относилось совсем не к ним, а к автору.

Напротив, в третий акт, благодаря артисткам Янушевой, Княжевич и главным образом Андреевой, вдруг врывается жизнь, за нею на момент забывается всякая арцыбашевщина, и в зрительном зале разражается буря настоящих аплодисментов» («Утро России», 29 октября 1915 г.).

³⁰² *Вчера была премьера пьесы Леонида...* — Премьера пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» состоялась 27 октября 1915 г. в Московском драматическом театре. О своем личном впечатлении от спектакля М. Ф. сообщала в другом письме: «Видела андреевскую пьесу — плохая и претенциозная выдумка» (Архив А. М. Горького).

³⁰³ *Пьеса Юшкевича* — «Человек воздуха». Премьера состоялась 10 ноября 1915 г. в театре Незлобина.

³⁰⁴ ... пьесы Каржанского ей [Рутковской] на своих плечах не вывезти. — Премьера пьесы «Марьин дол» состоялась 16 декабря 1915 г. Иронические замечания Андреевой относятся к мистическим мотивам, к персонажам потустороннего мира (Полюбия и др.) и вредной тенденции пьесы, в которой отсталость и суеверие побеждают силы прогресса. «Сегодня смотрела генеральную репетицию пьесы Каржанского “Марьин дол”, — писала М. Ф. Горькому позднее, — злилась и возмущалась — пьеса слабая, тенденция — отвратительная, исполнение только поддерживает и усиливает ее» (Архив А. М. Горького).

³⁰⁵ ... какой оборот примет дело Народных театров. — Имеется в виду предстоящий Всероссийский съезд деятелей Народного театра, который проходил в Москве с 27 декабря 1915 по 5 января 1916 г.

55. М. Ф. АНДРЕЕВА — ВЛ. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО;
56. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

³⁰⁶ Поздравительные письма Станиславскому и Немировичу-Данченко посланы Андреевой — первой исполнительницей роли Ирины в «Трех сестрах» — в день двухсотого спектакля Художественного театра «Три сестры».

Андреева была занята в этот день (19 ноября 1915 г.) в спектакле театра Незлобина «Маленькая женщина».

57. ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁰⁷ Датируется по сопоставлению с письмом Горького Тренину (т. 29, стр. 353).

³⁰⁸ *Посылаю пьесу Тренина...* — Речь идет, по-видимому, о пьесе «Папа», опубликованной в «Московском драматическом альманахе на 1917 – 1918 гг.».

М., 1917. Относительно этой пьесы А. М. Горький писал Андреевой вторично: «Пожалуйста, Маруся, ответь по поводу пьесы Тренева, ему, по адресу: Симферополь, Константину Андреевичу Треневу, или мне. Скорее, очень прошу...» (Архив А. М. Горького).

³⁰⁹ *Я стою за Тимана, потому что мне нравится Волков, у него прекрасно сделаны глаза.* — Горький советует Андреевой сниматься в кинематографической фирме «Товарищество Тиман, Рейнгардт, Хиллов», где в то время работал режиссером А. А. Волков, экранизовавший роман А. Федорова «Его глаза» («Театр», 20 сентября 1916 г.).

58. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³¹⁰ Датируется по упоминаемому в письме концерту, организованному 23 марта 1916 г. Русским обществом для изучения еврейской жизни.

В этом шутовском письме Горький умышленно искажает фамилии писателей-декадентов Сологуба [Ф. К. Тетерникова] и его жены Чеботаревской, выражая этим свое ироническое отношение к ним.

³¹¹ *Петр апостол* — П. Б. Струве.

³¹² *Юашикай* — Юань Ши-кай, китайский политический деятель, В конце 1915 года пытался провозгласить себя императором.

59. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. П. ЛАДЫЖНИКОВУ

³¹³ В июле — августе 1916 г. Андреева вторично принимала участие в гастролях театра Незлобина в Старой Руссе. В числе исполненных ею ролей была Маргарита Готье — «Дама с камелиями» А. Дюма (сына). Спектакль состоялся 2 августа как «прощальный бенефис М. Ф. Андреевой». «2-го мой “бенефис”, — писала она Ладыжникову, — это значит, что Незлобии возьмет в этот день вечерового сбора 1000 р. (а я получаю 500 р. в месяц), мне, кроме цветов и крику, ничего не будет, а волнений сколько угодно» (Архив А. М. Горького, письмо Андреевой от 29 июля 1916 г.).

Партнер Андреевой по спектаклю «Дама с камелиями» артист А. Н. Виолинов рассказывает, какое впечатление произвел на труппу ее приезд в Старую Руссу:

«Вот она идет по аллее: полная обаяния, приветливая, какая-то вся светящаяся, то ли благодаря белому своему платью, то ли вследствие обилия солнца в этот день.

Мария Федоровна!..

То, что все, не будучи еще знакомы с ней, знали ее имя, — не было удивительным, но вот то, что она, знакомясь с нами, называла каждого по имени и отчеству, — это не могло не поразить всех.

Высокая, с исключительно благородной манерой держаться и в то же время невероятно простая, Мария Федоровна мгновенно завладевает общим вниманием. От ее вопросов, шуток, замечаний сразу создается атмосфера какой-то теплоты и непринужденности. Нам — молодым тогда актерам — особенно ценно было подольше задержаться на крыльце, побольше расспросить о театре, в котором творились театральные “чудеса” Станиславским и его сподвижниками [...].

Что отличало Марию Федоровну от массы актеров?

Полнейшее отсутствие во внешнем проявлении какой бы то ни было актерской позы. В манере держаться была подкупающая простота при совершенно естественной женственности и элегантности; искренность и добродушная расположенность в отношениях с товарищами по работе. На репетициях, как и во время спектаклей, это был образец исполнительности, точности и скромности. Ее такт, ум и общая огромная культура являлись каким-то магнитом для молодежи.

Насколько сохранилось впечатление — могу сказать, что Маргарита Готье у Марии Федоровны была, может быть, недостаточно темпераментна, но это была, по общему мнению актеров и зрителей, прежде всего француженка с ног до головы. Все, что делала на сцене Мария Федоровна, — говорило о большой культуре талантливой актрисы, обладающей незаурядным чувством вкуса и стиля при тонком ощущении художественной меры...». (Воспоминания А. Виолинова (1957 г.) хранятся у составителей книги.)

³¹⁴ *Какое-то нелепое попури, а не репертуар...* — Андреева критикует беспринципное формирование репертуара. Наряду с произведениями Горького в театре шли упадочнические пьесы Винниченко и пьесы западных драматургов.

60. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³¹⁵ Датируется по времени организации упоминаемой в письме «Свободной ассоциации».

³¹⁶ *Посылаю 5 книжек... для сбора в фонд «Научного института»...* — В шуточной форме Горький обращается к Андреевой с просьбой принять участие в сборе средств на организацию «Научного института в память 27 февраля» (дня свержения самодержавия в 1917 г.). С аналогичной просьбой Горький обращался к участнику революционного движения с 1905 г., советскому изобретателю А. М. Игнатьеву (т. 29, стр. 382).

³¹⁷ ... *устав и списки членов Совета «С. А.»* — то есть «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук». Горький характеризовал ее как «учреждение, которое ставило задачей своей, с одной стороны, организацию в России научно-исследовательских институтов, с другой — широкую и непрерывную популяризацию научных и технических знаний в рабочей среде» (сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., Изд-во Академии наук СССР, 1958, стр. 238).

61. М. Ф. АНДРЕЕВА — К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ

³¹⁸ ... *с головой ушла в работу по Народному дому...* — После февральской революции 1917 г. Андреева стала председателем художественно-просветительного отдела Петроградской городской думы по управлению городскими Народными домами. В частности, она занялась реорганизацией упоминаемого Народного дома, пересмотром репертуара с целью исключения из него урапатриотических и пошлых пьес. Сохранилось любопытное свидетельство о ее работе: «Еще летом 1917 года Народный дом перешел в ведение городской думы, где была сильна большевистская фракция, представителем которой к нам была направлена М. Ф. Андреева... по совету М. Ф. Андреевой — летом 1917 года возникло намерение заказать и поставить в предстоящем сезоне сатирическое обозрение о врагах революции, о

капиталистах, о текущем политическом моменте... И вот в самом начале сезона, осенью 1917 года, М. Ф. Андреева сообщила, что имеется в виду подходящий автор, молодой поэт [В. В. Маяковский], который согласился написать текст такого политического обозрения. Автор этот, как было подчеркнуто М. Ф. Андреевой, между прочим весьма интересуется феериями, феерическим жанром, различными волшебствами и иллюзиями в театре» («Русские народные гулянья. По рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова», Л.-М., 1948, стр. 160, 161). Как рассказывает далее Алексеев-Яковлев, схема действия обозрения, задуманного Маяковским, вылилась в окончательной редакции в «Мистерию-буфф», которая «была поставлена в первую годовщину Октябрьской революции на сцене театра Консерватории, где, как известно, прошла весьма слабо» (там же, стр. 163).

Была ли послана студия МХТ в Ревель, установить не удалось.

62. Л. М. РЕЙСНЕР — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³¹⁹ Письмо Л. М. Рейснер датируется по сопоставлению с письмом Андреевой к Станиславскому. Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Рейснер Лариса Михайловна — советская писательница, автор ряда произведений о героике гражданской войны; активный участник Октябрьской революции, в 1918 г. комиссар Московского Генерального штаба, затем комиссар Волжской флотилии.

63. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

³²⁰ Воспоминания Андреевой о Маяковском были опубликованы в газете «Правда» 13 апреля 1940 г. и в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, откуда и воспроизводится текст (стр. 282 – 286).

Как-то осенью 1914 года... — Время первой встречи Горького с Маяковским оспаривает литературовед В. Перцов, относя ее к 1915 г. Биограф Маяковского В. Катанян подтверждает воспоминания Андреевой, говоря: «Описанная здесь М. Ф. Андреевой сцена первого знакомства не могла произойти летом 1915 года, так как Горький и Маяковский в это время были уже безусловно знакомы (см. 25 февраля 1915, вечер в “Бродячей собаке”, и то обстоятельство, что выступивший на вечере Горький был *приглашен футуристами* (“Современный мир”, П., № 3, 1915))» (В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, М., 1956, стр. 422 – 423).

О первой встрече с Маяковским Горький писал И. А. Груздеву: «... он говорил как-то в два голоса, то — как чистейший лирик, то — резко сатирически. Чувствовалось, что он не знает себя и чего-то боится. М. Ф. Андреева упрекала его в противоречиях, в излишней грубости, он ответил ей стихами:

“Не хочу уметь быть нежным”,
“потеть негой”, а “хочу ходить нагой”, —

как-то так» (Архив А. М. Горького, письмо 1930 г. — апрель, вторая половина).

1918 – 1944

1. А. М. ГОРЬКИЙ и М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

³²¹ Печатается по Собр. соч. М. Горького, т. 29, стр. 385.

Телеграмма послана в Москву из Петрограда на следующий день поело покушения на жизнь В. И. Ленина террористки-эсерки Каплан.

2. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. ЮЖИНУ

³²² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 630.

При содействии Андреевой Малый театр включил пьесу Горького «Старик» в репертуарный план сезона 1918/19 г. В. Н. Пашенная в своих воспоминаниях пишет: «24 октября Горький сам читал у нас свою пьесу, а 1 января 1919 года была премьера. Играли мы ее очень много — и в театре и в районах... Спектакль “Старик” имел большой успех. На одном из спектаклей присутствовали В. И. Ленин и Н. К. Крупская, которым, по свидетельству И. С. Платона, спросившего их о впечатлении, понравилась и пьеса и игра актеров» (Вера Пашенная, Искусство актрисы, М., 1954, стр. 121).

3. [ИЗ РЕЧИ О ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ]

³²³ Публикуется в корреспондентской записи по газете «Петроградская правда», 25 сентября 1918 г.

В сообщении корреспондента говорится, что Андреева начала свой доклад с особого значения Октябрьской революции, а в заключение сделала краткий отчет о деятельности центрального бюро по организации празднества, в котором она председательствовала. К этому времени она уже являлась заведующей Отделом петроградских коммунальных театров (приказ по Комиссариату народного просвещения был опубликован в утреннем выпуске газеты «Северная коммуна» 6 сентября 1918 г.) В Петрограде до конца 1919 г. коммунальными назывались театры, созданные Советской властью, а также принадлежавшие ранее различным общественным организациям.

11 сентября 1918 г. Михаил Иванович Калинин на заседании Петроградской городской управы сообщил о вступлении М. Ф. Андреевой в заведование Театральным отделом (АОРЛ, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 1471-а). 20 сентября 1918 г. Мария Федоровна была назначена комиссаром театров и зрелищ Союза коммун Северной области, то есть театров Петрограда и пяти губерний: Петроградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой и Олонецкой.

4. М. Ф. АНДРЕЕВА — НАРКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЯ А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

³²⁴ Печатается по подлиннику, хранящемуся в АОРЛ, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 2370.

Публикуемый документ относится к большой подготовительной работе, которая была проведена по организации Большого драматического театра — первого театра, созданного в советское время. Вначале он назывался Театром особой труппы. В октябре 1918 г. Н. Ф. Монахов был назначен Андреевой

главным режиссером и направлен в Москву для «переговоров с артистами на предмет приглашения их на службу в означенную труппу и заключения предварительных условий» (удостоверение об этом находится в экспозиции Музея БДТ). Режиссерское управление театра, в состав которого входили Монахов, Лаврентьев и другие, было сформировано под председательством Андреевой в ноябре 1918 г., а в январе 1919 г. создано правление театра также под ее председательством. Театр открылся 15 февраля 1919 г.

5. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. КОПЯТКЕВИЧУ

³²⁵ Печатается по подлиннику, хранящемуся в АОРЛ, ф. 215, ед. хр. 124.

Копяткевич Александр Антонович — старый большевик, в то время управляющий делами Совета комиссаров Союза коммун Северной области.

Латышский театр, о субсидировании которого идет речь в данном письме, был открыт 10 ноября 1918 г. (Летопись театральной жизни Ленинграда, в сб. «Театр и жизнь», М.-Л., 1957).

6. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. И. ЮЖИНУ

³²⁶ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 630.

7. А. А. БЛОК —

М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

8. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. А. БЛОКУ

³²⁷ Письмо Блока печатается по кн.: А. Блок, Соч. в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 731 — 734. Письмо Андреевой — впервые, по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 125.

Переписка связана с привлечением Блока к руководству Большим драматическим театром, где к этому времени управление было реорганизовано в Дирекцию и был создан Художественный совет. В заметках поэта о БДТ имеются следующие записи: «1919. 23/10 апреля. Свидание с М. Ф. Андреевой, которая определила меня на должность председателя Дирекции Большого драматического театра». Получив письмо Андреевой в ответ на свой отказ от работы, Блок сделал новую запись: «27/14 апреля. Длинное письмо М. Ф. Андреевой с отказом. И письмо от нее — такое, что нельзя» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, ед. хр. 8). А. А. Блок остался в театре и возглавил его Дирекцию и Художественный совет.

³²⁸ ... *театр уже показал, что он может справиться с Шиллером.* — Блок имеет в виду успех спектакля «Дон Карлос», которым открылся Большой драматический театр (режиссер А. Лаврентьев, художник В. Щуко, композитор Б. Асафьев; роли исполняли: Дон Карлос — В. Максимов, маркиз Поза — Ю. Юрьев, король Филипп — Н. Монахов).

³²⁹ ... *идут новые пьесы — «Алексей»...* — «Царевич Алексей» Д. Мережковского. Премьера в БДТ состоялась 25 марта 1920 г. Режиссер и художник А. Бенуа.

³³⁰ «*Рваный плащ*» — пьеса итальянского драматурга Сема Бенелли. Режиссер Р. Болеславский, художник О. Аллегри. Премьера состоялась 20 сентября 1919 г.

³³¹ ... *Амфитеатров как-то по-буренински...* — Блок проводит аналогию между Амфитеатровым и реакционным фельетонистом В. П. Бурениным,

сотрудничавшим до революции в черносотенной печати, и в частности в газете «Новое время».

³³² ... *могут загубить пьесу...* — Блок впоследствии провел большую работу по редакции и переработке русского перевода пьесы «Рванный плащ».

³³³ «Дантон» — пьеса М. Левберг. Премьера в БДТ состоялась 22 июня 1919 г. Режиссер К. Тверской, художник М. Добужинский, композитор Ю. Шапорин.

³³⁴ *Уходя из Театрального отдела...* — В апреле 1919 г. Блок оставил работу в Театральном отделе Наркомпроса, где он возглавлял репертуарную секцию, находившуюся в Петрограде.

9. БОЛЬШОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР **К истории возникновения**

³³⁵ Интервью Андреевой приведено в статье Н. Мишеева «Большой драматический театр (к истории возникновения)» в сб. «Дела и дни Большого драматического театра», 1919 (П-г). В этой же статье даны интервью Юрьева и Монахова. В частности, Монахов говорил: «Я смею назвать себя одним из пионеров идеи зарождения Большого драматического театра. Впервые мысль о нем возникла у нас с М. Ф. Андреевой в 1914 г. во время совместной службы в “Московском свободном театре”. Война, к сожалению, помешала осуществлению задуманного.

В прошлом году, осенью, когда я гастролировал в “Палас-театре”, неожиданно заглянули ко мне в уборную М. Ф. Андреева и Ф. И. Шаляпин.

— Николай Федорович, — сказала мне Мария Федоровна, — наступил момент, когда мы можем и осуществить давно задуманную нами идею о театре романтической драмы, и вместе с тем помочь государству, безусловно нуждающемуся в таком театре.

Не могу вам сказать, как я был обрадован подобным заявлением! Осуществлялась ведь давнишняя мечта всей моей жизни. Пред перспективой выступить в театре высокого стиля отходило на задний план все остальное».

10. В. И. ЛЕНИН — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³³⁶ Публикуется по Ленинскому сборнику XXXVI, М., 1959, стр. 80.

11. В КОМИТЕТ ОБОРОНЫ ПЕТРОГРАДСКОГО УКРЕПЛЕННОГО РАЙОНА

³³⁷ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в АОРЛ, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 2953.

Руководимый Андреевой Отдел театров и зрелищ проводил большую работу по обслуживанию фронта. Направляя аналогичное ходатайство о музыкальных кадрах и их использовании по специальности, Андреева писала: «Прошу освободить от призыва учеников консерватории, так как они, будучи призванными, несомненно были бы использованы в качестве солистов оркестрантов, а не солдат. Мы же, Отдел театров и зрелищ, обслуживаем фронт военными оркестрами по соглашению с Губвоенкомом» (АОРЛ, ф. 2551, оп. 1, ед. хр. 2249).

В период гражданской войны Отдел театров и зрелищ обслуживал не только петроградские части Красной Армии, но и другие фронты. Еще в конце

1918 г. Военный Совет 3-й армии Восточного фронта обратился к наркому по просвещению А. В. Луначарскому со следующим письмом: «Политический отдел 3 армии выражает свою глубокую признательность красному Питеру и товарищам Луначарскому и комиссару Северной коммуны М. Ф. Андреевой за заботы о солдатах революции, борющихся с белогвардейцами на хребтах седого Урала. Петроградская концертная труппа явилась лучшим праздничным подарком нашим бойцам. Концерты всюду прошли с громадным успехом. Всюду труппа встречала восторженный прием, показывающий, что красноармейцы умеют ценить искусство. Политотдел отмечает, что труппа петроградцев была первой труппой, доставившей красным солдатам не только развлечение, но и высокохудожественное удовольствие» («Северная коммуна», 14 декабря 1918 г.).

12. РЕВОЛЮЦИЯ И ТЕАТР

³³⁸ Статья публикуется по юбилейному номеру «Красной газеты» от 7 ноября 1919 г. Написана в дни обороны Петрограда от контрреволюционных войск Юденича. О том, как нужен был театр и в то трудное время, видно из информации Андреевой, дайной ею в «Красной газете»: «Мне приказано открыть театры, как только у белых будет взята Гатчина» («Красная газета», 1 ноября 1919 г.). После взятия Гатчины в этой же газете было напечатано интервью Андреевой: «Театры откроются 7 ноября, в день второй годовщины Октябрьской революции, и откроются не только на три дня праздников, а будут непрерывно функционировать» («Красная газета», 4 ноября 1919 г.). Тогда же, 4 ноября, ею была написана данная статья.

13 [ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ПЕТРОГРАДСКИХ ТЕАТРАХ]

³³⁹ Документ написан рукой Андреевой, представляет собой проект постановления Совнаркома о правовом и финансовом положении подведомственных ей театров. Опубликован с резолюцией Ленина в Ленинском сборнике XXXV, М., 1945, стр. 91.

С конца 1919 г. петроградские коммунальные театры стали называться государственными.

14. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

³⁴⁰ Письма Андреевой к Ленину за дореволюционный период не обнаружены. Из переписки Ленина с Горьким и из письма его к Андреевой от 14 августа 1910 г. видно, что она не раз писала с Капри Владимиру Ильичу. Сохранившиеся письма советского периода публикуются впервые, по Архиву ИМЛ, ф. 2, оп. 1. Выдержки из них печатались составителями в журнале «Театр», 1958, № 4.

15. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Л. Б. КРАСИНУ

³⁴¹ Печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

С 10 сентября 1919 по 15 февраля 1920 г. Андреева являлась комиссаром Петроградского отделения Народного комиссариата внешней торговли, совмещая эту новую работу с работой по Отделу театров и зрелищ.

В письме Красину, в то время народному комиссару внешней торговли, опущено место, в котором Андреева рассказывает в деталях о состоянии работы Петроградского отделения Внешторга, дает характеристику отдельным

работникам и вносит конкретные предложения о перестройке работы, имевшие тогда большое значение. Письмо в целом характеризует компетентность Андреевой в хозяйственных делах большого государственного значения.

16. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

³⁴² Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАОР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 429. Датируется по времени созыва межрайонного театрального совещания 24 февраля 1920 г.

³⁴³ ... а Перазич... преспокойно заведует Художественным подотделом Отнаробраза. — О кандидатуре на заведование этим подотделом Отдела народного образования Луначарский писал Ленину 9 февраля 1919 г.: «По вопросу о кандидатурах на пост заведующего Худож[ественным] подотделом в Петрограде, сообщаю Вам, что Наркомпрос со своей стороны официально выдвинул т. М. Ф. Андрееву. Петр. Исполком предпочел т. Перазича. Наркомпрос не протестует формально, но считает т. Перазича лицом весьма мало компетентным в вопросах искусства» (Архив ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 8589). 30 апреля 1920 г. Андреева была назначена Президиумом Петросовета заведующей Художественным подотделом с оставлением на посту зав. Театральным отделом.

³⁴⁴ ... Севпрос стоит покинутым... — Комиссариат по просвещению Союза коммун Северной области был ликвидирован в связи с упразднением Союза коммун.

³⁴⁵ ... где царит наша «победоносица». — Имеется в виду З. М. Лилина, работавшая в Отделе народного образования, жена Г. Е. Зиновьева, которую Андреева критикует в письмах к [Ленину](#) и [Горькому](#) — см. здесь.

³⁴⁶ ... состав его необходимо определить таким... — Предложенный Андреевой состав Петроградского отделения Центротeatра был утвержден («Жизнь искусства», 1 – 3 мая 1920 г.).

³⁴⁷ В этот раз я как-то больше познакомилась с Верой Рудольфовной... — В. Р. Менжинская — старая большевичка — была назначена в начале февраля 1920 г. заведующей Театральным отделом Наркомпроса. Ее сближала с Андреевой общность идейных позиций, что видно из их выступлений на заседаниях Центротeatра («Вестник театра», 20 – 25 апреля 1920 г., и др.).

³⁴⁸ Как мне жаль, что Вы у нас не видали «Отелло»... — Премьера спектакля БДТ состоялась 22 января 1920 г. Роли исполняли: Юрьев — Отелло, Андреева — Дездемона, Монахов — Яго.

³⁴⁹ ... и не увидите «Петра и Алексея»! — постановку пьесы «Царевич Алексей» Д. Мережковского.

³⁵⁰ Начинаю чистку и реорганизацию Большого оперного театра. — 24 марта 1920 г. было сформировано руководство Большого оперного театра: председатель управления — Андреева, члены — Буренин, Щуко, Раппопорт, Лапицкий и другие. В течение марта — мая Андреева провела двадцать два заседания управления по вопросам реорганизации театра. В частности, был выработан репертуарный план, отличный от плана Мариинского театра.

17. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК — НОВЫЙ ТЕАТР

³⁵¹ Статья публикуется по газете «Жизнь искусства», 20 – 22 марта 1920 г.

³⁵² *Мне кажутся глубоко неправыми люди, навязывающие театру определенные задачи, указуя пути... предопределяя формы...* — Речь идет, по-видимому, о людях и отдельных организациях, с которыми Андреевой как комиссару театров приходилось бороться, отстаивая линию партии в искусстве. В частности, наиболее острый характер приобретала борьба с нигилистическим отношением Пролеткульта и его единомышленников к классическому наследию, с попытками выдать пролеткультовские постановки за «новое революционное слово» в искусстве, навязать театрам свои формалистические «принципы» и т. д.

18. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

³⁵³ Датируется по характеристике обстановки, в которой происходило назначение Андреевой на пост заведующей Художественным подотделом Петроградского отдела народного образования.

³⁵⁴ *... Пунин и его присные футуристы... повели против меня отчаянную борьбу.* — Выступления футуристов против Андреевой приняли особо острый характер в связи с выдвижением ее кандидатуры на пост заведующей Художественным подотделом, который руководил всеми художественными организациями Петрограда, включая изобразительное искусство. Упоминаемый ею Пунин писал в «Искусстве коммуны»: «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы — как не мечтать об этом новому художнику, пролетарскому художнику, новому человеку» (1918, № 1). О том, как боролась Андреева против футуристов, см. здесь [ВОСПОМИНАНИЯ Е. М. Кузнецова](#).

19. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ

³⁵⁵ Датируется по содержанию текста неопубликованной части письма.

Воспроизводится часть письма В. И. Ленину, относящаяся к театральной жизни Петрограда. Опущены места, где автор касается хозяйственных проблем: ввоза в Россию тракторов, обеспечения Петрограда топливом, издательств бумагой и др.

В письме Ленину Андреева говорит о характерном для руководства Петрограда того времени сепаратизме и вскрывает порочную практику администрирования в руководстве искусством. Против создания детских профессиональных трупп она выступала также на съезде заведующих уездными подотделами искусств Петроградской губернии: «Я большой сторонник театра для детей, но совершенно не признаю и нахожу вредным театр из детей. Ребенок в костюме, а особенно в гриме — это обезьяна. Давая роль одному ребенку, этим самым — выделяете этого ребенка из среды других и этим возбуждаете у него сознание своей привилегированности, у других чувство зависти... Ребенок прекрасно перевоплощается, но полезно ли это? Ведь когда он перевоплощается на сцене, когда он надевает костюм, он перестает быть ребенком и становится публичным человеком. На основании своего многолетнего опыта я настаиваю на уничтожении публичных детских постановок» (АОРЛ, ф. 2552, оп. 1, ед. хр. 2233).

³⁵⁶ *... в «Правде»...* — в «Петроградской правде».

20. НЕИЗВЕСТНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁵⁷ Печатается по машинописной копии, хранящейся в Архиве А. М. Горького. Письмо без подписи.

Фраза из письма: «... чтобы я, оставив, быть может, за собой председательство в Центротейатре, вместе с тем как можно решительнее отошел от театра и занялся Главпрофобром...» — дает основание полагать, что автором его был А. В. Луначарский — в те годы председатель Центротейатра.

³⁵⁸ *Керженствующие новоперы* — то есть сторонники П. М. Керженцева, приверженцы пролеткультовских левацких идей в театральной практике.

21. В. М. СМЕРНОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁵⁹ Печатается по авторизованной машинописи, хранящейся в Архиве А. М. Горького.

Смирнов Владимир Мартынович был связан с Андреевой по революционной работе с 1905/06 г. На его квартире в Гельсингфорсе состоялась в 1906 г. встреча А. М. Горького и М. Ф. Андреевой с В. И. Лениным перед их поездкой в США.

В статье «Встречи с Красиным» В. М. Смирнов писал: «В июле 1906 года, за несколько дней до Свеаборгского восстания, я получил от М. Ф. Андреевой из-за границы поручение съездить в одну из дачных местностей около финско-русской границы и передать лично “Никитичу” [Л. Б. Красину] присланную ею очень крупную сумму — точно не помню, 50 или 100 тысяч рублей, — предназначавшуюся для партии. “Никитич” был в то время своего рода партийным наркомфином. Его я там не застал, но деньги (или чек) я был уполномочен в таком случае передать сестре Андреевой — Крит, что я и сделал» (сб. «Леонид Борисович Красин», М., 1928, стр. 256).

22. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ

³⁶⁰ ... *после смены Бадаева...* — то есть после ухода А. Е. Бадаева с поста комиссара продовольствия Петроградской трудовой коммуны.

23. М. Ф. АНДРЕЕВА — Е. И. и И. П. ЛАДЫЖНИКОВЫМ

³⁶¹ Письмо послано в день отъезда Андреевой из Петрограда за границу для выполнения ответственного поручения. Решением Совета Народных Комиссаров от 26 октября 1920 г. было предложено Нарком-Внешторгу организовать за границей продажу фондов, отобранных для экспорта специальной Экспертной комиссией Петроградского отделения Наркомвнешторга (ЦГАОР, ф. 413, оп. 1, ед. хр. 247). С 31 июля 1919 г. Андреева по совместительству являлась комиссаром этой комиссии, в связи с чем ей была поручена, с ведома В. И. Ленина, реализация антикварных экспортных фондов за границей.

Экспертная комиссия была создана в феврале 1919 г. под председательством Горького. Задачи ее состояли: «в отборе и оценке вещей, имеющих художественное значение, в 33-х национализированных складах Петрограда, бесхозяйственных квартирах, ломбардах и антикварных лавках. Вещи эти отбирались на предмет создания в Советской республике антикварного экспортного фонда» (А. М. Горький, письмо в Совет Народных Комиссаров от 21 октября 1920 г., сб. «В. И. Ленин и А. М. Горький», М., 1958, стр. 153). Помимо этого комиссия выделяла особо ценные предметы искусства для

передачи их в государственные музеи.

24. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

³⁶² Андреева прибыла в Берлин в начале июня после сложных и длительных мытарств с получением въездных виз. 30 мая Горький писал ей в Латвию: «... тебя, М. Ф., очевидно, не пустят ни в Германию, ни в Англию по силе твоего официального положения (то есть как комиссара. — *Ред.*). ... А продать вещи эксп[ертной] комиссии — необходимо. У нас — голод, размеры его значительно превышают катастрофу 92 года» (письмо хранится в Архиве А. М. Горького).

³⁶³ *Для дела помощи твой приезд абсолютно необходим...* — Андреева говорит о помощи в сборе средств в связи с голодом в Поволжье и на Украине. Упомянутые ею антисоветские элементы — Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович, Н. М. Кишкин — входили во Всероссийский комитет помощи голодающим. В конце августа 1921 г. комитет этот был ликвидирован, так как названные выше лица пытались использовать его в контрреволюционных целях (Ленинский сборник XXXVI, М., 1959, стр. 267).

³⁶⁴ *... мои выступления делают свое дело...* — Приводим выдержку из речи Андреевой в Стокгольме на собрании журналистов и общественных деятелей: «Засуха там полная, высохли колодцы, пересохли реки, высох и местами горит лес, земля трескается, солнце сожгло посевы, сгорели травы — миллионы людей обречены на голод... Русские умеют терпеть — вы все это знаете по русской литературе, русский человек способен работать и совершать подвиги при таких условиях, при которых вряд ли бы согласился кто другой, но, как ни велика сила психической сопротивляемости в русском человеке, он чрезвычайно ослаблен, и это очень страшно... Нельзя же допустить, чтобы в невероятных страданиях умирали десятки миллионов людей и мир не откликнулся бы на эти страдания. Помогите русскому народу справиться со своим хозяйством, дайте ему зерна для нового посева. Дайте земледельческие орудия, паровозы и все, что нужно для восстановления разрушенных восьмилетней войной фабрик и заводов. Россия сторицей заплатит за все, как только она хозяйственно встанет на ноги... Ведь это необходимо не только в интересах одной России, но в интересах всего мира, в интересах человечества, человечности» (Н. Е. Буренин предоставил составителям книги текст данного отрывка).

25. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В. И. ЛЕНИНУ

³⁶⁵ *... ведь меня посылали с лекциями о голоде в Швецию, Данию...* — Имеются в виду лекции, прочитанные М. Ф. Андреевой в ряде западноевропейских стран по поручению Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол). Об одной из таких лекций имеется сообщение в бюллетене заграничного отдела Помгола: «Швеция. Доклад М. Ф. Андреевой о помощи голодающим в России встречен печатью крайне сочувственно. Даже консервативные органы пишут о потрясающем впечатлении, произведенном призывом Андреевой к помощи... По всей Швеции замечается большой интерес к делу помощи» (ЦГАОР, ф. 1064, оп. 6, ед. хр. 43).

³⁶⁶ ... снова мы работаем, как встарь, все вместе... — Андреева говорит о совместной работе с известными Ленину членами боевой технической группы ЦК РСДРП в годы первой русской революции. В период гражданской войны она также работала с Н. Е. Бурениным — в Отделе театров и зрелищ Петрограда. С И. И. Березиным М. Ф. была связана как с работником внешней торговли.

³⁶⁷ ... добудем денег в хорошей валюте... — Речь идет о реализации фондов Экспертной комиссии — см. [примеч. к письму Ладыжниковым от 12 апреля 1921 г.](#)

³⁶⁸ ... надеюсь пробыть недолго... — Андреева смотрела на порученную ей работу за границей как на дело сугубо временное. 1 февраля 1922 г. она писала Горькому: «На лето имею ангажемент, буду играть “Веер леди Уиндермир”, если только не разболится нога, от чего избави господи» (Архив А. М. Горького). В действительности М. Ф. пришлось работать в Берлине до 1930 г.

26. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. И. ЛЕНИНУ

³⁶⁹ ... надо было бы дождаться окончательного выяснения кинематографического вопроса в Наркомпросе. — Андреева пишет так подробно о кино потому, что в это время она являлась уполномоченным Наркомвнешторга по делам кино за границей и знала о происходящей реорганизации кинодела в стране. Решением Совета Труда и Оборона республики от 4 января 1922 г. вся кинопромышленность, включая съемку кинокартин, была передана Высшему Совету Народного Хозяйства (ВСНХ). За Наркомпросом оставалось художественное руководство и политико-просветительный надзор за зрелищной деятельностью кино (ЦГАОР, протокол СТО от 4 января 1922 г., л. 5 и 10). 1 февраля 1922 г. Андреева сообщала Горькому: «Придется заняться временно кинематографическими делами» (Архив А. М. Горького).

³⁷⁰ Николай Петрович Горбунов отлично в курсе всего дела... — Имеется в виду управделами Совета Народных Комиссаров, который был информирован Андреевой лично во время ее приезда в Москву о перспективах и трудностях предстоящей работы за границей в области кино.

³⁷¹ ... о деле издания книг Алек[сея] Макс[имовича]... — Абзац, в котором содержится эта фраза, отчеркнут В. И. Лениным. В связи с поднятым Андреевой вопросом о материальном положении Горького В. И. Ленин писал управделами Совнаркома: «Прошу поговорить с Красиным о Горьком и всячески ускорить получение денег Горьким. Если есть малейшие трения, сказать мне» (Ленинский сборник XXXV, М., 1945, стр. 332).

26 а. [НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ В СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ]

³⁷² Печатается по копии, хранящейся в личном деле М. Ф. Андреевой в Архиве МВТ (оп. 5800, ед. хр. 2181).

27. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ; 28. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁷³ В письмах идет речь о первой русской художественной выставке в Берлине, которая была организована Наркомпросом совместно с Международным комитетом помощи голодающим в России. Чистый сбор

предназначался для населения, пострадавшего от голода 1921 г. В каталоге воспроизведены фотографии экспонированных на выставке картин, подтверждающие по преимуществу модернистский ее характер (см. «Erste Russische Kunstausstellung. Berlin. 1922. Galerie van Diemen C^o Gemälde neuer Meister». Unter den Linden, 21).

29. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Л. ЛИБЕРМАНУ

³⁷⁴ Печатается по подлиннику, хранящемуся в ЦГАОР, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 1564.

Либерман Лев — в то время заведующий киноотделом Народного комиссариата просвещения.

³⁷⁵ ... снова обращаюсь к Вам с жалобами, а также и с предложением. — Речь идет об отсутствии контакта в работе различных советских киноорганизаций. Видный деятель Германской компартии, руководитель Межрабпомгола и Межрабпомфильма Вилли Мюнценберг в общем письме к Луначарскому, Андреевой и Либерману также указывал, что цены искусственно взвинчивались из-за разобщенности советских организаций, закупавших фильмы. В дальнейшем в берлинском Советском торгпредстве был организован фотокиноподотдел, которым ведала Андреева. Координацией работы всех закупочных организаций в Берлине стала руководить тройка в составе: Андреевой — от торгпредства и ВУФКУ (Всеукраинского фотокиноуправления), Гринберга — представителя Наркомпроса, и Мюнценберга — представителя Межрабпомфильма (Архив МВТ, ф. Личные дела Л. Б. Красина, оп. 1327, ед. хр. 20).

30. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

³⁷⁶ Видный деятель большевистской партии и Советского государства В. В. Боровский был убит в Лозанне (Швейцария) белогвардейцем Конради 10 мая 1923 г. Произошло это во время Международной конференции, на которой Боровский представлял Советскую республику. Андреева описывает красный зал Советского посольства в Берлине, где 16 мая 1923 г. был выставлен гроб с телом убитого. В проводах тела Воровского от здания Советского посольства к вокзалу, для дальнейшего его следования в Москву, участвовало 150 тысяч берлинцев («Правда», 19 мая 1923 г.).

31. ИЗ ПИСЕМ А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁷⁷ Первое письмо датируется по сопоставлению с письмом Горького Сергееву-Ценскому (июнь, до 24-го, 1923; т. 29, стр. 412) и письмом В. Ф. Ходасевичу от 23 июля 1923 г. («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3, стр. 334).

³⁷⁸ Очень тронут... похвалю «Заметкам»... — Подразумевались, видимо, «Заметки» («О Льве Толстом», «Из дневника», «Смешное»), опубликованные в журнале «Беседа», № 1, Берлин, май – июнь 1923 г.

³⁷⁹ Прочитай и скажи — как понравятся? — Вероятно, имеются в виду «Рассказ о герое», «Рассказ об одном романе», «Карамора», «Анекдот» («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3, стр. 343).

32. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁸⁰ Письмо публикуется по Собр. соч., т. 29, стр. 420 – 421.

³⁸¹ *Я написал воспоминания о нем...* — Известные воспоминания Горького о В. И. Ленине в их первой редакции посылались им Андреевой для перепечатки. По сохранившимся в Архиве ИМЛ материалам видно, что Андреева получала и корректуру. На одном из экземпляров имеются ее пометки: «Копия со второй корректуры, за ней последует еще несколько, наверное, как всегда, и, наверное, еще что-нибудь будет вычеркнуто и переправлено» (ф. 4, коробка 8, ед. хр. 184).

33. М. Ф. АНДРЕЕВА — ГОСУДАРСТВЕННОМУ БОЛЬШОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ

³⁸² Телеграмма печатается по оригиналу, хранящемуся в Архиве Музея Большого драматического театра имени М. Горького в Ленинграде. Дата установлена предположительно по времени пятилетнего юбилея театра. В статьях Монахова, Юрьева и Максимова, посвященных юбилею, подчеркивалась роль Андреевой в организации БДТ. Выступление В. В. Максимова на юбилейном заседании было опубликовано под заголовком «Привет Андреевой». Приводим выдержку из него:

«Как человеку, прошедшему весь жизненный путь Большого драматического театра в его стенах, мне хочется сказать несколько слов о много сделавших для него. [...] Если мысль о создании нашего театра и не принадлежит всецело М. Ф. Андреевой, то проведение в жизнь этой идеи всецело дело ее рук. Большой драматический театр был ее любимым детищем; все свои силы, все свое влияние она приносила ему. Сколько врагов, сколько нападок заслужила она только из-за того, что как наседка охраняла своих птенцов. Она сознавала всю важность этого театра и героически отстаивала этот героический театр. Спасибо, Мария Федоровна! В день юбилея Большого драматического театра, который является дном и Вашего юбилея, — примите привет от одного из сотрудников, который искренне Вас любит, помнит и скорбит, что вас нет среди нас!» («Театр», еженедельник, 1924, № 1).

34. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

³⁸³ Андреева принимала участие в венской выставке как заведующая художественно-промышленным отделом Советского торгпредства в Берлине. Один из документов, написанных ее рукой, показывает, что могло экспонироваться на выставке: «Художественно-промышленному отделу приходится оперировать чрезвычайно трудным и многообразным товаром, имеющим свыше 6000 номеров номенклатуры и обнимающим: ковры русские, украинские и восточные; вышивки, строчку и ткань льняное; кружево; изделия из карельской березы и других ценных пород дерева; игрушки; чугунное художественное литье; изделия из драгоценных и полудрагоценных камней и те же камни в шлифованном, граненом и сыром виде; фарфоровые изделия; антиквария» (Архив МВТ, ф. торгпредства СССР в Германии, оп. 2826, ед. хр. 99).

³⁸⁴ ... привезли картину «Дворец и крепость»... — Историческая кинодрама в десяти частях с прологом и эпилогом по сценарию П. Щеголева и О. Форш вышла на экран в 1924 г. Фильм был закуплен для Германии фирмой «Беролина-фильм» («Кино-неделя», 9 сентября, 1924 г.).

³⁸⁵ ... один хороший актер, фамилии не знаю, играющий Нечаева, —

С. Ф. Шишко. (См. отзыв в «Красной газете», 22 января 1924 г.).

35. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ; 36. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

³⁸⁶ *Ну вот ты в Сорренто!* — Андреева отвечает на письмо Горького от 21 апреля, в котором он извещал ее о времени предстоящего переезда в Сорренто.

Рассказ Горького «Репетиция», о котором идет речь в обоих письмах, опубликован в СССР впервые в «Красной газете» (3 – 7 мая 1925 г., веч. вып.).

³⁸⁷ *Если ты прочитаешь эту печальную книгу...* — «Письма А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой» вышли в 1924 г. в Берлине в издательстве «Слово».

³⁸⁸ *Ты лучше прочитай «Гоха-дурак»...* — Роман А. Адес и А. Иозиповичи вышел в Берлине на русском языке, а затем в СССР в 1926 г. (Ленинград, «Книжные новинки»).

37. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

³⁸⁹ Андреева, как заведующая фотокиноподотделом, занималась просмотром и отбором фильмов, приобретаемых для СССР. Об одном из таких просмотров и идет речь в этом письме.

³⁹⁰ *...ты, должно быть, читал у Бабеля в «Красной нови».* — Андреева имеет в виду главу из книги «Конармия», опубликованную в журнале «Красная новь», 1924, № 3.

38. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

³⁹¹ Публикуется отрывок из большого письма, посланного в Сорренто из Берлина. В нем Андреева делится с Горьким своими впечатлениями от поездки в Москву и Ленинград. Выполняя его просьбу, она детально описывает все виденное, отмечает изменения, происшедшие в облике городов, в психологии и быте людей, в искусстве и т. д.

³⁹² *... «Лес» в постановке Всеволода Мейерхольда по Островскому.* — Спектакль был поставлен В. Мейерхольдом в 1924 г.

³⁹³ *... поставили «Блоху»...* — Премьера спектакля «Блоха» по Н. С. Лескову состоялась 11 февраля 1925 г. Постановка А. Д. Дикого. Роли исполняли: тульский оружейник Левша — Л. А. Волков, донской казак Платов — А. Д. Дикий, тульская девка Машка и аглицкая девка Меря — С. Г. Бирман, царь — В. А. Попов.

**39. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;
40. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ**

³⁹⁴ Письмо Горького печатается по т. 29, стр. 432 – 433.

³⁹⁵ *На днях в «Правде» опубликована... резолюция ЦК «О политике партии в области художественной литературы».* — Резолюция ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 г. опубликована в «Правде» 1 июля 1925 г., № 147.

³⁹⁶ *Твоя повесть...* — Горький называет повестью конкретный случай, рассказанный Андреевой в письме от 3 июня 1925 г. «Самопожертвование» Е. В. Выставкиной-Галлай заключалось в том, что она энергична занялась сбором средств и добилась разрешения на поездку в Берлин для лечения девушки, обезображенной серной кислотой.

³⁹⁷ *Тимоша* — этим шутивным прозвищем Горький называл жену своего

сына Н. А. Пешкову.

³⁹⁸ ... *Струве, издавна противный мне.* — Горький говорит об идеологе кадетской либерально-монархической партии белоэмигранте П. Б. Струве и своем отношении к нему со времени выхода в свет журнала «Освобождение» под редакцией Струве (1902 – 1905) и его книги, подвергнутой критике В. И. Лениным в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России”. СПб, 1894 г.» (Соч., т. 1, стр. 315 – 484).

³⁹⁹ ... *Ходасевич тоже оказался в милюковской газете...* — Горький имеет в виду поэта-декадента, белоэмигранта, печатавшегося в белоэмигрантской газете «Последние новости», которая издавалась в Париже П. Н. Милюковым — бывшим лидером кадетской партии.

⁴⁰⁰ *Бельфаст* — крупный промышленный центр в Ирландии.

⁴⁰¹ ... *романище пишу...* — «Жизнь Клима Самгина».

⁴⁰² *Ты читал пьесу «Мандат»?* — В ответном письме Андреева спрашивает о пьесе Н. Р. Эрдмана. В августе 1925 г. Эрдман посетил Горького в Сорренто вместе с режиссером и театроведом П. А. Марковым. «В один из дней он [Горький] позвал к себе Эрдмана и долго и внимательно разбирал его “Мандат”. Я не знаю подробности их встречи, но Эрдман вернулся с этой двухчасовой беседы окрыленным и радостным» (П. Марков, Встречи с Горьким, «Театр», 1959, № 6, стр. 135).

41. ИЗ ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОГО М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁰³ ... *если напишешь мне твои впечатления так подробно и хорошо, как ты однажды уже сделала...* — Горький имеет в виду письмо Андреевой от 9 марта 1925 года, частично публикуемое в данной книге.

⁴⁰⁴ *Роман мой разгорается как хороший сызранский пожар.* — Горький проводит аналогию между своей работой над романом «Клим Самгин» и грандиозным пожаром в 1913 году в большом уездном городе Сызрань Симбирской губернии.

⁴⁰⁵ ... *смерть которого очень меня поразила.* — О своем отношении к смерти Есенина Горький вторично писал Андреевой 14 июля 1926 г.: «А вот со смертью Есенина — трудно помириться и теперь. Умер еще Фурманов, тоже талантливый парень» (Архив А. М. Горького).

⁴⁰⁶ *А ты хочешь снова играть?* — В 1926 г. Андреева ставила вопрос о возвращении на сцену. В документе, посланном берлинским торгпредом в Москву (21 декабря 1926 г.), говорится: «Сама она высказала пожелание опять перейти на артистическую работу, которой она занималась всю свою жизнь» (Архив МВТ, оп. 5800, ед. хр. 2181). Зная о попытках Андреевой вернуться к артистической работе, Горький запрашивал ее: «Так ты снова на сцену? Напишу пьесу “сильно драматическую”. Ты — куда? К Монахову или в Аки?» (Архив А. М. Горького, письмо от 14 июля 1926 г.) — то есть возвращается ли она в Большой драматический театр, которым руководил Н. Ф. Монахов, или хочет поступить в один из академических театров.

42. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. Н. ЛАВРЕНТЬЕВУ

⁴⁰⁷ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ГЦТМ, № 122472/231.

Лаврентьев Андрей Николаевич — режиссер, которого Андреева хорошо знала по совместной работе в Большом драматическом театре в Ленинграде и в Художественном театре, где он начинал свой творческий путь.

⁴⁰⁸ ... *играла, да и то в 16-м году...* — В № 22 журнала «Рампа и жизнь» за 1916 г. сообщалось: «В ателье “Русская Золотая Серия” закончена съемка большой картины [“Ничтожные”] по роману Е. А. Нагродской “Борьба микробов”, с участием впервые на экране артистки театра Незлобина М. Ф. Андреевой, арт. Худ. театра Церетели... М. Ф. Андреева выступит также в ближайшем будущем в картине “Узурпатор” по известному роману Локка».

43. А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ;

44. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

⁴⁰⁹ Оба письма хранятся в Архиве А. М. Горького: письмо Луначарского воспроизводится по машинописной копии, письмо Андреевой — по авторизованной машинописи.

⁴¹⁰ «УФА-фильм» — германская кинематографическая фирма.

⁴¹¹ *Сейчас гремят наши фильмы...* — Фильмы, перечисленные в письме, вышли на экран: «Стачка» — первый фильм С. Эйзенштейна — в 1925 г., «Крылья холопа» — режиссер Ю. Тарич, сорежиссер Л. Леонидов, ассистент И. Пырьев — в 1926 г., «Мать», поставленная В. Пудовкиным, — в 1926 г.

⁴¹² *Помните, какие интересные сценарии предлагались и разрабатывались в свое время...* — Андреева говорит о существовавшей при Петроградском Театральном отделе секции исторических картин, занятой созданием театральных и кинематографических сценариев. Секция ставила своей целью «дать в общедоступном изображении наиболее характерные моменты из истории развития мировой культуры, начиная с древнейших эпох и до наших дней» (см. докладную записку ПТО в Госиздат, АОРЛ, ф. 2551).

⁴¹³ ... *мое имя здесь нередко всуе поминают в «Руле»...* — Речь идет об измышлениях белоэмигрантской газеты «Руль», связанных с якобы предстоящим назначением Андреевой на пост председателя ВОКС вместо О. Д. Каменевой («Руль», 1 марта 1927 г.).

45. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

⁴¹⁴ *Писать? Нет, милый, поздно.* — Эти слова М. Ф. относятся к неоднократным советам Горького заняться литературной деятельностью. См., например, его письмо от 23 апреля 1928 г. ([здесь](#)).

⁴¹⁵ *Приехал сюда еврейский академический театр...* — Еврейский театр был создан при содействии Петроградского Театрального отдела и работал там до 1920 г. В отчете ПТО за 1919 г. сообщалось: «Еврейский камерный театр переходит в центр по ходатайству Комиссариата национальных меньшинств» (ЦГАОР, ф. 2306, оп. 24, ед. хр. 185).

⁴¹⁶ ... *устраивают вечер ОЗЕТа...* — Общества по земельному устройству трудящихся евреев в СССР.

46. А. М. ГОРЬКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ; 47. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

⁴¹⁷ ... *очерк твоего первого визита в Россию.* — См. здесь [отрывок из](#)

[письма Андреевой Горькому от 9 марта 1925 г.](#)

⁴¹⁸ *Через месяц еду в Россию...* — А. М. Горький прибыл в Москву 28 мая 1928 г. По дороге в СССР он пробыл в Германии с 21 по 26 мая («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», т. 3, стр. 614 – 615).

⁴¹⁹ ... наши любители играли первый акт «На дне». — Имеется в виду драматический коллектив берлинского Советского торгпредства, которым руководила Андреева. О ее режиссерской работе с этим коллективом см. здесь [воспоминания Н. А. Луначарской-Розенель](#).

48. М. Ф. АНДРЕЕВА — В. Э. МЕЙЕРХОЛЬДУ

⁴²⁰ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 939.

Андреева отвечает В. Э. Мейерхольду на поздравление к 30-летию МХАТ.

⁴²¹ ... вспоминаю Вас в тех ролях... — Андреева выступала в Художественном театре вместо с Мейерхольдом в пьесах: «Венецианский купец» (принц Арагонский, Порция); «Чайка» (Треплев, Нина Заречная); «Двенадцатая ночь» (Мальволио, Оливия); «Одинокое» (Иоганнес, Кете); «Три сестры» (Тузенбах, Ирина); «В мечтах» (кн. Трубчевский, Вера Кирилловна).

49. М. Ф. АНДРЕЕВА — Н. А. ЛУНАЧАРСКОЙ-РОЗЕНЕЛЬ и А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ

⁴²² Публикуется впервые, по подлиннику, хранящемуся в Архиве ИМЛ, ф. 142, ед. хр. 500, л. 41.

Впечатления Андреевой о жизни Берлина, изложенные ею в письме, относятся к началу мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг.

50. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

⁴²³ Письмо послано вскоре после возвращения Андреевой из Берлина в Москву. Решением коллегии Народного комиссариата внешней и внутренней торговли (протокол № 126 от 7 декабря 1929 г.) она была назначена заместителем председателя правления «Кустэкспорт». В аттестате, выданном ей торговым представительством СССР в Германии, говорится, что Андреева заведовала с апреля 1921 по 28 февраля 1930 г. художественно-промышленным отделом торгпредства и откомандирована в СССР 1 марта 1930 г. (Архив МВТ, оп. 5800, ед. хр. 2181).

⁴²⁴ *Видела «Отелло»...* — Премьера спектакля «Отелло» состоялась в МХАТ 14 марта 1930 г. (план постановки К. С. Станиславского, режиссер И. Я. Судаков).

⁴²⁵ ... Дездемона была моей последней ролью. — Андреева напоминает о последней роли, сыгранной ею в январе 1920 г. в Большом драматическом театре.

51. ИЗ ПИСЬМА Н. Е. БУРЕНИНА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ; 52. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

⁴²⁶ В Архиве А. М. Горького имеется большое собрание писем Буренина к Андреевой за 1930 – 1931 гг. В них много внимания уделено воспоминаниям, которые он тогда начал писать, о большевистском подполье. Публикуемые здесь и далее фрагменты из писем дают представление о том, как внимательно относилась М. Ф. к работе Буренина.

⁴²⁷ ... и в сборнике Красина. — В сб. «Леонид Борисович Красин» (М.-Л., 1928) была опубликована статья Буренина «Работа с Л. Б. по подготовке к вооруженному восстанию».

53. ИЗ ПИСЕМ Н. Е. БУРЕНИНА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴²⁸ Письма, из которых взяты эти отрывки, также относятся к начальному периоду литературной деятельности Буренина как мемуариста. В 1933 г. была опубликована книга его воспоминаний: «Из жизни большевистского подполья», в которую вошли упоминаемые три эпизода: «Наташа», «Степан Голубь», «Покойница».

Творческая помощь Андреевой Буренину продолжалась и в последующие годы, когда он работал над новыми мемуарами. См. здесь ее [письма к Буренину за 1938 г.](#)

54. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

⁴²⁹ *Мне приходится обследовать его работу...* — Сохранился написанный Андреевой план обследования Театра сатиры. В нем намечалось проверить: политическое направление репертуара и как он отвечает современным задачам, обслуживание рабочего зрителя, шефство театра над предприятиями, качество актерской работы и т. д. (Архив А. М. Горького).

55. ИЗ ПИСЬМА М. Ф. АНДРЕЕВОЙ А. М. ГОРЬКОМУ

⁴³⁰ ... *Приходили А. Н. Тихонов и Дикий по поводу затеянной ими студии...* — Андреева говорит о студии, созданной при московском Доме ученых на базе театрально-литературной мастерской при Федерации советских писателей. В докладной записке А. Д. Дикого, переданной Марии Федоровне 7 марта 1932 г. на заседании ЦЕКУБУ, говорилось: «В отличие от некоторых других театров, где драматург нужен, лишь как повод, а драматургический материал как сырье для спектакля, мы стремимся к тому, чтобы работу драматурга, писателя и одновременно работу всех элементов театра (режиссера, художника, композитора, всех актеров) слить в единый неразрывный творческий процесс. Это требует тщательного изучения литературы, изучения творческого процесса писателя, постоянной связи с писательскими кадрами и активного участия в литературном движении нашей страны» (ЦГАЛИ, ф. 1957, ед. хр. 5).

Андреева в течение трех лет принимала активное участие в работе студии, которая осуществила под руководством А. Д. Дикого постановки: «Леди Макбет Мценского уезда», «Интермедии Сервантеса» и под руководством В. О. Топоркова — «Бедность не порок». Из актерского состава студии впоследствии был организован первый русский театр в Сталинабаде. В студии творчески сформировались: народный артист РСФСР Г. П. Менглет, заслуженный артист Таджикской ССР О. П. Солюс и многие другие.

56. М. Ф. АНДРЕЕВА — А. М. ГОРЬКОМУ

⁴³¹ *Все пишу воспоминания свои, и все не нравятся мне они...* — Еще в 1932 г. Андреевой был заключен с издательством «Academia» договор на книгу «Мемуары». Планом этой книги открываются комментарии нашего сборника.

⁴³² *Тихонов А. Н., по-моему, хорошо о Чехове и Савве Морозове написал.* — Имеются в виду воспоминания А. Н. Тихонова (А. Серебров), впервые

опубликованные в сб. «Год восемнадцатый». Альманах седьмой. М., 1935.

57. Е. М. КУЗНЕЦОВ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴³³ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Кузнецов Евгений Михайлович — заслуженный деятель искусств, в годы гражданской войны работал в Петрограде вместе с Андреевой в редколлегии газеты «Жизнь искусства».

Письмо написано в связи со смертью А. М. Горького, последовавшей 18 июня 1936 г. Из ряда других свидетельств видно, как тяжело отозвалась смерть Горького на М. Ф. Так, Бонч-Бруевич писал Пятницкому: «Она сделалась совсем, совсем старушкой, и мне ее очень жаль. Члены правительства и партия проявляют сейчас к ней особое внимание» (ЦГАЛИ, ф. 612, оп. 1, ед. хр. 1871).

58. М. Ф. АНДРЕЕВА — И. М. МОСКВИНУ

⁴³⁴ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Музее МХАТ, архив И. М. Москвина.

Телеграмма послана в связи с присвоением И. М. Москвину звания народного артиста СССР. 3 мая 1937 г. И. М. Москвин был награжден орденом Ленина, и Андреева снова телеграфировала: «Сердечно поздравляю высокой правительственной наградой. Желаю здоровья, сил, бодрости [во] славу русского искусства».

59. С. Б. КАСТОРСКИЙ — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴³⁵ Печатается по подлиннику, хранящемуся в Архиве А. М. Горького.

Письмо связано с работой известного литературоведа С. В. Касторского над книгой: «“Мать” М. Горького. Творческая история повести» (Л., 1940), где приводится предположение Андреевой, что «в трогательно-эмоциональном образе Ниловны, страдающей душой за всех обиженных, как-то преломился образ любимой бабушки Горького» (стр. 68). Касторский ссылается на свидетельство Марии Федоровны о том, что первые наброски повести были сделаны Горьким в 1903 г., а в 1904 г. читались им в Риге, в домашнем кругу, в присутствии С. Т. Морозова (стр. 69). М. Ф. сообщила автору книги, «что она за время пребывания в Америке перепечатывала “Мать” на машинке пять раз, так много исправлений вносил каждый раз Алексей Максимович» (стр. 71).

60. [О ГОРЬКОМ]

⁴³⁶ Воспроизводится сокращенная стенограмма выступления М. Ф. Андреевой на Горьковской конференции ВТО (февраль 1937 г.)

⁴³⁷ *Единственно, кого он учил, так это Баранова.* — Н. А. Баранов исполнял в спектакле МХТ «Мещане» роль Тетерева.

⁴³⁸ *Когда в Риге «Дачников» поставил Незлобин, А. М. принимал в этом участие.* — Пьеса «Дачники» шла в театре К. Н. Незлобина в сезоне 1904/05 г. Газета «Рижские ведомости» сообщала 19 октября 1904 г.: «“Дачники” готовятся под личным руководством автора». 2 декабря в этой же газете была напечатана заметка о том, что Горький доволен постановкой и считает рижский ансамбль лучше петербургского (театр В. Ф. Комиссаржевской). Андреева исполняла в рижском спектакле роль Марьи Львовны.

⁴³⁹ *... кто свистел, кто аплодировал.* — Андреева описывает инцидент,

происшедший на премьере «Дачников» в Петербурге (см. подробно об этом — М. Горький, Собр. соч., т. 28, стр. 333 – 334).

⁴⁴⁰ ... Алексею Максимовичу больше всех понравился Качалов — и этот дворник. — В спектакле «Дети солнца» Качалов исполнял роль Протасова, роль дворника Романа исполнял Д. О. Шадрин.

⁴⁴¹ Первый раз, если не ошибаюсь, играла Бутова. — На премьере роль Меланьи исполняла О. Л. Книппер, Н. С. Бутова выступала в этой роли позднее, в двадцатом и двадцать первом спектакле.

61. [О МЕЙЕРХОЛЬДЕ]

⁴⁴² Воспроизводятся ответы М. Ф. Андреевой на вопросы об отношении Горького к Мейерхольду, заданные ей на той же Горьковской конференции ВТО (февраль 1937 г.).

В оценке режиссерской работы Мейерхольда Андреева допускает некоторую односторонность. Правильно критикуя формалистический спектакль, она недооценивает положительные элементы в режиссерском новаторстве Мейерхольда и поисках новой театральной формы.

62. ИЗ ПИСЕМ М. Ф. АНДРЕЕВОЙ Н. Е. БУРЕНИНУ

⁴⁴³ В августе 1938 г. Андреева написала несколько больших писем Буренину в связи с подготовкой последним своих воспоминаний к печати. В письмах дано много советов, характеризуются некоторые революционные события, приводятся данные биографического характера в ответ на вопросы Буренина, уточняются даты и даются редакторские указания. Письма печатаются со значительными сокращениями. Опущены повторы, а также события, известные из других материалов книги. Ряд выдержек из этих писем опубликован в журнале «Москва», 1957, № 9.

К письму от 9 августа.

⁴⁴⁴ Как глубоко читала М. Ф. память Станиславского, видно и из ее воспоминаний, посвященных 40-летию МХАТ: «Таланту и культурному мастерству К. С. Станиславского МХАТ главным образом обязан своим успехом, — огромное большинство пьес репертуара театра, особенно в первые наиболее трудные годы, было поставлено им, он был главным режиссером и арбитром, и он же был одним из крупнейших актеров театра с самых первых его шагов.

... В труппе не было людей первого и последнего ранга. Каждый мог надеяться, что будет играть первую роль, если она подойдет к нему и его способностям, никто не имел права отказываться от самой маленькой роли, от немого выхода на сцену, если этого требовали интересы общего дела. Это было ново по тем временам, и это новое внес Константин Сергеевич Станиславский.

... И когда вспоминаешь это далекое время, прежде всего перед глазами встает фигура большого человека, еще молодого — ему тогда было всего 35 лет, — прекрасная голова с густыми темными волосами, подернутыми сильной проседью. Молнии гнева и презрения мечут его чудесные серые глаза, ежели кто-либо, все равно кто, хотя бы самый близкий и дорогой ему человек, что-нибудь плохое, а уж особенно против общего дела сделал. Густые черные брови сурово хмурятся.

А то сидит он против сцены, кто-нибудь репетирует, и хорошо у того, талантливо, а главное, правдиво выходит, — и те же глаза полны такой светлой радости, крупные губы морщатся в счастливую улыбку, и все лицо его играет вместе с актером на сцене.

Этот человек был душою и сердцем, учителем и самым неутомимым, преданным тружеником создававшегося тогда нового театрального дела, творцом и основоположником нового этапа в деле развития театра вообще» (М. Ф. Андреева, Из воспоминаний, «Огонек», 1938, № 28/29).

К письму от 20 – 21 августа.

⁴⁴⁵ *Я начала бы с описания демонстрации...* — Андреева имеет в виду известную студенческую демонстрацию протеста против применения царским правительством «Временных правил» об исключении из университета и отдаче студентов в солдаты за участие в демонстрациях и забастовках. Демонстрация происходила 4 марта 1901 г. в Петербурге, на площади у Казанского собора. За участие в ней Буренин был впервые арестован.

⁴⁴⁶ *... во времена Елены Дмитриевны...* — Речь идет о Е. Д. Стасовой, которая жила в этой квартире после Октябрьской революции.

⁴⁴⁷ *Жил и «Черт».* — Андреева имеет в виду известного участника Московского вооруженного восстания В. И. Богомолова. В своих мемуарах он отмечает большую работу М. Ф. по сбору средств на вооружение боевых дружин (В. Богомолов («Черт»), Связь боевой технической группы с московской организацией, в сб. «Первая боевая организация большевиков 1905 – 1907 гг.», М., 1934). По свидетельству Богомолова, М. Ф. собирала средства и на нелегальный орган ЦК партии «Рабочий», издававшийся в подпольной типографии на Лесной улице в Москве, которой он руководил: «“Никитич” [Л. Б. Красин] указал мне, что за деньгами на содержание типографии, бумагу и транспортные операции я должен обращаться к Марии Федоровне Андреевой и что ей на этот счет даны инструкции. По возвращении из Питера “Дядя Миша” познакомил меня с Марией Федоровной. И в дальнейшем я был очень частым гостем на Воздвиженке, где тогда жили М. Ф. Андреева и А. М. Горький. А затем, перейдя на боевую работу [руководство мастерской по изготовлению бомб], одно время и жил там» (В. Богомолов, Московская подпольная типография центрального органа партии «Рабочий», в сб. «Техника большевистского подполья», вып. II, Истпарт, 1924).

⁴⁴⁸ *... по фамилии, начинающейся на З...* — Речь идет о полицмейстере Гельсингфорса — Зальце (см. сб. «Архив А. М. Горького», т. V, стр. 178).

63. М. П. ЛИЛИНА — М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁴⁹ Печатается по кн. «М. П. Лилина», М., ВТО, 1960.

64. [ОБРАЗ В. И. ЛЕНИНА В ТЕАТРЕ]

⁴⁵⁰ Воспроизводится стенограмма (с незначительными сокращениями) выступления Андреевой в 1939 г. на конференции ВТО, посвященной теме: «Образ Ленина в театре, драматургии и кино» (ЦГАЛИ, ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 627). Печаталась в журнале «Москва», 1957, № 9.

Это не единственное выступление Андреевой о В. И. Ленине. В частности, доктор филологических наук А. И. Чхеидзе пишет: «Последний раз я видела,

вернее слышала, М. Ф. в день кончины В. И. Ленина. В полпредстве был траурный митинг, на котором выступила М. Ф. Андреева. В своей речи она выразила все свое благоговейное преклонение перед личностью гениального вождя, всю свою скорбь по поводу безвозвратной утраты. Помнится, речь глубоко взволновала присутствующих. И тут М. Ф. проявила еще одну черту своего многогранного характера: она прекрасно владела словом. Живая, глубоко эмоциональная речь проникала до глубины души слушателя. Вероятно, этому немало способствовало сочетание яркого содержательного слова с артистической формой выражения». (Письмо хранится у составителей книги.)

«Глубокое впечатление произвела на меня годовщина смерти Владимира Ильича, — писала Андреева Горькому 9 марта 1925 г. — За неделю, а то и полторы, в Мавзолей стали непрерывно втекать струи народа самого разнообразного: тут и мужики, и бабы, и прасолы какие-то в хороших поддевках, и красноармейцы, интеллигенты, поодиночке, группами... Чем ближе к самому дню, тем больше организованных групп, комсомольцы, пионеры видимо-невидимо — училища и школы...

А в самый день его кончины шли уже целые процессии.

Часами стояла, будучи не в состоянии оторваться, — такие хорошие, серьезные лица...

Ребята идут — малыши какие-то, но, конечно, со знаменем, старшему — лет десять, он же барабанщик и великолепно барабанит, надо отдать ему справедливость! Командует: «Левой, правой, шаг, шаг держи! Знамя выше!»

Равняются с Мавзолеем: «Знамя склоняй! В ногу — раз, два, левой, правой!»...

А я вот не решилась зайти в Мавзолей — боялась заплакать...»

65. М. Ф. АНДРЕЕВА — БОЛЬШОМУ ДРАМАТИЧЕСКОМУ ТЕАТРУ ИМ. М. ГОРЬКОГО

⁴⁵¹ Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Архиве БДТ.

Приветственная телеграмма послана к 25-летию Государственного Большого драматического театра имени М. Горького.

ВОСПОМИНАНИЯ О М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁵² Большинство воспоминаний современников написано специально для данной книги. В отдельных случаях, когда воспоминания ранее публиковались, в комментариях даются ссылки на источники.

Г. М. Кржижановский

МОИ ВСТРЕЧИ С М. Ф. АНДРЕЕВОЙ

⁴⁵³ Кржижановский Глеб Максимилианович — старейший деятель революционного движения, друг В. И. Ленина, член КПСС с 1893 г., ученый-энергетик, академик.

Ф. И. Драбкина

«ФЕНОМЕН»

⁴⁵⁴ Драбкина Федосья Ильинична — член КПСС с 1902 г. В 1905 г. являлась одним из членов боевой технической группы ЦК РСДРП.

Любопытный эпизод, связанный с «Новой жизнью», рассказан Ф. И. Драбкиной на встрече участников революции 1905 года: «Вот какой

случай был со мной. Жена Горького, актриса Художественного театра Мария Федоровна Андреева, была издательницей первой легальной большевистской газеты “Новая жизнь”. Она была поэтому юридическим лицом, которое одно только могло распоряжаться имуществом газеты. Но вот “Новую жизнь” правительство запретило. Осталось большое имущество, которое необходимо ликвидировать. Между тем Андреева должна срочно уехать за границу, во избежание ареста. Красин взял у нее паспорт и поручил мне пойти с ним к нотариусу под видом Андреевой, составить доверенность на имя Литвинова, который тоже жил тогда под чужим именем. Я все это проделала, а вернувшись домой, прочитала в газете заметку, что накануне Горький с Андреевой уехали за границу» (стенограмма выступления Драбкиной от 6 апреля 1955 г., хранятся в архиве Музея Революции СССР).

Воспоминания Ф. И. Драбкиной частично печатались в отдельных изданиях.

В. П. Веригина

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ДАРОВАНИЕ

⁴⁵⁵ Веригина Валентина Петровна — драматическая актриса, окончила школу Художественного театра в 1904 г. Была в труппе Студии на Поварской. Работала в театре В. Ф. Комиссаржевской, затем — у Ф. А. Корша и в провинции. С 1913 г. начала заниматься искусством пантомимы и пластики. В 1921 г. оставила сцену и стала преподавательницей сценического движения.

В. Н. Соколов

В 1905 ГОДУ

⁴⁵⁶ Соколов Василий Николаевич — профессиональный революционер, член КПСС с 1898 г. В 1905 и 1906 гг. возглавлял транспортно-техническое бюро ЦК РСДРП. Его жена Елена Демьяновна — член КПСС с 1903 г. Как активные участники революционного движения Соколовы были арестованы в августе 1906 г., три года содержались в тюремном заключении в одиночных камерах. В 1909 г. были приговорены к четырем годам каторги и последующему бессрочному поселению в Енисейской губернии.

Воспоминания В. Н. Соколова написаны заново для данного сборника. Частично опубликованы в его книге: «Партбилет № 0046340 ВКП (б), записки старого большевика», М., изд-во «Старый большевик», 1932, стр. 452 – 453.

⁴⁵⁷ ... был убит Грожан... — Павел Августович Грожан — член РСДРП с 1902 г., активный участник революции 1905 г. Находясь после побега из ссылки на нелегальном положении в Москве, Грожан организовал мастерскую по изготовлению бомб. Убит он был черносотенцами 22 октября 1905 г. В «Новой жизни» (№ 8) был опубликован некролог. Вспоминая об этом героическом человеке во время беседы с экскурсоводами музея А. М. Горького, М. Ф. Андреева рассказывала: «Из нашей квартиры ушел Грожан. Он был у нас, и Алексей Максимович дал ему денег... Был он молодой, красивый. Оглянулся на нас и говорит: “До свидания, — а потом тихо прибавил: — а может быть, совсем”. Алексей Максимович бодро сказал ему: “До свидания надо говорить. Идет человек, и надо знать, что придет назад”. Вы знаете, как его убили. Алексей Максимович очень сокрушался, что не мог пойти на его похороны.

Когда Баумана хоронили, много было народа, а Грожана хоронили только трое: я, брат Грожана и один студент» (см. стенограмму в Архиве А. М. Горького).

Н. Е. Буренин

С ГОРЬКИМ И АНДРЕЕВОЙ В АМЕРИКЕ

⁴⁵⁸ Публикуемые воспоминания написаны Н. Е. Бурениным для данной книги. В других своих мемуарах Буренин не раз вспоминает о революционной деятельности, артистическом даре Андреевой, о ее жизни с Горьким в Америке и на Капри (см. «Поездка А. М. Горького в Америку», «Три месяца на острове Капри» в сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, и в кн.: Н. Е. Буренин, Памятные годы. Воспоминания, Лениздат, 1961).

⁴⁵⁹ *Мария Федоровна была очень музыкальна...* — В воспоминаниях о жизни в Америке Н. Е. Буренин рассказывает, как Мария Федоровна даже в домашней обстановке покоряла слушателей своим пением:

«Нас, русских, американцы просили что-нибудь исполнить, просили спеть русские песни или протанцевать.

Выручала М. Ф. У нее был совершенно замечательный “номер”: “Песня про комара”. Она ее пела бесподобно.

Рассказывая очень просто про комара, про его встречу с мухой, она незаметно меняла интонацию, когда комар оставался один и садился, свесив ножки, на дубовый листок. Налетал ветер, в голосе слышно было волнение. А когда происходила катастрофа — комарик сваливался с дуба, ломал себе ребра и кости, — голос снова менялся, появлялись трагические нотки, вещавшие о комариной смерти. Самый большой успех имели слова, в которых спрашивалось: “Какой это лежит покойник?” И лукаво-иронический ответ: “То не царь, не генерал, не полковник, то старой мухи любовник”.

Американцы аплодировали и заставляли М. Ф. бисировать. Во время пения Престония Ивановна подергивала плечами, и казалось, сейчас пустится в пляс.

У Горького была странная особенность: он вообще не любил женского пения. Я знаю только два исключения: это негритянская певица Коретти Арлэ-Тиц, которая ему нравилась не только, когда она пела негритянские или индейские песни, но и русские романсы, и Д. И. Загорская с ее народными песнями.

Но “Песня про комара” в исполнении М. Ф. ему нравилась. Он ухмылялся себе в усы, и ему даже как будто импонировал успех, которым сопровождалась эта песня. Когда появлялся какой-нибудь новый посетитель и американцы уж очень нас забивали своими трюками, Горький говорил:

— Ну-ка, Маруся, спой про комара. — И мы не уступали американцам пальмы первенства». (Н. Буренин, Поездка А. М. Горького в Америку. Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955, стр. 234 – 235.)

В. И. Лихачев

ВМЕСТЕ В НЕЗЛОБИНСКОМ ТЕАТРЕ

⁴⁶⁰ Лихачев Василий Ильич — старейший актер русской сцены. Многие годы был ведущим актером театра К. Н. Незлобина.

⁴⁶¹ ... *Ее Раутенделейн была сказочной феей.* — Газета «Рижский вестник» 3 января 1905 г. писала: «Вчера, 2 января, шло повторение пьесы “Потонувший

колокол” Гауптмана. Г-жа Андреева (Раутенделейн) провела роль свою в высшей степени своеобразно и интересно. Контраст первого действия, где она является наивной дочерью матери-природы, дочерью, не выдавшей горя и слез, и последнего — где она является существом страдавшим и измученным вконец страданием своим, был удивительно тонко и последовательно проведен».

О. В. Гзовская

ПРИМЕР МОЛОДЫМ

⁴⁶² Гзовская Ольга Владимировна — известная драматическая, актриса, в труппе Малого театра с 1905 по 1910; Художественного — в 1910 – 1914 и в 1915 – 1917 гг. Была одним из ближайших помощников Станиславского по проведению его «системы» в жизнь, вела занятия с молодежью МХТ и позднее в Оперной студии Большого театра.

Евг. Кузнецов

КОМИССАР ТЕАТРОВ

⁴⁶³ Кузнецов Евгений Михайлович — заслуженный деятель искусств РСФСР, член Союза советских писателей. В первые годы революции работал с М. Ф. Андреевой в Петрограде. Его перу принадлежат многие статьи и книги о театре, цирке, эстраде. В последние годы жизни — ответственный редактор журнала «Советский цирк».

⁴⁶⁴ *Я просила их сообщить о поездке Великорусского оркестра на фронт...* — 1 ноября 1918 г. в газете «Жизнь искусства» было напечатано сообщение: «От центрального бюро по организации празднеств годовщины Октябрьской революции. Первый народный великорусский оркестр под управлением В. В. Андреева командируется в двухнедельную поездку сроком со 2 по 16 сего ноября по Северному фронту для участия в торжествах празднования Октябрьской революции, почему все лица и учреждения, где состоят на службе артисты названного оркестра, по предъявлении ими удостоверения об участии в упомянутой поездке обязаны предоставить им отпуск на указанное время. Член центрального бюро *Мария Андреева*».

⁴⁶⁵ *Она возглавила редакционную коллегию...* — Членом редколлегии газеты «Жизнь искусства» Андреева была в течение длительного времени (1919 – 1920 гг.).

⁴⁶⁶ *... зачитал разработанный им план создания таких инсценировок...* — Речь идет о докладе Горького на заседании Большого Художественного совета Отдела театров и зрелищ Петрограда, состоявшемся 3 марта 1919 г. под председательством М. Ф. Андреевой («Жизнь искусства», 6 марта 1919 г.).

⁴⁶⁷ *Он был воздвигнут с поистине сказочной быстротой...* — Имеется в виду работа Андреевой по созданию своеобразного театра для массового празднества в честь открытия домов отдыха для трудящихся Петрограда. По этому поводу в газете «Вестник театра» была напечатана статья «Под открытым небом»: «Массовая постановка под открытым небом! Кто говорит, что задача не заманчивая, не острая, не увлекательная и не своевременная как раз сегодня, но в точно такой же мере задача трудная, опасная, скользкая, требующая изобретательности, оригинальности, “неповторности”. [...] “Блокада

России” — первое представление на амфитеатре, связанное с именами М. Ф. Андреевой как организатора постановки, С. Э. Радлова как автора сценария и режиссера постановки и художницы В. М. Ходасевич как ближайшего участника осуществления постановки. “Блокада России” оказалась такой удачной благодаря правильности подхода к теме, взятого Радловым, благодаря крайне удачному разворачиванию действия. [...] На амфитеатре было исключительно вдохновенно; казалось, что нет ни участвующих, ни зрителей, все слилось в едином волнении». — «“Самое главное — именно это наш новый театр, где нет личности, а действуют только массы, где нет индивидуума, а только многоликий коллектив” и т. д. до бесконечности. Такова оценка критиков, посвятивших массовым постановкам много статей» («Вестник театра», 22 октября 1920 г.)

И. И. Комаровская

ГОДЫ ДРУЖБЫ

⁴⁶⁸ Комаровская Надежда Ивановна, окончив школу Московского Художественного театра, начала свой творческий путь драматической актрисы в Киеве. Затем играла в Москве в театре Корша, в Малом и Камерном театрах. В 1919 г. Н. И. Комаровская вступила по приглашению Андреевой в труппу Большого драматического театра. В этом театре она занимала положение ведущей актрисы и являлась членом Художественного совета. Первая роль Комаровской в БДТ — Эмилия в спектакле «Отелло».

В 1929 г. за выдающиеся заслуги в развитии советского искусства Н. И. Комаровской было присвоено звание заслуженной артистки РСФСР.

⁴⁶⁹ ... *задались целью создать молодежный театр Революции...* — В Архиве Наркомпроса сохранилась записка, посланная Комаровской по этому поводу Луначарскому: «Уважаемый Анатолий Васильевич! Будьте добры, назначьте мне время, чтобы поговорить с Вами о нашем уже сложившемся театральном плане; очень нужен Ваш художественный совет. С уважением И. Комаровская. 15 марта 1919 г.» (ЦГАОР, ф. 2306, оп. 2, д. 358).

Лев

Никулин

ТОВАРИЩ АНДРЕЕВА

⁴⁷⁰ ... *я знал замечательный портрет Репина...* — Имеется в виду портрет М. Ф., являющийся ныне собственностью семьи И. М. Москвина. И. Е. Репин знал Марию Федоровну с детства и, как вспоминает об этом Т. Л. Щепкина-Куперник, он «писал и рисовал М. Ф., когда ей было восемь лет, десять, двенадцать... Когда ей было пятнадцать лет, он делал с нее донну Анну — для иллюстрации к “Каменному гостю” Пушкина. Последний ее портрет он написал в 1905 году в Финляндии. У М. Ф. с сестрой была дача в Финляндии, там же, где и репинские Пенаты. Там жил и работал Горький. Соседи и старые знакомые часто виделись, и Репин взялся писать портрет М. Ф. маслом» (Т. Л. Щепкина-Куперник, О Репине и его некоторых моделях, в сб. «Художественное наследство. Репин», т. II, М.-Л., 1949, стр. 276). Тогда же Репин приступил к написанию совместного портрета Горького и М. Ф. Андреевой.

⁴⁷¹ ... *Андреева была одним из основателей петроградского Военно-*

театрального комитета... — Имеется в виду комитет, организованный на основании приказа по Петроградскому военному округу. В задачи его входило: составление репертуара, устройство концертов и спектаклей для Красной Армии, организация показательных театральных студий («Красная газета», 2 марта 1920 г.). См. об этом [воспоминания Е. М. Кузнецова](#).

Н. Ф. Монахов

[ОСНОВАТЕЛЬНИЦА БОЛЬШОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА]

⁴⁷² Воспоминания Н. Ф. Монахова даются в извлечениях по его книге «Повесть о жизни», Л.-М., 1961.

⁴⁷³ ... я поехал в Москву с мандатом от Отдела театров и зрелищ... — Упоминаемый мандат за подписью М. Ф. Андреевой экспонируется в музее БДТ им. М. Горького, текст его воспроизводим: «30 октября 1918 г. Петроград. Удостоверение. Дано сие в том, что главный режиссер “Особой Драматической труппы” Отдела театров и зрелищ Союза коммун Северной области Николай Федорович Монахов уполномочен Отделом театров и зрелищ на ведение в Москве переговоров с артистами на предмет приглашения их на службу в означенную труппу и заключения предварительных условий. Комиссар Мария Андреева».

⁴⁷⁴ ... с визитом у основательницы Большого драматического театра М. Ф. Андреевой... — Имеется в виду посещение Андреевой в Москве, связанное с 15-летием Государственного Большого драматического театра имени М. Горького, которое отмечалось 12 марта 1934 г. Почетным председателем юбилейного комитета был А. М. Горький, членами его — К. С. Станиславский, М. Ф. Андреева и представители от театральной и советской общественности.

Приводим краткие воспоминания Е. А. Желябужской о совместной работе и встречах Монахова и Андреевой до революции и об исполнении М. Ф. роли Дездемоны в упоминаемом Монаховым спектакле «Отелло».

«В сезоне 1913/14 года моя мать — М. Ф. Андреева — входила в состав труппы Свободного театра, художественным руководителем которого был К. А. Марджанов. Планы театра были самые широкие, намечалось ставить драму, комедию, трагедию, оперетту, даже пантомиму. Первое ее выступление предполагалось в роли Катарины в “Укрощении строптивой” Шекспира. Роль Петруччо должен был играть Н. Ф. Монахов. Собственно говоря, Николай Федорович только затем и пошел в Свободный театр, в который, если не ошибаюсь, он вложил и свои средства, чтобы осуществить заветную мечту уйти с опереточной сцены. Роль Петруччо, персонажа высокой комедии, он избрал как переходную к ролям драматического репертуара.

Но комедия Шекспира так и не увидела света ramпы в Свободном театре. Дело не дошло даже до репетиций, были только считки сцен Петруччо с Катариной у нас на дому. Считки проходили без грима, без мизансцен, но это было так весело, так живо, так молодо, так ново! Мы с Николаем Александровичем Румянцевым (администратором МХТ) подавали реплики за других персонажей. Часто мы забывали подать ту или иную реплику, слушая их. Толкование пьесы было совсем иным, чем общепринятое: не “укрощение”, а

веселая “игра” двух молодых, остроумных, нравящихся друг другу людей.

Николай Федорович приходил к нам почти всегда, когда не был занят на репетициях “Сорочинской ярмарки”.

Свободные вечера мама использовала, чтобы бывать в театрах и концертах. Одно посещение оперы осталось особенно памятным благодаря тому, что последовало за ним. Шел дневной спектакль “Севильский цирюльник” с участием Шаляпина, причем во втором действии, перед арией о клевете, в зал вдруг дали полное освещение. Впоследствии выяснилось, что свет дали по просьбе Федора Ивановича, который был в тяжелом настроении. Темный провал зала с неопределенными пятнами лиц нервировал его. При свете его ободряло и поддерживало выражение лиц зрителей, особенно таких друзей, как мама. Мы с ней сидели в одном из первых рядов.

Спектакль был парадный, съехалась “вся Москва”, светская, чиновная, купеческая: дамы в дорогих туалетах сверкали бриллиантами. Мама была в простом платье из белого шифона, падающего свободными складками, как туника. Без всяких бриллиантов и мехов, она выделялась среди этих разряженных дам — так прекрасно и одухотворенно было ее лицо, обаятельна улыбка и взгляд ее ореховых глаз.

Поело спектакля по приглашению Федора Ивановича мы пошли обедать в “Метрополь”, в один из отдельных кабинетов. Нас было шестеро: Федор Иванович и Николай Федорович с женами, мама и я. Говорили, конечно, Шаляпин, Монахов и мама; мы же трое, особенно я, были на ролях немых статистов.

С тех пор прошло сорок пять лет, и я, конечно, не помню точно, как шел разговор, но сущность его, его основной смысл навсегда остался у меня в памяти.

Федор Иванович, гордость русского искусства, гениальный певец, равного которому не было и нет, и Николай Федорович, также достигший высшего положения в своей области искусства, горько жаловались на то, что они не могут работать в полную меру своих творческих сил. Федора Ивановича сковывали тесные рамки императорской сцены, Николая Федоровича — глупость и пошлость оперетты.

Федор Иванович — как и большинство певцов — всегда боялся потерять голос и мечтал попробовать свои силы в драме. Сочувствуя ему всей душой, мама, однако, относилась несколько скептически к возможности такого перехода с оперной сцены на драматическую. Она считала, что Федору Ивановичу всегда будет мешать привычка к медленным и ритмическим движениям, к связанности жеста с музыкой.

Это мнение я слышала от нее неоднократно впоследствии, а в тот вечер она, чуткая и отзывчивая, сочувственно говорила о мечте Федора Ивановича, намечала с ним роли и образы, которые он мог бы создать в драме. Но куда же перейти? Нет такого театра, где бы Шаляпин мог играть те роли, которые ему созвучны, создавать те образы, которые он вынашивал в душе.

Николай Федорович жаловался на то, что вынужден тратить свои силы на пошлость. В Свободном театре он надеялся создать что-либо более высокое, а

приходится играть опять в оперетке, опять комическую роль, хотя и в “Сорочинской ярмарке”:

— Нет театра, негде играть!

И вот тогда, мне кажется, впервые зародилась идея театра трагедии, театра высокой романтической драмы, театра, который должен был учить и воспитывать зрителя, нести ему лишь самые высокие образцы драматической литературы.

Николаю Федоровичу удалось осуществить свои планы, когда был создан (в советские годы) Большой драматический театр, ныне носящий имя Алексея Максимовича. Федор Иванович так и умер, не осуществив своей мечты, а мог бы.

К сожалению, я теперь не могу уже восстановить более подробно разговор в “Метрополе”. Помню только впечатление, потрясшее меня, тогда совсем юную девушку, когда эти два “любимца публики”, достигшие вершин, каждый в своей области, по выражению мамы, буквально “выпи волками”, проклиная безвременье русской сцены в предреволюционной России.

* * *

Говоря о толковании мамой ролей, мне кажется, в первую очередь следует отметить, что все ее героини — живые, живо чувствующие и глубоко переживающие женщины. Ее толкование ролей классического репертуара более близко к современному, чем других актрис ее времени, так как сама она далеко ушла вперед.

Дездемона, в толковании мамы, была живая, страстная итальянка, чистая, горячо любящая и по-земному влюбленная в Отелло. Этот образ был понятен, ярок, более жизненный, более впечатляющий для живых людей, не эстетов.

Я была на спектакле “Отелло” в Большом драматическом театре, поставленном для какого-то профессионального союза, кажется текстильщиков. Театр был заполнен работницами — не нынешними советскими работницами, которые окончили среднюю школу, много читали и знают, для которых кино, театр, музеи не редкость; нет, это были по большей части неграмотные или в лучшем случае полуграмотные женщины в томных платках, многие уже пожилые или кажущиеся такими. Женщины, которые и слыхом никогда не слыхали ни о Шекспире, ни тем более о Венеции дожей. Но образ любящей и страдающей женщины был для них понятен, родной, свой.

Сидит рядом со мной такая работница, глаз не сводит со сцены, ее натруженная, морщинистая рука уголком головного платка вытирает слезы, чтобы не мешали смотреть, и она тихо причитает:

— Голубушка ты моя, ах, бедная ты моя, ну вот, всегда так нашей сестре бывает...

Дездемона, дочь Брабанцио, в исполнении мамы воспринималась этой пожилой работницей, прошедшей нелегкую, горестную трудовую жизнь, как родная сестра!

В театре плакали многие, особенно когда актриса своим чарующим голосом запела про “Ивушку, ивушку, иву”. Такая печаль, нежность, любовь звучали в

этом голосе, что, сознаюсь, я, которая подавала реплики маме, когда она учила эту роль, которая десятки раз слышала песню про ивушку, вдруг почувствовала, как спазм сжала горло и слезы невольно покатались из глаз.

К сожалению, мне не пришлось видеть маму в роли леди Макбет — меня в то время не было в Петрограде. Но об ее исполнении пишет в своих воспоминаниях Ю. М. Юрьев, игравший Макбета. Есть отзывы и других компетентных лиц.

Образ леди Макбет занимал маму еще с тех пор, когда, переехав из Тифлиса в Москву (в 1893 г.), она начала брать уроки сценического искусства у выдающейся актрисы Малого театра, тогда уже ушедшей на покой, Надежды Михайловны Медведевой.

Занятия происходили утром, и однажды, когда у Н. М. Медведевой как раз собрались ученицы, к ней приехала Мария Николаевна Ермолова, работавшая в то время над ролью леди Макбет. Роль давалась ей с трудом, Ермолова была недовольна собой и приехала просить совета и помощи у старшего товарища. Надежда Михайловна предложила ей прочесть сцену, когда леди Макбет пытается во сне смыть кровь с руки.

Мария Николаевна прочла — Надежда Михайловна молчит, качает головой.

Мария Николаевна прочла опять, иначе. Нет, не то. Прочла еще раз...

Вдруг Надежда Михайловна поднялась с кресла. — Да нет, Машенька, не то. Я объяснять-то не умею, ты смотри!

Взяла что-то в руки вместо подсвечника — и вдруг, на глазах потрясенных учениц, исчезла старая, грузная, накрашенная женщина — леди Макбет, сомнамбула, шла по комнате, тревожно потирая руку.

Прочла сцену — холодная дрожь волнения, говорила мама, пробежала по спине: так просто, так сильно, так страшно было исполнение.

Для мамы Н. М. Медведева на всю жизнь осталась образцом истинно проникновенного реалистического сценического искусства, одним из дорогих воспоминаний ее жизни». (Воспоминания написаны Е. А. Желябужской для настоящего сборника.)

Ю. М. Юрьев

[АНДРЕЕВА В РОЛИ ЛЕДИ МАКБЕТ]

⁴⁷⁵ В своих мемуарах («Записки», М., 1948) Юрьев несколько раз говорит об Андреевой актрисе, комиссаре театров. Нами взят из этой книги лишь фрагмент об их совместной игре в спектакле «Макбет». Для характеристики отношения Юрьева к Андреевой воспроизводим здесь еще один отрывок из его книги:

«Еще в первый сезон моего пребывания в Александринском театре, а именно в 1893 году, я не раз встречался с Марией Федоровной на интересных “субботниках” в доме ее отца Федора Александровича Федорова-Юрковского, тогда главного режиссера Александринского театра. Мария Федоровна, если не ошибаюсь, еще не была тогда профессиональной артисткой, а только пробовала свои силы в спектаклях Московского Общества искусства и литературы — своего рода *alma mater* Константина Сергеевича Станиславского. Когда же организовался Московский Художественный театр, она вступила в его труппу и, обладая прекрасными сценическими данными и большой общей культурой,

заняла там весьма видное положение. Но, увлеченная Алексеем Максимовичем Горьким, она покинула сцену и вместе с Горьким уехала за границу.

В продолжение всего этого периода мне не приходилось с нею встречаться, и только спустя много лет, весной 1918 года, я случайно повстречался с Марией Федоровной на Невском, близ Публичной библиотеки... В беседе с М. Ф. Андреевой речь зашла и о нашем только что прошедшем в цирке “Царе Эдипе”. И я тут же поведал ей о дальнейших моих планах создания “Театра трагедии”. М. Ф. Андреева в высшей степени заинтересовалась идеей проектировавшегося мною театра, и мы сами того не заметили, как, стоя среди снующей взад и вперед толпы, проговорили с ней на эту тему, пожалуй, никак не менее получаса.

Нельзя сказать, чтоб место для нашего разговора было очень подходящее, — и мы решили продолжить нашу беседу уже не на ходу, чтоб более подробно ознакомить М. Ф. Андрееву с тем, как я представляю себе в перспективе будущее театра и что я намерен предпринять для реализации его. Для этой цели М. Ф. Андреева пригласила меня к себе — было решено встретиться в ближайшие дни.

... При первой же встрече с М. Ф. Андреевой на Невском по нескольким заданным ею вопросам я понял, что она нащупывает реальную почву для задуманного мною театра, и почувствовал, что ей далеко не чужды организаторские способности, что вскоре же, будучи назначенной заведующей Петроградским театральным отделением Комиссариата просвещения, она блистательно и доказала, имея в своем ведении все театры Петрограда (за исключением трех академических, которыми в то время руководил И. В. Экскузович)».

Н. В. Петров

В ПАМЯТИ СЕРДЦА

⁴⁷⁶ В годы гражданской войны Петров был связан с Андреевой по работе в театре. Сохранилось удостоверение, выданное 7 декабря 1918 года Марией Федоровной Петрову в том, что он назначается инструктором «по организации и инспектированию театрального дела на территории Олонецкой губернии». У бывшего секретаря А. В. Луначарского Ю. Н. Гинзбург имеется записка Андреевой: «Родная моя, милая девочка Юна! Посылаю Вам на попечение Николая Васильевича Петрова. Помогите ему чем только можно. Напишите мне, как идут у Вас дела. О наших расскажет Н. В. Целую Вас неясно. Ваша М. А. 16/VIII-919». У Н. В. Петрова хранится, как память о совместной работе с Андреевой, ее фотография в роли графини де Бюри в пьесе «Дантон» М. Левберг с надписью: «Милому товарищу по сцене Николаю Васильевичу Петрову на добрую память о Марии Андреевой. 23/X-919 г.»

⁴⁷⁷ ... готовилась грандиозная массовая постановка... — Речь идет о постановке, состоявшейся 19 июня 1920 г. В «Петроградской правде» 7 июля 1920 г. было объявлено, что для осуществления постановки в честь Второго конгресса III Интернационала образована комиссия пяти под председательством М. Ф. Андреевой. Из информации петроградских газет известно также, что «для составления проекта сценария и инсценировки» привлекались: Горький,

Блок, Шаляпин, Юрьев, Максимов, Эскузович, Глазунов, Купер, Бенуа, Гинцбург, Щуко и другие.

П. С. Заславский

Я УЗНАЛ О НЕЙ В НАРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ

⁴⁷⁸ Заславский Петр Савельевич — член КПСС с 1905 г., активный участник первой русской революции; неоднократно арестовывался, сидел в тюрьмах и высылался в Нарымский край и Вологодскую губернию. После Октябрьской революции — на руководящей работе в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске и других крупных городах. Ныне — персональный пенсионер.

Н. А. Луначарская-Розенель

ЖЕНЩИНА БОЛЬШОЙ СУДЬБЫ

⁴⁷⁹ Луначарская-Розенель Наталья Александровна — драматическая актриса, жена А. В. Луначарского. С 1921 г. работала в Центральном театре для детей и в студии им. А. М. Горького; с 1923 по 1939 г. — в Малом театре, одновременно снималась в фильмах: «Месс-Менд», «Медвежья свадьба», «Саламандра», в двух фильмах в Германии и др. В ее переводах шли пьесы: «Перед заходом солнца» Гауптмана, «Где зарыта собака» Б. Франка, «Кто убил» Л. Вернейля.

М. Н. Алейников

ЕЩЕ ОДНА ГРАНЬ

⁴⁸⁰ Алейников Моисей Никифорович — старейший деятель дореволюционного и советского кино.

Воспоминания М. Н. Алейникова посвящены не исследованной до настоящего времени работе М. Ф. Андреевой в области развития советского кино.

⁴⁸¹ ... *негативы фильмов художественного коллектива «Русь»...* — Речь идет о фильмах коллектива, возникшего на базе кинофабрики М. С. Трофимова «Русь». После национализации кинопромышленности Наркомпрос передал фабрику коллективу ее сотрудников, в состав правления входили: М. Н. Алейников, Ю. А. Желябужский, А. А. Санин, Н. Е. Эфрос.

⁴⁸² ... *приглашение от фирмы Тиман и К^о сниматься.* — Речь идет о первом выступлении Андреевой в качестве киноактрисы. В своих воспоминаниях народный артист СССР В. Р. Гардин, характеризуя тяжелое состояние кинопроизводства (1915 – 1916), пишет: «Не помогла широковещательная реклама о постановке “Евгения Онегина”, не выручал и мистический репертуар: “Цветы неба и земли”, “Сильный человек” Пшибышевского. Лишь выступление на экране в фильме “Ничтожные” по роману Нагродской, артистки Художественного театра Марии Федоровны Андреевой смогло заинтересовать широкие круги московского театрального зрителя.

Знакомство с ней оставило в моей памяти прочный след. Я не встречал в своей жизни более простой, общительной и умной собеседницы. Не говоря уже о театральных делах, М. Ф. Андреева была в курсе всех политических событий. Совместная жизнь с Алексеем Максимовичем дала ей большую эрудицию в литературоведении. Почти не было такого вопроса, который Мария Федоровна Андреева не могла бы всесторонне осветить. Кинематография заинтересовала

ее как искусство будущего» (В. Р. Гардин, Воспоминания, т. 1, 1912 – 1921, М., 1949, стр. 123).

⁴⁸³ ... вместе с ней в ателье Тимана начинает работать ее сын Юрий... — Ю. А. Желябужский участвовал как кинооператор в съемках фильма «Ничтожные» (по роману Е. А. Нагродской «Борьба микробов»), в котором Мария Федоровна исполняла главную роль. По окончании съемок фильма Желябужский писал матери 29 мая 1916 г.: «“Микробов” мы кончили. Видел я все негативы, ты вышла хорошо как с фотографической точки зрения, так и со стороны игры» (Архив А. М. Горького).

Мария Федоровна живо интересовалась творческой деятельностью сына. Вспоминая о том, как Ю. А. Желябужский демонстрировал одну из первых своих работ (фильм о разработке торфа) в присутствии Ленина и давал объяснения по фильму, она писала Н. Е. Буренину: «Владимир Ильич остался очень доволен выступлением Юрия и, проходя мимо меня, весело мне шепнул: “А?! Юрий-то наш — каково?!”» (Архив А. М. Горького).

А. М. Деборин

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

⁴⁸⁴ Деборин Абрам Моисеевич — советский философ и историк, академик, многие годы член Президиума Академии наук СССР. Из сохранившихся у Деборина писем Андреевой видно, что их связывала дружба, сложившаяся в годы работы Марии Федоровны в Доме ученых.

⁴⁸⁵ Из ее писем ко мне видно, как тяжело она переживала вынужденный отъезд. — И в письмах к другим лицам, посланных из Казахстана в годы Великой Отечественной войны, М. Ф. также говорила о своем стремлении выбраться из далекого тыла в Москву, где она могла бы отдать свои силы большому делу. В частности, в письме к одному из старейших членов Коммунистической партии М. Л. Сулимовой находим такие строки:

«Дорогая Мария Леонтьевна! Давно уже собираюсь написать Вам это письмо и все откладывала его, так как уж очень тяжело у меня на душе и не с кем мне поговорить, не с кем поделиться думами моими. Поймете ли Вы меня? Дойдет ли до Вас написанное короткими словами, так много передуманное и мучительно пережитое? Хочется верить и надеяться, что дойдет.

... Трудно мне было уехать из Москвы, ох как трудно! Мучительно ехать было, не трудно, ехали эшелоном и люди в пути, не знаю почему, трогательно заботились обо мне, — но мучительно душевно! Жить здесь также мучительно было, есть и будет, пока не вернусь в Москву, какие бы окружающие условия ни были.

Делала и делаю все, что могу, чтобы не прожить и здесь впустую, но все это суррогат. Понимаете? Оттого я и похудела на 24 кило, даже больше, и все худею, стала совсем старухой, мало на себя похожей. Смешно говорить об этом в такие годы, как мои, но Вы поймете, что состарили меня не годы, а то, что я в далеком тылу...

... Будьте здоровы, друг мой и старый товарищ Мария Леонтьевна!» (7 июня 1942 г. Боровое. Письмо хранится у адресата).

Таким же настроением проникнуто письмо М. Ф. работнику Дома ученых

К. К. Борелю: «Хотелось бы поскорее быть в Москве на работе! Здесь не сижу, конечно, без дела, но ах как трудно мне сидеть в тылу!» (16 апреля 1942 г. Боровое. Письмо хранится у адресата).